Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Белгородский государственный национальный
исследовательский университет»

КЛАССИЧЕСКАЯ И ВИЗАНТИЙСКАЯ ТРАДИЦИЯ. 2018

Сборник материалов XII научной конференции

Белгород 2018

УДК 03.09.23
ББК 63.3 (0) 3
К 79

Рекомендован к изданию редакционно-издательским советом Педагогического института НИУ «БелГУ» (протокол № 3 от 20.11.2018).

Ответственный редактор:
д.и.н. *Н.Н. Болгов*.

Рецензенты:
С.В. Ярцев, доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории и археологии ФГБОУ ВО «Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого»;

И.В. Зайцева, кандидат исторических наук, ст. преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин ФГКОУ ВО «Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина»

К 79 **Классическая и византийская традиция. 2018:** сборник материалов XII научной конференции / отв. ред. Н.Н. Болгов. – Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2018. – 472 с.

ISBN 978-5-9571-2667-6

В настоящее издание вошли материалы XII ежегодной научной конференции, проведенной кафедрой всеобщей истории Белгородского государственного национального исследовательского университета 13 октября 2018 г. Среди авторов сборника – начинающие ученые, аспиранты и студенты, работающие в русле научного направления «Классическая и византийская традиция», а также ученые-специалисты. Книга может быть полезной всем, кто изучает проблемы античной и византийской истории и культуры.

В сборник также вошли материалы научного семинара «Археология Восточного Крыма» (Москва, 2018), научно-практического семинара «История в зеркале художественной литературы», новые переводы источников и материалов, хроника научных событий и другие материалы.

УДК 03.09.23
ББК 63.3 (0) 3

ISBN 978-5-9571-2667-6

СОДЕРЖАНИЕ

XII НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «КЛАССИЧЕСКАЯ И ВИЗАНТИЙСКАЯ ТРАДИЦИЯ»

13 октября 2018 г. на историко-филологическом факультете НИУ «БелГУ» прошла XII научная конференция для студентов, аспирантов и молодых учёных «Классическая и византийская традиция – 2018», собравшая как начинающих, так и более опытных исследователей из Белгорода, Москвы, Тулы, Смоленска, Саратова и Севастополя.

На пленарном заседании было рассказано об итогах работы в направлении классических исследований за прошедший год. Были намечены планы научного направления и кафедры на будущее.

В 2018 г. в рамках научного направления продолжилась системная научно-исследовательская работа. Было защищено три кандидатские диссертации (Андрей Курбанов, Дмитрий Богданов, Ярослав Манохин), защита Евгения Гущина назначена на 20 декабря; проведена III историко-археологическая школа в Армении, II всероссийская школа молодых ученых по византологии, I летняя археологическая школа на Кипре, прошел сезон античных археологических экспедиций (Китейская экспедиция, ВКАЭ).

Данным научным направлением продолжает заниматься новое поколение студентов и аспирантов. В аспирантуру поступили Марина Лопатина, Юрий Бузанаков, Никита Богомаз.

Новыми магистрантами стали Екатерина Родина, Владимир Кириллов, Диана Рамбаусик, Влад Кушниров. Студенты 1 и 2 курсов начали активную научно-исследовательскую работу.

В 2018 г. были организованы и проведены традиционные ежегодные научные и научно-практические конференции «Художественная литература по истории», «Белгородский диалог» (ряд секций), «Археологический сезон – 2018», «Мой мир – моя история», «Славные даты года», «Путешествие в античность и Средневековье».

Студенты, аспиранты, преподаватели приняли участие в ряде всероссийских и международных научных конференций, подготовили ряд публикаций.

На заседаниях секций конференции КВТ–2018 были представлены доклады по различной тематике. Они охватывали обширный период истории античности и раннего средневековья. Участники представили результаты своих изысканий, а слушатели смогли получить ответы на интересующие их вопросы.

Н.Н. Болгов, С.А. Ткаченко, К.А. Беседина

АРХЕОЛОГИЯ ВОСТОЧНОГО КРЫМА[1]

Материалы научного семинара в Институте археологии РАН (Москва, 10 апреля 2018 г.)

ОХРАННО-СПАСАТЕЛЬНЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА СЕЛЬСКОЙ ОКРУГЕ НИМФЕЯ И ПАНТИКАПЕЯ В 2016–2017 ГГ.

В.Н. Зинько, А.В. Зинько (Симферополь-Керчь)

В статье представлены результаты охранно-спасательных археологических исследований в окрестностях г. Керчи на сельских территориях античных городов Нимфей и Пантикапей. К югу от Нимфея под трассу газопровода раскапывалась северная окраина античного поселения Тобечик 8, где выявлены 9 хозяйственных ям с керамическим материалом последней трети VI–V вв. до н.э. В западной части нимфейской хоры по трассе газопровода были раскопаны два кургана, погребения в которых датируются XV–VI вв. до н.э. Исследованные комплексы позволяют несколько уточнить историю греко-варварских взаимоотношений накануне и в ранний период греческой колонизации в окрестностях Нимфея. В западной части хоры Пантикапея проводились раскопки на месте античного надела, где вместо курганов были выявлены остатки каменных оград и татарская постройка XIX – первой половины XX вв.

Ключевые слова: Боспорское царство, поселение, надел.

В течение 2016–2017 гг. проводились охранно-спасательные исследования археологических объектов, расположенных в ближайших окрестностях г. Керчи на сельской округе античных городов Нимфей и Пантикапей. Так, в мае–октябре 2016 г. велись раскопки на античном поселении Тобечик 8 (южная часть сельской округи Нимфея), которое попало в зону строительства магистрального газопровода. Это поселение, однако, под другим названием – «поселение Тобечик 5», было нанесено на карту трассы газопровода в ходе разведок в 2015 г. Было сделано заключение, что поселение многослойное, и трасса газопровода проходит «прямо по его центральной части». Судя по Отчету, «основной базой источников служила археологическая карта Крыма С.Л. Смекалова», на основании которой исполнители разведок и дали наименование обследованному участку «поселение Тобечик 5». Однако, поселение Тобечик 5 расположено в 1 км к северу от места сбора

[1] С любезного согласия организаторов семинара в ИА РАН мы публикуем его материалы в нашем ежегодном издании.

керамики в 2015 г. в центральной части с. Челядиново[1]. Представленная Заказчиком план-схема расположения «поселения Тобечик 5» не соответствует действительному расположению поселения Тобечик 8. Намеченные в 2015 г. границы поселения лишь в какой-то степени соответствуют ареалу распространения перемещенной при пахоте керамики с территории соседнего поселения Тобечик 8. Это подтверждают и сделанные при разведках 2015 г. шурфы № 43–46. Лишь в шурфе № 46, который расположен на северной окраине поселения Тобечик 8, был выявлен культурный слой, а в остальных – «археологических находок не было». Поэтому трасса газопровода проходит не по центральной части «поселения Тобечик 5», как предполагал Заказчик, а только задевает северную окраину поселения Тобечик 8, которое было картографировано В.Н. Зинько в 1995 г. и затем опубликовано. Все это подтвердилось и результатами наших раскопок.

Общая протяженность участка раскопок на северной окраине поселения Тобечик 8 по трассе газопровода составила 275 м при ширине 15 м. Таким образом, охранно-спасательные исследования были проведены на 165 квадратах общей площадью 4125 м². В ходе раскопок были выявлены две группы хозяйственных ям с фрагментами керамики второй половины VI–V вв. до н.э. При раскопках в квадратах № 11–13 на поверхности материка были выявлены 6 хозяйственных ям, одна из которых, яма № 5, частично перекрывалась бровкой между квадратами.

Хозяйственная яма № 1 была выявлена в южном углу квадрата №11 по темному пятну заполнения. Яма в разрезе имела цилиндрическую форму, несколько расширяющуюся к низу, и частично была выкопана в материке. Верхняя часть ямы разрушена при плантажной вспашке. В плане яма имела овальную форму, размерами 1,02–1,10 м. Дно зафиксировано на отметке -2,36 м. Глубина ямы – 0,74 м, диаметр дна ямы – 1,24 м.

Яма была заполнена золистым светло-коричневым грунтом, с включением большого количества фрагментов керамики, а также обломков костей животных и раковин. В заполнении ямы был обнаружен археологический материал, представленный 124 фрагментами керамики, которые в количественном и процентном соотношении распределяется следующим образом: транспортная тара – 112 фрагментов (90,32 %), столовая посуда – 1 фрагмент (0,81 %), лепная керамика – 11 фрагментов (8,87 %). Также был найден большой фрагмент камен-

[1] *Scholl T., Zin'ko V.* Archaeological map of Nymphaion (Crimea). Warsaw, 1999. P. 58, fig.84; *Зинько В.Н.* Хора боспорского города Нимфея // Боспорские исследования (далее БИ). Вып. IV. Симферополь-Керчь, 2003. С. 209, 246.

ного терочника из плотного песчаника, 18 раковин моллюсков – мидий и 125 обломков костей животных.

Транспортная керамика представлена фрагментами профильных частей и стенок лесбосских красноглиняных, пухлогорлых хиосских и фасосских амфор пифоидного типа, относящихся к концу VI–V вв. до н.э. Столовая керамика представлена фрагментом стенки буролакового кубка последней четверти VI – начала V вв. до н.э. Лепная керамика – фрагментами 3-х венчиков горшков, у одного из которых под венчиком сохранился орнамент в виде круглых вдавлений. Судя по фрагментам амфор и кубка, яму № 1 можно датировать последней четвертью VI–V вв. до н.э.

Хозяйственная яма № 2 была выявлена в восточном углу квадрата № 11. Яма в разрезе имела цилиндрическую форму и частично была выкопана в материке. Верхняя часть ямы была разрушена при плантажной вспашке и не фиксировалась. Яма была круглой в плане, и ее диаметр составлял 0,87 м, дно зафиксировано на отметке -1,77 м. Глубина ямы – 0,15 м, диаметр дна ямы – 0,88 м. Яма была заполнена золистым светло-коричневым грунтом, с включением небольшого количества фрагментов керамики, а также 62 обломков костей животных. Археологический материал, обнаруженный в заполнении ямы, был представлен 31 фрагментом керамики и распределялся следующим образом: транспортная тара – 29 фрагментов (93,55 %), лепная керамика – 2 фрагмента (6,45 %). Транспортная керамика была представлена фрагментами ручек и стенок лесбосских красноглиняных и фасосских амфор, относящихся к концу VI–V вв. до н.э. Лепная керамика была представлена фрагментами 2 стенок лепных горшков. Судя по фрагментам амфор, яму № 2 можно датировать концом VI–V вв. до н.э.

Хозяйственная яма № 3 была выявлена в западном углу квадрата № 12. Яма в разрезе имела цилиндрическую форму и частично была выкопана в материке. Яма, круглая в плане, имела диаметр 1,37 м, её дно, зафиксированное на отметке -1,88 м, было ровным и имело диаметр 1,37 м. Глубина ямы 0,22–0,23 м. Яма была заполнена золистым светло-коричневым грунтом с включением небольшого количества фрагментов керамики, а также 1 обломка кости животного. В заполнении ямы был обнаружен археологический материал, представленный 9 фрагментами керамики. Транспортная керамика была представлена фрагментами стенок амфор, относящихся к классическому времени. Лепная керамика – фрагментами 2-х стенок горшков. Судя по находкам, яму № 3 следует датировать в пределах довольно большого промежутка времени, но учитывая, что она находится в одном горизонте с близлежащими ямами, ее предварительно можно отнести к концу VI–V вв. до н.э.

Хозяйственная яма № 4 была выявлена в северном углу квадрата № 12. Яма в разрезе имела цилиндрическую форму и была выкопана в материке. Верхняя часть ямы была разрушена при плантажной вспашке и не фиксировалась. Нижняя часть ямы в плане имела овальную форму размерами 1,14–1,24 м. Глубина ямы 0,13–0,14 м, дно ровное. Яма была заполнена золистым светло-коричневым грунтом с включением небольшого количества фрагментов керамики, а также 39 обломками костей животных. В заполнении ямы было обнаружено 65 фрагментов керамики, которые распределяются следующим образом: транспортная тара – 56 фрагментов (86,15 %), лепная керамика – 9 фрагментов (13,85 %). Транспортная керамика представлена фрагментами венчиков и ручек, а также стенок (44 фр.) лесбосских красноглиняных, хиосских пухлогорлых, фасосских и синопских амфор, относящихся к концу VI–V вв. до н.э. Лепная керамика представлена 7 фрагментами стенок и 2 фрагментами доньев горшков. Судя по фрагментам амфор, яму № 4 можно датировать концом VI–V вв. до н.э.

Хозяйственная яма № 5 была выявлена у юго-восточной бровки квадрата № 12. Яма в разрезе имела цилиндрическую форму и была частично выкопана в материке. Нижняя часть ямы в плане имела овальную форму размерами 1,28–1,39 м. Глубина ямы – 0,18 м, дно ровное. Яма была заполнена золистым светло-коричневым грунтом, с включением небольшого количества фрагментов керамики, а также обломка каменного лощила. В заполнении ямы было обнаружено 28 фрагментов керамики, которые распределяются следующим образом: транспортная тара – 20 фрагментов (71,43 %), лепная керамика – 8 фрагментов (28,57 %). Транспортная керамика представлена фрагментами ручки амфоры Фасоса, а также 19 фрагментами амфорных стенок. Лепная керамика представлена 7 фрагментами стенок и 1 фрагментом дна горшка. Судя по фрагментам амфор, яму № 5 можно датировать V в. до н.э.

Хозяйственная яма № 6 была выявлена в южном углу квадрата № 13. Яма в разрезе имела трапециевидную форму, несколько расширяющуюся к низу, и была выкопана в материке. Устье ямы было овальным размерами 1,07–1,12 м. Глубина ямы – 0,46 м, диаметр дна ямы – 1,41 м. Яма была заполнена золистым светло-коричневым грунтом, с включением большого количества фрагментов керамики, а также обломков костей животных. Какие-либо прослойки и пятна в заполнении отсутствовали, лишь в придонной части лежал большой известняковый камень, две грани которого были тщательно отесаны.

В заполнении ямы был обнаружено 138 фрагментов керамики, которые распределяются следующим образом: транспортная тара – 110 фрагментов (79,71 %), столовая посуда – 1 фрагмент (0,72 %), леп-

ная керамика – 27 фрагментов (19,57 %). Также были найдены 36 обломков костей животных. Транспортная керамика представлена фрагментами профильных частей и стенок мендейских, лесбосских красноглиняных и фасосских амфор, относящихся к концу VI–V вв. до н.э. Столовая керамика представлена фрагментом дна чернолакового аттического кубка последней четверти VI – начала V вв. до н.э. Лепная керамика представлена 26 фрагментами стенок и 1 фрагментом дна горшка. Особо следует отметить обломок каменного терочника из плотного песчаника и небольшой фрагмент сильно корродированного бронзового браслета. Судя по фрагментам амфор и кубка, яму № 6 предварительно можно датировать концом VI–V вв. до н.э.

При раскопках в квадратах № 23–25 в зачистке поверхности материка были выявлены три ямы. *Хозяйственная яма № 7* была выявлена в квадрате № 23. Яма в разрезе имела цилиндрическую форму и частично была выкопана в материке. Яма, круглая в плане, имела диаметр 1,39 м. Ее дно имело диаметр 1,40 м и было зафиксировано на отметке -2,18 м. Глубина впущенной в материк части ямы – 0,23 м. Яма была заполнена золистым светло-коричневым грунтом с включением небольшого количества фрагментов керамики, а также 5 фрагментов костей животных.

В заполнении ямы было обнаружено 47 фрагментов керамики, которые распределяются следующим образом: транспортная тара – 30 фрагментов (63,83 %), столовая посуда – 2 фрагмента (4,26 %) и лепная керамика – 15 фрагментов (31,91 %). Транспортная керамика представлена в основном фрагментами стенок, а также венчиками лесбосской красноглиняной и мендейской амфор, относящихся к концу VI–V вв. до н.э. Столовая керамика представлена фрагментом ручки красноглиняного кувшина и небольшим фрагментом стенки чернолакового аттического килика конца VI – первой четверти V вв. до н.э. Лепная керамика представлена 15 фрагментами стенок горшков. Судя по фрагментам амфор, яму № 7 можно датировать концом VI – первой четвертью V вв. до н.э.

Хозяйственная яма № 8 была выявлена в восточном углу квадрата № 24. Яма была круглой в плане, и ее диаметр составлял 1,89 м. Борта ровные, дно вогнутое. Глубина ямы в центре – 0,55 м, у бортов – 0,25 м. Яма была заполнена золистым светло-коричневым грунтом с включением фрагментов керамики, а также 1 обломка печины и 3 фрагментов костей животных.

В заполнении ямы были обнаружены 60 фрагментов керамики, которые распределяются следующим образом: транспортная тара – 55 фрагментов (91,67 %), лепная керамика – 5 фрагментов (8,33 %). Транспортная керамика представлена в основном фрагментами стенок,

а также венчиками воронковидной и пухлогорлой хиосских амфор, на один из которых было нанесено черной краской дипинти в виде кольца; лесбосской красноглиняной амфоры; хиосской и мендейской амфорными ручками, а также ножкой амфоры Менды, относящимися ко второй половине VI–V вв. до н.э. Лепная керамика представлена большим фрагментом тулова горшка с венчиком с защипами по краю, венчиками горшков и закраиной миски. Судя по фрагментам амфор, яму № 8 можно датировать второй половиной VI–V вв. до н.э.

Хозяйственная яма № 9 была выявлена у северо-восточного борта квадрата № 25. Яма была круглой в плане, и ее диаметр составлял 1,32 м. Глубина ямы в центре – 0,55 м, у бортов – 0,25 м. Яма была заполнена золистым светло-коричневым грунтом, в котором встречено несколько больших фрагментов красноглиняной лесбосской амфоры и небольшие известняковые камни.

В заполнении ямы был обнаружен материал, представленный 5 фрагментами красноглиняной лесбосской амфоры: 2 фрагментами венчика с 2 ручками и 1 фрагментом дна. Эту амфору можно отнести к архаическому типу I-A, датируемому С.Ю. Монаховым второй половиной VI в. до н.э.[1], что позволяет датировать яму № 9 этим временем.

На основании проведенных исследований можно заключить, что поселение Тобечик 8 возникло не во второй половине V в. до н.э., как предполагалось ранее[2], а в последней трети VI в. до н.э. В то же время, северная граница поселения соответствуют границе, определенной исследователями еще в 1995 г. Здесь располагались комплексы хозяйственных ям, а южнее, ближе к берегу Тобечикского озера, часть которого в античное время была морским заливом, – жилые постройки.

На западной периферии Нимфейской хоры под трассу газопровода было исследовано 2 кургана: курган Приозерное 3 и курган Приозерное 4. Курганы находились на поле, поэтому из-за систематической распашки они практически не выделяются в рельефе местности.

Курган Приозерное 3 имел в плане форму овала, вытянутого с севера на юг, высота его сохранившейся насыпи 0,2–0,3 м, диаметр – 22 м. При раскопках была выявлена кольцевая оградка из валунов, в центре которой находился каменный ящик, грубо сложенный из необработанных известняковых камней. Кольцевая оградка, сложенная из необработанных известняковых валунов, сохранилась частично, на высоту одного камня. Её реконструируемый диаметр 5,05–5,10 м.

---

[1] *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье: типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. М.; Саратов, 2003. С. 48.

[2] *Зинько В.Н.* Указ. соч. С. 44.

Каменный ящик был ориентирован по оси восток–запад. Лишь восточная и западная торцевые стенки ящика были оформлены поставленными на ребро большими необработанными плитами известняка. Продольные – северная и южная – стенки каменного ящика были небрежно сложены из необработанных камней на высоту 1–3 камня. Внутренние размеры погребального сооружения составляли 1,29–1,35 м (север–юг) × 2,08–2,13 м (восток–запад). Пол погребального сооружения – предматериковая глина, на естественном микровозвышении которой и был сооружен каменный ящик.

При расчистке заполнения ящика было выявлено скорченное погребение на правом боку, от которого сохранились только кости ног. По определению антрополога Д.Ю. Пономарева, в ящике был погребен мужчина 20–30 лет. Погребение было ограблено. Аналогичные погребальные сооружения со скорченными костяками используются на территории Восточного Крыма в довольно длительном хронологическом отрезке: с периода поздней бронзы[1] до эллинизма[2]. Учитывая то, что в кургане Приозерное 3 был выявлен ящик без погребального инвентаря, его культурно-хронологическая атрибуция затруднительна. Однако, судя по конструкции, его можно отнести к погребальным сооружениям кизил-кобинского или восточно-крымского (айвазовского типа) населения.

Курган Приозерное 4 представлял собой погребальное сооружение с практически распаханной насыпью (высота 0,44 м) и каменной крепидой, реконструируемый диаметр которой около 28 м. При исследовании кургана было открыто 6 погребений, из которых 2 погребения – в ямах с каменным перекрытием в центре (М-2) и в южной поле (М-1) – являются основными. Оба погребения датируются временем поздней бронзы. Остальные 4 погребения располагались на юго-западном участке крепиды кургана и являются впускными. Три из них (М-4, М-5, М-6) относятся к эпохе поздней бронзы, а одно (М-3) датируется VII–VI вв. до н.э.

Погребение М-1 (основное) было выявлено в южной части кургана. Перекрытие грунтовой ямы состояло из 4 больших известняковых необработанных плит. Грунтовая яма размерами в плане 1,36×1,04 м и глубиной 0,75 м была ориентирована по оси восток–запад. На дне могилы, на пятне органического тлена, частично сохранились кости ребенка, посыпанные красной охрой. По

---

[1] *Тощев Г.Н.* Крым в эпоху бронзы. Запорожье, 2007. С. 180; *Колотухин В.А.* Поздний бронзовый век Крыма. Киев, 2003. С. 18–19.

[2] *Колотухин В.А.* Киммерийцы и скифы Степного Крыма. Симферополь, 2000. С. 64.

определению антрополога, его возраст – около 3 лет. Захоронение совершено на левом боку, головой на восток; ноги сильно согнуты. В районе кистей рук найден круглый каменный предмет – терочник, диаметром 7,3 см и толщиной 3,9 см. Терочники такой формы встречаются на поселениях поздней бронзы Крыма[1].

Погребение М-2 (основное) было выявлено под центральной бровкой кургана. Перекрытие грунтовой ямы состояло из трех больших известняковых необработанных плит. Погребальная яма размером в плане 2,32×1,39 м и глубиной 1,03 м была ориентирована по оси восток–запад. Могила была вырублена в материковом рыхлом слое известняка. На дне могилы на остатках деревянного настила частично сохранились кости взрослого человека, посыпанные красной охрой. Погребение совершено в вытянутом положении, на спине, головой на восток. Руки вытянуты вдоль туловища ладонями вниз, ноги вытянуты параллельно. У локтя левой руки погребенного лежал небольшой камень. По определению антрополога, в могиле был погребен мужчина 20–30 лет. Инвентарь в погребении отсутствовал. Это основное погребение в центре кургана предварительно можно датировать временем поздней бронзы.

Погребение М-3 (впускное) было выявлено непосредственно в дерново-гумусном слое по костям черепа. Заполнение и контуры могильной ямы, расположенной с внешней стороны каменной крепиды кургана в стратиграфическом разрезе центральной бровки, проследить не удалось. Это было захоронение взрослого человека, совершенное в вытянутом положении на спине, головой на запад. По определению антрополога, в грунтовой могиле был погребен мужчина 20–30 лет. Погребение безынвентарное, но в костях грудной клетки был найден бронзовый наконечник стрелы. Аналогичные бронзовые наконечники относятся А.И. Милюковой к I типу и датируются VII–VI вв. до н.э.[2]

В юго-западной части кургана у крепиды были исследованы еще три впускных погребения: М-4, М-5 и М-6.

Погребение М-4 (впускное) было выявлено с внутренней стороны каменной крепиды. Перекрытие ямы состояло из четырех больших известняковых необработанных плит. Грунтовая яма размером в плане 1,07 × 0,68 м и глубиной 0,75 м была ориентирована по оси восток – запад. На дне могилы в центральной и северной частях было расчищено пятно красной охры, на которой в северо-восточном углу могилы in situ лежал на боку раздавленный лепной горшок, а в северо-западном – 4 створки раковин с просверленными отверстиями.

---

[1] *Колотухин В.А.* Поздний бронзовый век Крыма… С. 44. Рис. 62.

[2] *Милюкова А.И.* Вооружение скифов. М., 1964. Рис. 22, Табл. 6.

Аналогичные горшки встречаются в погребениях эпохи бронзы в степном Крыму[1], а просверленные в верхней части створки морские раковины сердцевидки (Cardiidae) в древности составляли ожерелье. Костяк погребенного отсутствовал. Можно предположить, что погребальный комплекс представляет собой кенотаф.

Погребение М-5 (впускное) было выявлено среди камней крепиды. От перекрытия могильной ямы сохранилась лишь одна большая известняковая необработанная плита, перекрывающая одну треть ямы. Грунтовая яма размером в плане 2,03×1,28 м и глубиной до 0,66 м была ориентирована по оси СЗ – ЮВ. На месте ее сооружения камни крепиды кургана были с внешней стороны частично разобраны. На дне могильной ямы сохранились кости взрослого человека, посыпанные в районе черепа и грудной клетки красной охрой. По определению антрополога, погребенный – мужчина 40–49 лет. Захоронение совершено на левом боку, головой на юго-восток; ноги сильно согнуты в тазобедренных и коленных суставах, руки согнуты в локтях. Погребение безынвентарное.

Погребение М-6 (впускное) было выявлено с внешней стороны крепиды кургана. От перекрытия могильной ямы сохранились большие известняковые необработанные плиты. Грунтовая яма размерами в плане 1,74 × 1,41 м и глубиной до 0,62 м была ориентирована по оси СЗ – ЮВ. На месте ее сооружения камни крепиды кургана были с внешней стороны частично разобраны. Костяк погребенного отсутствовал. Погребальный инвентарь: лепной кубок с шаровидным туловом и округлым дном. Аналогичные кубки встречаются в Крыму в погребальных комплексах времени поздней бронзы[2].

Исследованные комплексы позволяют несколько уточнить историю греко-варварских взаимоотношений накануне и в ранний период греческой колонизации в окрестностях Нимфея.

Осенью 2017 г. были проведены охранно-спасательные раскопки курганной группы Октябрьского Юго-западное I (курганы 1–3) в рамках реализации проекта «Строительство железнодорожных подходов к транспортному переходу через Керченский пролив». В ходе работ было установлено, что участок территории, на котором, по заключению разведки 2015 г., располагалось 3 кургана IV в. до н.э., представляет собой античный сельскохозяйственный надел, предварительно датируемый концом VI–III вв. до н.э. Каких-либо погребальных сооружений здесь выявлено не было. На месте предполагаемых курганов № 1 и № 2 были исследованы лишь сильно разрушенные остатки

[1] *Тощев Г.Н.* Указ. соч. Рис. 13.1.

[2] *Колотухин В.А.* Поздний бронзовый век Крыма… Рис. 61, 4–7.

каменных оград, и в верхнем слое встречено незначительное количество фрагментов античных амфор, которые представлены обломками ножек, ручек и стенок амфор конца VI–III вв. до н.э. Все они носят следы неоднократного перемещения во время пахоты. На месте предполагаемого кургана № 3 располагалась небольшая татарская сырцово-каменная постройка XIX – первой половины XX в.

В середине прошлого века в этом районе И.Т. Кругликова исследовала следы каменных стен, выступающие над поверхностью почвы, и предположила, что здесь были и другие подобные участки, возможно, наделы граждан Пантикапея[1]. Полученные в результате наших работ скудные материалы дают дополнительные данные о хоре Пантикапея в античную эпоху.

SECURITY AND RESCUE ARCHAEOLOGICAL RESEARCH IN THE RURAL DISTRICT OF NYMPHAION AND PANTIKAPAION IN 2016-2017

V.N. Zin'ko, A.V. Zin'ko (Simferopol-Kerch)

The article presents the results of conservation and rescue archaeological research in the vicinity of Kerch in the rural areas of the ancient cities of Nymphaeum and Panticapaeum. To the South of the Nymphaeum under the route of the gas pipeline was dug the Northern edge of the ancient settlement of Tobechik 8, where 9 economic pits with ceramic material of the last third of the VI–V centuries BC were found. In the Western part of the Nymphaeum chora along the route of the gas pipeline were excavated two burial mounds, which date from the XV-VI centuries BC. The studied complexes allow clarifying the history of Greek-barbarian relations before and in the early period of Greek colonization in the vicinity of the Nymphaeum. In the Western part of the chora of Panticapaeum excavations were carried out on the site of the ancient allotment, where instead of mounds were found the remains of stone fences and Tatar construction of XIX – first half of XX century.

Key words: Bosporus Kingdom, settlement, allotment.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Илл. 1. Поселение Тобечик 8. Хоз. ямы в квадратах № 11–13. Вид с ЮВ.

Илл. 2. Курган Приозерное 3. Вид сверху.

Илл.3. Курган Приозерное 4. Общий вид сверху, с севера.

Илл.4. Раскопы на месте так называемых курганов Октябрьское Юго-Западное. На переднем плане постройка 19-20 вв. Вид с востока.

---

[1] *Кругликова И.Т.* Сельское хозяйство Боспора. М., 1975. С. 55.

Рис. 1.

Рис. 2.

Рис. 3.

Рис. 4.

ОХРАННО-СПАСАТЕЛЬНЫЕ РАСКОПКИ ПОСЕЛЕНИЯ БАТАЛЬНОЕ 1 В 2017 Г.

С.А. Ермолин (Москва – Керчь)

В июне-октябре 2017 г. севернее села Батальное (Ленинский район Республики Крым) Отделом сохранения археологического наследия Института археологии РАН были проведены спасательные археологические исследования (раскопки) территории объекта культурного наследия поселение Батальное-1. В ходе работ на поселении Батальное 1 было исследовано 19625 м^2. Найдено и обследовано 458 хозяйственных ям, пять жилищ, один очаг и водосборник. Основную массу находок в культурном слое и в исследованных комплексах составляют фрагменты черепицы, красноглиняных и стеклянных сосудов, предварительно датируемых XVIII в., а также кости животных.

Ключевые слова: Крым, татары, поселение.

Автор благодарит держателя Открытого листа, Сергея Юрьевича Внукова, за возможность публикации материалов раскопок памятника «поселение Батальное-1».

В июне – октябре 2017 г. сотрудниками Отдела сохранения археологического наследия Института археологии РАН в окрестностях села Батальное Ленинского района Республики Крым были проведены охранно-спасательные археологические раскопки поселения Батальное-1, находящегося в зоне размещения объекта строительства: «Строительство и реконструкция автомобильной дороги Керчь – Феодосия – Белогорск – Симферополь – Бахчисарай – Севастополь. 1 этап. Км 0+000 – км 76+000» на участке ПК 682 – 685». Отметим, что исследованный памятник связан с мусульманским населением Крыма Нового времени, и, скорее всего, упомянут в письменных источниках.

Первое упоминание в этой местности населенного пункта под названием Юзмак встречается в «Книге путешествий» Эвлии Челеби под 1667 г.[1] Далее селение встречается в Камеральном Описании Крыма 1784 г., судя по которому, в последний период Крымского ханства под названием Агырмак Эли оно входило в Арабатский кадылык Кефинского каймаканства[2]. После присоединения Крыма к России 19 апреля 1783 г., на территории бывшего Крымского Ханства была образована Таврическая область, и деревня была приписана к Левкопольскому, а после ликвидации в 1787 г. Левкопольского – к Феодо-

---

[1] *Эвлия Челеби.* Книга путешествий (Сейахатнаме). М., 1961.

[2] *Лашков Ф.Ф.* Каймаканствы и в оных каймаканами кто состоит // Камеральное описание Крыма, 1784 года // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Т. 6. Симферополь, 1888.

сийскому уезду Таврической области[1]. После Павловских реформ, с 1796 по 1802 гг., деревня входила в Акмечетский уезд Новороссийской губернии. По новому административному делению, после создания 8 (20) октября 1802 г. Таврической губернии, теперь уже Арма-Эли было включено в состав Парпачской волости Феодосийского уезда[2]. И, наконец, указом Президиума Верховного совета РСФСР от 21 августа 1945 г. Арма-Эли было переименовано в Батальное.

Поселение Батальное 1 было найдено в 100 м севернее ныне существующего села Батальное в 2015 г., в ходе обследования трассы проектируемого газопровода сотрудниками ИА РАН под руководством А.А. Супренкова.

В 2017 г. на поселении был заложен раскоп площадью 19625 $м^2$ (рис. 1). Во время раскопок было выявлено 466 археологических объекта: 458 хозяйственных ям, 4 жилища, 3 скопления камней (возможно, развалы каменной кладки), 1 очаг. В рамках общей территории археологические объекты располагаются не равномерно, а концентрируются на локальных участках. Хозяйственные ямы преобладают среди основной массы объектов (рис. 2). Основное предназначение этого земляного сооружения – хранение продуктов. После частичного разрушения или засорения ямы использовались для сброса хозяйственных отходов.

В основной своей массе на раскопанной территории поселения преобладали ямы округлой формы различной глубины с прямыми, сужающимися или расширяющимися ко дну стенками. В разрезе ямы по форме наиболее близки к трапециевидной. В заполнении большинства ям, представленном коричневым суглинком или супесью с различными оттенками, фиксировались обильные примеси золы, включения древесного угля, фрагментов печины, турлука.

Жилища представляют собой остатки пола, состоящего из известкового раствора с мелким бутовым камнем (известь, глина, известняковый мелкий щебень) с фрагментами рушенных стен, местами по периметру сохранились каменные кладки оснований стен (рис. 3). Размеры жилищ варьируют от 2,5×2,5 м до 3×4 м. Очаги зафиксированы в двух жилищах и представляли собой сильно прокаленный участок пола.

---

[1] *Гржибовская Г.Н.* Указ Екатерины II об образовании Таврической области. 8 февраля 1784 года // Административно-территориальные преобразования в Крыму. 1783–1998 гг. Справочник. Симферополь, 1999. С. 117.

[2] *Гржибовская Г.Н.* Из Указа Александра I Сенату о создании Таврической губернии // Административно-территориальные преобразования в Крыму. 1783–1998 гг. Справочник. Симферополь, 1999. С. 124.

Археологический материал из слоя поселения представлен, в том числе, 12530 фрагментами керамики и костей, также прочими находками. Красноглиняная посуда составляет наиболее многочисленную категорию керамических изделий, найденных на поселении (рис. 4). Поверхность части сосудов покрыта глазурью. В процентном соотношении обнаруженные находки распределяются следующим образом: наиболее многочисленны фрагменты красноглиняных сосудов без покрытия – 77,76 %; значительно меньше поливной посуды – 38 %. Фрагменты костей животных составляли 16,6 % от всех находок. Наименее малочисленны находки обломков строительной керамики (черепицы) – всего 4,54%.

Общее количество находок из объектов составляет 15616 фрагментов. Здесь находки распределяются следующим образом: столовая керамика – 47,4 %, кости животных –51,2 %, строительная керамика (черепица) – (0,72%).

Количество индивидуальных находок относительно невелико – 126 номеров (рис. 4). Из них стоит выделить монету номиналом 2 копейки чеканки 1766 г. Кроме того, стоит упомянуть татарские монеты, значительное число фрагментов курительных трубок, изделия из кости (сетевязальные иглы, астрагалы, заготовки костяных изделий), наконечник стрелы, стенку красноглиняного кувшина с граффити.

Стоит отметить, что поселение Батальное 1 на сегодняшний день является одним из немногих (если не единственным) раскопанных большой площадью татарских сельских поселений Нового времени. Несомненно, что результаты раскопок этого памятника имеют большое значение для реконструкции образа жизни крымско-татарского населения на момент вхождения Крыма в состав Российской империи. По всей видимости, поселение Батальное 1 можно, с известной долей осторожности, соотнести с указанным в Камеральном Описании Крыма 1784 г. селением Агырмак Эли. Судя по многочисленным находкам костей животных, его население, скорее всего, занималось скотоводством, а находка в хозяйственной яме двухкопеечной монеты чеканки 1766 г., наряду с татарским монетами, говорит о том, что данный населенный пункт существовал, как минимум, во второй половине XVIII в. Однако находок, позволяющих предположить существование поселения Батальное 1 в XIX в., в ходе раскопок не зафиксировано. Этот факт говорит о том, что известное по письменным источникам начала XIX в. село Арма-Эли, скорее всего, было расположено южнее, ближе к современной дороге Феодосия-Керчь, на месте ныне существующего села Батальное, а поселение Батальное 1 прекратило свое существование к началу XIX в.

RESCUE ARHAEOLOGICAL EXCAVATIONS OF SETTLEMENT BATALNOE-1 IN 2017

S.A. Ermolin (Moscow – Kerch)

In June-October 2017, the archaeological site of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, north of the village of Batalnoe (Leninsky district of the Republic of Crimea), was used to rescue archaeological excavations of the territory of the cultural heritage site of the settlement of Batalnoye-1. During the work on the settlement of Batalnoye 1, 19625 m^2 was investigated. Were found and surveyed 458 household pits, five dwellings, one hearth and a water basin. The bulk of the finds in the cultural layer and in the complexes studied are fragments of tiles, red-clay and glass vessels, dating in advance to the 18th century, as well as animal bones.

Keywords: Crimea, Tatars, settlement.

Иллюстрации:

1. Общий вид с юга на раскопанную территорию поселения Батальное 1.
2. Комплекс хозяйственных ям на поселении Батальное 1.
3. Остатки полов жилищ на поселении Батальное 1.
4. Поселение Батальное 1. Индивидуальные находки. *1 – Монета «две копейки 1766 г.», 2,3 – монеты, 4 – подвеска, 5 – костяной гребень, 6 – курительная трубка, 7 – фрагмент венчика красноглиняного кувшина с графитти, 8,9 – изделие из кости, 10 – фрагмент серьги, 11 – астрагал с графитти, 12,13 – трубок курительных фрагменты, 14 – тарелка красноглиняная с орнаментом фрагментированная, 15 – тарелка красноглиняная покрытая зелёной глазурью.*

Рис. 1.

Рис. 2.

Рис. 3.

Рис. 4.

ВАЛЫ ЕВРОПЕЙСКОГО БОСПОРА: К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ АКМОНАЙСКОГО, УЗУНЛАРСКОГО, ТИРИТАКСКОГО И ВАЛА БЕЗКРОВНОГО

С.Н. Прокопенко (Белгород),
А.А. Супренков (Москва)

В статье рассмотрены особенности истории изучения погранично-оборонительных земляных линий укреплений европейской части античного Боспора. Выделены основные этапы в научном изучении: Узунларского, Тиритакского, Акмонайского вала и вала Безкровного.

Ключевые слова: Боспорское царство, Керченский полуостров, вал, ров.

В данной статье мы приводим краткую историю изучения нескольких археологических объёктов Восточного Крыма. Отметим, что наиболее полную и исчерпывающую информацию об истории изучения Узунларского, Тиритакского, Акмонайского валов и вала Безкровного, приводит в своем исследовании А.А. Масленников[1].

Можно выделить несколько периодов изучения рассматриваемых погранично-оборонительных земляных линий укреплений. Самая ранняя информация о них содержится в античной письменной традиции. Геродот (V в. до н.э.) трижды упоминает земляные укрепления, находившиеся на территории современного Керченского полуострова. В одном случае речь, по-видимому, идет о т.н. Акмонайском вале (*Herod.*, IV, 3), в двух других, возможно о Тиритакском, или, что менее вероятно, Узунларском (*Herod.*, IV, 12, 28). Известно также и сообщение Страбона (*Strabo*, IV, 6). В тексте автор указал, что правитель Боспора Асандр построил стену вблизи Меотиды и воздвиг на ней башни. Данный пассаж Страбона, на наш взгляд, описывает работы, проведенные на Узунларском валу в I в. до н.э., что подтверждается археологически[2].

Средневековые источники мало информативны в отношении исследуемого нами вопроса. Отметим лишь отдельное упоминание о Тиритакском вале, датирующееся XVII в. и, возможно, неверное[3].

Существенные сведения о рассматриваемых оборонительных сооружениях появляются только в конце XVIII в. после присоединения Крымского полуострова к Российской империи. В записках Ш.Ж. Ромма присутствуют описания Акмонайского и Узунларского валов. Автор при этом предположил, что первый из указанных валов является самым древним, по причине его плохой сохранности[4].

---

[1] *Масленников А.А.* Древние земляные погранично-оборонительные сооружения Восточного Крыма. Тула: Гриф и К, 2003. 280 с.

[2] *Там же.* С. 208; *Супренков А.А.* Узунларский вал как одна из границ Боспора. История исследований и новейшие открытия // Кондаковские чтения – V. Античность – Византия – Древняя Русь. Белгород, 2016. С. 21; *Он же.* Боспорские ворота: центральный проезд через Узунларский ров и вал в Восточном Крыму // Города, поселения, некрополи. Раскопки 2016. Материалы спасательных археологических исследований. Т. 19. М.: Институт археологии РАН, 2017. С. 214-219.

[3] *Эвлия Челеби.* Книга путешествий Эвлии Челеби. Походы с татарами и путешествия по Крыму (1641-1667 гг.). Симферополь: Таврия, 1996. С. 146.

[4] *Петрова Э.Б., Прохорова Т.А.* Крымские Путешествия: Шарль Жильбер Ромм «Путешествие Крым в 1786 году». Симферополь, 2011. С. 100.

Сведения, указанные П.С. Палласом, интересны для уточнения маршрута Акмонайского вала[1]. Английский путешественник М. Е-Д. Кларк обозначил этот же вал как «Асандрова граница», «предел боспорцев» и т.п.[2], некоторые замечания по северному участку Акмонайского вала привел П. Сумароков[3].

Узунларский вал также находился в центре внимания исследователей того времени. Так академик П.С. Паллас очень подробно описал его маршрут. Он интерпретировал его как границу между владениями Боспора и Херсонеса. Тех же взглядов в его отношении придерживался и П. Сумароков[4]. Позднее вал был описан французом И. Релли и англичанином Кларком[5]. В этот период он был нанесен и на военные топографические карты XIX в. под названием Аксан-Темир-Индек.

В рассматриваемый период появляются и первые описания т.н. Тиритакского вала. Уже упомянутые: П.С. Паллас[6], П. Сумароков[7], М. Е-Д. Кларк[8], а также Ф.К. Бирберштейн[9] описывали преимущественно северные участки вала в районе Золотого кургана (Алтын-Оба). Ими же были подмечены и некоторые особенности сооружения, например, наличие каменной «стены».

Более основательные попытки изучения и описания валов Восточного Крыма были предприняты в 1-й пол. XIX в. Погранично-оборонительные сооружения привлекали внимание как специалистов-исследователей, так и просто известных путешественников[10].

Об Акмонайском вале как о сооружении, возведенном по воле Левкона I, после включения в состав Боспорского государства Феодо-

---

[1] *Паллас П.С.* Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793-1794 гг. М.: Наука, 1999. С. 92.

[2] *Clark M. E-D.* Voyages en Russie, en Tartarie et en Turkie. V. II. Ch. XVIII. Paris, 1812. P. 301.

[3] *Сумароков П.* Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году. Симферополь: Бизнес-Информ, 2012. С. 94.

[4] Там же. С. 90.

[5] *Clark M. E-D.* Op. cit. P. 291.

[6] *Паллас П.С.* Указ соч. С. 122.

[7] *Сумароков П.* Указ. соч. С. 90.

[8] *Clark M. E-D.* Op. cit.

[9] *Тункина И.В.* Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – сер. XIX в.). СПб.: Наука, 2002. С. 565–566.

[10] Среди дилетантов можно выделить А.С. Пушкина, косвенно упомянувшего о наличии данных сооружений после посещения им Золотого кургана в 1820 г. См.: *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений. Т. X. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 18.

сии, писал И. Стемпковский[1]. Более ранней датировки возникновения вала придерживался Дюбуа де Монпере. Он полагал, что Акмонайский вал был сооружен в доэллинский период «скифскими рабами», а Асандр лишь обновил его[2]. В рассматриваемый период оформляется представление о поэтапной трансформации этого сооружения. По мнению ряда исследователей, первоначально был сооружен ров ещё в период, предшествовавший греческой колонизации региона. Затем по решению Левкона I насыпали вал, а некоторые изменения в систему Акмонайского вала были внесены Асандром[3].

В первой половине XIX в. Узунларский (Аккосов) вал подвергается внимательному изучению. Первые стратиграфические исследования этого объекта были осуществлены в 1827 г. И. Бларамбергом. Обмер и его зарисовку сделали позднее архитектор Шмаков и полковник Рябов[4]. Разрезы Бларамберга выявили остатки каких-то стен и башен, и было предложено датировать вал периодом после правления Спартока II, хотя о каких-либо находках автор не упоминал. Он также полагал, что в IV в. н.э. вал мог служить границей между владениями Боспора и Херсонеса. В это же время интересующий нас объект под наименованием «Асандров вал и ров» попадает в «Описание древних стен и замков, находящихся в крепостях и неукреплённых местах инженерного ведомства», составленное инженер-капитаном Штиром[5]. Дюбуа де Монпере отметил этот вал, назвал его «Аккосов» и предположил его варварское происхождение. По мнению исследователя, он был сооружён киммерийцами для защиты от скифов, а впоследствии он был приспособлен для своих целей боспорскими греками. В поздний же период вал служил границей Боспора и Херсонеса, о чём свидетельствовал ещё Константин Багрянородный[6]. Одновременно с ним путешественник А. Демидов коротко упомянул вал, и предположил, что он мог быть возведён на финальной стадии существования Боспорского царства[7]. А. Ашик в «Боспорском царстве» называет этот

---

[1] *Stempkowsky J.* Quelques ideés sur la rechercht d'antiquités dans le Bospore // Journal d'Odessa. V. 37. 1827. P. 149.

[2] *Дюбуа де Монпере, Фредерик*. Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и Крым. В 6 томах. Париж, 1843. Т. 5–6. Симферополь, 2009. С. 62.

[3] *Muralt E.* Theodosia et les remparts des Bosphore Cimmerien du cote de la Tauride // MSAN. V. 6. № 3. 1852. P. 2.

[4] *Тункина И.В.* Указ. соч. С. 240–242, 556–557.

[5] Там же. С. 88.

[6] *Дюбуа де Монпере, Фредерик*. Указ. соч. С. 63.

[7] *Масленников А.А.* Древние земляные погранично-оборонительные сооружения Восточного Крыма. С. 42–43.

вал «вторым», считая от Керчи, а в соответствующей главе «Древностей Боспора Киммерийского» есть указания на какие-то раскопки (уже после Бларамберга(?))[1]. Наконец, автор статьи о древностях Феодосии Е. Мюральт не обошел своим вниманием Узунларский вал, дав его краткое описание. Интересующий нас объект указан на путеводителе по древностям Крыма Ю. Фабра и на «Карте Таврической губернии 1865 г.»

В этот период не прекращались попытки изучения и Тиритакского вала. П. Дюбрюкс[2], И. Стемпковский[3], Ф. Дюбуа де Монпере[4], А.Б. Ашик[5] и другие исследователи пытались проследить его продолжение к югу от Золотого кургана, а в вопросе интерпретации рассматриваемых сооружений были единодушны, отмечая их погранично-оборонительный характер. Были предприняты и первые попытки общей датировки объекта на основе косвенных данных.

Во второй половине XIX в. в исследовании валов Керченского полуострова наступила пауза, нарушаемая редкими посещениями в образовательных целях и их описанием гимназистами. Отдельно следует отметить открытие в 1875 г. И.С. Безкровным новой линии земляных укреплений, в научной литературе получившей наименование «вал Безкровного»[6]. Данное погранично-оборонительное сооружение вплоть до 90-х гг. XX в. не попадало в фокус внимания ученых.

Новый этап изучения погранично-оборонительных сооружений Восточного Крыма наступил уже во 2-й четв. XX в.

В отношении изучения Акмонайского вала ситуация принципиальным образом не изменилась. Большинство исследователей о древних сооружениях на Ак-Монайском перешейке пишут очень мало. Это

---

[1] *Ашик А.Б.* Боспорское царство с его палеографическими и надгробными памятниками, расписными вазами, планами, картами и видами. Ч. I. Одесса: Типография Т. Неймана и К, 1848. С. 25.

[2] *Дюбрюкс П.* Описание развалин и следов древних городов и укреплений, некогда существовавших на европейском берегу Боспора Киммерийского, от входа в пролив близ Еникальского маяка до горы Опук включительно, при Черном море // Записки Одесского Общества Истории и Древностей. Т. IV. Одесса, 1858. С. 34–50.

[3] *Масленников А.А.* Древние земляные погранично-оборонительные сооружения Восточного Крыма… С. 135–136.

[4] *Дюбуа де Монпере, Фредерик*. Указ. соч. С. 43–44.

[5] *Ашик А.Б.* Указ. соч. С. 24-25.

[6] *Безкровный И.С.* Древний вал и шоссе вдоль Керчи // ЗООИД. Т. IX. Одесса, 1875. С. 443–444.

продолжалось вплоть до начала 1990-х гг.[1] Исключение составляли те, кто пытался доказать неантичное происхождение этих сооружений. В данном плане выделяется работа Н.И. Бабкова[2].

На Тиритакском же валу исследования не прекращались. Сотрудниками Керченского музея Ю.Ю. Марти и К.Э. Гриневичем в 1924–1925 гг. было установлено, что Тиритакский вал – это сложный комплекс сопутствующих построек (укреплений, башен, проездов-проходов и т.п.), на севере он начинался у деревни Биюк-Тархан недалеко от побережья Азовского моря и тянулся, прогибаясь к востоку до северо-восточной оконечности современного с. Войково. Далее, на расстоянии около 2-х км к западу от одной из возвышенностей в восточной части гряды холмов, сопок и курганов в южном направлении почти по прямой линии с севера на юг следовал известный и хорошо сохранившийся участок вала, который вплотную подходил к Золотому кургану. К. Гриневич обратил внимание на фрагмент небольшого излома данного участка вала, в котором он имел разрыв около 10 м, где через него проходила дорога. В этом месте ученый предполагал наличие ворот и античного поселения. Исследователями были подмечены и конструкционные особенности сооружения. К. Гриневич полагал, что строительство оборонительного сооружения начиналось с обустройства крепиды, после чего рыли ров. Перепад высот между дном рва и вершиной вала, по мнению автора, мог составлять 6 м[3]. У Золотого кургана вал становился малозаметным и продолжался в западном направлении по гребню хребта не доходя Куль-Обы, где его линия поворачивала под прямым углом к югу в направлении к д. Джаржава, затем продолжалась до Второго Змеиного кургана, затем следы вала теряются. Снова вал проступает на юго-восточной части указанного хребта. К.Э. Гриневич датировал Тиритакский вал временем до 405 г. до н.э.[4]

На «Карте археологической деятельности Керченского музея древностей», составленной неким П. Голландским почти в то же время, что и разведки К.Э. Гриневича, т.е. в 1926 г., и приложенной к юбилейному изданию Керченского музея, нанесена трасса Тиритакского вала, которая начиналась от берега пролива, к югу от т.н. Старо-

---

[1] *Масленников А.А.* Древние земляные погранично-оборонительные сооружения Восточного Крыма. С. 21–23.

[2] *Бабков Н.И.* К вопросу о местонахождении Асандрова вала // История и археология древнего Крыма. Киев, 1957. С. 289–291.

[3] *Гриневич К.Э.* Оборона Боспора Киммерийского // Вестник древней истории. 1946. №2. С. 160.

[4] Там же. С. 162–164.

го Карантина. Далее она доводится до хребта, на котором расположен Золотой Курган, но несколько западнее его. Потом от самого кургана вал тянется к северу, до гряды холмов близ с. Катерлес[1].

Летом 1936 г. Керченским археологическим музеем были проведены разведки под руководством Ю.Ю. Марти, на основании результатов которых исследователь отнес вал к эллинистическому времени[2].

Во 2-й пол. XX в. происходило интенсивное накопление данных о погранично-оборонительных сооружениях Боспора.

В 1995–1996 гг. следы вала Безкровного (Чокракского) были обнаружены к югу от Чокракского озера и прослежены на протяжении 2,5 км[3].

Возвращаясь к Узунларскому валу, упомянем, что уже в XX в. директор Керченского музея Ю.Ю. Марти раскопал курган возле Марфовки, находящийся в линии вала. После войны в 1951 г. В.Ф. Гайдукевич осматривал примерно это же место и описал высокий, до 5 метров, курган, на верхушке которого в военной яме или воронке было множество костей. Это дало ему возможность предположить, что здесь стояла башня, а поскольку в валу напротив этого места был проезд, то здесь могла проходить древняя дорога. Исследователь считал, что вал был возведён в конце V в. до н.э., в период начала расцвета Боспорского царства. К сожалению, раскопки на этом участке вала не производилось. Приблизительно в это же время работал на погранично-оборонительных сооружениях Боспора и В.Д. Блаватский[4]. Он делал разрезы вала в районе Феодосийского шоссе и предположил, что он мог служить существенным препятствием для неприятельской конницы. Автором также измерялись размеры вала на разных участках. В этот же период вышло несколько статей, посвящённых боспорским валам, таких исследователей как Н.Э. Шмидт, К.Э. Гриневич и Н.И. Сокольский.

В 80-х гг. прошлого столетия охранные раскопки на Узунларском валу проводились Северо-Крымской экспедицией ИА НАНУ при строительстве Северо-Крымского канала в долине Эль-Шенгель. В их

---

[1] *Марти Ю.Ю.* Сто лет Керченского музея: исторический очерк. Керчь, 1926. Прил. 1.

[2] *Марти Ю.Ю.* Путеводитель по Керченскому историко-археологическому музею им. А.С. Пушкина. Симферополь, 1937. С. 9.

[3] *Масленников А.А.* Древние земляные погранично-оборонительные сооружения Восточного Крыма. С. 121.

[4] *Блаватский В.Д.* Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 102–103.

ходе было сделано 13 разрезов-раскопов. Результаты работ были изложены в специальной статье Б.С. Мосейчука[1].

В 80-90-х гг. в своих статьях и диссертациях Узунларский вал упоминали В.П. Толстиков, В.С. Ольховский, В.Э. Яковенко. В конце столетия Южно-Боспорской экспедицией Крымского филиала ИА НАНУ в ходе охранных работ был сделан ещё один разрез вала. В результате этих работ С.Б. Ланцовым и В.К. Голенко вроде бы было подтверждено предположение, что в IV в. н.э. вал служил границей между владениями Боспора и Херсонеса[2].

Чуть позже, в 2002 г., Крымский филиал опять же проводил охранные раскопки на валу южнее Феодосийского шоссе. По их результатам авторами было установлено, что вал мог быть сооружён в IV-III вв. до н.э.[3] В 2005 г. были проведены новые охранные раскопки на участке вала юго-восточнее г. Узловая в 100 м южнее раскопа 2002 г. Было выявлено два строительных периода вала. Представление о хронологии памятника соответствуют результатам исследований 2002 г.[4]

Важную роль в изучении боспорских валов сыграли уже упомянутые работы ВКАЭ под руководством А.А. Масленникова, которые в общей сложности велись более 10 лет. Совместно со С.Л. Смекаловым исследователем были уточнены его географические особенности и сделаны привязки при помощи системы GPS. В ходе разведочных работ в линии вала было обнаружено не менее 10 старинных разрывов-проездов, фланкированных курганообразными насыпями. Вообще же курганов, расположенных в непосредственной близости от вала, было осмотрено около 30. Они расположены неравномерно и не всегда стоят напротив проходов. Затем на некоторых участках вала были заложены раскопы. В 2000 г. был сделан разрез вала в районе с. Белинское, а в 500 м в стороне от него была раскопана хорошо сохранившаяся башня 2-й пол. I в. до н.э. В ходе раскопок было найдено множество артефактов, которые позволили уверенно датировать постройку временем

---

[1] *Мосейчук Б.С.* Аккосов вал // Краткие сообщения института археологии АН СССР. Вып. 174. М., 1983. С. 74-77.

[2] *Ланцов С.Б., Голенко В.К.* О западной границе Боспора в IV в. н.э. (по материалам археологических исследований 1999 г.) // Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира. СПб., 1999. С. 177-181.

[3] *Колтухов С.Г., Труфанов А.А., Ужинцев В.Б.* Новые материалы к строительной истории Узунларского рва и вала // Древности Боспора. Т. 6. М., 2003. С. 180.

[4] *Колтухов С.Г. Ермолин А.А., Труфанов А.А., Уженцев В.Б.* Разрез Узунлаского рва и вала близ шоссе Феодосия – Керчь // Древности Боспора. Т. 10. М., 2006. С. 340, 343.

Асандра, что фактически явилось археологическим подтверждением текста Страбона. Год спустя напротив неё за проездом был раскопан ещё один археологический объект – «стена». По результатам работ А.А. Масленников был склонен полагать, что, скорее всего, вал был сооружён в начале III в. до н.э.[1] Отметим отдельно один момент работ ВКАЭ этого периода. Обследуя участок к югу от городища Савроматий, А.А. Масленников описал один из участков вала, где за проездом в его линии располагался большой курган высотой до 5 м. Исследователь предположил, что в этом месте был расположен какой-то важный «узел» линии обороны.

Что касается Тиритакского вала, то среди послевоенных исследователей В.Ф. Гайдукевич уделил этому объетку немного внимания, полагая, что возникновение данного сооружения могло произойти в период правления Археанактидов[2]. В.Д. Блаватский, как и большинство ученых того периода, полагал, что рассматриваемый вал протянулся от Азовского моря до бухты Камыш-Бурун[3]. Н.И. Сокольский в 1947-1950 гг. исследовал вал в районе Золотого кургана[4].

В 1958 г. сотрудники Керченского музея С.А. Семёнов и В.Э. Кунин несколько раз посещали Тиритакский вал и его окрестности. В основном они касались следов древних поселений в районе пос. Войково (Катерлез)[5].

В 1961 г., в течение недели Тиритакский вал был обследован В.В. Веселовым. Ученым в относительной или непосредственной близости от насыпи вала было зафиксировано 37 памятников (поселения, скопления керамики, отдельные находки). Автор отмечал, что особенно густо был населён район в окрестностях посёлка (деревни) им. Войкова[6]. В.В. Веселов в «Сообщениях о результатах археологического обследования района «Тиритакского вала» (1959–1964)» подробно изложил свои наблюдения относительно маршрута трассы валов и дати-

---

[1] *Масленников А.А.* К истории Узунларского вала в Восточном Крыму // КСИА. Вып. 212. М., 2001. С. 7–16.

[2] *Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. М.Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 44, 184-189; *Он же*. Боспорские города. Л.: Наука, 1981. С. 11.

[3] *Блаватский В.Д.* Указ. соч. С. 100–103.

[4] *Сокольский Н.И.* Валы в системе обороны Европейского Боспора // Советская археология. Вып. XXVII. М.-Л.: Изд-во АН СССР. С. 92.

[5] *Семенов С.А., Кунин В.Э.* Разведки в Керченском полуострове // Археология и история Боспора. Симферополь, 1962. С. 259–260.

[6] *Веселов В.В.* Сводная ведомость результатов археологических разведок на Керченском и Таманском полуостровах в 1949-1964 гг. // Древности Боспора. Supplementum II. М., 2005. С. 27–31.

ровки памятника[1]. В начале 80-х гг. XX в. ряд исследований были проведены на северном участке Тиритакского вала О.Д. Чевелёвым и А.А. Масленниковым. В это же время В.П. Толстиков попытался получить стратиграфический разрез вала[2].

Новым этапом в изучении Тиритакского вала стали комплексные работы, осуществленные Восточно-Крымской археологической экспедиции ИА РАН под руководством А.А. Масленникова. Они проводились в течение 1997–2001 гг. по всей его трассе. На основе археологических исследований, анализа материалов аэрофотосъемок, изучения картографического материала XVIII–XIX вв., было установлено, что под общим определением «Тиритакский вал» следует понимать три разновременных археологических памятника: северный (№3), центральный (№2) и южный (№1)[3].

В самом конце XX в. большое внимание исследованию валов в районе Ак-Монайского перешейка уделил А.В. Гаврилов. Ученый выделил три независимых относительно друг друга вала[4]. Отдельного упоминания заслуживает предложенная А.В. Гавриловым датировка Акмонайского рва VI в. до н.э., что согласуется с представлениями исследователей XVIII–XIX вв.[5]

После выхода в свет монографии А.А. Масленникова исследования валов Восточного Крыма не прекратились. Среди них стоит отметить ряд охранных археологических исследований под руководством начальника Керченской охранно-археологической экспедиции (КОАЭ) А.Л. Ермолина.

В период 2000–2008 гг. разведками КОАЭ, а также при обработке археологического материала в 2009–2011 гг., было выявлено еще 13 древних рвов и валов разной протяженности, от 0,2 км до 16,5 км. В ходе разведок были уточнены и трассы ранее известных оборонительных линий. В результате А.Л. Ермолиным было теоретически обосно-

---

[1] *Веселов В.В.* Сообщения о результатах археологического обследования района «Тиритакского вала» (1959–1964), Керчь / Архив ИА РАН. Р.II. № 1938.

[2] *Толстиков В.П.* К проблеме образования Боспорского государства (опыт реконструкции военно-политической ситуации на Боспоре в конце VI – первой половине V в. до н.э.) // ВДИ. 1984. № 3. С. 32.

[3] *Масленников А.А.* Древние земляные погранично-оборонительные сооружения Восточного Крыма. С. 231-232.

[4] *Гаврилов А.В.* О валах на Акмонайском перешейке // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. VIII. Симферополь, 2001. С. 10–18; *Он же*. *Гаврилов А.В.* Округа античной Феодосии. Симферополь: Азбука, 2004. С. 41–49.

[5] *Гаврилов А.В.* Акмонайский ров и вал на картах // История и археология Крыма. Вып. III. Симферополь, 2016. С. 107–108.

вано и прослежено на местности две оборонительных линии от Азовского до Черного морей – обозначенные автором как: Золотая линия обороны и Восточный вал, куда наряду с Кыз-аульским валом, валом Зинько, валом Ермолина входит и Тиритакский вал[1].

В 2005 г. А.Л. Ермолиным были проведены исследования Тиритакского вала с западной стороны Второго Змеиного кургана, а в 2008 г. – археологические разведки всей его линии[2] (по А.А. Масленикову – «третий» Тиритакский вал[3]). В результате автор предположил, что вал берет начало в районе бывшей дер. Тархан на берегу Азовского моря. Далее его трасса проходит через долину и подходит к северной окраине дер. Войкова, у А.А. Масленникова этот участок вала называется третий «Тиритакский вал». От дер. Войкова до участка вала, расположенного в 600 м юго-западнее Большого Змеиного кургана, трасса вала совпадает с участком Восточной линии обороны. В 2008 г. западнее дер. Войкова был сделан стратиграфический разрез этого участка, видимого только на аэрофотосъемке. Разрез показал, что вал имеет два этапа строительства, это совершенно однозначно видно в разрезе.

Акмонайский вал был исследован А.Л. Ермолиным в 2008 г. В ходе разведок и раскопок была уточнена трасса вала и сделан археологический стратиграфический разрез рва и вала в его северной оконечности – на берегу Сиваша[4].

В работах по валу Безкровоного в 2008 г. А.Л. Ермолиным в результате обследования территории между пос. Багерово и горой Маяк был выявлен только один отрезок искомого вала и рва протяженностью до 100 м. Он сохранился в месте их пересечения железной дорогой Джанкой – Керчь. Исследования вала Безкровного были начаты с крайней северной точки, расположенной на южном берегу Чокракского озера; он уверенно прослеживается от укрепленной усадьбы Мыс

---

[1] *Ермолин А.Л.* Вновь выявленные древние земляные оборонительные сооружения Восточного Крыма (по материалам археологических разведок) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2012. № 1 (120). Вып. 21. С. 25–33; рис. 2, 8.

[2] *Ермолин А.Л.* Охранные раскопки на территории г. Керчи при прокладке трассы газопровода ГРС (Второй Змеиный курган) – ТЭЦ (Тиритака) // Древности Боспора. Т. 8. М., 2005. С. 171–173.

[3] *Масленников А.А.* Древние земляные пограничнo-оборонительные сооружения Восточного Крыма. С. 170–175; рис. 115–117.

[4] *Ермолин А.Л.* Территория и население Европейского Боспора в позднеантичный период (середина III – конец VI веков) (по материалам городищ, поселений, некрополей) / Диссертация на соискание ученой степени канд. ист. наук. Белгород, 2012. С. 78–79.

Чокрак до Багеровского аэродрома. Таким образом, по мнению автора, вся протяженность погранично-оборонительного вала Безкровного (Чокракский вал) составляет 32 км. Вопрос же датировки объекта однозначно не решен по настоящее время[1].

Наконец, последние по времени масштабные работы на валах Восточного Крыма проводились А.А. Супренковым в 2016–2017 гг. Часть результатов исследований опубликована, часть находится в обработке.

THE RAMPARTS OF THE ANCIENT BOSPORUS: TO HISTORY OF STUDYING OF AKMONAI′S, UZUNLAR′S, TIRITAKA′S AND RAMPART OF BEZKROVNOGO

S.N. Prokopenko (Belgorod), A.A. Suprenkov (Moscow)

The article describes the features of the history of the study of the boundary-defensive earthen lines of fortifications of ancient Bosporus. The basic stages in the scientific study: Akmonai′s, Tiritaka′s, Uzunlar′s and rampart of Bezkrovnogo.

Key words: Bosporan Kingdom, Kerch Peninsula, rampart, ditch.

ГОНЧАРНЫЕ ТРАДИЦИИ ИЗГОТОВЛЕНИЯ ЛЕПНОЙ КЕРАМИКИ НАСЕЛЕНИЯ ПОСЕЛЕНИЯ ЗОЛОТОЕ ВОСТОЧНОЕ (СЮЮРТАШ) В ВОСТОЧНОМ КРЫМУ

М.Е. Клемешова (Москва)

В работе рассмотрены гончарные традиции отбора исходного пластичного сырья, составления формовочных масс и режима обжига лепной керамики из слоев III–II вв. до н.э. поселения Золотое Восточное (Сююрташ) в Восточном Крыму, определены морфологические типы этой посуды. По этим параметрам произведено сопоставление ее с лепной керамикой поселения Полянка I в. до н.э., расположенного в этом же регионе. Исследование ИПС, состава формовочных масс и режима обжига сосудов производилось по методике, разработанной А.А. Бобринским. Морфологическое соответствие в большинстве случаев керамики этих двух поселений, а также тот факт, что она изготовлена в соответствии с теми же гончарными традициями отбора ИПС и составления формовочных масс, позволили автору предположить, что на этих памятниках проживало родственное население.

Ключевые слова: гончарные традиции, лепная керамика, поселение Сююрташ.

---

[1] Там же. С. 46-62.

В данной работе приводятся результаты определения культурных гончарных традиций изготовления лепной посуды населением поселения Золотое Восточное (Сююрташ)[1], расположенного в Восточном Крыму, в III–II вв. до н.э. Традиции отбора исходного пластичного сырья (ИПС), составления формовочных масс и режима обжига сосудов устанавливались при исследовании керамических материалов методами технико-технологического анализа, по методике, разработанной А.А. Бобринским[2]. Изучение фрагментов керамики проводилось по свежим изломам с помощью микроскопа МБС-10 при увеличении до 56 крат на базе лаборатории «История керамики» Института археологии РАН. Кроме этого, были определены морфологические типы рассматриваемых сосудов. Эти данные в совокупности были сравнены с аналогичными, полученными теми же методами, по материалам поселения Полянка I в. до н.э., находящегося в том же регионе, с целью определения наличия или отсутствия сохранения одних и тех же гончарных традиций на этой территории в III-I вв. до н.э.

Доля лепной посуды при раскопках восточной части городища Сююрташ, по данным автора работ на нем в 2010–2018 гг., А.А. Супренкова, составляет 38,7–49,3 % всей керамики, исключая амфорную тару. Для проведения исследования из материалов 2016 г. было отобрано 47 фрагментов верхних профильных частей лепных сосудов, каждый из которых относился к отдельному изделию. Это составило более 40 % всех соответствующих частей лепной посуды из раскопок в данном полевом сезоне.

Изучение морфологии отобранных образцов показало, что 70,2 % из них принадлежат к формам, зафиксированным также на поселении Полянка[3] (рис. 1, 1–9). К ним относятся горшки т.3 – 16 ф-тов

---

[1] *Масленников А.А*. Эллинская хора на краю Ойкумены. Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху. М., 1998. С. 90-100, 137, 175, 208, 211-216; *Супренков А.А.* Назначение и хронология построек северо-восточной части эллинистического городища Сююрташ в Крымском Приазовье (по результатам работ ВКАЭ в 2010-2013 гг.) // Древности Боспора. 2014. Вып. 18. С. 9-30; *Супренков А.А., Прокопенко С.Н., Топоривская М.А*. Снова к хронологии эллинистического городища Сююрташ в Крымском Приазовье по результатам работ на раскопе «Восточный» в 2010-2017 гг. // Крым в эпоху эллинизма. Межкультурные процессы по данным новейших археологических исследований. Симферополь, 2017. С. 256–259.

[2] *Бобринский А.А.* Гончарство Восточной Европы. М., 1978; *Бобринский А.А.* Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара, 1999. С. 5–109.

[3] *Клемешова М.Е.* Лепная керамика поселения Полянка в Крымском Приазовье по данным технико-технологического анализа (в печати).

(рис.1, 1–3, 5) , т.4 – 4 ф-та (рис. 1, 4), т.6 – 1 ф-т, горшки, аналогичные выделенным на поселении Полянка т.1, но меньших размеров (встречены в материалах раскопок 2018 г.) – 2 ф-та, миски т.1 – 2 экз., т.2 вариант 1 – 1 экз. (рис. 1,6), т.2 вариант 2 – 1 экз. (рис. 1, 7), лепные кастрюли – 1 экз. (рис.1, 9), корчаги с формой профиля, близкой горшкам т.3, но с диаметром горла свыше 25 см и более толстыми стенками (10–11 мм) – 5 экз. (рис.1, 8). Последние на поселении Сююрташ отмечены в пропорционально значительно большем количестве, чем на поселении Полянка – 10,6 % выборки сравнительно с единичными экземплярами, найденными на Полянке (материалы 2018 г., в материалах двух предыдущих лет раскопок не обнаружены).

К формам сосудов, отличных от встреченных на поселении Полянка (рис. 1, 10–15), относятся горшок с сильно расширенным, округлым в верхней части туловом и небольшим, отогнутым наружу венчиком – 1 экз. (рис. 1, 10), горшки со стоящим раструбом горлом – 4 экз. (рис. 1, 11–12), фрагменты крышек с очень слабо выпуклыми в средней части, практически прямыми стенками (некоторые, возможно, относятся, к мискам, близким по форме к перевернутому конусу, подобным т.1 и 2 обнаруженным при раскопках башни Казан II на Узунларском валу[1]) – 8 экз. (рис. 1, 14-17), корчага, аналогичная корчагам позднескифского типа, найденным в башне Казан II (т.3)[2] – 1 экз. (рис. 1, 13).

Орнамент присутствует на 3 сосудах (в виде округлых вдавлений и одинарных или двойных насечек по внешнему краю венчика) – 6,4 %. Лощение есть только на одном сосуде (2 %).

Режим обжига: в окислительной атмосфере – 6 сосудов (12,8 %), в восстановительной – 33 сосуда (70,2 %), в полувосстановительной – 5 сосудов (10,6 %). У трех сосудов режим обжига не определен.

В качестве исходного пластичного сырья (ИПС) для исследуемой керамики отбирались три его вида: ил и илистая глина морских лиманов[3] и обычная глина. На основе ила было изготовлено 3 сосуда, илистой глины – 44, обычной глины – 1. Были установлены следующие рецепты составления формовочных масс:

1. Ил + органический раствор (?) – 1 сосуд (2,1 %)
2. Ил + дробленая раковина – 2 сосуда (4,3 %)

---

[1] *Клемешова М.Е.* Комплекс лепной керамики из сторожевой башни Казан II на Узунарском валу (морфология и технико-технологический анализ) // Древности Боспора. 2018. Вып. 22. С. 92. Рис. 5, 8–10.

[2] Там же. С. 87. Рис. 1, 11-15.

[3] *Клемешова М.Е.* О сырье для изготовления лепной керамики поселения и некрополя Вестник-1 // Древности Боспора. 2017. Вып. 21. С. 228–234.

3. Илистая глина без примесей – 5 сосудов (10,6 %)

4. Илистая глина + органический раствор – 7 сосудов (14,9 %)

5. Илистая глина + дробленая раковина – 20 сосудов (42,6 %)

6. Илистая глина + дробленая раковина + органический раствор – 9 сосудов (19,2 %)

7. Илистая глина + песок-ракушечник – 1 сосуд (2,1 %)

8. Илистая глина + шамот + навозная выжимка – 1 сосуд (2,1 %)

9. Глина + сланцевая глина – 1 сосуд (2,1 %)

В качестве искусственных добавок отмечена дробленая раковина, вводимая в концентрации 1:3–1:7, в основном 1:5–1:6, морской песок – ракушечник в концентрации 1:4, шамот с частицами до 1 мм, в концентрации 1:6, навозная выжимка и слегка и сильно окатанные частицы сильноожелезненной сланцевой глины размерностью в основном 3–6 мм, введенные в концентрации 1:4. Последний вид примеси впервые наблюдается в керамике античного времени на территории Боспора.

Искусственная примесь органического раствора фиксируется по черному жирному налету различной интенсивности на поверхности свежих изломов, наличием впадин с гладкими блестящими стенками, иногда со сгустками черного блестящего хрупкого вещества в них. В изломах рыжего цвета иногда наблюдается слабый прозрачный налет с влажным жирноватым блеском.

Фрагмент корчаги, изготовленной из глины с искусственной примесью сланцевой глины (рис. 1, 13), морфологически полностью аналогичен венцам корчаг из материалов сторожевой башни Казан II. Для него также характерен окислительный обжиг, как и для большинства образцов сосудов этого типа из данного памятника. Примечательно, что использованные в данном случае частицы сланцевой глины визуально имеют очень большое сходство с крупным шамотом, использованным в качестве примеси к формовочной массе упомянутой керамики из башни[1].

Сопоставление информации о составах формовочных масс по двум рассматриваемым памятникам показало, что рецепты № 1–6 поселения Сююрташ находят полное соответствие в материалах поселения Полянка[2]. Иными словами, в сравниваемых группах 93,7 % керамики из слоев III–II вв. до н.э. Сююрташа по составу формовочных масс полностью аналогичны 98,8 % лепной керамики I в. до н.э. поселения Полянка.

Столь значительное сходство морфологических типов сосудов и традиций отбора исходного сырья и составления формовочных масс

---

[1] *Клемешова М.Е.* Комплекс лепной керамики… С. 97–99.

[2] *Клемешова М.Е.* Лепная керамика поселения Полянка… (в печати).

лепной посуды позволяют говорить о существовании одних и тех же культурных гончарных традиций в III-I вв. до н.э. в Восточном Крыму и предполагать родственность групп населения, изготавливавших такую керамику, на поселениях Золотое Восточное (Сююрташ) и Полянка.

POTTERY TRADITIONS OF HAND-MADE POTTERY MAKING OF THE POPULATION OF ZOLOTOE VOSTOCHNOE (SJUJURTASH) SETTLEMENT, EASTERN CRIMEA

M.E. Klemeshova (Moscow)

The article presents the description of pottery traditions of making of hand-made pottery from III-II c. BC levels of Zolotoe Vostochnoe (Sjujurtash) settlement situated in Eastern Crimea. This review includes choice of raw material, paste composing and firing atmosphere conditions. Morphological types of these vessels were ascertained. These data were compared with the similar information about hand-made pottery of Poljanka settlement, I c. BC, situated at the same region. Raw material, paste compounds and firing atmosphere conditions were determined using the methods developed by A. A. Bobrinsky. The results of comparison allowed the author to suppose that the population of these two settlements were related.

Key words: pottery traditions, hand-made pottery, Sjujurtash settlement.

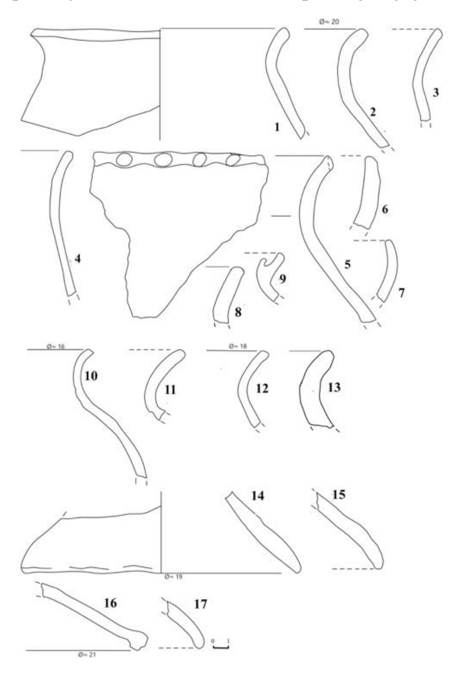

Рис. 1.

АНТИЧНЫЙ МИР. ГРЕЦИЯ И ЭЛЛИНИЗМ

МИФОЛОГИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ ОСНОВАНИЯ АФИН И ОЛЬВИИ

В.А. Бурсеитова(Белгород)

В статье рассматривается мифологическая традиция основания Афин и Ольвии, выделяются сходные и различные черты в мифологических представлениях эллинов центра и периферии античного мира. Автор сопоставляет роль богов и героев в создании городов.
Ключевые слова: миф, Афины, Ольвия, полис, культ, боги, герои.

В современном мире все больше людей живет в крупных и непрерывно растущих городах. Вместе с ростом городов обостряются проблемы их существования. Концентрация жителей в городах неустанно продолжается и становится одним из наиболее типичных явлений нашего времени. Другим аспектом актуализации проблемы является вопрос о соотношении центра и периферии. В античной Греции такого противопоставления не наблюдалось, они воспринимались не как антагонистические элементы, а как необходимые два компонента одной системы «город – хора», которая, в сущности, и представляла собой полис. Таким образом, центральные и периферийные регионы Эллады существовали в теснейшей межрегиональной связи друг с другом, однако, каждый регион имел свои особенности полисной культуры, религиозных традиций и мифологических представлений.

На примере древнегреческих городов Афин и Ольвии мы определим, какое место занимает мифология в основании городов, в чем состоит специфика традиции конкретного полиса.

По мнению К.М. Колобовой, возникновение Афин связано с появлением в них древнего Кремля – Кекропии, расположенного на скалистом холме[1]. Афиняне классического периода были глубоко убеждены в том, что они составляли коренное население страны. Фукидид пишет: «Аттика по причине скудости почвы с самых давних времен не испытывала внутренних переворотов и всегда была занята одним и тем же населением» (История, I, 2).

[1] *Колобова К.М.* Древний город Афины и его памятники. Л., 1961. С. 64.

Местное население связывает образование Афин с первыми царями афинского Акрополя, династия которого начиналась с Кекропса, считавшегося основателем древнейшего Афинского государства[1].

Тело Кекропса, по словам Аполлодора, представляло собой соединение человека и дракона (Apoll. III. 14. 1). Когда Кекропс основал город, названный потом Афинами, он не мог решить, кого выбрать покровителем названного города – богиню Афину или бога Посейдона. Эта нерешительность царя Кекропса вызвала спор между богами – Афиной и Посейдоном. Боги сошлись на нынешнем Акрополе, чтобы рассудить спор на месте[2]. Богиня Афина одержала победу, и город был назван в ее честь.

Таким образом, согласно мифологическим представлениям греков, был основан город Афины, получивший свое название от богини – покровительницы города.

Основание Ольвии также мифологически связано с Элладой, ведь именно с этой территории началась массовая миграция в сторону Северного Причерноморья. Согласно мифическим сказаниям, миграции были обусловлены поиском золота и других драгоценных металлов. Об этом свидетельствуют сведения о первых понтийских мореходах – аргонавтах, которые пытались найти золотое руно.

Мифическим родоначальником всех эллинов и эпонимом Эллады был Эллин, внук знаменитого Прометея, а по одной из версий мифа, сын самого Зевса – верховного владыки всех богов и людей на земле. Его сыновья и внуки: Дор, Эол, Ион считались эпонимами основных эллинских племен: дорийцев, эолийцев и ионийцев[3]. Первоначально последние из них обитали в Афинах и Аттике. Впоследствии, приблизительно на протяжении XI–IX вв. до н.э., часть из них переселилась в Малую Азию, где было основано много городов и поселений вдоль западного побережья.

Синхронно с экономическим расцветом ионийских городов происходило возрастание военного могущества Лидийского, а затем и Персидского царств. Их цари с целью грабежей и разорения сельскохозяйственных территорий ионийцев вели с ними продолжительные войны, в особенности с наиболее крупным и процветающим полисом Милетом. Это и явилось главной причиной переселения эллинов в более безопасные места.

---

[1] *Страшкевич К.Ф.* Афины в отношении местности и важнейших памятников искусства. Киев, 1874. С. 97.

[2] *Цыбульский С.О.* Древний город Афины и его гавани. М., 1890. С.28.

[3] *Жебелев С.А.* Милет и Ольвия // Северное Причерноморье. М., 1953. С.119.

Нижнее Побужье представляло собой в Северном Причерноморье тот первый регион, который милетяне избрали для постоянного места жительства большой группы переселенцев из Ионии. Его преимущества перед другими местностями заключались в сложившейся к моменту колонизации демографической ситуации – полном отсутствии местных земледельцев. Не кочевали в то время в степях и скифы. Очень благоприятными оказались и природные условия. В пределах второй четверти VII в. до н.э. милетские мореходы совершали плавания вдоль западного и северо-западного побережья Черного моря вплоть до Днепра[1].

«Борисфен величайшая из рек после Истра… не только среди скифских рек, но и среди всех других, кроме египетского Нила. Из остальных Борисфен самый полноводный, он представляет прекраснейшие пастбища для домашнего скота. В нем водится множество превосходнейших рыб. Вода на вкус очень приятная. Урожай на его берегах бывает превосходнейший, а там, где землю не засеивают, растет чрезвычайно густая трава. У устья его сами собой отлагаются огромные запасы соли и водятся огромные бескостные рыбы, которых называют антакаями…» (Herod., IV, 53).

В начале 2-й четв. VI в. до н.э. были основаны Ольвия на правом берегу Бугского лимана и ряд полисов на Керченском полуострове. Тем не менее, первоначально на территории большого города обосновалась совсем незначительная группа первопереселенцев (апойков).

Население Ольвии считало своим покровителем Ахилла Понтарха, ведь считалось, что именно остров в устье Борисфена и был тем местом, куда Фетида, мать Ахилла, принесла своего сына после его смерти у стен Трои. Этого мнения придерживается и К.С. Горбунова, которая высказалась о существовании на Березани святилища Ахилла Понтарха.

За состояние святилища отвечала коллегия архонтов. Каждый год по истечении службы они ставили благодарственные посвящения Ахиллу Понтарху на мраморных плитах в разных пограничных местностях, но только к западу от города. В основном это были остров Березань, побережья Березанского и Тилигульского лиманов. Известны также посвятительные плиты от ольвийских стратегов, агораномов и жреца Зевса.

Культ Ахилла был распространен на всей территории Эллады, однако, достигнув Северного Причерноморья, Ахиллу был присвоен сакральный эпитет «Понтарх», что означало «Обладатель Понта».

---

[1] *Крыжицкий С.Д.* Ольвия. Раскопки, история, культура. Николаев, 1997. С. 43.

Переселенцы присваивали Ахиллу хтонические черты, они видели в нем связь с морем. Это позволило в период колонизации перенести культ Ахилла в Северное Причерноморье, а также на территорию Ольвийского государства[1].

Первопоселенцы, исходя из своей глубокой приверженности метрополии, называли свое поселение Милетополем, однако это название просуществовало совсем недолго и не стало широко известным грекам Средиземноморья.

Название «Ольвия», согласно легенде, город получил тогда, когда местные жители организовали специальное посольство с целью обращения к оракулу Аполлона в его святилище в Дидимах близ Милета. По прорицанию оракула, новый полис на правом берегу Гипаниса получил постоянное название «Ольбиэполис» или, в сокращенном варианте, Ольбия – «счастливый полис»[2].

Таким образом, сходство в мифологической традиции основания рассматриваемых городов заключается в том, что основатели Афин и Ольвии вели свое происхождение от Эллина, внука Прометея, а по одной из версий мифа, он был сыном верховного владыки всех богов и людей на земле – Зевса. Это подчеркивает их связь с мифологическими персонажами – Прометеем и Зевсом.

Проанализировав легенды, мы можем утверждать, что главная идея об основании Афин заключает в себе прямую связь с верховными древнегреческими богами. Спор двух богов акцентирует наше внимание на связи полиса с богиней мудрости, организованной войны и военной стратегии Афиной и одним из трех главных богов, повелителем моря Посейдоном.

Подобно Афинам, Ольвия тоже имела своего покровителя, который стал верховным божеством местного пантеона. Население Ольвии показывало свою связь с легендарным героем Троянского цикла, учитывая то, что мать Ахилла принесла тело погибшего сына на территорию Борисфена. Это место ольвиополиты считали священным.

Культ Ахилла, распространившись по всех территории Эллады, достиг и Северного Причерноморья. Именно тут Ахиллу было присвоено сакральное имя «Понтарх» или «Обладатель Понта». Это было обусловлено тем, что в культе Ахилла присутствовали хтонические черты. Переселенцы видели в нем связь с водной стихией. Основав

---

[1] *Захарова Е.А.* К вопросу о хтонической сущности культа Ахилла в Северном Причерноморье // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 3. СПб., 2004. С. 350.

[2] *Русяева А. С.* Ольвия Понтийская. Город счастья и печали. Киев, 2004. С. 56.

греческие поселения в прибрежных зонах, население Ольвии нуждалось в могущественном покровителе, который был непосредственно связан с морем и, отчасти, загробным миром.

Происхождение названий городов также носит в себе мифологические черты: спор богов в Афинах и посольство ольвийцев к оракулу Аполлона.

THE MYTHOLOGICAL TRADICION OF THE FOUNDING OF ATHENS AND OLBIA

V.A. Burseitova

The article discusses the mythological tradition of the founding of Athens and Olbia, identifies similar and different features in the mythological representations of the Hellenes of the center and periphery of the ancient world. The author compares the role of gods and heroes in the creation of cities.

Key words: myth, Athens, Olbia, polis, cult, gods, heroes.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МУЖЧИНЫ И ЖЕНЩИНЫ В СЕМЬЕ ПО ДАННЫМ ТРАГЕДИЙ ЭСХИЛА

С.В. Шалимова (Тула)

В статье на основе анализа трагедий Эсхила исследуются семейные межличностные отношения в греческом обществе. Автор характеризует гендерные аспекты семьи, а также выявляет роль чувств в союзе мужчины и женщины.

Ключевые слова: Древняя Греция, Эсхил, семья, гендер, роль женщины, брачные отношения.

Семья относится к числу таких социальных институтов, социальных групп, составляющих базис общества, интерес к которым во все времена носит неизменный характер. Семья как социальный институт оказывает значимое влияние на общество в целом, перспективы и проблемы его развития, а как малая группа – на индивида, в частности, на его формирование в разных направлениях: социальном, культурном, психологическом.

Современная эпоха отличается кризисом всех традиционных институтов общества, в частности, семьи. В связи с этим возникает вопрос о трансформациях семьи как социального и историко-культурного феномена и выявлении его уникальных характеристик и качеств на конкретном историческом материале. Античность заложила фундамент европейской цивилизации, культура которой до сих пор

испытывает огромное влияние того мощного интеллектуального заряда, который появился в Элладе еще в VI в. до н.э. Наследие Древней Греции, в первую очередь, ассоциируется с гуманизмом. Античная философия и этика являются школой мышления для всех последующих времён. Именно античная этика заложила основы всей европейской этической мысли. Именно в античности были поставлены важнейшие этические проблемы и намечены варианты их решения. Немаловажно, что в античную эпоху впервые в мировой истории была осознана ценность человеческой личности и созданы условия для ее раскрытия и совершенствования.

В контексте «семейной проблематики» многими авторами сделан акцент на положении и роли женщины, её взаимоотношениях с членами семьи, способах поведения и вариантах решения ею семейных и общественных проблем.

Роль женщины в обществе подробно раскрывает относительно молодое научное междисциплинарное направление – гендерная история. В этом ключе сохраняет познавательную ценность работа Е. Вардиман «Женщина в древнем мире». Автор раскрывает особенности положения женщины в греческом обществе и семье, особенности социального статуса женщины как следствия родовых традиций древнегреческого общества[1].

В статье «Греческая женщина античной эпохи: путь к независимости» И.С. Свенцицкая раскрывает традиции греческого общества как фактор, влияющий на неравноправное положение женщины в нем[2]. О том, что к классическому периоду в греческой культуре утвердилась женофобия, пишет В.Л. Правда в статье «Женщины в библейской и античной культурах». По мнению автора, на практике женофобия проявилась в полном подчинении женщины мужчине. Греки относились к женщине презрительно и считали ее существом неполноценным, более низким, находящимся на полпути между человеком (т.е. мужчиной) и животным или рабом, каковой тоже рассматривался как скот[3].

Подтверждение подобного отношения к женщине можно встретить у Эсхила в трагедии «Семеро против Фив», правда, речь у него идет о пленницах:

---

[1] *Вардиман Е.Е.* Женщина в древнем мире. М., 1990. 334 с.

[2] *Свенцицкая И.С.* Греческая женщина античной эпохи: путь к независимости // Человек в кругу семьи. Очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени / Под ред. Ю.Л. Бессмертного. М., 1996. С. 74–102.

[3] *Правда В.Л.* Женщины в библейской и античной культурах // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 324. С. 139–145.

Нас вам не жаль,
Дев и жен кадмейских,
Молодых и стариц дряхлых?
Как табун кобылиц, в полон
За косы нас, в лохмотьях риз,
Гость повлечет.

(Aesch. Sept. II).

Но и собственным женам в семье отводилась незначительная роль:

Мужское дело – жертвы заколоть богам
И учреждать гаданья, коль у стен враги;
Твое ж – в молчаньи скромном домоседствовать.

(Aesch. Sept. II).

Однако здесь же обнаруживаем тот факт, что с мнением женщины могли считаться в принятии важных решений. Так, Этеокл, правитель Фив, противится участию женщин в решении вопроса о защите Фив, но, в конечном итоге, вынужден с ними считаться: «Я с женщинами дела не хочу иметь. Одержат верх – наглеют так, что спасу нет…». И далее одна из фиванских девушек предлагает помощь в вопросе о защите города: «Послушался бы женщин, хоть не любишь их», на что Этеокл отвечает: «Скажите мне, что делать, только коротко». (Aesch. Agam. II; Sept. I).

Глубоко уважительное отношение к царице – жене Агамемнона находим в трилогии «Орестея», где один из старейшин обращается к Клитемнестре: «Пред твоим величием склоняюсь я: долг подданных царицу чтить, когда на троне мужеском владыки нет» (Aesch. Agam. I). Более того, здесь отмечаются способности женщины в том, что она вполне может заменить своего мужа-царя, пока тот на войне, проводится аналогия с мужчиной в способности к мудрости. «Как мудрый муж, высокая жена, ты речь отрадную держала» (Aesch. Agam. I).

Таким образом, с мнением женщины в определенных ситуациях считались, его признавали, и устоявшиеся взгляды на положение женщины как существа замкнутого и угнетенного не всегда находят подтверждение в литературной традиции.

Очевидно, что отношение к женщине определяло характер греческого брака. Супружество преследовало две цели: общегосударственную (у П. Гиро патриотическую) и частно-семейную. Главной целью брака было приумножение числа граждан, которые могли бы воспринять от отцов обязанности по отношению к государству: прежде всего, охранять его границы, отражать набеги врагов[1]. Меньше все-

---

[1] *Гиро П.* Быт и нравы древних греков. Смоленск, 2000. С. 140.

го приходилось ожидать духовной общности между супругами. Афинянин вступал в брак с таким же чувством, как отдать долг: без увлечения и довольно неохотно. Он вводил в свой дом законную жену потому только, что этого требовали интересы государства; но отводил ей точно определенное место в своем существовании, и, раз установив его границы, он не заботился более об устройстве семейного счастья. Брак означал для грека начало восхождения к итогу жизни, возможность познакомиться с новым поколением, а также способ организовать свою жизнь и свое хозяйство.

В историографии устоялось мнение, что греческий брак во все времена был браком по расчету. Решающее значение для него имели главным образом материальные соображения. Правило составляли денежные браки и подходящие браки по расчету. Однако литературный источник представляет свидетельство иного характера отношений в браке. В «Прометее прикованном» встречаем наставления Океанид:

Каждый пусть жену себе вровень берет!
И будет счастлив.
Нет, не женись на роскоши и богатстве,
не женись на знатности и породе, нищий,
кто живет трудами рук своих!

(Aesch. Prom. III. 3).

Другой отличительной чертой брака, по данным трагедий Эсхила, может быть названа взаимная симпатия и более высокие чувства между партнерами. Клитемнестра, пребывая в ожидании мужа с войны, повествует о своей жизни в браке с Агамемноном:

…и верная жена тоскует.
Та ж она, какой ее покинул он:
собакой сторожит дворец,
Хозяину покорна, и врагу страшна.
Дом цел: нигде царева не снята печать.
Как медный сплав подкрасить не сумела б я,
измены так не ведаю.
Мне чужд соблазн

(Aesch. Agam. II).

И в полном доме всех сокровищ
Краше – ее живой кумир,
Чье дыханье пленяет разум,
А глаза – луч огневых стрел,
Что Эрот спускает с лука...

(Aesch. Agam. II. 3).

Таким образом, изречения Клитемнестры можно рассматривать как подтверждение того, что брак на самом деле не ограничивался исполнением только лишь патриотической и религиозной, частно-семейной функций, а это был союз людей, которые не были безразличны друг другу. То же она подтверждает и далее: «Изныла я в тоске по муже… Жизнь была не в жизнь со дня, как оплыл он, – безмужней, безутешной мне! Уж в доме опустелом, запершись, сидеть вдовой живого мужа – горе горькое» (Aesch. Agam. III).

В трагедии Эсхила «Персы» автор продолжает и развивает вышеуказанные характеристики отношений в браке. Старец обращается к Атоссе, вдове царя Дария, матери царя Ксеркса: «Но, как око богов, засветился нам свет: то выходит царя венценосная мать и царица моя! Припадем же к стопам государыни все и приветственных слов принесем ей согласные дани! ... С богом ложе ты делила, бога персам родила» (Aesch. Pers. I).

Таким образом, изучение источника – трагедий Эсхила – позволило уточнить ряд аспектов относительно взаимоотношений мужчины и женщины в древнегреческой семье. Интерпретация трагедии позволила отойти от устоявшихся, традиционных трактовок по вопросу о статусе женщины в греческом обществе. Так, трагедии позволяют сделать вывод об определенной значимости личности женщины в семье. Женщина обладала некоторой автономией в решении вопросов, касающихся её лично; могла разрешить спор между мужчинами, или хотя бы повлиять на его ход; могла дать, вероятно, ценный совет, который мог быть принят мужчиной; в отдельных случаях её поступки, способ поведения сравнивали с мужскими. По мере того, как в литературной традиции женщина предстает в новом качестве, так же и союз мужчины и женщины обретает свойства, отличные от традиционных.

Безусловно, трагедия – это некоторая идеализация действительности, но поскольку театральные представления были наиболее эффективным средством воспитания граждан, в драмах наглядно обосновывались основные нормы поведения и давались ответы на самые актуальные проблемы социально-политической жизни того времени[1], значит, отношения, основанные на взаимоуважении, симпатии, и, вероятно, любви, гармоничный союз мужчины и женщины являлись важной составляющей ценностной системы греческого общества.

---

[1] *Ярхо В.Н.* Трагедия. М., 2000. С. 8.

THE RELATIONSHIP BETWEEN MEN AND WOMEN IN THE FAMILY ACCORDING THE TRAGEDIES OF AESCHYLUS

S.V. Shalimova (Tula)

Based on the analysis of Aeschylus's tragedies, the article examines family interpersonal relations in Greek society. The author characterizes the gender aspects of the family, as well as the role of feelings in the Union of men and women.

Key words: Ancient Greece, Aeschylus, family, gender, the role of women, marriage.

ДЕКАПОЛИС ПОД ВЛАСТЬЮ СЕЛЕВКИДОВ

Н.В. Жукова (Белгород).

В статье рассматривается территория Заиорданья, а точнее область Десятиградия в эллинистический период. Города, принадлежащие указанной территории, совместили в себе культуру западного и восточного мира, на базе которых появилась совершенно новая, синкретичная по форме, и вобрали в себя все характерные черты эпохи эллинизма. Заиорданье явилось пограничным пунктом в борьбе между Птолемеями и Селевкидами, имели важное стратегическое значение, поэтому необходимо выяснить устройство греко-македонских колоний, образовавшихся после завоевания Востока Александром Македонским.

Ключевые слова: Заиорданье, Александр Македонский, Селевкидское царство, эллинизм.

Мировая держава Александра Македонского после его смерти распалась, но распалась на царства, каждое из которых представляло собой не полис и не союз полисов, а обширное монархическое объединение, включавшее многие полисы как органическую составную часть.

Начало завоеваний Палестины Александром Македонским началось в 332 г. до н.э., когда его армия вступила в Палестину. Важной стороной его деятельности в покоренных областях было градостроительство. Точно известно об основании Александром около десятка городов, хотя многие исследователи доводят эту цифру до 70. Незаселенный район Заиорданья начал активно развиваться, благодаря Александру Македонскому, ведь именно он, а также Пердикка от имени македонского царя, основали ряд городов: Дион, Герасу, Пеллу (города принадлежат региону Десятиградия). Население городов составляли ветераны македонской армии, а также колонисты из Греции и

Македонии[1]. Города первоначально имели черты военных поселений, колоний, лишь впоследствии получивших полисные права.

Как и в других восточных странах, греческие колонии в Палестине основывались на местах древних поселений[2]. Греки выбирали для поселения древние города и превращали их в центры своей жизни в стране. Например, многие города Декаполиса претерпели изменения: Раббат-Аммон сменил свое имя на Филадельфию, Бет-Шеан стал Скифополем, Пехаль – Пеллой, Суссита – Антиохией Гиппос и т.д. И если имелись в Палестине города, известные нам только по своим греческим именам (такие как Селевкия и Антиохия на берегу озера Семехонитис, Панеас, Дион и Анфедон), то это не означает, что они были построены на свободных местах[3].

Градостроительная политика Александра преследовала, главным образом, военные цели, но значение ее вышло далеко за пределы замыслов завоевателя; эта политика в еще более внушительном масштабе и планомерно проводилась его непосредственными преемниками – диадохами. Политически они подчинялись наместникам, назначаемым Александром, и, по-видимому, сатрапам.

После смерти Александра Македонского в июне 323 г. до н.э. между его наследниками разгорается ожесточенная борьба за мировое господство, причем многие битвы произошли на территории Палестины. Переходный период диадохов закончился в 301 г. до н.э. (битва при Ипсе; Фригия в Малой Азии), когда на месте империи Александра возникло четыре царства. Произошло важное событие – Иудея на сто лет попадает под власть Птолемеев. Ситуация, в которой оказалась Иудея в эпоху эллинизма, кардинально отличалась от предшествующих периодов, когда эта небольшая страна находилась на окраине великих восточных империй: Ассирийской, Персидской. Теперь Иудея оказывается прямо между двумя на тот момент главными центрами силы средиземноморского мира. Территория Палестины стала пограничным пунктом между двумя обширными монархическими образованиями – царством Птолемея I с центром в Александрии, которое включало Египет, Кирену (Ливия), Кипр, юг Малой Азии, и царством Селевка I Никатора с центром в Антиохии в Северной Сирии, которое охватывало гигантскую территорию от запада Малой Азии до Инда[4].

---

[1] *Тантлевский И.Р.* История Израиля и Иудеи до 70 г. н.э. СПб., 2013. С. 224.

[2] *Левек П.* Эллинистический мир / Пер. с франц. Е.П. Чиковой. М., 1989. С.116.

[3] *Чериковер В.* Эллинистическая цивилизация и евреи / пер. с англ. В.Л. Вихновича. СПб., 2010. С. 176.

[4] *Тантлевский И.Р.* Указ. соч. С. 224.

После 301 г. до н.э. войны между Птолемеями и Селевкидами не прекращаются; с 274 по 168 г. до н.э. произошло шесть так наз. Сирийских войн. Палестина становится ареной боевых действий во время Четвертой сирийской войны. Данные события освещены у Полибия, который сообщает о победах Антиоха III, который в 218 г. до н.э. захватил северную Палестину и часть территории Заиорданья, очистив их от войск Птолемея[1]. Владения Селевкидов вновь расширились при Антиохе III (223–187 гг. до н.э.). Особенностью его политики была опора не только на греков, но и на древние местные самоуправляющиеся центры, что обеспечило ему поддержку достаточно широких слоев населения в разных областях его царства.

Окончательно Селевкиды подчиняют области Палестины в 198 г. до н.э., когда в решающем сражении близ Панеона в верховьях Иордана наносят поражение птолемеевской армии. Таким образом, Иудея переходит под власть Селевкидов. Пятая Сирийская война принесла неисчислимые бедствия для региона: «страна подверглась полному разгрому» (Ios. ant. Iud. XII, 129), значительная часть населения вынуждена была покинуть ее.

Устройство колоний в данный период можно проследить на примере городов Декаполиса. Так, при династии Птолемеев некоторые из них, как Скифополь и Филадельфия, были, вероятно, схожи с греческими автономными полисами, и в них были организованы все соответствующие демократические институты. Экономическую основу селевкидских городов составляли земледелие и торговля. Торговля, преимущественно транзитная, в общей системе экономики играла еще большую роль, чем в Египте. Наиболее развитыми в торговом отношении были города, расположенные на малоазийском и сирийском побережьях. Через них шли торговые пути как на восток, так и к европейскому побережью.

При господстве Птолемеев Палестина входила в состав провинции «Сирия и Финикия», включавшей также Заиорданье и финикийские города Тир и Сидон. При Селевкидах эти территории обозначаются как «Финикия и Келесирия», т.е. Южная Сирия. Провинция также перестала называться «стратегией», и изменилась на «сатрапию». Военный правитель, именовавшийся стратегом, не только был административным главой, но и командовал войсками[2]. Далее сатрапия делилась на мериды, а главой являлся меридарх. Затем области были

---

[1] Греческие и римские авторы о евреях и иудаизме. Т. I / под ред. И.В. Брагинской. М., 1997. С. 31.

[2] *Бикерман Э.* Евреи в эпоху эллинизма / изд. М. Гринберг, пер. с англ. Т.Б. Менской. М., 2000. С. 147.

разделены на более мелкую административную единицу – ном (позднее – топархия). В деревнях местное население избирало старост, комархов, представлявших его перед властями.

В период правления Селевкидов в Палестине происходила интенсивная эллинистическая урбанизация. В основном она развертывалась в прибрежной полосе, Северной Палестине и в Заиорданье. Эллинистические полисы с трех сторон окружали гражданско-храмовую общину в Иудее, не затронутую эллинистическим градостроительством. Хотя надежных данных о количестве жителей эллинистическо-римской Палестины нет, все исследователи признают, что неиудеи составляли от половины до двух третей жителей страны, а среди них беспрерывно возрастал удельный вес эллинов или эллинизированных представителей местного населения[1]. Это значительно усиливало степень воздействия эллинизма на остальное население Палестины, вовлеченной к тому же в эллинистическую систему хозяйства.

Как и в других странах, в Палестине греческие города являлись одновременно крепостями и экономическими центрами. Газа, Яффа, Дора, Самария, Абила, Гадара и Скифополь – все они являлись в эллинистический период сильными военными укреплениями. В этом отношении особенно характерны города Декаполиса: Газа и Гадара. Как эти, так и другие греческие города были окружены стенами, что символизировало их гражданскую независимость[2]. Разумеется, не все население находилось внутри города, со временем жители селились вне стен. Старый город оставался крепостью и административным центром.

Селевкидское господство над Палестиной длилось недолго. На протяжении первой половины II в. до н.э. царство сотрясали конфликты: во-первых, со стороны селевкидских властей последовало значительное вмешательство во владение, право и порядки иерусалимского святилища и религиозной общины, во-вторых, неудачные походы привели центральную власть в большую финансовую нужду, которая усиливала гнет подчиненных народов[3]. Вскоре иудейское общество охватил всеобщий национальный подъем, который усилился на фоне процесса упадка и заката селевкидского государства – после смерти Антиоха IV началась борьба в державе Селевкидов за престол. В 167 г.

---

[1] История Востока. В 6 т. Т. I. Восток в древности / отв. ред. В.А. Якобсон. М., 2002. С. 563.

[2] *Чериковер В.* Указ. соч. С. 174.

[3] *Нот М.* История Древнего Израиля / пер. с нем. Ю.П. Вартанова. СПб., 2014. С. 392.

до н.э. произошло восстание, известное как Маккавейская война (по имени предводителя из рода Хасмонеев – Иуды Маккавея).

Таким образом, Декаполис ведет свое начало с эпохи эллинизма. Именно в этот период происходит активное воцарение македонской династии на территории заиорданской Палестины. Покорение восточных окраин Заиорданья вплоть до Аравии привнесло развитую, богатую культуру, деятельных людей, которые сумели преобразовать данный регион. Македонские колонии строились по примеру греческих полисов, в городах были организованы все соответствующие институты власти. Наиболее масштабным было строительство городов Десятиградия во время власти Селевкидов. Новые города основывались на важных стратегических и торговых путях и служили связующим звеном между сатрапиями.

DECAPOLIS UNDER POWER OF THE SELEUCIDS

N.V. Zhukova

The article discusses the territory of Transjordan in the III-I centuries BC, namely the region of Decapolis. The cities belonging to this territory combined the culture of the western and eastern world, on the basis of which a completely new, syncretic form, and absorbed all the characteristic features of the Hellenistic era. Transjordan was the frontier point in the struggle between the Ptolemies and the Seleucids, which were of great strategic importance, therefore it is necessary to clarify the structure of the greek-macedonian colonies formed after the conquest of the East by Alexander the Great.

Keywords: Transjordan, Alexander the Great, Seleucid kingdom, Hellenism.

ЛЕВ В АНТИЧНОМ ИСКУССТВЕ
(на примере фигурки льва из Учебно-научной лаборатории «Палата древностей» ТГПУ им. Л.Н. Толстого)

А.А. Козлова (Тула)

В статье рассматривается ранее не опубликованная фигурка льва из коллекции Учебно-научной лаборатории «Палата древностей» ТГПУ им. Л.Н. Толстого. При интерпретации данного предмета автор обращается к изображению этого животного в античном искусстве. По мнению исследователя, предмет является декоративным носиком на сосуде, использовавшимся в качестве апотропея.

Ключевые слова: искусство, лев, античность, апотропей, религия, сосуд.

В коллекции античного отдела Учебно-научной лаборатории «Палата древностей» ТГПУ им. Л.Н. Толстого находится любопытная фигурка, изображающая льва. К сожалению, происхождение ее неизвестно. Фрагментарность фигурки (по всем краям отчетливо видны сколы), затрудняет интерпретацию данного предмета. Голова животного выполнена из красной глины. Внизу головы, ближе к краю скола, отчетливо просматривается черный лак. Черным лаком выделены и контуры пасти, носа и глаз животного. На месте отсутствующих ушей льва расположены небольшие несквозные отверстия. Размер предмета сравнительно небольшой – 3,5×2,5 см. Объемная часть собственно головы животного и гладкая плоская задняя стенка изделия позволяют сделать вывод, что фигурка явно была налеплена на стенку какого-то сосуда. На это указывает и то, что в пасти льва имеется сквозное отверстие, предназначавшееся, по всей видимости, для жидкости (воды или вина). Скорее всего, львиная голова является декоративным налепом-носиком на небольшом чернолаковом сосуде (см. рис. 1). Аналог подобного предмета опубликован[1]. Однако остается непонятным, являлся ли данный носик сосуда в виде головы льва чисто декоративным элементом, или же эта часть сосуда играла некую сакральную роль.

Лев по праву считается царем зверей. Всегда символизирующий мощь, царское достоинство, отвагу, силу и благородство, – его изображение с древних времен вошло в культуру многих народов. Лев в качестве эмблемы даже присутствует на боспорских монетах с конца VI по конец IV в. до н.э.[2]

Напомним, что золотые львы лежали у ног Зевса Олимпийского – статуи, исполненной из слоновой кости и золота Фидием и впоследствии причисленной к семи чудесам света. В качестве атрибута другого бога – Геракла – на рельефах и мраморной герме также была изображена шкура льва. В данном случае, по-видимому, Геракл выступал как символ хтонической стихии. Подвиги Геракла – это череда

---

[1] *Завойкин А.А., Добровольская Е.В.* Боги, люди, животные и птицы в святилище Деметры и Коры на Фонталовском полуострове // Боспорские чтения. Вып. VIII. Керчь, 2007. С. 123, 125. Рис. 11.

[2] Тип «голова льва – вдавленный квадрат» фигурирует в первых эмиссиях боспорского серебра. Появление типа «голова льва» на боспорских монетах трактуется как заимствование с чекана Самоса. Это предположение опиралось на гипотезу М.И. Ростовцева о наличии связей между Самосом и Пантикапеем. Противник этой гипотезы Д.Б. Шелов отрицал эту зависимость и связывал появление этого монетного типа с культом Аполлона, одним из символов которого являлся лев (*Кучеревская А.С., Федосеев Н.Ф.* Лев в искусстве древнего Боспора Киммерийского // Боспорские чтения. Вып. IV. Керчь, 2003. С. 161–162).

побед над хтоническими чудовищами. Немейский лев, согласно Гесиоду (Hesiod. Theog., 327), – поражение Ехидны и Орфа, чудовищного пса Гериона, убитого впоследствии Гераклом. Таким образом, вступая в поединок с этими чудовищами, Геракл входил в столкновение с хтонической стихией и побеждал ее. Немейский лев обитал в пещере с двумя входами. Подобную пещеру описал Порфирий («О пещере нимф»). По его словам, в ней совершаются обряды смерти и последующего воскрешения. Поэтому первый подвиг символизировал переживание Гераклом ритуальной смерти, после которой он уже становился бессмертным[1]. Все вышесказанное объясняет, почему в античном изобразительном искусстве лев часто появляется вместе с Гераклом. Фигура Геракла с львиной шкурой была даже отчеканена на кизикинах конца V в. до н.э. Семь подобных экземпляров входили в состав клада, найденного в Мирмекии[2].

В IV в. до н.э. по образцу монет Кизика боспорские мастера стали делать нашивные золотые бляшки, изображавшие Геракла, сжимающего шею льва. Способ расправы героя с противником указывает на борьбу с Немейским львом, то есть, на первый подвиг Геракла. В III в. до н.э. изображения юного Геракла в львиной шкуре появляются на монетах Ольвии и Тиры, а на монетах Херсонеса и Керкинитиды эллинистического времени чеканили профиль Геракла с львиным скальпом[3].

Лев связан также со многими женскими божествами. Так, крылатая Артемида иногда изображается держащей за ноги укрощенных львов в окружении изображений восьми «печатей сокрытых» как символа магической власти над циклом времени. Греческая богиня Кибела, правящая всей природой, также всегда появлялась в окружении львов. На боспорских статуях малоазийская богиня всегда представлена со львами – лев лежит у нее на коленях или сидит у ее трона, руки богини покоятся на подлокотниках кресла, оформленных в виде львов. На вотивных рельефах Кибела часто изображалась в окружении Гекаты и Гермеса-Психопомпа, что свидетельствует о ее принадлежности к хтоническим божествам. Лукреций в поэме «О природе вещей» представляет Кибелу защитницей городов и дарительницей плодов земли.

---

[1] Там же. С. 163-164.

[2] *Абрамзон М.Г., Фролова Н.А., Куликов А.В., Смекалова Т.Н., Иванина О.А.* Клады античных монет из собрания Керченского государственного историко-культурного заповедника. Киев, 2006. С. 27.

[3] *Зограф А.Н.* Античные монеты // МИА. 1951. Вып. 16. Табл. № 35, 19–22, 38.

По своим функциям покровительницы произрастающих сил она олицетворяла идею бессмертия[1].

Но помимо того, что лев выступает в качестве символа богов, он также является олицетворением смерти и возрождения. В сознании большинства эллинов, как и многих древних народов, в частности, скифов, жизнь и смерть не противопоставлялись друг другу, а находились в единстве и рассматривались как необходимые элементы бытия. Смерть в роли условия постоянного обновления и омоложения включалась в жизнь и определяла ее вечное движение[2]. Таким образом, мотив терзания хищниками разных животных обладал метафорическим обозначением смерти и возрождения. Объясняя смысл подобных сцен в изобразительном искусстве, Д.С. Раевский утверждал, что терзаемое существо как бы погибает заживо, до последнего мгновения оставаясь живой плотью, а поедающий его зверь – живая могила. Именно такой вид смерти, когда умирающее существо, в то же время, как бы не умирает, а остается жить в проглотившем его животном, наиболее соответствует смерти во имя сохранения жизни[3].

Сюжеты терзания травоядных животных львами и пантерами на памятниках искусства из античных государств Северного Причерноморья встречаются в основном на привозных вазах и ювелирных изделиях. Жители Боспора, безусловно, понимали аллегорию, заключенную в сценах, украшавших их перстни с изображением льва, терзающего быка. Теперь трудно с уверенностью оценить, насколько близко толкования современных исследователей соответствуют представлениям древних народов. Греки и римляне считали льва царем зверей; в литературе это ярче всего отразилось в баснях, сюжеты которых опирались на фольклор. Кроме того, в массовом сознании лев символизировал власть и могущество, поэтому с ним издавна сравнивали отважных героев и воинов[4].

Мраморные львы имеют аналоги среди скульптурных изображений в материковой Греции и, несомненно, были привезены на Боспор. Местные изображения львов в известняке отличаются значительно меньшими размерами и схематичностью исполнения. Таковы хранящиеся в лапидарии изваяния львов из местного известняка, вы-

---

[1] *Кучеревская А.С., Федосеев Н.Ф.* Ук. соч. С.164.

[2] *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М, 1990. С. 59.

[3] *Раевский Д.С.* Мир скифской культуры. М., 2006. С. 438–441.

[4] *Скржинская М.В.* Дикие животные в культуре и религии Ольвии, Херсонеса и Боспора (VI–I вв. до н.э.) // Боспорские исследования. Вып. XVI. Симферополь; Керчь, 2007. С. 33.

полненные в несколько условной манере, и стилизованная статуэтка, представляющая собой примитивное, упрощенное до схематизма изображение сидящего льва. Два фрагмента миниатюрных статуэток льва – мраморный обломок постамента с головой льва, лежащей на вытянутых передних лапах, и мраморная лапа льва – могли служить вотивными дарами[1].

В сознании людей эпохи античности лев символизировал власть и могущество, поэтому с ним издавна сравнивали отважных героев и воинов. Хорошо известно, что еще в архаический период греки устанавливали львов на могилах выдающихся воинов. Эти животные напоминали о храбрости погибших и символизировали силу и мощь. Хрестоматийные примеры памятников такого рода – скульптуры львов над погребениями героев сражений при Фермопилах и Херонее. В 480 г. до н.э. спартанский царь Леонид вместе с небольшим отрядом воинов погиб в бою у Фермопильского ущелья, но они задержали персов и дали возможность греческому войску отступить и собрать новые силы для борьбы с врагом. Сохранилась эпиграмма Симонида Кеосского «Лев на могиле Леонида», в которой обыгрывается значение имени царя «потомок льва»:

Между животными я, а между людьми всех сильнее
Тот, кого я теперь, лежа на камне храню.
Если бы львом именуясь, он не был мне равен и духом,
Я над могилой его лап не простер бы своих

(Перевод Л. Блуменау)[2].

Традиция ставить львов на некрополях сохранялась в Северном Причерноморье вплоть до римского времени. Здесь, как и в других греческих государствах, стиль изображений львов менялся в соответствии с изменениями вкусов и достижений античных художников, но смысловая значимость оставалась прежней. Древнейшие статуи такого рода, исполненные милетскими скульпторами в VI–V вв. до н.э., были обнаружены в Ольвии, а более поздние и местного производства – в Пантикапее[3]. Безусловно, что некоторые из этих памятников являлись стражами отдельных участков некрополя[4].

Об использовании образа льва как надгробного украшения и предохраняющего от всякого рода покушений свидетельствует целый

---

[1] *Кучеревская А.С., Федосеев Н.Ф.* Ук. соч. С. 163.

[2] *Скржинская М.В.* Ук. соч. С. 34.

[3] *Кучеревская А.С., Федосеев Н.Ф.* Ук. соч. С. 162; *Скржинская М.В.* Ук. соч. С. 34.

[4] *Русяева А.С.* Терракоты и фигурные сосуды // Культура население Ольвии и ее округи в архаическое время. Киев, 1987. С. 159-160.

рад памятников. Лежащий лев венчает монументальную стену Агенора из Аканфа (V в. до н.э.). В Римский период старались украшать надгробные памятники такими изображениями, которые имели предохранительное значение. Древние при выборе средств придерживались того мнения, что они действовали тем сильнее, чем больше возбуждали страх.

Употребление апотропеев является тем чаще, чем менее почитают покой усопших, и чем более распространяется разграбление могил. Боспорские некрополи дали нам громадное количество редких апотропеев, между которыми лев занимает выдающееся место[1].

В антропософии лев выступает как «Страж порога», встречающий каждого, желающего постигнуть сверхчувственный мир. Охранительные функции льва в эзотеризме получают дополнение в виде посвятительного, мистериального смысла. Поскольку в античные века верили, что лев спит с открытыми глазами, он стал символизировать бдительность, и превратился в идеального стража на дверях церквей, на могилах, монументах и мостах. Статуи львов охраняют двери дворцов и усыпальниц по всему свету, а голова льва с кольцом, вдетым в ноздри, часто является формой дверных ручек.

Греки считали, что изображения львов могут защитить отечество от всевозможных несчастий, и поэтому помещали их на воротах городов. Такое уходящее в глубокую древность представление существовало в Милете, где скульптуры двух огромных львов фланкировали ворота в порт. Эта традиция сохранялась и в колониях. На статуях двух сидящих мраморных львов IV в. до н.э., найденных близ Фанагории, видно, что их прикрепляли к стене[2].

Похожие ворота были и в Хаттусе. В крепостной стене было несколько ворот. Хорошо сохранились лишь Восточные (Царские) и Западные (Львиные). Наиболее известны Западные ворота, охраняемые двумя львами. Своими открытыми пастями они как будто отгоняют от города злые силы.

Близкое по смыслу значение имели изображения львов на сосудах и украшениях. В этом случае, вместе с декоративной ролью они явно выполняли и функцию оберегов, предохраняющих от разных бед владельцев этих предметов[3]. Головами или целыми фигу-

---

[1] *Кучеревская А.С., Федосеев Н.Ф.* Ук. соч. С. 162.

[2] *Савостина Е.А.* Эллада и Боспор. Историко-культурные связи и греческий импульс в развитии пластики Северного Причерноморья. Дисс. … док. искусств. М., 2004. С. 312; *Скржинская М.В.* Ук. соч. С. 35.

[3] *Фармаковский Б.В.* Архаический период в России // Материалы по археологии России. СПб., 1914. Вып. 34. С. 25–26.

рами львов украшали мужские перстни и печати, женские серьги, ожерелья, подвески, браслеты, кольца, диадемы, а также сосуды разных форм, предназначенные в основном для воды и вина. В изделиях архаического времени охранительные функции изображений рычащего льва имели более важное значение, чем декоративные, позже эти роли уравниваются, а в эллинистический период порой даже меняются местами[1].

В Северном Причерноморье лев с оскаленной пастью появляется на привозных сосудах и украшениях с первых лет освоения колонистами этих земель. Мы видим этого хищника на хиосских кубках и пиксидах, на ионийских кратерах и ойнохойях первой половины и середины VI в. до н.э. Они найдены на Березани, а древнейшие образцы украшений такого рода, датирующиеся второй половиной того же века, обнаружены в некрополе Ольвии: таковы различающиеся лишь в деталях пять пар золотых серег-наушниц с головами рычащих львов, помещенных в центре круглых щитков украшения[2].

Охранительная функция изображения льва, возможно, просматривается и на двух серебряных перстнях начала V в. до н.э. из Ольвии. В ромбовидный щиток, украшенный фигуркой готовящегося к прыжку животного, по углам вбиты маленькие гвоздики из электра; они, по древним поверьям, как и львы, защищали владельцев от всяких бед[3].

Таким образом, исходя из всего вышесказанного, с большей долей вероятности можно сделать заключение о том, что фигурка рассматриваемого нами льва из Учебно-научной лаборатории «Палата древностей», явно выполняла не только функцию декоративного налепа-носика, но и являлась апотропеем, оберегающим и защищающим хозяина от злых сил и недугов. Не исключено, что это было неразрывно связано с непосредственным содержанием данного сосуда (воды или вина). Именно с такой позиции, по всей видимости, и надо рассматривать данное произведение античного искусства.

---

[1] *Скржинская М.В.* Ук. соч. С. 35.

[2] Там же. С. 35-36.

[3] *Максимова М.И.* Резные камни // Античные государства Северного Причерноморья. М., 1955. С. 438-439.

LION IN THE ANCIENT ART (on the example of the figure of the lion from the science lab collection “Chamber of antiquities” TGPY of L.N. Tolstoy)

A.A. Kozlova (Tula)

In article the earlier not published figure of a lion from the science lab collection «Chamber of antiquities» TGPY of L.N. Tolstoy. At its interpretation the author shines also use of the image of this animal in all kinds of an ancient art. According to the author, the subject is a decorative nouse on a vessel, being guardian.

Keywords: art, a lion, antiquity, guardian, religion, a vessel.

Рис. 1. Декоративный налеп – носик античного сосуда из коллекции Учебно-научной лаборатории «Палата древностей» ТГПУ им. Л.Н. Толстого.

АНТИЧНЫЙ МИР. СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

ДИНАСТИЯ АРХЕАНАКТИДОВ НА БОСПОРЕ

И.А. Швыряев (Тула)

В статье рассматриваются различные версии происхождения и характера власти Археанактидов, правивших на Боспоре в V в. до н.э. Также рассматриваются условия, при которых они пришли к власти. По мнению автора, версия о тираническом характере власти Археанактидов является более аргументированной и соответствующей всем имеющимся данным источников.

Ключевые слова: Археанактиды, Пантикапей, Боспорское царство, тирания, олигархия.

Греко-варварское Боспорское государство во многом уникально, и именно эта необычность привлекает учёных к его изучению. Однако, несмотря на это, ранняя его история пока плохо изучена из-за недостатка источников, что порождает большой простор для различных теорий и споров. Одной из самых сложных проблем истории раннего Боспора является вопрос о характере власти Археанактидов, под которыми обычно подразумевают его первых правителей.

Единственное известное нам письменное сообщение, упоминающее представителей этой династии, принадлежит Диодору: «В архонтство Феодора в Афинах (…) переходя к Азии: лица, являвшиеся басилеями Киммерийского Боспора, а названные Археанактидами, правили сорок два года; перенял же власть Спарток и правил семь лет» (Diod. XXII.31.1)[1].

Единичность этого сообщения породила большие споры о терминологии, используемой в нём Диодором[2]. Правда, кроме этого со-

---

[1] Перевод дан по И.Е. Сурикову (*Суриков И.Е.* Некоторые проблемы Боспорского политогенеза V–IV вв. до н.э. («Взгляд из Эллады») // Древнейшие государства Восточной Европы. 2012 год: Проблемы эллинизма и образования Боспорского царства. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2014. С. 81–82).

[2] *Суриков И.Е.* Ук. соч. С. 76–122; *Завойкин А.А.* Были ли Археанактиды «царями Киммерийского Боспора» (Diod. XXII.31.1.)? К периодизации становления Боспорского государства // Эмбатерион. Сборник статей по искусствоведению, филологии, истории [К 70-летию В.П. Яйленко]. М.: Изд-во МГУ, 2011. С. 291–299; *Чурекова Н.Б.* К проблеме периодизации тирании на Боспоре // Древнейшие государства Восточной Европы. 2012 год: Проблемы эллинизма и образования Боспорского царства. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2014. С. 175–187; *Шелов-Коведяев Ф.В.* Кем были «ар-

общения, нам доступны еще и данные археологических раскопок[1]. Но на этом список прямых источников по истории Археанактидов заканчивается.

Проблема характера власти Археанактидов давно привлекает внимание ученых[2], и однозначного ответа на вопрос, были ли Археанактиды тиранами, олигархами или царями, пока нет. Нам известно, что Археанактиды были знатным родом из Милета (некоторые учёные считают, что из Митилены)[3], и переселились в Пантикапей либо в момент основания города, либо после подавления ионийского восстания (499 г. до н.э.). На новой родине они имели, либо приобрели большое влияние, благодаря чему в период внешней опасности и внутренних неурядиц смогли захватить власть в городе. Правили они, скорее всего тиранически, подобно «старшим» тиранам, к тому времени уже сошедшим со сцены в других областях Греции, но возродившимся на Боспоре, видимо, из-за того, что молодому городу пришлось заново проделывать тот сложный путь, который уже был пройден другими греческими городами.

Противники тиранического характера правления Археанактидов чаще всего указывают на следующие обстоятельства. По Диодору, Спарток принял правление не от конкретного правителя, а ото всех Археанактидов в целом, что может указывать на коллективный характер их власти. Более того, в греческом мире почти неизвестно ни одного случая прямого перехода власти от одного тирана к другому (исключая один единичный случай, произошедший в 491 г. до н.э. в Геле:

хеанактиды»? // Древнейшие государства Восточной Европы. 2012 год: Проблемы эллинизма и образования Боспорского царства. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2014. С. 57–63; *Молев Е.А.* Археанактиды – кто они? // Боспорские чтения. Традиции и инновации. Симферополь; Керчь, 2018. С. 309–316.

[1] *Вахтина М.Ю.* Боспорская элита до эпохи Спартокидов // Элита Боспора Киммерийского: традиции и инновации в аристократической культуре доримского времени / Боспорские исследования. Вып. XXXIV. Керчь: Керченская городская типография, 2017. С. 25-111.

[2] *Жебелев С.А.* Боспорские Археанактиды // *Жебелев С.А.* Северное Причерноморье. Исследования и статьи по истории Северного Причерноморья античной эпохи. М.; Л.: Наука, 1953. С. 21–28; *Блаватский В.Д.* Античная археология и история. М.: Наука, 1985. С. 207–211; *Виноградов Ю.Г.* Полис в Северном Причерноморье // Античная Греция. Проблемы развития полиса. Том 1. Становление и развитие полиса / Под ред. Е.С. Голубцовой. М.: Наука, 1983. С. 366-420; *Васильев А.Н.* К вопросу о времени образования Боспорского государства // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. СПб.: Глаголъ, 1992. С. 111–128.

[3] *Блаватский В.Д.* Ук. соч. С. 207–211.

передача власти от Пантаридов Дейноменидам). Обычно существовал определённый переходный период, когда-либо в государстве управляли олигархи, либо в нём возрождалась полисная демократия.

Кроме того, Археанактиды мало правили для династии (всего 42 года), из которой неизвестно ни одного имени, что нехарактерно для древнегреческой историографии. Имя Археанакт не может считаться именем правителя-основателя династии из-за того, что в Древней Греции не всегда имя основателя династии использовалось в ее названии (Медонтиды в Афинах, Пантариды в Геле, Дейномениды в Сиракузах). Следовательно, отсутствие личных имён свидетельствует о том, что характер правления Археанактидов был коллективный, а они, скорее всего, были олигархией одного рода («крайней олигархией» по Аристотелю), наподобие Бакхиадов. При этом термин «басилеи» не всегда указывает на монархический, либо тиранический, характер управления, ведь многие древние авторы характеризуют таким образом, в том числе, и олигархию. Слово же «Археанактиды», можно также перевести как «древние правители», что явно указывает на коллективный характер власти[1].

В ответ, сторонники тиранического характера правления Археанактидов приводят следующие доводы. Множественное число в сообщении Диодора могло появиться в результате того, что Археанактиды были тиранией либо отца и сына, либо братьев, последовательно сменявших друг друга. Факт того, что пока нам известен лишь один пример прямого перехода власти от тирана к тирану, не доказывает того, что такое событие не могло произойти в Пантикапее в 438 г. до н.э. Факт скоротечности правления Археанактидов, не доказывает того, что они не были тиранами. Одна из самых ярких династий тиранов – Писистратиды, правили всего 40 лет (без перерыва с 546 по 510 гг. до н.э., учитывая десять лет изгнания Писистрата). При этом в истории есть тиранические династии, имена которых действительно происходили от их основателей (Писистратиды).

Следовательно, доказательства того, что Археанакт не мог быть первым правителем Пантикапея, неубедительны. Большинство греческих авторов не имело и не стремилось иметь устоявшеюся классификацию политических режимов, и называла формы правления в каждом конкретном случае так, как им это казалось удобным. Напомним, что в тексте Диодора говорится, что они «именуются» Археанактидами. Если бы речь шла не об имени, а о названии (глагол, использованный Диодором, имеет и то, и другое значение) и, тем более, не конкретного

---

[1] *Молев Е.А.* Ук. соч. С. 309-316; *Суриков И.Е.* Ук. соч. С. 76–122.

рода, а неких «древних правителей», то Диодор скорее использовал бы более подходящий глагол, со значением «звать», «называть»[1].

В доказательство тиранического характера правления Археанактидов можно также привести следующие аргументы. Диодор называет характер правления Археанактидов тем же словом, что и Спартокидов, которые, безусловно, не являлись олигархами[2]. Более того, в это время произошло вторжение новых групп кочевников на Боспор, в связи с чем старые связи с прежними скифскими правителями были нарушены[3], а город оказался под угрозой нападения[4]. Усилились конфликты с соседними греческими городами, из-за претензий Пантикапея на лидерство в регионе. Внутри города происходили социальные конфликты, традиционные для Древней Греции: между аристократами и ремесленно-торговыми богачами, а также между ними вместе взятыми и простым демосом. Кроме того, в это время (490–480-е гг.) город подвергся разграблению скифами. Возможно, была ещё опасность и от персов, которые незадолго до этого начали свою экспансию в скифские земли, совершив экспедицию к берегам Боспора[5]. Всё это создавало достаточную почву для той напряжённости, которая обычно и позволяла тиранам брать власть. Более того, в условиях внешней опасности передача власти тиранам была обычна для греческой периферии. Так было в Сицилии (режим Дионисия) и на Кипре (режим Эвагора).

Проблема характера власти Археанактидов, скорее всего, еще долго не будет находить однозначного решения из-за слишком малого количества доступного для исследования материала. Несмотря на это, версия о тираническом характере власти Археанактидов, является более аргументированной и соответствующей всем имеющимся данным источников.

---

[1] *Молев Е.А.* Ук. соч. С. 309-316.

[2] Там же. С. 309-316.

[3] *Виноградов Ю.А., Горончаровский В.А.* Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н.э. – середина III в. н.э.). СПб.: Нестор-история, 2009. С. 46-59.

[4] *Цецхладзе Г.Р.* Боспорское царство: Особенности образования и развития // Древнейшие государства Восточной Европы. 2012 год: Проблемы эллинизма и образования Боспорского царства. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2014. С. 200–235.

[5] Там же. С. 213-220.

DYNASTY OF ARCHIANAKTIDES ON THE BOSPORUS

I.A. Shvyryev (Tula)

The article discusses the various versions of the origin and nature of power Archeanaktides who ruled the Bosporus in the 5th century BC. The conditions under which they came to power are also considered. According to the author, the version of the tyrannical nature of power Archeanaktides, is more reasoned and consistent with all available data sources.

Keywords: Arheanakt, Panticapeum, The Kingdom of Bosporus, tyranny, oligarchy.

ФИНИКИЙСКАЯ БУСИНА-АМУЛЕТ ИЗ РАСКОПОК АНТИЧНОГО ГОРОДИЩА МИХАЙЛОВКА В ВОСТОЧНОМ КРЫМУ

С.П. Какушкина (Тула)

Статья посвящена изучению финикийской бусины-амулета, найденной при раскопках на городище Михайловка в Восточном Крыму. По мнению автора, единичная находка с городища Михайловка подтверждает вывод о том, что уже в классический период истории Древней Греции магические представления восточного происхождения проникали в греческую среду, в том числе, и на периферию античного мира.

Ключевые слова: финикийская бусина-амулет, бусина-апотропей, городище Михайловка, Карфаген, сердечник, стеклянная паста.

В коллекции Учебно-научной лаборатории «Палата древностей» ТГПУ им. Л.Н. Толстого находится фрагмент любопытной бусины, с выразительным изображением человеческого лица. Известно, что найдена она была во время раскопок городища Михайловка в Восточном Крыму. К сожалению, обстоятельства нахождения нам неизвестны. Можно только отметить, что это достаточно большое и хорошо исследованное городище. Раскопки памятника в течение многих полевых сезонов (1963–1975, 1978–1985, 1987 гг.) проводились под руководством Бориса Георгиевича Петерса.

Общая площадь поселения составляет около 1 га, мощность культурного слоя достигает 1,5 м. Городище существовало с IV в. до н.э. по III в. н.э., однако встречаются и находки рубежа IV–V вв. до н.э., и VIII–IX вв. н.э. Материал с данного памятника мало отличается

от вещевых комплексов других боспорских поселений этого времени[1]. Однако указанная бусина не является типичной находкой для таких городищ.

Подобные фрагменты восточно-средиземноморских изделий из густого тёмно-синего стекла с орнаментом из жёлтых и белых полос, датируемые ещё V в. до н.э., очень редко встречаются на Боспоре[2]. Все бусины изготовлены из аналогичного материала, имеют цилиндрическую форму и изображают лица, выполненные накладной жёлтой пастой. Такие бусы принято называть «лицевыми»[3], и эти находки нечасто встречаются в античных центрах Северного Причерноморья. Причём в основном, бусины находят вне слоя и, что примечательно, они почти всегда плохо датированы. Именно эти факты заставляют ученых обращать на данные объекты особое внимание[4].

Наша бусина имеет размеры: высота – 2,5 см., ширина – 2 см., диаметр отверстия – 0,7 см. Выполнена она из тёмно-синей, почти чёрной пасты с личиной, обозначенной на обеих сторонах (Рис. 1). Почти всю поверхность цилиндрического ядра занимают огромные глаза, выполненные в виде двух широких концентрических окружностей. Внешние круги (также из жёлтой пасты) соединяются в центре и заканчиваются опускающимся книзу рельефным крючковатым носом. По бокам подвески обозначены слегка волнистые пряди волос, сверху и снизу завершающиеся бородавчатыми выступами, имитирующими кудри.

Такие изделия декоративно-прикладного искусства изготавливались вручную, в технике глинисто-песчаного сердечника, были штучными и стоили очень дорого. Ядро их создавалось многослойной навивкой широкого жгута из стеклянной пасты на сердечниках. Отсюда большой диаметр отверстия. В процессе изготовления изделия неоднократно оплавлялись, из-за чего создавалась гладкая и блестящая поверхность. Конечно, главными их элементами являлись огромные кольчатые глаза и бородавчатые налепы, обозначающие кудри причёски и бороды, выполненные из накладной жёлтой стеклянной пасты,

---

[1] *Петерс Б.Г.* Михайловское поселение античного времени // Проблемы советской археологии. М., 1978. С. 7-127; *он же.* О работах Михайловской экспедиции (1963-1983 гг.) // КСИА. 1985. №182. С. 23.

[2] *Молев Е.А.* Финикийские подвески-апотропеи из Китейского святилища // Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира. СПб., 2009. С. 227–230.

[3] *Гороховская А.Л., Циркин Ю.Б.* Северное Причерноморье и Карфаген // Причерноморье в эпоху эллинизма. Материалы III Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Цхалтубо-1982. Тбилиси, 1995. С. 207.

[4] *Молев Е.А.* Ук. соч. С. 227.

которая в сколах и потёртостях выглядела белой[1]. Круглые глаза и в странах Востока, и в Греции имели значения апотропея[2]. Части подобного рода изображений воспроизводились на посуде, воинских щитах, как символ, отводящий всё дурное (сглаз). Что же касается сердечника ярко-синего окраса, то можно предположить, что данный цвет был выбран неспроста. Дело в том, что такой оттенок, как и огромные глаза, считался неким символом защиты. Место производства таких бус связывается с Карфагеном[3].

Считается, что на таких «лицевых» бусинах воспроизводился облик божества, но не греческой внешности, что не способствовало широкой популярности таких изделий у эллинов. По мнению Е.А. Молева, такие изделия могли принадлежать негреческому торговому населению (тем же карфагенянам или другим ближневосточным народам), попадавшему по торговым делам в города Северного Причерноморья. Не исключено, что это могли быть и греки, прибывшие с Востока и купившие там столь необычные предметы[4]. Этому явно способствовали торговые отношения Боспорского царства со странами Востока и, в первую очередь, с Карфагеном[5]. В этой связи стоит отметить аналогичные редкие находки на Боспоре, появление которых здесь также связывают с торговыми отношениями с Карфагеном[6].

Тем не менее, заметим, что уже в V в. до н.э. весь греческий мир через посредничество Афин установил широкие торговые связи с Карфагеном[7]. Однако, находки восточных сакральных бусин в том же Северном Причерноморье единичны, что плохо согласуется с масштабом торговых операций, развернувшихся в это время. По нашему мнению, более правы те ученые, которые считают, что именно сакральная обусловленность этих изделий, в конце концов, приводила к тому, что они оказывались или в местах жертвоприношений, или в погребениях, выполняя роль оберегов[8].

Единичная находка с городища Михайловка подтверждает вывод о том, что уже в классический период истории Древней Греции магические представления восточного происхождения проникали в

---

[1] *Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья. М., 1975. С. 55.

[2] *Молев Е.А.* Ук. соч. С. 227.

[3] *Гороховская А.Л., Циркин Ю.Б.* Ук. соч. С. 208.

[4] *Молев Е.А.* Ук. соч. С. 229.

[5] *Циркин Ю.Б.* Карфаген и его культура. М.,1987. С. 74.

[6] *Копылов В.П.* О проникновении пунических товаров на Нижний Дон в IV в. до н.э. // Международные отношения в бассейне Чёрного моря в скифо-античное время. Ростов-на-Дону, 2006. С. 71–73.

[7] *Циркин Ю.Б.* Ук. соч. С. 74.

[8] *Молев Е.А.* Ук. соч. С. 229.

греческую среду, в том числе, и на периферию античного мира. Однако степень такого проникновения инокультурных магических представлений в религиозное мировоззрение боспорского населения еще предстоит выяснить[1].

PHOENICIAN BEAD-AMULET FROM THE EXCAVATIONS OF THE ANCIENT SETTLEMENT OF MIKHAILOVKA IN THE EASTERN CRIMEA

S.P. Kukushkina (Tula)

The article is devoted to the study of the Phoenician bead-amulet found during excavations in the settlement of Mikhailovka in the Eastern Crimea. According to the author, a single find from the settlement of Mikhailovka confirms the conclusion that already in the classical period of the history of Ancient Greece magical ideas of Eastern origin penetrated into the Greek environment, including the periphery of the ancient world.

Key words: Phoenician amulet bead, apotrope bead, Mikhailovka settlement, Carthage, core, glass paste.

Рис. 1. Финикийская бусина – амулет из раскопок античного городища Михайловка.

---

[1] *Молева Н.В.* Необычные находки в составе традиционных приношений в Китейском святилище // Боспорские чтения. Традиции и инновации. Симферополь; Керчь, 2018. С. 319.

АНКИЛОМАХИЯ КАК ОСОБЫЙ ВИД СПОРТИВНЫХ СОСТЯЗАНИЙ В АНТИЧНОМ ХЕРСОНЕСЕ

Р.Д. Каменев (Белгород)

В статье рассматривается изучение атлетизма античного Северного Причерноморья в контексте специфической спортивной дисциплины – анкиломахии. Акцентируется внимание на историографию данного вопроса.

Ключевые слова: Херсонес, Северное Причерноморье, анкиломахия, физическая культура в античном Херсонесе.

Крымский полуостров представляет собой не только уникально расположенную в географическом плане территорию, но и место, которое уже много лет привлекает исследователей со всего мира. Многие аспекты истории античных государств Северного Причерноморья изучены достаточно хорошо, однако, что касается истории развития спорта и физической культуры на данной территории, то существуют некоторые спорные и малоизученные вопросы.

На местах археологических исследований был найдено множество доказательств того, что спорт и физическое воспитание были очень развиты и имели общегреческий уровень. О высоком уровне развития физической культуры свидетельствует тот факт, что античные атлеты Боспорского царства и Херсонеса не только участвовали в Олимпийских играх, но и побеждали в ряде состязаний[1].

Однако, в изучении атлетизма античного Северного Причерноморья существуют особо интересные темы, например, связанные со специфической спортивной дисциплиной – анкиломахией. В Херсонесе проводили нигде более не известную анкиломахию (*IPE I2. 435*), судя по названию, метание шара или дротика из петли. Она засвидетельствована лишь в одной херсонесской надписи (*IPE I2. 435*) и, наверное, отражает особый вид только местных соревнований.

В.В. Латышев высказывает предположение, что это метание мяча, к которому был привязан ремешок – «анкила». Э.Х. Миннз в термине «анкиломахия» выделяет две части, значение первой – «ременная петля», второй – «сражение», «состязание»[2].

В итоге мы имеем феномен, который требует тщательного и досконального изучения, ведь различные авторы по-разному трактовали этимологию этого слова. В переводе с древнегреческого «ἀγκών» –

---

[1] *Скржинская М.В*. Древнегреческие праздники в Элладе и Северном Причерноморье. Киев, 2010. С. 216.

[2] *Кадеев В.И.* Херсонес Таврический. Быт и культура (I–III вв. н.э.). Харьков, 1996. С. 179–180.

локоть, объятие. Слово «ἀγκύλος» – кривой, изогнутый. Быть может это связано с каким-либо видом защиты, носившейся на локте.

Для исследования развития физкультуры и спорта в античных городах Северного Причерноморья имеются лишь обрывочные данные источников. Фундаментальных и комплексных трудов не существует. Опора исследователей в этой сфере приходится на археологические материалы, которые достаточно редки на данной территории. Материальные свидетельства множественных побед атлетов Северного Причерноморья в общегреческих состязаниях, большое количество эпиграфических памятников спортивной тематики позволяет сделать выводы о том, что существовала хорошо отлаженная система физического воспитания, без которой не получилось бы показать высокие результаты.

ANKILOMAKHIYA AS THE SPECIAL TYPE OF SPORTS MEETS IN ANTIQUE CHERSONESUS

R.D. Kamenev

The article is consideres of the studying of athleticism of antique Northern Black Sea Coast in the context of specific – an ankilomakhiya is considered by sports discipline. Attention is focused on the historiography of this question.

Keywords: Chersonesus, Northern Black Sea Coast, an ankilomakhiya, physical culture in antique Chersonesus.

ТЕРРИТОРИАЛЬНО–ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ МИКРОЗОНЫ ЕВРОПЕЙСКОГО БОСПОРА (на примере урочища «Аджиэль»)

М.А. Малинин (Тула)

В статье рассматривается проблема обособления Европейского Боспора на отдельные территориально–хозяйственные единицы в позднеантичное время. По мнению автора, в микрозоне Крымского Приазовья, исходя из территориально–географического принципа, вполне можно выделить еще ряд микрорайонов с особенностями природных и территориальных условий труда. Один из них – урочище Аджиэль, находится в западной части Крымского Приазовья. Благодаря стратегическому расположению, обилию воды и наличию плодородных почв, данный микрорайон сыграл значительную роль в истории Боспорского царства.

Ключевые слова: Боспор, микрозоны, Поздняя античность.

В позднеантичный период развитие экономики Боспорского царства, было в основном связано с внешнеполитическими факторами,

разгромом и гибелью поселений[1]. Все эти факторы привели к падению роли товарного производства, сокращению поступления налогов, к замиранию внутренних и внешних экономических связей[2].

Негативные тенденции затронули крупные хозяйства государства, ориентированные на внешнюю торговлю. В итоге основой экономики в позднеантичный период становятся небольшие хозяйства. Роль производства для экспорта в небольших хозяйствах отходит на второй план, а на внутреннем рынке, в основном, начинают продаваться лишь излишки продукции[3].

Следствием этих процессов стали тенденции, которая привели к дезинтеграции государства в экономическом плане[4], к формированию замкнутых в экономическом отношении территориально-хозяйственных микрозон[5]. Способствовало этому процессу и то, что Боспорское государство в экономическом плане и ранее состояло из ряда районов, которые базировались на территориальном разделении труда и производства[6].

Особенностью обособления на отдельные хозяйственные зоны Боспора в позднеантичное время было то, что эти территории замыкались на собственных хозяйственных и оборонительных нуждах и сводили к минимуму свои отношения с центром и между собой[7].

На территории Боспора в позднеантичное время Н.Н. Болговым были выделены следующие территориально-хозяйственные микрозоны:

- Европейский Боспор: Пантикапей–Тиритака, область Нимфея, Китей, Киммерик, Крымское Приазовье, степная зона Керченского полуострова, Феодосия;

---

[1] *Масленников А.А.* Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху. Автореф. … доктор. ист. наук. М., 1993. С. 23; *Он же.* Семейные склепы сельского населения позднеантичного Боспора. М., 1997. С. 46.

[2] *Болгов Н.Н.* Проблемы истории, историографии, палеогеографии Северного Причерноморья IV–VI вв. Белгород: Изд-во БелГУ, 2002. С. 101.

[3] *Кузищин В.И.* Крестьянское хозяйство древнего Рима как экономический тип // ВДИ. 1973. №1. С. 48–49.

[4] *Илюшечкин В.П.* Проблема формационной характеристики сословно-классовых обществ. М.: Наука, 1986. С. 123.

[5] *Болгов Н.Н.* Закат античного Боспора. Белгород: Изд-во БелГУ, 1996. С. 113–114.

[6] *Зубарь В.М.* Херсонес Таврический в античную эпоху (экономика и социальные отношения). Киев, 1993. С. 104–105.

[7] *Болгов Н.Н.* Проблемы истории … С. 103.

- Азиатский Боспор: Киммерида, Остров (Фангора), Синдика (Гермонасса), Горгиппия и её округа, мелкие острова восточной части Эйоны, Танаис[1].

Особенностью всех указанных микрозон являлось то, что они были расположены в обособленных друг от друга естественными рубежами районах[2]. Последние фактически являлись отдельными хозяйственными территориями, которые ориентировались на свои собственные нужды[3]. В таких районах была и своя система оборонительных сооружений, благодаря чему местное население было способно защищать себя[4].

Однако, по причине природно–географических особенностей, эти микрозоны делились на еще меньшие районы, население которых вело хозяйственную деятельность, специфическую для их места расселения, как правило, в рамках естественных границ, ограничивающих их территорию. Как правило, это были или кольцеобразные кряжи, образующие далеко выступающие между собой удобные, в большинстве своем укрытые и глубоко вдающиеся в суши бухты, или примыкавшие к морю или проливу естественные долины[5]. Одним из таких последних вариантов является урочище Аджиэль в Крымском Приазовье.

Повышенный интерес к данному микрорайону возник неслучайно. Сама зона Крымского Приазовья представляет собой слегка выступающий в Азовское море крупный массив суши, ограниченный Казантипским заливом с запада и мысом Зюк на востоке, на юге она упирается в линию современной железной дороги[6]. Однако данная территория географически многообразна и легко может быть поделена на ещё меньшие районы.

Один из таких районов – урочище Аджиэль, отличается от других подобных мест наличием воды, большой площадью плодородных почв и удобством организации обороны[7]. Этот микрорайон находился

---

[1] Там же. С. 100–116.

[2] *Шелов–Коведяев Ф.В.* История Боспора в IV–VI вв. до н.э. // Древнейшие государства на территории СССР. 1984. М.: Наука, 1985. С.33.

[3] *Блаватский В.Д.* Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М.: Наука, 1953. С.198.

[4] *Болгов Н.Н.* Проблемы истории … С. 102.

[5] Там же. С. 100–103.

[6] Там же. С. 106.

[7] *Зубарев В.Г., Ярцев С.В.* Противотаранный пояс оборонительных сооружений городища Белинское // Древнее Причерноморье. Вып. X. Одесса, 2013. С. 250-256; *Зубарев В.Г., Смекалов С.Л., Ярцев С.В.* Природно-географические условия и ландшафтные особенности урочища Аджиэль в античный период // Боспорские чтения. Керчь, 2015. Вып. XVI. С. 165–172.

на западном рубеже государства. Именно здесь происходило наиболее интенсивное взаимодействие античной цивилизации и варварского мира Северного Причерноморья. При этом урочище располагается в направлении северо-запад – юго-восток, отгораживая значительную часть Керченского полуострова, что делает его одним из естественных защитных рубежей Крымского Приазовья.

Основную часть урочища занимают породы, состоящие преимущественно из глины и ракушечного известняка разного времени. Так, северо-западный участок урочища занимают породы нижнего и среднего плиоцена (пески, глины, железные руды, ракушечные известняки, мшанковые рифы) и верхнего миоцена (мэотический ярус; ракушечные известняки, мшанковые рифы, глины). Юго-восточный участок балки Аджиэль, в основном, занят породами верхнего миоцена (Сарматский ярус; нижний и средний подъярусы; глины) и среднего миоцена (тарханский, чокракский, караганский и конский горизонты; глины, мегрели, песчаники, известняки, гипсы). Именно эти породы и образуют материковый фундамент, подстилающий культурные напластования расположенных здесь археологических объектов[1].

Указанным видам горных пород соответствуют несколько типов почв. В районе, в основном, преобладают чернозёмы, одни из самых плодородных почв на Керченском полуострове.

На территории склонов балки Аджиэль господствует типичный для Керченского полуострова степной тип растительности (перловник, чабрец, перистые ковыли, дубровник и др.). Заболоченная же пойма урочища с засоленными почвами покрыта солевыносливой растительностью (кермеки, петросимония, полынь солончаковая и др.). Кустарник (шиповник, бузина, терн) сохранился только в труднодоступных местах. Животный мир также соответствует равнинной территории полуострова. Особенно широко фауна представлена различными видами птиц.

Несмотря на то, что люди в урочище селились, еще начиная с эпохи каменного века, в античную эпоху данный район из-за своего стратегического расположения попал под особое царское внимание, уже начиная с царя Асандра. Следствием нового катаклизма, связанного с нарастающей варварской угрозы с запада, стало беспрецедентное укрепление царем Асандром во второй половине I в. до н.э. древнего Узунларского вала (с западной стороны балки Аджиэль) на котором возникли проездные мосты, а рядом были возведены сторожевые башни. Территория же урочища Аджиэль, в качестве дальней боспорской хоры, как и во времена Митридата VI Евпатора, осваивалась военными

---

[1] Подробнее анализ типов пород и видов почв урочища Аджиэль см.: *Зубарев В.Г., Смекалов С.Л., Ярцев С.В.* Ук. соч. С. 165–172.

поселенцами – варварами, переходившими на царскую службу. Такие поселенцы жили на царской земле, охраняли границу, участвовали в военных походах, выплачивая при этом определенную ренту – налог за пользование землей[1].

В эпоху империи римляне пытались ослабить царскую хору и ликвидировать роль варваров в ее охране и развитии. Опираясь на своего ставленника Полемона, они дали самый настоящий бой варварским гарнизонам Боспора. При этом, судя по гибели в тотальном пожаре 13–12 гг. до н.э. башен Узунларского вала, особенно сильно пострадала территория урочища Аджиэль.

Попавший таким образом под власть Рима Боспор с этого времени начал следовать в фарватере политики империи. Это кардинально изменило военно-политическую ситуацию в пограничных районах Боспора, и, в первую очередь, в урочище Аджиэль.

Римский план по разделу варварских земель полуострова между Херсонесом, где базировался римский гарнизон, и вассальным Боспорским царством привел к экспансии против тавроскифов и сарматов Предгорного Крыма. С этой целью в самом начале правления Адриана в начале II в. на северном фланге Узунларского вала –доминирующем скальном плато в урочище Аджиэль – возводится довольно мощная крепость с домами казарменной постройки, носящая современное название Белинское городище.

Именно это городище начинает доминировать в урочище Аджиэль, территория которого фактически становится дальней хорой древнего города. Несмотря на то, что история этого городища знала несколько опустошительных разгромов, тем не менее, поселение, по причине своего стратегического расположения, вновь неизменно восстанавливалось[2].

Не было оно заброшено и в средние века. Во второй половине IX – начале X в. здесь вновь селятся люди, носители так называемого крымского варианта салтово-маяцкой культуры[3].

---

[1] *Масленников А.А.* Эллинская хора на краю Ойкумены. Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху. М.: Индрик, 1998. С. 260-262; *Зубарь В.М., Зинько В.Н.* Боспор Киммерийский в античную эпоху. Очерки социально-экономической истории / Боспорские исследования. Вып. XII. Симферополь; Керчь, 2006. С. 165–167.

[2] *Ярцев С.В., Зубарев В.Г., Бутовский А.Ю.* Греко-варварский Крым в период поздней античности (III-IV вв. н.э.: от морских походов до битвы при Адрианополе). Тула: Изд-во ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2015. С. 61–285.

[3] *Майко В.В., Зубарев В.Г., Ярцев С.В.* Раннесредневековые материалы городища «Белинское» в Восточном Крыму // Древности Боспора. 2016. Вып. 20. С. 320–329.

Таким образом, в микрозоне Крымского Приазовья, исходя из территориально–географического принципа, вполне можно выделить еще ряд микрорайонов с особенностями природных и территориальных условий труда. Один из них – урочище Аджиэль, находится в западной части Крымского Приазовья. Благодаря стратегическому расположению, обилию воды и наличию плодородных почв, данный микрорайон сыграл значительную роль в истории Боспорского царства.

TERRITORIALLY – ECONOMIC MICROZONES OF THE EUROPEAN BOSPOR (on the example of the Adzhiel tract)

M.A. Malinin (Tula)

The article deals with the problem of separation of the European Bosporus into separate territorial and economic units in the late antique time. According to the author in the microzone of the Crimean Priazovye, based on the territorial and geographical principle, it is possible to distinguish a number of neighborhoods with the peculiarities of natural and territorial working conditions. One of them – the tract Adzhiel, located in the Western part of the Crimean Priazovye. Due to its strategic location, abundance of water and fertile soil, this neighborhood has played a significant role in the history of the Bosporus Kingdom.

Keywords: Bospor, microzones, Late Antiquity.

«ПРОЕКТ АВГУСТА» НА БОСПОРЕ

Н.В. Лебединец, С.В. Ярцев (Тула)

Статья посвящена истории вхождения Боспорского государства в орбиту римского влияния в годы правления царя Аспурга. По мнению авторов, этому способствовали, как внутриполитическая борьба на Боспоре, так и сложная политическая ситуация внутри империи, вызванная крушением завоевательной политики Августа.

Ключевые слова: Римская империя, Боспорское царство, император Август, царь Аспург.

Политика Августа по замещению римскими ставленниками вакантных престолов в сопредельных или вассальных по отношению к Риму государствах, получила наименование «проект Августа»[1]. Ко-

---

[1] *Никишин В.О.* «Свой среди чужих, чужой среди своих»: опыт культурного взаимодействия между миром цивилизации и варварской периферией на рубеже новой эры // Цивилизация и варварство: механизмы, инструменты и субъекты взаимодействия / Под ред. В.П. Будановой. М.: Аквилон, 2014. Вып. III. С. 181–197.

нечно, романизация наследников варварских правителей широко использовалась еще до Августа. Вспомним, например каппадокийского царя, отправившего своего сына – будущего царя Ариарата V Филопатора (163–130 гг. до н.э.) на воспитание в Рим, «чтобы он с детства привык к римским порядкам и римлянам» (Liv., XLII, 19, 3–6).[1] Однако только при Августе эта политика достигла своего совершенства и стала важнейшей составляющей амбициозного плана по полной «инвентаризации» мира. С этого времени, такая целенаправленная и хорошо продуманная практика, является частью большой стратегии, направленной на покорение всего известного римлянам мира[2].

«Проект Августа» имеет несколько важных особенностей. В первую очередь, необходимо отметить нацеленность римских действий на смену варварских правителей, после которой обычно следовал разворот политики вассального государства на проримский курс. Это действительно являлось самым простым и эффективным способом установления зависимости того или иного монархического государства от Рима. Отсюда, кстати, стремление римлян к полному контролю над процессом перехода власти в государствах-клиентах[3], в результате которого между царями и императорами нередко устанавливались личные связи патронатно-клиентского характера[4].

Главным требованием римлян к зависимому правителю был полный отказ от самостоятельной внешней политики[5], причем на внутреннее управление они практически не претендовали, поэтому римский ставленник на местном троне становился, таким образом, главным проводником проримского курса своего государства.

Именно под гарантии такого правителя римское государство и предоставляло государствам-клиентам военную помощь и покровительство[6]. При этом взаимоотношения между императором и правителем государства-клиента строились на основе приоритета римского права. Как правило, признавался правителем только тот претендент, который лично утверждался императором в Риме. Более того, преду-

---

[1] Там же. С. 185–186.

[2] *Ярцев С.В.* Северное Причерноморье в римский период и проблема готской экспансии. Тула: Изд-во ТГПУ им. Л.Н.Толстого, 2014. С. 89–90.

[3] *Болгов Н.Н.* Северное Причерноморье позднеантичного времени: проблемы истории и археологии. Статьи 1991-2001. Белгород: Изд-во БелГУ, 2002. С. 32.

[4] *Панов А.Р.* Взаимоотношения Рима с государствами Северного Причерноморья и Закавказья в период поздней республики – ранней империи (II в. до н.э. – начало II в. н.э.): Автореф. дис. … д-ра ист. наук. Иваново, 2009. С. 32.

[5] *Цветаева Г.А.* Боспор и Рим. М.: Наука, 1979. С. 27.

[6] *Болгов Н.Н.* Ук. соч. С. 33.

сматривалось, чтобы этот претендент на трон уже воспитывался в Риме и, получив греко-римское воспитание, в какой-то степени становился своим по отношению к римской культуре и римлянам. Это значительно облегчало римлянам проведение нужной им политики через такого, проримски настроенного и зависимого от них, правителя. При этом император «заботился о них, как о частях и членах единой державы, приставляя опекунов к малолетним или слабоумным, пока они не подрастут или не поправятся, а многих царских детей воспитывал и обучал вместе со своими» (Suet. Aug. 48). Посредством же предоставления римского гражданства и римских имен наследникам[1], такие люди окончательно интегрировались в греко-римскую культуру и нередко рассматривались своими соотечественниками в качестве чужаков, со всеми вытекающими последствиями[2]. Однако это не причиняло для римлян неудобств, ведь они обычно и не планировали долгосрочную перспективу сотрудничества с таким клиентами. Через какое-то время все заканчивалось захватом и ликвидацией зависимого государства, с присоединением его к империи в качестве провинции[3].

Только если территория варваров находилась далеко от имперских границ и в ближайшей перспективе не могла принести римлянам «никакой выгоды» (Appian., Rom. Proem., 7), а правящая элита еще не была охвачена римской культурной экспансией, римляне могли повременить с установлением зависимости таких народов. По словам Аппиана Александрийского (II в.), он лично видел в Риме бедных варваров, «прибывавших в качестве послов и отдававших себя в подданство, причем император не принимал их, так как видел, что ни в чем они ему не будут полезны. И другим народам, а таких было много, [римляне] … сами давали царей, нисколько не нуждаясь в них для своей власти; даже на некоторых из своих подданных они тратили свои средства, считая постыдным для себя отказаться от них, хотя для римлян эти народы были убыточными» (Appian., Rom. Proem., 7). Однако в случае, если затрагивались стратегические интересы империи, римляне не останавливались даже перед прямой военной экспансией, и «народы, пытавшиеся отпасть, они вновь» были вынуждены покорять (Appian., Rom. Proem., 7).

Боспорское царство, по своему стратегическому положению, не могло не привлечь внимания римских стратегов. Однако неприкрытая экспансионистская направленность «проекта Августа» встретила на

---

[1] *Braund D.* Rome and the Friendly King. The character of the client kingship. L.; N.Y., 1984. P. 43.

[2] *Никишин В.О.* Ук. соч. С. 186–187.

[3] Там же. С. 188-189.

Боспоре сильное сопротивление. Ситуация для римлян усугублялась еще и тем, что здесь еще с Митридата VI Евпатора правящая элита старалась опираться на окрестных варваров, поощряя их переход на царскую службу. В качестве военных поселенцев, такие выходцы из Барбарикума жили на царской земле, охраняли границу, участвовали в военных походах царя, выплачивая при этом определенную ренту – налог за пользование землей[1].

Именно благодаря союзным варварам родоначальник новой сармато-иранской династии царь Асандр смог стать фактически независимым от Римского государства[2]. Он неуклонно следовал курсу на поддержку царского землевладения и развитию дружественных отношений с варварским миром. К концу его правления вся царская земля покрылась укрепленными военно-хозяйственными поселениями с варварскими гарнизонами, а по всему периметру боспорских границ расположились союзные племена. Августу ничего не оставалось делать, как задействовать здесь механизм принудительной переориентации на проримский курс государства, занимающего важное стратегическое положение в Северном Причерноморье.

Судя по всему, в первую очередь, принцепс традиционно хотел сменить боспорскую правящую верхушку и потом уже через нее развернуть политику государства на проримский курс, уничтожив варварские формирования боспорских царей.

Вначале римлянам сопутствовал успех. Им удалось отстранить от власти Асандра и утвердить на Боспоре римского ставленника Полемона[3]. При этом римляне лишили Динамию престола около 12 г. до н.э. и санкционировали женитьбу Полемона I на Пифодориде, дочери Пифодора из Тралл, внучке триумвира Марка Антония (Strabo, XII, 3, 29; XIV, 2, 25; App. Bell. civ., V, 75; Cass. Dio, XLIX, 25, 33; 44; LIII, 25; LIV, 24, 4; Plut. Ant., 38, 61)[4].

---

[1] *Сапрыкин С.Ю.* Новая митридатовская катойкия на Боспоре // ВДИ. 2006. №2. С. 79-96; *Зубарь В.М., Зинько В.Н.* Боспор Киммерийский в античную эпоху. Очерки социально-экономической истории / Боспорские исследования. Вып. XII. Симферополь; Керчь, 2006. С. 137–139.

[2] *Ярцев С.В.* Сармато-иранская династия на Боспоре // Кондаковские чтения – V / Под редакцией Н.Н. Болгова. Белгород: БелГУ, 2016. С. 26–28.

[3] *Ярцев С.В.* Северное Причерноморье в римский период … С. 91–97.

[4] *Rose C.B.* «Princes» and Barbarians on the Ara Pacis // AJA. 1990. Vol. 94. №3. P. 453–467; *Parfenov V.N.* Dynamis, Agrippa und der Friedensaltar. Zur militarischen und politischen Geschichte des Bosporanisches Reiches nach Asandros // Historia. 1996. Bd. XLV. 1. S. 100.

Не вызывает сомнений, что такие действия делали практически неосуществимой законную передачу власти сыну Асандра Аспургу[1]. Однако, вопреки римским усилиям, Полемон гибнет, и отстраненным от власти представителям сармато-иранской династии удается вернуть себе боспорский трон. Видимо, с опорой на верных аспургиан, убивших Полемона, Аспург захватывает власть и вновь разворачивает царство на старый курс своего отца. Август, хотя и не признает его царем, однако разрешает после 3/2 г. до н.э.[2] Пифодориде выйти замуж за царя Каппадокии Архелая (Strabo, XII, 3, 29), тем самым, косвенно соглашаясь на законность прав Аспурга и упрочивая его положение[3].

Тем не менее, несмотря на победы, около 14 г. н.э. Аспург неожиданно, видимо, в первую очередь, для своих врагов, совершает поездку в Рим[4], где признает себя «другом римлян» (КБН, 39; 985) и фактически вассалом римского императора и, соответственно, утверждается царем Боспора.

То, что Аспург был вынужден пойти на такой шаг, свидетельствуют подробности опасной для него ситуации на Боспоре, сложившейся ко времени поездки царя в Рим. Буквально, сразу же после отъезда Аспурга на Боспоре начался крупный мятеж, в ходе которого большинство боспорских полисов, кроме Горгиппии, перешли на сторону противников царя[5]. Все это отчасти объясняет причины, которые заставили представителя сармато-иранской династии, традиционно враждебно настроенного против империи, склонить голову перед Римом.

По мнению В.М. Зубаря, обстановка на Боспоре складывалась так, что Аспург, мог найти поддержку только в столице империи потому, что он не принадлежал к династической линии, правившей на Боспоре ранее[6]. Подтверждение этой версии можно увидеть в санкционированном римлянами браке Аспурга с представительницей фракийского правящего дома Гипепирией. Возможно, именно этот брак позволил Аспургу отнести себя к династии Спартокидов и, таким образом, избежать посягательств на боспорский престол. Во всяком случае, это точно являлось частью «проекта Августа», который, как из-

---

[1] *Сапрыкин С.Ю.* Аспург, царь Боспора // Древности Боспора. 2002. Т. 5. С. 209.

[2] Дата посвящения Пифодориды из Гермонассы (*Болтунова А.И.* Надпись Пифодориды из раскопок Гермонассы // ВДИ. 1989. №1. С. 86–92).

[3] *Сапрыкин С.Ю.* Аспург … С. 210.

[4] *Блаватская Т.В.* Рескрипты царя Аспурга // СА. 1965. №2. С. 197–200; *Анохин В.А.* Монетное дело Боспора. Киев: Наукова думка, 1986. С. 92.

[5] *Блаватская Т.В.* Ук. соч. С. 197–200.

[6] *Зубарь В.М.* Северный Понт и Римская империи (середина I в. до н.э. – первая половина VI вв.). Киев: ИА НАН Украины, 1998. С. 27.

вестно, союзных царей «связывал друг с другом взаимным родством, с радостью устраивая и поощряя их брачные и дружеские союзы» (Suet. Aug. 48).

В данное время на территории Фракии вплоть до аннексии ее в 45 г. еще формально сохранялась Одрисская держава, и именно через ее царей римляне осуществляли нужную им политику по отношению к соседним землям. Например, не исключено, что под их защитой в это время могла находиться еще и Тира. Об этом свидетельствуют находки в городе одрисских монет конца I в. до н.э. – первой половины I в. н.э. и фрагмента посвящения одного из фракийских царей [1]. Вот почему этот брак, скорее всего, был вначале инициирован Августом, а позднее поддержан императором Тиберием[2]. Дети от этого брака – Митридат и Котис – в будущем также занимали боспорский трон. При этом Котис не только стал первым из боспорских царей, кто получил родовое римское имя императора Тиберия – Тиберий Юлий, но и фактически превратился в родоначальника новой ирано-фракийской генеалогической линии[3].

О вассалитете боспорского царя свидетельствует и начавшаяся после поездки в Рим война Боспора с крымскими скифами. На то, что данные военные действия Аспурга были санкционированы Римом, косвенно указывает то, что все они сопровождались демонстрацией лояльности к империи. Так, победа над скифами (КБН, 39, 40) была отмечена статуей, поставленной царем в Херсонесе, база которой с надписью частично сохранилась (IOSPE, I^2, 573). В этом же контексте, видимо, надо рассматривать и возведение на Боспоре храма или портика с еще одним посвящением «другу римлян» Аспургу (КБН, 39). Данные факты могут свидетельствовать о заключении боспоро-херсонесского оборонительного союза под эгидой Рима[4], направленного, в первую очередь, против крымских скифов[5].

---

[1] *Сон Н.А.* Тира римского времени. Киев: Наукова думка, 1993. С. 17–18.

[2] *Сапрыкин С.Ю.* Пифодорида – царица Фракии // ВДИ. 1984. №2. С. 152; *Зубарь В.М.* Северный Понт … С. 30–31.

[3] *Шаров О.В.* Боспор и варварский мир Центральной и Восточной Европы в позднеримскую эпоху (середина II – середина IV вв. н.э.). Автореф. дис. … докт. ист. наук. СПб., 2009. С. 18.

[4] *Виноградов Ю.Г.* Полемон, Херсонес и Рим // ВДИ. 1992. №3. С. 132, 139; *Зубарь В.М.* Из истории Херсонеса Таврического на рубеже н.э. // ВДИ. 1987. №2. С. 128–129.

[5] *Колтухов С.Г.* Новые материалы к периодизации и реконструкции оборонительных сооружений Неаполя Скифского // СА. 1990. №2. С. 187; *Пуздровський О.Е.* Кримська Скіфія в кінці II ст. до н.е. – перш. пол. III ст. н.е. // Археологія. 1992. №2. С. 129.

Однако не все в боспоро-римских отношениях выглядит так однозначно. Одной из основных проблем установления всех обстоятельств принятия боспорским царем римского вассалитета, являются противоречивые действия боспорского царя. Не вызывает сомнения, что, принимая помощь и поддержку Рима, Аспург должен был вести себя с позиции максимальной лояльности к империи. Однако, несмотря на добровольное установление зависимости от римского государства и все его реверансы в сторону Рима, Аспург категорически не стал отказываться от поддержки боспорских варварских формирований, и это несмотря на то, что последние всегда сильно раздражали римлян. Вероятно, Аспург смог убедить императора в своем стремлении отстаивать интересы Рима в Северном Причерноморье. По этой причине римляне, традиционно поощряя полисные привилегии граждан, тем не менее, не стали сильно препятствовать боспорскому царю в его политике по развитию царской хоры и возведению укрепленных военно-хозяйственных поселений[1]. К тому же римляне должны были понимать, что во внутриполитической борьбе местные варвары традиционно являлись союзниками сармато-иранской династии, представители которой не стали бы добровольно лишаться опоры в государстве.

Другими словами, более жесткая и принципиальная политика римлян в этом вопросе сделала бы невозможным мирное принятие вассалитета боспорской элитой. Однако, в этот период, когда после кровопролитного иллирийского восстания 6–9 гг. н.э. и катастрофы в Тевтобургском лесу 9 г.[2] окончательно стало очевидно крушение завоевательной политики Августа[3], а центр внешней политики империи переместился с востока на запад[4], принцепс старался не вмешиваться грубо в боспорские дела, ведь, по большому счету, данное государство и так уже находилось в орбите римской политики [5]. Тем более Август не мог всем своим ставленникам в государствах-клиентах, обеспечить надежную защиту римскими воинскими контингентами. Отсюда такой разворот принцепса к представителям местных династий, имеющих поддержку среди коренного населения[6]. Правда и сам Аспург стремился не давать ни малейшего повода для разлада отношений с Римом. Это видно, например, по его отказу в восстановлении Кутлакской кре-

---

[1] *Сапрыкин С.Ю.* Аспург … С. 220.

[2] *Дандо-Коллинз С.* Легионы Рима. Полная история всех легионов Римской империи. М.: Центрполиграф, 2013. С. 249–275.

[3] *Ростовцев М.И.* Эллинство и иранство на юге России. Пг., 1918. С. 149.

[4] *Зубарь В.М.* Северный Понт … С. 21

[5] Там же. С. 20.

[6] *Панов А.Р.* Ук. соч. С. 32.

пости или Танаиса, который еще долго оставался в упадке[1]. Тем не менее, очевидно, что Аспург удачно использовал момент военно-политических трудностей в римском государстве и смог добиться от императора больших привилегий во время установления римской зависимости Боспора. Таким образом, не только внутриполитическая династическая борьба на Боспоре, но и сложная политическая ситуация внутри империи, вызванная крушением завоевательной политики Августа, в значительной степени способствовали относительно мирному и окончательному вхождению Боспорского царства в орбиту римского влияния.

«PROJECT OF AUGUSTUS» ON THE BOSPORUS

N.V. Lebedinets, S.V. Yartsev (Tula)

The article is devoted to the history of the Bosporus state entering the orbit of Roman influence during the reign of king Aspurgus. According to the authors, this was facilitated by both the internal political struggle on the Bosporus and the difficult political situation within the Empire caused by the collapse of the aggressive policy of Augustus.

Key words: Roman Empire, Bosporus Kingdom, Augustus, Aspurg.

ОБ ОДНОЙ ИЗ ГРУПП НАЁМНИКОВ НА БОСПОРЕ (по материалам раскопок городища «Белинское»)

Е.А. Орехова (Тула)

Статья посвящена сложной теме интерпретации редкого типа погребальных сооружений, выявленных на городище «Белинское» в Восточном Крыму. Речь идет о могилах, в длинных стенах которых имелись пазы, предназначенные для удержания краёв деревянного или каменного перекрытия. По мнению автора, данные погребальные сооружения оставили сарматы, которые явно подверглись культурной трансформации и видоизменили свой погребальный обряд.

Ключевые слова: Боспорское царство, наёмники, сарматы, погребальные сооружения.

Варвары оказали влияние на все сферы жизни общества античных государств. Особенно это касается сложного периода II–VII вв. известного под названием «Великое переселение народов», во время

[1] *Арсеньева Т.М., Науменко С.В.* Раскопки Танаиса в центре восточной части городища // Древности Боспора. 2001. Вып. 4. С. 59.

которого Римская империя оказалась перед потоками варварских народов, мигрирующих в римские владения.

Именно в это время сложился устойчивый термин, обозначающий варваров на службе армии Римской империи – федераты. Несмотря на то, что варвары наемники были известны еще задолго до всех этих событий, только после Маркоманнских войн Рим впервые стал в широких масштабах селить варваров на территории империи[1]. Главной причиной, приведшей к появлению варваров в армиях позднеантичных государств, как представляется, был постепенно углублявшийся и нараставший кризис Римской империи.

Боспорское царство было государством, которое на протяжении всего своего существования наиболее тесно соприкасалось с варварским миром. Греческие переселенцы в Северном Причерноморье с самого начала своего пребывания на новых землях стали вести тесное сотрудничество с местными «аборигенами» – скифскими племенами. Помимо торговых и дипломатических отношений, между варварами и греками существовало определенное военное сотрудничество.

Несмотря на то, что отдельные варварские племена по определенным критериям находились на более низкой ступени развития по сравнению с античным миром, это не являлось препятствием для их взаимодействия и сотрудничества. Разного рода контакты обеспечивали полное и всестороннее взаимовлияние. Подобные процессы наиболее полно как раз и раскрывает история Боспорского царства[2].

Если говорить об этнической составляющей боспорского войска в период Поздней античности, то сразу бросается в глаза его полиэтничность. Мы можем четко говорить о том, что боспорская армия включала в себя представителей многих народов, в том числе готов, сарматов, аланов[3]. С конца IV – начала V в. в состав Боспорского царства могли включаться также и гуннские формирования. На это может указывать первое появление гуннов на границах Боспорского царства, хотя они и прошли его стороной в целом[4]. Вполне вероятно, отдельные

---

[1] *Буданова В.П.* Парадоксы варварства в историческом контексте // Цивилизация и варварство: парадоксы победы цивилизации над варварством. М.: ИВИ РАН, 2013. С. 25–29.

[2] *Циглер М.В.* Боспорское царство и варварская периферия в I–IV вв. н.э.: военный аспект взаимоотношений // Научные ведомости БелГУ. Серия: История. Политология. 2015. №7(204). Вып. 34. С.48–50.

[3] *Безуглов С.И.* Аланы-танаиты: экскурс Аммиана Марцеллина и археологические реалии // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1989 г. Азов, 1990. С. 80–87.

[4] *Ярцев С.В.* Боспор и Херсонес накануне гуннского нашествия // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. № 1 (43). С. 102–114.

гуннские отряды могли проникать на Боспор и служить в его войсках. Однако достоверно известно, что гуннские захоронения на территории Боспора появляются лишь во второй половине V в., в то время, когда само государство попадает под влияние гуннского племени утигуров[1].

Рассматривая вопрос механизма включения варваров в войска, нужно понимать, что четкого представления об этом процессе мы не имеем. Вероятно, варвары заключали с боспорскими властями некий договор (foedus) наподобие римских федератов. Предположительно варвары включались в состав армии на условиях прекращения военных действий и подписания мира, предоставления племени территории для проживания в границах Боспорского царства, предоставления варварам материальной компенсации в денежной или натуральной форме, по аналогии с Римской империей. Возможно, часть варварского контингента представляла собой личные дружины представителей варварской аристократии, усилившей свое влияние в Боспорском царстве в рассматриваемый период[2].

С частью племенных народов Северного Причерноморья, возможно, были заключены определенные соглашения о военном сотрудничестве на правах, подобных военным поселенцам, в ходе военно-политических кризисов, в частности, войн с Херсонесом[3]. Тем не менее, некоторые из групп наёмников на Боспоре до сих пор не идентифицированы.

Наибольший интерес в этой связи вызывает южный участок некрополя городища «Белинское». Данная мощная крепость на западных рубежах Боспорского царства была возведена в начале II в. н.э., как плацдарм для нападения на Крымскую Скифию[4]. То есть, изначально здесь располагался военный гарнизон, часть которого традиционно представляли наемники.

---

[1] *Ермолин А.Л.* Локализация места противостояния гуннов и готов на Керченском полуострове // Древности Боспора. 2006. Вып. 9. С. 91.

[2] *Ярцев С.В., Зубарев В.Г., Бутовский А.Ю.* Греко-варварский Крым в период поздней античности (III-IV вв. н.э.: от морских походов до битвы при Адрианополе). Тула: Изд-во ТГПУ им. Л.Н.Толстого, 2015. С. 253–255.

[3] *Рябцева М.Л., Болгов Н.Н.* Готские «федераты» Боспора и готы-федераты Византии на Боспоре // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. 2010. № 1(72). Вып. 13. С. 20.

[4] *Зубарев В.Г.* К вопросу об этническом составе жителей сельских поселений Европейского Боспора в III-IV вв. н.э. // Боспорские чтения. Керчь, 2009. Вып. X. С. 175–181; *Ярцев С.В.* Северное Причерноморье в римский период и проблема готской экспансии. Тула: Изд-во ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2014. С. 147–148.

Авторы раскопок отмечают, что конструктивно грунтовые захоронения на этом южном участке отличаются от синхронных им погребений в центральной части некрополя, где до сих пор имели место только погребения в вырубных склепах с искусственным полуциркульным перекрытием и в грунтовых могилах обычной для боспорских некрополей конструкции[1].

С другой стороны, единственным аналогом данных погребений могут служить грунтовые могилы могильника Нейзац[2]. Направление, на первый взгляд, подтверждает направление боспорской экспансии в сторону живших в предгорье скифов[3]. Здесь также встречены могилы, в длинных стенах которых имелись пазы, предназначенные для удержания краёв деревянного или каменного перекрытия. Отмечается, что данная особенность фиксируется на могильнике Нейзац многократно, в то время как ни в одном другом некрополе она не отмечена ни разу. Появление таких захоронений связывается с определенной группой сарматов, не вступавшей в тесные контакты с поздними скифами и отличающейся некоторой замкнутостью[4].

Данный тип погребальных сооружений, скорее всего, являлся видоизмененным типом сарматских могил с заплечиками. Дело в том, что на финальной стадии позднесарматского периода во второй половине III – IV вв., именно этот тип погребальных сооружений подвергся сильным изменениям. Например, в сарматской среде в этот период, перед тем, как полностью исчезнуть, ямы с заплечиками превратились в большие (до 3 м) и глубокие (до 2,5 м) могилы, часто с заплечиками по всему периметру[5]. В черняховской же культуре ямы с заплечиками приобрели форму глубоких ям с канавками в дне или довольно странных могил с низкими заплечиками[6]. Таким образом, очевидно, что в начавшейся войне с крымскими скифами, боспоряне опирались и на группу наемников-сармат, которые явно подверглись культурной трансформации и видоизменили свой погребальный обряд.

---

[1] *Зубарев В.Г..Ланцов С.Б., Смекалов С.Л.* Новый участок некрополя «Белинское» // Погребальная культура Боспорского царства. Материалы Круглого стола, посвященного 100-летию со дня рождения М.М. Кубланова. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 189–196.

[2] *Храпунов И.Н.* Этническая история Крыма в раннем железном веке / Боспорские исследования. Вып. VI. Симферополь; Керчь, 2004. С. 136.

[3] Там же. С. 165.

[4] Там же. С. 136.

[5] *Симоненко А.В.* Некоторые позднесарматские элементы в черняховских ингумациях // Боспорские исследования. Симферополь; Керчь, 2004. Вып. VII. С. 211.

[6] *Магомедов Б.В.* Черняховская культура Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1987. С. 33.

ABOUT ONE OF THE BOSPORUS' MERCENARY GROUP
(based on materials from the excavation of the Belinskoe hillfort)

E.A. Orekhova (Tula)

The article is devoted to the complex topic of interpretation of a rare type of burial structures identified at the Belinskoe site in the Eastern Crimea. We are talking about graves, in the long walls of which there were grooves designed to hold the edges of the wooden or stone floors. According to the author, these funerary structures left Sarmatians, who clearly underwent cultural transformation and modified their funeral rites.

Key words: Bosporus kingdom, mercenaries, Sarmatians, funeral structures.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ РАСКОПОК ПОСЕЛЕНИЯ МАНИТРА

С.А.Ермолин, С.А. Буравлев, А.В. Бонин (Москва)

Рассматриваются предварительные результаты раскопок поселения Манитра, расположенного в Восточном Крыму. В процессе охранно-спасательных раскопок на площади около 18 000 кв. м была выявлена сплошная застройка площадью 4600 кв. м, к которой с запада и востока примыкали кольцевые загородки диаметром до 55–60 м. Застроенный участок представляет собой комплекс мощеных дворов, а также жилых и хозяйственных помещений. Находки представлены амфорами основных эгейских и малоазийских греческих центров: Хиос, Фасос, Книд, Кос, Пепарет, Синопа, Гераклея Понтийская. Найдены фрагменты и целые формы столовой и кухонной керамики, включающий в себя кувшины, миски, тарелки, рыбные блюда, кастрюли и т.д. Значительно число монетных находок, изделий из цветных и черных металлов. Поселение датируется концом V – началом III в. до н. э.

Ключевые слова: раскопки, Крым, Манитра, эллинизм.

Поселение Манитра находится в Ленинском районе Республики Крым, в окрестностях поселка Октябрьское. Памятник располагается у подножия и на террасах северного склона скальной гряды, вытянувшейся по линии запад-юго-запад – восток-юго-восток, у подножия горы Кашаровская, в долине реки Мелек-Чесме. Поселение локализовано на двух террасированных участках гряды, разделенных естественной скальной промоиной.

Поселение впервые упоминается в «Сводной ведомости результатов археологических разведок на Керченском и Таманском полуостровах в 1949–1964 гг.», составленной В.В. Веселовым под № 580 по реестру ведомости. Согласно материалам исследователя, поселение находится в 0,6–0,7 км к юго-западу от пос. Октябрьское и

охарактеризовано им как незначительное поселение эллинистического и римского времени.

В процессе охранно-спасательных раскопок на площади около 18 000 кв. м была выявлена сплошная застройка площадью 4600 кв. м, к которой с запада и востока примыкали кольцевые загородки диаметром до 55–60 м, по всей видимости, являвшиеся загонами для скота. Застроенный участок представляет собой комплекс мощеных дворов, а также жилых и хозяйственных помещений. В помещениях обнаружены очаги, лари из каменных плит, монолитные тарапаны (давильные площадки виноделен), обломки сельскохозяйственного инвентаря, что свидетельствует об активной хозяйственной деятельности населения.

Восточнее поселения, отделенный от него небольшой балкой, находился некрополь, где было исследовано 21 погребальное сооружение. Все погребения вырублены в скале, а пять из них представляли собой склепы.

Находки, прежде всего, представлены комплексом тарной керамики, включающей в себя амфоры основных эгейских и малоазийских греческих центров, экспортировавших свою продукцию на Боспор в эллинистическое время: Хиос, Фасос, Книд, Кос, Пепарет, Синопа, Гераклея Понтийская. Часть тары клейменая (взято в коллекцию порядка 200 клейм Синопы, Гераклеи, Фасоса). Комплекс амфор предварительно датируется концом V – началом III в. до н. э. Весьма представителен набор столовой и кухонной керамики, включающий в себя кувшины, миски, тарелки, рыбные блюда, кастрюли и т.д. Отметим находки фрагментов лепных сосудов. Меньшим числом представлены находки импортной чернолаковой керамики. Значительно число монетных находок (более трехсот сотен экземпляров, в том числе два монетных клада, общим числом порядка 85 монет), изделий из цветных и черных металлов (гвозди, фрагменты ножей, весовые свинцовые гири и проч.).

Первый из кладов обработан М.Г. Абрамзоном[1] и, по-видимому, представляет собой кошелек, содержавший монеты четырех типов: 1) голова бородатого сатира / протома грифона, осетр, ПAN, с надчеканками в виде горита и звезды[2]; 2) голова сатира / голова льва, осетр, ПAN, контрамаркированные изображениями горита и звезды[3]; 3) голо-

[1] Авторы статьи выражают глубокую благодарность д.и.н. М.Г. Абрамзону за определение монет из состава клада.

[2] [https://bosporan-kingdom.com/111-3205/1.html]

[3] *Анохин В.А.* Монетное дело Боспора. Киев: Наукова думка, 1986. С. 130.

ва сатира влево / лук и стрела вправо, ΠΑΝ[1]; 4) голова сатира / голова быка в ¾ влево, ΠΑΝ[2].

Комплекс датируется концом первой четверти III в. до н.э.: наряду с полновесными монетами типа голова сатира / лук и стрела, отчеканенными на новых аккуратных кружках[3], в нем появились монеты этого типа с начальными признаками деградации (неровными краями, литниками), но они все еще тяжелые и крупные. Обращает внимание присутствие в кладе тетрахалка с головой бородатого сатира на л.с. и протомой грифона с осетром на о.с.[4], с надчеканками в виде горита и звезды. Такие контрмаркированные монеты достаточно редки. Это первый известный нам случай, когда подобная монета встречается в кладе.

Тетрахалк типа «сатир / грифон, осетр» вместе монетами со львом и осетром, контрамаркированными горитом и зведой, а также дихалками с головой быка в ¾ входили в Нимфейский клад 1954 г.[5] Наиболее часто встречаются клады этого времени, состоящие только из двух типов: монет со львом и осетром, контрамаркированными горитом и зведой, и дихалков с головой быка в ¾.

Таким образом, датировка клада уточняет верхнюю границу существования поселения. Отметим, что время сокрытия клада недалеко от начала «темного» периода в истории Боспора (вторая половина III – I в. до н.э.), характеризующего затуханием жизни на многих сельских поселениях Боспора[6]. По всей видимости, описываемая усадьба не стала исключением.

Принимая во внимание все вышесказанное, описываемый памятник можно интерпретировать как царскую усадьбу с функцией эмпория – сельское поселение, ориентированное на разведение и закупку скота у местного, негреческого населения. Об этом говорит, прежде всего, значительное число монетных находок, весовых свинцовых гирь и большое количество обнаруженной амфорной тары (вино использовалось в качестве средства оплаты при торговле). В пользу данного предположения говорит и обнаружение больших загонов для скота, явно не предназначенных для длительного содержания животных (от-

---

[1] Там же. С. 133.

[2] Там же. С. 132.

[3] Там же. С. 133.

[4] Там же. С. 111.

[5] *Голенко К.В.* Монеты из раскопок Нимфея 1939-1970 гг. // Нумизматика и эпиграфика. XI. М.: Наука, 1974. С. 72.

[6] *Масленников А.А.* Эллинская хора на краю Ойкумены. М.: Индрик, 1998. С. 88–89; *Кругликова И.Т.* Сельское хозяйство Боспора. М., 1975. С. 99–203.

сутствие крытых помещений), а также сравнительно небольшое количество находок костей животных, что убедительно свидетельствует о временном характере содержания скота, который, после совершения сделок купли-продажи, мог перегоняться в другие населенные пункты.

Уникальность поселения Манитра, прежде всего, заключается в комплексе сплошной застройки, занимающей площадь около 4600 кв. м. Отметим, что подобная застройка, больше характерная для античных городов и крупных царских усадеб, выделяет памятник из ряда сельских поселений Боспорского царства. Ближайшей, и единственной аналогией поселения на Боспоре является усадебный комплекс Генеральское-Западное, расположенный в Крымском Приазовье[1].

Привлекает внимание и степень сохранности памятника. В силу непригодности для земледелия территории поселения строительные остатки не подвергались распашке, что обусловило хорошую сохранность объектов каменной архитектуры (как хозяйственно-жилые, так и погребальные сооружения) и находок. И, разумеется, вскрытая единовременно значительная площадь поселения с жилыми и хозяйственными постройками, а также загонами для скота не имеет аналогичных примеров в истории археологического изучения сельской территории европейского Боспора.

Рисунки:

1. Вид сверху на комплекс застройки.
2. Вид на комплекс застройки с северо-запада.
3. Вид на комплекс застройки и западный загон с запада.
4. Вид на комплекс застройки с юго-запада.
5. Вид на комплекс застройки с юга.
6. Находки из раскопок поселения Манитра. Столовая керамика.
7. Находки из раскопок поселения Манитра. Столовая керамика.
8. Находки из раскопок поселения Манитра. Светильники и каменная поилка.
9. Находки из раскопок поселения Манитра. Столовая керамика, терракотовая статуэтка.
10. Находки из раскопок поселения Манитра. Изделия из металла, монеты, бусина.

---

[1] *Масленников А.А.* Эллинская хора на краю Ойкумены. М.: Индрик, 1998. С. 50-59; *Масленников А.А.* Царская хора Боспора (по материалам раскопок в Крымском Приазовье). М., 2010. С. 54–124.

Рис. 1.

Рис. 2.

Рис. 3.

Рис. 4.

Рис. 5.

Рис. 6.

Рис. 7.

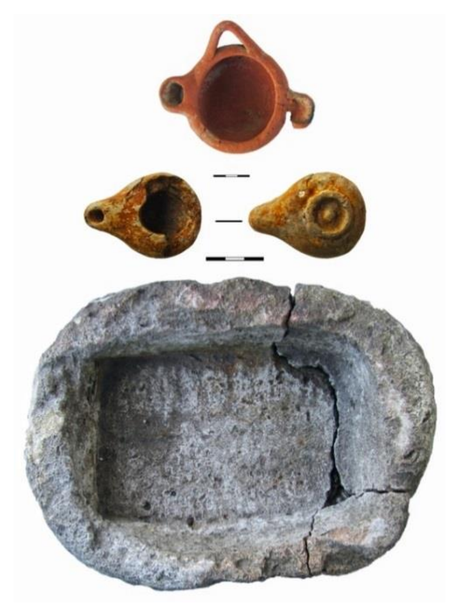

Рис. 8.

Рис. 9.

п. о. 240, к. о. 101
п. о. 2425, к. о. 150
п. о. 968, к. о. 67
п. о. 29, к. о. 16
п. о. 285, к. о. 7
к. о. 154

Рис. 10.

PRELIMINARY RESULTS OF EXCAVATIONS OF THE SETTLEMENT MANITRA

S.A. Ermolin, S.A. Buravlev, A.V. Bonin (Moscow)

The preliminary results of the excavation of the Manitra settlement located in the Eastern Crimea are considered. In the process of security and rescue excavations on an area of about 18,000 square meters. m was revealed continuous building area of 4600 square meters. m, to which from the west and east adjoined ring fences with a diameter of 55-60 m. The built plot is a complex of paved courtyards, as well as residential and business premises. The finds are represented by amphoras of the main Aegean and Asia Minor Greek centers: Chios, Phasos, Cnidus, Kos, Peparet, Sinop, Heraclea Pontic. Found fragments and whole forms of dining and kitchen ceramics, including jugs, bowls, plates, fish dishes, pans, etc. Significantly the number of coin finds, products from non-ferrous and ferrous metals. The settlement dates back to the end of V – the beginning of III c. BC.

Key words: excavations, Crimea, Manitra, Hellenism.

МЕЧИ НА БОСПОРЕ В ПЕРИОД ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ

И.А. Астахов (Тула)

В данной статье рассматриваются находки мечей на территории Боспорского царства, датируемые периодом Поздней античности. Приводится ряд находок, позволяющих создать целостный взгляд на использование мечей на территории Боспора, а также их классификация и описание. Указанные в статье данные позволяют сделать ряд выводов о комплексе вооружения боспорской армии в позднеримский период.

Ключевые слова: меч; Боспор; Поздняя античность; сарматы; аланы.

Комплекс боспорского вооружения периода Поздней античности довольно разнообразен, в первую очередь, по причине пестрого этнического состава самого Боспорского государства, который видоизменялся всю обозначенную эпоху. В течение более двух веков Боспорское царство подвергалось вторжениям различных племен и народов, которые привносили новшества, как в культуру и экономику, так и в тактику, стратегию и комплекс вооружения армии.

В связи с этим, важно отметить, что исконно боспорский – эллинский комплекс вооружения практически исчез из использования, замененный различным варварским снаряжением. Причиной этому является непрекращающееся в течение двух веков появление на границах Боспорского царства различных варварских народов. К таковым можно отнести: сарматов, аланов, готов, гуннов. Каждая из этих

этнических общностей, прибывая к границам государства и проникая в его военные круги, внедряла элементы своего снаряжения, присущие только этой группировке. Учитывая большой наплыв варваров на Боспорское царство, который проистекал иногда в мирном, а иногда агрессивном русле, важно подчеркнуть, что боспорское войско следует делить на: варваров-федератов, выступающих основной боевой единицей и городское ополчение, состоящее из местных жителей городов[1].

Если описывать комплекс вооружения боспорской армии периода Поздней античности в нескольких словах, то это преимущественно сармато-аланское вооружение с примесью римских, готских и гуннских элементов. В данной работе мы уделяем основное внимание мечам, обнаруженным на территории Боспора.

Начиная с I в. н.э., особое распространение на территории Боспорского царства получают мечи характерные для сармато-аланского этноса. Связано это с широким появлением последних на границах государства. Преобладание среди сарматов конных воинов обусловило расцвет вооружения необходимого для кавалерийского боя, в том числе, и длинный обоюдоострый меч. Стоит отметить, что ни римские гладиусы, ни греческие махайры, ни скифские акинаки не являются оружием, удобным для конных воинов. Для защиты от кавалерийских орд сарматов Боспору было необходимо строить собственную конницу и вооружать ее более удобным для конного боя оружием. Таковым и стал сарматский меч, позаимствованный боспорянами у своих врагов.

Сарматские мечи стоит разделить на два типа: мечи с кольцевым навершием и мечи без кольцевого навершия. Рассмотрим первую группу.

Средняя длина меча с кольцевым навершием, применявшимся сарматскими воинскими формированиями, была 40–50 см, что соответствует длине скифского акинака. Доля таких мечей была наибольшей и равнялась 52 %. Однако существовали мечи свыше 70 см, хотя доля таковых не превышала 5 %. Все клинки двулезвийные, а ширина клинка варьируется довольно мало и составляла всегда 4–5 см[2]. Примечательно, что у мечей с кольцевым навершием всегда клинок и рукоять были выкованы из одного куска металла. Рукояти мечей прямые,

---

[1] *Циглер М.В.* Боспорское царство и варварская периферия в I–IV н.э.: военный аспект взаимоотношений // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. № 7. 2015. С. 48–52.

[2] *Хазанов А.М.* Очерки военного дела сарматов. СПб., 2008. С. 5.

в 1,5–2,5 раза уже клинка. Кольцо навершия могло быть либо круглым, либо овальным. Диаметр кольцевого навершия обычно был 4–5 см[1]. Следует отметить, что наибольшее распространение подобные мечи получили на рубеже тысячелетий, а на Боспоре пик пришелся на I в. до н.э. – I в. н.э.[2] Это четко прослеживается по погребальным стелам, на которых были изображены мечи данного типа, однако встречаются отдельные находки, датируемые более поздним временем, хотя и намного реже. К таковым можно отнести меч из кургана недалеко от хут. Авиловское[3]. Данное оружие датируется концом II – серединой III вв., что отчасти попадает под нашу датировку. Однако стоит все же отметить, что в Поздней античности данные мечи практически не применялись.

Другим типом сарматских мечей, распространенных в Северном Причерноморье, являются мечи без кольцевого навершия. Подобное оружие сложнее охарактеризовать по причине его вариативности и различности. Однако есть определенные черты, присущие именно этой группе мечей. Характерной особенностью такого оружия является его длина. Средняя длина сарматских мечей без кольцевого навершия, найденных на территории Боспорского царства, варьируется от 70 до 112 см[4]. Короткие мечи встречаются крайне редко, и их длина редко достигает 65 см.[5] Средняя длина колеблется от 30 до 40 см. Все мечи являются двулезвийными. Ширина клинка колеблется между 4 и 6 см. Сам клинок и штырь откованы из одного куска железа. Средняя длина штыря 12–15 см. Как правило, штырь имел специальное крепление для рукояти[6]. Рукоять могла быть сделана из кости, дерева, кожи, а у богатых и знатных воинов могла быть обложена золотом. Отличительной чертой является отсутствие железного перекрестья. Н.И. Сокольский высказывал мысль о том, что перекрестье было выполнено из дерева, однако археологические изыскания не подтверждают эту теорию[7]. Особенностью сарматских мечей без кольцевого навершия, распространенных на территории

---

[1] Там же. С. 6.

[2] Там же. С. 10.

[3] *Синицын И.В.* Археологические памятники в низовьях реки Иловли // СГУ, 1954. Т. XXXIX. С. 236–237.

[4] *Сокольский Н.И.* Боспорские мечи / МИА, 1954. № 33. С. 154.

[5] *Тирацян Г.А.* Уточнение некоторых деталей сасанидского вооружения по данным армянского историка IV в. н.э. Фавста Бузанда // Исследования по истории культуры народов Востока (сборник в честь И.А. Орбели), М.–Л., 1960. С. 476.

[6] *Хазанов А.М.* Очерки военного дела сарматов. СПб., 2008. С. 16.

[7] *Сокольский Н.И.* Боспорские мечи / МИА, 1954. № 33. С. 155.

Боспорского царства, является навершие на верхней части штыря, выполненное из различных материалов: янтарь, оникс, топаз, стекло, кость, дерево, обожженная глина и т.д.

Если исходить из типологии сарматских мечей без кольцевого навершия, предложенной А.М. Хазановым, то нам будут особенно интересны мечи типов I–III[1]. Отличительной их особенностью является то, что мечи типа I были длинными, с маленьким и тонким железным перекрестьем, а также без навершия. Тип II имел треугольное основание клинка, плавно переходящее в рукоять-штырь. Мечи типа III были длинные, клинок образовывал прямой угол с рукоятью-штырем. В конце II – середине III вв. были особенно распространены мечи типов II и III, находки представлены из могильников знатных воинов, как правило, большая их часть имеет навершия из различных материалов, которые мы описывали выше.

В конце III–V вв. особое распространение получают видоизмененные мечи I типа. Отличительной их чертой является то, что мечи становятся массивнее и шире, сечение клинков получает ромбический вид, а рукоять и ножны начинают отделываться золотом, драгоценными камнями и эмалью. Все это – характерные особенности варварского влияния на Боспоре, которое в это время стало особенно сильным. Примерами подобных мечей является находки из Керчи, обнаруженные В.В. Шкорпилом на Госпитальной улице. Артефакты представлены двумя массивными мечами с ромбовидным клинком и маленьким прямым перекрестьем. На одном из них, на штыре, сохранились следы богатой обкладки рукояти[2]. В 1896 г. Э.Р. фон Штерном были приобретены вещи из погребения начала IV в. в Керчи. В числе них был меч длиной 91 см. Полукруглое навершие выполнено из золота, халцедона и красного стекла. Рукоять отделана золотом. Меч был найден без перекрестья, а на клинке остались следы ножен, выполненные из золота.

Ко II типу можно отнести два меча из Фанагории, обнаруженные в 1937 г. в могиле № 50[3]. Мечи датируются комплексом погребального инвентаря IV в. Один из них имеет длину 90 см., длина черенка рукояти 0,14 см., ширина клинка 5,3 см. на черенке хорошо видны остатки деревянной обкладки рукояти. От навершия сохранилась

---

[1] *Хазанов А.М.* Очерки военного дела сарматов. СПб., 2008. С. 17.

[2] *Засецкая И.П.* Материалы боспорского некрополя второй половины IV – первой половины V вв. н.э. // МАИЭТ. Симферополь, 1993. Вып. III. С. 64.

[3] *Блаватский В.Д.* Отчет о раскопках Фанагории в 1936–1937 гг. // Труды ГИМ, вып. XVI, 1941. С. 47.

изогнутая бронзовая пластина шириной 2 см, в которую, видимо, вставлялось алебастровое навершие, найденное тут же[1].

Интересной находкой является однолезвийный меч, обнаруженный в Керчи при раскопках за Новым православным кладбищем. Обнаруженные рядом с мечом бронзовые монеты Фофорса с оттиском монеты императора Лициния, датируют находку первой половиной IV в. Важно подчеркнуть, что аналогов этому оружию на Боспоре в эту эпоху нет[2].

Таким образом, стоит подытожить, что в период Поздней античности на территории Боспорского царства имел место смешанный комплекс вооружения, представленный в большей степени сармато-аланским вооружением, по причине близости и тесного сотрудничества с боспорянами, и в меньшей степени римским, гуннским и готским. К сарматскому вооружению мы можем отнести мечи, как с кольцевым, так и без кольцевого навершия. Важно подчеркнуть, что традиция украшать мечи большим количеством золота и различных драгоценных каменьев, предположительно, исходит от представителей гуннского союза. Крайне редко встречаются иные экземпляры, однако их этническую принадлежность установить сложно.

SWORDS ON THE BOSPORUS IN THE PERIOD OF LATER ANTIQUITY

I.A. Astakhov (Tula)

This article examines the findings of swords in the territory of the Bosporus Kingdom, dating from a period of late antiquity. A number of findings are presented, allowing to create a holistic view of the use of swords in the territory of Bosporus, their classification and description. The data indicated in the article allow us to draw a number of conclusions about the armament complex of the Bosporan army in the late Roman period.

Keywords: sword; Bosporus; late antiquity; Sarmatians; Alans.

---

[1] *Зеест И.Б.* Раскопки ГМИИ до Великой Отечественной войны. Памятники искусства // Бюллетень ГМИИ им. А.С. Пушкина, № 2, 1947. С. 9, рис. 10.

[2] *Хазанов А.М.* Очерки военного дела сарматов. СПб., 2008. С. 22.

К ВОПРОСУ О ПУТИ ПРОДВИЖЕНИЯ ВОИНСТВА РАВСИМОДА К ГРАНИЦАМ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

А.Р. Стрижак (Тула)

Статья посвящена проблеме пути продвижения войск Равсимода к границам Римской империи. Автор приходит к выводу, что доставка варваров к владениям императора Константина, скорее всего, была осуществлена комбинированным путем. До устья Тираса или Дуная варвары продвинулись сухопутным путем, дальнейший маршрут они проделали на римских кораблях.

Ключевые слова: Римская империя, император Константин, Боспорское царство, Равсимод.

Поход на Римскую империю меотийских варваров под руководством Равсимода в конце первой четверти IV в. продолжает вызывать особый интерес у исследователей[1].

Это нападение известно из рассказа Зосима, который в описании событий, произошедших перед возобновлением конфликта между Константином и Лицинием[2], сообщил, что «когда Константин узнал, что сарматы, жившие вблизи Меотийского озера, переправились через Данубий и принялись грабить его земли, он выдвинул против них армию. Варвары сопротивлялись под предводительством своего царя Равсимода и сразу атаковали хорошо укрепленный город, стена которого была воздвигнута из камня, за исключением самой верхушки, сооруженной из дерева. Сарматы, ожидая легкого захвата города посредством поджога деревянной части стены, сделали это и стали стрелять в тех, кто был наверху. В ответ защитники со стен начали метать в них различные предметы и камни. В результате многие нападавшие были поражены насмерть. Но когда Константин подошел лично и об-

---

[1] *Лавров В.В.* Восточные германцы в Приазовье // STRATUM plus. 2000. №4. С. 331–341; *Шаров О.В.* Рескупорид V и Константин Великий // Боспорский феномен. СПб., 2002. Т. I. С. 210–215; *Ярцев С.В.* Варвары Северного Причерноморья в борьбе Константина и Лициния // Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск; Новосибирск, 2010. №4. С. 34–46; *Он же.* К вопросу о хронологии и других обстоятельствах похода варваров Равсимода на Римскую империю // Боспорские чтения. Актуальные проблемы хронологии. Керчь, 2014. Вып. XV. С. 506–513; *Васильев А.А.* Константин Великий vs. «меотийские савроматы»: три вопроса к Зосиму // STRATUM plus. 2013. № 4. С. 245–260.

[2] Напомним, что в 317 г. они заключили мир и поделили империю, Константину доставалась западная часть государства вместе с Верхней Мёзией и Прибрежной Дакией, а Лицинию – восточная часть, включая Фракию, Нижнюю Мёзию и Скифию.

рушился на сарматов с тыла, то многих варваров он убил, еще больше взял в плен, а остальных обратил в бегство. Теперь, когда Равсимод потерял большую часть из своего войска, он погрузил его остатки на корабли и переправился обратно через Данубий, намереваясь позднее вновь вернуться на римскую территорию. Узнав об этом, Константин последовал за ним и, переправившись через реку, атаковал варваров, пытавшихся скрыться в густом лесу на холме. Многие были убиты, включая и самого Равсимода, но многих император оставил в живых и пощадил тех, кто заслуживал милосердия. После этого он возвратился в свое расположение со многими пленниками» (Zosim., II, 21)[1].

Всех исследователей данных событий смущало столь далекое продвижение приазовских варваров к границе империи, ведь они же должны были пройти границы владений Лициния и не встретить ожесточенного сопротивления с его стороны. При этом передвижение по суше, учитывая, что территория от Понта до Тисы контролировалась готами, было маловероятно[2]. Остается водный путь, однако, нам известно, что у Лициния имелся дееспособный и мощный флот, который разбил бы варваров еще на подходе к устью Дуная. Зосим передает сведения о том, что во время кораблекрушения флот Лициния потерял 130 кораблей вместе с их командованием и 5000 солдат, посланных для того, чтобы забрать часть войска из осажденного Византия (Zosim., II, 24, 2–3).

Итак, если флот был, то почему же варвары смогли спокойно пройти вдоль границ владений второго августа? Ответ, очевидно, кроется в противостоянии между Константином и Лицинием, в котором с обеих сторон активно использовались различные группы варваров. Лициний вполне мог договориться с Равсимодом о его нападении на владения Константина и поэтому предоставить данному воинству право спокойного прохода вдоль своих дунайских границ. Правда, у Константина к этому времени тоже был флот (Zosim., II, 22, 1), который при нападении варваров мог бы эффективно противостоять им.

Более того, еще с приходом к власти Диоклетиана правительство самое пристальное внимание уделяло укреплению границ и восстановлению речных флотов. При нем или, возможно, при Константине Паннонский флот был реорганизован во флот Савии, а Мёзийский флот – в Истрийский. Флот Савии был разделен на 4 эскадры, из которых две, первая и вторая Паннонские, находились в провинции

[1] Перевод Н.Н. Болгова (Зосим. Новая история / Перевод, комментарий, указатели Н.Н. Болгова. Белгород: Изд-во БелГУ, 2010. С. 110).

[2] *Шаров О.В.* Ук. соч. С. 211–212.

Паннония Первая, а две другие – первая Флавиева Августова и вторая Флавиева – размещались в Паннонии Второй.

Таким образом, дунайский флот после проведения реформ, представлял внушительную силу и был представлен несколькими флотилиями в Паннонии Первой, Валерии, Паннонии Второй, Мёзии и Дакии Прибрежной[1]. При этом важно заметить, что по археологическим данным еще при Диоклетиане началось массовое строительство на Дунае укрепленных речных пристаней, которые представляли собой четырехугольники, три стороны которых были окружены стенами, а одна открывалась на реку[2].

В любом случае, какими бы силами не обладали римляне на дунайской границе, ни о каком морском или речном сражении с варварами в данный промежуток времени в источниках не упоминается. Если противостояния не было, то воинство Равсимода, скорее всего, использовало флот только в качестве средства доставки до Железных ворот на Дунае, то есть, фактически до владений Константина[3]. Только после этого варвары отправились в грабительский набег на империю.

Но тогда какие корабли упоминает Зосим? Заметим, что в 358 г. Констанций II разгромил сарматов, посадив свое войско на обычные туземные лодки. Варвары подумали, что перед ними их соплеменники, и были легко побеждены[4]. Может быть и у Равсимода не было хорошего флота, тем более, боспорских кораблей[5], а варвары для переправы через Дунай использовали обычные рыбачьи лодки.

С одной стороны, действительно, ставленник Лициния боспорский царь Рескупорид VI вполне мог обеспечить морскую отправку боспорских варваров на службу своему покровителю[6]. И действительно, подобные случаи переброски солдат через Дунай встречаются. Известно, что в 361 г. во время похода Юлиана против Констанция II, Юлиан перевез 3000 своих солдат на кораблях по Дунаю (Zosim., III, 10, 2).

Однако, с другой стороны, здесь не был учтен факт того, что римляне пользовались морскими путями только в тех случаях, когда им нужно было достичь областей, добраться до которых сухопутным

---

[1] *Банников А.В., Морозов М.А.* История военного флота Рима и Византии (от Юлия Цезаря до завоевания крестоносцами Константинополя). СПб.: Евразия, 2014. С. 248 и сл.

[2] Там же. С. 248.

[3] *Ярцев С.В., Зубарев В.Г., Бутовский А.Ю.* Греко-варварский Крым в период поздней античности (III-IV вв. н.э.: от морских походов до битвы при Адрианополе). Тула: Изд-во ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2015. С. 165–166.

[4] *Банников А.В., Морозов М.А.* Ук. соч. С. 250.

[5] *Ярцев С.В., Зубарев В.Г., Бутовский А.Ю.* Ук. соч. С. 164–165.

[6] Там же. С. 165–166.

путем не представлялось возможным, или когда наземные коммуникации явным образом были хуже морских[1].

Исходя из этого, справедливо предположить то, что варвары могли добраться до Дуная степным путем, и уже отсюда их и забрали римские корабли. Меотийцы были хорошо знакомы с варварами местных степей, и путь до устья Тираса или Дуная, не должен был вызвать у них осложнений. Следовательно, маршрут доставки воинства Равсимода к границам владений Константина вполне мог являться комбинированным – сухопутным и водным. По нашему мнению, это более соответствует римской тактике ведения военных кампаний.

TO THE QUESTION ABOUT WAYS OF MOVING OF TROOPS OF RAVSIMOD TO THE BORDERS OF THE ROMAN EMPIRE

A.R. Strizhak (Tula)

The article deals with ways of moving troops Rossimoda to the borders of the Roman Empire. The author come to conclusion that the delivery of barbarians to the possessions of Emperor Constantine, most likely, was carried out in a combined way. To the mouth of the river or the Danube barbarians advanced by land, the further route they have done on Roman ships.

Key words: Roman Empire, Emperor Constantine, the Kingdom of Bosporus, Ravsimod.

К ВОПРОСУ О ПОЯВЛЕНИИ ГУННОВ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

А.А. Внуков (Тула)

Статья посвящена сложной теме появления гуннов в Северном Причерноморье в конце IV в. По мнению автора, переправа гуннов по льду или же на кораблях, продолжает оставаться наиболее вероятной версией внезапного появления гуннов на правом берегу Днепра.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, Римская империя, гунны, готы, император Юлиан, император Валент.

Великим переселением народов в исторической науке называют период массовых миграций племен во II–VII вв., способствовавших распаду Римской империи и возникновению на ее территории варвар-

[1] *Банников А.В., Морозов М.А.* Ук. соч. С. 264.

ских королевств[1]. Началом второго этапа этого периода (IV–V вв.) положило событие, которое до сих пор не воспринимается в науке однозначно – миграция на запад гуннов[2].

В изучении данного явления у современных исследователей возникают вопросы, которые и в прошлом столетии не один раз обсуждались в мировой и в отечественной науке[3]. Даже вопрос происхождения этого народа до сих пор не находит однозначного решения. Однако помимо проблемы этногенеза европейских гуннов и различия их с азиатскими хунну, исследователей особо интересует и вопрос причины и места их перехода в Европу[4].

Данная проблема не может найти своего решения, во многом, из-за крайне скудных по своему содержанию, неинформативных и неоднозначных сообщений письменных источников. Представляется, что только благодаря археологическим находкам, в сопоставлении со сведениями сочинений древних авторов, можно реконструировать указанные исторические события.

Первым кто написал о вторжении гуннов в Северном Причерноморье, был римский историк Аммиан Марцеллин. В труде «Res gestae» он описал кочевников, рассказал о причинах появления дико безобразного на вид народа в землях аланов (Amm. Marc., XXXI, 2, 3 – 12) и о содействии последних в нападении в земли Германариха (Amm. Marc., XXXI, 3, 1). Марцеллин к причинам вторжения гуннов относил обычную жажду грабежа (Amm. Marc., XXXI, 2, 12), но помимо его умозаключений имеются другие версии – в том числе, небесная кара за действия императора Валента в отношении к церкви. Такая версия

---

[1] *Буданова В.П.* Варварский мир эпохи Переселения народов: опыт типологической реконструкции // Вестник РГНФ. М.: Наука, 1999. №3. С. 112–120.

[2] Там же. С. 113.

[3] *Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. М.; Л.: Наука, 1949. С. 478–484; *Блаватский В.Д.* Боспорское царство в позднеантичное время // Античная археология и история. М.: Наука, 1985. С. 251–253; *Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: ДАР, 1999. С. 79–82; *Болгов Н.Н.* Проблемы истории, историографии, палеогеографии Северного Причерноморья IV–VI вв. Белгород: Изд-во БелГУ, 2002. С. 18–22; *Ярцев С.В., Зубарев В.Г., Бутовский А.Ю.* Греко-варварский Крым в период поздней античности (III-IV вв. н.э.: от морских походов до битвы при Адрианополе). Тула: Изд-во ТГПУ им. Л.Н.Толстого, 2015. С. 217-285.

[4] *Васильев А.А.* Готы в Крыму. В 2 ч. Ч.1 // ИРАИМК. 1921. Т.1. С.265–344; *Гадло А.В.* Этническая история северного Кавказа IV-X вв. Л.: Изд-во ЛенГУ, 1979. С. 16–17; *Кузнецова З.С.* Легенда об олене: фольклорный характер источника // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. СПб., 2003. Вып. 2. С. 321–334.

прослеживается, к примеру, у Павла Орозия в «Истории против язычников» (Oros, VII, 33, 9).

Управляла ли гуннами на том этапе существования жажда наживы, или же были другие обстоятельства – не вполне ясно, но имеются разные взгляды на объяснение данной ситуации.

Первая, самая популярная точка зрения, прослеживается в ряде работ, в которых авторы, акцентируясь на проблемах социально-экономического характера, предполагают, что, претерпевая нищету, гунны в поисках лучшей жизни были вынуждены заниматься грабежом и стремились завоевать новые степные пространства. При этом Л.Н. Гумилев допускал, что гунны знали о культуре Запада. Такой вывод делался на основе анализа материала из кургана Ноин-ула, в котором среди найденных произведений искусства было немало привозных вещей с территории греко-римского мира. Например, ткани, аналогичные по материалу, окраске, технике тканья и вышивке, которые изготовлялись в греческих колониях на берегу Черного моря и оттуда попадали к хуннам[1]. Как известно, с вещами приходят нередко и сведения о тех странах, где они сделаны, и поэтому нет никаких оснований полагать, что хунны не знали, какие народы живут на Западе. Тем самым, надо полагать, что переход их был продуман и взвешен: отброшенные от границ Китая и Западного края, они должны были стремиться передвинуться к границе другой земледельческой культуры, так как изоляция обрекала их на нищету и гибель[2]. Кроме того, С.А. Плетнева, опираясь на информацию Аммиана Марцеллина и археологические материалы, пришла к выводу о том, что гунны находились на первой стадии таборного кочевания. В поисках пастбищ они стремились завоевать новые степные пространства[3].

Второй взгляд на проблему появления гуннов на окраине греко-римского мира связан с военно-политическими вопросами истории империи в данное время. Речь, в основном, идет об особенностях завоевательной политики Германариха, стремлении империи восстановить северно-причерноморскую буферную зону, а также конфронтации императора Валента с готами. Идеи «активной завоевательной политики остготов» были высказаны в работах Н.Н. Болгова[4], а также имеют

---

[1] *Гумилев Л. Н.* Хунну. Степная трилогия. СПб.: ТАЙМ–АУТ–КОМПАСС, 1993. С. 201.

[2] Там же. С. 202.

[3] *Айбабин А.И.* Ук. соч. С 56.

[4] *Болгов Н.Н.* Между империей и варварами: финал античности на Боспоре Киммерийском // Україна в Центрально-Східній Європі. № 4. Киев: ИИУ НАНУ, 2004. С. 56.

место в трудах других видных исследователей. К примеру, о походах Германариха писал М.Б. Щукин. Он приводит реконструкцию походов его дружин, из которой можно понять, что целью «рикса» грейтунгов был контроль над Балто-Волжским торговым путем.[1] Вполне допустимо, что на каком-то этапе «держава» готского вождя действительно стала реальной военной угрозой в Северном Причерноморье, ведь «он властвовал, таким образом, над всеми племенами Скифии и Германии, как над собственностью» (Iord. Get., 116–120).

Отметим также и возможность призыва гуннов римлянами «как врагов их врагов». Это стало особенно актуальным после участия готов в восстании Прокопия против центральной власти, когда римско-готские отношения накалились и окончательно испортились. «Именно поэтому в Константинополе затем предпочли молчать о своем содействии, которое имело столько неприятных последствий не только для готов, но и для империи, и скрыть истинные причины под легендами. Гунны могли быть препровождены через Танаис или Меотиду, вероятно, на боспорских же судах, чтобы воевать против готов на территории северопонтийских степей»[2].

Более обстоятельно данная гипотеза представлена в монографии С.В. Ярцева, В.Г. Зубарева, А.Ю. Бутовского[3]. Согласно указанным исследователям, с началом правления Юлиана Отступника (361–363 гг.) империя нормализовала отношения с готами. Не стремившийся к борьбе с варварами император стремился найти лучшего врага (Amm. Marc., XXII, 7, 8), отказывая в войне сторонникам «готофобской партии». По его мнению, главным источником опасности в регионе являлись аланы[4]. Однако осознававший угрозу, исходившую от них, император вряд ли мог предложить, что-то кроме восстановления, в той или иной форме, буферной зоны времен позднего принципата. «Задача Юлиана заключалась в воссоздании первого пояса указанной системы. Помимо возрождения Боспора здесь требовалось восстановить Танаис, а также заключить союзный договор с могущественными номадами, которые, как и раньше, смогли бы контролировать степи Северо-Восточного Причерноморья и успешно противостоять аланам»[5]. В связи с этим исследователи считают, что загадочные войны, которые велись на Нижнем Дону до 376 г., были результатом скоординированных действий Боспора, го-

---

[1] *Щукин М.Б.* Готский путь (готы, Рим и черняховская культура). СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. С. 215, 217.

[2] *Болгов Н.Н.* Между империей и варварами … С. 56.

[3] *Ярцев С.В., Зубарев В.Г., Бутовский А.Ю.* Ук. соч. С. 245–285.

[4] Там же. С. 221.

[5] Там же. С. 222.

тов и гуннов против аланов. Замечая, что союзниками гуннов могли быть представители местного сармато-иранского клана (потомков Фарзоя и Инисмея), а гуннская конница никогда бы не смогла освободить дельту Дона без помощи готов Германариха[1].

После гибели Юлиана в битве при Маранге, планы по восстановлению буферной зоны оказались под угрозой, в основном, из-за начавшейся «междоусобицы», которая привела к власти Валента, не простившего готам помощь Прокопию. Он организовал карательную акцию, позже переросшую в римско-готскую войну (367–369 гг.), шедшую в разрез со сложным процессом восстановления буферной зоны. Результатом войны стало заключение мира в 369 г., ставшего, по предположениям авторов, лишь очередным витком борьбы императора против готов[2]. При этом «перед тем, как заключить с готами мир, Валент «подверг этот вопрос тщательному обсуждению» (Amm. Marc., XXVII, 5, 8) Не исключено, что именно на этом совещании римская стратегия в Северном Причерноморье была детально разобрана императором вместе с его ближайшим окружением, и с готами решено было покончить раз и навсегда[3].

Первый шаг для исполнения этой идеи был предпринят сразу же, в результате чего тервинги были ослаблены и разделены. Возможно, то же произошло с грейтунгами. Валент вряд ли мог отказаться от попытки наказать готов с помощью силовых действий. «Представлялось, что только так они могли бы легко превратиться в зависимое земледельческое население возрожденных городов Тира и Ольвия. Несогласных же с такими планами ждало уничтожение или изгнание, <…>. Правда, после войны стало очевидно, что достижение такой трудноосуществимой цели без опоры на мощных союзников было практически невозможно»[4].

Роль союзников исполнили гунны. Они представлялись как основная ударная сила для реализации этого плана[5]. Нападение на территории грейтунгов было тщательно спланировано. «Анализ источников свидетельствует, что данная операция заключалась в разделении гуннских сил на два войска, каждое из которых преследовало конкретную цель. По-видимому, в то время, когда основные силы начали продвижение на запад через степи Причерноморья, другая группа была оперативно доставлена боспорским флотом на правый берег Днепра, где и

---

[1] Там же.
[2] Там же. С. 250.
[3] Там же.
[4] Там же. С. 256.
[5] Там же.

обеспечила подошедшему главному гуннскому войску беспрепятственную и быструю переправу через реку»[1].

К сожалению, определить точную хронологию указанных событий, так или иначе связанных с появлением гуннов в Северном Причерноморье, очень трудно. Это связано, в первую очередь, с недостаточностью данных как письменных, так и археологических источников. При этом заметим, что по сообщению Аммиана Марцеллина, империя хорошо знала суровый нрав кочевников, которые были ненадежны в слове, не связаны уважением ни к какой религии или суеверию, до того переменчивы и гневливы, что иной раз в один и тот же день отступали от своих союзников и заключали снова мир (Amm. Marc., XXXI, 2, 11). И если это так, то почему же Валент пошел на риски, ведь Германарих мог попытаться заключить союз с гуннами, даже находясь тяжело раненым? Ответом могут служить два фактора: первый, связанный с моральными качествами самого императора, банальная мстительность которого была широко известна; второй, связанный с незнанием императором своего нового союзника. Последнее представляется маловероятным.

Скорее всего, сообщение Аммиана Марцеллина носит тенденциозный характер, напоминающий направленность известного сочинения Иордана[2]. Похоже, римский историк пытался оправдать империю, переложив всю ответственность на кочевников, поэтому причина римско-готской войны все же видится в стремлении мстительного императора наказать предавших его готов. При этом очевидно, что гунны не могли переправиться через Северно-Причерноморские водные преграды самостоятельно. Ведь не зная подходов к готским землям, их появление вряд ли могло быть внезапным, как утверждает римский историк (Amm. Marc., XXXI, 3, 1). Тем более, что такие подходы к своим границам контролировались готами. Поэтому переправа гуннов по льду или же на кораблях продолжает оставаться наиболее вероятной версией внезапного появления гуннов на правом берегу Днепра[3].

Тем не менее, вопрос о появлении гуннов в Северном Причерноморье и их борьбе с готами до сих пор остается открытым, а появление новых данных, будь то письменные, археологические источники, или иных материалов может кардинально изменить представление о данном ключевом событии Великого переселения народов.

---

[1] Там же. С. 261.

[2] *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов (Getica) / пер., вступ. ст., коммент. Е.Ч. Скржинской. СПб.: Алетейя, 2013. С. 39–40.

[3] *Тортика А.А.* К вопросу об исторической интерпретации легенды о переправе «гуннов» через Боспор Киммерийский // Боспорские чтения. 2002. Вып. III. С. 239–242.

TO THE QUESTION OF HUNS APPEARING ON THE NOTHERN COAST OF THE BLACK SEA

A.A. Vnukov (Tula)

The article is devoted to the complex topic of appearing of the Huns on the northern coast of the Black Sea at the end of the IV century A.D. According to the author, the most plausible version of the Huns' sudden appearance on the right bank of the Dnieper is crossing over the ice or on ships.

Key words: northern Black Sea coast, Roman Empire, Huns, Goths, emperor Julian, emperor Valent.

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ПРИНЯТИЯ ХРИСТИАНСТВА ГУННСКИМ ВОЖДЕМ ГОРДОМ НА БОСПОРЕ

Г.М. Агеева (Тула)

Статья представляет собой попытку определить новые обстоятельства принятия христианства на Боспоре гуннском вождем Гордом. По мнению автора, данные обстоятельства были обусловлены предшествующим длительным периодом христианизации населения Боспора, в том числе, и гуннского. Скорее всего, Горд подозревал или знал о готовящимся против него мятеже, и за счёт крещения хотел получить поддержку со стороны Империи, боспорской знати и местных христианизированных варваров.

Ключевые слова: Боспор, Византийская империя, гунны, император Юстин, гуннский вождь Горд.

Обстоятельства крещения гуннского вождя Горда нам известны по сочинениям Прокопия Кесарийского, Иоанна Малалы, Феофана, Кедрина, Иоанна Никиусского, Псевдо-Дионисия. Тем не менее, история одного из первых крещений этого варварского племени во многом продолжает оставаться в науке terra incognita.

Горд (Грод, Гордий, Горда) – предводитель гуннского племени утигуров, живших на территории Прикубанья со второй половины V в. Известно, что данный кочевой народ использовал крымские степи для выпасов скота в сезон[1]. Прокопий описывает их местоположение следующим образом: «лежащее между Херсоном и Боспором пространство занято гуннами» (Procop. Bello Pers., I, 12). Горд

[1] *Болгов Н.Н.* Закат античного Боспора. Белгород, 1996. С. 48.

прибыл в Константинополь около 529 г.[1] и принял крещение от императора Юстиниана I. В письменных источниках это событие освещено следующим образом: «В то же время и находящийся близ Боспора предводитель гуннов по имени Грод присоединился к тому же василевсу. Он пришел в Константинополь и был [там] крещен. Сам василевс стал его восприемником и, богато одарив, отпустил его домой с тем, чтобы он охранял области римлян и Боспор. Дал он им и трибуна с тем, чтобы он нес охрану вместе с ними. В этом городе шел обмен между римлянами и гуннами. Этот самый вождь, став христианином и отправившись в свою землю близ Боспора, застал там своего брата. Оставив его вместе с войском гуннов, он удалился. Эти гунны раньше поклонялись идолам. [Сегодня же] они взяли, переплавили их, поскольку они были из серебра и электра, и обменяли в Боспоре, получив вместо них милиарисии. Жрецы гуннов пришли в ярость, зарубили вождя и поставили вместо него его брата Мугела. Испугавшись римлян, они явились в Боспор и убили охраняющих город» (Malala, 432).

«В том же году царь гуннов, обитавших близ Воспора, Гордас, присоединился к императору, сделался христианином и просветился, а император принял его, осыпал большими дарами и отправил в собственную его страну охранять римские пределы и город Воспор, названный так потому, что гунны ежегодно платили римлянам дань, вместо денег, быками. Юстиниан отправил туда же и трибунов для охранения этого города и собирания положенной дани с гуннов. Царь гуннов, сделавшийся христианином, возвратясь в свою землю, пришел к брату своему, рассказал ему о любви императора и щедрости его, равно как и о том, что он крестился. Он собрал истуканы, которым гунны поклонялись и перелил их, потому что они были серебряные и янтарные. Гунны рассердились и сговорившись с братом его, убили его, а на его место поставили царем брата его, Муагера. Боясь, чтобы римляне не взыскали за него, вдруг напали на город Воспор и убили трибуна в нем Далмация с воинами его» (Theoph. Chron., 176).

Необходимо отметить, что гуннские племена в Северном Причерноморье соседствовали с населением, в среде которого уже более двух веков действовали христианские общины. Во всяком случае, о распространении новой религии на Боспоре уверенно можно говорить, начиная с IV века. Епископы Боспора присутствовали на Вселенских соборах IV–V вв. Также не подлежат сомнению археологические

---

[1] *Храпунов Н.И.* О взаимоотношениях Боспора и Византии при Юстиниане I // VITA ANTIQUA. 2003. №5–6. С. 173.

находки христианских древностей на Керченском полуострове этого времени[1].

Христианами были и соседствующие с гуннами готы-тетракситы/трапезеиты[2]. Помимо территориального соседства, отметим и торгово-культурные контакты утигур с жителями Боспора. Они торговали скотом, кожей, рабами и другими товарами[3]. Также гуннский полихромный стиль ювелирных украшений входит в моду у боспорской знати. Тем не менее, утигуры оставались невосприимчивыми к христианской вере. И Горд по сути является первым в своём роде гунном, который пошёл на такой шаг. Очевидно, что на это могли повлиять только, какие-то экстраординарные обстоятельства.

В «Сирийских хрониках» Захарии Ритора упоминается семь священнослужителей во главе с армянином Кардостом, которые пришли к гуннам около 515 г. Боспор, в тексте не упоминается, но исходя из контекста последующих событий, скорее всего, они прибыли именно на берега Боспора Киммерийского[4]. Видимо, первоначально их целью была проповедь среди пленных христиан. В хронике указывается, что священнослужители обучали некоторых гуннов и сделали перевод церковных книг на гуннский язык (Zach. Mit., Chron., 12, 7). Обращает на себя внимание, что деятельность Кардоста самым непосредственным образом совпадает с военно-политическими интересами Византии. Тем более, что вскоре престол займет Юстиниан I, главной идеей правления которого станет неприкрытое и агрессивное восстановление величия Римской империи.

Однако из-за своего стратегического расположения Крымский полуостров вошёл в перечень стратегических объектов внешней политики и дипломатии раньше, ещё при Юстине (518–527 гг.). Именно при нём «боспориты отдали себя под власть императора» (Procop. Bello Pers., I, 12, 8).

Таким образом, не вызывает сомнений, что присоединение Боспора лежало в русле всей глобальной реставрационной полити-

---

[1] *Ярцев С.В., Зубарев В.Г., Бутовский А.Ю.* Греко-варварский Крым в период поздней античности (III–IV вв. н.э.: от морских походов до битвы при Адрианополе). Тула, 2015. С. 395–446.

[2] *Ярцев С.В.* Письмо константинопольского архиепископа Иоанна Златоуста диакониссе Олимпиаде как важнейший источник по истории раннего христианства на Боспоре // Вестник ГОУ ДПО ТО «ИПК И ППРО ТО» Тульское Образовательное Пространство. Тула, 2018. №1. С. 93–98.

[3] *Болгов Н.Н.* Ук. соч. С. 48–50.

[4] *Артамонов М.И.* История хазар. СПб., 2001. С. 129–131.

ки империи[1]. Около 522 г. к причерноморским гуннам прибыл посол Проб, чтобы договориться о военной помощи в войне с персами[2]. Но переговоры оказались неудачными. Однако Проб успел посетить Кардоста и высоко оценить его деятельность (Zach. Mit., Chron., 12, 7). Возможно, именно он повлиял на миссионера, чтобы тот активизировал свою деятельность по отношению к гуннам и Горду или же сам имел возможность общаться с варварским вождем. Напомним, что в случае успеха миссии Кардоста гунны превращались в вассалов империи (Ioannis Nic. Chron., 110, 66) и, как новые подданные, могли охранять доверенные им территории. При этом за такую службу император обычно осуществлял оплату варварам. Вот почему здесь справедливо усматривается двойственность договора между Гордом и Империей, ведь гунны считали подобные выплаты уплатой дани[3].

Некоторая противоречивость в источниках наблюдается и в финальных событиях истории о гуннском вожде – христианине. Горд вернулся обратно с небольшим количеством византийских войск, возглавляемых трибуном Далмацием. В своём племени он начал религиозную реформу, пытаясь обратить соплеменников в христианство и переплавляя языческих идолов. Это вызвало резкое недовольство среди утигур, и, в первую очередь, среди гуннских жрецов. Горда убили, выдвинув как предводителя брата Горда, Мугеля (Мугера, Муагера) (Mal. Chron., 18, 14; Theoph. Chron., 176; Cedr. Hist., 367). Тем не менее, отметим, что Иоанн Никиусский упоминает о том, что Мугель также принял христианство (Ioannis Nik. Chron., 110, 67–69). Но в этом случае раздор и переворот в среде гуннов по причине межрелигиозной розни не выглядит достоверным.

Таким образом, с одной стороны, обстоятельства принятия христианства гуннском вождем Гордом были обусловлены предшествующим длительным периодом христианизации населения на Боспоре, в том числе, и гуннского. С другой стороны, сам Горд, вероятнее всего, пошел на отказ от своих языческих богов в пользу новой религии, во многом по политическим причинам. Видимо, он подозревал или знал о готовящимся против него мятеже, и за счёт крещения хотел получить поддержку со стороны Империи, боспорской знати и местных христианизированных варваров.

---

[1] *Болгов Н.Н., Красникова Е.А.* Позднебоспорские портреты. Белгород, 2010. С. 37–39.

[2] *Храпунов Н.И.* Ук. соч. С. 171.

[3] Там же. С. 172.

Главной целью этих действий гуннского вождя, было стремление сохранить и укрепить собственную власть на Боспоре, пусть даже под протекторатом имперских властей.

CIRCUMSTANCES OFCHRISTIANIZATION OF GORD, THE HUNNISH CHIEF AT BOSPORUS

G.M. Ageeva (Tula)

The article constitutes an attempt to define new circumstances of the Christianization at Bosporus of Gord the hunnish chief. According to the author these circumstances weredetermined by the previous long-lasting period of Bosporus population Christianization, included the hunnish one. Probably Gord suspected or knew about rebellion being prepared against him, and with the help of christening wanted to get support from the Empire, Bosporus aristocracy and local christianized barbarians.

Key words: Bosporus, Byzantium Empire, Huns, hunnish chief, Gord.

АНТИЧНЫЙ МИР.
ДРЕВНИЙ РИМ И РАННЕЕ ХРИСТИАНСТВО

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНТРИГ В РИМЕ ЭПОХИ ПРИНЦИПАТА

Е.В. Анохина (Белгород)

В статье анализируется роль представительниц женского пола в политических интригах I в. до н.э. – I в. н.э. Автор предпринимает попытку установить, кто из женщин упомянут в числе участниц событий, как освещается и оценивается их роль античными историками, выявить причины вовлечения женщин в интриги.

Ключевые слова: Рим, интрига, женщины, гендер.

Важный аспект гендерной системы – вопрос о распределении власти, поэтому в гендерном анализе одной из основополагающих является проблема доминирования[1]. Политическая сфера относится к числу тех, где на протяжении столетий очевидным было преобладание мужчин, однако в последние годы женщины завоевывают позиции и в этой области деятельности, получая возможность легально участвовать в управлении. Выделение гендерного аспекта в политике подталкивает к переосмыслению роли женщин, что возможно сделать, обратившись к истории Древнего Рима, где впервые была предпринята попытка создать новые модели гендерных отношений[2]. Для данного исследования привлекались исторические сочинения: «Жизнь 12 цезарей» Светония, «Анналы» Тацита, «Римская история» Диона Кассия.

По мнению Д.В. Ольшанского, понятие интриги как формы тайной политики появилось в Риме, государственная жизнь которого в определенной мере основывалась на этой форме политического участия[3]. В узком смысле под «интригой» понимаются скрытые, неблаговидные действия, применяемые для достижения необходимых целей[4]. Пример подобных действий мы встречаем в тексте Тацита, где он

---

[1] *Репина Л.П.* От «домашних дел» к «делам государства»: гендер и власть в историческом контексте // Диалог со временем. М., 2007. С. 5.

[2] *Грошев И.В.* Гендерные представления о власти // Социс. 2000. № 12. С. 33.

[3] *Ольшанский Д.В.* Основы политической психологии. Екатеринбург, 2001. С. 450.

[4] *Егоров А.Б.* Интрига в политической жизни Рима эпохи Республики (открытая и тайная политика в римской истории) // Политическая интрига и судебный процесс в античном мире. СПб., 2015. Вып. 2. С. 187.

упоминает, что Агриппина «кознями и ухищрениями толкала Клавдия на […] жестокости» (Tac. Ann., XII, 59), или у Диона Кассия, который приводит информацию о действиях Агриппины «частично милостями, частично запугиванием» (Cass. Dio, LXI, 32).

В более широком смысле, интрига – заранее разработанная схема развития событий, основанная на столкновении интересов различных персонажей[1]. К числу сложных интриг, организованных римлянками, следует отнести мероприятия, направленные на устранение нежелательных для них наследников власти. Светоний утверждает: возможно, именно Ливия, рассчитывавшая на передачу Августом власти Тиберию, создала подложный приказ об убийстве его соперника – Агриппы Постума. «Неизвестно было, оставил ли этот приказ умирающий Август, чтобы после его смерти не было повода для смуты, или его от имени Августа продиктовала Ливия…» (Suet. Tib., 22, 1). Но, несмотря на возможное участие Ливии в преступлении, Светоний подчеркивает, что она была женщиной, которую Август «как никого, любил и почитал до самой смерти» (Suet. Aug., 62, 2).

Тацит отвергает версию о том, что документ об устранении Агриппы мог быть подписан Августом, который, хотя и не был абсолютно доволен юношей, «однако никогда не ожесточался до такой степени, чтобы умертвить кого-либо из членов своей семьи…» (Tac. Ann., I, 6). В то же время, автор подтверждает заинтересованность Ливии в подобном развитии событий, утверждая, что и Тиберий стал соучастником интриги – «он из страха, она из свойственной мачехам враждебности» (Tac. Ann., I, 6). При этом и у Тацита Ливия удостоена исключительно лестных характеристик: «Святость домашнего очага она блюла со старинной неукоснительностью […]; была страстно любящей матерью, снисходительной супругой и хорошей помощницей в хитроумных замыслах мужу…» (Tac. Ann. V, 1).

Дион Кассий называет информацию о вмешательстве Ливии в решение этого вопроса лишь слухами. Автор утверждает, что их распространению способствовал Тиберий, так как на самом деле именно он отдал приказ о смерти Агриппы (Cass. Dio, LVII, 3). Как и Тацит, Дион указывает на добродетели Ливии, в частности, восхваляя ее целомудрие и невмешательство в дела мужа, подразумевая, видимо, и дела политические (Cass. Dio, LVIII, 2). Как отмечает Е.Е. Шеховцова, в античных текстах положительная оценка часто встречается в отношении женщин, которые занимались домашней работой, были верными супругами и твёрдо хранили древние добродетели римского наро-

[1] *Ольшанский Д.В.* Указ. соч. С. 449.

да[1]. Очевидно, по мнению античных историков, таковой была и Ливия, поэтому приведенные характеристики для них были более существенны в восприятии ее личности, чем возможное участие в политических интригах.

Женщины выступали не только как организаторы интриг, но и привлекались для реализации намерений других политических фигур. Тацит сообщает, что Сеян планировал заговор против Тиберия, осуществлению которого препятствовало большое количество наследников, имевших шансы занять место принцепса после его смерти. Против возможных наследников Сеян и начинает плести интриги. Первой мишенью становится Друз, а для осуществления плана Сеян использует его жену Ливиллу: «Изобразив, что воспылал к ней любовью, он склонил ее к прелюбодеянию, […] внушил ей желание […] стать его соправительницей и умертвить мужа…» (Tac. Ann., IV, 3). Примечательно, что преступление Ливиллы рассматривается Тацитом как следствие ее недостойного поведения: нравственное падение влечет за собой целую цепочку преступлений, и та легкость, с которой женщина решилась на убийство, представляется даже закономерной. Тацит осуждает Ливиллу как за супружескую измену, так и за политические намерения: «Она […] осквернила себя, а также предков и потомков своих связью с любовником […], в ожидании преступного и неверного взамен почетного и того, чем прочно владела» (Tac. Ann., IV, 3). Таким образом, у Тацита оценка нравственности Ливиллы превалирует над оценкой ее действий. Подобный подход вполне объясним: исследователями неоднократно отмечалось, что отличительной чертой Тацита является склонность к морализаторству.

Дион Кассий подтверждает любовную связь между Ливиллой и Сеяном, но настаивает на взаимности их чувств. По его сведениям, Сеян выстраивал планы с намерением «жениться на Ливилле <…>, к которой испытывал страсть…» (Cass. Dio, LVII, 22). Но в рассказе Диона, как и Тацита, исполнителем задуманного предстает женщина: «[Сеян] дал яд при посредстве его служителей и жены Друза…» (Cass. Dio, LVII, 22). Светоний также сообщает о данной интриге. Автор подтверждает: Ливилла вступила в сговор с Сеяном (об их любовной связи упоминаний нет) и расправилась с Друзом Младшим, отравив его (Suet. Tib., 62). Следует отметить, что и Дион, и Светоний воздерживаются от оценок в адрес Ливиллы, возможно, учитывая, что она действовала не самостоятельно, в значительной мере находясь под давлением мужчины.

---

[1] *Шеховцова Е.Е.* Римские императрицы в освещении античных авторов // Ярославский педагогический вестник. 2005. №1. С. 25.

Женщины также были замечены в интригах, связанных с созданием ложных ситуаций. Светоний повествует о казни Аппия Силана, подстроенной Мессалиной и Нарциссом. Предварительно сговорившись, они подготовили почву для интриги, пересказав Клавдию свои «сны», в которых Силан готовит покушение на принцепса, а затем инсценировали и само нападение (Suet. Claud., 37, 2). Из рассказа Диона мы узнаем причину: Силан отказался стать любовником Мессалины, в оценке автора, «самой распутной и похотливой из женщин», и «этим пренебрежением […] испортил отношения…» (Cass. Dio, LX, 14). Тацит также сообщает о том, что Нарцисс «подстроил расправу над Аппием» (Tac. Ann., XI, 29), но не упоминает об участии Мессалины, впрочем, по мнению исследователей, более подробный рассказ о гибели Силана содержался в ныне утраченной части «Анналов»[1].

Т. Шпет отмечает, что Клавдий в ряде античных текстов представлен как внушаемый человек, он «игрушка» в руках жен – сначала Мессалины, затем Агриппины[2]. По мнению К. Эдвардс, к анализу этих эпизодов следует подходить с осторожностью, потому что римская аристократия, стремясь выразить недовольство принцепсом, акцентировала внимание на его подверженности женскому влиянию, так как действенный способ подорвать авторитет императора – это высмеять его за то, что он находится под управлением коварной жены или властной матери[3].

Разновидностью ложной ситуации можно считать привлечение к суду без действительных на то оснований. По данным Тацита, Мессалина добивалась смертных приговоров в отношении персон, имущество которых намеревалась подвергнуть конфискации: она захватила сады Валерия Азиатика после того, как погубила его ложными обвинениями в «развращении воинов» (Tac. Ann. XI, 1–2)[4]. «Беспощадная в ненависти», по оценке Диона, Мессалина направляла свой гнев и против женщин: было подстроено обвинение по доносу в адрес Кальпурнии, «поскольку Клавдий когда-то восхищался ее красотой и хвалил ее» (Cass. Dio, LX, 33).

---

[1] *Бобович А.С.* Примечания // Корнелий Тацит. Анналы. Малые произведения. М., 1993. Т.1. С. 147.

[2] *Шпет Т.* Власть женщин в ранней Римской империи? Критический взгляд на исторические представления о «женах цезарей» // THESIS. 1994. №6. С. 257.

[3] *Edwards C.* Women and Power: The Empresses of Ancient Rome. – Электрон. дан. – URL: http://www.bbc.co.uk/programmes/articles/4jfLWp2sbv2J1xcHq6pKN3J/women-and-power-the-empresses-of-ancient-rome.

[4] *Шеховцова Е.Е.* Проблема влияния детских впечатлений на поступки римских императриц // Ярославский педагогический вестник. 2008. № 3. С. 139.

Женщины становились участницами интриг, передавая ценные в политическом отношении сведения. По данным Светония, Август встречался с чужими женами, стремясь заранее узнать о намерениях оппонентов (Suet. Aug., 69). Дион Кассий сообщает об использовании женщин в политической разведке Сеяном, «ибо, поддерживая незаконные отношения с женами почти всех видных людей, он знал то, что их мужья говорили и делали…» (Cass. Dio, LVIII, 3). По мнению Е.С. Данилова, привлечение женщин к политической разведке можно объяснить следующими причинами: слабостью мужчин перед женскими чарами, готовностью представительниц прекрасного пола рисковать или невозможностью в настоящий момент задействовать другие ресурсы[1]. Античные историки не выражают открыто отношения к участницам этих мероприятий, но исследователи отмечают, что подобное поведение женщин не соответствовало традиционным представлениям о добродетельных матронах, которым присущи целомудрие и благожелательность (Laudatio Turiae I. 30–36=ILS 8393)[2].

Таким образом, интрига может рассматриваться как скрытный поступок политического деятеля, направленный на достижение необходимой цели. В тексте Тацита такие поступки, совершаемые Агриппиной, именуются «кознями» и «ухищрениями», в рассказе Диона упомянуты «милости» и «запугивания». С другой стороны, под интригой понимается развитие событий по заранее подготовленной схеме. Роли женщин в подобных интригах могут быть классифицированы следующим образом.

Во-первых, женщины выступали организаторами мероприятий, направленных на устранение нежелательных для них наследников власти. Показательна ситуация, связанная с гибелью Агриппы Постума. Если по данным Светония основным действующим лицом представляется либо Ливия, либо умирающий Август, в изложении Тацита ответственность ложится на Ливию и Тиберия, то Дион отвергает сведения о причастности Ливии к смерти юноши. Вызывают интерес оценки в адрес женщины: историки акцентируют внимание на качествах, характеризующих Ливию как добропорядочную матрону, а не как политика или соучастницу преступления.

Женщины могли быть вовлечены в подобную интригу ради выполнения чужих планов. Авторы сообщают об участии Ливиллы в мероприятии Сеяна, организованном против Друза. По данным Тацита,

---

[1] *Данилов Е.С.* Роль римских женщин в военной и политической разведке: от республики к империи // Частное и общественное: гендерный аспект. М., 2011. Т. 1. С. 26.

[2] Там же. С. 25.

Сеян, притворившись влюбленным в женщину, подталкивает ее к убийству супруга для устранения соперника в борьбе за власть, Дион настаивает на искренности их отношений и необходимости устранения принцепса еще и по причине невозможности заключения брака, Светоний же не упоминает о любовной связи между сообщниками. Примечательно, что Тацит негативно отзывается о деятельности Ливиллы, ставя ей в вину, с одной стороны, супружескую измену, с другой, непосредственное участие в интриге, ставшее следствием ее морально-нравственного падения и навлекшее позор на членов ее семьи. Остальные историки воздерживаются от оценок в адрес женщины, возможно, учитывая, что Ливилла в определенной степени находилась под давлением мужчины.

Во-вторых, женщины участвовали в интригах, связанных с созданием ложных ситуаций. Светоний и Дион Кассий сообщают о сговоре Мессалины и Нарцисса, в ходе которого им удалось обмануть Клавдия и обвинить Аппия Силана в подготовке переворота. Тацит и Дион свидетельствуют о ложных обвинениях, которые подстроила Мессалина, воздействуя на императора. Но следует отметить, что характер этого воздействия в текстах может быть преувеличен, так как зачастую римская аристократия, стремясь подорвать авторитет принцепса, акцентировала внимание на его чрезмерной подверженности женскому влиянию.

В-третьих, по данным Светония и Диона, женщины становились участницами интриг, передавая ценные в политическом отношении сведения. Авторы не приводят оценок разведывательной деятельности женщин, но, по мнению исследователей, подобные поступки априори не могут быть оценены положительно, так как вступают в противоречие с римскими представлениями о женских добродетелях.

GENDER ASPECT OF POLITICAL INTRIGUES IN ROME OF THE EPOCH OF THE PRINCIPAT

E.V. Anokhina

The paper analyzes the role of women in political intrigues of the I century B.C. – the I century A.C. The author determines who are named among the participants, how their activities are estimated by the ancient historians, reveals the reasons of their participation in these events.

Keywords: Rome, intrigue, women, gender.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ГОСТЕПРИИМСТВО В СИСТЕМЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ ДРЕВНЕГО РИМА

С.С. Нефедова (Белгород)

В статье рассматриваются нормы общественного гостеприимства в Древнем Риме, определяются категории людей, связанные с государственным гостеприимством. Приводятся примеры заключения союзов гостеприимства. Отмечается, что союзные государства стремились добиться покровительства Рима при помощи материальных благ. Рассматривается институт recuperatores.

Ключевые слова: Древний Рим, внешняя политика, гостеприимство, гость, союзы гостеприимства, институт recuperatores.

В настоящее время сохраняют актуальность вопросы о формах приема гостя государством и частными лицами. Одним из основных условий гостеприимства является взаимное уважение, понимание и ответственность гостеприимца и гостя. Изучение обычая гостеприимства в Древнем Риме позволяет составить более глубокое представление об историческом и культурном развитии римского общества периода принципата, а также увидеть обозначенные явления и процессы в завершенном виде.

Древнеримская община имела свою цивилизационную специфику. В отличие от древнегреческого полиса, она была более открыта относительно иностранных влияний[1]. Гостеприимство считалось общественным или государственным (hospitium publicum) при условии заключения договора между несколькими общинами. При общественном гостеприимстве сенат от имени всего римского народа заключал договорные отношения с представителями другой общины[2].

В Риме в зависимости от категории иностранцев (от дипломатов до беглецов) были введены различные статусы (разный объем прав и обязанностей). Следует различать понятие просто иностранца и иностранца-гостя. Последний имел больше прав, а его статус был более почетным. Поскольку статус гостя был привилегированным, то именно этот статус предоставляли торговцам, дипломатическим представите-

---

[1] *Прима В.В.* Эволюция гостеприимства в Древнем Риме: социально–культурный аспект // Гилея: научный вестник. Киев, 2015. Вып. 96. С. 193.

[2] *Колосовская Ю.К.* Гостеприимство как право народов древнего Рима // Закон и обычай гостеприимства в античном мире. Доклады конференции. М., 1999. С. 52.

лям другого государства и другим важным для принимающей стороны иностранцам[1].

Государственное гостеприимство рассматривало купцов как гостей, которые помимо проведения торговых операций могли участвовать в праздничных мероприятиях, знакомиться с достопримечательностями Рима: «…среди других любимчиков на многолюдном пиршестве, где присутствовали и некоторые римские торговые гости» (Suet. De vita Caesarum I. 49).

Одним из факторов внешней политики Рима I в до н.э., по мнению В.И. Кащеева, становится гостеприимство в форме заключения договоров, союзов гостеприимства. Гостеприимство подтверждалось принесением нерушимой клятвы верности (iusiurandum), которая произносилась в устной форме при вступлении в союз гостеприимства. Это мероприятие проходило у алтаря, с возлиянием вина и молока, что свидетельствует о бескровности клятвы о верности. Обе стороны давали устное обещание, на словах (verbis obligatio), честно и верно исполнять договор[2]. Например, такой договор заключили царь западных нумидян (массесилян) Сифакс и римский военачальник Сципион: «Сифакс дружески принял Сципиона и, встретившись с ним наедине, заключил союз и дал ему клятву» (App. VI. 30). Нарушение гостеприимства было одновременно нарушением клятвы верности и наказывалось римским обществом, так как это являлось пренебрежением божественным правом.

Тит Ливий пишет, что Газдрубал заключал союзы гостеприимства с царьками и, пользуясь дружбой вождей, привлекал новые племена на свою сторону. Такими средствами, а не войной и набегами, умножал он могущество Карфагена (Liv. XXI. 2.5). В.В. Прима утверждает, что гостеприимство выступает средством обеспечения политической самостоятельности иностранных царств, когда цари, попавшие в зависимость от Рима, прибегали к гостеприимству, как способу сохранить свою независимость, хоть и в значительной мере формально[3]. В 59 г. римскому военачальнику Корбулону послы из Тигранокерты объявили о сдаче города. В качестве дара гостеприимства они поднесли золотой венец. Корбулон благосклонно его принял. Городу не было

---

[1] *Денисенко В.В.* Регламентация правового статуса иноземцев в Древнем Риме // Вестник Запорожского юридического института. 2011. №2. С.133.

[2] *Кащеев В.И.* Эллинистический мир и Рим. Война, мир и дипломатия в 200-146 гг. до н.э. М., 1993. С. 218-219.

[3] *Прима В.В.* Эволюция гостеприимства в Древнем Риме: социально–культурный аспект // Гилея: научный вестник. Киев, 2015. Вып. 96. С. 194.

причинено никакого ущерба, чтобы горожане с большей готовностью соблюдали повиновение (Tac. Ann. XIV. 24).

Символом гостеприимства и дружбы в Древнем Риме было изображение двух соединенных правых рук. Именно такой подарок в 69 г. преподнесли племена лингонов римскому войску (Tac. Hist. I.54). Чтобы римская знать стала более расположенной к Югурте, послы царя передали богатые подарки римским гостеприимцам (Sallust. Bellum Iug. 13. 7).

Ю.К. Колосовская утверждает, что постой римских легионов на территории дружественных и союзных Риму государств регулировался принципом per hospitia (Suet. Tib. 37.1.). Это означало, что расквартированные на территории этих стран римские гарнизоны имели статус «гостя», находящегося под защитой богов[1]. В некоторых городах нельзя было находиться с оружием. Например, Валерий Максим пишет, что в Массилию никто не может войти с оружием. Воин должен его оставить на хранение, а затем, при выходе из города, получить назад (Valer. Max. Factorum et dictorum. II. 6.9).

Как считает В.В. Прима, государственные образования в соответствии с заключенными договорами о гостеприимстве не могли вступать в союзы, направленные против Рима; не пропускали через свои владения племена, двигающиеся до Дуная и Рейна; разрешали римской армии свободный проход по своей территории, если существовала возможность остановить варваров на подходе к границам Рима. Кроме того, в случае необходимости они снабжали римские войска провиантом и отправляли на помощь военные отряды. Древний Рим также обязывался выплачивать клиентам субсидии, предоставлять поддержку своим ставленникам из числа местной знати во внутриполитической борьбе. При этом формально клиентские образования сохраняли полную самостоятельность и собственный политический строй[2].

По мнению Ю.К. Колосовской, особенность древнеримского гостеприимства состояла и в том, что оно стремилось превратиться и стало наследственным институтом в римской общине (hospitium paternum). Об этом говорят взаимоотношения Рима с эллинистическими государствами Средиземноморья. Например, на государственном уровне (in publicum hospitium) связи гостеприимства были заключены с общиной Липарских островов (Liv. V. 28.4-5). Узами гостеприимства

---

[1] *Колосовская Ю.К.* Гостеприимство в системе ius gentium Древнего Рима // IVS ANTIQVVM. Древнее право. М., 1999. №1 (4). С.86.

[2] *Прима В.В.* Эволюция гостеприимства в Древнем Риме: социально–культурный аспект // Гилея: научный вестник. Киев, 2015. Вып. 96. С. 196.

с Римским государством были связаны Родос и цари провинции Азия (Liv. XXXVII. 54.5). С целью устранить вмешательство римлян в дела Эпира, царь Персей говорил о наследственном гостеприимстве между ними и его отцом, Филиппом (amicitiam hospitiumque cum Philippo fuisse) (Liv. XLII. 38.8-9). Во время действий Цезаря в Африке царь Юба ссылался на гостеприимство, заключенное Помпеем с его отцом, Гиемпсалом (paternum hospitium cum Pompeio) (Caes. BC. II. 25.4)[1].

Древнеримское гостеприимство считало гостями и посольства иностранных государств. Право отправлять и принимать посольства принадлежало Сенату и Народному собранию. Посольства в Древнеримском государстве назывались легациями (legationes) (Liv. I. 10. 1; IV. 52. 7; XXI. 9. 3), а послы – легатами (legati) (Liv. VII. 38. 4; X. 45. 4), ораторами (oratores) (Liv. I. 15. 5; II. 13. 7) и жезлоносцами (caduceatores) (Liv. XXVI. 17. 5). А.В. Мишулин отмечает, что в Древнем Риме посольства иностранных государств подразделялись на две группы: посольства держав, находившихся во враждебных отношениях, и посольства дружеских государств[2]. Известны случаи, когда послам иностранных государств отказывали в гостеприимстве. Так консул Марк Юний, посовещавшись с сенатом, постановил отказать родосцам в крове, столе и приеме в сенате, решив, что по отношению к ним никакого права гостеприимства соблюдать не следует: «Марк Юний ответил родосцам, что друзьям своим и союзникам римляне оказывают всяческие любезности, допуская их и в сенат, но родосцы в последней войне не заслужили того, чтобы их причислять к друзьям и союзникам» (Liv. XLV. 20. 6).

Римские правители, согласно правилам гостеприимства, заключенным узам гостеприимства, не имели права выдавать гостя. Так, Корнелий Непот пишет, что царь Вифинии Прузий отказался лично выдать Ганибала легатам из Рима, так как это нарушает долг гостеприимства (Nep. De excell. ducib. ext. gentium. XXIII. 12). Однако зачастую это правило нарушалось. Подтверждение данных сведений находим у Плутарха, который сообщает, что нельзя полагаться на узы гостеприимства, так как лишь немногие не выдавали палачам друзей, искавших у них убежища (Plut. Marius. 43).

В Древнем Риме получила развитие концепция «личного закона» (персонального статуса). В определенных категориях дел статус ответчика в римских судах определялся его «личным законом», то есть, в со-

---

[1] *Колосовская Ю.К.* Гостеприимство как право народов древнего Рима // Закон и обычай гостеприимства в античном мире. Доклады конференции. М., 1999. С.54–55.

[2] *Мишулин А.В.* Объявление войны и заключение мира у древних римлян // Исторический журнал. 1944, №1011. С. 109.

ответствии с правом его гражданства. Римское право следовало за гражданином Рима, где бы он ни находился. Это рассматривалось как особо ценная личная привилегия. Исконно римским институтом международного третейского суда ученые называют институт recuperatores (рекуператоров). Рекуператоры – это лица, которые избирались римским народом и другими, с которыми римляне заключили договор, для решения споров между частными лицами – римскими гражданами и иностранцами. В.В. Денисенко, рассматривает этот институт как третейский суд[1]. С.Л. Лазарев определяет его как международный, но гражданского характера, который не рассматривал межгосударственные споры[2].

Таким образом, общественное (государственное) гостеприимство предусматривало заключение договора между несколькими общинами. Согласно нормам общественного гостеприимства, гостями считали купцов, которые могли не только заниматься коммерческой деятельностью, но и знакомиться с достопримечательностями.

Внешнеполитические отношения Древнего Рима предполагали заключение договоров, союзов гостеприимства, которые предусматривали принесение нерушимой клятвы верности. С помощью таких союзов территория Древнего Рима расширялась, но присоединенные царства формально сохраняли свою независимость и несли взаимные обязательства. В трудах Тацита и Саллюстия зафиксировано, что союзные государства стремились добиться большей милости от Древнего Рима при помощи материальных благ, преподносили римским гостеприимцам богатые подарки, в том числе, имевшие символическое значение. Валерий Максим утверждает, что союзные Древнему Риму государства могли выдвигать свои требования: например, запрещали римским войскам входить в город с оружием. Древнеримское гостеприимство эволюционировало в наследственный институт.

Древнеримское гостеприимство присваивало статус гостей и посольствам иностранных государств. Право отправлять и принимать посольства принадлежало Сенату и Народному собранию. Тит Ливий сообщает о возможности отказа в гостеприимстве для иностранных послов. Римские правители, согласно правилам гостеприимства, заключенным узам гостеприимства, не имели права выдавать гостя. Но нарушение этого правила зафиксировано у Плутарха.

Для решения споров между римскими гражданами и иностранцами был создан институт recuperatores (рекуператоров), определение функций которого остается дискуссионным.

---

[1] *Денисенко В.В.* Регламентация правового статуса иноземцев в Древнем Риме // Вестник Запорожского юридического института. 2011. №2. С.135.

[2] *Лазарев С.Л.* Международный арбитраж. М., 1991. 14 с.

SPECIFICS OF PUBLIC HOSPITALITY IN THE SYSTEM OF FOREIGN RELATIONS OF ANCIENT ROME

S.S. Nefedova

The article considers the norms of public hospitality in Ancient Rome, defines the categories of people associated with state hospitality. It concludes examples of alliances of hospitality. It is noted that the allied states sought to achieve greater mercy from Rome with the help of material goods. The author considers the institute of recuperatores.

Key words: Ancient Rome, hospitality, guest, hospitality unions, Institute of recuperators.

«МУЖСКАЯ» И «ЖЕНСКАЯ» МАГИЯ В ДРЕВНЕМ РИМЕ I В. ДО Н.Э. – II В. Н.Э.

К.А. Рыка (Белгород)

Испокон веков магия играла ключевую роль в жизни общества. Даже в современном мире, мире развитых нанотехнологий, бизнес-индустрий она не утратила былого значения. Если мы будем перечитывать объявления, то обязательно натолкнемся на предложения услуг различных гадалок и ведьм. А, как известно, именно спрос рождает предложение, следовательно, существуют люди, которые обращаются за помощью к данной категории «работников». Если в настоящее время этому уделяется большое внимание, то что можно сказать о представителях древних цивилизаций, ведь даже императоры прибегали к помощи оракулов. На протяжении всего периода изучения магии, человечество интересовал вопрос, чья магия «сильнее», женская или мужская? Это мы и постараемся выяснить в нашем исследовании.

Ключевые слова: «мужская» магия, «женская» магия, Гораций, обряд, амулет.

В данной статье мы рассмотрим, какое место заняла магия в системе религиозных феноменов древнеримской культуры. Каковы особенности магического процесса? Что такое «женская» и «мужская» магия? Выявим сходства и различия «мужской» и «женской» магии. Чтобы ответить на ряд этих вопросов, необходимо проанализировать специфику деятельности и образ колдунов в греко-римском мире.

Разделение на «мужскую» и «женскую» магию намечается уже в Древней Греции, по крайней мере, по работам древнегреческих писателей этот процесс можно проследить. Обратимся к комедии Аристофана «Облака», которая была создана в середине V в. до н.э. Главный герой произведения Стрепсиад старается избежать оплаты долга, и он приходит к мысли, украсть луну с небес, чтобы не платить проценты, говоря:

"Что, если я колдунью фессалиянку
Найму, и месяц в час ночной с небес сведу,
И в круглом сундуке запрячу накрепко,
Как зеркало, и буду сторожить его?" (Arist., V, 748-751).

В беседе Платона «Горгий» Сократ, уговаривая Калликла не сравниваться с толпой, перечит ему: *«только разочти, любезный, будет ли нам от этого прок, и тебе, и мне, и не случится ли с нами того же, что бывает, как говорят, с фессалийскими ведьмами, когда они сводят луну с неба: захват этой власти в городе может стоить нам самого дорогого на свете» (Plato, 513 a).*

Исходя из данных суждений, можно предположить, что, наиболее подходящий период для проведения колдовских действий – ночное время, а также, что они носят опасный характер[1]. Также можно сделать вывод, что цель магических действий – это приготовление зелья, на что нам указывает утраченный фрагмент Софокловской трагедии, сохраненный Макробием:

«Отвращая свой взор от работы руки,
Она (sc. Медея) сок мутно-белый, стекающий с ран
Ядовитого зелья, в сосуд медяной
Осторожно приемлет...
А в ларцах сокровенных хранятся пучки
Ею срезанных трав.
Их она с причитанием громким <в ночи>,
Обнаженная, медным ссекала серпом» (Sat. V, 19, 8-11).

Характер приготовляемого из трав, напоенных соком сведенной с неба луны, зелья определить невозможно, но и не нужно: используемый термин *farmakon* означал равным образом лекарство, яд и колдовской напиток, причем одновременно[2].

Что касается первого упоминания о мужской магии, то его мы можем отнести еще к IV в. до н.э., а именно к Антифану[3]: «*мне хорошо сейчас и я надеюсь, что будет, но если скрутит мне желудок или кишечник, на этот случай есть у меня кольцо, купленное у Фарата за драхму» (fr. 117).* И в аристофановском «Плутосе»: *«Я не боюсь тебя, я ношу это кольцо, купленное у Евдама за драхму," говорит справедливый человек, преследуемый сикофантом, а его раб замечает: "но на нем нет надписи: "против укуса сикофанта» (v. 883–885).*

---

[1] *Sepher ha-Razim*. The Book of the Mysteries / Transl. M.A. Morgan. New York, 1983. P. 103.

[2] *Nock A.D.* Paulus and Magos. Cambridge, 1998. P. 27–66.

[3] *Bonner C.* Magical Amulets Chiefly Graeco-Egyption. Ann Arbor, 1950. P. 4.

Таким, образом, мы можем проследить особенности женской магической практики по более ранним источникам: она творилась только ночью, была связана с приготовлением зелья и являлась в большей степени вредоносной, чем апотропеической, по сравнению с мужской деятельностью. Стоить отметить, что, если женская магия специализируется на приготовлении зелья, то мужские колдовские народы – марсы и псиллы, характеризуются способностью укрощать змей и противодействовать змеиному яду[4]. *Но и у женщин амулеты могли изготавливаться в апотропеических целях, о чем нам свидетельствует Плутарх: «Теофраст, например, в своем "Моральном трактате», где он ставит вопрос, не изменяется ли духовная природа человека под влиянием внешних обстоятельств, и не теряет ли он мужество под давлением телесных страданий, рассказывает, что Перикл показал одному своему другу, навестившему его, ладанку, которую женщины надели ему на шею: он хотел этим сказать, что ему очень плохо, раз уж он согласен терпеть и такую нелепость»* (*Pericl., XXXVIII, 2).*

Далее обратимся к более поздним свидетельствам, где найдем, какие же общие черты объединяют женщий-колдуний, и, при этом, существенно отличают их от колдунов-мужчин. Первым делом, обратимся к любовной магии. Главная героиня произведения Вергилия Дидона, обращается за помощью к фессалийской жрице:

Жрица сулит от любви заклинаньями душу избавить
Иль, коль захочет, вселить заботы тяжкие в сердце

(Aen., 487–488).

В произведении Овидия «Героиды» Ипсипила раскрывает Ясону природу охватившего его чувства к Медее:

Не красотою ее, не заслугами был покорен ты,
Силой заклятий и трав, срезанных медным серпом

(Ovid. Her. VI, 83–84).

Еще одной характерной чертой женских колдовских обрядов является связь с покойниками. Канидия и Сагана у Горация (Sat., I, 8, 17–22; 23-45; Ep., 5, 18–19; 17, 38-39), Медея у Овидия (Her., VI, 89–90) и Сенеки (Med., 799–800), Эрихто у Лукана (Phars., VI, 525–526; 533–537; 541–559): их действия были совершены на кладбище, либо они прибегали к погребальным атрибутам или использовали самих покойников для колдовства[5].

---

[4] *Ogden D.* Binding spells: Curse tablets and voodoo dolls in the Greek and Roman worlds // Witchcraft and Magic in Europe / Ed. by B. Ankarloo, S. Clark. Philadelphia, 1999. P. 30.

[5] *MacMullen R.* Enemies of Roman Order. Cambridge, 1966. P. 125.

Ярче всего жестокость магических действий изображена Горацием в пятом эподе, где мальчика зверски убили, чтобы приготовить любовное зелье. Такую же специфику можно проследить у Петрония, где ведьмами был похищен ребенок Петрония (Sat., 63), и в описании колдуний-сипух Овидием (Fast., VI, 131–148), и в лукановском изображении ведьмы Эрихто (Phars., VI, 533–569).

Здесь стоит рассмотреть и противоестественность магических обрядов. Эмоциональная реакция, которая является основной в магических сюжетах Горация, «Сатириконе» Петрония (62 sqq.) и отчасти в «Метаморфозах» Апулея (II, 20 sqq.), это чувство страха. Подтверждает это и V эпод Горация, который мы упоминали ранее в связи с сюжетом о сипухах. Автор явно хотел акцентировать чувство жалости к ребенку. Также Гораций выделяет и детский возраст ребенка: его недоумение и дрожащие уста, ведь его сушеная печень вскоре отправится на приготовление любовного зелья[6].

Таким образом, в женской магии, по сравнению с мужской, четко прослеживается склонность к вредоносному воздействию, также более ярко выражена связь с потусторонним миром (через использование покойников), чем в мужской магии. Эти черты точно указывают на то, что «женская» магия воспринималась, по крайней мере, мужчинами (а ведь именно они являлись авторами источников!) как противоестественная и исключительно злотворная. Безусловно, это было связано с идеологией патриархального общества, основанной на превосходстве мужчин над женщинами во всем. Трудовые и интеллектуальные способности женщин ставились значительно ниже мужских. Согласно патриархальным воззрениям, считалось, что мужчина всегда может сделать любую работу и решить любую задачу лучше, чем женщина. Именно поэтому мужская магия считалась менее опасной и использовалась, зачастую, в бытовых целях.

«MALE» AND «FEMALE» MAGIC IN ANCIENT ROME
(I CENTURY BC – II CENTURY AD)

K.A. Ryka

For centuries, magic has played a key role in society. Even in the modern world, the world of advanced nanotechnology, business industries, it has not lost its former value. If we re-read the ads, be sure to come across offers of various fortune-tellers and witches. And, as you know, it is the demand that gives rise to supply, therefore, there are people who seek help from this category of "workers". If at pre-

---

[6] *Cochez J.* Plotin et les mysteres d`Isis // Revue neo-scolastique de philosophie. T.18. 1911. P.308.

sent this is given a lot of attention, what can be said about the representatives of ancient civilizations, because even the emperors resorted to the help of the oracles. During the whole period of studying magic, humanity wondered whose magic it "stronger" female or male? This is what we will try to find out in our study.

Keywords: «male» magic, «female» magic, witchcraft, ritual, amulet.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ ПЕГАСА НА ЭМБЛЕМЕ II ВСПОМОГАТЕЛЬНОГО БЛАГОЧЕСТИВОГО ВЕРНОГО ЛЕГИОНА / LEGIO II ADIUTRIX PIA FIDELIS

С.Н. Чеботарев (Белгород)

В работе рассматривается происхождение изображения Пегаса на эмблеме II Вспомогательного благочестивого верного легиона. Освещается общая информация о легионе и символическое значение изображения на основе греческой мифологии. Кроме того, выдвигаются предположения о причинах выбора именно этого символа для эмблемы.

Ключевые слова: Древний Рим, легионы, символика, мифология.

Прежде чем разбирать специфику эмблемы, предоставим краткую информацию об этом легионе.

Legio II Adiutrix Pia Fidelis официально был сформирован 7 марта 70 г. императором Веспасианом[1]. Однако, данная информация вызывает некоторые сомнения, так как приставка Pia Fidelis («Благочестивый верный») даровалась в качестве почётного титула тем легионам, которые оказывали значительную поддержку императору в ходе его успешной войны за власть или защиту императорского титула. Например, император Клавдий за 38 лет до формирования II Вспомогательного благочестивого легиона даровал титул Pia Fidelis VII легиону и XI Клавдиеву легиону за то, что они подавили мятеж, поднятый против него наместником Далмации Камиллом Скрибонианом.

Исходя из изложенной выше информации, нам представляется крайне маловероятным присвоение такого почётного титула только что сформированному легиону. Скорее всего, легион был сформирован в 69 г. в городе Вьен, что в Нарбонской Галлии, который, по сообщениям Тацита, «набрал легионы для Гальбы» (*Tac. H. 1, 65*). Мы считаем, что этот вопрос заслуживает отдельного исследования, посему в данной статье будем придерживаться официальной даты основания легиона.

[1] *Starr C.G.* Navy Roman Imperial 31 BC – 324 AD. L., 1941. P. VIII.

Набирался Legio II Adiutrix Pia Fidelis в Нарбонской Галлии. На протяжении своей истории он служил в Равенне, Новиомаге, Линде, Деве, Сингидуне, Аквинке, Дакии, Сирии. Проявил себя в следующих сражениях и кампаниях: Битва при старых лагерях в 70 г.; Завоевание Бригантии в 71–74 гг.; Завоевание Уэльса Агриколой в 82–84 гг.; Дакийские войны Траяна в 101–106 гг.; Парфянская кампания Марка Аврелия в 161–166 гг. Кроме того, в 95 г. легионом командовал будущий император Публий Элий Адриан.

О том, что было изображено на эмблеме Legio II Adiutrix Pia Fidelis мы знаем, в основном, благодаря нумизматическим материалам. В частности, эмблема легиона изображена на некоторых денариях Септимия Севера (*RIC 5*). Почему же эмблемой легиона был выбран именно Пегас?

Пегас – крылатый конь из древнегреческих мифов, способный крайне быстро летать. По одной из версий он, как плод связи Медузы Горгоны и Посейдона, появился из крови Медузы, пролитой Персеем. Имя свое Пегас он получил оттого, что родился у истоков Океана (греч. Pege – «источник»), после рождения он вознесся на Олимп, где доставляет молнии и громы Зевсу (*Hes. Theog. 280-286*). Согласно другому мифу, боги подарили Пегаса Беллерофонту (*Pind. Ol. XIII, 63 след; Paus II 4, 1.*), чтобы помочь ему убить Химеру, опустошавшую страну (*Hes. Theog. 325*). Из тех же мифов нам известно, что Пегас ударом своего копыта выбил на Геликоне источник Гиппокрену, вода из которого дарует вдохновение поэту (*Paus. IX 31, 3*).

Общеизвестно, что после завоевания Греции Римом в 146 г. до н.э. греческая культура очень активно начала проникать в Рим. Естественно, как важнейший элемент культуры в Рим пришла и греческая мифология, которая впоследствии тесно срослась с римской мифологией, из которой произрастали практически все символы, использовавшиеся в римской армии.

В вышеописанных мифах Пегас помогает Беллерофонту и самому Зевсу в битвах, что делает его неким помощником, облегчающим сражение для более существенных сил. В подобной трактовке Пегас очень хорошо сочетается с сутью существования вспомогательных легионов, ведь они изначально задумывались именно как войска боевой поддержки и прикрытия основных сил. Кроме того, Пегас описывается как крайне быстрый конь, и это его свойство очень хорошо совпадает со скоростью передвижения и маневренностью римских легионов в сравнении с другими армиями античности. Так что выбор его изображения в качестве эмблемы не выглядит чем-то странным или необычным.

Однако, Пегаса очень редко изображали на эмблеме легиона. До Legio II Adiutrix Pia Fidels изображение Пегаса на эмблеме использо-

валось только одним легионом – Legio II Augusta, который так же, как и II Вспомогательный, набирался в Нарбонской Галлии. Основываясь на прецеденте, произошедшем в правление Гальбы, а именно на том, что Гальба, формируя легион в традиционном месте набора VII Клавдиева легиона (испанский округ), дал ему такой же номер и эмблему (бык), мы можем предположить, что изображение Пегаса на эмблеме II Вспомогательного благочестивого верного легиона было таким же образом перенесено с эмблемы II Августова легиона.

Исходя из всего вышеперечисленного, мы можем сделать вывод о том, что изображение Пегаса на эмблеме Legio II Adiutrix Pia Fidels имеет два варианта происхождения. Либо Пегас был помещен на эмблему вспомогательного легиона в связи с его особым символическим значением «боевого помощника», либо как своеобразная дань уважения II Августову легиону, традиционно набиравшемуся в Нарбонской Галлии.

Логичнее всего будет предположить, что на выбор эмблемы в конечном итоге повлияли оба этих фактора в примерно равной степени.

Рис. 1. Roman Imperial Coins 5. Septimius Severus Legionary Denarius. Struck 193 AD. Laureate head right / LEG II ADIVT, TR P COS in exergue, legionary eagle on low perch left between two standards. RSC 260.

THE ORIGIN OF THE IMAGE OF PEGASUS ON THE EMBLEM OF LEGIO II ADIUTRIX PIA FIDELIS

S.N. Chebotarev

The article discusses the origin of the image of Pegasus on the emblem of Legio II Adiutrix Pia Fidelis. Highlights General information about the Legion and the symbolic meaning of the image based on Greek mythology. In addition, assumptions are made about the reasons for choosing this symbol for the emblem.

Key words: Ancient Rome, legions, symbolism, mythology.

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА И ВРЕМЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ МОБИЛЬНОЙ АРМИИ COMITATENSES В ПОЗДНЕМ РИМЕ

К.М. Блинцов (Тула)

В статье исследуются сложные вопросы обстоятельств и времени возникновения мобильной или полевой армии в Позднем Риме. По мнению автора, военная реформа Константина, которая привела к созданию особых полевых армий, имела место в 312–322 гг. Причиной ее стало обострение военно-политической обстановки в империи в ходе противостояния Константина и Лициния.

Ключевые слова: Римская империя, император Диоклетиан, император Константин, император Лициний, полевая армия comitatenses.

Время и обстоятельства возникновения мобильной или полевой армии в Древнем Риме, до сих пор вызывают многочисленные споры[1]. Наиболее принципиальные расхождения и дискуссии касаются вопроса о том, когда были осуществлены реформы, определившие новый характер римской армии, кто стал её главным преобразователем, а конкретнее – создателем полевой армии: Диоклетиан или Константин, или же оба императора?

Вооруженные силы в период Поздней Римской империи разделялись на главные части – пограничную и полевую (мобильную) армии, называвшиеся, соответственно ripenses (riparienses) или limitanei и comitatenses (comitatus). Эти рода войск, в первую очередь, различались по своему предназначению: первые непосредственно прикрывали границы, а вторые служили главным стратегическим резервом, который в случае необходимости можно было перебросить на наиболее опасные участки фронта или привлечь для военного решения внутренних проблем. Различным был уровень престижа и привилегий солдат пограничной и полевой армий: последние в этом отношении существенно превосходили первых.

Со временем усиливается роль военных поселенцев (limitanei, лимитаны в узком значении слова), которые несли службу в неболь-

---

[1] *Mommsen Th.* Das spätrömisghe Militärwesen seit Diocletian // Hermes. 1889. Bd. 24. S. 228; *Grosse R.* Römische Militärgeschichte von Gallienus bis zum Beginn der byzantinischen Themenverfassung. B., 1920. S. 59; *Берхем Д. Ван.* Римская армия эпоху Диоклетиана и Константина. СПб.: СПбГУ, 2005. С. 159–170; *Холмогоров В.И.* Диоклетиано-константиновская военная реформа и римская армия IV века н.э. / Архив СПб. ИИ РАН. Русская секция. Ф. 276. Оп. 2. Ед. хр. 49; *Банников А.В.* Эволюция римской военной системы в I–III вв. (от Августа до Диоклетиана). СПб.: Евразия, 2013. С. 176–180.

ших крепостях и фортах и находились на самообеспечении: получив земли в приграничных районах, они занимались сельским хозяйством и одновременно исполняли роль местного ополчения, прикрывавшего границы в качестве первого оборонительного эшелона.

Согласно традиционной концепции, сформулированной ещё Т. Моммзеном, длительный процесс эволюции римской военной системы привёл к созданию особой, мобильной армии, находившейся под непосредственным командованием самого императора. Произошло это, по мнению ученого, в период правления Диоклетиана[1]. Однако веских оснований утверждать, что подобная радикальная реформа была проведена именно этим императором, у нас нет. В свое время источники по этой проблеме (папирусы) были подробно исследованы Д. Ван Берхемом[2]. Исходя из них, основную часть действующих армий тетрархов составляли солдаты из пограничных легионов, прежде всего, дунайских, то есть, к концу III в. система комплектования действующей армии оставалась в принципе той же, что и во времена принципата.

Как показывает в своем исследовании А.В. Банников, наиболее убедительным подтверждением того, что в период тетрархии не произошло разделения армии на полевую и приграничную, служат два постановления этого периода, касающиеся ветеранов[3]. В первом указывается, что все ветераны, прослужившие 20 лет в легионах или вексилляциях, после отставки получали освобождение от личных повинностей (CJ, VII, 64,9). При этом законодатель не обращает внимание на существование более или менее привилегированных легионов или вексилляций, а это значит, что воинские подразделения еще не различались по своему статусу. Второй указ не противопоставляет службу в легионах и вексилляциях службе в когортах (последние считались подразделениями более низкого класса) (CJ, X, 55,3).

Однако, чтобы уточнить время создания мобильной армии, надо понимать, что столь глубокая реформа не могла быть произведена одновременно во всех частях империи, скорее всего, как и свидетельствуют источники, развитие такой реформы проходило на территории, отошедшей под власть Константина, и было обусловлено военно-политическими факторами.

Попробуем установить нижнюю границу этого события. Как пишет Д. ван Берхем, когда Константин в 312 г. решился вступить в борьбу с Максенцием, ситуация на Рейне не позволила ему обнажить границу, постоянно находившуюся под угрозой. Поэтому он взял с

---

[1] *Mommsen Th.* Op. cit. S. 59.

[2] *Берхем Д. Ван.* Ук. соч. С. 159–170.

[3] *Банников А.В.* Ук. соч. С. 179.

собой только часть тех сил, которые находились в его распоряжении. Естественно, Константин выбрал войска, на которые он мог больше всего полагаться, принимая в расчет не только их боевые качества, но и преданность. Эта маленькая армия, включавшая в себя большей частью германцев, галлов и бритов (Zosim., II, 15, 1), составила первоначальный comitatus Константина в традиционном смысле этого слова[1]. Однако, стоит заметить, что в тексте на «плите из Бригециона» 311 г. Константин подтверждает привилегии ветеранов для легионеров и всадников вексилляций. Здесь, как справедливо заметил А.В. Банников, полностью отсутствует противопоставление статуса солдат мобильных и пограничных подразделений[2]. Таким образом, только в 312 г. по причине военно-политических обстоятельств возникает начало сложного процесса по разделению римских сил на две армии, одна из которых отвечает, как и ранее, за охрану границ – это ripenses, а другая находится «под рукой» и в непосредственном подчинении у императора – это comitatenses.

Верхнюю границу военной реформы по окончательному выделению и легализации полевой армии, по нашему мнению, определяет событие, связанное с нападением воинства Равсимода на владения Константина. Судя по тексту источника, в отражении этих варваров участвовала мобильная армия, которая была у императора явно под рукой. То, что Константин незамедлительно последовал за отступившими варварами, безусловно, означает, что у него совсем не было времени для сбора войска: «Когда Константин узнал, что сарматы, жившие вблизи Меотийского озера, переправились через Данубий и принялись грабить его земли, он выдвинул против них армию… но когда Константин подошел лично и обрушился на сарматов с тыла, то многих варваров он убил, еще больше взял в плен, а остальных обратил в бегство. Теперь, когда Равсимод потерял большую часть своего войска, он погрузил его остатки на корабли и переправился обратно через Данубий, намереваясь позднее вновь вернуться на римскую территорию. Узнав об этом, Константин последовал за ним и, переправившись через реку, атаковал варваров, пытавшихся скрыться в густом лесу на холме. Многие были убиты, включая самого Равсимода, но многих император оставил в живых и пощадил тех, кто заслуживал милосердия. После этого он возвратился в свое расположение со многими пленниками» (Zosim., II, 21).

По нашему мнению, сам факт вторжения на варварскую территорию свидетельствует о том, что Константин доверял своим коман-

---

[1] *Берхем Д. Ван.* Ук. соч. С. 166–167.

[2] *Банников А.В.* Ук. соч. С. 179.

дирам и армии и был уверен в ее боевых качествах и преданности. Другими словами, перед нами явное описание боевых действий армии совершенно нового типа, а не спешно собранных войск в ходе неожиданного столкновения с варварами. Заметим, что в предшествующий период 314–324 гг. у императора Константина действительно росла численность его армии, однако мы не можем быть здесь точно уверены, что речь идет о продуманной военной реформе, а не о вынужденном присоединении к армии войск, временно уведенных с границы[1].

Таким образом, очевидно, что события, описываемые Зосимом, происходили уже с участием мобильной армии Константина. Следовательно, точная дата нападения Равсимода на владения Константина будет считаться верхней границей военной реформы Константина по созданию полевой армии. К сожалению, Зосим в своем рассказе об этих событиях не приводит точной даты. Однако здесь нас выручает анализ археологического материала Белинского городища в Восточном Крыму[2], ведь перед нападением на территорию империи Равсимод разгромил пограничные крепости Боспора. Особенно сильно пострадало Белинское городище, прикрывающее северный фланг западного рубеже границы по линии Узунларского вала. Одна из хозяйственных ям погибшего в это время помещения оказалась засыпанной слоем разрушения с материалом рубежа 1–2-й четв. IV в. На дне ямы было обнаружено 12 монет «узкого» периода чеканки, последняя из которых датируется 318 г. Из более позднего верхнего золистого слоя, перекрывающего строительные остатки этого времени, происходят еще две монеты Рескупорида VI – 322 г. и 326 г. Следовательно, заполнение ямы произошло в интервале между 318 г. и 322 г.[3] Этот материал позволяет сделать вывод, что нападение на территорию Боспора и разгром пограничного города, прикрывающего западные рубежи Боспорского царства, произошли именно в период 318–322 гг. Следовательно, военная реформа Константина, которая привела к созданию особых полевых армий, произошла в 312–322 гг. Причиной ее стало обострение военно-политической обстановки в империи в ходе противостояния Константина и Лициния.

Однако сильное воздействие на ее проведение оказывали и внутриполитические факторы. На них обращал внимание еще Д. Ван

---

[1] *Берхем Д. Ван.* Ук. соч. С. 167, ком. 25.

[2] Раскопки городища с 1996 г. проводит Белинская археологическая экспедиция ТГПУ им. Л.Н. Толстого под руководством проф. В.Г. Зубарева.

[3] *Ярцев С.В., Зубарев В.Г., Бутовский А.Ю.* Греко-варварский Крым в период поздней античности (III–IV вв. н.э.: от морских походов до битвы при Адрианополе). Тула: Изд-во ТГПУ им. Л.Н.Толстого, 2015. С. 155.

Берхем. Дело было в том, что еще в годы борьбы с Лицинием Константин, взяв курс на создание comitatenses, встретил неожиданное противостояние от солдат пограничных войск, которые под угрозой проведения реформы лишались преимуществ в пользу формировавшейся полевой армии. Поэтому дунайская армия не упустила случая, чтобы потребовать от своего нового командующего подтверждения тех привилегий, которыми она пользовалась при правлении Лициния. Предчувствуя неизбежность решительного столкновения со своим последним соперником, Константин не захотел отказывать в её просьбе. И только в 324 г. Константин устранил своего противника и тут же отменил все его постановления (Cod. Theod., XV, 14, 1). Использовав к собственной выгоде восстановление единства императорской власти, он более не имел прежних оснований считаться с региональными армиями. Константин мог изменять по собственному усмотрению статус солдат, делая его одинаковым для всех частей империи[1].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что толчком для создания мобильной армии в 312–322 гг. послужили военно-политические обстоятельства, сопутствовавшие приходу Константина к верховной власти. Несмотря на то, что значение слова comitatus в римской армии менялось на протяжении веков[2], именно Константин окончательно легализировал существование полевой армии. В завершении начатого им дела он поставил во главе этой армии командующих. Первоначально их было двое: командующий пехотой (magister peditum) и командующий кавалерией (magister equitum) (Zosim., II, 32). Более того, император лишил префектов претория всех их военных полномочий, кроме заведования анноной, а дуксов лимеса подчинил новым magistri. Другими словами, все высшее военное командование оказалось в руках двух офицеров, действовавших под непосредственным контролем со стороны императора, а гражданская и военная власти были полностью разделены[3].

CIRCUMSTANCES AND TIME OF APPEARANCE MOBILE ARMY COMITATENSES IN LATE ROME

K.M. Blintsov (Tula)

The article explores the complex issues of the circumstances and time of the emergence of a mobile or field army in Late Rome. According to the author, the military reform of Constantine, which led to the creation of special field armies,

[1] *Берхем Д. Ван.* Ук. соч. С. 138-140.
[2] *Банников А.В.* Ук. соч. С. 178.
[3] *Берхем Д. Ван.* Ук. соч. С. 168.

took place in 312-322. Its cause was the exacerbation of the military-political situation in the empire during the confrontation of Constantine and Licinius.

Key words: Roman empire, emperor Diocletian, emperor Constantine, emperor Licinius, field army comitatenses.

ОРГАНИЗАЦИОННО-ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ МЕХАНИЗМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ПОЗДНЕЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

С.А. Сахаров (Смоленск)

В статье на основе данных позднеримских источников рассматриваются некоторые аспекты функционирования организационно- институционального механизма обеспечения государственной безопасности в Поздней Римской империи. Названный механизм включал в себя специальных государственных агентов, в числе которых были agentes in rebus и notarii. На этих чиновников власть возлагала ответственность за обеспечение политической благонадежности населения империи, пресечение и расследование преступлений особой государственной важности.

Ключевые слова: Поздняя Римская империя, agentes in rebus, notarii, государственная безопасность.

Обеспечение государственной безопасности традиционно входит в круг наиболее значимых аспектов деятельности государства и его институтов. Начиная с глубокой древности, в рамках политически организованных систем создавались механизмы, призванные защитить существующий политический строй и социально-экономический уклад, обеспечить неприкосновенность государственной, политической власти и ее носителей.

Современные государства учреждают и обеспечивают функционирование сложных организационно-институциональных систем защиты собственной безопасности. Органы и организации, образующие названные системы, как привило, обладают широкой компетенцией. Значительная часть из них действует негласно (секретно), что обусловлено характером решаемых задач. Деятельность служб, обеспечивающих безопасность государства и носителей политической власти, регламентируется широким комплексом нормативных актов.

Интересным, на наш взгляд, представляется изучение исторического опыта обеспечения государственной безопасности. Обращение к истории во все времена рассматривалось как способ узреть корни существующего положения вещей, рассмотреть сложившиеся системы в их генезисе.

Предметом настоящей статьи являются некоторые аспекты функционирования организационно-институционального механизма обеспечения государственной безопасности в Поздней Римской империи.

Механизм обеспечения государственной безопасности в Поздней Римской империи включал в себя специальных агентов, в числе которых были упоминаемые в источниках agentes in rebus и notarii.

Служба agentes in rebus возникла в период тетрархии (между 284 и 319 гг.)[1]. Ее изначальное назначение состояло в доставке правительственной документации[2] в качестве имперских курьеров[3]. Однако в силу того, что агенты, постоянно перемещаясь по территории империи, вступая в контакты с разными людьми, аккумулировали информацию о положении дел на местах, о настроениях провинциального населения, их назначение очень быстро начало меняться. В деятельности агентов на первый план со временем выходит политическая составляющая. Теперь они из курьеров, ответственных за быструю и надежную доставку документации, превращаются в правительственных осведомителей, которые должны были знать о любых проявлениях нелояльности, способствовать тому, чтобы любые лица, представляющие какую-либо угрозу власти, были выслежены и, в конечном итоге, наказаны[4].

Таким образом, agentes in rebus условно можно считать тайными государственными агентами, прообразом государственной тайной полиции. Они собирали информацию о политической благонадежности провинциального населения, провинциальных элит и направляли затем эту информацию в центр.

Данный вывод следует из случая, описанного Аммианом Марцеллином в его «Истории». «На пирушке у Африкана, правителя Второй Паннонии и Сирии, некоторые гости … не стеснялись поносить правительство за большие притеснения, … другие утверждали … близость государственного переворота. Присутствовавший там императорский агент Гауденций … донес обо всем этом Руфину, начальнику канцелярии префекта претория. Немедленно поспешил он в резиденцию императора и … так его распалил, что … было решено привлечь к

---

[1] *Данилов Е.С.* Римская военная контрразведка // Научные ведомости БелГУ. История, политология. 2006. №2 (42). Вып. 6. С. 27.

[2] *Голдсуорти А.* Падение Запада. Медленная смерть Римской империи. М., 2009.

[3] *Silverstein A.J.* Postal Systems in the Pre-Modern Islamic World. Cambridge, 2007. P. 36.

[4] *Данилов Е.С.* Контразведывательные функции agentes in rebus // Актуальные проблемы исторической науки: Международный сборник научных трудов молодых ученых. Вып. 6. Ярославль, 2009. С. 12.

суду Африкана и всех участников той роковой пирушки (Amm. Marc. XV. 3. 7–9)[1].

Пример как раз иллюстрирует назначение службы agentes in rebus в контексте обеспечения политической благонадежности провинциальных элит. Кроме того, он иллюстрирует механизм реализации функций агентов в части сбора и передачи добытой информации. В данном случае, агент, в распоряжении которого оказались сведения, явно указывающие на политическую неблагонадежность лиц, присутствовавших на «пирушке», передает эту информацию в ведомство преторианского префекта. Оттуда же информация была передана в императорскую администрацию и доведена до сведения правителя. Затем же, как гласит источник, присутствовавшие на «пирушке» лица были привлечены к ответственности. Таким образом, факт политической неблагонадежности был изобличен. Хотя в действительности очевидно, что реакция власти на конкретный случай проявления той самой неблагонадежности (своего рода, реакция на проявившийся «симптом» «болезни») не решала системных проблем, связанных с обеспечением полноценного контроля над провинциями (то есть, не устраняла причин «болезни»).

Полагать, что agentes in rebus в действительности были неспособны стать надежным инструментом обеспечения политической стабильности в Поздней Римской империи, можно по двум причинам.

Во-первых, они были немногочисленны. Вероятно, что их численность колебалась около 1200 человек (CTh. 6. 27. 23[2]; CJ. 12. 20. 3[3]). Естественно, что этого количества было недостаточно для того, чтобы в полной мере обеспечить контроль над политической ситуацией в провинциях. Агенты были вынуждены постоянно перемещаться по империи. Обеспечивая политический контроль на одних территориях, они, скорее всего, упускали положение дел на территориях других. Следовательно, можно говорить о том, что контрольная деятельность

---

[1] Цит по: *Аммиан Марцеллин.* История / пер. с лат. *Ю.А. Кулаковского, А.И. Сонни*. Вып. 1–3. Киев, 1906–1908; см. *Ammiani Marcellini* Rerum gestarum libri qui supersunt / Rec. *F. Eyssenhardt*. Beroloni, 1871; *Ammianus Marcellinus*. Römische Geschichte Lateinisch und Deutsch und mit einem Kommentar verschen von *W. Seyfarth*. Bd. 1–4. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellchaft, 1968–1971; *Ammien Marcellin*. Histoire. Vol.1–4 / trad. *G. Sabban, E. Galletier, J. Fontaine*. Paris: Les Belles Lettres, 1968–1977.

[2] Цит. по: The Theodosian Code and Novels and sirmondian constitutions / A translation with commentary, glossary, and bibliography by C. Pharr in collaboration with T.S. Davidson and M.B. Pharr. New Jersey: The Lawbook Exchange, 2001. 643 p.

[3] Цит. по: Corpus Iuris Civilis. Lione: Hugues de la Porte, 1558–1560. 558 p.

agentes in rebus в значительной степени носила эпизодический, фрагментарный и несистемный характер. Кроме того, есть основания полагать, что собранная и передаваемая в центр агентами информация носила противоречивый и бессистемный характер. Это было обусловлено как размерами самой империи, так и колоссальным объемом информации при относительной немногочисленности агентов.

Во-вторых, можно думать, что сами агенты, выступая формально опорой власти, являясь гарантами политической стабильности и спокойствия, действовали при этом не всегда добросовестно. Agentes in rebus, как и прочие позднеримские чиновники, брали взятки, злоупотребляли вверенными им полномочиями, становясь, тем самым, возмутителями спокойствия и стабильности в и без того подорванной империи.

Помимо agentes in rebus в обеспечении безопасности позднеримского государства принимали участие notarii. Для определения сферы компетенции этих должностных лиц следует обратиться к повествованию Аммиана Марцеллина, который описывает своего рода «коррупционный скандал», имевший место в 60-е гг. IV в. в Африке. Суть проблемы состояла в том, что назначенный сюда в качестве военного командира «комит» Роман отказался защищать город Лепсис-Магна от вторжения кочевых плен из пустыни до тех пор, пока ему не будут предоставлены четыре тысячи верблюдов. Вследствие этого город был подвергнут разграблению, а его население – поруганию.

Ввиду того, что в ответ на «злодеяния» военачальника жители провинции направили посольство в императорский дворец, и там стало о них известно, для расследования злоупотреблений в Африку был направлен нотарий Палладий, который должен был разобраться в ситуации на месте и собрать доказательства вины или невиновности Романа. Иными словами, нотарий Палладий предстает перед нами в описании Аммиана в качестве следственного чиновника, выполняющего следственные действия в целях изобличения преступления, имеющего поистине высочайший уровень государственной значимости.

Однако, несмотря на всю степень важности расследования, нотарий был подкуплен Романом, вследствие чего преступление осталось безнаказанным, в то время как члены посольства, направленного прежде к императору, были жестоко наказаны за то, что якобы оклеветали провинциального начальника (Amm. Marc. XXVIII, 6, 1–4).

Таким образом, в отличие от agentes in rebus, которые действовали тайно и выступали в качестве своего рода «тайной полиции», notarii, скорее всего, действовали открыто и, как было отмечено ранее, выступали в качестве следственных чиновников.

В своей сущности отличие agentes in rebus и нотариев состоит и в том, что первые, обеспечивая благонадежность провинциального населения и провинциальных элит, приоритетно должны были выступать в качестве инструмента предупреждения преступлений, совершаемых против Римского государства и представляющих непосредственную угрозу его безопасности. Вторые же, напротив, вступали на сцену тогда, когда указанные преступления уже были совершены, и в целях восстановления государственного порядка их было необходимо расследовать, изобличая виновных.

Однако, как следует из приведенного выше повествования Аммиана, исполнять свои обязанности нотарии могли весьма специфично. В частности, речь в источнике идет о прямом подкупе, следствием которого стало еще большее беззаконие – наказание невиновных.

Подводя итоги, необходимо отметить следующее. Условно можно говорить о формировании в Поздней Римской империи своеобразного институционального механизма обеспечения государственной безопасности. Функционирование этого механизма обеспечивалось за счет специальных агентов, одни из которых действовали тайно, выполняя функции тайной полиции, или спецслужб (это были agentes in rebus), другие действовали открыто, осуществляли следственные действия, расследуя совершенные преступления особой государственной значимости. С помощью агентов позднеримская власть стремилась обеспечить контроль над подданными, в том числе, контроль политический, обеспечить безопасность государства в целом.

Вместе с тем, эффективность работы названного механизма обеспечения государственной безопасности с учетом распространения коррупции и злоупотреблений властью в Римской империи эпохи домината может быть совершенно обоснованно поставлена под сомнение.

INSTITUTIONAL MECHANISM OF STATE SECURITY IN THE LATE ROMAN EMPIRE

S.A. Sakharov (Smolensk)

The article considers some aspects of the functioning of the organizational and institutional mechanism of state security in the Late Roman Empire on the basis of the data of the late Roman sources. The mechanism included special state agents, including agentes in rebus and notarii. These officials were responsible for ensuring the political reliability of the population of the Empire, suppression and investigation of crimes of special state importance.

Key words: Late Roman Empire, agentes in rebus, notarii, state security.

РИМСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ IV ВЕКА: КОМПИЛЯЦИИ И КОМПЕНДИИ

А.Г. Мельниченко (Белгород)

В работе рассматриваются особенности римской историографии в IV в. Отмечается кризис Римской империи в данный период. Исследуются Бревиарии Евтропия и Феста.

Ключевые слова: компиляции, компендии, Евтропий, Фест, Бревиарии.

В IV в. произошли кризис и упадок духовной жизни общества в Римской империи. Это отразилось в творчестве римских историков. В этот период в римской истории господствуют малоизвестные компиляторы и эпигоны, за исключением Аммиана Марцеллина. Одним из компиляторов является Евтропий.

Евтропий жил во второй половине IV в., состоял в свите императора Юлиана и участвовал в войне с персами (363 г.). В качестве секретаря служил при императоре Валентиниане I и Валенте. По поручению Валента, желавшего получить сведения о тысячелетней истории Рима в форме сжатого компактного изложения, Евтропий написал «Бревиарий от основания Города» (Breviarium ab Urbe condita) в 10 книгах. В первых шести книгах он пишет о завоеваниях Рима от Ромула до смерти Юлия Цезаря. В остальных четырех Евтропий излагает историю императорского периода до смерти императора Иовиана. Новый руководящий класс Римской империи был несведущ в истории и традициях Рима. Поэтому высшее общество нуждалось в данной информации, изложенной в общей и упрощенной форме.

Работа Евтропия отвечала духу времени. Прямолинейный и лаконичный «Бревиарий» представляет собой поверхностный компендий истории Рима от его возникновения до 364 г. В своей работе Евтропий использовал не подлинники, а краткие изложения произведений великих римских историков, например, Тита Ливия.[1]

Чрезвычайно сжатый компендий римской истории составил секретарь императора Валента Руф Фест (Rufus Festus). Он называется «Бревиарий деяний римского народа» (Breviarium rerum gestarum populi Romani). Состоит примерно из двадцати страниц. Сверхкраткий обзор Феста посвящен описанию войн, которые римляне вели на Востоке против парфян и персов и доведен до современных автору событий.[2]

---

[1] *Дуров В.С.* Художественная историография Древнего Рима. СПб., 1993. С. 111–130.

[2] Там же.

«Бревиарий» Феста по своим художественным качествам и исторической значимости хуже «Бревиария» Евтропия, потому С.И. Соболевский называет сочинение Феста «ничтожным».[1]

Кроме бревиариев Евтропия и Феста сохранились еще три кратких компендия, объединенных неизвестным компилятором, который из существовавших трудов по отдельным периодам римской истории создал историю Рима до IV в. Объединяя разные сочинения в один сборник, составитель использовал хронологический принцип. Первое произведение анонимного автора – трактат «Происхождение римского народа» (Origo gentis Romae), который излагает древнейшую римскую историю от Сатурна до Ромула. Второе сочинение – «О знаменитых людях города Рима» (De viris illustribus urbis Romae), в котором кратко излагаются биографии 86 исторических деятелей от Ромула до Марка Антония. Заключает всю серию работа под названием «Цезари» (Caesares).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что исторические произведения данного периода, как правило, характеризуются упрощенностью и зачастую являются компиляциями ранее написанных произведений.

THE HISTORIOGRAPHY OF THE ROMAN HISTORY IN THE 4TH CENTURY COMPILATIONS AND COMPENDIA

A.G. Melnchenko

The paper considers the characteristics of the Roman history and its historiography in the 4th century. It is mentioned the crisis of the Roman Empire in that period. It is also analyzed Breviary, Eutropia and Festus.

Key words: compilations, compendia, Breviary, Eutropia, Fest.

ИЗОБРАЖЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ В ИСКУССТВЕ ПЕРВЫХ ХРИСТИАН (I–III ВВ.)

А.Г. Григорян (Белгород)

В статье рассматривается изображение женщины в искусстве первых христиан в период с I по III вв. Также представлена информация о положении женщин в обществе.

Ключевые слова: образ, женщина, искусство, религия.

---

[1] *Дмитриев В.А.* Римская историография периода поздней империи: основные жанры и представители // Метаморфозы истории. Псков, 2003. С. 188–208.

С распространением христианской веры изменилось и положение женщины в обществе. В первую очередь, изменению было подвержено ее самосознание, что в дальнейшем привело и к трансформации восприятия роли женщины в обществе.

Так, изначально общество античного мира во многом не признавало равенства между мужчинами и женщинами. Согласно мнению древнегреческого философа Аристотеля, женщина в обществе могла быть благородной, но при этом она являлась существом, изначально неравным мужчине [Aristot. Polit. I. 2. 1254b11-12], и подобное восприятие женщин было достаточно распространенным явлением языческой древности[1].

В эллинистическом мире женщины не обладали какими-либо избирательными или экономическими правами. У них отсутствовало право на наследование и обладание определенной собственностью (хотя в эпоху Римской империи данное явление претерпит некоторые изменения). Они не могли совершать крупные покупки, а также не могли защищать себя в суде[2].

В иудейском обществе женщина была наделена б*о*льшими правами по сравнению с эллинистическим. Так, например, дочери при отсутствии сыновей обладали правом наследования имущества. То есть, отношение к женскому полу было достаточно уважительным, но при этом им не было предоставлено права выбирать себе мужа и инициировать развод. Они не выполняли какого-либо социального служения, а после появления института многоженства и наложничества их положение и вовсе во многом было подорвано.

Указанное отношение общества к женщинам представлялось недопустимым явлением для христианской религии. В Ветхом Завете отсутствовали какие-либо упоминания о приниженном положении женщины в обществе, что указывало на ее изначальное равенство с мужчинами несмотря на то, что именно она являлась причиной вселенской катастрофы. После грехопадения Господь отдал женщину во власть мужчине в качестве наказания, а ее образ еще долго отсутствовал на страницах Ветхого Завета[3].

Уже в первые века нашей эры статус женщины кардинально изменился, что было обусловлено изменением нравов римского обще-

---

[1] *Свенцицкая И.С.* Женщина в раннем христианстве // Женщина в античном мире: Сб. статей. М., 1995. С. 156.

[2] *Правда В.Л.* Женщина в библейской и античной культурах // Вестник Томского государственного университета. 2009. Вып. 324. С. 139–140.

[3] *Рябова Т.Б.* Женщина в истории западноевропейского средневековья. Иваново, 1999. С. 8–10.

ства в целом и желанием женщины играть самостоятельную роль в общественной жизни. В связи с этим, увеличивался и слой работающих женщин. Как правило, они были задействованы в текстильном производстве в качестве прядильщиц, в торговле, а также работали актрисами. При этом женщины, находящиеся в верхах провинциального общества, часто были задействованы в жизни своего города. Сохранились многочисленные надписи, которые содержат упоминания о знатных женщинах в качестве благодетельниц полисов. Соответственно, появлялись такие титулы как «Дочь города» и «Благодетельница полиса», «Мать полиса», что представляло из себя совершенно новое явление[1].

Обновленное положение женщин в обществе имело свои определенные причины, одна из которых заключалась в активном распространении христианской веры среди населения. А согласно тексту Евангелия Нового завета, женщины занимали определенное место среди последователей Иисуса [Мф. 25:28], поэтому совершенно неудивительным является тот факт, что христианская проповедь, обращенная, по существу, ко всем социально или морально обездоленным, не разделявшая женщин и мужчин, нашла отклик в душах первых. Так, к христианским общинам примыкало огромное количество женщин из разных слоев общества.

Также причина вхождения в христианскую общину женщин заключалась в идее единения всех верующих во Христе. То есть, все, кто входил в общину, созданную на христианских началах, являлись равными вне зависимости от этнических, социальных и половых различий. Данное явление, безусловно, привлекало женскую половину общества и несло в себе новый образ жизни среди населения[2].

Уже в раннем христианстве была распространена активная проповедническая деятельность женщин. Но уже в течение II в. по мере развития иерархической церковной организации женщина была оттеснена от активной проповеднической деятельности и религиозной службы. Это было связано с ортодоксальным направлением в христианской религии. Что же касается других течений, которые являлись еретическими, то в них женщины продолжали занимать передовые места. Так, например, в движении монтанистов, заключавшемся в выступлениях против епископальной церковной организации, важное положение занимали именно женщины: пророчицы Присцилла и Максимилла, которые, по их словам, были удостоены схождения на них Святого Духа [Деян. 18, 18–21].

---

[1] *Свенцицкая И.С.* Указ. соч. С. 157–158.

[2] Там же. С. 160.

Примером высокого положения женщин в обществе также может служить и движение, возникшее в III в. в капподокийской Кесарии. Данное направление в христианстве возглавлялось женщиной, самостоятельно совершавшей главные христианские таинства – крещение и евхаристию. Она обладала мощнейшей силой внушения, в связи с чем ортодоксальная церковь именовала ее орудием «нечистого духа».

Безусловно, среди женщин-христианок были и замужние, и любовницы высокопоставленных лиц, но особое место начинает занимать образ женщины-девственницы, которые с целью сохранения своей чистоты были готовы принести в жертву свою жизнь. Во многом данное воздержание являлось определенной сублимацией, то есть, трансформацией эмоционального влечения, целью которого было стремление к героической роли. Примером, где наиболее ярко изображен образ женщины-девственницы, может являться апокриф «Деяния Павла и Феклы»[1], написанный во II в. Существовала также и серия преданий, содержащих историю благочестивых женщин, кончающих жизнь самоубийством во времена Диоклетиана, чтобы не быть обесчещенными[2].

Также наряду с девственницами в христианских писаниях существовали и образы раскаявшихся грешниц. В данном образе в большей степени было отражено языческое представление о темной женской природе, которую, согласно христианской вере, путем раскаяния и под страхом наказания можно победить, что, соответственно, снимало существующие противоречия в восприятии женского начала и создавало образец, к достижению которого должны были стремиться христианки[3].

Улучшение положения женщины и возрастание ее роли в христианском обществе, несомненно, имело свое отражение в раннехристианском искусстве. Так, наряду с мужскими появляются и женские образы, встречающиеся, как на стенах катакомб, так и в первых базиликах. Возникают изображения персонажей и сцен Ветхого Завета (Моисей, иссекающий воду из скалы, Адам и Ева), но преобладают новозаветные сюжеты, а также символические и аллегорические изображения Христа в виде рыб, Доброго Пастыря и др.

---

[1] *Аверинцев С.С.* Павел и Фекла // От берегов Босфора до берегов Евфрата: Антология ближневосточной литературы I тысячелетия н.э. М., 1987. С. 128.

[2] *Лебедев А.П.* Гонения на христиан в Римской империи до Константина Великого. СПб., 1904. С. 75.

[3] *Свенцицкая И.С.* Указ. соч. С. 166–167.

Безусловно, особая роль в раннехристианском искусстве отводилась изображению Богоматери[1]. Относительно вида Девы Марии никогда не возникало крупных разногласий: все древние авторы были согласны в том, что лицо Богоматери было прекрасным. Оно было, по словам Амвросия Медиоланского, образом возвышенного ума и нравственной чистоты[2]. При создании образа Пресвятой Девы в виде прекрасной и совершенной женщины авторы стремились не выходить за пределы стандартов красоты, характерных для их общества. В связи с этим Ее образ мог вызвать лишь восхищение и очарование[3].

Изображение Девы Марии в первый период до IV–V вв. обладало своими общими чертами. Среди первых изображений Богоматери можно выделить образ, представленный в катакомбах Присциллы и открытый профессором де-Росси. Согласно проведенным исследованиям, изображение Богородицы с младенцем Иисусом относится к I–II вв. На нем представлена Дева Мария с Младенцем и третьим лицом. Сама Богоматерь изображена сидящей в стандартном одеянии римской женщины с покрытой головой, при этом выражение лица Ее скромное, черты правильные, классические, взгляд несколько задумчивый, сосредоточенный. На руках Девы представлен Младенец, а немного поодаль от Нее стоит в мантии древнего философа молодой человек, который в левой руке держит свиток, а правой указывает на Младенца и Богоматерь.

Что же касается иных женских образов раннехристианского искусства, то, как правило, они содержались лишь в изображениях библейских сюжетов. Так, наиболее ярким примером фресок, содержащих женские образы, может служить синагога в городе Дура-Европос на Евфрате, где среди многочисленных фресок было найдено изображение, на котором представлено обретение младенца Моисея дочерью фараона. Данная фреска обладает уникальным характером и датируется III в.[4] Помимо самой дочери фараона, находящейся в обнаженном виде в воде и держащей на руках младенца, на ней также представлены и другие женщины. Сама фреска обладает достаточно красочным видом, при этом особое внимание ее автор уделял именно деталям изображения.

---

[1] *Мелетинский Е.М.* Богородица // Мифологический словарь. М., 1991. С. 345–346.

[2] *Покровский Н.В.* Очерки памятников христианской иконографии и искусства. 2-е доп. изд. СПб., 1900. С. 61–62.

[3] *Quibell J.E.* Excavations at Saqqara. Dalton, 1908–1911. fig. 173.

[4] *Успенский Л.А.* Богословие иконы Православной Церкви. 1997. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Leonid_Uspenskij/bogoslovie-ikony-pravoslavnoj-tserkvi/3

Наиболее важной представляется фреска, расположенная в катакомбах Претекстата и датируемая началом III в. На ней представлен Иисус Христос с самарянкой у колодца. Само изображение достаточно тусклое, но оно имеет огромнейшее значение, заключающееся в том, что, несмотря на свое низкое положение в античном обществе, женщина была удостоена общения со Спасителем. Данное явление, несомненно, указывало на высокий статус женщины в христианской общине, что кардинально меняло отношение к ней.

Таким образом, проанализировав образ женщины в раннехристианском искусстве в период с I по III вв., следует сделать вывод о том, что представленная выше информация указывает на тот факт, что в период распространения христианской религии положение женщины в обществе существенно переменилось. Из «низкого существа», не обладающего какими-либо экономическими или политическими правами, она переросла в самостоятельную персону, занимающую особую роль в жизни христианской общины. При этом следует отметить, что улучшение положения женщины и возрастание ее роли в христианском обществе, несомненно, имело свое отражение в раннехристианском искусстве. На стенах катакомб и первых базилик начинают появляться женские образы, среди которых особое место занимают изображение Богоматери, а также сцены и Ветхого и Нового Завета.

IMAGES OF WOMEN IN THE ART OF THE FIRST CHRISTIANS IN THE PERIOD FROM I TO III CENTURIES AD

A.G. Grigoryan

This article considers the detection of women in art of the first Christians in the period of I-III centuries AD. Also provides the information on the status of women in Antique and Christian society.

Key words: image, woman, art, religion.

К ИСТОКАМ ХРИСТИАНСКОГО ПОЧИТАНИЯ СВЯТЫХ И ПОНЯТИЯ «СВЯТОСТЬ»

С.С. Кочергин (Тула)

В статье рассматривается этимология семитских и греческих терминов, составляющих понятие «святость» в Ветхом и Новом Завете, а также преемственность этого феномена по отношению к тем особенностям языческого мировосприятия, которые связаны с противостоянием божественного и человеческого, монотеистического и политеистического.

Ключевые слова: святость, святой, христианство, язычество.

Почитание святых подвижников в таких традиционных христианских конфессиях, как православие и католицизм, составляет значительную часть их духовной жизни, а «святость» – одно из фундаментальных понятий христианского учения. Как объект научно-исторического и богословского интереса «святость» изучается, в первую очередь, дисциплиной «агиология»[1]. В научном плане эта область исследований пока не сложилась, что в значительной степени определяет ее актуальность[2]. Понятие «святость» складывается из группы факторов[3].

Ветхозаветные термины «святость», «святой» – религиозного характера и связаны с производными семитского корня «кодеш» (kdsh), встречающимися в текстах более 800 раз, при этом, в наибольшем количестве случаев слова с этим корнем относятся к Яхве, личностям и вещам, связанным с ним, т.е., равнозначны понятию «божественное». Этимологически это значит «выделить», «очистить», «объявить что-то неприкосновенным»[4], но в наиболее глубоком смысле Бог есть «кодеш», как абсолютно отделенный, очищенный от всякого греха, ненавидящий зло и клянущийся Своей святостью (Ам. 4:2), и таким же должен быть и еврейский народ. Богом через обряды освящены (выделены) хранители культа (священнослужители), места, предметы, время, а через Закон освящен и сам Израиль. Но это не святость Бога, это святость, данная по Божию произволению[5]. Помимо прочего, Бог желает показать свою святость другим народам (Иез. 38:23). Святость отличает Бога, делает его исключительным, это его слава и сила не только от гнева, а от любви и всепрощения (Ос. 11:9)[6]. Святость связывается для людей со спасением, Бог называется «спасителем» и «искупителем» (Ис. 43:3; 62:12; 45:22; 47:4), святое имя Божье не должно бесчеститься, а для сохранения святости культа человеку необходимо в глубокой вере и личном совершенстве блюсти данный Богом Закон,

---

[1] При этом «агиография» смотрит на жития святых как памятники духовной литературы.

[2] *Никулина Е.Н.* Агиология: Курс лекций. М., 2008. С. 6-7.

[3] Развернутое обсуждение богословия святости относится к VII–VIII вв., но само почитание сложились гораздо раньше.

[4] Словарь библейского богословия / ред. Ксавье Леон Дюфур. Брюссель, 1974.

[5] *Ювеналий, митр. Крутицкий и Коломенский*. О канонизации святых в Русской Православной Церкви: Доклад на Освященном Поместном Соборе Русской Православной Церкви, посвященном 1000-летию Крещения Руси. Троице-Сергиева Лавра, 1988 // Канонизация святых в XX веке. М., 1999. С. 21.

[6] Там же. С. 22.

бояться Бога и свято чтить Его (Лев. 22, 31:2; Пар. 20: 20, Пс. 98: 3-9, Ис. 8:13)[1]. Приобщение к святости Бога – цель для каждого «ветхозаветного человека», а известная цитата «будьте святы, ибо Я свят» (Лев. 11:44, см. также Лев. 11:45; 19:2; 20:7; 20:26) имеет в виду, кроме обособленности среди других народов, еще и стремление к нравственному совершенству[2]. И это, очевидно, аналогично тем высшим духовным ценностям и чистоте от греха, которые приняты к определению святости в современном догматическом богословии[3]. В Законе наибольший акцент делается на внешнем исполнении его норм, в то время как пророки добавляли к этому послушание, милосердие, правду и любовь (Ис. 1:10-20). Впрочем, это лишь провозвестие той полноты святости, которая будет явлена через новозаветных святых.

Наиболее характерными для передачи новозаветных понятий, эквивалентных ветхозаветному «кодеш», являются три древнегреческих прилагательных: ἅγιος («агиос»), встречающееся более 200 раз, ἱερός («иерос») и οςιος («осиос»); ἅγιος обозначает святость самого Бога, а также предназначенный Богу, очищенный для этого; ἱερός ассоциируется с внешними проявлениями святости и означает также «священный», «принадлежащий Богу», и связан с понятиями храм (ἱερόν) и священник (Ιερέας). Οςιος применяется как нравственная характеристика людей и означает «морально чистый», «преданный» и переводится также как «благочестивый»[4]. Наиболее важной представляется группа, концентрирующаяся вокруг редко встречающегося в классическом греческом языке слова ἅγιος, и на самом деле эквивалентная «кодеш». В Новом Завете, в подавляющем большинстве случаев, оно означает новое качество жизни, данное Богом через искупление во Христе, и нравственные и религиозные требования, ассоциированные с этим искуплением. Слово «святой» усвояется Богу (Лк. 1:49; Ин. 17:11, Пет. 1:15; Откр. 4:8; 6:10), Христу (Мк. 1:24; Лк. 1:35; 4:34; Деян. 3:14; 4:27; Евр. 7:26; Откр. 3:7) и почти всегда Духу Божьему, а также используется по отношению к христианам, особенно в посланиях апостола Павла, означая «предназначенный и очищенный для служения и славословия Богу». Это в некоторой степени созвучно ветхозаветной «святости»[5]. Относят его к людям, сделанным святыми через

---

[1] Там же.

[2] *Егоров Г., свящ*. Священное Писание Ветхого Завета. В 2 ч. Ч.1. М., 2005. С. 55.

[3] *Помазанский М. прот*. Православное догматическое богословие. Рига., 1993. С. 31.

[4] Ключевые понятия Библии в тексте Нового Завета. Словарь-справочник. СПб., 1996. С. 127-128; *Ювеналий*. О канонизации святых... С. 21.

[5] *Никулина Е.Н.* Ук. соч. С. 8.

спасительное деяние Бога во Христе, и призванным жить праведной и чистой жизнью (1 Кор. 1: 2).

По своей природе святость Христа равна святости Бога-Отца, что кардинально отличает ее от святости людей Ветхого Завета. При этом святость и любовь во Христе – одно и то же, и именно это принципиально новое в понимании святости. Жертвуя собой из любви к людям, Христос приобщает их к своей славе, как это сказано у великих отцов: «Который по неизмеримой благости Своей сделался Тем, что и мы, дабы нас сделать тем, что есть Он»[1]. В святости Христа, очищающей верующих «истиной» через «помазание от святого» (1 Ин. 2:20), «освящение во Христе» (1 Кор. 1:2; Флп. 1:1) и «крещение Духом Святым» (Лк. 3:16; Деян. 1:5; 11:16) – источник святости церкви, где для человека открывается возможность преображения поврежденной грехом природы под действием благодати, его «обожения», и это есть существо святости[2]. В крещении ветхий человек умирает и затем воскресает со Христом, получая семя нового человека, которое, возрастая, призывает вести жизнь во Христе. Но спасаются только те крещеные (святые), которые через восприятие жертвы Христовой в церкви и через крестный путь любви и смирения стяжают дары Духа Святого. Новозаветная «святость» исходит из того, какими призваны быть верующие, как получившие дар благодати крещения и как давшие при этом обет, и подчеркивает открывшуюся возможность для всех верующих стать реально новым творением (Гал. 6:15), тем человеком, который, очистившись от греха, стяжает Духа Святого в разнообразии даров Его и являет силу Его в нашем мире, ведь очищенный от греха причастен святости и бессмертию[3].

Огромное количество мучеников, исповедников, праведников, подвижников, еще на земле обретших святость, все это есть действие невидимой благодати Божией, полученной через церковные Таинства[4].

---

[1] Ириней Лионский. Против ересей, V, пред. / Сочинения Святого Иринея, епископа Лионскаго / пер. П. Преображенского. изд 2-е. СПб., 1900. С. 446; об этом также: Афанасий Великий «Первое слово против ариан» (Творения иже во святых отца нашего Афанасия Великаго, Архиепископа александрийского. Часть вторая. 2-е изд., испр. и доп. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1902. С. 176-260); Григорий Богослов. Догматические поэмы, X, 5-9 / Григорий Богослов. Догматические поэмы. СПб., 2012. С. 48; Григорий Нисский. Большое огласительное слово, гл. 25 / Творения Святаго Григория Нисскаго. часть четвертая. М., 1862. С. 66.

[2] *Живов В.М.* Святость. Краткий словарь агиографических терминов. М., 1994. С.70.

[3] *Ювеналий.* Ук. соч. С.24.

[4] *Никулина Е.Н.* Ук. соч. С. 8.

Прославление святых, по своей сути, равнозначно прославлению дела Христа, другими словами, христоцентрично, ведь в святых действует Он Сам. Подвиг святых – не столько их достижение, сколько действие в них благодати, Божественного промысла[1]. Это прообразовано и ветхозаветным выражением «Дивен Бог во святых Своих» (Пс. 67:36).

Открывая путь к Богу, святой выступает как заступник и посредник между Богом и людьми. Культ почитания святых накладывается на религиозные и социокультурные представления общества Поздней античности, где функция святого как защитника соответствует в языческом мировосприятии различным мифологическим существам, охраняющим человека или его род, а также выполняющим роль посредника между человеком и высшими силами. Это соответствовало определенным ожиданиям покровительства и защиты, заключенным в обществе, к святым обращались в тех же случаях, что и богам, героям. Но здесь были моменты, изначально чуждые языческим культам. Это причастность Богу в соединении с человечностью, в отличие от непреодолимой границы между высшими силами и человеческой природой. Из этого также вытекает, что если в язычестве посредником были существа нечеловеческого («потустороннего») происхождения, коим соответствуют в христианстве ангельские силы, то в качестве посредников выступают люди, ставшие, по своему подвигу, причастниками Бога[2].

Религиозные переживания, возникающие на этой основе, не имеют аналогов в язычестве. По словам В.М. Живова, «…ложному спиритуализму язычества противостоит здесь антропологизм христианства, основанный на вере в воплощение Бога-Слова»[3]. Таким образом, в учении о святости преодолевается противостояние божественного и человеческого. Необходимо также добавить, что мир умерших вызывал у язычников страх и отвращение, а манипуляции живых с миром мертвых, связанные с таким феноменом как поклонение мощам, казались распространением «тьмы» из древних мифов, разруше-

---

[1] *Живов В.М.* Ук. соч. С. 94.

[2] Подробнее: *Nock. A.D.* Cult of Heroes (Harvard Theological Review 37 (1944)) / Essays in Religion and the Ancient World / ed. Zept Stewart. Oxford, 1972; *Gernet L.* Le genie grec dans la religion. Paris, 1932. P. 264; *Pfister F.* Der Reliquienkult im Alterium. 2 vols. Giessen. Topelmann. 1909-1912; *Lucius Ernst.* Die Anfange des Heiligenkultes in der christlichen Kirche. Tubingen. Mohr, 1904. P. 14–48; *Браун П.* Культ святых. Его становление и роль в латинском христианстве. М., 2004. С. 15-17.

[3] *Живов В.М.* Ук. соч. С. 97.

нием древних ориентиров[1]. Юлиан Отступник, выражая свое негодование, пишет, что христиане заполнили весь мир гробницами и склепами, хотя мертвые должны находиться в отведенном им месте, отдельно от живых, а смерть омрачает жизнь[2].

Весьма любопытной кажется также описываемая у П. Брауна идея о переходе необходимо присущего простому народу политеизма в культ святых, – так называемая «двухъярусная модель», опирающаяся на концепцию Д. Юма 50-х гг. XVIII в. Согласно этой идее, простой народ, в силу его низкого интеллекта постоянно склоняется от монотеизма к идолопоклонству, завуалированному на этом низовом уровне в форму монотеизма. Христианство здесь принимает много языческих пережитков[3], в чем оно часто обвиняется. На этот счет есть интересная экспликация, которую обычно выстраивают, ссылаясь на труды А. Шмемана, связанные с понятием «освящение времени»[4]. Согласно ей, после грехопадения дьявол проник во все существующие в этом мире формы бытия. А теперь христианство вновь наполняет эти формы истиной, приобщает к истине[5]. Поэтому, такие, например, явления, как одновременное празднование Преображения Господа Иисуса Христа и яблочный спас, украшение березовыми ветками на Троицу, культы огня и воды, почитание икон, – есть ничто иное как «освящение времени».

Таким образом, понятие «святость» было распространено еще в ветхозаветные времена, и в абсолютном смысле его необходимо связывать с самим Богом, отделенным от мирского, безгрешным, злоненавидящим, милосердным и приобщающим к себе некоторых людей, места, предметы и время. Бог выступает и как «спаситель» через соблюдение внешних норм закона, в том числе, нравственного. В Новом Завете истоки святости заключены в новом качестве жизни, данном Богом через искупление во Христе, пожертвовавшем собой из любви к людям. Святые являются вместилищами божественной благодати и почитаются как обоженое творение[6]. В отличие от языческого магизма, в святости божественное сближается с человеческим, а мир умер-

---

[1] Евнапий из Сард. Жизни философов и софистов // Римские историки IV века. М., 1997. С. 251–252.

[2] Julian. Against the Galilaeans. 335C // *Wright W.C.* The Works of the Emperor Julian. Vol. 3. London, 1923. P. 415–419.

[3] *Браун П.* Ук. соч. С. 24–31.

[4] *Шмеман Александр, протопр.* Введение в литургическое богословие. М., 1996.

[5] *Дворкин А.П.* Очерки по истории Вселенской Православной Церкви: Курс лекций. Нижний Новгород, 2003. С. 83–84.

[6] *Живов В.М.* Ук. соч. С. 76.

ших сближается с миром живых. Пережитки язычества в христианстве связаны, с одной стороны, с врожденным политеизмом человека, а с другой стороны, являются приобщением к истине искаженного грехопадением мира.

ABOUT ORIGINS OF CHRISTIAN WORSHIP OF "SAINTS" AND CONCEPT OF "SANCTITY"

S.S. Kochergin (Tula)

The article is devoted to the etymology of the Semitic and Greek terms, making the concept of "sanctity" in the Old and New Testament, and also continuity of this phenomenon with some features of pagan mentality, which are connected with opposition of divinity and humanity, monotheism and polytheism.
Keywords: sanctity, Saint, Christianity, paganism.

ЛИЧНОСТЬ КАК ОТРАЖЕНИЕ ПЕРЕХОДНОГО ХАРАКТЕРА ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ

Ю.Н. Шматко (Белгород)

В статье рассматриваются судьбы писателей, поэтов, политических и церковных деятелей Поздней античности с целью представления примеров трансформации в сознании человека, характерной для общества IV–V вв. Данный период является переходным от античности к средневековью и, следовательно, характеризуется кардинальными изменениями в ментальности, следующими за динамикой общественных процессов.
Ключевые слова: Поздняя античность, ментальная инверсия, Аврелий Августин.

Поздняя античность является одним из самых актуальных и обсуждаемых в исторической литературе периодов. Этот период является переходным от античности к Средневековью, где происходили кардинальные изменения во всех сферах жизни общества и, главным образом, трансформация в сознании людей.

Целью нашего исследования является анализ биографий, житий и трудов ярких представителей периода Поздней античности (IV–V вв.). Именно судьбы писателей, поэтов, политических и церковных деятелей являются ярким примером ментальной инверсии, происходившей в сознании человека того времени.

В связи с политикой Константина Великого (306–337 гг.) в IV в. в Римской империи происходит активный процесс христианизации римского населения. Во всех отношениях олицетворением той пере-

ходной эпохи, когда один мир рушится, а другой созидается на его развалинах, является Блаженный Аврелий Августин.

Августин родился 13 ноября 354 г. в африканской провинции Нумидия в Тагасте. Его мать, христианка, св. Моника дала сыну хорошее образование и стремилась привить любовь к вере. Однако на мальчика оказывал большое влияние его отец-язычник Патриций, мелкий землевладелец, римский гражданин[1]. Е.Н. Трубецкой даёт характеристику личности Августина: «Сын развратного африканца-язычника и христианской святой, Августин во всей своей жизни остается двойственным порождением язычества и христианства, которые борются в нем до конца его жизни, не будучи в состоянии совершенно преодолеть одно другое».[2] Так, преодолев долгий пусть через манихейство, скептицизм и неоплатонизм, он пришёл к христианству. Об этом подробно Августин пишет в своем труде «Исповедь» («Confessiones»), где «предстает в ней не как греческий гражданин, а как отдельный индивид, личность, вовлеченная в борьбу души и тела, где эмоции преобладают над разумом». Переломным моментом в жизни Августин является встреча и беседа с христианином Понтицианом, который впервые рассказал ему о подвигах Антония Великого и увлёк идеалами монашества. Беседа эта датирована августом 386 г. По возвращении в Африку Августин поселился в Тагасте, где организовал монашескую общину.

Таким образом, «Исповедь» Аврелия Августина, его жизненный путь, может рассматриваться нами как источник субъективного отражения общества Поздней античности, расколовшегося между противоположными полюсами разнузданной чувственной природы и аскетической святости.

Под влиянием жизненных факторов, личных взглядов и целей многие из римских граждан покидали высокие должности, оставляли прежний образ жизни и выбирали духовный путь служения Церкви. Так, будучи наместником провинции Кампания на юге Италии Павлин Ноланский оставляет почётную службу. Причиной тому становится ранняя смерть сына Павлина и желание теперь посвятить жизнь церковному служению. В 409 или 411 гг. он стал епископом в городе Нола[3]. За годы своей деятельности Павлином Ноланским было написано множество сочинений, однако до наших дней дошло 32 гимна и

---

[1] Блаженный Августин Гиппонский. Исповедь. М., 2012. 528 с.

[2] *Трубецкой Е.Н.* Миросозерцание Блаженного Августина в его генезисе. М., 1998. С. 353.

[3] Византийский словарь. Т. 2 / Сост. общ. ред. К.А. Филатова. СПб., 2011. С. 162.

50 писем разного характера, в которых отражаются богословские взгляды и отношение к различным событиям того времени.

О жизни другого христианского писателя Сульпиция Севера нам известно, что он происходил из знатной, хотя и не сенаторской, аквитанской фамилии. Он был младшим современником Павлина Ноланского, который родился в 355 г. Благодаря другу Павлину Сульпиций заинтересовался Мартином Турским. Первое свое паломничество в Тур Сульпиций совершил в 393 или 394 г. Его целью было личное знакомство со святым человеком. Вероятнее всего, Мартин Турский оказал такое сильное влияние на мировоззрение молодого человека, что по возвращению домой Сульпиций избавляет себя от земельных владений и завершает свою юридическую карьеру. Решение Сульпиция бросить светскую карьеру ради служения Богу было принято вопреки воле отца, но с одобрения тещи. Сульпиций отказался от своего права на наследственные земли и продал собственность, которую ему принес брак. Вырученную сумму от продажи он потратил на помощь бедным. Сульпиций оставил для себя только одно имение, но даже в нем передал права законного владения местной церкви, не оставив себе ничего. По мнению А.И. Донченко, «задолго до своего обращения к аскетизму Сульпиций вполне уверенно чувствовал себя в рамках классической античной традиции. С социальной точки зрения его обращение к аскетизму означало смену статуса. Но с культурной точки зрения произошло не столь радикальное событие»[1].

В начале V века большая часть галло-римской аристократии удалилась из городов в свои имения, поскольку власть на местах перешла в руки варварских военачальников. Вероятно, Иларий Арелатский, образованный молодой человек, также находился в своем имении, вдали от «ненадежности и смятения»[2], не стремясь к активному участию в общественной жизни, по крайней мере, такому, как это предполагалось согласно языческим установлениям. Главным событием своей жизни Иларий Арелатский считал обращение к аскезе, о чем есть упоминание в «Слове о жизни св. Гонората»[3] и в «Житии Илария»[4]. Анализ жизни и деятельности первенствующего епископа Галлии Илария Арелатского представлен в недавней работе А. Ноцонь

---

[1] Сульпиций Север. Сочинения. М, 1999. 319 с.

[2] *Honoratus Massiliensis.* Vita Hilarii. 10.

[3] *Hilarius Arelatensis.* Vita Honorati. 23–24 // *Hilaire d'Arles.* Vie de St. Honorat. 1977. P. 132–138.

[4] *Honoratus Massiliensis.* Vita Hilarii. 3–7 // *Honorat de Marseille.* Vie de St. Hilaired'Arles. 1995. P. 92–104.

«Иларий Арелатский»[1] и в сборнике исследований и переводов «Арелатские проповедники V–VI вв.»[2]

Решение посвятить себя церковной жизни Магн Феликс Эннодий принял после ряда событий в его жизни. Эннодий жил в Северной Италии, где преподавал риторику. После того как расстроился его брак с богатой невестой, постригшейся в монахини, он также поступил в духовное знание и был посвящен в Милане в диаконы. Обо всех этих событиях он рассказывает в автобиографическом сочинении, написанном в виде молитвы и своим содержанием напоминающем исповедь Августина[3]. Эннодий известен как христианский писатель, который умело соединял два литературных течения: языческое и христианское. Однако особенного внимания заслуживает собрание его писем в 9 книгах. Круг адресатов Эннодия обширен: у него были связи при бургундском дворе, он писал утешительное послание епископам, которых вандалы прогнали изАфрики. Наиболее видное место в переписке занимают послания к знатным римлянам, например, к папам Симмаху и Гормизду, к бывшему консулу Фаусту и его многочисленной родне[4]. Из этих писем видно, что высшее общество тогдашнего Рима проявляло значительный интерес к литературе и науке. Особенно старался Эннодий привить эти вкусы молодым патрициям.

Таким образом, через судьбы данных известных личностей можно проследить трансформацию жизни человека Поздней античности. По нашему мнению, на изменения в их сознании, поведении повлияли, главным образом, масштабные исторические события и процессы: распад государства, варварские вторжения, религиозные и социальные конфликты.

PERSONALITY AS A REFLECTION OF THE TRANSITIONAL NATURE OF THE LATE ANTIQUITY PERIOD

Y.N. Shmatko

The article discusses the fate of writers, poets, politicians and Church leaders of Late Antiquity, to show an example of the transformation of human consciousness, which is typical for society of the 4-th – 5-th centuries. This period is consid-

---

[1] *Ноцонь А.* Иларий Арелатский // Католическая энциклопедия. М., 2005. Т. 2. С.132.

[2] Арелатские проповедники V–VI вв.: Сб. исследований и переводов. М., 2004. С. 45.

[3] Magnus Felix Ennodus // Prosopographe chretienne du Bas-Empire, Bd. II/1. Italie, 313–604, Rome, 1999. P. 620–632.

[4] Магн Феликс Эннодий. М., 2013. 192 с.

ered as transition from Antiquity to the Middle ages and, therefore, is characterized by dramatic changes in mentality, following the dynamics of social processes.

Key words: Late Antiquity, mental inversion, Aurelius Augustine.

ОБРАЗ ПОЗДНЕРИМСКОГО АРИСТОКРАТА ПО ПИСЬМАМ КВИНТА АВРЕЛИЯ СИММАХА

А.А. Котлярова (Белгород)

В статье рассматривается образ римского аристократа IV в. по письмам Квинта Аврелия Симмаха. Представлена информация о деятельности и традициях Сената, нравах аристократии и её положения в обществе.

Ключевые слова: Симмах, письма, римская аристократия, традиции, образ.

Письма – весьма характерная «продукция» для эпохи Поздней античности. В качестве исторического источника мы можем использовать такого рода документы, учитывая их личностный характер и обстоятельства создания. Для более полного понимания материала следует подробнее остановиться на личности самого автора писем, находящихся в центре изучения данной работы – Квинта Аврелия Симмаха.

Он родился около 340 г. в знатной аристократической семье. Его предки занимали должности сенаторов еще со времен императора Септимия Севера, в то время как его дед и отец в различное время были префектами Рима. Симмах по семейной традиции достаточно быстро продвигался по государственной службе и уже в 380 г. получил должность викария Африки[1].

Когда ему исполнилось около 25 лет, Симмах был назначен управителем Лукании и Бруттии, богатейших областей Италии. За время пребывания он укрепил позиции и своего богатства[2]. С 370 по 374 гг. Симмах был на должности проконсула Африки. Затем, даже отойдя от официальных дел, он еще оставался там на некоторое время и инспектировал свои имения.

После 374 г. Симмах освободился от заметной государственной службы и стал заседать в сенате и обучаться красноречию, обращаясь с благодарственными речами к императору. В 382 г. начинается самый

---

[1] *Альбрехт М. фон.* История римской литературы. М., 2005. С. 474.

[2] Иероним Стридонский. Книга о знаменитых мужах / Пер. М.Ф. Высокого. М., 2007. С. 192.

яркий период в жизни Симмаха – разворачивается борьба за алтарь Победы[1].

Через год после указа, с июля 384 по январь или февраль 385 г., Симмах был на посту префекта Рима[2]. Он считался одним из наиболее уважаемых людей империи не только из-за славы своего древнего рода, высоких должностей, которые он занимал с юных лет, наконец, огромного богатства, но и потому, что он был образованнейшим человеком своего времени, хорошим оратором и автором писем, ставших образцами эпистолярного жанра. Симмах прославился и своими личными качествами: неподкупностью, честностью, высокой моралью и, вместе с тем, добротой, благородством и дипломатичностью. Его высоко оценивали не только язычники, но и христиане, которые признавали за ним многие добродетели и сокрушавшиеся, что столь выдающегося и достойного человека они имеют не своим другом, но противником.

От времен префектуры Симмаха сохранилось 49 его посланий. Некоторые из них касаются правовых вопросов, в других даются отчеты о состоянии дел. Здесь же можно увидеть приветствия, ответы на послания других лиц, сообщения о назначениях. Словом, это официальные документы высшего должностного лица. Все послания, кроме 9-го и 42-го, адресованы императору Западной Римской империи Валентиниану II. При всей официальности посланий можно заметить, что они написаны не робким человеком, так как Симмах отстаивает свой взгляд на вещи, требует для себя прав на самостоятельные решения[3].

В письмах Симмаха представлена информация о социально-экономическом положении сенаторской знати в римском государстве в последний период его существования, об отношении аристократии к занятию тех или иных общественных или государственных должностей, о ее взаимоотношениях с центральным правительством, а также о взаимодействии между язычниками и христианами. Несмотря на то, что Симмах был язычником, в его переписке можно встретить письма, в которых автор в хорошем тоне дает христианам советы относительно выборов епископа. Его переписка даёт возможность разобраться в тех трудных отношениях, существовавших между христианами и язычниками, выяснить причины данных взаимоотношений и понять значение обеих религий и их положение в государстве.

---

[1] *Альбрехт М. фон.* Указ. соч. С. 493.

[2] *Медведев В.Г.* Развитие административного права в период расцвета римской империи // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. М., 2009. С. 89.

[3] *Альбрехт М. фон.* Указ. соч. С. 439.

Внешне изменений в жизни римского сената не произошло. По-прежнему сенаторы собирались в курии, в которой продолжал находиться алтарь Победы, увенчанный статуей богини Победы. Они также занимались обсуждением событий и «не замечали всей пустоты и никчемности своих заседаний», настолько в Риме были сильны традиции великого прошлого. Письма Симмаха свидетельствуют о том, что, хотя старая римская сенаторская знать давно исчезла, а состав сената менялся много раз, староримские традиции были всё ещё сильны, и такие сенаторы, как Симмах и его единомышленники, «последние римляне» (по удачному выражению В.И. Уколовой), ставили главной целью сохранение данных традиций и передачу их в наследство потомкам[1].

Симмаха не устраивало, когда в таком почтенном собрании, как римский сенат, происходят споры, унижающие достоинство сенаторов. Симмах больше всего гордится не занятием высоких должностей, не литературным и ораторским талантом, а тем, что он сенатор. Сенат для него – олицетворение всего лучшего, это наиболее выдающаяся, по его мнению, часть человеческого рода (pars melior humani generis)[2]. Достоинство сенаторского ранга выше чести занимать высокие общественные и государственные должности.

Римская аристократия, таким образом, очень высоко ставила сенаторское достоинство, продолжая свято хранить традиции. При этом не стоит забывать, что римский сенат являлся средоточием самого могущественного в империи социального слоя, значение которого в системе римского государства не могло идти в сравнение с другими категориями свободного населения империи. Принадлежность к сенаторскому сословию (ordo senatorius) была наследственной. Дети сенатора становились сенаторами по достижении восемнадцатилетнего возраста и по отбыванию ими квестуры и претуры. Затем они могли занимать должности консульского ранга (управление некоторыми провинциями, проконсульства Азии или Африки). Вершиной карьеры может считаться получение поста префекта Рима[3].

Несмотря на отвлеченный характер значительной части писем Симмаха, в них нередко проскальзывают и элементы описания или характеристики быта римской аристократии, который заслуживают особого рассмотрения. Так, будучи поборником традиционных римских ценностей и образа жизни Симмах немало времени уделяет аргументации и защите своей позиции даже в своей переписке с частными

---

[1] *Уколова В.И.* Империя: исторический опыт Рима // Вестник МГИМО (университета). 2008. С. 7.

[2] *Альбрехт М. фон.* Указ. соч. С. 509.

[3] *Андерсон П.* Переходы от античности к феодализму. М., 2007. С. 145.

лицами. В частности, это проявляется в одном из его писем, адресованных префекту Авсонию, где Симмах указывает на то, что тому не следует бросать свои занятия литературой, что считалось одним из традиционных досугов римской аристократии. Как указывает в этом отношении сам Симмах, обращаясь к адресату: «Высокая должность – не обуза для еще более высоких сил твоего ума. Поэтому займись также и такими делами, которые не только не приносят никакой усталости занятым людям, но, напротив, часто освобождают их от нее» (Symm. Ep. II, 4). Нужно сказать, что данному вопросу посвящена солидная часть переписки Симмаха с Авсонием, что говорит о том, что литература и писательство занимали существенную часть жизни и досуга отдельных римских аристократов.

Интересный аспект жизни римских аристократов при императорском дворе открывается и в другом письме из переписки Симмаха и Авсония. Вспоминая о своем общении с Симмахом при дворе императора Валента, Авсоний, в частности, говорит следующее: «При дворе, повторяю, где человек открывает свое лицо и скрывает свои мысли, ты чувствовал, что я был тебе и отцом, и другом» (Symm. Ep. III, 4). Это небольшое замечание Авсония содержит явный намек на лицемерие значительной части императорских придворных и говорит о непростом характере жизни при императорском дворце, где одно неосторожное слово может стоить карьеры, положения или жизни. Стоит отметить, что такая атмосфера была характерна для жизни придворной аристократии в целом, о чем сохранилось немало сведений в других исторических источниках. Так, Аммиан Марцеллин в своем рассказе о приходе императора Валентиниана к власти упоминает распоряжение префекта, согласно которому «было под угрозой смертной казни запрещено на следующее утро показываться на публике всем людям более высокого положения и таким, относительно которых существовало подозрение, что они питают высокие замыслы»[1].

Таким образом, в письмах Симмаха жизнь высшего слоя римского общества описывается как наполненная различными обычаями, традициями и увлечениями, которые воплощали в себе дух вековых римских устоев. При этом жизнь аристократа в значительной мере зависела от уровня его приближенности ко двору императора, которая давала, с одной стороны, влияние и престиж, а с другой делала повседневную жизнь такого аристократа куда более опасной.

[1] Аммиан Марцеллин. Деяния. СПб., 2000. С. 342.

THE IMAGE OF THE LATE ROMAN ARISTOCRAT ON THE LETTERS OF QUINTUS AURELIUS SYMMACHUS

A.A. Kotlyarova

The article discusses the image of the Roman aristocrat of the IV century on the letters of Quintus Aurelius Symmachus. Information on the activities and traditions of the Senate, the mores of the aristocracy and its position in society is presented.

Key words: Symmachus, letters, Roman aristocracy, traditions, image.

К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ ПОЗДНЕАНТИЧНЫХ ЭПИСТОЛЯРНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ (IV–VI ВВ.)

Е.В. Литовченко (Белгород)

В статье анализируется специфика позднеантичных коллекций писем с акцентом на композиционных особенностях корпусов писем. Исследуются причины популярности жанра эпистолографии в позднеантичный период. Автор приходит к выводу о том, что структура позднеантичных эпистолярных коллекций вполне соответствовала классическим образцам, отражая, тем самым, континуальные тенденции переходного времени. Необычайный интерес к обмену письмами в этот период объясняется попыткой противостоять дисконтинуальным факторам разного рода, имевшим место в позднелатинской культуре.

Ключевые слова: поздняя античность, эпистолография, коллекции писем, Плиний Младший, Сидоний Аполлинарий.

Одним из самых увлекательных и популярных вопросов современного антиковедения, по праву, можно считать анализ позднеантичных коллекций писем. Отдельные послания, целые их собрания или авторы и адресаты писем становятся предметами исследования как западных, так и отечественных историков и филологов[1]. В данном

---

[1] См., например: Collecting Early Christian Letters. From the Apostle Paul to Late Antiquity / Ed. by *B. Neil* and *A. Pauline*. Cambridge, 2015. 276 p.; Late Antique Letter Collection A Critical Introduction and Reference Guide / Ed. by *C. Sogno, B.K. Storin, E.J. Watts*. Oakland, 2016. 488 p.; *Mathisen R.W.* Ruricius of Limoges and Friends. A Collection of Letters from Visigothic Gaul. Translated Texts for Historians. Vol. 30 / Transl. with introduction, commentary and notes by R.W. Mathisen. Liverpool, 1999. 272 p.; *Mratschek S.* Der Briefwechsel des Paulinus von Nola. Kommunikation und soziale Kontakte zwischen christlichen Intellektuellen. Göttingen, 2002. 732 S.; New Approaches to Sidonius Apollinaris. C. Sollius Apollinaris Sidonius: Briefe Buch I / Ed. by *J. A. van Waarden* and *G. Kelly*. Leuven, 2013. 397 p.; The Letters of Symmachus: Book 1 / *Salzman M.R.,*

случае нас интересуют в большей степени структурные особенности коллекций писем, а также причины необычайного повышения интереса позднеантичных интеллектуалов именно к этому литературному жанру.

Хотя эпистолография как жанр оформилась значительно раньше, еще в Древней Греции, в разные периоды римской истории она также пользовалась популярностью[1]. Так, в период с I в. до н.э. по II в. н.э. известны эпистолярные коллекции Цицерона, Сенеки, Плиния Мл., Фронтона и др. Результатом коллективного творчества данных авторов явилась разработка своего рода модели не только самого послания, но и корпуса писем в целом. Сформировался ряд стилистическим норм, окончательно «отполированных» риторикой.

Во-первых, специфика изучаемого явления заключается в том, что нет систематической или даже простой связи между коллекциями античных писем и биографическим или историческим повествованием. Как показывают исследования личностей – авторов коллекций, эпистолог – не невинный архивариус: он не просто представляет какие-то письма, которые мог бы найти в своих записях и расположить в любом порядке. Его цель – саморепрезентация, а не всеобъемлющее эпистолярное собрание[2]. Это означает, что письма специально отбирались для включения в коллекцию и структурировались должным образом.

Второе логично вытекает из первого – в большинстве корпусов посланий не соблюдается хронологический принцип. Установлением этого правила мы обязаны Плинию Младшему. Его система, так называемая «Плиниева модель»[3], которую брало за образец большинство

Roberts M., trans. Writings from the Greco-Roman World 30. Atlanta, 2011. 215 p.; *Trout D.E.* Paulinus of Nola: Life, Letters, and Poems (Transformation of the Classical Heritage). Berkeley, 1999. 122 p.; *Болгов Н.Н., Лопатина М.Ю.* Письма Энея Газского // Научные ведомости БелГУ. Серия: История, политология. 2017. № 15 (264). Вып. 43(39). С. 39–46; Мир поздней античности. Документы и материалы. Вып. 3: Письма Либания в русских переводах / Сост. *Н.Н. Болгов*. Белгород, 2015. 66 с. и мн. др.

[1] Исследования о древнеримской эпистолографии: *Lanham C.D.* Salutatio Formulas in Latin Letters to 1200. Syntax, Style and Theory // Münchener Beiträge zur Mediävistik und Renaissance Forschung 22. München, 1975. P. 89–94; *Cugusi P.* Evoluzione e forme dell`epistolografia Latina nella tarda repubblica e nei primi due secoli dell`impero. Roma, 1983. 291 p.; *Zelzer M.* Die Briefliteratur // NHL. 1997. S. 321–353 et al.

[2] Late Antique Letter Collection A Critical Introduction and Reference Guide / Ed. by *C. Sogno, B.K. Storin, E.J. Watts*. Oakland, 2016. P. 4.

[3] *Gibson R.* On the Nature of Ancient Letter Collections // Journal of Roman Studies. 2012. Vol. 102. P. 67.

позднеантичных эпистологов, отвергала хронологию в пользу художественного разнообразия и тематического единства.

Сам Плиний говорит об этом так: «Я собрал их <*письма*>, не сохраняя порядок дат (так как это не история, что я мог бы написать), но таким образом, чтобы использовать каждое, которое попадалось мне под руку» (*Pl. Caec. Ep.* 1.1.1). Здесь Плиний, конечно, лукавит, поскольку тематический объединительный принцип у него не просто работает, а является ключевым. Так, например, в десятой книге, где подавляющая часть писем (*Ibid.* 10.15–121) относится ко времени пребывания Плиния на посту губернатора Вифинии-Понта, собрана вся переписка с императором Траяном.

Но самое поразительное – это первое послание первой книги и последнее – девятой. Последнее письмо (9.40), адресованное Фуску Салинатору (*Fuscus*[1] *Salinator*), предназначено для создания диалога с самым первым письмом коллекции (1.1), написанному Септицию Кляру (*Septicius Clarus*[2]). Здесь использован риторический прием антитезы – противопоставления. Читатель должен стать свидетелем того, что девять книг писем Плиния выражают путь от света к темноте – от рассвета коллекции до ее заката, от начала до конца (в результате возникает герменевтическая нагрузка на читателя).

Похожий принцип взял на вооружение и Сидоний Аполлинарий, начиная с того, что корпус его писем разбит на 9 книг[3]. Книги 6–7 объединяют так называемые «епископские» послания Сидония. Последнее письмо девятой книги (*Sid. Ep.* IX. 16) содержит множество аллюзий на первое письмо первой книги. Так, например, сохранены аллегории с мореплаванием, а также намеки на существование завистников и недоброжелателей: «Я буду молчать, не выдам ни одного слова по поводу всяких пустяков, содержащих отклик на мои стихи, которым, конечно, удачно помогло общественное признание, гораздо более, чем мое мастерство. Такая популярность стала для меня якорем, брошенным в гавани общественного мнения. Я должен быть удовлетворен этим после завистливых брюзжаний всех Сцилл, через которые прошел мой корабль. Но, если зубы завистливых пастей этих сумасбродов не сожрут меня, том будет следовать за томом, все более наполненные мощным потоком моих писем[4]» (I. 1, 4). «…Мой корабль

---

[1] С лат. – темный, черный.

[2] С лат. – светлый, ясный.

[3] Также конструируются коллекции Симмаха, Эннодия.

[4] Полный перевод письма см.: *Литовченко Е.В.* Сидоний Аполлинарий. Письма (I.1; II.8; IV.12). Перевод // Классическая и византийская традиция. 2011. Белгород, 2011. С. 200–203.

проложил свой курс по морям прозы и стихов <…> теперь же я поднял весла и сложил паруса <…> Ревнивый хор моих врагов глухо грохочет, они рычат, как яростные собаки; но не осмеливаются ничего сказать открыто; они опасаются общественного одобрения, которое целиком принадлежит мне. Шипы злых языков бьют по корме, встряхивают киль и сотрясают борта моего корабля…» (IX. 16, 3).

Кроме того, согласно эпистолярным канонам Сидоний широко применяет риторические приемы: цитирование классиков (цитаты могут обрамлять письмо, открывать его или употребляться для подтверждения своих мыслей), использование шаблонов, гипербол, метафор (*Sid. Ep.* IX. 9, 16; I. 1, 4; 12. 1, *etc.*).

Содержание отходит на второй план, превращаясь в повод для проявления стилистического дарования, это вполне соответствовало веяниям времени. Восток и запад, образование и литература были буквально «заражены» риторикой, оторванной от реальности, поскольку система образования была сосредоточена на форме в ущерб содержанию, а главной задачей всей художественной культуры было повторять и переиначивать идеи прошлого[1].

Однако наличие таких негативных черт не умаляет популярности данного жанра. Широкое распространение эпистолярной практики, начиная с середины IV в. связано, прежде всего, с деятельностью риторской школы Либания[2]. Здесь письмо становится одной из самых излюбленных художественных форм и служит как бы мерилом литературного таланта его автора. Теория эпистолярного стиля этой эпохи изложена в письме христианского писателя Григория Назианзина. Исходя из традиционных требований ясности, краткости, общепонятности эпистолярного стиля Григорий подчеркивает критерий соразмерности, а также обращает особое внимание на «очарование письма», понимая под этим определением, что любое письмо должно быть интересным (*Greg. Naz. Epist. ad Nicob.* 51–259).

Возросший в позднеантичном обществе интерес к «письмописанию» далеко не случаен[3]. Ряд конкретных событий должен был сойтись в этот период, чтобы создать условия, благоприятные для составления и сохранения эпистолярных коллекций.

---

[1] *Glover T.R.* Life and letters in the Fourth Century. Cambridge, 1901. P. 10.

[2] *Libanii* Opera / Ed. *R. Foerester*. V. 1–7. Lpz., 1903-1913. Libanius: Autobiography and Selected Letters, Vols 1 and 2. (Loeb Classical Library) / *A.F. Norman* (ed., tr.): P. 529; 486. Cambridge, MA and London, 1992.

[3] Известны коллекции писем Симмаха, Иеронима Стридонского, Павлина Ноланского, Сульпиция Севера, Августина Гиппонского, Амвросия Медиоланского, Сидония Аполлинария, Фавста Риезского, Цезария Арльского, Руриция Лиможского, Авита Вьеннского, Эннодия Павийского и др.

Резкое расширение гражданской и военной бюрократии в Поздней Римской империи во времена тетрархии и правления династии Константина, вероятно, благоприятствовало распространению эпистолографического жанра. Эта бюрократическая экспансия имела ряд важных последствий для интеллектуалов.

Впервые представители провинциальной элиты смогли получить доступ к почестям и богатству, связанным с принадлежностью к имперской администрации. То, что ранее являлось «заповедником» для узкой группы римских сенаторов, теперь становится «ареалом» для более широкой группы имперской аристократии.

Таким образом, в IV ст. авторы эпистолярных коллекций из разных регионов империи берут на себя роль заместителей или продолжателей традиции распространения тех ценностей, которые провозглашались в коллекциях писем сенаторов II в. Плиния и Герода Аттика.

Эпистолография также служила средством, при помощи которого можно было продемонстрировать свою способность влиять на видных имперских лиц, принимающих решения. И, безусловно, посредством обращения к традиции литературного письма сохранялась связь поколений, особенно культивируемая новой провинциальной элитой, предпочитающей подчеркивать свою близость со старой, имперской.

В этом контексте, например, создана коллекция писем, датированных последними годами жизни Либания: она служила настоящей рекламой тесных связей антиохийских софистов с восточными и западными префектами, консулами и другими высокопоставленными чиновниками[1].

Еще одним важным обстоятельством явилось появление в IV в. слоя высокообразованных и политически опытных христианских епископов, подобных Амвросию Медиоланскому, деятельность которых способствовала собиранию христианских эпистолярных коллекций[2]. Христиане использовали письма для утверждения и, в большей степени, распространения своих духовных ценностей. Кроме того, они также стремились подчеркнуть свои личные (близкие) отношения с известными интеллектуалами; заметно, что эти высокообразованные епископы наслаждались данным фактом.

Мы можем также определить еще несколько важных факторов, способствовавших расцвету интересующего нас феномена: престиж риторического образования как технологии власти (здесь имеется в виду, что красноречие и риторические навыки снабжали соответству-

---

[1] Late Antique Letter Collection... P. 7.

[2] Об этом см. Collecting Early Christian Letters. From the Apostle Paul to Late Antiquity / Ed. by *B. Neil* and *A. Pauline*. Cambridge, 2015. 276 p.

ющими «техническими» умениями, которые делали возможным осуществление властных функций) и расцвет риторических школ по этой причине; засилье варваров, само по себе стимулирующее стремление поддерживать латынь и образованность, рафинированную классическую культуру; расшатывание норм классической латыни (латынь в среде варваров, упрощенная вульгарная латынь для проповедей), стимулирующее упражняться в изощренных лексических построениях (использование архаизмов, неологизмов, сложных конструкций).

И, наконец, еще одна причина – поддержание дружеских отношений в ситуации, когда реальная (физическая) коммуникация была затруднена из-за действий варваров, разбойников, плохого состояния дорог, – стало возможно посредством обмена письмами, которые связывали души (см., например, письма Руриция (*Rur. Epp.* 1.1; 2.10, 52). Это актуально, прежде всего, для христианских литераторов. Душа вообще была одним из главных дискуссионных предметов в области теологических рассуждений IV-V вв.

Так, в посланиях Авита и Руриция души друзей часто, так или иначе, преодолевают физическое разделение (*Rur. Epp.* 1.6, 9, 10, 18; 2.1, 2, 3, 4, 10, 32, 52; *Avit. Epp.* 50, 52, 77, 78, 79, 93).

В качестве иллюстрации к данной сентенции как нельзя лучше подходит фрагмент из письма Руриция: «<…> Мы, изыскивая малейшую оказию для обмена посланиями друг другу из-за нашего обоюдного душевного расположения, не должны пренебрегать возможностью <*послать весточку*>, с тем, чтобы наша переписка представляла бы для нас способ реального присутствия, <*ибо*> послание, как связующее звено: оно отослано, но не утрачено, оно отдано и все же сохранено, оно кажется отправленным и все еще не ушедшим, оно отослано мной и получено тобой, оно написано мной и прочитано тобой, и оно не <*существует*> отдельно, <*само по себе*>, оно полностью в наших сердцах, потому что, подобно божественному слову, оно передается и не уходит, оно даруется нуждающимся и остается с автором, как дар для получателя без потери для дарителя, обогащая нищего, не обедняя <*при этом*> господина. <…> расстояния между <*нашими*> краями не препятствуют нежности нашей любви, потому что тех, кто любит каждого в Господе, присутствующем повсюду, не следует считать разделенными телесно, поскольку они одинаково соединены в одном духе…» (II.36)[1].

[1] Полный текст письма см.: *Литовченко Е.В.* Письма Руриция Лиможского к Цезарию Арелатскому (506 год), II.33 и II.36 (вступительная статья, перевод и комментарии) // Известия Смоленского государственного университета. 2018. № 1(41). С. 136–147.

Таким образом, мы выяснили на примере сопоставления корпуса посланий Плиния Младшего и Сидония Аполлинария, что структура позднеантичных эпистолярных коллекций вполне соответствовала классическим образцам, отражая, тем самым, континуальные тенденции переходного времени.

Что же касается всплеска популярности эпистолографии в этот период, то он объясняется попыткой противостоять дисконтинуальным факторам, имевшими место в позднелатинской культуре и определившим в совокупности с законсервированными классическими чертами специфический облик позднеантичной эпохи.

ON THE SPECIFICITY OF THE LATE ANTIQUE LETTER COLLECTIONS (4-th – 6-th AD)

E.V. Litovchenko

The article analyzes the specifics of Late Antique letter collections with an emphasis on the compositional features of letter corpuses. The reasons for the popularity of the epistolography genre in the Late Antique period are studied. The author comes to conclusion that the structure of Late Antique epistolary collections was fully corresponded to the classical samples, thereby reflecting the continual tendencies of the transition epoch. The unusual interest in letters writing during this period is explained by an attempt to resist the discontinuous factors of various kinds that took place in the Late Latin culture.

Key words: Late Antiquity, epistolography, letter collections, Pliny the Younger, Sidonius Apollinaris.

ПАВЛИН НОЛАНСКИЙ: ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ БЛАГОЧЕСТИВОГО ХРИСТИАНИНА

Д.А. Астахова (Белгород)

В статье рассматривается жизненный путь св. Павлина Ноланского. Также рассматриваются причины кризиса идентичности, основные этапы деятельности.

Ключевые слова: Павлин Ноланский, кризис, жизнь.

С распространением христианской религии в римском обществе, а в дальнейшем и с его легализацией Константином I, увеличивалось количество последователей христианства, среди которых и был Павлин Ноланский.

Понтий Меропий Аниций Павлин родился около 353 г. в городе Имбромагум, в семье римского сенатора, префекта провинции Акви-

тания[1]. Благодаря статусу семьи, в юном возрасте Павлину удалось получить прекрасное и разностороннее светское образование. Он изучал право, философию, литературу и физику, а его наставником в искусстве поэзии и риторики был известнейший латинский поэт Децим Магн Авсоний.

В 373 г. Павлин Ноланский, как и его отец, был избран сенатором, затем консулом, а в дальнейшем губернатором Кампании, что могло говорить о его довольно высоком положении в обществе[2]. Консул много времени уделял путешествиям, в одном из которых он и повстречал свою будущую супругу Терасию, также происходившую из знатного рода. По мнению большинства исследователей, именно благодаря влиянию Терасии, являвшейся приверженкой христианства, происходило преображение Павлина Милостивого[3].

Уже в 389 г. Павлин, попытавшись пересмотреть свои собственные взгляды на мир, решился принять святое крещение на своей родине в Бордо, побывав перед этим у св. Мартина Турского и пройдя оглашение у епископа Дофина. После этого, вернувшись на свой пост, он завершил все текущие дела и отправился в поисках уединенной жизни в Испанию вместе со своей супругой, где у них родился первенец, названный Цельсом. Однако через восемь дней после рождения ребенок умер, что, несомненно, потрясло Терасию и Павлина[4].

Являясь активным деятелем Церкви, Павлин Ноланский переживал кризис идентичности, во многом связанный с его перевоплощением из аристократа в священника. На данную трансформацию повлиял ряд причин, включая смерть ребенка, приверженность его супруги к христианской религии и, безусловно, его собственное осмысление жизни.

Следует отметить, что в кризисный период будущий епископ нуждался в поддержке своих друзей и близких, в связи с чем уже в 90-х гг. IV в. Павлин обратился к своему другу Алипию с просьбой поведать ему и его потомкам о своем обращении в христианство, на

---

[1] Жития святых, на русском языке изложенные по руководству Четьих-Миней св. Димитрия Ростовского. Т. 5: Январь. К., 1998. С. 795–798.

[2] *Урбанович Г.* Внешние формы североафриканской храмовой архитектуры (V–VI вв.) в связи с традицией поминания и почитания мучеников // Вестник ПСТГУ. Серия V. Вопросы истории и теории христианского искусства. М., 2015. № 4 (20). С. 8.

[3] *Коцелко М.* Павлин Милостивый // Правило веры: приходской журнал собора свт. Николая в Вене. 2011. С. 5.

[4] *Frend W. H. C.* Paulinus of Nola and the Last Century of the Western Empire // The Journal of Roman Studies. Vol. 59. № 1/2. 1969. P. 2–3.

что тот ответил отказом, при этом посоветовав обратиться к Августину Аврелию, епископу Гиппонскому.

Представленный выбор был совершенно не случайным. История обращения в христианство Августина во многих аспектах была схожа с Павлином Ноланским[1]. Так, Блаженный, являясь знаменитым римским оратором, в зените своей славы оставил блестящую столичную жизнь, чтобы стать монахом маленькой монастырской общины в далекой провинции (Aug. Conf. XIX. 30–31). То есть, именно благодаря помощи Алипия, Павлин сумел завязать тесные отношения с выдающимся деятелем Церкви – Августином Блаженным[2].

Проживая в Барселоне, Павлин Ноланский вместе со своей супругой пребывали в непрерывных трудах и молитвах. А в 393 г., во время рождественского богослужения, которое проходило в кафедральном соборе города, жителями Барселоны попросили Павлина Ноланского принять сан священника[3]. Но, пробыв в Барселоне три года, супруги приняли решение возвратиться в Кампанию, где рядом с городом Нола у гробницы св. мч. Феликса ими были основаны мужская и женская монастырские общины[4].

После принятия духовного сана (Ep. 1, 10), Павлин Ноланский не развелся с женой, как это предписывал обычай. То есть, Терасия оставалась его законной супругой, но при этом у Павлина сохранялись с ней лишь братские отношения, а сам он полностью посвятил себя христианской церкви. Проживая в Ноле, Павлин продолжал уделять внимание храмостроительству и благоукрашению храмов. Благодаря его деятельности, в первых христианских базиликах было введено новшество, заключающееся в использовании библейских сюжетов для украшения стен. Причину использования данной техники он описывал следующим образом: «Большая часть этих людей – сельские жители, они не без веры, но низкой культуры и малограмотны. Посмотри, в каком количестве они собираются со всех сторон, как затуманен их преданный, но бесхитростный ум. Посмотри, какое великое множество людей в течение всей ночи бодрствуют и веселятся с факелами в руках… Я только хочу, чтобы они направили свою радость к трезвой молитве и не переносили свои чаши с вином через священный порог… Их наивность не позволяет осо-

---

[1] *Green R.P.H.* The Poetry of Paulinus of Nola. A Study of his Latinity. Bruxelles, 1971. P. 18.

[2] *Григорьева Н.* Бог и человек в жизни Аврелия Августина // Блаженный Августин. Исповедь. М., 1992. С. 7.

[3] *Буассье Г.* Падение язычества: Исследование последней религиозной борьбы на Западе в четвертом веке. М., 1892. С. 274–275.

[4] Жития святых, на русском языке изложенные... С. 795–797.

знать им степень вины, а грехи являются результатом преданности, ибо они неправильно полагают, что святые испытывают радость оттого, что их могилы залиты вином» (Ep. 21, 5–9).

Вместе с супругой Павлин, как и прежде, помогал всем нуждающимся. Сам Святой проживал в скромном доме, который был построен вблизи места, избранного им для себя святого покровителя. Значительная часть года проходила у него в воздержании от пищи, а мясо и вино вовсе не употреблялось. Одевался и жил Павлин крайне бедно (Ep. 2, 1-3). Около 409 г. Терасия умерла, а уже около 411 г. Павлин Милостивый при всенародном ликовании стал лицом высшего священнического сана, то есть, епископом.

Последние годы жизни Павлина Ноланского пришлись на трудные времена, когда Римская империя была подвержена варварским нападениям, подрывающим ее положение. В 410 г. вестготский король Аларих впервые захватил столицу империи, которая впоследствии была разорена захватчиками[1]. Спасаясь бегством от варваров, многие искали спасения и убежища на Сицилии, в Африке и даже в Иерусалиме. Сам Павлин не помышлял о бегстве, а напротив, твердо ожидал прихода варваров, отдавая все свои силы на защиту своего народа.

После опустошения завоевателями территории Италии многие жители империи были уведены в плен. Это не могло оставить равнодушным Павлина Ноланского, который, потратив все свое имущество, всячески пытался облегчить участь пленных и обездоленных. Особого внимания заслуживает событие, связанное с приходом к нему одной бедной вдовы, потерявшей единственного сына, который был уведен в рабство варварами. Но продав все свое имущество, св. Павлину совершенно нечего было ей предложить, кроме самого себя[2].

Отправившись в Африку, где находился сын вдовы, Павлин направился к варварам, где им был предложен обмен, принятый князем. Не зная, кем на самом деле приходился Павлин, хозяин определил его садовником, вернув сына вдовице. Уже со временем господином было обнаружено, что его новый садовник представлял собой весьма образованного человека, что в итоге привело к частому посещению и к беседам со святым.

Согласно сохранившимся источникам, спустя некоторое время князь начал настойчиво расспрашивать Павлина, кем он приходится на самом деле, и тогда святой раскрыл ему правду о том, что в своей стране был он епископом. Услышанное, несомненно, поразило госпо-

---

[1] *Коньков Д.С.* Аларих – свой среди чужих: путь к взятию Рима // Известия Томского политехнического университета. 2014. Т. 325. № 6. С. 100.

[2] *Коцелко М.* Указ. соч. С. 5.

дина, и он предложил Павлину Ноланскому все, что он пожелает, после чего Павлином было выдвинуто лишь одно желание – освобождение всех пленников. Впоследствии сам святой и остальные жители Римской империи, заключенные в рабство, были отпущены с почетом[1].

Уже в более поздней жизни Павлин, к тому времени глубоко уважаемый церковный авторитет, участвовал в нескольких церковных синодах, дискутирующих по различным церковным спорам того времени, включая пелагианство. Скончался святой 22 июня 431 г. в возрасте 78 лет.

От него сохранился ряд гимнов и писем, которые содержали различные нравственные наставления, проникнутые глубоким благочестием. Его мощи на данный момент располагаются в Риме, в храме св. апостола Варфоломея. Св. Павлин получил известность духовного писателя и учителя Церкви. Уцелело около 50 писем, принадлежавших Павлину и направленных выдающимся богословам своего времени. Одно из подобных писем, написанных Святителем, содержало в себе стихи, которые в дальнейшем послужили образцом христианской поэтической элегии.

Первый поэтический опыт Павлина во многом отражал сильное влияние Авсония, представлявшего собой внешне христианина, но все же опиравшегося на античную культуру. Но уже в процессе своей поэтической деятельности святой потерял связь со своим учителем. Это было обусловлено тем фактом, что Авсонием, в работах которого содержались христианские мотивы, религия была принята лишь номинально, а это, в свою очередь, полностью противоречило взглядам Павлина Ноланского, принявшего христианство все душой и посвятившего служению Богу всю свою жизнь[2].

Наряду с письмами, сохранись и труды Павлина, написанные во второй половине его жизни, то есть, после его обращения в христианство. Среди более ранних произведений до наших дней дошли лишь шуточные записки, содержащие стихотворения о посылке некому Гестидию птиц и устриц, а также несколько строк из стихотворной перифразы утраченного сочинения Светония «О царях» (в 19-м письме Авсония Павлину)[3].

---

[1] *Гродецкая А.Г.* Ответы предания: жития святых в духовном поиске Льва Толстого. СПб., 2000. С. 80.

[2] *Аверинцев С.С.* Латинская литература IV–VII вв. Смена парадигм и устойчивость традиций // Памятники средневековой латинской литературы IV–VII веков. М., 1998. С. 13.

[3] *Павлин Ноланский* // Памятники средневековой латинской литературы IV–VII веков Пер. Ф.И. Петровского (Послание Павлина к Авсонию). М., 1998. С. 25.

Таким образом, подробно изучив жизнеописание св. Павлина Ноланского, основные этапы его деятельности, мы можем сделать вывод о том, что еще на ранних этапах своей жизни он занимал пост консула, а в дальнейшем губернатора Кампании. Его статус в обществе был высокий, но, переосмыслив свои взгляды на жизнь, он связал ее с Церковью и с просветительской деятельностью. Данный кризис идентичности был обусловлен не только изменениями в восприятии Павлином своего места в жизни, но и иными факторами, среди которых смерть ребенка и изначальная приверженность его супруги к христианской религии. О Павлине Ноланском сохранилась память, как о благочестивом христианине, готовом всегда помочь нуждающимся, как о храмостроителе и христианском поэте. Именно он заложил основы христианской поэзии, являясь при этом представителем духовной культуры нового типа.

ST. PAULINUS OF NOLA: THE PIOUS CHRISTIAN' WAY OF LIFE

D.A. Astakhova

The article deals with the way of life of St. Paulinus of Nola. The article also discusses the causes of the identity crisis, the main stages of activity.
Keywords: St. Paulinus of Nola, crisis, biography.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ АЛАРИХА И НАЧАЛО ЕГО ВОЕННОЙ КАРЬЕРЫ

Д.Е. Богданов (Белгород)

В статье рассматриваются молодые годы Алариха. Сперва он служил у Гайны, а затем присоединился к римской армии. Его воины участвовали в борьбе императора Феодосия с узурпатором Арбогастом. Под командованием Алариха готы вторгаются в Грецию, но им противостоит Стилихон, который являлся основным соперником Алариха на рубеже веков.
Ключевые слова: Аларих, Феодосий I, Стилихон, готы-федераты, Иллирик, Римская империя.

В последней трети XX века возрос интерес к изучению Поздней античности, но концептуальные монографии, посвящённые важным историческим личностям исследуемой эпохи, пока отсутствуют. Тем не менее, важным итогом развития зарубежной историографии, а с другой – попыткой нового взгляда на события IV–V вв. стал выход

«Просопографии поздней Римской империи»[1], необходимой исследователю при работе с сочинениями позднеантичных авторов для получения полной характеристики по каждой значительной персоналии изучаемого периода. Одним из заметных исторических деятелей на рубеже IV–V вв. является Аларих.

Аларих родился на маленьком острове в устье Дуная (Claud. VI Cons., 105), что весьма символично: с ранних лет он оказался на границах Рима, а затем поступил на службу Империи. Родословная Алариха (Iordan. 29.146), возможно, была позже создана искусственно[2], чтобы установить его связь с вождями готов, которые в 370-е гг. возглавляли племенные союзы, противостоявшие Риму.

Подробных сведений о готском вожде до 391 г. не сохранилось, однако, именно в этот год произошло малозначительное событие, результаты которого позже будет использовать Аларих в своей будущей пропагандистской кампании: небольшой отряд варваров под его командованием заставил изменить маршрут возвращавшегося на Восток императора Феодосия с телохранителями. Несмотря на то, что встречи так и не произошло, поскольку император хотел минимизировать риск, Аларих приписал себе славу победителя Феодосия[3], способствовав укреплению своего положения.

В годы правления Феодосия Аларих неоднократно уклонялся от официального поступления на службу, хотя и принял предложение Руфина, по которому получил статус федерата и титул трибуна[4].

В конце лета или осенью 391 г. полиэтничные соединения под его руководством[5] перешли через Балканы и двинулись на юг (Zos. IV.49). Впервые с 382 г. был нарушен договор между Феодосием и готскими федератами. Клавдиан всю вину за разжигание войны возлагает на консула Руфина, позднее заключавшего союз с варварами ради своих личных целей. За это Клавдиан называет его предателем (Claud. Ruf. I, 310–313; Stil. I, 117–118). Зосим поясняет, что Руфин нанял варваров, чтобы устранить своего противника, начальника конницы Про-

---

[1] *Jones A.H.M.* Prosopography of the Later Roman Empire. V.1. L., 1980; V.2. L., 1986; V. 3. L., 1990; reprint: L., 2006.

[2] *Halsall G.* Barbarian migrations and the Roman West. 376-568. Cambridge, 2005. P. 189.

[3] *Хьюджес Й.* Стилихон. М., 2017. С. 51–52.

[4] См. подробнее: *Heather P.* The Fall of the Roman Empire: a New History of Rome and the Barbarians. Oxford, 2005. P. 187–198.

[5] *Liebeschuetz J.H.W.G.* Barbarians and bishops: army, church and state in the age of Arcadius and Chrysostom. Oxford, 1990. P. 48–88.

мота, что те и осуществили (Zos. IV). Но историки напрямую с этими событиями Алариха не связывают[1].

В 394 г. Аларих участвовал в кампании Феодосия против Евгения и получил за это «римские знаки отличия» (Soc. VII.10), однако после смерти императора он собрал тех, «кто был противником мира», и двинулся на Константинополь, «опустошая местности, лежащие на его пути» (Claud. Ruf. 7–100). Аларих решил повести свои отряды в Грецию, поскольку Руфин, ставший «опекуном» императора Аркадия, вероятно, предоставил вестготам провинции префектуры Иллирик (Zos. V.5, Marcell. Chron. 395, 4), закреплённой за Византией после победы над Евгением.

Даже после смерти Феодосия официальное отношение Рима к готским федератам мало изменилось[2]. Напротив, солидарность римлян и варваров империи против варваров внешних укреплялась. Они вместе господствовали над гетами, гуннами (Claud. Ruf. II, 44; Amm. Marc. XXXI, 2).

До конца лета 395 г. отряды Стилихона, а также вспомогательные войска остготов, гуннов и аланов стояли в Фессалии, но в битву с вестготами не вступали. Рыдания Клавдиана по поводу тяжелого положения иллирийцев оказались риторическим приемом, оправдывающим оккупацию Фессалии[3].

Помимо Иллирика, принципиально значимой для Западной империи являлась Паннония, входившая в зону, подконтрольную Востоку[4]. Чтобы разрешить противоречия и развязать себе руки для решения внутриполитических задач Стилихон и Евтропий договорились, что в зону ответственности Западной Римской империи переходят обе спорных территории, однако, судя по археологическим данным, Стилихон не мог себе позволить оставить там постоянный гарнизон, поэтому использовать Иллирик и Паннонию в качестве опорного пункта для защиты Италии и плацдарма для будущего наступления на Восток не удалось[5]. В то же время, вопрос о статусе Иллирика всё ещё остаётся дискуссионным, поскольку сохранилась информация как о назначении преторианского префекта из Рима (CTh. 11.14.3), так и из Константинополя (CTh. 6.28.6).

---

[1] *Головина О.В.* Германцы в ранней Византии: дисс. ... кандидата исторических наук. Белгород, 2017. С. 66.

[2] *Вольфрам Х.* Готы. М., 2008. С. 197.

[3] *Хьюджес Й.* Стилихон. М., 2017. С. 136.

[4] *Там же*. С. 143.

[5] *Хизер П.* Падение Римской империи. М.: Астрель, 2011. С. 202.

В 396 г., когда Стилихон готовился к укреплению границ в Галлии и на Рейне, а Евтропий лично возглавил византийское войско в походе против гуннов, Аларих решил добиться расположения своих воинов, поэтому направился в Грецию, рассчитывая, что никто из правителей Империи не помешает ему пополнить запасы продовольствия и снаряжения, а его воинам – собрать множество военных трофеев.

Византийское правительство, сделав свои выводы из призывов Клавдиана, назначило Алариха magister militum в Иллирике. Содержание вестготов полностью легло на плечи иллирийцев. Вестготы грабили и опустошали не только жилища крестьян и горожан, но и могильные памятники и гробницы, древние храмы и общественные здания (Eunap. Vita Philosoph. 90–93).

В свою очередь, правительство Запада также объявило Алариха своим полководцем и послало к нему префекта Иовина, чтобы он убедил Алариха подчинить иллирийцев императору Гонорию (Claud. Eutr. II, 214–218). Стремясь привлечь Алариха на свою сторону, оба правительства снабжали его оружием, деньгами, снаряжением и продовольствием.

По мнению ряда авторов, вина за опустошение страны падает на византийское правительство, и всячески оправдываются военные действия Стилихона, которого упрекают в неактивности и том, что он не разгромил окруженные войска Алариха: «Греция из-за алчности римлян уже не крепка ни оружием, ни воинственными людьми. Правящими предателями она принесена в жертву варварам. Нашлись люди, которые, чтобы угодить властям, шли на все, что способствовало общему упадку» (Zos. V.6).

Алариху приписывается речь, объясняющая причины усиления вестготов: «Теперь, когда мне переданы все права предводителя Иллирика, я заставил римские города приготовить усиленным трудом фракийцев столько копий, столько мечей, столько шлемов и добывать для меня железо. Так мне благоприятствует судьба: те люди, которых я все время разорял, стали моими слугами. Со стоном давали они мне оружие, которое должно принести им вред, и долго при плаче кузнеца краснела сталь, закаляемая огнем и умением для их ущерба» (Claud. Get. 536-544). Конечно, Клавдиан мог и не знать точного содержания речи, произнесенной Аларихом, но поэт отразил конкретные условия объективной действительности, сложившейся в Иллирике[1].

В это время правительство Запада разрабатывало план возвращения префектуры Иллирик под своё управление, чему прямо препят-

[1] Сиротенко В.Т. История международных отношений во второй половине IV – начале VI вв. Пермь, 1975. С. 54.

ствовал Аларих[1]. Столица Галльской префектуры переносится в Арелат-Арль (Olymp. 2). Стилихон проверяет оборону рейнской границы и завязывает переговоры с представителями франкских и алеманнских племен. Надеясь на мирный договор, Стилихон вывел из Галлии в Италию три легиона, чем ослабил оборону Рейна[2]. Но действия Стилихона были противоречивыми: окружив вестготов, он воздержался от наступления на их лагерь. Вместо этого Стилихон (по неподтверждённой информации) предавался кутежам, а его воины грабили местных жителей (Zos. V.7). Об Аларихе и его готах, окруженных и оставленных без наказания, церковные историки умалчивают (Oros. VII, 37.2) и критикуют Стилихона: «Я молчу о короле Аларихе, который со своими готами был столь часто побежден и столь часто окружен, но все же всегда был отпускаем» (Oros. VII, 57.1).

Зосим такое положение в армии Стилихона оправдывал отсутствием дисциплины в его войске, а также тем фактом, что готское золото производило сильное впечатление на римских солдат варварского происхождения (Zos. V.7.2)[3]. Клавдиан же доказывает, что Стилихон не мог отказаться от услуг готов Алариха, ибо их «пощадили из высших соображений» (Claud. IV Cons. 127).

Дальнейшая судьба Алариха будет тесно связана с его попытками утвердиться в провинциях[4], а, в конечном счете – с осадой и взятием Рима в августе 410 г.

Таким образом, Аларих первым среди всех правителей варваров оказался в ситуации, когда он смог практически на равных договариваться с фактическими правителями Империи, играя на их противоречиях и являясь исключительно выгодным союзником, соглашался занять должность, используя, однако, своё положение не для интеграции в империю, а для личной выгоды и обогащения.

---

[1] *Сиротенко В.Т.* Борьба Западной Римской империи и Византии за префектуру Иллирик в 395-425 гг. и ее последствия // Античная древность и средние века. Свердловск, 1972. Вып. 8. С. 75.

[2] *Джонс А.Х.М.* Гибель античного мира. Ростов-на-Дону, 1997. С. 313.

[3] *Cameron A.* Claudian. Poetry and Propaganda at the Court of Honorius. Oxford, 1970. P. 169 ff.

[4] *Сиротенко В.Т.* Борьба Западной Римской империи и Византии за префектуру Иллирик в 395-425 гг. и ее последствия // Античная древность и средние века. Свердловск, 1972. Вып. 8. С. 73–88.

ALARIC'S ORIGIN AND THE BEGINNING OF HIS MILITARY CAREER

D. Bogdanov

The paper considers Alaric's early life. He was Gainas' soldier and later joined the Roman army. His troops took part in Theodosius' campaign against Arbogast. As a Gothic military leader Alaric tried to invade Greece but he was stopped by Stilicho who would be his main opponent at the turn of the century.

Key words: Alaric, Theodosius the Great, Stilicho, foederati, Illyricum, the Roman Empire.

ЭВОЛЮЦИЯ НАУЧНЫХ ВЗГЛЯДОВ И.М. ГРЕВСА НА РАННИХ ЭТАПАХ ЕГО НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Ю.Г. Горшкова (Белгород)

В статье рассматриваются общие тенденции изменения научных интересов И.М. Гревса в период его становления как ученого в стенах Санкт-Петербургского Императорского университета. Автором проанализированы возможные причины и факторы, способные повлиять на изменение тематики исследовательских задач Ивана Михайловича. Также рассматривается роль В.Г. Васильевского в этом процессе, который был непосредственным научным наставником Гревса.

Ключевые слова: И.М. Гревс, В.Г. Васильевский, медиевистика, византиноведение, научные интересы.

В отечественную историографию И.М. Гревс вошел как основатель культурно-исторического направления в российской медиевистике[1]. Историк родился 4 (16) мая 1860 г. в имении М.М. Гревса в слободе Лутовиново Бирючанского уезда Воронежской губернии (совр. с. Лутовиново Волоконовского района Белгородской области)[2]. В 1872 г. семья Гревсов переезжает в Петербург. Через год 13-летний Иван поступил в столичную Ларинскую гимназию, а в 1879 г. – в Императорский университет. Именно там, в стенах «альма-матер», началась научная карьера Ивана Михайловича[3].

[1] *Гутнова Е.В.* Историография истории средних веков. М., 1985. С. 311.

[2] *Прокопенко С.Н.* И.М. Гревс и отечественная византинистика: случайные и неслучайные связи // Империя ромеев во времени и пространстве: центр и периферия. Белгород, 2016. С. 166.

[3] *Вахромеева О.Б.* Иван Михайлович Гревс (1860–1941): портрет университетского профессора // Петербургские исследования. СПб., 2006. С. 53.

Окончив начальную ступень обучения (получив звание кандидата) в 1883 г., И.М. Гревс удостоился золотой медали за дипломную работу «Римско-Византийское государство в VI в. По новеллам Юстиниана и другим, законодательным сборникам христианских императоров»[1]. Ввиду проявленных способностей к ученой деятельности он был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию. Но подготовка к магистерским экзаменам и работа над сбором материалов для написания диссертации затянулась на продолжительное время. Гревс начинает свою преподавательскую деятельность в средних учебных учреждениях (женские гимназии Э.П. Шаффе, Е.Н. Стеблин-Каменской, Л.С. Таганцевой, Санкт-Петербургском Елизаветинском училище и Первом кадетском училище и др.)[2].

В 1889 г. И.М. Гревс закончил сдачу магистерских экзаменов и получил место приват-доцента в Санкт-Петербургском Императорском университете. Для написания своего курса по «Истории государства и общества в период падения Римской империи» Иван Михайлович летом 1889 г. совершил поездку в Европу, где он завел первые знакомства в западном ученом мире и ближе познакомился с трудами только что скончавшегося Н.Д. Фюстель де Куланжа, творчество которого вдохновляло Гревса на протяжении долгих лет[3].

По возвращении на родину Гревс приступил к окончательной обработке своего первого приват-доцентского курса. В конце января 1890 г. состоялась первая вступительная лекция Ивана Михайловича в Императорском университете, а в 1892 г. – на Высших Бестужевских женских курсах.

С середины 90-х гг. Гревсом публикуются в виде обширных журнальных статей отдельные фрагменты широко задуманного исследования по истории римского землевладения во времена Империи. Значительная часть этих этюдов, посвященных развитию крупного частного землевладения, была представлена и защищена им в качестве магистерской диссертации в 1900 г. Второй том, где центральной темой должна была стать история императорского землевладения, автор намерен был в недалеком будущем представить в качестве следующей, докторской диссертации. Однако этого не произошло[4].

---

[1] *Лычко А.* Концепция экскурсий И.М. Гревса. – [Эл. ресурс] // Русская антропологическая школа. Режим доступа – http://kogni.narod.ru/lychko.htm Дата обращения – 10.10.2018.

[2] Там же.

[3] *Фролов Э.Д.* Из истории социально-экономического направления в русском антиковедении: римская аграрная история в трактовке И.М. Гревса // Петербургские исследования. СПб., 2006. С. 34.

[4] *Вахромеева О.Б.* Указ. соч. С. 61.

В 1901 г. в журнале «Klio» немецкий исследователь Отто Гиршфельд опубликовал статью работу об императорском землевладении в Риме и в какой-то степени предвосхитил содержание задуманного второго тома «Очерков» Ивана Михайловича[1]. Видимо, именно этот факт привел к творческому кризису Гревса. Он «порывает» с античностью на долгое время и сосредотачивает свою дальнейшую научную деятельность на средневековье, занимаясь отдельными вопросами (феодализм, городские коммуны и т.д.). И уже в 1899 г., в связи со смертью В.Г. Васильевского, он заменяет его на кафедре всеобщей истории Санкт-Петербургского Императорского университета[2].

Итак, на основе вышеописанного материала мы можем проследить некую эволюцию тематики научных интересов И.М. Гревса на этапе его становления как историка. Поступая на историко-филологический факультет Императорского университета, Иван Михайлович намеревался посвятить себя филологической науке[3], однако курс профессора В.Г. Васильевского по средневековой истории повлиял на будущее студента. Он начинает активно интересоваться именно исторической наукой, внимание к литературе отошло на второй план.

Далее мы видим, что работы Ивана Михайловича, относящиеся к студенческому времени, тематически связаны с византиноведением, ярким представителем которого в Санкт-Петербургском университете был В.Г. Васильевский. Именно под руководством и влиянием последнего Гревс пишет работу: «Римско-Византийское государство в VI в. По новеллам Юстиниана и другим, законодательным сборникам христианских императоров»[4].

Свою магистерскую диссертацию Гревс выдерживает в духе античности, затрагивая социально-экономическую сторону периода поздней истории Рима. В этот период он выступает уже в качестве новатора в отечественной исторической науке. Вторая часть, посвященная периоду империи, так и не была закончена историком, что в итоге приведет его к «углублению» в медиевистику, переходу от социально-экономического к культурно-историческому подходу в изучении истории и, в частности, Средневековья. К античным сюжетам в своей научной деятельности Иван Михайлович обратится вновь лишь в конце жизни, когда он получил предложение от Института истории АН

---

[1] Там же.

[2] *Анциферов П.Н.* И.М. Гревс // Вестник Герценовского университета. №2. СПб., 2014. С. 144.

[3] *Шмидт С.О.* И.М. Гревс и воспитание историей // Петербургские исследования. СПб., 2006. С.8.

[4] Там же.

СССР подготовить переиздание своих «Очерков из истории римского землевладения» в 1936 г.[1]

Анализируя причины вышеописанной эволюции научных взглядов И.М. Гревса, исследователи расходятся во мнениях. Известный биограф О.Б. Вахромеева в своих работах связывает это, в первую очередь, с изменением общего курса научных интересов Ивана Михайловича, с «кризисом» 1901–1902 гг., наступившим после публикации О. Гиршфельда. Статья немецкого исследователя очень напомнила ему собственные подготовительные материалы. Гревс признавал: «Сливки были сняты, и я махнул рукой на неоконченный труд. Сделал я это напрасно; у меня работа ставилась иначе и гораздо шире»[2].

Специалист в области историографии А.В. Свешников, специализирующийся на изучении научных сообществ XIX–XX вв., утверждает, что И.М. Гревс сознательно шёл по пути создания своей независимой от В.Г. Васильевского школы, поэтому занялся той областью исторической науки, где бы он мог ее основать. Также в своей работе «Петербургская школа медиевистов XX века» он пишет: «В.Г. Васильевский не мог дать И.М. Гревсу четкого образца методики научной работы, ограничиваясь общими словами, предоставляя возможность искать и решать самому»[3]. Данный тезис видится весьма спорным, если учесть тот факт, что своему учителю Иван Михайлович посвятил целую монографию, а также «теплый и искренний некролог». Также, мысль о желании и стремлении Гревса на всем протяжении своей университетской деятельности создать собственную научную школу входит в противоречие с общепринятой характеристикой образа ученого. Ученики историка и его знакомые в своих мемуарах отмечали, что его авторитет и влияние опирались на врожденный педагогический дар, открытость и теплое участие, а никак не на расчет.

В советской же историографии, в частности, у ее известного представителя – Е.В. Гутновой, встречается идея о том, что эволюция взглядов И.М. Гревса является закономерным процессом. В своей «Историографии истории средних веков» Евгения Владимировна пишет, что Иван Михайлович, будучи по своей специализации исключительно медиевистом, сознательно обращался к античному прошлому, выводя

---

[1] *Мельников А.В.* Отзыв академика Д.М. Петрушевского 1938 г. о рукописи первого тома нового издания труда И.М. Гревса «Очерки из истории землевладения в римском мире (преимущественно во время империи)» // Петербургские исследования. СПб., 2006. С. 128.

[2] *Вахромеева О.Б.* Указ. соч. С. 63.

[3] *Свешников А.В.* Петербургская школа медиевистов начала XX века. Попытка антропологического анализа научного сообщества. Омск, 2010. С. 396.

из него корни тех процессов, которые были присущи «периоду феодализма»[1].

Несмотря на существующую в научной среде полемику относительно причин эволюции научных интересов И.М. Гревса на ранних этапах его деятельности, можно предположить, что на нее могло повлиять множество факторов: и творческий кризис историка, и его личные цели и интересы, и общий процесс развития исторической науки в то время (в Европе стали наиболее актуальны вопросы, связанные с изучением медиевистики[2]), и т.д.

Таким, образом научные интересы И.М. Гревса прошли путь от проблем антиковедения и византинистики к вопросам медиевистики, от социально-экономической направленности их изучения к культурно-историческому подходу. Причем причины этих изменений видятся историографам и биографам историка весьма различными, однако стоит признать, что факторы, повлиявшие на эволюцию исследовательских интересов Ивана Михайловича, являются весьма многообразными.

THE EVOLUTION OF SCIENTIFIC VIEWS OF I.M. GREVS AT THE EARLY STAGES OF HIS SCIENTIFIC ACTIVITY

J.G. Gorshkova

The article discusses the general trends in the scientific interests of I.M. Grevs in the period of its formation as a scientist in the walls of St. Petersburg Imperial University. The author analyzed the possible causes and factors that could affect the change in the subject of research problems of Ivan Mikhailovich. The role of V.G. Vasilyevsky in this process, which was the direct scientific mentor of Grevs.

Keywords: I.M. Grevs, V.G. Vasilyevsky, medieval studies, Byzantine studies, scientific interests.

---

[1] *Гутнова Е.В.* Указ. соч. С. 361.

[2] *Андреева И.Г.* О кафедре истории средних веков. – [Эл. ресурс] // Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета. Режим доступа – http://history.spbu.ru/sv-o-kafedre.html Дата Обращения – 10.10.2018.

ИСТОРИЯ ВИЗАНТИИ

ЛАОДИКЕЯ ПРИМОРСКАЯ В РИМСКОЕ И ПОЗДНЕАНТИЧНОЕ ВРЕМЯ

В.М. Кириллов (Белгород)

Автор обращается к истории Лаодикеи Приморской, крупного города в римской провинции Сирия. Он являлся важным центром распространения римского влияния в регионе Леванта. Расцвет города наступил при династии Северов. В это время Лаодикея стала центром торговли, а её монетная чеканка оказывала влияние на финансы региона. К концу античного времени город пережил ряд катастроф, но был заново отстроен императором Юстинианом и носил статус города византийской провинции Феодориада вплоть до арабского завоевания. Статья делает общий обзор истории, экономики, динамики населения города на протяжении I–VII вв.

Ключевые слова: Сирия, Лаодикея Приморская, Римская империя, Византия, Поздняя античность.

Лаодикея являлась одним из наиболее важных городов на восточном берегу Средиземного моря. Сегодня на её месте стоит крупный сирийский порт Латакия, а история города началась с возникновения финикийского поселения под названием Рамита. Оно располагалось на приморской территории, которая была известна грекам под названием «белого побережья». Своё наиболее известное имя город получил при Селевке Никаторе, который назвал его в честь своей матери Лаодики.

Римская история города начинается с 64 г. до н.э., когда Гней Помпей отвоевал Сирию у армянского царя Тиграна Великого. Позже, Юлий Цезарь провозгласил Лаодикею «свободным полисом».

Первый расцвет этого региона под властью Рима связан с именем Северов. В 193 г. Лаодикея была разграблена Песценнием Нигером, противником Септимия Севера в борьбе за римский престол. Будучи по этническому происхождению финикийцами, императоры из новой династии обращали особое внимание на восточные регионы своего государства, которые, к тому же, пострадали и от действий гражданской войны. Септимий Север сразу даровал городу статус метрополии и в 194 г. распространил на него италийское право (свобода от имперского налогообложения). К началу III столетия Лаодикея уже носила статус римской колонии.

В порту города римляне построили маяк, ставший одним из лучших в древнем Леванте. Они проложили дороги римского типа в

южную Анатолию, в направлениях к Бейруту и Дамаску. Всё это сильно улучшило торговый оборот, который вёлся через порт Лаодикеи. Город стал как бы связующим звеном между западными римскими провинциями, Италией и пустынными территориями Леванта.

Этому же способствовала и политика в области монетной чеканки. За исключением времени Адриана, когда в городе чеканились тетрадрахмы из высокопробного серебра, Лаодикея имела право выпуска только медной монеты. Ситуация меняется с приходом к власти Септимия Севера. Во время его правления был налажен устойчивый выпуск серебряных тетрадрахм, который стабильно продолжался до конца царствования Макрина, а последняя серебряная эмиссия произошла при Элагабале.

В другом ключе интересно обратить внимание на медные монеты AE28, выпускавшиеся от имени Каракаллы и Макрина (SGI 2954). На аверсе изображён профиль соответствующего императора, круговая легенда сообщает его имя и титулы. На реверсе же выбита Капитолийская волчица, кормящая близнецов Ромула и Рема. Здесь же помещена надпись «ROMAE FEL(ix)». Капитолийская волчица с легендарными братьями крайне редко встречается на римских провинциальных монетах. Аналогичный сюжет можно найти на монетах AE33 Антиохии Писидийской (BMC 84) и Клавдиополя (BMC 13). Более того, во всех случаях легенда выполнена на латинском языке, а не на греческом, какой был наиболее распространённым в восточных римских провинциях.

Объяснить это можно, обратившись к статусу и положению этих городов. Находясь в одном регионе, они все относились к категории римских колоний, на которые было распространено ius Italicum[1]. В настоящее время трудно ответить на вопрос, к какому именно типу колоний относились данные полисы, однако можно с уверенностью утверждать, что все они являлись центрами романизации в восточных землях. Здесь жило много переселенцев из италийских провинций, господствовала латынь, практиковалась римская система городского управления, исполнялись римские религиозные культы, праздники и традиции. Из этого вытекает и факт, что такие центры имели куда более тесную связь со столицей империи, чем другие города региона.

Помимо транзитной торговли, ведущую роль в экономике города играло виноделие и текстильное производство. Виноград выращи-

---

[1] *Smith W.* Dictionary of Greek and Roman geography. Boston, 1852. P. 631; *Mitchell S., Waelkens M.* Pisidian Antioch: the site and its monuments. London, 1998. XVIII+249 Pgs.

вался на окружавших порт холмах, а полученное из него вино экспортировалось в разные части Римской империи.

Со времён Августа на постоянное место жительства в город переезжали некоторые римские купцы, здесь жили армяне, сирийцы, евреи. Последние составляли одну из самых больших диаспор на протяжении I столетия. Однако, в культурном отношении в I – сер. II вв. Лаодикея оставалась греческим центром.

При Септимии Севере в город прибыло значительное количество латиноязычных переселенцев, которые теперь стали составлять большинство, меняя атрибуты городской жизни в традициях своей малой родины. В это же время город был перестроен. Стержнем его архитектуры теперь был протянувшийся с севера на юг cardo maximus. Город получил мощные оборонительные укрепления и на несколько лет стал столицей римской провинции Сирия. Благодаря этому, количество населения Лаодикеи быстро возросло до 40 тыс. чел. В городе был построен даже собственный ипподром. К этому же периоду относится и строительство единственных уцелевших до современности римских сооружений – тетрапилона на перекрёстке кардо и декумануса, сохранившегося полностью, и храма Вакха, от которого осталось лишь четыре столпа.

Американский исследователь Р. Штильвелл отмечает в целом плохую сохранность античных памятников города, поскольку Лаодикея постоянно перестраивалась, и более древние объекты частями вплетались в новую застройку, так, например, перистиль коринфского типа при арабской застройке превратился во внутреннее помещение мечети[1]. Он же сообщает, какие элементы городской топографии были уничтожены в течение последующих столетий: колоннады, святилища, общественные бани, амфитеатр. Был в Лаодикее и театр, диаметр зрительского зала которого составлял около 100 м, что позволяет сопоставить сооружение в плане масштабов с сохранившимся до наших дней театром римского времени в Босре[2], который, следует отметить, мог вмещать около 15 тыс. зрителей.

На протяжении III столетия Лаодикея находилась под влиянием Антиохии. В 272 г. город был захвачен Зенобией, вдовой пальмирского правителя Одената. Это было совершено, следуя неудачной попытке отторгнуть Антиохию от Рима, но император Аврелиан быстро вос-

---

[1] *Stillwell R.* The Princeton encyclopedia of classical sites. Princeton, 1976. P. 483.

[2] *Berney K.A.* International dictionary of historic places. Vol. 4: Middle East and Africa. London-Chicago, 1996. P. 143.

становил порядок в регионе, подчинив Пальмиру и проведя Зенобию как пленницу во время триумфального шествия.

После Константина Великого население города стало почти полностью христианским, исключение составляла лишь сократившаяся к этому моменту еврейская диаспора. Этот период отмечен бурной деятельностью городских епископов, самым известным из которых является Аполлинарий Младший, борец с арианством и участник Константинопольского собора 381 г.[1] После антиохийского восстания 357 г. Лаодикея вновь смогла вернуть себе благосклонность императоров и стала процветающим городом под властью Византии. Новый расцвет города продолжался около столетия. Конец ему положила длинная серия землетрясений в 494 г., которая превратила Лаодикею в руины.

В 528 г. император Юстиниан, который подобно Септимию Северу тоже предпочёл этот город Антиохии, сделал его центром новой провинции Феодориада, протянувшейся в прибрежной зоне вокруг Лаодикеи. Он быстро заново отстроил и укрепил город ввиду быстро надвигавшейся опасности со стороны персов.

В 632 г., после смерти пророка Мухаммеда, регион подвергся вторжению мусульманской армии. Византийская армия была разбита в 636 г. на реке Ярмук, Лаодикея была захвачена арабами двумя годами позже. Осадой города руководил сподвижник Мухаммеда Сад ибн Убада. Христианам, которые нашли убежище в Босре, Убада разрешил вернуться. Он сохранил христианские храмы, но начал и строительство мечетей.

LAODICEA AD MARE IN ROMAN AND LATE ANCIENT TIME

V.M. Kirillov

The author speaks to history of Laodicea ad Mare, which was a large city in Roman Syria. It was an important outpost of dissemination of Roman influence in Levant region. The time of the greatest flourishing for the city came when the Severan dynasty had started to rule in Rome. In that stage of its history Laodicea became a trading centre, and its coinage exerted one's influence to financial life in the region. At the end of ancient epoch this city survived several earthquakes and was completely collapsed. After Justinian the Great had built the city once more it was made the capital of Byzantine province Theodorias and was keeping this status until Arabian conquest. The paper does general review of history, economic and social processes in Laodicea from I till VII AD.

Keywords: Syria, Laodicea ad Mare, Roman Empire, Byzantium, ancient city.

---

[1] *Lietzman H.* Apollinaris von Laodicea und seine Schule: Texte und Untersuchungen. Tübingen, 1904. S. 29.

ФЕОДОРИАДА НЕАПОЛИС (ОЛЬБИЯ) В КИРЕНАИКЕ И ЕЕ МОЗАИКИ

Н.Н. Болгов (Белгород)

В работе рассматривается археологический комплекс города Феодориада в Киренаике, переоснованного Юстинианом в 539 г. Основные памятники города – две церкви с обширным комплексом мозаик, позволяющих проследить пути эволюции ранневизантийского искусства.

Ключевые слова: Феодорида, Киренаика, иозаики, Юстиниан, Феодора.

Феодориада Неаполис (до VI в. Ольбия), была римско-византийским городом между Марджем и Байдой в регионе Киренаики (совр. Ливия). Ныне Ольбия является археологическим объектом. Современное название этого места – Каср Ливия, по названию замка исламского периода (Каср) на месте Ливии (Левии), как искажение древнего имени Ольбии[1]. Нынешнее местоположение городища локализуется у Гебеля, в 3 км от дороги Бенгази-Кирена, 30 км от Барки.

Ольбия – второстепенный центр Пентаполя в Киренаике, места епископства, упомянутого в начале V в. в письмах Синезия. После разрушения вандалами и вторжений кочевников лагуатанов[2] (Lwatae), он был заново основан в 539 г. Юстинианом в честь императрицы Феодоры.

Известно пять древних епископов этой древней епархии (Киренаики). Первые два упоминаются в письме Синезия Киренского к Феофилу Александрийскому в 412 г., в котором автор сообщает архиепископу Александрийскому, что после долгого служения и долгой жизни умер «наилучший отец Афамас», и то, что верующие Ольбии единодушно выбрали его преемником Антония, честного и справедливого человека. Епископ Публий принял участие в Эфесском соборе 431 г. На мозаиках из Феодориады даны имена еще двух епископов – Макария и Феодора, который назван «новым епископом»; предположительно, он был преемником Макария.

Юстиниан переименовал город в Феодориаду в честь своей жены Феодоры, которая провела свою юность в соседней Аполлонии. Перестройка была частью *Ananeosis*, реорганизации Киренаики. Мозаики в Восточном храме дают дату для восстановления города: 539 г.

Феодориада (Неаполис) была частично раскопана, в ней были открыты две базилики: Западная и Восточная. Восточная церковь, ко-

---

[1] *Pliez, Olivier (ed.).* Qasr Libya (Olbia-Theodoria) // Le Petit Futé Libye. Paris, 2009. P. 251.

[2] Об этом племени довольно много сообщает Кресконий Корипп в латинской поэме VI в. «Иоаннида».

торая была обнаружена в 1957 г., была раскопана Ричардом Гудчайльдом в середине 1950-х гг.[1] Западную церковь обнаружили в 1964 г.; она была включена в Каср, в котором в настоящее время находится Музей Каср Ливия. Этот музей был завершен и открыт в 1972 г. и стал известен как Византийский музей мозаики.

Восточный храм прославился великолепными мозаиками, которые были там открыты. По сравнению с официальным имперским искусством того времени (например, мозаикой в Константинополе) мозаики из Каср Ливии, возможно, немного грубы, но они живые и красочные, и они выражают своего рода жизнерадостный дух, который продолжает удивлять и очаровывать.

Археологи были уверены, что поблизости есть еще несколько церквей, но до сих пор они не были раскопаны.

Перед Восточной базиликой был атриум, окруженный портиками. Здесь люди могли готовиться к священным ритуалам, которые должны были проходить в церкви.

Рис. 1. Атриум.

Базилика, разделенная на три нефа арками из колонн, была ориентирована на Запад, как часто бывает в Киренаике. Пол Восточного храма Феодориады был покрыт 50-ю небольшими мозаиками (квад-

---

[1] *Goodchild, Richard*. The Great, newly discovered mosaic floor of Qasr el-Lebia. London, Illustrated Evening News, Dec. 14th 1957.

ратные отверстия в полу), которые охватывали поверхность размером 10,5×6 м. Эти мозаики иллюстрировали христианское спасение, одновременно представляя переоснование города императором Юстинианом в 539 г. Также можно перечислить олицетворения Основания (Ктизис), Украшения (Космизис) и Обновления (Ананеозис).

Квадраты, расположенные в десяти регистрах, были обрамлены рамкой со связанными лентами. Большинство панелей, имеющих характер книжных иллюстраций, происходят из классического репертуара. Новые ценности христианского символизма не всегда ясны или понятны (присутствие Сатира). Другие предметы явно противоположны: схематическое изображение обнесенного стеной города (Pòlis nèa Theodorìas), персонификации (Ktisis, Ananeosis, Kosmesis), которые указывают на официальную реорганизацию городской общины под именем и покровительством Феодоры. Эти здания не упомянуты в списке построек Юстиниана, составленном Прокопием. Наличие в рамке подробного представления Маяка Александрии кажется почти символическим. Исполнение приписывается художникам из Константинополя (Бьянки Бандинелли), которые разрабатывали элементы александрийской традиции, или непосредственно александрийским мозаичистам, или к североафриканской иконографической традиции. Последний тезис контрастирует с провинциальным обликом произведений. Группа мозаик, которые территориально и иконографически очень органичны (Уорд-Перкинс), образуют единую группу: Восточная церковь Феодориады, центральная церковь Аполлонии, собор и центральная церковь Кирены; все эти здания относятся к VI веку или возобновлены и украшены в эпоху Юстиниана.

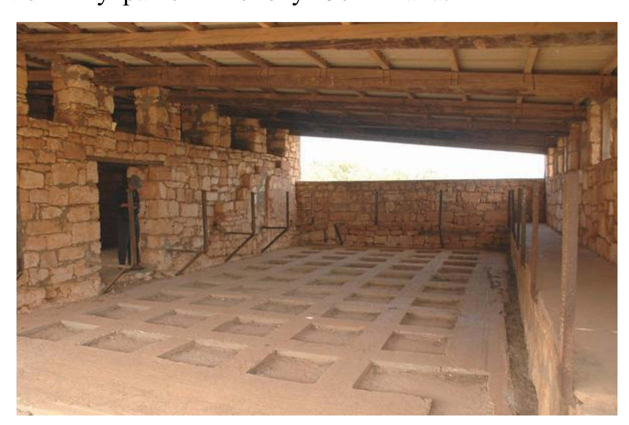

Рис. 2. Помещение с 50-ю мозаичными панелями (перенесены в музей).

Тот, кто входил в церковь, сначала замечал мозаику, которая представляла Фарос (маяк) Александрии, и которая сравнивала спасение, предлагаемое церковью, со спасением, предлагаемым хорошим портом. Двигаясь в центр, посетитель видел павлина, который символизирует воскресение. На то же самое указывает и образ Орфея, фракийского певца, победившего смерть.

Двигаясь ближе к апсиде, можно было увидеть четыре реки Эдемского сада: автор хотел, чтобы посетители идентифицировали священное пространство с Раем. Эти четыре реки – Евфрат, Тигр, Гихон, Фисон. Считалось, что Гихон был олицетворением Нила, Фисон – Данубия.

Интересно отметить, что художник включил в свое произведение классические мотивы. Помимо Орфея, Кастальский источник находился близ греческого оракула в Дельфах и олицетворял мудрость. Соединив Касталию с библейскими реками, авторы словно слили источники вдохновения из классической античности и библейской мудрости. Это не было редкостью в ранневизантийском искусстве и не ограничивалось христианством: в синагогах Галилеи мы можем видеть языческие мотивы, такие как Гелиос и Зодиак, рядом со сценами из еврейской истории.

Другими словами: церковь предлагает спасение, и Божья любовь к человечеству настолько велика, что еще до Христа она проявилась в греческой и еврейской мудрости. Другие художественные мотивы усиливают это послание универсальности. Объединив нильские сцены, зебр из Африки к югу от Сахары, греческие мотивы и реки Эдема, художник представлял три континента. И, конечно, многие виды животных показывают красоту Божьего творения.

50 мозаичных панелей, в основном изображающих животных, богов, богинь, нимф и известные достопримечательности, такие как здание Маяка в Александрии, иллюстрируют сосуществование христианских убеждений с более ранней дохристианской иконографией.

В притворе к северу от центрального нефа Восточной церкви находилась вторая мозаика, которая также демонстрируется в местном музее[1]. В этой мозаике не может быть обнаружено христианского смысла. В круглой надписи говорится, что здание было закончено на третий индикт епископом по имени Феодор. Проблема в том, что надпись на мозаике выше, сделанная теми же художниками, была сделана в том же году (539), епископом по имени Макарий. Вероятно,

[1] *Williams, Gwyn*. Green Mountain – an informal guide to Cyrenaica and its Jebel Akhdar. L.: Faber and Faber, 1963.

Феодор был преемником Макария. В другой надписи содержится молитва: «Господь Саваоф с нами, Бог Иакова – наша высокая крепость. Великий Бог, Вечный, также будет прибежищем для семьи вашего слуги Феодора, если захотите». Первая строка – цитата из Псалма 45.11.

Мозаика с первой надписью занимает пол небольшой комнаты в начале правого нефа: в пол вставлено приветствие «нового епископа Феодора».

Центральная часть – нильская сцена с крокодилом, атакующим корову (буйвола). Крестьянин пытается оттянуть свою корову, но, вероятно, не справится с крокодилом. Правая часть этой мозаики показывает рыбаков с лотосами и уток. Край мозаики был украшен всеми видами животных и растений, таких как олень, сражающийся со змеей (мотив, также замеченный на мозаике выше).

В целом это обрамленная группа с животными, растениями, сцена охоты на зайцев.

Мозаика со второй покрывает хор и постепенно поднимается, чтобы покрыть основание кафедры. Там появляются жемчужные кресты, окруженные оленями и другими животными. Надпись фрагментарна.

Рис. 3. Здание музея.

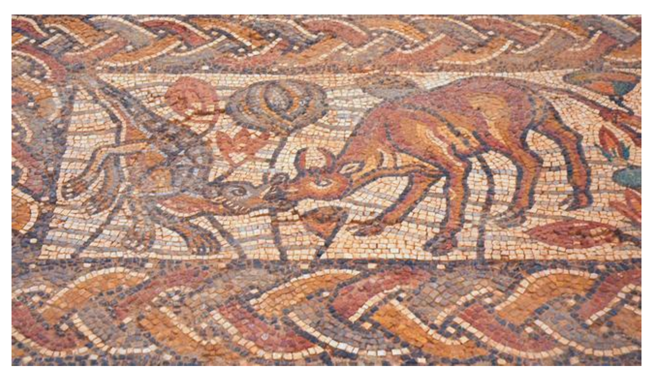

Рис. 4. Панели, размещенные в экспозиции музея.

ВОСТОЧНАЯ ЦЕРКОВЬ.

Притвор

Захватывающие сцены мозаики сохраняют проблеск жизни, как это было в древней Киренаике, включая нильскую сцену с крестьянином, стремящимся спасти своих любимых коров от челюстей крокодила. Другие сцены включают богинь, нимф, реки, здания, гимны, музыкантов, животных (включая павлинов, страусов, верблюдов и лошадей), морские корабли и лодку.

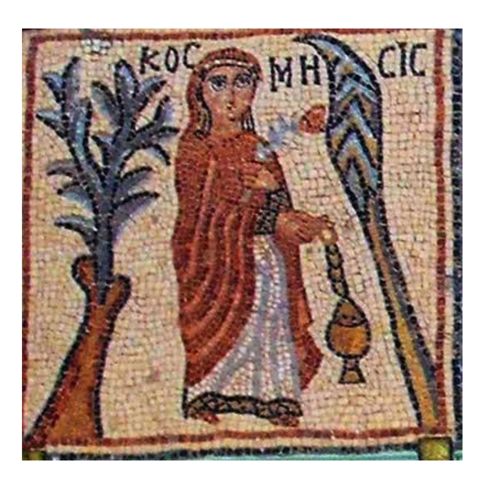

Центральный неф из 50 мозаичных панелей

1. Kosmisis
2. Ktisis
3. Нимфа Касталия
4. Ananeosis
5. Новый город (Thedo)
6. Всадник
7. Церковь с завесой
8. Замок
9. Сатир
10. Музыкант с собакой (Орфей)
11. Тритон с трезубцем
12. Корзина и 4 птицы
13. Фаросский маяк
14. Олень и фруктовое дерево
15. Спящий олень
16. Лев
17. Страус
18. Львица
19. Орел и антилопа
20. Олень пожирает змею
21. Медведь
22. Утка и крокодил
23. Бык
24. Зебра
25. Дикая зебра
26. Нильская сцена и лотос
27. Гихон – олицетворение Нила
28. Фисон – олицетворение Данубия
29. Нильская сцена
30. Река Евфрат

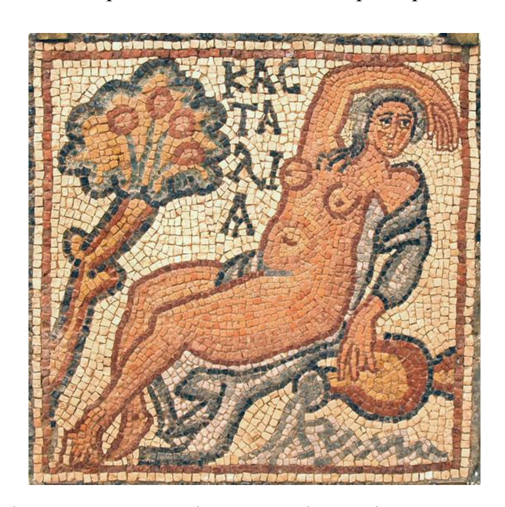
31. Нильская сцена
32. Река Тигр
33. Амфибия
34. Амфибиеобразный монстр
35. Лодка и два рыбака
36. Сернобык
37. Антилопа
38. Панель Основания – 539 год
39. Леопард
40. Бык
41. Рыбы и еж
42. Рыбы
43. Рыбы и раковина
44. Конь
45. Страус
46. Павлин
47. Две птицы и ваза
48. Три рыбы и лобстер
49. Краб, рыба и кальмары
50. Баран

Панель 1. Kosmisis

Панель 2. Ктисис (Божество Основания). Олицетворение щедрости и пожертвования, выраженное ветвью, которую она держит правой рукой, и как таковая она может рассматриваться как реинкарнация Исиды (Kt-Isis) – богини сельского хозяйства. Особенности Ktisis и тканей определенно выражают ее ливийский характер.

Панель 3. Нимфа Касталия. Нимфа из Дельф, нимфа пророческого источника Дельфийского Оракула на горе Парнас в Греции, выглядит очень расслабленной. Ее имя означало: kass- (сшитая), в связи с тем, что два источника были мифически связаны: река в Этолии Ахелой вышла из горы Парнас как Кассотис, а затем она вновь появляется как источник Касталия. Считалось, что вода из источника Кассотис в Дельфах давала жрице храма силу пророчества.

Панель 4. Ananeosis: украшенная женщина в закрытом навесе

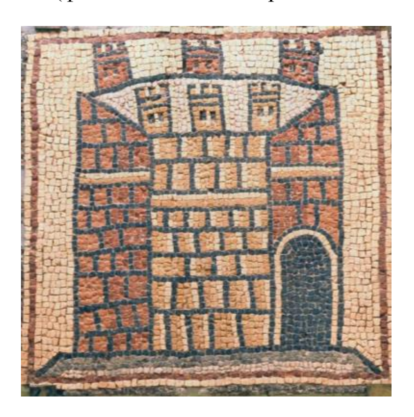
Панель 5. Новый город (Феодориада)

Панель 6. Всадник

Панель 7. Церковь (фасад Восточной церкви с тканевыми завесами)

Панель 8. Замок

Панель 9. Сатир.

Панель 10. Музыкант с собакой (Орфей)

Панель 11. Тритон с трезубцем

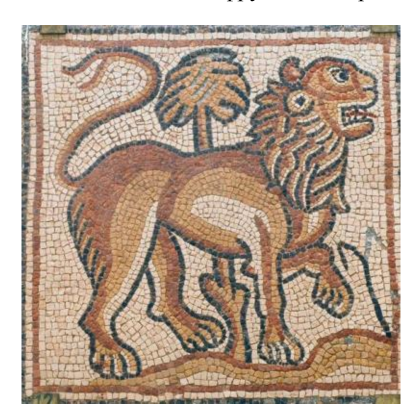
Панель 12. Корзина и 4 птицы

Панель 13. Фаросский маяк

Панель 14. Олень и фруктовое дерево

Панель 16. Лев

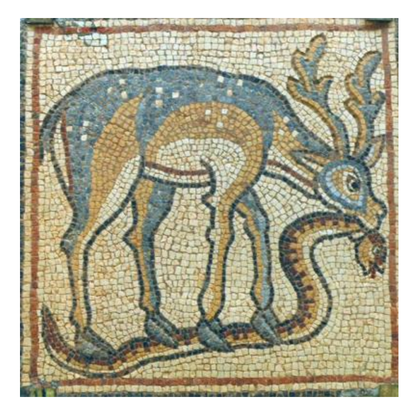
Панель 17. Страус

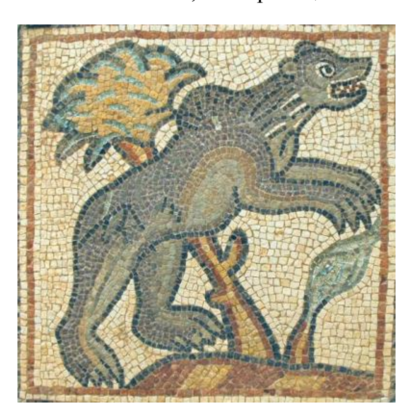
Панель 18. Львица

Панель 19. Орел и антилопа

Панель 20. Олень, пожирающий змею

Панель 21. Медведь (нападающий)

Панель 22. Утка и крокодил (Нильская сцена)

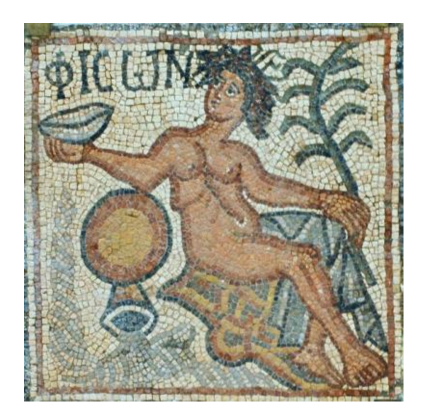
Панель 23. Бык

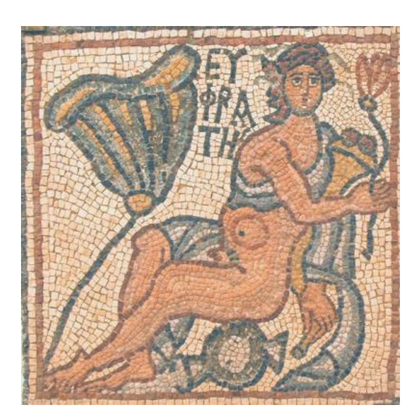
Панель 26. Нильская сцена и лотос (фламинго, рыбы, лотос)

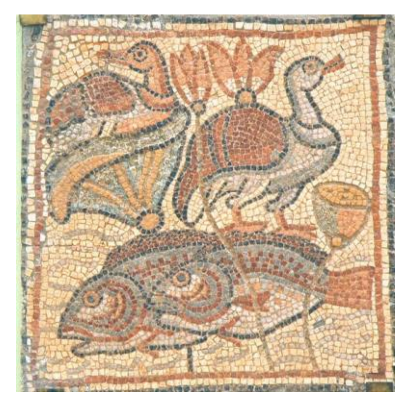
Панель 27. Гихон – бог Нила

Панель 28. Фисон

Панель 30. Евфрат

Панель 31. Нильская сцена

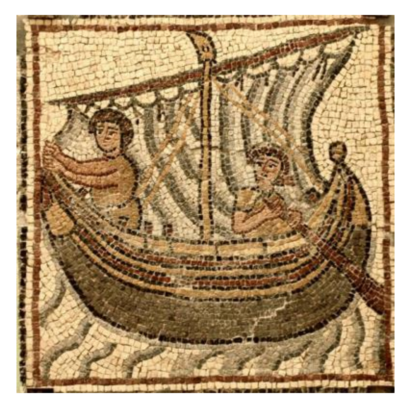
Панель 32. Река Тигр

Панель 33. Амфибия

Панель 34. Амфибиеобразный монстр (и раковина)

Панель 35. Лодка и два рыбака

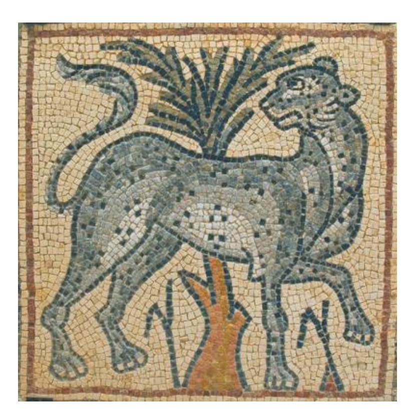
Панель 36. Сернобык

Панель 37. Антилопа (на заднем плане гранатовое дерево)

Панель 38. Переоснование города 539 г.

Панель 39. Леопард

Панель 40. Бык

Панель 41. Рыбы

Панель 42. Рыбы и еж

Панель 43. Рыбы и раковина

Панель 45. Страус

Панель 46. Павлин

Панель 47. Две птицы и ваза (с гранатовым деревцем)

Панель 48. Три рыбы и лобстер

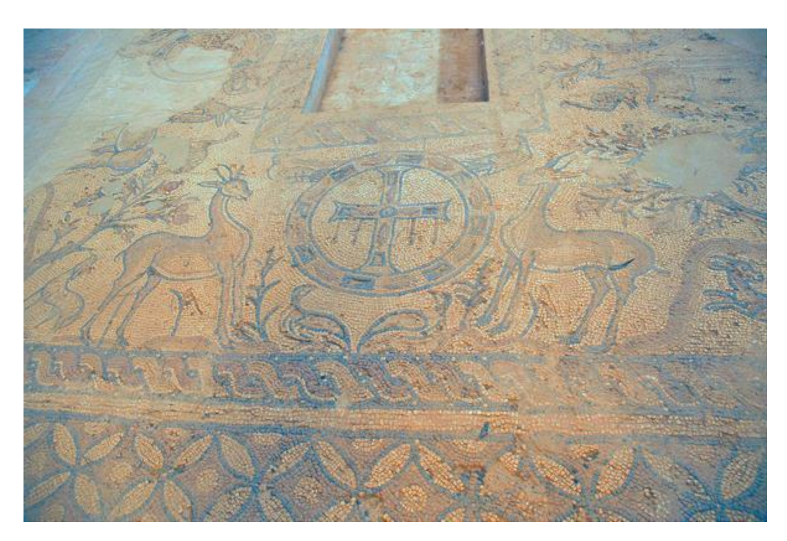

Панель 49. Краб, рыба и кальмар

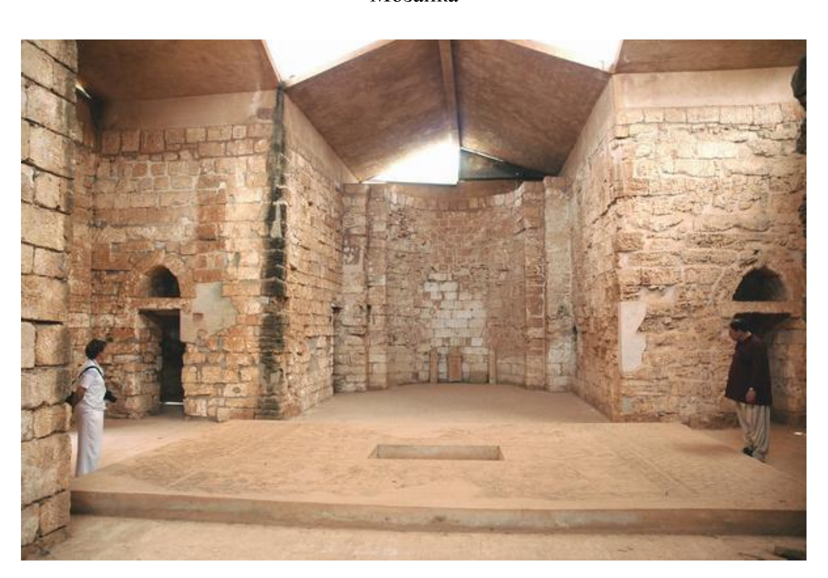

Панель 50. Баран

ЗАПАДНАЯ ЦЕРКОВЬ

Мозаика

Апсида

Мраморная декорация

По сравнению с Восточной Западная церковь немного разочаровывает. Единственная сохранившаяся мозаика показывает крест между двумя оленями. Это общий художественный мотив, относящийся к Псалму 42: «Как олень, который жаждет потоков воды, моя душа жаждет тебя, Боже». Хотя и украшенная менее красивыми мозаиками, чем ее восточная копия, Западная базилика лучше сохранилась, позволяя посетителю увидеть мозаику на месте. Здание имеет форму креста, что является архитектурным новшеством VI века.

В целом, город Феодориада заслуживает внимания историков Ранней Византии, как город, посвященный императрице (помимо провинции Феодориада в Приморской Сирии), а также как важный комплекс ранневизантийской мозаики.

THEODORIAS NEAPOLIS (OLBIA) IN CYRENAICA AND HER MOSAICS

N.N. Bolgov

The work examines the archaeological complex of the city of Theodorias in Cyrenaica, re-founded by Justinian in 539. The main monuments of the city are two churches with an extensive complex of mosaics that allow to trace the evolution of early Byzantine art.

Key words: Theodorias, Cyrenaica, Justinian, Theodore.

НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЗДНЕАНТИЧНОГО СИДЕ

С.Н. Прокопенко (Белгород)

В статье рассмотрены некоторые вопросы археологии позднеантичного города Сиде, столицы Восточной Памфилийской провинции. В исследовании выделены детали археологического изучения города в последние восемь лет.

Ключевые слова: Памфилия, Сиде, город, базилика.

Античный город Сиде был основан одним из первых в Памфилии при заселении региона выходцами из Западной Анатолии в VII в. до н.э. (*Strabo.* XIV. 4. 2). Город динамично развивался на протяжении всего античного периода, наивысшего расцвета достигнув в I–III вв., заняв полуостров протяженностью 1 км с севера на юг и 650–800 м с востока на запад.

В позднеантичное время городская среда Сиде переживала неоднократную трансформацию. Эти изменения трудно проследить – в письменных свидетельствах их недостаточно, чтобы можно было сделать хотя бы предварительные выводы. Главная роль в исследовании урбанизированных структур города отводится археологическим источникам и их интерпретациям.

Систематическое археологические изучение города началось в 1947 г. и продолжалось ежегодно до 1966 г. под руководством А.М. Манселя[1]. С. Эйс отвечал за исследование византийских церковных зданий города. Раскопки выявили надписи, многие из которых были датированы позднеантичным временем. Многие ученые отмечали спорность некоторых датировок, что усложняет хронологическое определение развития и трансформации городских зданий и инфраструктуры. После небольшого перерыва, уже в 1980-е гг., масштабные исследования продолжились под началом Министерства культуры и туризма Турции с привлечением большого количества ученых.

В последние восемь лет археологические изыскания в Сиде велись в сотрудничестве Министерства культуры и туризма Турции с Анатолийским университетом, Провинциальным культурно-туристическим управление Антальи, администрацией Манавгата, муниципалитета Сиде, Археологического музея г. Сиде и музея Антальи.

Объектами исследования 2010–2018 гг. выступали, в основном, уже когда-либо изученные памятники. Главная задача археологов сво-

[1] *Mansel A.M.* Die Ruinen von Side. Berlin, 1963. 202 S.; *Mansel A.M.* Side. 1947–1966 Yılları Kazıları ve Araştırmaları Sonuşları. Ankara, 1978. 347 s.

дилось к доисследованию памятников, сбору максимального количества данных о них с целью уточнения их форм, хронологии и структуры. Особенно это актуально в отношении позднеантичных (ранневизантийских) памятников, которые ученые выделяли особым образом.

В 2010 г. в результате археологического изучения храма Диониса было установлено, что во второй половине IV в. была сделана радикальная его перестройка, вероятно, связанная с постройкой восточной оборонительной стены[1]. В театре и вокруг него в результате археологических исследований были выявлены остатки производства стекла. За храмом Диониса обнаружены остатки, возможно, принадлежавшие печи, которая использовалась в работе по производству стекла. Найдено большое количество стеклянных слитков, отходов стеклянного производства, фрагменты брака стекольного производства, фрагменты стен из демонтированных печей. Все это свидетельствует в пользу оформления в позднеантичное время в районе театра квартала ремесленников, стеклодувов[2].

В сезон раскопок 2011 г. были завершены уточнения византийских религиозных структур Сиде. Текущие работы проводились в рамках каталогизации и оценки памятников. Исследователи пришли к выводу, что самая ранняя церковь Сиде – это трехнефная базилика, расположенная в портовом районе, которая может быть датирована V в. [3]

В итоге археологического изучения городища было выяснено, что самым важным религиозным центром города для византийского периода является Епископский дворец[4]. Установлено, что главная базилика дворцового комплекса была трехнефной и сооружена была в VI в. Пристроенное здание с северо-востока от церкви, состоящее из трех помещений, получило подтверждение своего функционального наполнения как баптистерий[5]. К югу от церкви были расположены помещения с административными функциями.

Очень важные исследования прошли в 2013 г.[6] На этот раз внимание ученых привлекла позднеантичная фортификационная система «Аттия Филиппа». Датировка стены вызвала множество дискуссий в научном сообществе, и предлагаемые даты варьируются от IV до

---

[1] *Hüseyin Sabri Alanyali*. Side 2010. Excavations at Side in 2010 // ANMED. News Bulletin on Archaeology from Mediterranean Anatolia. 2011–9. P.101.

[2] Ibid. P.107.

[3] *Hüseyin Sabri Alanyali*. Side 2011 Yılı Çalışmaları // Kazi Sonuçlari Toplantisi. 34. Cilt 3. Çorum, 2012. P. 205.

[4] *Атвур. О*. Сиде. Анталия, 2008. С. 42–43.

[5] *Hüseyin Sabri Alanyali.* Side 2011 Yılı Çalışmaları… P. 209.

[6] *Hüseyin Sabri Alanyali*. Excavations and Research at Side in 2013 // ANMED. News Bulletin on Archaeology from Mediterranean Anatolia. 2014–12. P. 94.

XII вв. Однако, различные варианты датировки стены без опоры на археологический материал сами по себе крайне дискуссионны. Например, А.М. Мансель датировал сооружение стены IV в. только на основании строительной надписи Аттия Филиппа[1]. Клайв Фосс датировал стену VII–VIII вв.[2]

Некоторые данные о времени сооружения стены были получены еще в 2009 г. В результате археологических работ в окрестностях театра, особенно исследования храма Диониса, показали, что лестница к югу от храма была разобрана после третьей четверти IV в. Затем на данной территории была произведена нивелировка и построены хозяйственные помещения. Храм Диониса как архитектурное сооружение окончательно прекратил свое существование в середине VI в. Тот факт, что архитектурные детали храма были вторично использованы в фортификации, позволяет утверждать, что стена уже существовала в первой половине VI в. Чтобы проверить данное утверждение и обнаружить новые доказательства, в 2013 г. были предприняты археологические исследования с внешней стороны стен рядом с башней № 2 и на территории археологического музея[3].

Исследования базилики АА в 2013 г. были посвящены предстоящей реконструкции здания. В результате изучения ниши № 12 в Северном проходе было доказано, что ниша служила в свое время погребальным целям. Были обнаружены останки двух людей, но никакого погребального инвентаря обнаружено не было, поэтому датировать погребения не представляется возможным. В 2006 г. было установлено, что некоторые ниши в Южном проходе также использовались для захоронения. В 2013 г. были изучены и Восточные ворота. На основе анализа артефактов ученые пришли к выводу, что активное использование ворот не выходит за пределы VI в. Данное утверждение согласуется с теми данными, которые были получены учеными в предыдущее время[4].

Новые археологические исследования дают много интересного материала для анализа исторического развития города Сиде в позднеантичный период. В некоторых случаях результаты изучения археологических памятников и артефактов опровергают ряд положений, быто-

---

[1] *Mansel A.M.* Side. 1947-1966 Yılları Kazıları ve Araştırmaları Sonuzları… P.133.

[2] *Foss C.* Attius Philippus and the Walls of Side // Zeitschrift fur Papyrologie und Epigraphik № 26. 1977. S. 172–180.

[3] *Hüseyin Sabri Alanyali.* Excavations and Research at Side in 2013… P. 95–96.

[4] См., например: *Mansel A.M.* Side. 1947-1966 Yılları Kazıları ve Araştırmaları Sonuзları… P. 204.

вавших в науке во второй половине XX в. Иногда археологи получают материал, который подтверждает высказанные ранее предположения.

Главный вызов, который стоит перед современными археологами, изучающими позднеантичный город Сиде, заключается в максимальном извлечении исторической информации из памятников древности и обеспечение их сохранности и защиты. В современных условиях ведения повседневной хозяйственной деятельности на территории городища – это крайне актуально.

RECENT ARCHAEOLOGICAL STUDIES OF LATE ANTIQUE SIDE

S.N. Prokopenko

In the article the questions of the archaeology of late antique city of Side, capital of the Eastern Pamphylian provinces. The study highlights the details of the archaeological study of the city in the last eight years.

Key words: Pamphylia, Side, cities, basilica.

ΦΥΣΙΣ И ФИЗИОГНОМИКА У ПОЗДНЕАНТИЧНЫХ АВТОРОВ: ПОРТРЕТ ИМПЕРАТОРА АРКАДИЯ У ФИЛОСТОРГИЯ, ЗОСИМА, СОКРАТА СХОЛАСТИКА И СИНЕЗИЯ КИРЕНСКОГО

А.В. Зибаев (Саратов)

В статье рассматривается личность императора Аркадия глазами современников и ближайших потомков. Филосторгий следовал традициям античной физиогномики для объяснения причин недееспособности правителя. Большое внимание уделяется терминам νώθεια и φύσις в контексте их употребления.

Ключевые слова: природа, физиогномика, Аркадий.

Важную роль античной физиогномики в познании природы человека отмечал И. К. Лафатер, заложивший основы криминальной антропологии. Он исполнил пожелание Ф. Бэкона создать единую науку о человеке, частью которой была бы физиогномика. Для Лафатера она – язык ангелов, а его труд – ключ к осознанию человеком своего высшего «Я». В это время учебники по физиогномике считались незаменимым практическим руководством в любых жизненных обстоятельствах. И Лафатер подверг сомнению идею о лженаучности физиогномики[1].

---

[1] *Лафатер И. Г.* Сто правил физиогномики / пер. с нем. Н. Скородума. М., 2008. С. 12.

Г. К. Лихтенберг отрицал право физиогномики называться наукой, так как многие черты внешности часто не соответствуют приписываемым им чертам характера человека[1]. Ч. Р. Дарвин сделал попытку реабилитировать древнюю науку. По его словам, старинные трактаты и труды многих его современников послужили основой для его собственных изысканий в области определения характеров людей[2]. Заслуга Ч. Р. Дарвина и И. К. Лафатера состояла в использовании достижений физиогномики в современной им физиономике, психологии и зоологии.

Античная физиогномика была уникальным явлением духовной сферы общества, оказавшей большое влияние на сочинения римских и греческих историков, философов, поэтов, юристов. У христианских авторов она воспринималась неоднозначно. Православные христиане считали её частью гаданий по лицу человека, что не мешало использовать её методы в построении доказательств в полемике с противниками. Так, Григорий Нисский обращался к «Физиогномике» Аристотеля для описания «словесной» природы человека[3], которая связывала прямохождение человека с особой ролью рук, свободных при таком положении тела. Церковная историографии поставила проблему места человека в природе (и ойкумене). Евсевий Кесарийский не помещал физиогномические описания в текст своей «Церковной истории» и «Жизни Константина Великого». Его ближайшие последователи также избегали описания соотношения внешности человека и его характера: Сократ Схоластик, Созомен Саламинский и Геласий Кизикский описывали не внешность, а внутренние качества религиозных и политических деятелей.

Особое место среди церковных историков V в. занимает Филосторгий, который в историописании стремился следовать классическим греческим и римским образцам. Подобно Геродоту, он обладал пытливым умом, часто делал полные смысла обобщения, в его лице перед нами чаще выступает не художник, а оригинально и глубоко мыслящий ученый муж[4]. Пытаясь разобраться в причинах катастрофическо-

---

[1] *Lichtenberg G. K.* Über Physiognomik, wider die Physiognomen: zu Beförderung der Menschenliebe und Menschenkenntnis. Göttingen, 1778. S. 2145.

[2] *Дарвин Ч.* О выражении эмоций у человека и животных. СПб., 2001. С. 3–26.

[3] См.: *Щипина Р. В.* Григорий Нисский. Создание канона. СПб., 2013. С. 175.

[4] См.: *Борухович В. Г.* Научное и литературное значение труда Геродота // Геродот. История. Л., 1972. С. 475; *Jacoby F.* Herodotos // Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Stuttgart, 1913. Suppl. II. Sp. 205–265 и др.

го положения западной половины Римской империи и тяжелого положения восточной, он анализировал личности правителей по всем правилам античной физиогномики, отражавшей единство души и тела человека. Основная идея, заложенная в ней, не противоречила религиозным взглядам евномиан.

В кн. XI Филосторгий упоминает правление первого императора Восточной Римской империи Аркадия и евнуха Руфина, оказывавшего на молодого правителя большое влияние[1]. По его мнению, Руфин хотел захватить императорскую власть и имел предсказания астрологов на этот счет. Их слова не сбылись, и он был изрублен воинами у стен дворца в Константинополе. По словам Филосторгия, Руфин был высокого роста и мужественен. Его взгляд и находчивость в слове выказывали ум. Император Аркадий, напротив, рост имел малый, тело сухощавое, силы слабые и лицо смуглое. Вялость души изобличали его речь и свойство глаз (οἵ τε λόγοι διήγγελλον καὶ τῶν ὀφθαλμῶν ἡ φύσις), которые у него сонливо и болезненно закрывались (Philostorg. XI.3).

Личные качества и внешность императора Аркадия (395–408 гг.), сына Феодосия I Великого, не привлекали большого внимания древних авторов. Свидетельства современников и ближайших потомков были неоднозначны. Так, Зосим (кон. V – нач. VI вв.) сдержанно оценивал политику императора, считая его зависимым от мнения Руфина. В V кн. «Новой истории» историк описывает бедствия восточной части Римской империи и дает небольшой пассаж о личности Аркадия. После убийства евнуха Руфина в 399 г. его место занял Евтропий, ставший препозитом священной опочивальни (praepositus sacri cubiculi). Гайна, по происхождению гот и арианин по вероисповеданию, получил должность магистра армии (magister militum)[2] и значительные военные силы. Е. П. Глушанин обращает внимание на замет-

---

[1] В историографии император, в целом, получил негативные оценки; см.: *Jones A. H. M.* The Later Roman Empire, 284–602. Oxford, 1964. Vol. I. P. 173; *Demandt A.* Die Spätantike: Römische Geschichte von Diocletian bis Justinian, 284–565 n. Chr. München, 1989. S. 169-190; *Cameron A., Long J.* Barbarians and politics at the Court of Arcadius. Berkeley, 1993. P. 318.

[2] См.: *Банников А. В.* Римская армия в IV столетии (от Константина до Феодосия). СПб., 2011. С. 169; *Берхем Д. ван.* Римская армия в эпоху Диоклетиана и Константина. СПб., 2005. С. 52; *Jones A. H. M* Op. cit. Vol. II. P. 640–646; *Demandt A.* Magister militum // RE. Suppl. Bd. XII. 1970. Sp. 560-567; *Беда Р. А.* Военная знать Ранней Византии в послеюстиниановскую эпоху (565–641 гг.): дисс. … канд. ист. наук. Барнаул, 2015.

ную варваризацию командного состава восточной армии[1]. Гайна стремился к власти и для этого заключил тайный союз с готом Трибигильдом, командовавшим варварскими отрядами во Фригии. Трибигильд покинул Константинополь, делая вид, что направляется во Фригию, чтобы сделать смотр своих войск. Когда же варвар принял командование над ними, он начал убивать местное население и грабить города. Согласно Зосиме, в сложившейся ситуации Аркадий не проявил выдающихся личностных качеств. Получив предупреждение о всеобщем бедствии, император «остался полностью бесстрастен, обессилев от своей крайней глупости. Он не понимал, какие меры необходимо предпринять, поэтому передал Евтропию власть над всем государством (τὴν πᾶσαν ἔδωκε τῆς βασιλείας[2] – Zosim. Hist. nov. V.14 – пер. Н. Н. Болгова). Несмотря на достоинства труда Зосима, в нём отсутствовали физиогномические описания, что объясняется самим характером произведения.

Сократ Схоластик написал новацианскую «Церковную историю». По его словам, в невзгодах Восточной империи виноваты религиозные и политические деятели, окружавшие императора. О личности Аркадия Сократ сообщает, что под конец жизни он заслужил славу боголюбимого (θεόφιλος), кроткого (πρᾶος) и миролюбивого (ἡσύχιος) царя (Socrat. Scholast. VI.23). В его труде практически отсутствуют физиогномические описания, которые, по-видимому, были лишними в тексте повествования. Он критически относится ко многим православным религиозным деятелям[3].

Критический взгляд на личность Аркадия представил Синезий Киренский[4] представил в речи «О царстве», где юный император изображен неприглядно. Как поздний софист, Синезий видел идеал в постоянных занятиях возвышенной философией и науками, которые могли бы помочь в возрождении «золотого века» Римской империи. Принципы античной физиогномики были обойдены оратором то ли из-за его боязни говорить правду, то ли по причине незнания основных

---

[1] См.: *Глушанин Е. П.* Военная знать ранней Византии. Барнаул, 1991. С. 99; *Головина О. В.* Германцы в Ранней Византии: дисс. … канд. ист. наук. Белгород, 2017. С. 56–72, 93–100.

[2] См.: *Zosimus*. Historia nova / ed. L. Mendelsohn. Lipsiae, 1887. P. 235–236.

[3] См.: Socratis Scholastici, Hermiae Sozomeni // Migne J. P. Partologiae Graeka, Patrologiae cursus completus. Series Graeka Prior. T. LXVII. 1861.

[4] См.: *Остроумов А.* Синезий, епископ Птолемаидский. М., 1879. С. 198–216; *Demandt A.* Op. cit. S. 137-169; *Dihle A.* Die griechische und lateinische Literatur der Kaiserzeit. München, 1989. S. 464; *Canivet P.* Synesius of Cyrene // New Catholic Encyclopedia. Detroit etc., 2003. Vol. 13. P. 682-683; *Ataia A. S.* Synesius // Coptic Encyclopedia. New York etc., 1991. P. 2192.

принципов древней науки. Избегая прямой критики Аркадия, Синезий отмечает его расслабленность и приверженность удовольствиям, наслаждениям. Он восклицает[1]: «Вы радуетесь только телесным удовольствиям и преимущественно тем, которые более других погружают в материю – наслаждениям вкуса и осязания (μόνας ἡδομένους τὰς τοῦ σώματος ἡδονάς, καὶ τούτων γε τὰς ὑλικωτάτας, ὅσας ἁφή τε καὶ γεῦσις πορίζουσι – Synes. De regn. V.14).

Император, по Синезию, должен быть образцом совершенства. Благодаря своему богатству, числу воинов, обширности государства он – самый могущественный из людей. Но этого нельзя ставить ему в заслугу и считать похвальным, потому что все это – дело удачи. Хвалить человека можно только за его деяния, за его внутренние достоинства.

В издании труда Филосторгия Ж. Биде указал на личные впечатления автора от наблюдений над внешностью Аркадия во время его выступления перед гражданами[2]. Получив риторическое образование, он использовал свои знания в описании характера императора. В фрагменте Philostorg. XI.3 φύσις употреблено в значении *свойства*, одном из основных значений слова.

Ключевое слово в описании Аркадия у Филосторгия – νώθεια (*вялость, косность, лень*). Оно связано с νώθης – *косность, медлительность, жестокость*. Для описания характеров действующих лиц своей «Церковной истории» Филосторгий умело подбирал черты их внешности, которые выражают особенности человеческой души. Как евномианин, он не мог не обращать внимание на λόγος и его проявление у Аркадия. В данном фрагменте это слово обозначает часть божественной сущности в человеке. Чтобы заинтересовать читателя и слушателя, историк обратился к физиогномике, передававшей душевные качества любого человека.

Феофраст использовал νώθης (*медлительность, туповатость*), близкое по значению к νώθεια, чтобы высмеять такой человеческий порок, как *тупоумие* (ἀναισθησία); слово ὕπειξις[3] – более мягкий эквивалент для определения *трусости* (δειλία). *Тупоумие* характеризуется душевной слабостью, проявляющейся в речах и поступках. Трусость,

---

[1] См.: *Synésios de Cyrene.* Texte établi et traduit par C. Lacombrade. Paris, 1978. T. 1.

[2] *Bidez J.* Die griechischen christlichen Schriftsteller der ersten drei Jahrhunderte // Philostorgius Kirchengeschichte. Leipzig, 1913. S. CVI–CXLIII.

[3] См.: *Theophrastus.* The Characters / ed. by J. M. Edmonds. London; New York, 1929. P. 75–77.

по мнению Феофраста, заметна в неспособности гражданина противостоять страху.

Б. Блекманн не увидел связи Филосторгия с античной физиогномикой[1]. Физиогномика в широком смысле есть наука и искусство распознавания как человеческого характера, так и суждения о человеке (и животном) по его внешнему виду[2]. Слово *физиогномика* состоит из двух элементов: φύσις и γνώμη. Кроме значения *природа*, слово φύσις имеет и другие значения: *данные природой внешние формы*, *естественный телесный облик, постоянный фактор, изначально отличный от внутренней сущности* (противопоставление тела и духа).

Во второй части слова обозначен процесс суждения и познания через эти внешние, материальные черты духовного начала личности, ее душевный склад, темперамент, аффекты, поведенческий стереотип. Впервые это слово употреблено Гиппократом, на которого ссылается и Гален. Наличие руководств по физиогномике свидетельствует, что к ней относились как к научной дисциплине, поэтому находились и люди, посвятившие себя ей. Сохранились свидетельства о таких практических физиогномистах.

В основе физиогномики лежит представление о единстве мира, о всеобщей взаимосвязи явлений в природе, вытекающее из непосредственных жизненных наблюдений как над природой в целом, так и над животным миром, в частности. Это позволяет удачно поместить физиогномику в картину мира человека Поздней античности, где она является отражением мироощущения, мировосприятия, миропонимания и мировоззрении. Пользуясь приметами и знамениями, люди предсказывали погоду, волю богов, повороты судьбы и т.п. (народная метеорология, астрология), т.е., через зримое и ведомое они узнавали о неизвестном.

К этому же выводу они приходили, видя всеобщность и повторяемость естественного выражения элементарных человеческих страстей и чувств ужаса, ярости, гнева, отвращения, ликования, радости, любви и ненависти и т.п., когда через явное открывалось скрытое душевное состояние[3]. Особенности внешности людей, их обычаев и поведения легко увязывались с природными условиями и со всем остальным животным миром, за отдельными представителями которого, ве-

---

[1] См. комментарии: *Philostorgios*. Kirchengeschichte / Ed., übersetzt, kommentiert von B. Blackmann und M. Stern. Paderborn, 2015. Bd. I.

[2] *Нахов И. М.* Физиогномика как отражение способа типизации в античной литературе // Вопросы классической филологии. М., 1987. Вып. IX. С. 69–89.

[3] *Илюшечкин В. Н.* Античная физиогномика // Человек и общество в античном мире. М., 1998. С. 441–465.

роятно, со времен родоплеменного тотемизма закрепились определенные характеристики этологического свойства.

Рассмотрим описания внешности Аркадия с точки зрения древней физиогномики. В «Физиогномике» Псевдо-Аристотеля приведен подробный перечень типов внешности и их соотношение со свойствами души человека. Смуглый цвет кожи соотносится с робостью, которая свойственна египтянам и эфиопам.

Античные авторы считали египтян спокойным и уравновешенным народом. По словам Филосторгия, сын Феодосия I имел темный цвет кожи (τὸ χρῶμα μέλας), что соотносилось с представлениями древних о робости. Небольшой рост вместе с сухощавым телосложением также был свойственен слабым физически и душой людям. Важным признаком меланхолика Гален считал болезненные и вечно сонливые глаза – люди такого типа не обладают большим умом.

Таким образом, несмотря на большую популярность физиогномики, использование её основных принципов в исторических сочинениях Поздней античности было не таким частым, как ранее. Описание правления императора Аркадия у Зосима, Сократа Схоластика и Синезия Киренского выдержано в традициях классического историописания. Во многом исключением стал Филосторгий, который, подобно Геродоту, Полибию и Кассию Диону, попытался дать всесторонний анализ личности правителя, не только исходя из его деяний, но и внешности. В употреблении ключевого понятия φύσις в качестве внешности человека, он ориентировался на богатую физиогномическую литературу, написанную под влиянием трактатов Аристотеля.

ΦΥΣΙΣ AND PHYSIOGNOMICS IN LATERANT AUTHORS: PORTRAIT OF THE EMPEROR ARKADY IN PHILOSTORGY, ZOSIM, SOCRAT SCHOLASTIC AND SYNESIOS OF KYRENA

A.V. Zibaev (Saratov)

The article discusses the personality of emperor Arcadius through the eyes of his contemporaries and closest descendants. Philostorgius followed traditions of the ancient physiognomy in explaining the reasons for the incapacity of the ruler. Much attention is paid to the terms νώθεια and φύσις in the context of their use.

Keywords: nature, physiognomy, emperor Arkadius.

ГУННО-ВИЗАНТИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ЭПОХУ ПРАВЛЕНИЯ ФЕОДОСИЯ II

М.Г. Сапожникова (Белгород)

В статье рассматриваются события, связанные с нашествием гуннских племён в Восточную империю в 420–440-е гг. Также освещаются некоторые источники, содержащие информацию о политических отношениях между Феодосием II и Аттилой. Отмечаются изменения в военной структуре и архитектуре, вызванные необходимостью минования серьёзной угрозы.

Ключевые слова: Феодосий II, Аттила, гунны.

Уроки, извлечённые из готского вторжения конца 370-х гг.: от поражения и смерти императора Валента II в битве при Адрианополе, присутствия войск варваров на Балканах и Греции до 407 г. (когда они намеренно продвинулись на запад), указывали на серьёзную опасность, которую представляли кочевники для Византийской империи.

Из-за данной угрозы образовалась следующая военная структура: вводились должности Magistri Militum Иллирика и Фракии, которые обладали многочисленной полевой армией; четыре дукса (dux) с войсками, расположенными вдоль Дуная в провинциях Мёзия Прима, Дакия Прибрежная и Скифия[1]. Это была главная граница, и, несмотря на тревожную обстановку, она сохранилась до царствования Маркиана.

Бедствия в Западной империи в первые годы правления Феодосия, описанные Созоменом в «Церковной истории» были, по крайне мере, частично преувеличены, чтобы подчеркнуть контраст с благочестивым Востоком. После того как Ульдис захватил город Кастра Мартис, большая часть его войска, прослышав о щедрости императора, перешла на сторону римлян. Другая часть варваров была захвачена в плен и отправлена в Константинополь. Некоторые были проданы в рабство, другие поселились в Вифинии, где жили мирно и занимались земледелием. Это были те же люди, которых упоминал Феодосий II в своём письме префекту претория Востока Анфимию от 12 апреля 409 г., в котором регулировались вопросы об их правовом статусе (CTh. V.6.3). Вполне возможно, что, подчеркнув благополучие и безопасность в Византии, Созомен преуменьшил серьёзные разрушения в Иллирике (Soz. IX, 24). Как правило, существовало предписание, по которому финансовый ущерб возмещал дукс[2].

---

[1] *Millar F.* Greek Roman Empire.Power and belief under Theodosius II. Berkeley, 2006. P. 89.

[2] Там же. P. 90.

Очередная угроза, связанная с варварами, датируется 421–422 гг. Поскольку исторических источников по этой волне набегов совсем немного, сложно говорить о серьёзности опасности и масштабах разрушений. Гунны прекратили вторжение, когда император обещал ежегодную дань размером в 350 либр золота[1].

434 год ознаменовался повторным нашествием войска Руа во Фракию. Но в связи со смертью вождя, угроза постепенно исчезла. Феодорит Кирский в своём труде «Церковная история» по этому поводу писал: «Бог бросил с неба громы и молнии и ими истребил как его самого [Роилу], так и всё его войско» (Theodoret. Hist. eccl. V.37).

В 439 г. племена вандалов захватили Карфаген, житницу Римской империи. В Новеллах Феодосия II нет законов или писем его соправителю Валентиниану, в которых бы упоминались разрушительные последствия вторжения вандалов в Сицилию и Италию в 440 г. Сохранились сведения о набеге гуннов в 430-е гг., закончившийся неудачей. В это время наступает новый этап, который характеризуется правлением Бледы и Аттилы. 440-е гг. были глубоким потрясением для Восточной империи. Феодорит Кирский в письме от 447 г. говорит о том, что в качестве наказания за грехи Бог «сотряс землю и послал племена варваров со всех сторон» (Theodoret. Hist. eccl. V.37).

Одним из наиболее полно освещающих гунно-византийские отношения в V в. источников является «Византийская история и деяния Аттилы в восьми книгах» Приска Панийского. Историк повествует о крупных вторжениях гуннов на территорию Римской империи с захватом Новиодуна и крепости Виминация, расположенной на северо-западе Мёзии, а также осадой Наисса. Далее описывается набег на Рациарию, причиной которого стал отказ византийского правительства возвратить бежавших от Аттилы воинов.

Хроника Феофана Исповедника, датируемая IX в. и основанная на сочинении Приска, сообщает о многочисленных завоеваниях кочевников, в том числе, разорении Рациарии, Наисса, Филиппополя, Аркадиополя и других городов региона, кроме Адрианополя и Перинфа (Theoph.103.1). Это привело к тому, что Константинополь дал обещание увеличить размер дани.

Постоянные финансовые выплаты требовали увеличения налогов, взимаемых с населения Византийской империи. Это сопровождалось разорением знатных фамилий и чередой самоубийств (Prisc. frg.5). Многие хронисты осуждали Феодосия Младшего за такую политику и считали, что следовало разбить варваров в сражениях. Одна-

[1] *Kelly J.F.* The Ecumenical Councils of the Catholic Church: history. Colleville, 2009. P. 197.

ко сложность состояла в мобильности кочевников: при подходе имперского войска им удалось бы скрыться. К тому же затраты на карательный поход оказались бы больше, чем трофеи и пленники[1].

О причинах и поводах вторжения 447 г. в источниках нет информации. Вероятно, это было обычным разбоем. Если бы причина была в нарушении условий договора со стороны Византии, Приск обязательно бы упомянул об этом.

По масштабам это нашествие превосходит предыдущее (441 г.) – на этот раз принимали участие в походе не только гунны, но и представители завоёванных народов. В это время империя была ослаблена волной землетрясений: рушились целые города, реки либо выходили из берегов, либо высыхали. Имперская армия во главе с Арнегисклом в генеральном сражении на реке Утус была разбита. Варвары также понесли тяжёлые потери[2].

Аттила разделил своё войско на две части – первая заняла город Анфир, расположенный неподалёку от столицы империи, вторая часть добралась до Фермопил[3]. В сражении при Фракийском Херсонесе римская армия вновь была разбита несмотря на то, что в этот раз на её стороне бились и исавры. Тем не менее, набег 447 г. ослабил гуннов, и они согласились заключить договор с Византией[4].

Правительство Феодосия боролось с гуннами не только с помощью денежных выплат. Евнух Хрисафий, имевший большое влияние на императора в последние годы жизни, задумал убить Аттилу. Однако замысел не удался, было снова отправлено посольство с богатыми дарами (Prisc., fr.12).

Отрывок, который предлагает наиболее точное представление о том, какими могли быть последствия долгосрочного вторжения Аттилы для Византийской империи, сообщает: «Эдекон, германец, отличившийся на войне, в качестве посла прибыл ко двору Феодосия II вместе с Орестом, римлянином по происхождению. Императору было передано послание вождя, в котором римляне обвинялись в укрытии беглецов, кроме того, было поставлено ещё одно условие: если не прекратится возделывание византийцами земли, завоёванной варварами во время войны, то последние снова возьмутся за оружие. Эта территория простиралась вдоль Дуная от Паннонии до города Новы во Фра-

---

[1] *Томпсон Э.* Гунны. Грозные воины степей / Пер. Л.А. Игоревского. М.: ЗАО Центрполиграф, 2008. С. 235.

[2] Там же. С. 115.

[3] *Кулаковский Ю.А.* История Византии. Т.1. 3-е изд., исправ. и доп. СПб.: Алетейя, 2003. С. 261–262.

[4] Там же.

кии. Кроме того, Аттила заявил, что рынок следует перенести из Иллирии в Наисс, который выступал в роли пограничного пункта между римской и гуннской территорией» (Prisc. fr.12).

Отсюда вытекают важные моменты. Лагерь вождя должен располагаться севернее Дуная, а граница, предложенная в послании, находится в нескольких сотнях километров к югу от реки[1]. В тексте «западные римляне» обозначены как самостоятельная единица; дипломатические отношения двух империй с Аттилой пересекаются.

Точные даты неизвестны, но, во всяком случае, повествование приближает читателя к моменту неожиданной смерти Феодосия Младшего в июле 450 г. В первый год правления Маркиана угроза со стороны гуннов всё ещё присутствовала. Но в 451 г. Аттила отправился в поход на запад, чтобы разбить галлов, а в 453 г. он внезапно умер. Таким образом, дунайская граница империи оказалась в безопасности.

Подводя итог, важно сказать, что, несмотря на критику со стороны своих современников, Феодосий Младший проводил оптимальную политику в отношении гуннов, ведь разбить варваров в открытых сражениях было почти невозможно. Бесконечные набеги кочевников достаточно сильно истощили империю: были разрушены многие крупные города, уничтожены посевы на полях, постоянное снаряжение посольств требовало огромных денежных расходов, а выплата дани кочевникам влияла на увеличение налогов во много крат, что порой приводило к большому числу самоубийств, обанкротившихся граждан. Кроме военных действий, имела место и тонкая дипломатия.

HUN-BYZANTINE RELATIONS
DURING THE REIGN OF THEODOSIUS II

M.G. Sapozhnikova

The article discusses events related to the invasion of Hun tribes into the Eastern Empire in the 420–440s. It also highlights some sources containing information about political relations between Theodosius II and Attila. Changes are noted in the military structure and architecture, caused by the need to avoid a serious threat.

Keywords: Theodosius II, Attila, the Huns.

---

[1] *Александрова Т.Л.* Византийская императрица Афинаида-Евдокия. СПб.: Алетейя, 2018. С. 115.

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОМ ПРОИСХОЖДЕНИИ ЕГИПЕТСКИХ МОНАХОВ

С.А. Ткаченко (Белгород)

В статье рассматриваются сословия, которые пополняли состав монашеского общества в византийском Египте. Приводятся письменные, археологические источники и косвенные свидетельства, по которым мы можем судить о неоднородности монашеской среды.

Ключевые слова: монахи, сословия, монастыри, Ранневизантийский Египет.

На сегодняшний день невозможно полностью изучить вопрос о социальном происхождении монахов. Несмотря на большое количество различных источников, находящиеся в них данные недостаточны для проведения статистического анализа. Поэтому определить, сколько монахов происходило из сельской среды, а сколько из городского населения точно не получится. Однако итоговые данные будут являться, пусть и не точными, но близкими к истине результатами.

Согласно устоявшемуся мнению, египетские крестьяне, принявшие монашеский постриг, были коптами[1]. Это утверждение опирается на то, что вся знать византийского Египта была этническими греками, а простое сельское население являлось по составу коптским. Это предположение является логичным, поскольку, действительно, со времен первых Птолемеев административную, финансовую верхушку египетского общества составляло греческое население, а большинством остального населения являлись копты. Поэтому и сложилось такое представление о большинстве коптов-крестьян над образованными греками в монашеской среде.

Мы даже имеем подтверждение – одна из апофегм Альфабетикона, которая наглядно показывает положение египтян по отношению к греческому населению. Неизвестный спрашивает у блаженного Арсения: «Как мы, обладая такой мудростью и знаниями, не можем получить никакой пользы, в то время как эти деревенщины, эти египтяне, имеют такие достоинства?». На что авва Арсений отвечает ему: «Нам стоит отказаться извлекать выгоду от познания мира, эти деревенщины, эти египтяне, благодаря своим страданиям и смирению обрели свои достоинства».

Однако такое неравенство не было повсеместным, как это выражено в тексте. В Египте существовала коптская элита, которая со

[1] *Bartelink G.J.M.* La Storia Lausiaca. Milan, 1975. P. 326.

временем росла и усиливала свое влияние, знала греческий язык и была культурно близка к грекам. Это помогло коптам создать свою национальную литературу. Безусловно, коренная элита не являлась доминирующей по сравнению с греческой, которая состояла из богатых и зажиточных людей, работающих в аппарате власти. Но также и не стоит придерживаться того мнения, что все копты были крестьянами. Если учесть этот факт, следует признать, что преобладание коптов в монашеской среде не доказывает, что подавляющее большинство монахов были крестьяне, хотя их было, несомненно, больше всех, чему способствовал общественный уклад того периода[1].

В 364 г. императоры Валентиан I и Валент II сделали первый шаг к превращению куриалов в неполноправное податное сословие. Они обязали куриалов, принимающих духовный сан, оставлять имущество своим родственникам с тем, чтобы они могли занять их место (в течение века их положение еще больше ухудшится). В 370 г. группа куриалов была сослана в Египет и пострижена в монахи, поскольку они нарушили закон: не передали свое имущество родственникам после вступления в церковную должность. О численности этой группы сведений нет, вероятно, она была немногочисленной. Однако этот факт говорит нам о том, что в монашеской среде имела место и городская римская знать[2].

Также необходимо учитывать археологические источники, найденные в монастырях Нижнего Египта – Келлия, Наклун и Эсна во второй половине XX в. В указанных монастырских комплексах были найдены кельи VI–VII вв., внутреннее убранство и размер которых позволяют нам с высокой степенью уверенности говорить, что это были кельи людей, у которых имелись средства для постройки таковых. Несмотря на то, что монах должен был вести аскетический образ жизни, не должен иметь никаких стяжаний и имущества, кельи были построены в соответствии с моделями домов богатых людей. Стены внутри были покрыты фресками, содержащими сцены светского характера. Останки керамической посуды (в Наклуне найдены остатки дорогих тканей и книг) также свидетельствуют о богатстве монахов, живших в них. Однако большинство келий – предельно простые по строению и не имеют росписей внутри.

В указанных монастырях имущество делилось на общественное и частное. Богатые люди, желающие стать монахами, вкладывали

---

[1] *Camplani A.* Momenti di interazione religiosa ad Alessandria e la nascita dell' élite egiziana cristiana. Pisa, 2003. P. 31–42.

[2] *Husson G.* L' habitat monastique en Égypte à la lumière des papyrus grecs, des textes chrétiens et de l'archéologie. Cairo, 1979. P. 191–207.

деньги в постройку своей кельи, а не делали пожертвование общине, что и отразилось в появлении «богатых» и «бедных» келий в данных монастырях. Наличие «богатых» келий объясняется отсутствием у монастырей строгого монашеского устава, наподобие устава Шенуте Атрипского[1].

Также мы можем предположить, что египетское монашество формировалось из высших слоев общества, благодаря существованию коптской книжной культуры, которая получила свое развитие во многом благодаря монастырям. Именно в них переводились евангелия, апокалипсисы, апокрифические деяния апостолов, трактаты, послания, поучения, толкования на коптский язык. Помимо переводов существовали оригинальные коптские тексты (хотя количественно они уступали переводам с других языков). Переводить, переписывать, писать тексты должны были грамотные люди, а в этот исторический период грамотой владели преимущественно знатные и богатые[2].

Стоит отметить, что помимо крестьян и представителей высших слоев общества в монашескую среду попадали и ремесленники, поскольку монастырь представлял собой маленькую копию города, где у каждого члена общины были свои занятия и обязанности, которые мы можем четко проследить по уставу аввы Шенуте. В обязанности монахов входили: плетение веревок, шитье одежды, строительство, лечебное дело, изготовление домашней утвари, приготовление еды, и многое другое, чему не каждый обычный человек мог научиться без специальной подготовки и опыта работы[3].

Таким образом, египетское монашество не было однородным по своему социальному происхождению. Его пополняли люди из разных социальных и этнических групп, что нам удалось выяснить, благодаря письменным и археологическим источникам, а также косвенным доказательствам. Несомненно, большинство монахов происходило из крестьян, что было обусловлено характером хозяйства региона и историческим периодом. Также среди монахов можно было найти выходцев из ремесленников и коптской и греческой знати.

---

[1] *Rassart-Debergh M.* La peinture des ermitages. Sa place dans l'art copte. Dijon, 1988. P. 32–43.

[2] *Johnson D.W.* The Dossier of Abba Zenobios. Orientalia, 1989. P. 202.

[3] *Wipszycka E.* Moines et communautés monastiques en Égypte, IVe–VIIIe siècles. Warsaw, 2009. P. 355–360.

TO THE QUESTION OF THE SOCIAL ORIGIN OF THE EGYPTIAN MONKS

S.A. Tkachenko

The article discusses the estates that replenished the structure of monastic society in Byzantine Egypt. Written, archaeological sources and circumstantial evidence are given by which we can judge the heterogeneity of the monastic environment.

Key words: monks, estates, monasteries, Early Byzantine Egypt.

К ВОПРОСУ О НАСЛЕДОВАНИИ СЕНАТОРСКОГО ТИТУЛА В ВИЗАНТИИ IV-VI ВЕКОВ

А.Ю. Островский (Белгород)

В статье рассматривается причины стабильности сенаторской власти. Приводятся примеры двух влиятельных семей, все члены которых, по мужской линии, носили сенаторский титул. Выделяются особенности в наследовании данных титулов в Византии IV–VI вв.

Ключевые слова: Сенат, Византия, история.

В настоящее время доподлинно известно о том, что сенаторские звания были напрямую связаны как с военно-административным аппаратом, так и со службой при дворе. Все это дает повод полагать, что сенат Византии имел неоднородную структуру своих членов, которые состояли не только из представителей аристократии, но и из административных служащих. В самом деле, сенат Константинополя никогда не был похож на римский исключительностью положения своих членов. Более того, сенаторское звание в Византии не принадлежало к наследственным. В ряде случаев оно даже не являлось пожизненным.

Однако на основе просопографического материала можно выявить, что нестабильность в положении сенаторов была весьма относительной, так как начиная с IV в. в Константинополе начинают формироваться сенаторские династии. Некоторые из них вели свою историю несколько столетий, что само по себе является удивительным фактом.

Нельзя сказать, что эти сенаторские фамилии составляли в сенате подавляющее большинство, но все же материал подобного рода носит достаточно массовый характер. Показательно, что там, где имеется возможность проследить нисходящие генеалогические линии сенаторов (в большинстве же случаев подобные данные отсутствуют), оче-

видна строгая преемственность принадлежности членов данной фамилии к одному и тому же социальному слою – сенаторскому.

Учитывая вышесказанное, можно сделать заключение, что сенаторские фамилии были «ключом» к стабильности сената, но это не сходится с самой концепцией «ненаследовательности звания», на которой он был сформирован.

Для того, чтобы понять, в чем причина данного парадокса, обратимся к генеалогическому древу синклитика Гиерия, который был, по сути, префектом претория Востока (494–496 гг.) и в числе первых константинопольских сенаторов.

В данном случае необходимо рассмотреть сенаторские фамилии, берущие начало с середины IV века, от синклитика Гиерия и префекта претория Востока Татиана. Между тем, как уже отмечалось, звание сенатора не наследовалось, а приобреталось вместе с соответствующей должностью в имперской администрации. Так, один из сыновей упомянутого выше синклитика Гиерия, не успевший еще в силу возраста приобрести знаки отличия, назван в его завещании просто эпитетом «сладчайший». Остальные его сыновья достигали сенаторского статуса постепенно. Например, Каллиопий имел в конце V в. лишь титул клариссима, обладатели которого уже к середине V в. потеряли право заседать в сенате; затем, видимо, он исполнял должность комита Востока, дававшую право на титул спектабиля, а в 504–506 гг. занял пост префекта претория, т.е. главного интенданта византийской армии, и, соответственно, обладал уже титулом иллюстрия, открывавшим двери в константинопольский сенат. Его брат Александр также начинал свое продвижение в иерархии сановников как клариссим, и лишь в 528 г. в качестве обладателя должности магистра милитум Востока был удостоен титула иллюстрия. В этом качестве он принимал участие в защите восточных границ империи. Сходный путь, по всей вероятности, прошел и сын Гиерия Константин, являвшийся в начале своей карьеры клариссимом, а умерший, будучи уже gloriosissimus.

Если говорить о Татиане, то благодаря своим связям его старший сын Прокл получил вначале место консуляра Палестины, а затем правителя Финикии. Когда же в 388 г. его отец достиг чина префекта претория Востока, Прокл был назначен на пост префекта города Константинополя. Татиан проявил заботу и о внуке (сыне своей дочери), который был привезен в Константинополь из Ликии, где пребывала его семья, специально для того, чтобы под присмотром деда подготовиться к административной карьере.[1]

---

[1] *Чекалова А.А.* Эволюция представлений о знатности в Византии второй половины V–VI вв. // ВВ. 1991. Т.52. С. 58.

Таким образом, выявляется закономерность, по которой влиятельные семьи, члены которых уже состояли в сенате, выдвигали своих родственников (по мужской линии), на военно-административные посты, и ведя их по службе, давали им право получать сенаторский титул.

Также следует упомянуть, о том, что важную роль в консолидации сенаторского сословия играли горизонтальные родственные связи, когда представители одного и того же поколения оказывались на службе в имперской администрации целыми семьями, либо когда между двумя высокопоставленными госслужащими из знатных семей заключались династические браки. Например, в 368 г. породнились два рода префектов претория Востока: префект претория 361–363 гг. Эльпидий выдал свою дочь Приску замуж за сына префекта претория 351–353 гг. В результате этого союза появляется Аристенет, который в 392 г. станет префектом Константинополя, а в 404 г. получит звание консула.[1]

Все это вело к социальной замкнутости сената и сенаторской аристократии. В целом можно сказать, что в родственных связях между собой состояли примерно 20 сенаторских фамилий. Это – роды префекта претория Востока 344–351 гг. Филиппа, узурпатора Прокопия, императора Феодосия I, полководцев Аспара и Ареобинда, старинных римских аристократов Anициев, императоров Маркиана (451–457), Льва I (457–474), Зинона (474–491), Анастасия I (491–518), Юстиниана I и его жены Феодоры, полководца Велизария, его жены Антонины, крупных египетских землевладельцев Апионов, префекта претория Востока Петра Варсимы, полководца Ситты, магистра милитум 518–520 гг., консула 520 г. Виталиана, патрикии Антипатры и т.д.

Итак, несмотря на изначальную концепцию ненаследственности сенаторского титула в сенате Константинополя, влиятельные семьи все же нашли механизм передачи своего титула последующим поколениям. Данный процесс, позволил укрепить саму структуру сената, а, следовательно, утвердить его стабильность.

TO THE QUESTION ABOUT THE INHERITANCE OF THE SENATOR TITLE IN THE BYZANTIUM OF THE IV-VI CENTURIES

A.Y. Ostrovsky

The article discusses the reasons for the stability of senatorial power. Examples are given of two influential families, all of whose members, through the male

[1] *Чекалова А.А.* Сенат и сенаторская аристократия Константинополя. IV – первая половина VII века. М., 2007. С. 127.

line, bore the senatorial title. Highlighted features in the inheritance of these titles in Byzantium IV-VI centuries.

Keywords: Senate, Byzantium, history.

БОГАТСТВО И БЕДНОСТЬ В ПОЗДНЕАНТИЧНОМ ОБЩЕСТВЕ

Е.О. Родина (Белгород)

В данной статье автор попытался рассмотреть взаимоотношения богатых и бедных слоёв населения позднеантичного римского общества. В IV–VII вв. авторитет в регламентации социальных отношений принадлежал церкви, а точнее святым отцам – аскетам. В своих проповедях они ссылались на Библию и активно выступали против чрезмерного богатства, пытаясь таким образом создать социальное равновесие в обществе.

Ключевые слова: бедность, богатство, Библия, Августин Аврелий, Афанасий Великий, Геронтий, Мелания Младшая.

Бедность была частью повседневной реальности общества в период Поздней античности: ежедневно с ней сталкивались даже очень богатые люди. Свидетельства о бедности как социальном состоянии приходят почти исключительно из аристократических или бюрократических источников. Даже бедняки не могли избежать римской бюрократии, и на страницах документальных источников они появляются как сироты, рабы, вдовы и обездоленные. Образ бедняка в светской литературе или частной переписке полностью основывался на видении привилегированного автора. Обычно присутствие бедняка на страницах произведения было обусловлено его полезностью для истории автора[1].

Обозначить рамки понятия бедности в поздней Римской империи довольно проблематично. В целом, римские системы государственной поддержки были доступны для людей с определённым гражданским статусом, поэтому трудно говорить об официальном количестве действительно нуждающихся граждан[2]. Несмотря на то, что учёные до сих пор не согласны со спецификой социальной структуры поздней Римской империи, очевидно, что неравенство доходов существовало на протяжении долгого времени.

Христианская литература уделяла большое внимание вопросу бедности. Моральные рамки христианства требовали попечения о бед-

---

[1] *Clark E.A.* Women, Gender, and the Study of Christian History // Church History. Volume 70.3. 2001. P. 397–398.

[2] *Morley N.* The poor in the city of Rome. Atkins and Osborne, 2006. P. 39.

ных: «ибо нищие всегда будут среди земли [твоей]; потому я и повелеваю тебе: отверзай руку твою брату твоему, бедному твоему и нищему твоему на земле твоей» [Втор. 15]. Своим поведением Иисус призывал остальных принимать маргинальных членов общества. Подобную позицию заняли раннехристианские авторы и сами ученики Христа: Павел утверждал, что обеспеченные христиане должны делиться своим богатством, чтобы облегчить жизнь бедных [Деян. 11:29 – 30].

Одним из самых известных проповедников, призывавших своих слушателей к благотворительности, был Августин Аврелий. Его проповеди были направлены к аудитории, обладающей средствами милосердно оказывать поддержку бедным и, тем самым, гарантировать социальный баланс. В этих проповедях, как и в большей части литературы, особенно церковной, бедные были предметом, а не целевой аудиторией[1]. Несмотря на то, что бедные, по сути, не были равными участниками обсуждения собственного благополучия, христианская риторика, по крайней мере, признавала их полноправными членами общества. Апостол Павел в своих письмах призывал богатых членов христианских общин оказывать возможную поддержку бедным: «*Ибо вы знаете благодать Господа нашего Иисуса Христа, что Он, будучи богат, обнищал ради вас, дабы вы обогатились Его нищетою. Я даю на это совет: ибо это полезно вам, которые не только начали делать сие, но и желали того еще с прошедшего года… Ныне ваш избыток в восполнение их недостатка; а после их избытка в восполнение вашего недостатка, чтобы была равномерность, как написано: кто собрал много, не имел лишнего; и кто мало, не имел недостатка*» [2 Кор.9].

Связывая заботу о бедных с образом Спасителя, Павел доказал, что христианская община должна стремиться к социальному и экономическому равенству. Кроме того, он заложил основу для прославления благотворительности как подражания жертве Иисуса Христа.

Бедные были неотъемлемой частью практики аристократического аскетизма: богатые нуждались в объекте благотворительности. Богатые демонстрировали свою преданность христианству и безразличие к богатству, открывая или спонсируя монастыри и больницы, которые помогали нищим и ухаживали за немощными. Благотворительная деятельность стала настолько популярной, что страдания бедных стали предметом христианской риторики: чем отчаяннее положение бедных – тем героичнее помощь богатых.

Кроме благотворительности, римская имперская культура располагала многими возможностями проявления финансового успеха.

[1] *Brown P.* Poverty and Leadership in the Later Roman Empire. Hanover: University Press of New England, 2002. P. 342.

Богатство указывало не только на нынешний успех человека, но и на его родословную и благородное происхождение семьи. Поскольку политическая жизнь и социальный статус были тесно связаны с богатством, идея отречения от него была противоположна структурам власти империи. К V веку семьи, принадлежавшие к старым сенаторским родам, были сказочно богатыми. Например, Валерий, отец Мелании Младшей, был не только членом политической элиты Рима, но и богатым землевладельцем[1].

Тем не менее, христианские писатели учили, что богатство представляет слишком большую угрозу для послушных последователей Христа. Начиная с ранних христианских писателей, таких как Климент Александрийский, и продолжая через последователей позднеантичного аскетического движения, включая Афанасия Великого и Августина Блаженного, христиане использовали библейские отрывки чтобы обосновать своё отношение к богатству.

Первые христианские богословы представляли личное богатство как искушение, которое возвышало мирские заботы в ущерб религиозной самоотдаче[2]. Афанасий, например, интерпретировал отрывки о земном богатстве, связанном с мирской властью, как искушение Дьявола. Наиболее часто используемый отрывок в беседах о богатстве – рассказ о разговоре Иисуса с молодым юношей. Эта история появилась в Евангелиях от Матвея, Марка и Луки. Согласно ей, Иисус встретил богатого молодого человека, который последовал заповедям его учения: *«Иисус сказал ему: если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною. Услышав слово сие, юноша отошел с печалью, потому что у него было большое имение. Иисус же сказал ученикам Своим: истинно говорю вам, что трудно богатому войти в Царство Небесное; и еще говорю вам: удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие»* [Мф. 19:16 – 30].

В своём ответе этому богатому, но, тем не менее, верному последователю, можно уловить, что Иисус оценил добровольную нищету как более критичную для духовного успеха, чем религиозную преданность законам Ветхого Завета. Кроме того, молодой человек не только раздал всё своё имущество, но и отрёкся от своей семьи, как и призвал его Иисус. Авторы ранней христианской аскетической литературы

---

[1] *Clark E.A.* The Life of Melania the Younger. New York: Edwin Mellen Press, 1984. P. 83–85.

[2] *Holman S.R.,* ed. Wealth and Poverty in Early Church and Society. Grand Rapids: Holy Cross Orthodox Press, 2008. P. 71.

переняли этот фрагмент как аргумент в пользу аристократического аскетизма.

Эпизоды из позднеантичной агиографической литературы показывают чёткую и прямую связь между мирским богатством, властью и искушением Дьявола в сознании людей. Афанасий Великий в житии св. Антония предположил, что богатство было единственным искушением, с которым столкнулся отшельник. Богатство и всё, что оно олицетворяло – почтение, власть, уют – противоречили аскетизму, который регламентировал жизнь Антония. Основываясь на информации из источников о взаимосвязи богатства и власти, показательно, что Афанасий счёл наиболее небезопасным периодом для аскезы Антония тот период, когда он ушёл от бурлящей городской жизни, где его семья занимала высокое положение. Серебряное блюдо, которое Антоний нашёл в пустыне, не только символизировало богатство, но также исполняло функции зеркала, в котором Антоний смог увидеть физическое отражение Дьявола. После того, как Антоний разоблачил дьявольскую хитрость, Дьявол попытался искусить его реальным золотом, но Антоний сумел не поддаться на него. *«Антоний, хотя дивится его множеству, однако же, перескочив, как через огонь, проходит мимо, не обращается назад и до того ускоряет свое шествие, что место это потерялось и скрылось из вида»*[1] – Афанасий не зря даёт такое сравнение золоту: оно предстаёт как огонь – большая опасность для человека.

Подобную связь между богатством, мирской властью и дьявольским искушением показал Геронтий в житии Мелании Младшей. Он рассказал о страшном видении Мелании, в котором её богатство, как большой пожар, уничтожило всё, что у неё было*: «И вот однажды, – как говорила эта благородная и высокомудрая раба Христова, – собралось у нас несказанное множество золота, так что можно было отослать на служение нищим и святым сорок пять тысяч золотых, и, войдя в триклиний, я увидела, что, по злоумышлению диавольскому, от множества золота дом как будто освещен огнем, и враг в помыслах говорил мне: «Что это за царство на небесах, если покупается оно таким количеством золота?» И некоторое время я боролась с собой, сопротивляясь диаволу, но, придя в себя, тотчас прибегла к непобедимому Союзнику и, преклонив колена, просила Господа низринуть моего противника. И после молитвы, воспрянув духом, говорила я в помышлении моем: Да, воистину этими благами покупается то, о чем говорит Священное Писание: не видел того глаз, не слышало ухо,*

[1] *LA* 12.1–2.

и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его (1 Кор. 2. 9)» [1]

Сравнение золота из триклиния Мелании с огнём есть не что иное, как отсылка к золоту, которым Дьявол в пустыне искушал Антония. В случае с Меланией сравнение золота с огнём было даже более подходящим: позже Геронтий упомянул, что во время осады Рима готами особняк, в котором вспыхнуло золото в видении, был сожжён в реальности. Повторяя слова Афанасия, Геронтий представил богатство Мелании как величайшее препятствие для её спасения. Афанасий, как и другие аскетические писатели, основывал своё очернение богатства на библейских и апокрифических рассказах. Несмотря на то, что многие христиане предпочитали толковать библейские истории более снисходительно по отношению к богатству, библейская концепция «верблюда в игольном ушке» станет мощным и страшным образом для христиан, обладавшим мирским богатством.

Несмотря на то, что говорить о реальной расстановке сил в социальной системе в Поздней античности довольно сложно в силу отсутствия чёткой социальной дифференциации как таковой, вопрос богатства и бедности стал одним из важнейших в христианской культуре, которая, по сути, являлась отражением социальной действительности позднеантичного общества. Именно христианское учение в V–VII вв. оказывало значительное влияние на отношения между привилегированными и маргинальными слоями населения. С одной стороны, христианская литература данного времени является индикатором взаимоотношений между двумя противоположными слоями, а с другой – показывает складывавшуюся в обществе ситуацию.

WEALTH AND POVERTY IN LATE ANCIENT SOCIETY

E.O. Rodina

In this article, the author tried to consider the relationship between the rich and the poor people of the late Roman society. In the IV – VII centuries, the authority in the regulation of social relations belonged to the Church. In the sermons Holy fathers referred to the Bible and actively opposed excessive wealth, thus trying to create a social balance in society.

Key words: poverty, wealth, the Bible, saint Augustine of Hippo**,** Gerontius, Athanasius of Alexandria, Melania the Younger.

---

[1] *LM* 17.

АЛЕКСАНДРИЯ И ЕГИПЕТ: ПОЛОЖЕНИЕ ГОРОДА В РЕГИОНЕ

М.А. Руднева (Белгород)

В статье рассматриваются особенности положения Александрии Египетской в регионе. Анализируется значение города как административного, политического, экономического и культурного центра в ранневизантийское время.

Ключевые слова: Ранняя Византия, Египет, Александрия Египетская.

Александрия Египетская на протяжении ранневизантийского времени оставалась одним из крупнейших городов Восточного Средиземноморья. Оценка положения города в регионе позволяет проследить основные направления процесса исторического развития Александрии и выявить предпосылки их формирования.

Проблема положения Александрии в регионе получила освещение преимущественно в трудах зарубежных исследователей, специализирующихся на изучении как эллинистического времени, так и ранневизантийского. Стоит отметить работы таких исследователей, как P.M. Fraser[1], H.I. Bell[2], P. Green[3], F. Garth[4], A.K. Bowman[5], C. Haas[6], A. Douer[7] и др.

Во введении[8] к сборнику «Александрия и александрийство» известный британский исследователь Peter Green (р. 1924) отмечает: «провидцы точно предсказали, что город Александра будет плавильным котлом всех наций (Plut. Alex. 26.10)[9]». Александрия стала во-

---

[1] *Fraser P.M.* Ptolemaic Alexandria, I–III. Oxford, 1972. Vol. I. P. 107; Vol. II. P. 196–197.

[2] *Bell H.I.* Alexandria ad Aegyptum // The Journal of Roman Studies. Vol. 36. Parts 1–2 1946. P. 130–132.

[3] *Green P.* Alexander of Macedon, 356-323 B.C.: A Historical Biography // Hellenistic culture and society. T. 11. California, 1991. 617 p.

[4] *Garth F.* The Egyptian Hermes: A Historical Approach to the Late Pagan Mind. New York, 1993. 272 p.

[5] *Bowman A.K.* Egypt after the Pharaohs from Alexander to the Arab conquest: 332 BC-AD 642. California, 1996. 270 p.

[6] *Haas C.* Alexandria in late antiquity: topography and social conflict. Baltimore; L., 1997. 494 p.

[7] *Douer A.* Egypt – The Lost Homeland: Exodus from Egypt, 1947-1967: The History of the Jews in Egypt, 1540 BCE to 1967 CE. Berlin, 2015. 308 p.

[8] *Green P.* Introduction. Alexander’s Alexandria / Alexandria and Alexandrianism / J. Paul Getty Center for the History of Art and the Humanities / Ed. by Kenneth Hamma. 1 ed. September 26. Oxford, 1996. P. 3–19.

[9] Ibid.

площением эллинистической культуры именно потому, что она не имела национальной основы. «Александрия всегда имела мифическое свойство[1]». Образ города вмещает представления о грандиозных планах и свершениях Птолемея Филадельфа, самоубийстве Клеопатры после битве при Акциуме, арианских и монофизитских конфликтах.

Мифологизации города способствовали как воспевание образа Александрии в произведениях Е.М. Форстера, Константина Кавафиса, Лоуренса Даррелла[2], так и тот факт, что Александрия с самого начала была противопоставлена остальному Египту, олицетворяя собой греко-македонскую власть в противовес старым столицам фараонов. Неслучайно, что и в эллинистический, и в римский периоды чаще встречается понятие «Александрийский Египет», и редко «Александрия в Египте»[3], титул римского префекта звучал как Praefectus Alexandreae et Aegypti, а римляне в Александрии пишут о путешествии в Египет[4].

Таким образом, город закрепил концепцию, которая рассматривала остальной Египет как чужую «зону, завоеванную копьем», пригодную для экономической эксплуатации. Это сказалось на том факте, что ни один из Птолемеев до последнего представителя династии – Клеопатры VII, не удосужился выучить язык египтян, предпочитая действовать через корпус грекоязычных египетских переводчиков.

В данном контексте следует обратить особое внимание на достаточно характерное для античных и ранневизантийских авторов лингвистическое «разделение» Египта и Александрии «Alexandria ad Aegyptum» (Ptolemy. Geog. 4.5.46; Strabo. 5.1.7; Philo Quod omnis probus liber sit 125; P. Oxy 1.35; Expositio 34.1; Athan. Hist. Ar. 17 col. 712d; Chronicon Pascale A.D. 205 (ed. Dindorf, 497. lines 1-2); M. Chres. 96 (after A.D 350); P. Mich. 723 inv. 902; P. Abinn. 63; History of the Patnarchs 1.1 [42] и др.). Так, Иоанн Никиусский пишет: «Он (император) отправился в Египет и даже в Александрию» (74. 6). Подобное разделение в той или иной вариации встречается и далее (John of Nikiu Chron. 77. 25; 97. 14; 120. 56 (trans. Charles) и др.), что подчеркивает особое и даже обособленное положение города в регионе. Убедительные аргументы в пользу неслучайного характера данного оборота в письменных источниках и его смысловой наполненности приводит

[1] Ibid.

[2] См.: *Pinchin J.* Alexandria Still: Forster, Durrell, and Cavafy // Princeton Essays in Literature. Princeton, 1977. 264 p.

[3] *Fraser P.M.* Ptolemaic Alexandria, I–III. Oxford, 1972. Vol. I. P. 107; Vol. II. P. 196–197.

[4] *Green P.* Op. cit.; *Haas C.* Alexandria in late antiquity: topography and social conflict. Baltimore; L., 1997. P. 33.

H.I. Bell, опровергая предположение о том, что разделение «Alexandria ad Aegyptum» связано исключительно с особенностями перевода[1].

По нашему мнению, в настоящий момент значение подобного выражения относительно города и региона наиболее четко сформулировал A.K. Bowman: «ad Aegyptum – термин, означающий «рядом с» («next to») Египтом или «к, в сторону» («towards») Египта, который часто используется в сочетании с Александрией (Alexandria ad Aegyptum). Эпитет города относится к его относительной географической изоляции от остальной части Египта, хотя большая часть его экономики полагалась на его внутренние районы и дельту Нила. Тем не менее, город не является чем-либо изолированным в экономическом и политическом смысле, так как его расположение на Средиземном море помещает его в более крупный геополитический регион, «вытягивая» город в разных направлениях[2]».

Подобное определение можно считать вполне справедливым, так как многие исследователи отмечают, что значительным фактором, обуславливающим влияние Александрии Египетской в регионе, является, прежде всего, её выгодное географическое положение. Город располагался на склоне холма, спускавшегося к Средиземному морю от озера Мареотис на одном из немногих благоприятных участков вдоль болотистых берегов реки Нила. Это положение позволило построить большой порт, ставший впоследствии одним из крупнейших узлов торговли, в том числе, международной. Здесь же стоит отметить нахождение города рядом с пересечением двух континентов. В свою очередь, связь гавани с Нилом способствовала развитию внутренней торговли. Не менее важным фактором можно считать выгодное стратегическое положение гавани, закрытой с севера островом Фарос и служившей прекрасным убежищем для флота[3]. Фундамент городских построек опирается на практически равномерный слой известняка[4]. Километровый известняковый хребет тянется с перерывами от Канопа до точки в 56 км к западу от города вдоль побережья[5].

Взаимосвязь между социально-экономической структурой Александрии и рельефом местности отмечалась авторами позднеантичного периода. Иоанн Никиусский отмечает коммерческие мотивы

---

[1] *Bell H.I.* Alexandria ad Aegyptum // The Journal of Roman Studies. Vol. 36. Parts 1–2. 1946. P. 130-132.

[2] *Bowman A.K.* Egypt after the Pharaohs from Alexander to the Arab conquest: 332 BC – AD 642. California, 1996. P. 15.

[3] *Борухович В.Г.* В мире античных свитков / Под ред. Э.Д. Фролова. Саратов, 1976. С. 148.

[4] *Haas C.* Op. cit. P. 21.

[5] Ibid.

строительства каналов города и Гептастадия. При планировке улиц Александрии Египетской учитывались направления ветров, характерные для этой местности[1]. Расположение на возвышенности давало возможность циркулировать в городе морскому бризу, который отмечают древние авторы. Например, Диодор Сицилийский сообщает, что «благодаря искусному расположению улиц», город открыт ветрам, дующим с моря, которые приносят с собой прохладу, делая «здешний климат умеренным и здоровым» (Diod. XVII. 52. 2).

План города разрабатывался архитектором Дейнократом по системе Гипподама с учётом достижений античной науки о градостроительстве, с целью максимально использовать преимущества географического положения для возможности развивать внешнюю торговлю. Следы древней планировки были вполне обнаруживаемы и в XIX в. Город имел вытянутое в длину с юго-запада на северо-восток расположение, был основан на прямоугольной сети улиц. Страбон сравнивал такую планировку с македонским военным плащом – хламидой. Длина города приблизительно втрое превышала его ширину (Strabo. XVII. 791-795). В целом, площадь, занимаемая городом, имела форму сходную с параллелограммом, с длиной около 30 стадий и шириной 7–8 стадий (около 1,5 км)[2].

Александрия была основана изначально как чисто греческий город, в основном, на необитаемых землях. На протяжении всей древности она не считалась частью Египта, а была «островком», удаленным от материка[3].

В эллинистические времена город развился до такой степени, что мог конкурировать с Афинами в качестве центра притяжения мигрантов разных этносов, в основном, греков. Этому способствовала и политика Птолемеев. Представители многопоколенных иностранных общин Александрии с гордостью отмечали, что они – граждане города-государства. Помимо иностранцев, в городе было много внутренних мигрантов, которые жили в квартале Ракотис и составляли одну из самых больших этнических групп. Тем не менее, как видно из формулировки, которая используется в «Χρησμό του Κεραμέα» (текст III в. до н.э. на египетском языке), сами египтяне считали Александрию иностранным городом, который был по своей природе полиэтничным[4].

---

[1] Ibid.

[2] *Борухович В.Г.* Указ. соч. С. 148.

[3] *Douer A.* Egypt – The Lost Homeland: Exodus from Egypt, 1947–1967: The History of the Jews in Egypt, 1540 BCE to 1967 CE. Berlin, 2015. P. 210.

[4] *Garth F.* The Egyptian Hermes: A Historical Approach to the Late Pagan Mind. New York, 1993. P. 21.

В 30 г. до н.э. Египет стал частью Римской империи после того, как Октавиан, будущий Август, победил Клеопатру и Марка Антония в битве при Акциуме. Город стал самым важным городом в империи. Александрия была торговым центром, из которого в Рим поступало зерно. С начала римской оккупации до монетной реформы Диоклетиана в Александрии чеканили собственную монету. Смешения монет обоих валютных регионов в это время не происходило[1].

В Александрии проживал Praefectus Aegypti, правитель провинции Aegyptus, назначавшийся из римлян. Посещение провинции высокопоставленными должностными лицами дозволялось только с особого разрешения императора. Провинция рассматривалась фактически как частная собственность (личное владение) императора, поскольку местные доходы полагались непосредственно ему.

В ранневизантийское время имперскую власть в городе можно условно разделить на три составляющие части: непосредственную власть императора, военную власть дукса и гражданскую власть, сосредоточенную в руках префекта. Должностные полномочия трансформировались на протяжении периода. Усиление напряженности в александрийском обществе требовало объединения сил городского управления и военных для поддержания порядка. Об административной важности Александрии свидетельствует не только тот факт, что в суды префектуры стекались документы со всего Египта, но, прежде всего, та роль, которую играла Александрия в отношении снабжения Константинополя зерном, которая особенно остро обнаружилась в период арианских споров, когда возникла угроза прекращения поставок зерна из Александрии в столицу[2].

Кроме того, Александрия была одним из важнейших центров науки и образования с Мусейоном и библиотекой, важным центром философской мысли, а со времени христианизации империи Александрийская Церковь стала занимать ведущие позиции в религиозной политике империи.

C. Haas вполне справедливо отмечает, что Александрия так и осталась бы сонной рыбацкой деревней, если бы не подпитывалась окружавшими её богатыми районами[3]. О том, что именно геополитическое положение и экономическая связь с регионами дала базу для столь интенсивного развития города, свидетельствует тот факт, что после арабского завоевания в 641 г. город утратил статус центра тор-

---

[1] *Douer A.* Op. cit. P. 211.

[2] См.: *Haas C.* Alexandria in late antiquity: topography and social conflict. Baltimore; L., 1997. 494 p.

[3] *Haas C.* Op. cit. P. 33.

говли, он перешел к Фустату (исторический предшественник Каира), и это привело к запустению Александрии[1].

P. Green связывает затухание экономической активности города отчасти с укоренившимся арабским недоверием к морю и военным действиям на море. Форстер, несомненно, был прав, когда писал, что «Амр и его арабы инстинктивно сторонились Александрии; она казалась им идолопоклонством и глупостью, и хотя они не собирались уничтожать ее, они её уничтожили[2]». Только после того, как был установлен режим Гамаля Абдель Насера, первого по-настоящему египетского правителя Египта за два с половиной тысячелетия, Александрия наконец, интегрировалась в окружающий ее политический организм, в то время как на протяжении всего предшествующего времени она существовала как чуждый и экзотический элемент.

Таким образом, мы находим признаки того, что положение Александрии в Египте в ранневизантийское время носило специфический характер. Процветание Александрии было тесно связано с географическим положением, обусловившим его интенсивное развитие. При этом, город находился в несколько обособленном положении, что прослеживается в письменных источниках. Это связано как с административной ролью города, так и с его космополитизмом. Город служил своеобразным «плавильным котлом наций», выступал центром трансляции особой культуры, носившей синтетический характер, что наряду с экономической мощью делало его противопоставленным не только другим центрам империи, но и региону, от которого, он зависел экономически, но не политически и культурно.

ALEXANDRIA AND EGYPT: CITY POSITION IN THE REGION

M.A. Rudneva

The article discusses the features of the position of Alexandria of Egypt in the region. The significance of the city as an administrative, political, economic and cultural center in the early Byzantine period is analysed.

Key words: Early Byzantium, Egypt, Alexandria of Egypt.

---

[1] *Большаков О.Г.* История Халифата. Т.II. Эпоха великих завоеваний. 633–656 гг. М., 1993. С. 122.

[2] *Pinchin J.* Alexandria Still: Forster, Durrell, and Cavafy // Princeton Essays in Literature. Princeton, 1977. P. 62, 84.

ПРАКТИЧЕСКОЕ ПРИМЕНЕНИЕ АЛХИМИИ В РАННЕЙ ВИЗАНТИИ

В.А. Лихошерстов (Белгород)

В работе предложена характеристика практического применения алхимических знаний в ранневизантийское время.

Ключевые слова: алхимия, Египет, Византия.

Накоплению определенных химических знаний способствовала алхимия, возникшая в первые века новой эры. Центром данной науки являлась Александрия, которая уже давно представляла собой центр учёности и религиозно-философских систем и умозрений[1]. Также этот город являлся своеобразным «котлом» для различных философских течений: платонизма, гностицизма и стоицизма. Эти учения и сформировали характер алхимии[2].

Предпосылками к возникновению алхимической деятельности являлись несколько факторов: практика египетских ювелиров и работников по металлу, которые экспериментировали со сплавами и знали, как создавать металлы, имитирующие золото; теория о фундаментальном единстве материи; идея о том, что целью любого действия должно быть подражание природе; учение о всеобщем единстве, которое предполагает, что все элементы Космоса связаны оккультными линиями симпатий и антипатий, которые объясняют все сходства и различия тел[3].

Слияние этих различных направлений научной мысли привело к идее, что превращение может быть возможным, тем более что мистические мечты под влиянием замкнутости способствовали снижению греческого рационализма[4].

В первую очередь эта «лженаука» интересовалась изменением металлов с целью изготовления искусственным путем драгоценных камней, занималась поисками философского камня – чудодейственного универсального средства, способного превратить в благородные металлы неблагородные, эликсира долголетия, который избавил бы от болезней и обеспечил не только долгую жизнь, но даже бессмертие.

---

[1] *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Екатеринбург: Академический проект, 2013. С. 91.

[2] *Bensaude–Vincent B., Stegers I.* A History of Chemistry. Harvard, 1996. P. 13.

[3] Книга алхимии: История, символы, практика / сост., вступ ст., коммент. В. Рохмистрова. СПб.: Амфора, 2006. С. 35.

[4] *Halleux R.* Alchemy // The Oxford Classical Dictionary / ed. S. Hornblower, A. Spawforth: 3 rev. ed. Oxford – New York, 2003. P. 52–53.

Теоретические положения алхимии были подробно расписаны в трудах представителей Александрийской школы. В большинстве своем это анонимные произведения, содержащие описание разнообразных практических приемов и операций по производству золота, серебра и их сплавов. Авторами многих из них называют либо мифических персонажей, либо императоров, либо античных философов, чаще всего Демокрита из Абдеры.

Знания, о которых сообщают писатели александрийской школы, не представляют собой собрания рецептов. Опыты описаны на герметическом языке, который был понятен только посвящённым и заимствован из мистических учений греко-восточного происхождения. Самым важным исследованием считалось отыскание философского камня, но только немногие могли стремиться к его открытию. После того как алхимия примкнула к мистицизму, изменились, естественно, и существовавшие представления. Так возникли различные толкования конституции металлов, поскольку аристотелевская теория четырех элементов была для этого недостаточна.

В одно время с погоней алхимиков за философским камнем углублялись и расширялись знания химических процессов, свойственных различным ремеслам. В то же время, алхимики улучшили процесс очистки золота, путем купеляции (нагревая богатую золотом руду со свинцом и селитрой) и стали применять приёмы для позолоты[1].

Усовершенствования имели место также в керамическом ремесле и в приготовлении стекла. В этот период изготовлялась посуда из обожженной глины, причем ее покрывали глазурью, изготовлявшейся из соединений свинца и олова. Из красящих веществ были известны индиго, марена, орсейль, кошениль, пурпур и другие. Также египетские алхимики открыли нашатырь, который частично добывали как природный продукт в оазисе Аммона[2].

Огромный спрос на золото подтолкнул наиболее активных представителей практической металлургии к реализации предполагавшейся тогда возможности превращения элементов. У этих практиков не было недостатка в наблюдениях, якобы подтверждающих превращение неблагородных металлов в благородные.

---

[1] Collection des anciens alchimistes grecs, ed. Berthelot and Ruelle, II, 452, I-459,9.

[2] *Джуа М.* История химии. М.: Мир: 1975. С. 37.

PRACTICAL APPLICATION OF ALCHEMY IN EARLY BYZANTIUM

V.A. Likhosherstov

The article provides information on the practical application of alchemy in Alexandria in the works of alchemists. Contains information about the transformation of various metals into gold and other operations with material objects.

Keywords: history, Alexandria, alchemy, the Alexandrian school, late antiquity.

ИУДЕИ ПО ДАННЫМ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПАМЯТНИКОВ ГАЛИЛЕИ В РАННЕВИЗАНТИЙСКИЙ ПЕРИОД

С.В. Плужник (Белгород)

В статье рассматривается вопрос использования памятников литературы в исследовании жизни иудеев в Галилее в IV-VII вв. Византийская Галилея данного периода произвела большую часть еврейской литературы этого времени. Литература галилейского еврейства в ранневизантийский период состоит из различных групп текстов, происходящих, по меньшей мере, из двух разных центров культурной и литературной деятельности: Дома Учения и синагоги. Палестинский Талмуд, мидрашим, таргумы, молитвы и пийютим были основными компонентами галилейской литературы в Поздней античности.

Ключевые слова: Галилея, литература, иудеи, Таргум.

Византийская Галилея в IV–VII вв. произвела большую часть еврейской литературы этого времени, почти все эпиграфические свидетельства, тысячи стихотворений из синагог – все это свидетельствует о ярком еврейском присутствии в регионе в этот период.

М. Рендсбург утверждает, что иврит был разговорным диалектом Галилеи, который развился из северного, израильского варианта в библейские времена. Он исследует двенадцать случаев этого сходства, отмечая общие черты этого северного диалекта с другими соседними языками – арамейским, финикийским и угаритским. Интересный побочный продукт этого исследования – признание лингвистического регионализма в древней Палестине, как в библейские, так и в классические времена.

Ж. Шинан сосредотачивается на таргумической литературе, созданной в Галилее в IV–VIII вв. Отмечаются многие из популярных обычаев и обычаев, упомянутых в Таргуме, а также народные пословицы и повторяющиеся упоминания о синагоге как о «доме святости». Делается вывод, что этот материал может служить надежным источником для понимания еврейского общества в эпоху Поздней античности.

С. Фреад рассматривает раввинистические доказательства практики Таргума в синагоге и раввинской академии. Это приводит его к изучению билингвизма в Византийской Палестине вообще, и в Галилее, в частности. Вопреки принятому мнению, он утверждает, что иврит не исчез в период Поздней античности. В Таргуме использовался арамейский язык, чтобы улучшить, облегчить и углубить библейский опыт чтения. Обоснование двуязычия подтверждается раввинскими, а также экстра-раввинскими (то есть эпиграфическими) доказательствами.

Литература галилейского еврейства в ранневизантийский период состоит из различных групп текстов, происходящих по меньшей мере из двух разных центров культурной и литературной деятельности: Дома Учения (Бет-Мидраш) и синагоги. Различие между этими двумя институтами не является существенным – во многих местах, особенно в небольших деревнях, оба здания служили и тем, и другим по функциональности. Каждое из них служило различным потребностям для разных аудиторий[1].

Дома Учения служили в основном ученым, раввинам и их ученикам, которые посвятили большую часть своего времени изучению, развитию богословских и моральных вопросов. Ворота Бет-Мидраша почти никогда не закрывались для широкой публики, но присутствие людей там было случайным, и то, что в них происходило, мало повлияло на посетителей. Средний мидраш в Галилее дал большую часть материала, найденного в палестинском Талмуде и в многочисленных мидрашах более позднего времени. Кроме того, нет никаких оснований для знакомства с любыми таргумическими текстами раньше, чем в IV в., главным образом, из-за даты источников, используемых Таргумами.

Таким образом, ядро текстов Таргума может быть датировано между IV и VII вв. Поскольку палестинский источник этих текстов неоспорим, что подтверждается их языком и другими внутренними намеками, мало кто сомневается, что они были созданы в Галилее. Это был единственный регион в Палестине в то время, когда процветающая еврейская община могла создавать такие тексты[2].

Синагога в поздний раввинский период производила четыре вида текстов:

- обширная литургическая литература впоследствии стала ядром еврейского молитвенника;

---

[1] *Levine, Lee I.* The Galilee in late antiquity. London, 1992. P. 210.

[2] *Sivan H.* Palestine in Late Antiquity. New York, 2008. P. 347.

- тысячи пиютимов были составлены в основном как поэтические замены для части регулярного Молитвенника;

- переводы Священного Писания на арамейский (Targums), в первую очередь, те библейские единицы, которые читались публично, например: Пятикнижие, некоторые главы из Пророков;

- различные типы публичных проповедей, лучшим из которых является Proem (petihta), которые в конечном итоге были включены в талмудическо-мидрашский корпус.

Делая вывод, можно отметить, что Палестинский Талмуд, мидрашим, таргумы, молитвы и пийютим были основными компонентами галилейской литературы в период Поздней античности. Разумеется, за создание этих текстов отвечали ученые круги раввинов, учителей и книжников, у которых были и знания, и средства[1].

В таком случае, где мы можем найти литературное наследие простых людей – торговцев и крестьян, а также мелких ремесленников, необразованных мужчин и женщин? Где мы можем узнать об их рассказах, песнях, пословицах, баснях и словах мудрости? У бедных слоев населения, несомненно, были свои литературные традиции: бабушки в Тверии пели своим внукам, а пастухи, сидевшие у костра в холодные галилейские ночи, делились остроумными историями. Эта литература, которая была передана в устной форме за стенами Бет-Мидраша и синагоги, была записана лишь случайно и лишь частично в талмудическом мидраше. Иногда мы находим арамейскую пословицу, которой предшествует фраза: «так говорили люди». В других случаях мы сталкиваемся с историей, демонстрирующей некоторые литературные и лингвистические особенности, часто встречающиеся в народных сказках. Здесь и там записываются некоторые популярные верования, и время от времени встречаются свидетельства народных обычаев, но в целом мало кто сомневается, что большая часть популярной литературы никогда не записывалась и таким образом исчезла в небытие.

Хотя литературная деятельность Бет-Мидраша и синагоги ярко выражена в источниках, литература и культура всего населения, к сожалению, едва ли уцелела, и её нехватка ощущается в любой попытке изобразить галилейское еврейство в Поздней античности[2].

Стремясь преодолеть этот недостаток, мы должны исследовать так называемые «палестинские» арамейские переводы Библии, особенно те из Пятикнижия, которые больше, чем любой другой текст, были написаны не в синагоге или в ученых домах, а целенаправленно обращены к массам. Ученые никогда серьезно не подвергали сомне-

---

[1] *Levine, Lee I.* The Galilee in late antiquity. London, 1992. P. 337.

[2] *Sivan H.* Palestine in Late Antiquity. New York, 2008. P. 324.

нию эту гипотезу, которая является краеугольным камнем изучения таргумов, хотя кажется, что она несколько романтизирована и упрощена. Эта точка зрения не выражена в самой литературе раввинов, а в теологической литературе. Например, в определении Равви Хай Гаоном Таргума Пасхи как «таргума простых людей» и позднее в знаменитом заявлении о том, что «Таргум предназначен для того, чтобы его слышали женщины и простые люди». Эта гипотеза была принята и недвусмысленно изложена учеными из литературы Таргума, которые используют ее для объяснения различных явлений в Таргумах, таких как ее тенденция не переводить некоторые стихи, чтобы сохранить честь Патриархов в различных богословских вопросах – таких как, использование различных эпитетов в определении Бога.

Специфическое мидрашское утверждение могло быть направлено на четко определенный круг учеников в «Доме Учения», но таргумические пословицы должны были быть поняты массами. Правда, Таргумы нельзя назвать популярной литературой по преимуществу. В конце концов, эти тексты были составлены учеными людьми в религиозной атмосфере синагоги. Их статус популярной литературы предоставляется им, благодаря их аудитории[1].

Географический регион и исторические условия, в которых эти тексты были составлены, являются еще одним поводом к размышлению. Феномен арамейского Таргума может быть датирован очень рано, до периода Второго Храма, в то время как существующие рукописи Таргума относительно поздние, некоторые датируются уже IX в. Но большинство из них, и особенно более обширные, были скопированы или отредактированы в XIV и даже XVI вв.

Таким образом, мы сталкиваемся с одной из самых сложных проблем в исследованиях, это датировка каждой индивидуальной таргумической традиции, она индивидуальна, и каждая её часть текста подвергается всевозможным изменениям и исправления в процессе. Их движение из региона в регион – еще одно препятствие перед учеными, которые желают установить какую-либо таргумическую традицию в определенное время или в определенном месте.

Ученые соглашаются, однако, что эти тексты использовались, прежде всего, до арабского завоевания, которое имело место в Палестине в течение VII в.

Литература изучаемого периода также интересна тем, что в ней можно встретить много упоминаний о частной жизни евреев Галилеи IV–VII вв. Информацию о популярных обычаях, убеждениях и некото-

---

[1] *Lapin H.* Economy, Geography, and Provincial History in Later Roman Palestine. Mohr Siebeck, 2001. P. 127.

рых суевериях, можно найти в Таргумах, где дополнительный текст сопровождает перевод различных стихов. Например: «Ручная мельница или верхний жернов не должны забираться в залог, так как это лишает человека жизни».

Некоторые стихи касаются человека, который берет невесту и поэтому освобожден от военной службы на один год. Большинство комментаторов Таргума согласны с тем, что многие стихи в тексте намекают на распространенное мнение или обычай использовать какое-то колдовство для того, чтобы помешать жениху выполнить свои супружеские обязательства в первую брачную ночь. Этот обычай, по-видимому, был одним из многих суеверий в отношении свадебной церемонии и первой брачной ночи. И скорее всего, он все еще практиковался в исследуемый период, и это объясняет его вероятное эмоциональное обращение к своим слушателям с тем, чтобы воздержаться от такой привычки, чтобы они не рисковали своей долей в будущем мире[1].

Многие другие популярные обычаи и убеждения также нашли здесь отражение, как отмечают исследователи при работе с Таргумом. Примером может служить следующее: плод в утробе матери живет в воде, смешанной с огнем, у женщины может быть выкидыш, если она услышит ужасающий шум, соответствующее использование заклинания могло бы погасить огонь, произнесение Божественного Имени может позволить человеку летать, раскрывать тайны и спасаться от всех опасностей, из муравейника выходят стаи муравьев и идут прямо к дому убийцы, раскрывая, тем самым, его личность. «Тот, кто накладывает заклинания» может защитить от змей и скорпионов.

Таким образом можно сделать вывод: литература галилейского еврейства в IV-VII вв. состоит из различных групп текстов, происходящих, по меньшей мере, из двух разных центров культурной и литературной деятельности: Дома Учения (Бет-Мидраш) и синагоги. Различие между этими двумя институтами не является существенным – во многих местах, особенно в небольших деревнях, оба здания служили тем и другим. Информацию о популярных обычаях, убеждениях и некоторых суевериях можно найти в Таргумах, где дополнительный текст сопровождает перевод различных стихов.

---

[1] *Sivan H.* Palestine in Late Antiquity. New York, 2008. P. 247.

THE JEWS ACCORDING TO THE LITERARY MONUMENTS OF THE GALILEE IN THE EARLY BYZANTINE PERIOD

S.V. Pluzhnik

The article deals with the use of literature in the study of the life of the Jews in Galilee in the IV–VII centuries.Byzantine Galilee of this period produced most of the Jewish literature of this time. The literature of Galician Jewry in the early Byzantine period consists of different groups of texts originating from at least two different centers of cultural and literary activity: the house of Learning and the synagogue. The Palestinian Talmud, Midrash, Targum, prayers, and piyyutim were major components of Galilean literature in late antiquity.

Key words: Galilee, literature, Jews, Targum.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МУНИЦИПАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ КЕСАРИИ ПАЛЕСТИНСКОЙ И АНТИОХИИ В РАННЕВИЗАНТИЙСКИЙ ПЕРИОД

М.В. Мишенина (Белгород)

В статье говорится о муниципальной структуре таких ранневизантийских городов, как Кесария Палестинская и Антиохия. Рассматриваются элементы и должности муниципального самоуправления. Прослеживается эволюция муниципальной организации.

Ключевые слова: муниципальная структура, Кесария Палестинская, Антиохия, курия.

Муниципальная структура ранневизантийских городов различалась по ряду признаков, но уже к V–VI вв. и в Антиохии, и в Кесарии Палестинской значение муниципальной организации ослабевает.

В III – первой половине VII вв. Кесария была большим административным центром сначала Римской, а после и Византийской империи. Она являлась главным городом провинции Палестина Первая. Кроме довольно больших размеров самой городской территории, а также присутствия ипподрома и губернаторской резиденции, здесь располагались и органы правосудия[1]. Кесария являлась в провинции резиденцией верховного суда, что также добавляло ей престижа и процветания.

Административное управление провинцией осуществлял наместник или губернатор. С середины II в. неофициально появился

---

[1] *Ващева И.Ю.* Кесария Палестинская в III – первой половине VII вв. // Вестник ННГУ им. Н. И. Лобачевского. Серия История. Вып. 1(4). 2005. С. 15.

титул презид (praeses), который на протяжении III в. превратился в официальный титул наместников всяких провинций (различия между ними полностью стерлись). Он обладал судебной, фискальной, а также административной властью на территории вверенной ему провинции, имел собственную резиденцию в главном городе и объезжал страну для общего надзора.

Эти должностные лица, в противовес наместникам ранней империи, отвечали исключительно за гражданскую администрацию. Они вели наблюдение за деятельностью властей города, а также за всем, что касалось сферы общественного порядка. Кроме того, администрация города была построена по образцу римской модели, и городской монетный двор чеканил монеты с латинскими легендами[1].

В отсутствие губернатора, один из его подчиненных, как правило, воинского звания, сотрудничал с городскими властями. Хотя местные власти сохраняли определенную степень автономии, явные признаки императорского надзора и контроля над муниципальными делами появляются уже во время правления Траяна. В это время, например, специальный представитель правительства, куратор, был назначен руководить местными финансами[2].

Порой сами города проводили тенденцию к правительственному контролю с помощью привлечения помощи в урегулировании определенных претензий, или разрешения различных благотворительных фондов, почетных степеней, подарков и т.д.[3]

Как и в каждом городе Империи, Кесария была ответственной за управление в окрестностях, и муниципальные чиновники обладали такой же юрисдикцией в этих сельских районах, как и в самом городе[4].

Следует отметить, что муниципальное самоуправление охватывало лишь греко–римское население, в то время как евреи и самаритяне управлялись отдельно.

Из надписи мы узнаем о существовавших в городе должностях. Дуовиры – название, применявшееся к различным магистратам и уполномоченным в Риме и в колониях и муниципиях. Важнейшими из этих магистратов были дуовиры для судопроизводства, дуовиры священнодействий, морские дуовиры, дуовиры для освящения храма,

---

[1] *Болгов Н.Н., Болгова А.М., Агаркова Ю.Н.* К истории Кесарии Палестинской в ранневизантийское время // Кондаковские чтения – IV. Белгород, 2013. С. 78–83.

[2] *Mommsen T.* The Provinces of the Roman Empire. 2 vols. London, 1909. P. 288.

[3] *Levine, Lee I.* Caesarea under Roman Rule. Leiden, 1975. P. 43.

[4] Ibid. P. 17.

дуовиры для расчищения дорог за городом, дуовиры по делам о государственной измене. Следующая должность – это понтифик – должность, упоминаемая в конституциях некоторых римских городов, коллегия понтификов осуществляла верховный контроль над всеми религиозными вопросами и всеми предметами и лицами, связанными с частным и общественным культом. Оратором, возможно, называли официального представителя города перед имперскими властями[1].

К концу IV в. в муниципальной жизни и поддержании городского хозяйства все большую роль начинали играть, с одной стороны – повинности торгово-ремесленного населения, прямые денежные поборы, разного рода отчисления от торговых поборов, доходы от эксплуатации внутригородских имуществ – лавок, с другой стороны – расходы императорского казначейства[2]. В то же время все более утрачивала свое значение роль литургической деятельности муниципальных землевладельцев – куриалов, которая являлась довольно характерной для города и муниципальных доходов от земельной собственности города.

Также стоит отметить, что в IV в. происходит упадок значимости курии и в других областях политической и экономической жизни города. Таким образом, на протяжении IV в. курия, являвшаяся органом самоуправления античного города, постепенно утрачивала свое значение в жизни города по мере своего разложения. Одни из функций античного полисного самоуправления – функции по организации эксплуатации земельной собственности города, организации раздач беднейшим согражданам, языческих празднеств, руководству храмовым хозяйством и т.д., постепенно отмирали, другие, не связанные с чисто античным характером городской жизни, переходили к независимым от античной полисной организации общественным силам.

Таким образом, в IV в. трансформации в сфере социальных отношений предопределили довольно значительные перемены и в городском строе. По ходу распада экономической базы античного полиса происходило сокращение полномочий в управлении городом и его территорией курии, которая являлась общественной организацией.

В Антиохии в IV в. падает значение курии в сферах экономической и политической жизни города. Все более явственно проявляющаяся во второй половине IV в. неспособность курии обеспечить действенный контроль над состоянием городского рынка приводит в Антиохии ко все возрастающему вмешательству чиновной администра-

---

[1] *Meiggs R*. Roman Ostia. Oxford, 1985. P. 177.
[2] *Rich, John.* The City in Late Antiquity. Routledge, 1996. P. 121.

ции в эту сферу деятельности курии[1]. Постепенно ответственные за состояние городского рынка куриалы-агораномы, лишенные реальной возможности влиять на состояние рынка, низводятся до положения простых контролеров.

Роль курии в поддержании общественного порядка к концу IV в. стала также весьма незначительна. Ослабевает и административный контроль курии над ее округой. Судя по закону 409 г. (CTh, XII, 14, 1), полицейские функции курии на территории сельской округи города также постепенно переходили к locupletiores – наиболее влиятельным местным собственникам, обладавшим реальной силой. К концу IV в. муниципальная организация почти утрачивает и один из элементов своей прежней автономии и власти над населением – сбор податей с населения города и его территории[2].

Важным элементом античного муниципального самоуправления был институт городских защитников, синдиков, экдиков – адвокатов города, выдвигавшихся курией из числа куриалов, наиболее известных в городе адвокатов.

Либаний несколько раз упоминает о синдиках в своих речах (X, 4; XXVIII, 3; XXIII, 25; LVI, 20; XXXVI,7), причем из этих упоминаний явствует, во-первых, что они принадлежали к куриальной верхушке Антиохии, к principales, а, во-вторых, что они не только не выполняли своих функций по защите интересов городского населения перед чиновной администрацией, но и, пользуясь своим положением и влиянием, сами активно грабили его.

Таким образом, муниципальная организация в это время даже с точки зрения правительства уже не обеспечивала элементарной защиты интересов рядовых граждан от произвола властей.

Согласно указам о defensores (CTh, I, 29, 1–4), они назначались на 5 лет императором или префектом претория, причем обязательно не из числа куриалов (decurionibus ista non credat, non ex decurionum corpore).

Так в городе появилось новое, назначаемое правительством и формально независимое от чиновной администрации и курии, должностное лицо, обязанное защищать интересы городского населения. Defensores civitatum имели право юрисдикции по мелким делам (до 50 солидов), на них была возложена обязанность контроля за правильно-

---

[1] *Курбатов Г.Л.* Ранневизантийский город (Антиохия в IV веке). Л.: ЛГУ, 1962. 248 с.

[2] *Курбатов Г.Л.* Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV–VII вв.: (Конец античного города в Византии). Л., 1971. 146 с.

стью сбора податей, а с 383 г. им был передан и сам сбор податей с minores possessores (CTh, XI, 7, 12).

С 387 г. дефенсор постепенно сосредоточивает в своих руках широкие административные и полицейские права. Он следит за выполнением законов, особенно в религиозных вопросах, получает контроль над муниципальной полицией и становится одним из главных ответственных за муниципальную жизнь. Развитие института дефенсоров в такой его форме свидетельствует о несомненном стремлении независимых от города крупных местных собственников принять официальное участие в руководстве городскими делами.

Дальнейшим развитием этого процесса было появление в Антиохии последней четверти IV в. собраний местной верхушки. При решении важнейших вопросов жизни города правитель, наряду с курией, стал собирать у себя представителей местной знати – honorati potentes. Так, в 387 г. такое широкое собрание (consilium) было проведено в связи со сбором налогов (Liban., XXII, 20).

Материал Антиохии показывает и заметное укрепление в течение IV в. влияния в гражданской жизни города епископской власти. Церковь, наряду с курией, стала брать на себя защиту интересов города перед императорской властью. В лице усиливавшейся епископской власти у курии, бывшей до этого формально единственным официальным представителем городской общины перед остальным гражданским миром, императорской властью, появился сильный конкурент. Тем самым, было подорвано значение посольств от курии как единственного признанного представительства городской общины.

Собрание местной верхушки, возглавляемое епископом города, становится в V в. важнейшим органом местного самоуправления, а курия все более превращается в подчиненную этому собранию организацию. Это собрание становится и главным распорядителем имуществ города. Представитель собрания местной верхушки – дефенсор – сосредоточивает в своих руках руководство важнейшими сферами деятельности курии и право контроля над ней.

Таким образом, в Антиохии в IV в. падает значение курии в сферах экономической и политической жизни города. Также в течение IV в. Антиохийская курия утрачивает и многие административно-фискальные, полицейские функции, гарантировавшие ее известную самостоятельность. Из состава куриальной верхушки видно, что некоторые органы не только не выполняли своих функций по защите интересов городского населения перед чиновной администрацией, но и, пользуясь своим положением и влиянием, сами активно грабили его. Также можно заметить, что церковь стала играть большую роль и отнимала часть полномочий муниципальной верхушки. Таким образом,

муниципальная организация в это время даже с точки зрения правительства уже не обеспечивала элементарной защиты интересов рядовых граждан от произвола властей.

COMPARATIVE CHARACTERISTICS OF THE MUNICIPAL STRUCTURE OF THE PALESTINIAN CAESARIA AND ANTIOCH IN THE EARLY BYZANTINE PERIOD

M.V. Mishenina

The article refers to the municipal structure of such early Byzantine cities as Caesarea of Palestine and Antioch. The elements and positions of municipal government are considered. The evolution of the municipal organization is traced.

Key words: municipal structure, Caesarea, Palestine, Antioch, curia.

ИСТОРИЯ ЦЕРКВИ В «ХРОНИКЕ» МАРЦЕЛЛИНА КОМИТА

Е.С. Балацюк (Белгород)

В статье анализируются сведения о становлении и развитии церкви Ранней Византии в позднеантичной латинской «Хронике» Марцеллина Комита. В статье показано отношение хрониста к протекавшим тогда богословским спорам и еретическим учениям. Также сделаны предположения о факторах, повлиявших на автора хроники при отборе и трактовке приведённых им сведений.

Ключевые слова: Марцеллин Комит, история церкви, поздняя античность, хроника.

Поздняя античность может быть охарактеризована как период, качественно отличный и от предшествующей классической эпохи, и от последовавшего Средневековья. Полицентризм и полиэтничность, постепенное перерождение и видоизменение старых и появление новых общественных структур, смена мировоззренческих и культурных установок на основе континуитета являются характерными чертами данной эпохи. Это позволяет, с одной стороны, отметить характерные особенности того или иного явления на момент возникновения, а с другой – рассмотреть его как самоценное проявление позднеантичной культуры.

В этой связи можно выделить формирование и укрепление института церкви в Ранней Византии, которая в дальнейшем приобретёт одно из ключевых мест в византийской истории.

Усиление церкви происходило как в идеологической, так и в экономической сферах. Постепенно церкви переходит и часть соб-

ственности городской общины. Церковному институту постепенно передаются и функций курии – поддержка торговли и хозяйства, образование и строительство в городах; само же городское самоуправление к V в. возглавлял епископ[1].

При этом процедура выбора епископа во многом напоминала по своей форме выборы муниципальных магистратов; это было связано с тем, какое активное участие принимали жители городов на епархиальных соборах, оказывая епископам «поддержку снизу»[2]. Такую активную роль мирян в церковной жизни можно назвать наследием античного городского самоуправления, изменившего свой характер с началом христианизации общества.

При этом система управления на локальном уровне была значительно лучше организована в сравнении с общеимперским. Соборы как правовая система регулирования церковной организации только проходили этап своего формирования: в IV в. они являлись в большей степени собраниями сторонников того или иного церковного течения, созывались нерегулярно, а состав определялся личными связями участвующих в нём[3].

Постепенная консолидация и централизация византийского церковного устройства происходит с параллельным усилением имперской власти. Такие изменения наиболее наглядно отражены в церковной политике Юстиниана, считавшего необходимым упрочнить взаимодействие между церковью и государством, исходя из чего, им был принят ряд мер по преодоление религиозных разногласий и устранению еретических течений. При Юстиниане улучшается материальное положение церкви, развёртывается крупная программа по строительству храмов, увеличивается авторитет епископов на местах[4].

Влияние церкви заметно сказывается на культурном облике ранневизантийского общества. Христианизация общества приводит к переосмыслению современниками своего прошлого и его места в рамках уже христианского мира.

В частности, сам жанр позднеантичной хроники, возникший на основе античных литературных форм, выражал христианское понимание исторического хода событий и причин, лежавших в его основе. Цель хроники заключалась в том, чтобы дать исчерпывающие корот-

---

[1] См.: *Курбатов Г.Л.* История Византии М., 1984. С. 29.

[2] См.: *Захаров Г.Е.* Церковь в системе общественной жизни балкано-дунайского региона в IV–V вв.: диссертация ... к.и.н. М., 2011. 365 с.

[3] См.: *Захаров Г.Е.* Иллирийские церкви в эпоху арианских споров (IV – начало V в.). М., 2014. С. 310.

[4] См.: *Курбатов Г.Л.* Указ. соч. С. 135.

кие сведения о прошлом человечества; первопричиной же тех или иных исторических явлений являлось божественное провидение[1].

Впоследствии авторская позиция и оценочность в хрониках окончательно заменится анонимностью и общей христианской исторической концепцией, представляемой в виде определённых религиозных стереотипов[2].

В этом плане позднеантичные хроники отличаются частичным сохранением взглядов автора на те или иные исторические явления; оценки событий и личностей могут как прямо, так и неявно выражаться хронистом. Одной из таких хроник и был труд Марцеллина Комита, ставший частью латинской культуры Константинополя в начале VI в.

При работе над «Хроникой» Марцеллин, говоря о событиях после 498 г., мог использовать личные воспоминания и сведения от людей из своего окружения. Что же касается более раннего периода, то здесь основным источником выступала т.н. Городская хроника Константинополя, содержавшая официальные записи на латыни о событиях в столице; частично этот источник был задействован хронистом и в статьях вплоть до 518 г. Также следует указать на латинскую «Историю против язычников» Павла Орозия и продолжение труда Иеронима «О знаменитых мужах» Геннадия Марсельского[3].

Сам Марцеллин позиционировал свою «Хронику» как продолжение трудов Евсевия и Иеронима Стридонского; последний, в свою очередь, переводил Евсевия Кесарийского с греческого на латинский язык и довёл свою работу до времени правления Валента. Тем не менее, Марцеллин отходит от чисто церковного содержания хроники, в отличие от своих названных предшественников; он показывает и светскую, и церковную историю становления Византии как сильного христианского государства[4].

Итак, в «Хронике» Марцеллином были зафиксированы определённые сведения, касающиеся истории церкви в различных её аспектах.

Автор хроники придаёт большое значение и церковной политике императоров, чей характер власти начинает приобретать сакральные черты в Ранней Византии. В этом смысле Марцеллин особо выделял

---

[1] См.: *Croke B.* Count Marcellinus and his Chronicle. London, 2001. P. 168.

[2] См.: *Удальцова З.В.* Источники по истории Византии IV – первой половины VII в. // История Византии: В 3-х томах. М., 1967. Т. 1. С. 47.

[3] *Treadgold W.* The Early Byzantine Historians. New York: Palgrave Macmillan, 2007. P. 233.

[4] Ibid. P. 234.

Феодосия и Юстиниана, как поддерживающих и укреплявших институт церкви правителей.

Так, Феодосий «утверждал католическую церковь» (Marc. Com. 379.1), что дополняло показанный в хронике образ Феодосия как благочестивого защитника империи, содействовавшего ее развитию.

Во многом этот образ синхронен с представлением Марцеллином императора Юстиниана, военные победы которого в совокупности с попытками решения церковных разногласий, вызывали положительный отклик у хрониста как стабилизирующие и укрепляющие государство действия. «Святейший император» Юстиниан особо выгодно показан Марцеллином при описании восстания Ника – первым действием императора становится восстановление церкви (Marc. Com. 532).

Поэтому император Анастасий, поддерживающий монофизитов, что, видимо, по мысли Марцеллина, лишь порождало раздробленность в обществе и ослабляло страну, выставляется как однозначно отрицательная личность. Ярким примером этого служит статья под 512 годом, сообщающая о восстании против Анастасия, причиной которому послужил приказ императора о введении монофизитской версии Трисвятого. Хронист подробно описывает жестокость в подавлении недовольства истинных католиков, которые «были порублены в этой церкви» или убиты в тюрьмах (Marc. Com. 512. 2). Сам же император показан как неспособный разрешить конфликтную ситуацию правитель, дающий пустые лживые обещания (Marc. Com. 512. 7-8).

То есть, в «Хронике» чётко прослеживается антиеретическая позиция автора, расценивающего любой раскол как опасность государственным устоям империи.

В связи с этим, другим аспектом в описании церковной истории становится фиксация отдельных правоверных христианских деятелей. Таковым являлся константинопольский патриарх Евфимий, который «мужественно противостоял» Анастасию (Marc. Com. 494.1). Евфимий ранее смог добиться обещания Анастасия поддерживать халкидонян. И данная статья может свидетельствовать о прекращении формального соблюдения этого обязательства, т.е., об «объявлении гражданской войны против православной веры» (Marc. Com. 494.1). Итогом этого конфликта становится изгнание бывшего патриарха (Marc. Com. 495).

Подобная судьба постигла и других епископов, отказавшихся от поддержки монофизитства при Анастасии. Марцеллин сообщает о ссылке католического патриарха Антиохии Флавиана и епископа Палтоса – Иоанна – в крепость Петра, где Флавиан умер, а Иоанн был впоследствии восстановлен при Юстине (Marc. Com. 512.9).

«Без вины» был выслан из столицы и патриарх Македоний. Реакцией на это стало выступление комита федератов Виталиана-скифа –

возможного кузена епископа, который фактически восстал против религиозной про-монофизитской политики Анастасия. Его войска (более 60 тысяч конницы и пехоты) расположились вблизи от Константинополя в целях защиты интересов православных и самого Македония (Marc. Com. 514.1).

В этом же ключе сообщается об иллирийских епископах, призванных в столицу к Анастасию, – Лаврентии Лихнидском, Домнионе Сердикийском, Алкиссе Никопольском, Гайяне Наисском, Евангеле Павталийском (Marc. Com. 516.3). Сосланные из-за отказа поддержать церковную политику императора, Домнион и Евангел в итоге были возвращены в свои епархии. Лаврентий был излечен в церкви Космы и Дамиана и также вернулся на родину, где умер в возрасте 80 лет (Marc. Com. 516.3). Данная статья также указывала на приверженность жителей префектуры Иллирик истинной веры, что было важно подчеркнуть Марцеллину Комиту – уроженцу этой области.

О церковных деятелях, выступавших против еретических течений, Марцеллин указывает и в другие временные периоды. Так, он включает в «Хронику» сообщение об известном Григории Назианзине из Каппадокии – «самом красноречивом служителе Христа», который «боролся с вероломством ариан» до их изгнания из церкви императором Феодосием (Marc. Com. 380).

Среди других видных персоналий Марцеллин выделяет иллирийца Иеронима Стридонского (продолжателем хроники которого и называл себя Марцеллин), посвящая ему самую пространную статью своей работы (Marc. Com. 392.2). Источником информации здесь, возможно, выступали записи самого Иеронима. Иероним, по словам хрониста, сделал «башню католической церкви неуязвимой для стрел еретиков» – издал книги апостолов и собственные интерпретации книг пророков, то есть, дал источники, доказывающие ложность еретических учений. Отмечается и масштабный перевод на латынь с еврейских рукописей Ветхого Завета, «пророка Даниила с халдейского, и Иова Справедливого с арабского» (Marc. Com. 392.2).

В «Хронике» также упоминаются биографические сведения об Иоанне Златоусте до его посвящения в сан епископа в Константинополе в 398 г.; в частности, отмечено созданием им «прекрасных богословских работ» (Marc. Com. 398.3). Упоминает он также о его изгнании в результате заговора в город Куккуз, а спустя год – в поселение Комана; о смерти и погребении в церкви мученика Василиска (Marc. Com. 402.3).

В отдельной статье упоминается о пресвитере Антиохии Исааке, создавшем труды против несториан и евтихиан на сирийском языке, а также элегическую поэму о разрушении Антиохии (Marc. Com. 459).

Был отмечен и епископ Феодорит Кипрский, написавший книгу о воплощении Христа против Евтиха и Диоскора (Marc. Com. 466).

Марцеллин, таким образом, обозначил тех церковных деятелей, которые, по его мнению, своими действиями и трудами заложили основы для развития истинного христианского вероучения.

Другой блок статей фиксирует возрастающую роль церкви в городах. В «Хронике», во-первых, сообщается о городах, где проводились Вселенские соборы. К ним относится Эфес, где прошел «разбойничий» собор (названный так папой Львом), на котором был лишён сана епископ Флавиан (Marc. Com. 449.2). Зафиксирован был и «печально известный и осмеиваемый» созванный Анастасием Собор в Силоне, где присутствовало около 80 епископов-еретиков (Marc. Com. 512.8). Также Марцеллин указывал на Константинополь, где проходили Второй (Marc. Com. 381.1) и Халкидонский (Marc. Com. 451) соборы. Стоит отметить, что целью этих соборов было решение догматических разногласий между представителями церкви, осуждение ереси. Как уже отмечалось выше, консолидация церкви и решение религиозно-догматических разногласий были важны для Марцеллина как фактор благополучия империи.

Во-вторых, по «Хронике» частично прослеживается взаимодействие и взаимовлияние между церковью и городской общиной. Например, информация о рукоположении в епископы Нестория при деятельном участии столичных жителей (Marc. Com. 428. 1-2) напрямую указывает на значимую роль горожан при выборе епископа.

Косвенно об этом свидетельствует и «узурпация», по воле того же Анастасия, места столичного патриарха Македония Тимофеем (Marc. Com. 511). То есть, говорится о неправомочности подобных смещений со стороны императора.

В-третьих, с христианизацией общества значение приобретает и такой фактор как святость места, в том числе, и святость столицы – центра всей империи. Поэтому у Марцеллина присутствует информация о погребении мощей святых (блаженного Иоанна и Стефана Первомученика) в Константинополе (Marc. Com. 438.2; 439.2).

Касаемо священных реликвий, особый интерес вызывает обширный экскурс в «Хронике» об открытии главы Иоанна Крестителя монахами монастыря Спелайон в Эмесе (Marc. Com. 453.1-4). Возможно, что такая подробная статья является вставкой хронистом официального сообщения об открытии главы в консульство Винкомала и Опилиона.

Западная церковная история фиксируется хронистом не так подробно, как история Восточной церкви. Марцеллин отмечает в отдельных статьях назначение на должность понтифика Римской церкви:

Дамаса (Marc. Com. 382.3), Сириция (Marc. Com. 383.1), Анастасия (Marc. Com. 398.1), Иннокентия (Marc. Com. 402.1), Зосима (Marc. Com. 417.3) и др. Также был упомянут епископ Лиона Евхерий, создавший полезные для церкви и монашества труды (Marc. Com. 456.2). Подробное описание их деятельности не встречается.

Исключение здесь составляет эпизод посещения папой Иоанном в 526 г. Константинополя для защиты ариан в Италии по просьбе Теодориха из-за возобновившихся преследований их при Юстине (Марцеллин датирует посещение годом раньше). Здесь хронист указывает на огромные почести, которыми приветствовали Иоанна, который «громогласно праздновал Воскресение Господа по римскому обычаю» в св. Софии (Marc. Com. 525).

Естественно, что такое событие общеимперской значимости, было выделено Марцеллином, которого волновала и проблема взаимодействия между римским папой и иллирийскими церквями.

Подводя итог, можно сказать, что церковная история в латинской «Хронике» Марцеллина Комита тесно переплетается с другими тематическими блоками данного труда – с имперским и городским (в большей степени столичным), а также частично иллирийским. Возрастающая роль церкви как социального института в идеологической, экономической и социально-политической сферах становится важным фактором в развитии ранней Византии. Поэтому включение истории церкви становится закономерной задачей для Марцеллина, одной из возможных целей хроники которого являлось показать становление сильной христианской империи.

Через передачу историй отдельных церковных деятелей, заложивших основы вероучения, через показ конфликтов, связанных с различными еретическими течениями, Марцеллин передаёт историю становления христианской церкви, развитие которой он видел в рамках установленного на Халкидонском соборе догматах.

THE CHURCH HISTORY THE «CHRONICLE»
BY COUNT MARCELLINUS

E.S. Balatsiuk

The article is devoted to analysis the information about church development in early Byzantium that was described in late antique latin chronicle by Count Marcellinus. The paper showed chronicler’s opinion about theological disputes and heretical doctrines. Also there was some assumptions about author's interpretations and motivation to include this information.

Key words: Count Marcellinus, church history, late antique, chronicle.

ГЕРМАНСКИЕ ВОИНЫ В ВОЙНАХ ЮСТИНИАНА (527–565 ГГ.)

О.В. Головина (Белгород)

В работе дается характеристика места и роли германских воинов в армии Юстиниана. Сделан вывод о том, что они в данное время служили преимущественно на основании личных договоров.

Ключевые слова: Юстиниан, германцы, войско, Византия.

В 518 г. умирает император Анастасий, и начинается новый период истории Византии, характеризующийся радикальными переменами во внутренних и внешних делах государства при Юстиниане.

Во внешней и внутренней политике выдвигаются новые задачи. Юстиниан вступил на престол, видя в себе наследника римских цезарей и носителя идеи восстановления империи в границах I–II вв. Теория восстановления империи была поддержана населением занятых варварами провинций, которые, попав в руки варваров-ариан, единственным защитником видели Юстиниана. Однако, как отмечает Ю.А. Кулаковский, военная сила империи находилась в упадке[1]. Исследователи обращают внимание на то, что уже в течение V в. в связи с упразднением большого количества пограничных гарнизонов численность армии Восточной империи сократилась.

Поэтому одна из основных задач, которая стояла перед императором, заключалась в реформировании армии, ее состава, систем снабжения и контроля. В связи со сложившейся ситуацией в империи возникает вопрос, насколько велика была в период правления Юстиниана роль федератов, а именно германцев, в армии, претерпевает ли изменения институт федератства, учитывая ту идею византинизма, которая в VI в. господствует в правящих кругах империи.

Размах военных действий, которые проводит империя в период 533–540 гг. огромен, нехватка людских ресурсов стала ощущаться еще сильнее, это объясняет активное использование федератов в армии Юстиниана.

В VI в. основную часть армии Восточной империи помимо солдат, которые подчинялись магистрам армии, составляли и федераты. Ю.А. Кулаковский отмечает, что прошло то время, когда германцы-федераты были инородным телом в недрах византийской армии[2]. С этим мнением можно согласиться, так как еще Анастасием, а вслед за ним и

---

[1] *Кулаковский Ю.А*. История Византии. Т. 2… С. 234.

[2] Там же. С. 240.

Юстинианом, проводились меры, направленные на «растворение» варваров в империи, на усиление контроля над варварами в армии.

Условия службы федератов были теми же, что и у обычных солдат: федераты получали жалованье из государственной казны; федераты образовывали такие же воинские подразделения, как и регулярные войска; во главе контингентов федератов стояли командиры-римляне. Так, например, во время войны с вандалами, федератами командовали стратиг Армении Дорофей и Соломон, бывший доместиком у Велизария (Procop. BV, I,11,5)

Даже организация подразделений федератов ничем не отличалась от организации подразделений обычных солдат. Возможно лишь, что подразделения федератов считались более привилегированными, чем подразделения обычных солдат. Эту мысль может подтвердить тот факт, что Прокопий гораздо чаще приводит имена офицеров, возглавлявших федератов, а не командиров обычных солдат. Исследователи отмечают, что федераты в это время не были подразделениями, размещенными в провинциях, они представляли собой резерв, постоянно находившийся в распоряжении правительства, которым оно могло располагать по своему усмотрению и посылать его туда, где в этом возникала необходимость. Федераты образовывали также гарнизоны нескольких крупных городов, например Константинополя и Александрии.

Большое внимание положению федератов в византийской армии VI в. уделяется не случайно, ведь преобладающим элементом среди федератов были германцы, а именно готы.

Одним из разрядов военнослужащих, которые входили при Юстиниане в состав действующей армии, были отряды букеллариев, обозначенные также термином гипасписты. Букелларии состояли из нескольких отрядов, из которых нас интересуют дорифоры (копьеносцы). Дорифоры имели офицерский ранг, поэтому им могли доверить ответственные задания. Сохранившиеся имена дорифоров свидетельствуют о том, что почти все они набирались из варварской среды, в том числе, из германцев[1].

В источниках VI в., прежде всего, в трактате Псевдо-Маврикия, присутствуют еще какие-то специальные гвардейские части – оптиматы (в пер. с лат. – «лучшие, знатные»). По этносу и конфессии они преимущественно готы-ариане, причем имеют свою церковь в Константинополе. Оптиматы VI в. представляли собой наиболее боеспособный вид войск, состоявший из варварской знати, среди которой большую часть составляли готы.

---

[1] *Lot F*. L'art militaire et les armées au Moyen age en Europe et dans le Proche Orient. En 2 t. Paris, 1946. T. I. P. 34–35.

Последним разрядом военнослужащих были отряды союзников (варваров-наемников), которые набирались среди племен, живших за пределами империи. Основу этих племен помимо гуннов и славян, составляли германцы – гепиды и герулы. Контингенты варваров были вооружены своим национальным оружием. Как отмечает Прокопий, герулы не носили ни панцирей, ни шлемов и имели лишь щит и грубую рубаху (Procop., BP, II, 25, 27).

Кроме варваров, которые поступили на военную службу в империю добровольно, в юстиниановской армии было достаточное количество отрядов, сформированных из военнопленных. Так, например, Прокопий сообщает о шеститысячном отряде, который сопровождал Велизария во время его переговоров с послом Персии и состоявшем из фракийцев, иллирийцев, готов, герулов и вандалов (Procop., BP., II, 21, 4). При этом иллирийцы и фракийцы были уроженцами империи, герулы – союзниками, а готы и вандалы были пленниками.

Многие пленники сами изъявляли желание перейти на службу империи. Так гарнизон гота Урбина сдался Велизарию на условиях, что готы будут подданными императора и станут служить ему на равных правах с римскими солдатами (Procop., BG, II, 19, 173)[1]. Пленников, которые захотели перейти на имперскую службу, не стали распределять по уже сформированным отрядам, а создали из них новые регулярные воинские подразделения.

Во время боевых действий солдаты и военачальники выходцы из варваров-германцев неоднократно показывали высокую боеспособность, волю к победе и верность правителям империи. Например, бывший вождь гепидов Мунд. В 529 г. Мунд направил посланника к Юстиниану, предлагая свою преданность. Император принял это предложение, и Мунд был назначен главой всех войск в Иллирии и вдоль дунайской границы (Malal. 450–451). В 530–531 гг. Мунд отражал вторжения славян и болгар на Балканы, отправляя в Константинополь богатую добычу (Marc. Com. AD 530).

Прокопий отмечает эпизод, в котором на высшие должности империи назначаются даже «простолюдины» из германской среды. Под простолюдином подразумевается некий Свартуя, герул, предложенный Юстинианом в качестве короля племени герулов в первой половине 40-х гг. VI в. Когда герулы оставили Свартую, поддержав другого претендента, он бежал в Константинополь, где был сразу назначен презентальным магистром (Procop. BG. II. 15. 32; IV. 25. 11). В 552 г. Свартуя был одним из командиров войска, посланного императором на помощь лангобардам.

---

[1] *Lot F.* L'art militaire… P. 34.

В битве при Везувии в 553 г. непосредственно перед самым развертыванием боя произошел конфликт дисциплинарного характера между полководцем и контингентом герулов, находившимся под начальством Синдуала, вследствие чего герулы отказались встать под оружие. Нарзесу даже пришлось выступить перед войском и объявить, что каждый, кто хочет внести свой вклад в победу, должен следовать за ним и идти вперед. В результате произнесенной речи, герулы сочли для себя позорным остаться позади, так как это могло бы показаться с их стороны трусостью, и потому сообщили, что они также пойдут.

Эпизод, касающийся сражения при Везувии интересен еще и тем, что в нем описана та проблема, с которой столкнулась империя, используя варваров в военной службе. Агафий сообщает: «Два герула незадолго до битвы перебежали на сторону неприятеля и побуждали варваров как можно скорее напасть на римлян. Ведь вы застигнете их в полном беспорядке и в смятении, – говорили они, – так как полк герулов в своем упорстве отказывается принять участие в бою, а другие повержены в полное отчаяние вследствие их отпадения. Желая, чтобы эти слова соответствовали правде, перебежчик Бутилин дал себя легко уговорить и повел вперед свое войско. Все шли прямо на римлян, охваченные стремлением сражаться, не спокойным шагом и соблюдая полный порядок, но быстро и бурно, как будто они не могли удержать своего стремления идти вперед как можно быстрее, и как будто они хотели опрокинуть римское войско при первом своем натиске. Но когда к месту сражения подошли герулы Синдуала, перебежчики были жестоко наказаны. Предводитель варваров Бутилин и все его войско были стерты с лица земли, причем погибли также и перебежчики из императорского войска; ни один из германцев не увидел больше своего родного очага, за исключением пяти человек, которые каким-то образом избежали общей гибели. Можно сказать, что варвары потерпели наказание за свои злодеяния, и что их настигла высшая сила» (Agaph. III, 20).

Часто империя сталкивалась с неповиновением варваров, отсутствием дисциплины или вовсе с предательством. Федераты имели довольно слабое представление о воинской дисциплине, иногда это приводило к мятежам как в мирное время, так и во время кампаний. Таким солдатским мятежом отличилась успешная для византийской армии операция в Северной Африке, где с 533 г. полководец Велизарий разгромил королевство вандалов[1]. Из-за низкой дисциплины федераты часто конфликтовали с местным населением, которое несло на себе основную тяжесть денежных и натуральных повинностей и, кроме то-

[1] *Кобищанов Ю.М.* Северо-Восточная Африка в раннесредневековом мире (VI – середина VII в.). М., 1980. С. 56.

го, вынуждено было содержать у себя воинов, не получая за это никакой компенсации.

Г. Дельбрюк отмечает, что такие пестрые войсковые отряды ни к чему хорошему не приводили. От этого страдала и боевая сила, и боеспособность армии, и это было основным недостатком дисциплины[1].

Очень много фактов и сообщений такого рода приводит Прокопий. Он описывает эпизод вхождения войск Велизария в Карфаген. И после захвата лагеря вандалов контингенты федератов настолько забывают дисциплину и так беспутно своевольничают, потеряв страх перед своим полководцем, что Прокопий принужден опасаться, как бы при наступлении неприятеля не погибло целиком все войско.

Но, несмотря на эти факты, которые дают нам источники, Ю.А. Кулаковский отмечает, что в военном отношении федераты представляли гораздо более надежный элемент, чем, например, военное сословие туземцев. Старые традиции поддерживали военный дух в этой массе. Среди них появлялись люди, чувствовавшие призвание к военному делу. Они собирали вокруг себя свою дружину и содержали ее на свой счет. Отношения между вождем и его дружиной основывались на присяге; но эту последнюю дружинники приносили не только на имя вождя, вокруг которого группировались и в военные способности которого верили, но также и императора, как верховного начальника военной силы империи[2].

Но, несмотря на политику византинизма, которая в VI в. господствовала в империи, в армии Юстиниана основную силу продолжали составлять контингенты федератов, большую часть которых составляли германцы. Империя обращалась к силе германцев практически постоянно, что связано с особым военным духом этих племен, их профессионализмом в военном деле. Собственных сил на ведение войн, запланированных Юстинианом, в империи было недостаточно. Сама политика императора, предыдущие войны с германскими федератами, разоряли империю в военном плане. Поэтому использование дополнительных военных сил, в качестве германцев-федератов, союзников или военнопленных было для империи необходимо. Германцы служили императору верой и правдой. Источники дают множество подтверждений этому, приводят в качестве примеров эпизоды, в которых германцы на службе империи проявляли высокую боеспособность и верность императору. Но, в отличие от V в., в VI в. мы не видим среди германской среды федератов таких громких и сильных вождей как Гайна, Стилихон, Фравитта, Аларих, Аспар. Империя учла ошибки прошлого

---

[1] *Дельбрюк Г.* История военного искусства. Т. 2. СПб., 1994. С. 400.

[2] *Кулаковский Ю. А.* Указ. соч. С. 430.

времени, на исправление этих ошибок и была направлена политика императоров Анастасия и Юстиниана.

Теперь федераты находятся под контролем имперских чиновников, варвары больше не принимаются на службу по договору с целым племенем. Теперь договор с империей – это индивидуальный, личный договор. Варвары теперь не представляют угрозы императорской власти, они становятся более управляемыми и контролируемыми императорской администрацией. Институт федератства трансформируется, а в Европе и Африке в это время терпят кризис или вовсе распадаются многие варварские государства. Германцы больше не играют той роли в империи, какую они играли раньше. Они становятся лишь звеном в огромной мозаике юстиниановской армии (готы, герулы, гепиды, вандалы, франки; наряду с ними – мавры, маврусии, берберы, нумидийцы, арабы, армяне, фракийцы, гунны, савиры, лазы, цаны, булгары, иллирийцы, исавры, склавины, анты и др.), которая варваризовалась, но под контролем власти и в строгой системе.

GERMAN WARRIORS IN JUSTINIAN WARS (527-565)

O.V. Golovina

The paper describes the place and role of the German soldiers in the army of Justinian. It is concluded that they currently served primarily on the basis of personal contracts.

Key words: Justinian, Germans, army, Byzantium.

ОСОБЕННОСТИ ОБОРОНИТЕЛЬНОЙ ТАКТИКИ ГОРОДОВ И КРЕПОСТЕЙ ЭПОХИ ЮСТИНИАНА

Е.В. Гущин (Белгород)

В статье рассматриваются особенности оборонительной тактики Византии периода Реставрации Юстиниана Великого. Особое внимание уделяется проблеме эволюции военной мысли после падения Западной Римской империи.

Ключевые слова: Юстиниан Великий, Византия, армия Ранней Византийской империи.

Несмотря на то, что основной ударной силой в ранневизантийской армии были полевые войска, неотъемлемой частью ранневизантийских войск являлись артиллерийские и инженерные части, а также военно-морской флот, имевшие важное значение. Без данных сил не обходилась ни одна военная кампания эпохи Юстиниана, поэтому сле-

дует особо рассмотреть эти рода войск, а также практику их применения в военных кампаниях Юстиниана и их значение на поле боя.

В эпоху Юстиниана было наиболее развито было искусство контрполиоркетики – защиты городов и укреплений. Способы защиты крепостей при осаде подробно и со знанием дела разработаны в византийском анониме «О стратегии», написанном как раз во времена правления этого императора, причем автор опирался на собственный боевой опыт, что делает данное сочинение особо значимым для нашей темы. Там подробно обсуждаются выбор оптимального места для строительства крепости, виды защитных укреплений, методы противостояния осадным машинам (Anon. IX–XIII). Он советует строить город там, где есть запасы воды, чтобы выдержать осаду, местность достаточно плодородна, чтобы прокормить жителей, а также множество ресурсов для строительства. Место для города должно иметь хорошую естественную защиту: либо труднодоступная возвышенность, либо крупная река, которую нелегко пересечь, либо узкая полоса суши, соединенная с материком небольшим перешейком. Крепость не должна располагаться слишком близко к воде, чтобы не быть уязвимой для вражеского флота. Если город расположен на равнине и не имеет естественной защиты, его нужно хорошо укрепить с помощью искусственных защитных сооружений. Такие города не рекомендуется строить вблизи границ (Anon. IX–X). Стены города должны быть по толщине не менее 5 локтей, а высота не менее 20. Согласно античным писателям, толщина стен должна составлять не менее 4,5 м в толщину и около 10 м в высоту[1]. Такая толщина позволяла предотвратить пролом стены таранами, черепахами и камнеметными машинами, а высота не позволяла использовать штурмовые лестницы.

Особым средством защиты была форма и конфигурация самих стен (Anon. XI). Данная идея фланкирования детально развита в работе Вегеция, который говорит, что благодаря тому, что линия стен не прямая, а имеет изгибы и выступы, при подходе к стене неприятель будет поражаться не только с фронта, но также с флангов и тыла (Veg. IV.2). Одним из важнейших средств защиты аноним считает протейхизму – передовое укрепление перед крепостной стеной, которое, с одной стороны, препятствует подходу к стенам крепостных машин, а с другой – помогает укрыться населению местной округи, не загромождает город.

Крепостные башни должны иметь вид шестиугольника для и иметь сводчатое перекрытие для лучшей защиты солдат. Угловое обращение башен в сторону противника снижало эффективность его

---

[1] Эллинистическая техника / Под ред. И.И. Толстого. М., 1948. С. 309.

орудий на башни[1]. Стены должны быть защищены прямоугольными зубцами, за которыми можно укрыться. Нижние части стены высотой до 7 локтей должны быть сложены с больших крепко пригнанных камней, образуя противотаранный комплекс.

Перед стеной рекомендуется сделать ров шириной не менее 40 локтей и глубиной, превышающей глубину фундамента для противодействия подкопам. Землю из рва советуется поместить между стеной и протейхизмой и разровнять, чтобы создать защитникам удобную площадку для поражения врагов. Если укрепление расположено в гористой местности, вместо рва рекомендуется сделать дополнительную земляную насыпь в виде отвесных откосов перед стенами, затрудняющую приближение к ним (Anon. XI).

Информацию анонима дополняет Вегеций. Он описывает нечто подобное протейхизме, рекомендуя построить две стены, заполнив промежуток землей, в результате чего это укрепление невозможно пробить тараном. Рвы перед стенами он советует заполнить водой. Кроме крепостных стен он советует защитить ворота, покрыв их железом и сырыми кожами для защиты от возгорания. В стене должны быть отверстия, через которые можно лить воду для тушения огня (Veg. IV.3–5).

Практика фортификации крепостных сооружений эпохи Юстиниана наиболее репрезентативно выражена в трактате Прокопия «О постройках». В этом трактате Прокопий последовательно в 6 книгах рассматривает городские сооружения в различных регионах: Константинополе и его округе (кн. 1), Месоптамии, Сирии и Финикии (кн. 2), Армении (кн. 3), Европе: Иллирик, Балканы и Фракия (кн. 4), Малой Азии и Палестине (кн. 5), а также Египте и Ливии (кн. 6). Несмотря на тенденциозность, отмечаемую исследователями[2], данное сочинение является важнейшим источником по фортификационному строительству в империи в VI в.[3]

Данные Прокопия подтверждаются археологическими раскопками и даже служат своеобразным путеводителем для них[4]. Источниками Прокопия служили подлинные официальные планы и документы, которые он стремился привести в литературную форму, снабдив панегирическим наполнением[5]. Юстиниану принадлежит построение стен, крепостей и

---

[1] Там же. С. 310-311.

[2] *Удальцова З.В.* Идейно-политическая борьба в Ранней Византии (по данным историков VI-VII вв.). М., 1974. С. 162.

[3] *Cameron Av.* Procopiusand the Sixth Century. London, New York, 2005. P. 84.

[4] *Perrin-Henry M.* La place des listes toponymiques dans l’organisation dulivre IV des *Ediftces* de Procope // Geographica Byzantina / Byzantina Sorboniensia 3, 1980. P. 3–106.

[5] *Downey G.* The composition of Procopius, De Aedificiis // Am. Philol. Association, 78, 1947. P. 171–183.

сторожевых укреплений против персов, армян, арабов и болгар, возведенных на окраинах империи в защиту от неожиданных нападений неприятеля[1]. Эти постройки заслуживают особого внимания, т.к. эти укрепления были призваны привести в упадок старую римскую систему укреплений. Сооружение военных объектов является более простым мероприятием по сравнению с гражданскими объектами. При их строительстве, как правило, полагались на труд солдат, которые, предположительно, имели право реквизиции любых необходимых материалов[2].

Укрепления были особенно важными, так как они предназначены для защиты областей, которые были более уязвимыми для нападения варваров, и они включали не только массивные укрепления вокруг городских районов, но и обороны вокруг деревень и убежищ для людей, живущих в малонаселенных частях империи[3]. Можно полагать, что армии в этот период страдают от значительного уменьшения в числе. По этой причине, по-видимому, военные инженеры Юстиниана строили мощные крепостные стены во многих местах, вероятно, надеясь, что обороной будут служить стены и форты, при отсутствии крупных войск. Эта оборонительная политика контрастирует с императорскими завоеваниями на Западе.

В целом, исследователи отмечают, что искусство защиты городов и крепостей было в застое на протяжении IV–V вв., но ситуация серьезно улучшилась в эпоху Юстиниана. Империя обладала достаточно совершенными для своего времени осадными и метательными машинами, хорошо продуманной осадной стратегией и тактикой, обеспечивавшей защитникам высокую обороноспособность[4]. Анализируя основные средства методы обороны крепостей в эпоху Юстиниана, можно сделать вывод, что основное внимание уделялось защитным сооружениям, о чем свидетельствует огромное количество выстроенных крепостей по всем границам империи. Искусство фортификации достигло в это время небывалых высот. Но, в то же время, римляне использовали и активные методы обороны: вылазки, рвы, насыпи, контрподкопы, дальнометные орудия с камнями и горючими веществами, защитные механизмы и дополнительные материалы для укрепления стен. Эти способы соответствовали тем, которые рекомендовались в военных сочинениях, следуя античной традиции.

---

[1] *Успенский Ф.И.* История Византийской империиVI-IX вв. М., 1996. С. 492.

[2] *Lee A.D.* Op. cit. P. 98.

[3] *Gregory T.E.* History of Byzantium. Blackwell Publishing, 2005. P. 135.

[4] *Александрович С.С.* Указ. соч.

PECULIARITIES OF THE DEFENSE TACTICS OF CITIES AND FORTRESSES OF THE PERIOD OF JUSTSTINIAN

E.V. Gushchin

In the article features of the defensive tactics of Byzantium of the Restoration period of Justinian the Great are considered. Particular attention is paid to the problem of the evolution of military thought after the fall of the Western Roman Empire.

Key words: Justinian the Great, Byzantium, the army of the Early Byzantine Empire.

К ВОПРОСУ О ГАРНИЗОННОЙ СТРУКТУРЕ ВИЗАНТИЙСКОЙ АФРИКИ (VI в.)

Н.Е. Третьякова (Белгород)

В статье предпринята попытка сопоставить класс укрепленных участков Византийской Африки с типами гарнизонов, для которых они были построены по данным письменных источников (Прокопий Кесарийский «О постройках», длинный географический трактат Георгия Кипрского).

Ключевые слова: Византийская Африка, комитаты, лимитаны.

В своей статье[1] ранее мы рассматривали военную организацию в провинции Африка в VI в., а также вопрос о наличии там ряда типов военных гарнизонов: комитатов, лимитан и гентил, ссылаясь на латинские надписи, относящиеся, на наш взгляд, к организации военных гарнизонов в том или ином регионе Византийской Африки.

Нам известно 47 укрепленных участков, относящихся ко времени царствования Юстиниана, 3 – ко времени правления Юстина II, 4 – ко времени правления Тиберия II Константина, 3 – к Маврикию; для 21 участка точная датировка неясна, за исключением того, что они относятся к VI в.[2]

Все представленные укрепленные участки, несомненно, содержали гарнизоны. В настоящем очерке мы попытаемся проанализировать, насколько можно сопоставить класс укрепленных участков с типами гарнизонов, для которых они были построены. Для этого рассмотрим соотношение статуса поселения к гарнизону.

---

[1] *Третьякова Н.Е.* Comitatenses, limitanei, gentiles или типы военных гарнизонов в Византийской Африке (VI в.) // Иресиона. Выпуск V. К 30-летию кафедры всеобщей истории НИУ «БелГУ». Белгород, 2016. С. 212–219.

[2] См. карту – илл. 1 и таблицу – илл. 2.

Источники, которые могли бы нам представить сведения о том, какие конкретные типы войск закреплены за определенными гарнизонами, практически отсутствуют[1]. В Византийской Африке характер участков, которые закрепляются за гарнизонами комитатов и лимитан, упоминаются Юстинианом в рескрипте, адресованном Велизарию в 534 г. В этом документе говорится, что солдаты (комитаты) должны были быть размещены на границе или городе, а лимитаны – в лагерях или тех пределах, где они должны были иметь наделы земли для выращивания сельскохозяйственной продукции (Cod. Iust., I, 27, 2, 13).

Для анализа мы можем использовать список городов, построенных между 553 и 555 гг., представленных в трактате Прокопия Кесарийского «О постройках». В этом трактате Прокопий приводит нам 30 πόλεις, 28 из которых он относит к «укреплениям Юстиниана», а также указывает 7 φρουρια, также относящихся к имени Юстиниана (De aedif., VI). По мнению Р. Прингла[2], этот список является далеко не полным. Например, не упоминаются такие укрепления как Кесария, Капса (Гафса) и Константина.

Однако, известно две надписи из Капсы, которые свидетельствуют о строительстве стен вокруг города под предводительством Соломона, после чего город был переименован в Капса Юстиниана (*Gapsa lustiniana)* не позднее, чем за десять лет до составления Прокопием Кесарийским трактата «О постройках». Также в список Прокопия не вошли такие города, как *Chusira, Gadiaufala, Madauros, Sufes, Thagura, Theueste* и *Zabi Iustiniana*. Следует отметить, что сам Прокопий признавал, что не представлял полного отчета о строительных работах, проведенных Юстинианом, и объяснял упущения тем, что о строительстве этих укреплений (?) ему было неизвестно[3].

Итак, из 30 городов, представленных в труде Прокопия, 8 упоминаются в других источниках как *πόλεις, urbs or ciuitas*, имеющие в качестве фортификационной составляющей стены. Исключение составляет Тимгад, имеющий крупную фортификацию (крепость, 0,75 га)[4]. Мы можем предположить, что там могли базироваться комитаты. Туга, вероятно, также являлась гарнизоном комитатов. Септем также являлся гарнизоном комитатов, находившихся под командованием трибуна. Некоторые из

---

[1] *Pringle R. D.,* Sixth-century fortifications in byzantine Africa: an Archaeological and Historical Study. V. II. Oxford University, 1978. P.159.

[2] Ibid. P. 162.

[3] См. *Downey G.* The Composition of Procopius, De Aedificiis // Transactions and Proceedings of the American Philological Association. 1947. Т. 78. С. 171–183.

[4] *Pringle R. D.,* Sixth-century fortifications in byzantine Africa: an Archaeological and Historical Study. V. II. Oxford University, 1978. P. 163.

других фортов, такие как Диана, Табудеос и, возможно, Фоссала, могли относиться к гарнизонам лимитан. Таким образом, это были просто форты в физическом смысле, с отсутствием гражданских поселений.

После правления Юстиниана документальных источников по городам или фортификационным сооружениям Византийской Африки практически не обнаруживается. Исключение составляет георграфический список Георгия Кипрского. Список содержит 34 записи, относящиеся к Африке, включая Триполитанию, но исключая Сардинию.

Три поселения, представленные в списке – *Sufetula* (Суфетула), *Ammaedara* и *Bagai,* у двух из них есть городские стены. Например, *Sufetula* известна как городская община и в VI, и в VII вв., однако, также известно, что она представляла собой военную базу.

Также мы имеем свидетельства, указывающие на наличие укреплений (стены или форты) в *Anastasiana* (0,24 га) и *Tubernuc* (0,12 га).

Таким образом, несмотря на то, что нет достаточного количества доказательств, большинство городов, построенных при Юстиниане, были укреплены городскими стенами. Прямое доказательство существования постоянных гарнизонов комитатов мы можем отнести к трем местам (*Hippo Regius, Cululis, Mascula*). Из фортов, построенных Юстинианом, некоторые могли быть для лимитан, а некоторые для комитатов.

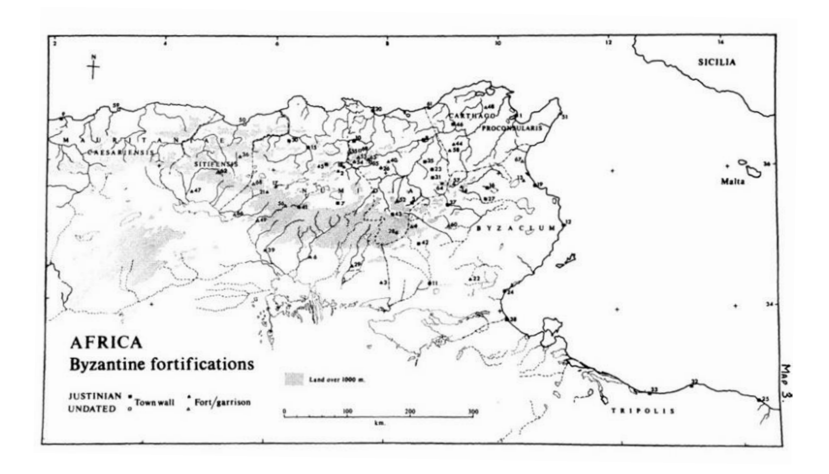

Рис. 1.

Map 4. Africa: Distribution of Byzantine fortifications after Justinian.

See Note to Map 3.

Site No.	Name	Nature of evidence: Arch.	Epig.	Lit.	Gaz.	Prov.
JUSTIN II (565–578)						
70.	THVBVRSICV BVRE	x	x		AA	CP
71.	TIGNICA	x			AB	CP
JUSTIN II WITH TIBERIUS CAESAR (574–578)						
72.	IVNCI SOFIANA	?x	x	x	AA	B
TIBERIUS II CONSTANTINE (578–582)						
73.	Ain el-Ksar	x	x		AA	N
74.	ANASTASIANA	x	x		AA	B
75.	MASCVLA TIBERIA		x		AA	N
76.	TVBERNVC	x	x		AA	CP
MAURICE (582–602)						
77.	AGBIA	x			AB	CP
78.	Bordj el-Ksour	?x	?x		AC	N
79.	LIMISA	x	x		AA	B

Рис. 2.

TO THE QUESTION OF THE HARMONIOUS STRUCTURE OF THE BYZANTIC AFRICA (VI century)

N.E. Tretyakova

The article attempts to compare the class of fortified areas of Byzantine Africa with the types of garrisons for which they were built according to written sources (Procopius of Caesarea «On Buildings», a long geographical treatise of George of Cyprus).

Keywords: Byzantine Africa, comitatenses, limitanei.

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОПИСАНИЯ АФРИКИ В СОЧИНЕНИЯХ КОРИППА ГРАММАТИКА И ПРОКОПИЯ КЕСАРИЙСКОГО

А.Д. Петрикова (Белгород)

В статье проводится сравнение двух произведений – «Иоанниада» Кориппа Грамматика и «История войн» Прокопия Кесарийского. В работе показываются основные отличия описания Африки.

Ключевые слова: Корипп Грамматик, Прокопий Кесарийский, «Иоанниада», «Война с вандалами».

Прокопий и Корипп – важные деятели византийской культуры и исторической мысли VI столетия, прежде всего, об эпохе Юстиниана Великого. Но объем и характер передаваемой ими информации сильно отличаются.

О Прокопии известно больше[1]. Он родился около 500 г. в административном центре Палестины – Кесарии. Византийцы считали Прокопия прекрасно образованным человеком, и младший его современник Агафий сказал о нем, что он «перерыл всю историю»[2].

Когда же мы касаемся биографии Кориппа, то видим, что о нем известно меньше, чем хотелось бы. Вероятнее всего, он родился в первом десятилетии VI в. Его познания об Африке и прозвище «Африкан» позволяют предположить, что, скорее всего, местом его рождения была Африка.

И Прокопий, и Корипп принимали участие в военных кампаниях против вандалов и мавров в Африке. Корипп в поэме «Иоанниада» повествует о финальном этапе этой войны, описывая действия полководца Иоанна Троглиты.

Не может быть никаких сомнений, что Корипп был свидетелем многих событий, которые он описывает в своей поэме, но пришел ли он в Карфаген до или во время, когда они произошли, и был ли он на самом деле участником кампании Иоанна Троглиты – этого мы не можем знать наверняка[3].

Прокопий же в «Истории войн» рассказывает о событиях с 530 до 553 гг. Это произведение состоит из 8 книг. 3 и 4 посвящены завоеванию Африки у вандалов. В описании всех событий Прокопий руководствовался своим личным опытом, полученным на службе у полководца Велизария, руководившего большей части военных кампаний.

В «Иоанниде» Корипп, когда начинает описывать исторические моменты Африки, самым ранним событием упоминает восстание Анталы против престарелого короля вандалов Хильдимера. Исходя из написанных Кориппом строк, мы приходим к убеждению, что восстание Анталы послужило толчком к свержению Хильдимера. Однако, в сообщении Прокопия эта причинная связь никак не улавливается. Несмотря на то, что он отмечает победу Анталы над Хильдемером, он не указывает это причиной свержения короля. Прокопий сообщает, что

---

[1] *Курбатов Г.Л.* Ранневизантийские портреты. Л., 1991. С. 184–220.

[2] *Чекалова А.А.* Прокопий Кесарийский. Личность и творчество // Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. СПб.: Алетейя, 1998. С. 2.

[3] Мир поздней античности. Документы и материалы. Вып. 10. Белгород: НИУ «БелГУ», 2017. С. 7.

свержение произошло в результате заговора, который составил Гелимер. Для узурпации трона он использовал тот факт, что Хильдимер был слишком слаб, чтобы противостоять нападению туземцев. Но Прокопий и Корипп согласны в том, что именно в этот момент Юстиниан отправляет Велизария против вандалов, надеясь вернуть утраченные провинции Африки.

В некоторых описаниях военных действий в Африке Корипп и Прокопий прекрасно подтверждают и дополняют друг друга, помогая нам составить точную картину того периода. Однако некоторые моменты в их произведениях описаны совершенно по-разному. Так, согласно Прокопию, Иоанн со своими людьми в битве при Scalae Veteres, не смогли удержать позиции, в результате чего бежали. Корипп же в «Иоанниде» утверждает, что Иоанн это место «любил».

Кроме описания военных событий, Корипп и Прокопий предоставляют нам обширную информацию о социально-политическом устройстве Африки. Ситуация, которую нам показывает Корипп в «Иоанниаде» для Африки, отнюдь не являлась новой. Как и в прежние века, римская власть находилась в союзе с меркантильными интересами города и с аграрными интересами соседнего сельского населения. Против этих интересов стояли амбиции и ожидания энергичного и агрессивного населения туземных племен, многие из которых были кочевники и скотоводы, которые неизбежно вступали в конфликт с земледельцами, которые были поселены на границах римлянами[1]. Корипп в своей поэме показал весь вред войны: разрушение 29 городов, уничтожение сельскохозяйственных культур и скота в римских провинциях. Огромную часть своего внимания Корипп уделяет сельскому хозяйству и его влиянию на города Африки. И это неудивительно, так как производительность простых людей значительно сказывалась на африканских городах, ведь именно туда и доставлялась производимая поселянами продукция.

Факты Кориппа Грамматика о социально-политическом укладе схожи с изложением Прокопия Кесарийского. Прокопий в «Войне с вандалами» рассуждает о резком сокращении населения Ливии и его обнищании. Также он подробно описывает вандальский народ, рассказывая об их пристрастиях к роскоши. Историк пишет, что они любили наряжаться в шелка, тратить время на азартные игры и на всякого рода зрелища. Прокопий упомянает и красоту вандальских женщин. Он подробно описывает назревающий кризис – солдаты переженились на женах вандалов, мужья которых погибли во время войны.

---

[1] Мир поздней античности. Документы и материалы. Вып. 10. Белгород: НИУ «БелГУ», 2017. С. 28.

В целом, можно сказать, что Прокопий Кесарийский в «Войне с вандалами» стремится объективно описать ситуацию в Африке того периода. Он без прикрас рассказывает о кампаниях полководцев, хорошо описывает врагов империи, а также не оставляет нас без данных по этнографии народов и географии областей, посещенных им.

Что же касается Кориппа, то его географические и этнографические сведения о народах, вероятно, представлены точно. На основании этого эпоса возможно дать подробное историческое, географическое, этнографическое описание ранневизантийской Африки. А вот вопросы, касающиеся его покровителей, однако, приходится подвергать тщательной проверке. Действительно, Корипп дает нам сведения о подвигах Иоанна Троглиты, которые нельзя найти ни у одного автора. Но, тем не менее, когда мы сравниваем его текст с текстом Прокопия, то прекрасно видим существенные несовпадения. В поэме Корипп иногда приписывает определенные поступки некоторым людям. Из-за этой искаженной информации они выглядят в наших глазах либо лучше, либо хуже. Это вполне логично, ведь в своем предисловии поэт сообщает, что целью его произведения является благосклонность, которую он хочет получить от римских правителей в Африке, по-видимому, Иоанна Троглиты и его сотрудников. Однако будет справедливо отметить, что африканское происхождение Кориппа было близко к событиям, что он рассказывал и, следовательно, может дать нам много информации и деталей.

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE DESCRIPTION OF AFRICA IN THE WORKS OF KORIPPUS GRAMMAR AND PROCOPIUS OF CAESAREA

A.D. Petrikova

The article presents a comparison of the two works – "Iohannis" Corippus Grammar and "History of wars" of Procopius of Caesarea. The article shows the main differences in the description of Africa.

Keywords: Corippus Grammar, Procopius of Caesarea, "Iohannis", "War with the vandals".

МОНАШЕСКИЙ ПУТЬ КИРИЛЛА СКИФОПОЛЬСКОГО

Ю.В. Шелудченко (Белгород)

В работе анализируется жизненный путь Кирилла Скифопольского – агиографа VI в. – по монашеской стезе. Предпринимается попытка очертить круг людей, оказавших на него наибольшее влияние.

Ключевые слова: Кирилл Скифопольский, агиография, монашество.

Два человека имели особенно близкие взаимоотношения с Кириллом Скифопольским, и, как результат, оказали на него наибольшее влияние. Это были Георгий из Биллы (Beella) и Иоанн Исихаст. Кирилл посвятил две свои главные работы Георгию, описывая его как «наиболее почитаемого и поистине добродетельного духовного отца Георгия, священника и старшего над живущими жизнь молчания, приятную Богу (θεαρέστως ἡσυχάζοντι) в местечке около Скифополя, называемого Билла (Beella)»[1].

Надпись в монастыре Госпожи Марии за стенами Скифополя ссылается на «τοῦ πρεσβυτέρου Γεωργίου καὶ ἡγουμένου καὶ δευτεραρίου» «пресвитера Георгия как главенствующего, так и девтерария (второе лицо)»[2], а так как Георгий не было общим именем, есть большая вероятность того, что кириллов Георгий жил в этом монастыре[3]. Георгий знал Кирилла в его юности и одобрил его стремление жить в Иудейской пустыне. Он принял его в монашескую жизнь и таким образом позволил ему сделать путешествие в Иерусалим в качестве монаха[4].

Два мужа оставались в близком контакте друг с другом. Георгий действовал как советник Кирилла и был ответственен за руководство им в его решении двигаться из Новой Лавры в Великую Лавру, которое имело место в начале 557 г.[5] Кирилл выражал недовольство, что Новая Лавра была занята оригенистами, но хвалил настойчивость Георгия жить в Лавре, в которой сохранялась слава имени Саввы[6].

Георгий также ободрял Кирилла в его писательской деятельности. Он снабжал его информацией о деятельности Саввы в Скифополе, которая имела место в отрочестве Кирилла или до того, как он родился, и когда он узнал, что Кирилл собирал информацию о житиях Евфимия и Саввы, он наставлял Кирилла собрать их вместе в правильном порядке[7]. Почтение, которое Кирилл оказывал Георгию, выражено посвящением его главного сочинения ему.

Другие близкие взаимоотношения Кирилл имел с Иоанном Исихастом. Иоанн также знал мальчика Кирилла с самой ранней юности

---

[1] 5.1-3; ср. 85.8-10.

[2] См. *Fitzgerald G.* Sixth Century Monastery. Philadelphia, 1939. P. 13.

[3] Лишь два других Георгия встречаются в сочинениях Кирилла. Монах, который жил в Великой Лавре и монастыре Пещеры перед тем, как стать Епископом Пелусия в Египте; и старшим Новой Лавры. 126.21-127.3: 195.16-17: 196.3-4.

[4] 71.15-16.

[5] По этой дате см.: *Stein E.* Cyrille de Scythopolis // AnBoll 62. 1944. P. 180. Он исправляет датировку Шварца, который помещал это событие в 556 г.

[6] 181.7-8.

[7] 83.18-20; 164.25-28.

от его учеников, которые были гостями в доме Кирилла[1]. Иоанн уважался семьей Кирилла, и мать Кирилла дала своему сыну крепкое наставление следовать его руководству, когда он путешествовал в Иерусалим[2]. Иоанн вел жизнь затворника в Великой Лавре, и Кирилл посещал его ради его совета[3]. Совет Иоанна следовал принципам, заложенным Саввой, и Евфимием, что молодым монахам следует начать с жизни в киновии, и он дал наказ Кириллу вступить в монастырь Евфимия, который в это время был киновией, наслаждаясь близкой связью с Великой Лаврой[4].

Кирилл, без сомнения, чувствовал, что он следовал духу совета Иоанна, если не букве, выбрав альтернативное назначение в Лавру Каламона, около Мертвого моря, монашеское поселение с киновией, расположенной посередине келий пустынников, таким образом, позволяя новичкам быть в близком контакте с пустынниками, чтобы учиться от них[5]. Этот акт неповиновения привел к целительному уроку.

В течение шести месяцев Кирилл чувствовал болезнь и оправился только после того, как Иоанн явился ему во сне, вновь подтверждая наставление вступить в Евфимиев монастырь. Кирилл понял, что это было объяснением заслуженного наказания. Слова видения были: «ты не повиновался моим указаниям и был достаточно исправлен» (ἱκανῶς ̓ επαιδεύθης)[6].

Кирилл оставался в близком контакте с Иоанном на протяжении своей монашеской жизни. Он искал совета более старшего мужа по двум важным решениям, следует ли ему двигаться в Новую Лавру и затем, позже, в Великую Лавру[7]. Он был регулярным посетителем кельи Иоанна – «Я посещал его непрерывно, излагая перед ним, все, что в моем уме»[8]. Эта фраза πάντα τὰ κατ̓ εμὲ α̉ῦτῳ α̉νατιθέμενος – или фразы, равнозначные этой, постоянно встречаются в Житии Иоанна Исихаста, но не употребляются в связи с другими объектами Кирилла[9]. Для Кирилла Иоанн был основным духовным наставником.

---

[1] 217. 14-17.

[2] 71. 20-25; 216. 10-15.

[3] 72. 2-4.

[4] Киновия Евфимия был одним из семи монастырей под попечением Саввы, 159.1.

[5] 216. 21-24. Об оценке этой лавры, см. *Vailhé S.* Les Laures de saint Gerasime et de Calamon // EOr. 2. 1899. P. 106-119.

[6] 217.4.

[7] 119. 23-24: 217. 22-23.

[8] 217. 12-13.

[9] Напр., 216.19: 217.26.

В течение этих визитов Иоанн рассказывал Кириллу много историй как о Савве, которого он знал лично, так и о Евфимии. Кирилл ссылается на Иоанна как на свой главный источник информации и говорит, что он «побудил» его записывать его сообщения[1]. Так как Кирилл не был очевидцем большинства событий, о которых он писал, он искал информации от других. Путешествие около монастырей, слушание более старых монахов и научение от них было важной частью его деятельности как автора. В течение этого процесса авторитет Георгия из Биллы и Иоанна Исихаста носили особую значимость, и решение записать события в последовательном порядке было реализовано как результат их ободрения и наставления. Это авторство было аспектом его ученичества.

Монашеская карьера Кирилла имела место в период конфликта. Время жизни Саввы воспринималось – кое в чем не реалистично, – как золотой век, который прошел. Это было время единства, в которое там было «одно признание веры (μία τῆς πίστεως ὁμολογία) во всех монастырях пустыни»[2]. Смерть Саввы позволила Нонну и его товарищам учить оригенистским доктринам сперва в Новой Лавре, затем в монастырях Мартирия и Фирмина, и наконец в других монастырях пустыни. На какое-то время даже Великая Лавра была под их влиянием[3]. Продвижение оригенистского дела претерпело короткую задержку в 543 г., когда эдикт Юстиниана против Оригена был опубликован в Иерусалиме и был подписан всеми палестинскими епископами, за исключением Александра Авильского[4]. Оригенистские монахи отступили в Педиаду (Pediad), но быстро снова заявили о своей силе с таким эффектом, что ортодоксальный монах, который осмеливался идти в Иерусалим, равно был оскорбляем, избит и прогнан из города. Титул «Саваит» (Sabaite) был оскорбительным[5]. Оригенистская власть удерживалась, пока Нонн не умер в 547 г., и частично разделилась на более мелкие фракции[6].

Кирилл прибыл в Иерусалим осенью 543 г., когда оригенисты были во временном замешательстве после публикации юстинианова эдикта. Он затем провел несколько месяцев в лавре Каламона, около Иерихона, до тех пор, пока он не вступил в Евфимиев монастырь, вероятно, в июле 544 г. Монастырь Евфимия был расположен всего в

[1] 105. 20-21. Ср. 56.20: 107. 23.
[2] 188. 7-9.
[3] 188. 17-24.
[4] 192. 12-17.
[5] 193. 21-24.
[6] 196. 1-2.

нескольких сотнях метров от главной Иерусалимо-Иерихонской большой дороги и позволял легко достигнуть столицы. Живя так близко к Иерусалиму, Кирилл наблюдал в непосредственной близости возрастание влияния оригенистов до точки, когда их группа была способна навязать свой собственный выбор кандидата как старшего Великой Лавры и как Патриарха Иерусалима[1].

Мать Кирилла была осведомлена об опасностях этой ситуации для ее впечатлительного сына. Она снабдила его крепким предостережением против еретических мнений оригенистов и проинструктировала своего сына всецело полагаться на бесспорную ортодоксию Иоанна Исихаста[2].

Кирилл был хорошо образован. Как указывает Фестюжьер, он принадлежал к монахам, которые были λογιωτέροι, на которых он изливал такое презрение[3]. Умозрительные построения оригенизма привлекали его, и когда он посетил пустынника Кириака, он сказал с симпатией об очевидной поддержке, которую сочинение Григория Назианзина дало оригенистским умозрениям. Эта предварительная справка заставила Кириака произнести длинную атакующую речь на оригенистские взгляды[4]. Кирилл был вовлечен в бурную теологическую дискуссию как активный участник.

Он также принял участие в победе над оригенизмом, как один из партии ортодоксальных монахов, которые заселили оригенистскую твердыню Новой Лавры после изгнания еретических монахов[5]. Он описывает, как он начал свое послушание писать, пока он был в Новой лавре, в то время, когда победа над ересью была одержана; и единство вернулось в монастыри Пустыни[6]. Его сочинение отражает его опыт конфликта и конечной победы. Оно описывает ортодоксальную веру и решительную борьбу монастырских святых против ересей монофизитства и оригенизма, и оно является свидетелем ее конечного триумфа.

Годы, которые Кирилл провел в Иудейской пустыне, прошли в четырех монастырях. Это были лавра Каламона, где он обитал с января по июль 544 г.; киновия Евфимия с июля 544 г. по февраль 555 г.; Но-

---

[1] 19.5. 16-20: 198. 10.

[2] 216. 11-13.

[3] МО, 3/1, p.43.

[4] 229.24-231.19.

[5] 199.21-200.3.

[6] 84.21. Это чувство триумфа присутствует у Иоанна Мосха, Prat 4 (PG 87.3:2856B-C), о чем говорит товарищ Кирилла в Новой Лавре, который имел видение ангела, защищающего алтарь.

вая Лавра с февраля 555 г. по начало 557 г.; Великая Лавра с 557 г. до его смерти[1].

Два из этих монастырей содержали гробницы основателей, Евфимия и Саввы. Пока он пребывал в них, Кирилл был свидетелем многих чудес, совершенных святыми. Кирилл организовал свои «Жития» так, чтобы собрание этих посмертных чудес встречалось в отдельной секции после сообщений о смертях святых[2]. Он был свидетелем некоторых из этих чудес лично, так же, как когда могила Саввы была открыта в течение погребения Кассиана, и он увидел «тело божественного старого человека совершенно сохранившимся без следов разложения», или когда он и другие братья были моющими «maloas» и человек, одержимый демоном набросился и был впоследствии вылечен после проведения некоторого времени лежа на могиле Евфимия[3]. В случае других чудес он заявляет, что говорил непосредственно с испытавшим[4]. Кирилл говорит, что опыт наблюдения этих чудес заставил его предпринять его исследование о жизни Евфимия. «Жгучее желание пришло ко мне изучить и написать о его поведении и руководстве в человеческой жизни». Тогда он начал спрашивать богоносных и наиболее старых отцов по информации о Евфимии[5].

Он получил опыт о монастыре как месте, где сила святых присутствовала и где божественная благодать была доступна. Важным мотивом для написания было дать свидетельства о святости места. Он хотел побудить других ценить монастыри и показать, что те, кто живет в них или посещет их, может ожидать получить исцеление или другую пользу от своего контакта с могилой святого[6]. Он пишет, чтобы сохранить деятельность святых от забвения и в результате, поддержать влияние и престиж монастырей, которые они основали.

Его послушание было особенно срочным в случае монастыря Евфимия[7]. Организация поселения изменилась от первоначального лаврского к киновийному, и старые строения разрушили, чтобы дать место новому монастырю. Эта трансформация оправдывалась обращениям к наставлениям святого на смертном ложе и посмертным появле-

---

[1] 226.24; 227.11; 119.23-24; 217.22-23.

[2] Житие и чудеса св. Феклы Василия Селевкийского, которое состоит из сообщения о ее жизни, продолжаемого длительным собранием чудес, совершенных после ее смерти, обеспечило образец для Кирилла.

[3] 184. 15-17; 77.15 – 78.2.

[4] Напр., 72.15.

[5] 82.28 – 83.1.

[6] 71. 5-11; 82. 12-28.

[7] См. Kyrillos, p. 373-374.

нием во сне[1]. Верные сторонники Евфимия, члены племени бедуинов поселились ниже монастыря в палаточном лагере, будучи рассеянными атаками враждебных бедуинских племен, и удалились в более безопасную местность около монастыря Мартирия, откуда вторая атака погнала их спасаться бегством в различные деревни[2].

Дальнейшие признаки упадка важности Евфимиева монастыря и отсюда его репутации – отсутствие представителя монастыря в списке подписей на поместном Соборе в Константинополе в 536 г.[3], и редкое внимание, уделяемое ему Иоанном Мосхом, который упоминает монастырь только в двух главах «Духовного Луга»[4]. Незначительность монастыря была доводом для нежелания Кирилла вступать в него. Свидетельство чудес и его поиски фактов жизни основателя привели его к написанию жития, чтобы восстановить угасающую репутацию монастыря.

Связь между сочинениями Кирилла и местами, где он жил, обеспечивается свидетельством о возможном дополнении корпуса Кирилла. «Житие Герасима» было найдено А. Пападопуло-Керамевсом в codex Patmiacus 188[5]. Он относит его Кириллу, преимущественно на основании стиля. Эта аттрибуция была принята, среди других Фр. Дикампом[6]. А. Грегуар убедительно доказал, что это «Житие» не принадлежит Кириллу, но является компиляцией, основанной на различных источниках, включая сочинения Кирилла, сделанной монахом Герасимова монастыря во 2-й пол. VI в.[7] Однако, один раздел, состоящий из конца Главы 2 и Глав 3 и 4 «Жития», является, как он думает, принадлежащим Кириллу. Этот отрывок появляется в манускрипте кириллова «Жития Евфимия» и в метафразе «Жития»[8].

---

[1] 58. 27-59.5; 6; 24-26.

[2] 67.21 – 68.2. Кирилл не дает информацию о последующей истории этой бедуинской общины, но Петр, епископ Парембол (Paremboles), присутствовал на поместном Соборе в Иерусалиме в 536 г. (ACO 3. p. 189.5). Вероятно, его епархия состояла из деревень, в которых поселились бедуины.

[3] Kyrillos, p. 365.

[4] John Moschus, Prat 21, 124 (PG 87.3: 2868B-C. 2985B).

[5] См. MH, pp. 226–229.

[6] *Diekamp Fr.* Die Origenistischen streliigkeiten im Sechsten Jahrhundert. Munster, 1899. P. 6.

[7] *Gregoire H.* La vie anonyme de S. Gerasime // ByZ. 13. 1904. P. 114–135.

[8] Codex Sinaiticus gr. 524, использованный монахом Августином для его издания Жития Евфимия в Νέα Σίων 11-12 (Jerusalem 1911-12). Оно переиздано Флюсеном, MH, p. 226-229.

Флюсен доказывает, что эта интерполяция в «Житие Евфимия» была работой монаха Герасимова монастыря[1]. Он полагает, что невероятно, чтобы Кирилл мог написать отрывок, описывающий добродетели Герасима, который был бы отступлением от его главной цели восхваления Евфимия. Он также указывает, что отрывок содержит описание правил лавры Герасима, а Кирилл делает маленькие ссылки на правила Евфимиева и Саввина монастырей[2].

Эти аргументы становятся менее убедительными, когда они оцениваются с позиции жизни Кирилла. Он начал свою монашескую карьеру в Лавре Каламона, которая была близко связана с монастырем Герасима. Монастыри разделяют одну и ту же этиологическую традицию, что Дева Мария, Иосиф и Иисус отдыхали в этом месте во время их бегства в Египет. Название Каламон (Calamon) образовано от καλά μονία – «хорошее место жительства». Близость реки Иордан и города Иерихон делали Каламон естественным выбором для ищущих место, чтобы проводить аскетическую жизнь. Отшельники жили здесь еще до прибытия Харитона в IV в.[3] Было сделано предположение, что два монастыря – Каламона и Герасима – были одним целым до конца V в., когда они разделились в результате разногласий по Собору в Халкидоне[4]. Заинтересованность Кирилла в лавре Герасима основывалась на его местопребывании в Каламоне.

Герасим, вокруг которого собралась отдельная монашеская община, прибыл в Иерусалим из Ликии в 451 г. Он был современником Евфимия и пользовался близкими взаимоотношениями с ним. Кирилл описывает, как эта дружба была выкована, когда Герасим присоединился к Евфимию в его свидетельстве Халкидонского вероисповедания в период епископата узурпатора Феодосия[5]. Она поддерживалась через присоединение Герасима к Евфимию в его путешествиях в пустыню Рубы (Rouba) во время Великого поста. Маленькая группа закаленных аскетов могла проводить Великий пост в этой негостеприимной части пустыни около Мертвого моря, встречая Воскресение, чтобы принять общение от Евфимия[6]. Евфимиево доверие Герасиму было

[1] См. MH, p. 35–40.

[2] Евфимиево и Саввино правило против позволения безбородым быть в монастыре является исключением из этого положения. 91. 7-28.

[3] VChar. (BG. 115: 912 B-C).

[4] Об истории монастырей см. *Chitty D.J.* Two monasteries in the wilderness of Judaea // PEFQSt. 1928. P. 134-152; *Meinardus O.* Notes on the Laurae and Monasteries of the Wilderness of Judaea // SBFLA. 16. 1899. P. 106–119; *Vailhé S.* Les laures de saint Gérasime et de Calamon // EOr. 2. 1899. P. 106-119.

[5] 44.19-24.

[6] 56.25-29; 225.10-13.

таким, что он отправил новичков в его монастырь, после смерти Феоктиста, среди которых был молодой Кириак[1]. Герасим был проинформирован о смерти Евфимия в видении и пошел в Евфимиев монастырь, чтобы принять участие в погребальных обрядах[2]. Герасим умер два года спустя, в марте 475 г., но его монастырь сохранял свою значимость. Более поздний его глава Евгений, руководивший монастырем с 481 по 526 г., помогал Савве в его обязанностях в качестве архимандрита лавры пустыни[3]. Иоанн Мосх посетил монастырь и рассказал множество случаев относительно его монахов[4].

Монастырь Герасима был важным монашеским поселением, которое было близко связано с монастырем Евфимия в течение времени жизни их основателей. В течение своего короткого пребывания в Каламоне Кирилл мог познакомиться с традициями, сохраненными в монастыре. Эти обстоятельства стали достаточной причиной для того, чтобы Кирилл решил записать информацию о Герасиме и его монастыре. Возможно, что, так как интерполяция в Житии Евфимия описывает правило жизни в Герасимовом монастыре, Кирилл искал возможность похвалить монастырь и оправдать свое решение поселиться там, в противовес совету Иоанна Исихаста. В отсутствие убедительного стилистического и текстуального доказательства против кириллова авторства, эти исторические аргументы могут убедить, что Кирилл написал сообщение о монастыре Герасима, которое было интерполировано в его Житие Евфимия им самим или более поздним редактором.

Монастыри Евфимия и Саввы во времена Кирилла посещались многими, кто надеялся на исцеление или помощь от могил святых. Эти посетители приходили из окрестных деревень и монастырей. Кирилл говорит, например, о монахе Павле из монастыря Мартирия, тревожимом нечистым духом, и сарацине-христианине (один из тех, вероятно, кто жил в палаточном лагере перед его разрушением враждебными бедуинскими племенами), который жил в Лазарионе (Lazarion), современном Бетани (Bethany)[5].

---

[1] 224.24-26.

[2] 225.13.17.

[3] 239.11-12. Евгений не упомянут в равнозначном пассаже в Житии Саввы, 115.24-26.

[4] John Moschus, Prat. 11, 12, 107, 141, 142, 219 (Gerasimus); 26, 46, 98, 99, 100, 101, 157 (Calamon). (PG.87.3: 2860D 2861A, 2872B, 2900D 2957B-D; 2960B-D, 2963D-2969B, 3004B-C, 3025B-C, 3109B). Монастырь Каламона мог отличаться от других монастырей с тем же именем в Египте, в Фаюме и около Александрии.

[5] 72.8-9; 75.29-30.

На всем пространстве Римской империи могилы мучеников и аскетов становились центрами для местной набожности. Питер Браун описывает надпись с гробницы Мартина: «Здесь положен блаженной памяти Епископ Мартин, чья душа в руках Божьих, но совершенно присутствует здесь, во всем сделав явной благодать чудес (virtutum)»[1]. Это свидетельство веры в силу, которая приходит от могилы святого, является с западного конца империи. Палестина неизбежно содержала смертные останки великих фигур из Библии. Поэтому неудивительно, что Созомен, палестинец по рождению, мог комментировать палестинский обычай почитания костей святых и проведения ежегодных памятных празднеств и мог заканчивать свою историю сообщением об открытии и перенесении в Константинополь костей пророка Захарии[2].

Другие важные открытия включали останки мучеников Евсевия и Настаба в Газе, сохраненные местной христианской дамой; Хабаккука и Микаха, а также Захарии и его сына Иоанна Крестителя в деревне Кефаргамала (Kefargamala) около Элевтерополя[3]. Эгерия говорит, как она посетила могилу Иова в Карнее (Carneas), к востоку от Галилейского моря, а надпись, найденная около Иерусалима, свидетельствует о местном почитании первомученика Стефана – εὔτυχι Στέφανε (блаженный Стефан)[4]. При жизни в обществе, так богато обеспеченном костями святых мужей, праведные послания монаха Варсануфия не удивительны. «Когда я нахожусь на месте, где есть останки святых мучеников, я одержим необходимостью вступать туда и почитать их. Каждый раз, как я прохожу перед ними, я чувствую, что я должен склонить свою голову».

Несмотря на заинтересованность Кирилла в монастырях, в которых он жил, и современное очарование останками святых, «Жития» не кажутся написанными, чтобы поощрять почитание останков Евфимия или Саввы. Так же, как о чудесах на могиле святого, он говорит о чудесах, совершенных далеко от монастыря как о результате молитв, адресованных святому. Типичный пример этой группы чудес – молитва Романа, который жил в деревне Бетакабейс (Betakabeis) около Газы. Евфимий явился ему в видении и исцелил его[5]. Посмертные чудеса Саввы – это ответ на призывы, адресованные ему в молитвах[6].

---

[1] *le Blant E.* Les inscriptions chrétiennes de la Gaule. Paris, 1856. 1. 240.

[2] Sozomen. HE 3.14.27. (GCS 122.15-19).

[3] Sozomen. HE 5.9.6-10; 7.29.1 (GCS 205.11-25; 345.11-12). Theophanes, Chron. 5919 (ed. de Boor. 86.21).

[4] Itin Aeth 16. (SC 194.1-7); SEG 8. 1937. 194.

[5] 78.22-79.1.

[6] Четыре чудесных истории, 185.17-187.27.

Цель этих чудесных историй – показать, что сила, которую святой проявляет в течение своей жизни, продолжает быть действенной и доступной после его смерти. Кирилл говорит, что он включил их, потому что они обеспечивают посмертное подтверждение Богом добродетели, которую святой показывал в течение своей жизни. Так они там позволяют читателю убедиться в правдивости сказанного[1]. Они также показывают, что защита, которую он дает в течение времени своей жизни, продолжается после смерти[2].

Чудесная история, которая создает основу для понимания других – это сон серебряных дел мастера Ромула, протодиакона церкви Гефсимана (Gethsemane), который молился Феодору мученику. Феодор пришел к нему на помощь после задержки в пять дней, потому что он был занят проведением души Саввы в его место покоя[3]. Связь между чудесами после смерти и прославлением святого показывает, что чудеса – это практический результат παρρησία («откровения»), даруемой святыми отцами[4]. Первостепенный акцент делается все же на силе живущего святого, нежели его мертвого тела.

Этот раздел доказывает, что Кирилл начал записывать жития тех, кто был основателями или наиболее выдающимися членами монастырей, в которых он жил. Два из более коротких житий – жития Феодосия и Феогния – исключения из этого. Феодосий жил среди σπουδαῖοι («ревностных»), около Башни Давида, у церкви Кафизмы на дороге от Иерусалима до Вифлеема (Bethlehem), и в монастыре Марина и Луки в Метопе (Metopa), перед учреждением своей собственной киновии на холмах к востоку от Вифлеема[5]. Феогний, по его прибытии в Иерусалим, поселился сперва в монастыре мученика Юлиана на Масличной горе, и затем двинулся к киновии Феодосия перед основанием киновии несколькими милями к югу[6]. Никто не жил ни в монастырях, основанных Евфимием или Саввой, ни в монастырях, в которых жил Кирилл.

Ко времени, когда Кирилл писал свое Житие Феодосия, уже существовало более длинное житие Феодора из Петры (Petra). Кирилл ссылается на эту работу, используя ее как оправдание краткости своего собственного обращения с объектом, так как, как он говорит, Феодор

---

[1] 71. 9-10: 82.16-18.

[2] 82.19-23.

[3] 184.22-185.16.

[4] Напр., 59.9-11; 241.4-6.

[5] 236. 11-12; 236. 20-21; 237. 3-4; 237. 21-26.

[6] 241. 20-21; 242. 6-7; 242. 20-21.

уже написал о событиях Феодосиевой жизни[1]. Сообщение Феодора не обращает внимания на участие, которое принимал Савва в жизни монастырей. Оба писателя описывают, например, исповедание патриархом Иоанном халкидонской веры перед огромным собранием 10000 монахов (δέκα χιλιάδα) в церкви св. Стефана. Кирилл относит этот акт неповиновения императору Анастасию к ободрению Саввы и Феодосия, но Феодор упоминает только Феодосия[2]. В виду этого пренебрежения Саввы Феодором предположено, что Кирилл писал, чтобы показать альтернативную точку зрения событий, в которых участие Саввы выражено за счет Феодосия. Но это мнение несостоятельно. Кирилл не только пропускает всякое упоминание этих событий, в которые Савва был вовлечен в его «Житии Феодосия», но когда он обсуждает роли двух святых в «Житии Саввы», он не делает попытки защитить превосходства Саввы. Там действительно есть сообщение о шутливом замечании Саввы к Феодосию, что пока Феодосий является старшим над детьми, он, Савва – старший над старшими, потому что каждый из отшельников, за которых Савва был ответственен как архимандрит, является старшим в его собственной келье[3]. Дальше Савва отправляет своих новичков в киновию Феодосия из-за несвоевременности принятия безбородых в лавру[4]. Но в его сообщении о драматических событиях у церкви св. Стефана и их последствиях имя Феодосия всегда упомянуто перед именем Саввы; и Феодосий провозглашает анафему всем тем, кто не принимает четыре собора как четыре евангелия[5]. Обращение Кирилла к взаимоотношениям Саввы и Феодосия не имеет намерения показать превосходство Саввы.

Поводом для его решения написать «Жития» Феодосия и Феогния является их важность в жизни монашеской пустыни и их взаимосвязи с традициями, ассоциируемыми с Евфимием и Саввой. Оба стали знаменитыми через то, что являлись объектами биографического сочинения. В дополнение к Феодорову «Житию Феодосия», в обращении было «Житие Феогния» Павла из Элузы (Elousa)[6]. Кирилл прочитал обе эти книги и решил дополнить сообщения записью свидетельств, которые он собрал.

Подобно Савве, Феодосий и Феогний были каппадокийцами. Савва происходил из Мкуталаски (Mcutalasca), Феодосий – из Могари-

---

[1] 239. 17-18.

[2] 151.7-152.15. Ср. Феодора из Петры (VThds 62).

[3] 166. 24-26.

[4] 114. 8-12; 132. 2.

[5] 151. 12; 152. 4-5; 152. 15; 152. 19; 166. 5; 167. 3.

[6] 243. 7-8; Paul of Elousa, V. Theognii / ed. J. van den Gheyn // AnBoll 10. 1891. P. 78-113.

асса (Mogariassus), а Феогний – из Араратии (Ararathia)[1]. Ван ден Гейн предполагает, что Араратия (Ἀραραθεία) идентична с Ариартией (Ariarthia), посещенной Антонином из Плацентии, и что Могариасс (Μωγαριασσός) является тем же, что и Мегалосс (Megalossus), городок, упомянутый Птолемеем[2]. Если это так, тогда Феодосий и Феогний были близкими соседями.

Эти каппадокийцы находились под влиянием Евфимия. Феодосий изучил «правило пустыни» (τὸν τῆς ἐρήμου κανόνα) от Марина и Луки, которые раньше были учениками Евфимия[3]. Это помещает Феодосия внутри поколения Евфимия. Феогний был монахом в монастыре Феодосия. И Феодосий, и Феогний были представителями традиции, которая происходила от Евфимия. При написании их «Житий» целью Кирилла было представить целостное сообщение о святых пустыни. Присутствие этих двух коротких работ в Кирилловом корпусе – которые всего составляют лишь 8 из 243 страниц издания Шварца – является недостаточным, чтобы вызвать вопрос о Кирриловой общей цели написания истории отдельных лиц, связанных с его собственными монастырями.

Кирилл – необъективный наблюдатель. Он пишет с убеждениями, которые были продуктом его жизни в качестве монаха. Благоговейный страх, который он испытывал перед более старшими монахами в своем детстве, теологические разногласия, в которые он бросался в молодости, могущественная духовная работа, которая изумила его как монаха, и глубина преданности монастырям, которые приютили его и оформили его в религиозной жизни – всем этим влиятельным опытам отдана дань в «Житиях». Они являются основанием, на котором построена структура житий. Сочинения являются таковыми, какие они есть, в силу того, что действительно происходило с Кириллом.

MONASTIC WAY OF CYRIL SKYFOPOL

Yu.V. Sheludchenko

The paper analyzes the life path of Cyril of Skyfopolis – a 6th-century hagiographer. – according to the monastic path. An attempt is made to outline the circle of people who have had the greatest influence on him.

Keywords: Cyril of Scythopolis, hagiography, monasticism.

---

[1] 86. 28; 236. 4-5; 241. 14.

[2] См. *van den Gheyn J.* Saint Théognius Evêque de Bételie en Palestine // RQH 50. 1891. P. 566.

[3] 16.9-16; 237.4.

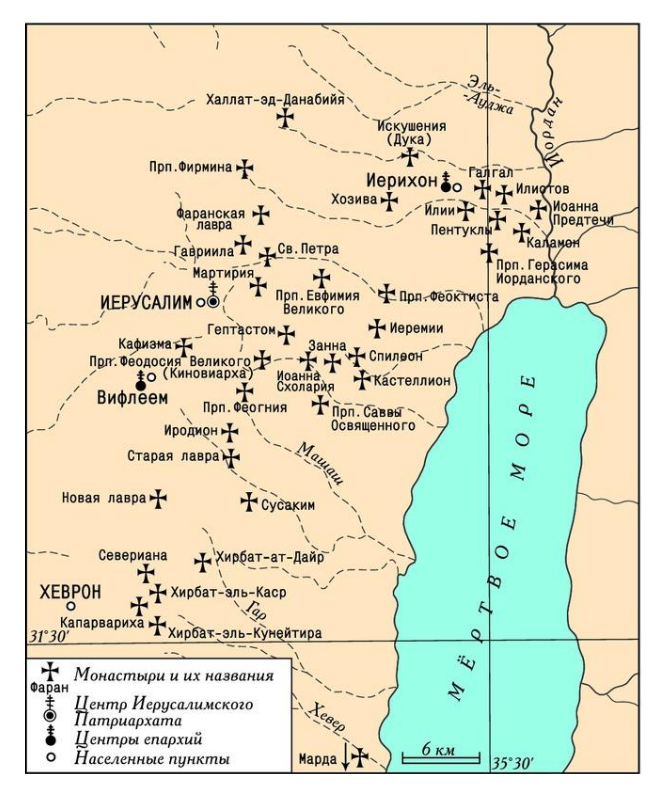

Рис. 1. Монастыри Иудейской пустыни.

РАННЕВИЗАНТИЙСКАЯ АНТИОХИЯ В НАЧАЛЕ VII В.

Ю.В. Бузанаков (Белгород)

Статья посвящена истории Антиохии Великой в ранневизантийское время (в первой половине VII в.). В статье рассматривается развитие города в период правления византийских императоров Фоки и Ираклия, а также арабское завоевание города. Этот период становится завершающим этапом в истории Антиохии.

Ключевые слова: Антиохия Великая, Византийская империя, Фока, Ираклий, арабы.

В 602 г. император Маврикий был свергнут в результате восстания, и узурпатор Фока овладел престолом. Восемь лет, которые он находился у власти, известны большим террором, во время которого

империя неуклонно слабела. В провинциях империи развернулась напряженная борьба между различными политическими и религиозными группировками. Естественно, что персы не упускали возможность воспользоваться слабостью власти империи.

Письменные источники этого периода довольно скудны и малочисленны. Антиохия в источниках поминается довольно редко. Самым крупным событием в Антиохии в период правления Фоки являются городские беспорядки, датируемые сентябрем 610 г. (Chr. Pasch. 699.16-18). Источники сообщают о столкновениях городских фракций, которые, возможно, были связаны с подобными вспышками в других частях империи (Chr. Pasch. 699.16-18, 700.4-6). В ходе беспорядков патриарх Анастасий, будучи уже довольно старым человеком, был убит мятежниками[1]. Для подавления восстания был привлечен комит Востока Боноз, для усмирения города он получил солдат и приступил к наказанию бунтовщиков довольно жестокими мерами. Источники сообщают, что евреи воспользовались репрессиями Боноза, чтобы напасть на христиан под предлогом помощи в усмирении бунтовщиков.

Другой, еще более сенсационной, информацией, которая появляется в более поздних источниках, является рассказ о восстании в Антиохии как о столкновении между евреями и христианами. Таким образом, именно евреи убили патриарха Анастасия, изуродовали его тело и протащили его вдоль главной улицы, а затем сожгли вместе с телами других убитых ими горожан.

Император Фока посылает в город комита Востока и других чиновников для наказания виновных лиц. Представители императора собрали войска в Киликии и отправились в Антиохию для расправы с повстанцами[2].

В текстах можно встретить описания боевых действий между евреями и христианами и в других частях империи в период правления Фоки. Согласно источникам, христиане объединились с имперскими властями для борьбы с евреями. Известно, что император Фока обложил штрафами евреев в Антиохии, Лаодикии и других городах[3].

Кроме этого, в период правления Фоки в Антиохии происходит восстание монофизитов, которое было подавлено войсками, со значи-

---

[1] *Janssens Y.* Les Bleus et les Verts sous Maurice, Phocas ct Heraclius // Byzantion. 11. 1936. P. 520, 530.

[2] Theophanis Chronographia. Lipsiae, 1883-1885. Vol. II. P. 296.

[3] Chronicle of Eutychius of Alexandria // PG 111. P. 1084–1085; *Downey G.*A History of Antioch in Syria from Seleums to the Arab Conquest. Princeton, New Jersey, 1961. P. 573.

тельными жертвами среди городского населения. Как сообщается, подобные настроения распространилась на Палестину и Египет[1].

Эти три сообщения могут относиться к одному восстанию, или серии связанных восстаний, с некоторыми деталями, переданными или выделенными разным источникам[2].

Поворотным моментом в истории Византийской империи, началом возрождения былого величия становится правление императора Ираклия. Несмотря на политические успехи, императору не удается спасти Сирию от вторжения мусульман. История Антиохии как города античного мира в этот период подходит к концу[3].

Политика Ираклия не положила конец персидским походам в Сирию. В мае 611 г. было начато новое вторжение, в ходе которого были захвачены Эдесса, Апамея и Антиохия, с большими потерями среди римского населения[4]. Кампания 611–617 гг. закончилась разграблением Иерусалима и перенесением «истинного креста» в Ктесифон. Египет, главная «житница» империи, на десять лет попадает под власть персов.

Практически не осталось данных о жизни города во время оккупации. Тем не менее, есть информация, что в период персидского владычества Хосровом были собраны сокровища всех церквей на территории, занятой персами. Кроме этого, Сасаниды в религиозной политике покровительствовали несторианам[5]. Скорее всего, подобные меры применялись захватчиками и в Антиохии, хотя позиции несториан в городе были слабыми.

Город оставался в руках персов на протяжении всей кампании по восстановлению Ираклием византийской власти вплоть до победы над персами. Подтверждением данного факта служат слова о том, что во время кампании Ираклия в 622 г. он вел бой с персами «под стенами Антиохии», однако византийцы были побеждены[6]. Когда Хосров II был свергнут в 628 г., его сын поспешил заключить мир с Византией. Антиохия и другие оккупированные города были возвращены персами, на родину смогли вернуться византийцы, ставшие рабами в Персии[7].

---

[1] John of Nikiu Chronicle. London, 1916. P. 166.

[2] *Sharf A.* Byzantine Jewry in the Seventh Century // Byzantinische Zeitschrift. 48. Toronto, 1955. P. 106–107; *Pernice A.* L'Imperatore Eraclio. Florence, 1905. P. 22–24.

[3] *Charles R.H.* The Chronicle of John, Bishop of Nikiu: Translated from Zotenberg's Ethiopic Text, 1916. Reprinted 2007. P.166.

[4] *Pernice A.* Op. cit. P. 22–24.

[5] *Theophanis.* Op. cit. P. 299.

[6] Histoire d'Heraclius par l'eveque Sebeos / transl. Macler. Paris, 1904. P. 67.

[7] *Theophanis.* Op. cit. P. 314,

Вернувшись в состав империи, городу так и не удалось занять прежнее положение в жизни Византии и получить тот статус экономического и культурного форпоста на Востоке[1].

За последние несколько лет своей истории при Ираклии, о городе можно найти совсем небольшое количество информации. Он упоминается в связи с усилиями, предпринимаемыми императором по умиротворению монофизитов и представителей ортодоксальной церкви. Ираклий видел острую необходимость в создании некой единой формулы, которая связывала бы между собой христиан-монофизитов и их православных братьев в пределах империи[2].

Такое примирение могло бы оказать мощную поддержку усилиям Ираклия по отвоевыванию этих земель у монофизитов. Константинопольский патриарх Сергий, который сам был сирийского происхождения, представил такую формулу, приемлемую и для монофизитов, и для православных. Сергий предположил, что монофизиты могли бы принять православную концепцию Христа – имеющего два естества-человеческое и божественное. В то же время, у него был только одна, а не двойная, энергия и воля[3]. Концепция получила распространена среди монофизитов в Сирии и Египте, в то время как эти страны попрежнему были заняты персами. Немедленного успеха, однако, не последовало.

Когда оккупированные территории были освобождены в 628 г., усилия по примирению в церкви были возобновлены с повышенной энергией. Наилучшие возможности были предоставлены таким городам, как Александрия и Антиохия, которым случилось остаться без патриархов, так что в городе можно было установить кандидатов, которые выступали за воссоединение группировок. После того, как Анастасий Антиохийский был убит в 610 г., ни один преемник не был назначен до того, как персы захватили город. Пост Антиохийского патриарха занимал яковитский патриарх Антиохии – Афанасий, который занимал эту должность, как соперник православных патриархов. Но так как его положение было незаконным, он, как и другие яковитские патриархи, не жил в Антиохии[4].

В 610 г. он возобновил отношения с монофизитами в Египте, которые были нарушены из-за внутренних споров среди монофизитов. Так как Афанасий имел определенную власть, Ираклий обратился к нему, и яковитский патриарх, похоже, пошел на некоторые уступки в

---

[1] *Grierson P.* The Isaurian Coins of Heraclius. London, 1951. Vol. XI. P. 56–67.

[2] *Duchesne L.* L'Eglise au VIe siecle. Paris, 1925. P. 384.

[3] Ibid.

[4] *Devreesse R.* Le patriarcat d’Antioche. Paris, 1945. P.102.

направлении примирения[1]. Переговоры затем были проведены в 631 г. между императором и Афанасием, и кажется, что последний согласился на воссоединение, и, вероятно, Ираклий обещал сделать Афанасия православным патриархом Антиохии, если воссоединение все-таки произойдет[2]. Подобное согласие Афанасия не означает, однако, что все монофизиты в Сирии согласились бы сразу следовать за ним. Император был обеспокоен тем, что предприятие подойдет к концу без поддержки Афанасия.

После смерти патриарха в 631 г. мы ничего не знаем о дальнейшем развитии церковных дел в Антиохии[3].

Новый период владычества над Ближним Востоком оказался для Византии кратковременным. В результате взаимной вражды непримиримые враги – Персия и Константинополь – обескровили друг друга, а тем временем рядом уже поднимала голову новая сила – ислам.

Арабский захват Антиохии произошел очень быстро. Когда войска халифата начали свое наступление на Сирию и Палестину, в 634 г. Ираклий сделал Антиохию своей штаб-квартирой. После решительной победы исламских войск в битве при Ярмуке в августе 636 г. стало ясно, что спасти Сирию невозможно, и император покинул Антиохию и удалился в Константинополь[4].

В 637–638 гг. арабы занимают города северо-западной Сирии[5]. Завоевание давалось довольно легко, и не последнюю роль в этом сыграли монофизиты, освобождавшиеся таким образом от контроля имперского правительства. Завоеватели предлагали жителям выбор: уходить во владения Византии или оставаться и платить дань. Вскоре их войска занимают Халкиду – один из военных центров Сирии. Бежавшие из города войска переходят в Антиохию, где планируют дать бой врагу. Однако, когда арабы оказываются под крепостными стенами, город после недолгого сопротивления сдается на условиях, предложенных завоевателями. Известно, что большая часть жителей города не покинула, приняв власть Халифата[6].

При этом арабские источники дают понять, что завоеватели считали захват Антиохии задачей первостепенной важности. После взятия города в нем был размещен сильный гарнизон[7].

---

[1] Michael the Syrian II.402-408; *Duchesne L.* Op. cit. P. 397.

[2] Michael the Syrian II.411-413; *Duchesne L.* Op. cit. P. 398.

[3] Michael the Syrian II.419.

[4] *al-Baladhuri.* Ahmad ibnYahya. The origins of the Islamic state: being a translation from the Arabic. New York, 1916. P. 175-176, 189, 210.

[5] *Downey G.* Op. cit. P. 551.

[6] *Hitty P.K.* Op. cit. P. 152-153.

[7] *Theophanis.* Op. cit. P. 337.

Интересно, что знаменитые своим непокорным нравом антиохийцы оказались довольно своенравными подданными и в период арабского владычества. Сохранился отчет, согласно которому Антиохия, как и некоторые другие из недавно оккупированных городов, очень скоро восстала против новых хозяев, и была усмирена с помощью силы, но детали этого восстания до сих пор не известны. Эти события являются концом истории Антиохии как города, принадлежавшего к греко-романскому миру.

THE HISTORY OF EARLYWISTITION ANTIOCHIA IN THE BEGINNING OF THE VII CENTURY

Y.V. Buzanakov

The article is devoted to the history of Antioch the great in the early Byzantine time in the first half of the VII century the article deals with the development of the city during the reign of the Byzantine emperors Phocas and Heraclius and the Arab conquest of the city. This period becomes the final stage in the history of ancient Antioch.
Key words: Antioch the Great, the Byzantine Empire, Phocas, Heraclius, the Arabs.

ЦАРИЦА ТАМАРА И ЕЕ ЭПОХА В ГРУЗИИ

Б.В. Деревянченко (Белгород)

В работе дается краткий очерк эпохи истории Грузии, в центре которой стояла царица Тамара – одна из наиболее ярких правителей восточно-христианского мира византийского круга.
Ключевые слова: Грузия, Тамара, Византия.

Тамара Великая (около 1160 – 18 января 1213 г.) царствовала в Грузии с 1184 по 1213 гг. Она принадлежала к династии Багратиони, а ее позиция в качестве первой женщины, правящей Грузией, была подчеркнута титулом mepe (царица). С её именем связан лучший период в истории Грузии – «золотой век грузинской истории».

Тамара была замужем дважды. Ее первый брак был с сыном Андрея Боголюбского князем Юрием, с 1185 по 1187 гг, с которым она развелась, изгнав его из страны и подавив его последующие попытки переворота. В качестве второго мужа Тамара выбрала аланского царя Давида Сослана, от брака с которым появилось двое детей – сын Георгий IV Лаша и дочь Русудан. Они являлись двумя последовательными монархами на троне Грузии.

Тамара родилась примерно в 1160 г. у Георгия III, царя Грузии, и его супруги Бурдухан, дочери царя Алании. Имя Тамары имеет ветхозаветное происхождение (Фамарь). Молодость Тамары совпала с серьезным потрясением в Грузии; в 1177 г. ее отец, Георгий III, столкнулся с мятежной группой дворян. Мятежники намеревались свергнуть Георгия в пользу принца Демны, которого многие считали законным наследником его убитого отца. Георгий III смог сокрушить восстание и начал кампанию репрессий против вызывающих аристократических кланов.

После того, как восстание было подавлено, а претендент был ликвидирован, царь отправился кооптировать Тамару в правительство и увенчал ее соправителем в 1178 г. Таким образом, Георгий III попытался упредить любой спор после его смерти и узаконить свою линию на троне Грузии. В течение шести лет Тамара была соправителем со своим отцом, на момент смерти которого в 1184 г. она оставалась единственным монархом и была увенчана второй раз в Гелатском кафедральном соборе около Кутаиси, в западной Грузии.

Энергичное участие влиятельной тети Тамары – Русудан и Католикоса-Патриарха Михаила IV имело решающее значение для легитимации престолонаследия Тамары. Она унаследовала относительно сильное царство, но центробежные тенденции, которые поддерживали крупные феодалы, были далеки от того, чтобы они были подавлены. Существовала значительная оппозиция преемству Тамары; это было вызвано реакцией на репрессивную политику ее отца и воодушевлено вновь воспринимаемой слабостью нового государя. Тем не менее, молодая царица была вынуждена пойти на значительные уступки аристократии. Она должна была вознаградить поддержку Патриарха Михаила, сделав его канцлером, поставив его на вершину как церковной, так и светской иерархии[1].

Первые шаги Тамара по сокращению власти аристократической элиты были безуспешными. Она потерпела неудачу в попытке использовать церковный синод для освобождения патриарха Михаила, а благородный совет Дарбази утверждал право на утверждение царских указов. Свадьба царицы была вопросом государственной важности. В соответствии с династическими императивами и этикой того времени, дворяне требовали, чтобы Тамара вышла замуж, чтобы иметь лидера для армии и обеспечить наследника престола.

Каждая аристократическая группа стремилась выбрать и обеспечить принятие своего кандидата в целях укрепления своей позиции и влияния. Два влиятельных клана боролись за «место под солнцем»: клан

---

[1] *Чхартишвили М.* Проблемы источниковедческого исследования грузинской агиографии: Житие святой Тамары. Тбилиси: Мецниереба, 1987. С. 24.

Мхаргрдзели и Абуласана. Клан Абуласана одержал победу, выбор был одобрен тетушкой Тамары Русудан и советом феодалов. Их выбор выпал на Юрия[1], сына убитого князя Андрея I Боголюбского Владимиро-Суздальской земли, который тогда жил как беженец среди кипчаков Северного Кавказа. Для переговоров клан выбрал влиятельного человека, купца Занкана Зорабабели. Ему была поручена миссия привезти будущего жениха в Тбилиси. Он выполнил свою миссию с усердием, принц был доставлен в Грузию для бракосочетания в 1185 г. Молодой человек – доблестный, совершенный телом и приятный на вид – Юрий оказался способным солдатом, но трудным человеком. Напряженные супружеские отношения совпадали с борьбой влиятельных родов при грузинском дворе, в котором Тамара все более и более утверждала свои права. Царица на протяжении двух с половиной лет терпела безнравственное поведение супруга и обращалась к нему через «достойных монахов, затем сама лицом к лицу принялась обличать его», однако Юрий стал совершать еще более пагубные поступки, и тогда Тамара, «проливая слезы, отправила его в изгнание, снабдив несметным богатством и драгоценностями». Изгнанник в 1187 г. поселился в Константинополе[2]. После расторжения брака бывший супруг стал врагом.

Тамара постепенно расширила свою собственную опору и подняла своих верных дворян на высокие должности, в первую очередь, Мхаргрдзели. После этого Тамара открывает наступательную политику. Она завоёвывает Тавриз, Эрзерум, одерживает блестящую победу над султаном ардебильским. Шамхорская битва (1195 г.) приносит ей громкую славу, отголоски которой слышатся в русском сказании об иверской царице Динаре. Победоносное её шествие завершается поражением (1203 г.) Нукардина, султана алеппского.

Тамара была признана царицей от Понта до Каспия и от Спер (линия от Трапезунда к Карсу) до Дербента, Хазаретии и «Скифии»[3]. Девизом своего правления она провозгласила милость и правду: «Я отец сирых и судья вдов», – говорила Тамара. Политические и военные успехи, культурные достижения (при ней жил и творил великий поэт Шота Руставели) привели к ее идеализации в грузинском искусстве и исторической памяти. Она была канонизирована Грузинской православной церковью как Святая Праведная Царица Тамара.

---

[1] Повесть временных лет / Сост., прим. и ук. А.Г. Кузьмина, В.В. Фомина. М., 2000. С. 533.

[2] Антон Поспелов. Святая царица Тамара Великая. Жизнеописание по грузинским летописям / www.pravoslavie.ru.

[3] Тамара // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890–1907.

QUEEN TAMARA AND HER EPOCH IN GEORGIA

B.V. Derevyanchenko

The paper gives a brief sketch of the epoch of Georgian history, in the center of which stood Queen Tamara – one of the most prominent rulers of the Eastern Christian world of the Byzantine circle.
Keywords: Georgia, Tamara, Byzantium.

ВИЗАНТИЙСКО-МОНГОЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ В МОНГОЛЬСКОЙ ИМПЕРИИ В 60-Е ГГ. XIII В.

Е.А. Шишка (Белгород)

На основе анализа широкого круга византийских, древнерусских и арабо-персидских письменных источников в данной статье рассматриваются проблемы внешней политики Михаила VIII Палеолога, дипломатические сношения византийского императора с правителями монгольских улусов, роль и место Византийской империи в военных и политических конфликтах Монгольской империи.
Ключевые слова: Византия, Михаил Палеолог, Монгольская империя, Золотая Орда.

На сегодняшний день, как отечественными, так и зарубежными учеными-востоковедами подсчитано, что Чингисхан и его потомки за 40 лет походов покорили 720 различных племен и народов[1]. В подчинении монголов оказалось приблизительно 160 млн. чел.[2] Площадь завоеванной территории составляла свыше 8 млн. кв. км[3]. Стоит согласиться с мнением известного отечественного исследователя XX столетия Г.В. Вернадского, который в свое время отмечал, что монгольские завоевания XIII в. были одними из тех судьбоносных событий, которые время от времени изменяют лицо мира, цивилизации и всего человечества[4].

Однако, на основании сообщений средневековых авторов, с большой долей вероятности, можно говорить о том, что уже по завер-

---

[1] *Перевезенцев С.В.* Смысл русской истории. М., 2004. С. 173.

[2] Чингисхан и чингизиды: взлет и падание // Дилетант. № 34. Октябрь 2018 / под ред. В. Дымарского. М., 2018. С. 28.

[3] *Энхбаяр Ж.* Чингисхан, Бату-хан и семь великих полководцев мира // *Чойжилжавн Чойсамба*. Завоевательные походы Бату-хана. М., 2006. С. 24.

[4] *Вернадский Г.В.* Монголы и Русь. М.-Тверь, 2001. С. 9.

шению Великого западного завоевательного похода под предводительством Бату (1227–1255/1256) и смерти великого хана Угедэя (1229–1241), в Монгольской империи в целом, и в отдельных улусах, в частности, наступает политический кризис, следствием которого стала междоусобная война чингизидов – наследников Чингисхана.

Стоит отметить, что не только политическая, но и этнографическая, военная и психологическая ситуация в Монгольской империи в кон. 50-х гг. – нач. 60-х гг. резко отличалась от положения, которое было в период расцвета – в 20-30-е гг. XIII в. Центробежные тенденции в огромном многонациональном государстве заметно усиливались, а призывы к общемонгольскому единству находили все меньший отклик[1].

В настоящее время в научных кругах, занимающихся проблемами средневековой истории на Востоке, особое место занимает рассмотрение событий 60-х гг. XIII в., а именно конфликта между ордынским правителем Берке (1257–1266) и ильханом Хулагу (1261–1265) – первой гражданской войны между улусами в Монгольской империи.

Известный российский историк Р.Ю. Почекаев отмечает, что причиной войны являлись спорные территории, в первую очередь, Азербайджана, Ирана и Сельджукского султаната, которых Улус Джучи лишился в результате враждебной политики внуков Чингисхана, каганов Монгольской империи Гуюка (1246–1248) и Мунке (1251–1259)[2].

Археологические изыскания в сопоставлении с письменными материалами дают основание полагать, что уже к 1262-1263 гг. Берке и Хулагу совершили несколько набегов на владения друг друга[3]. Согласно анализу арабо-персидских источников, обе стороны понесли значительные потери и нуждались в привлечении дополнительных средств и ресурсов. Исходя из этого, Берке заключил союз с могуще-

---

[1] *Доманин А.А.* Монгольская империя Чингизидов. Чингисхан и его преемники. М., 2014. С.386.

[2] *Почекаев Р.Ю.* Золотая Орда. История в имперском контексте. СПб., 2017. С.27.

[3] Из сочинения Ибнвасыля // Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды в 2 тт. Т.1. Извлечения из сочинений арабских / В.Г. Тизенгаузен, А.А. Ромаскевич, С.Л. Волин. Л., 1941. С.73; Из Истории Вассафа // Там же. С. 81; Из Тарих-и-Гузиде // Там же. С. 91-92; Из «Истории шейх Увейса» // Там же. С. 99; Из истории князя Стефана Орбеліана // История монголов по армянским источникам. Выпуск 1 / Сост. и пер. К.П. Патканов. СПб., 1873. С. 44; Из истории Гиракоса Гандзакеци // История монголов по армянским источникам. Выпуск 2 / Сост. и пер. К.П. Патканов. СПб., 1873. С. 20.

ственной ближневосточной державой – Мамлюкским султанатом, а Хулагу заручился поддержкой Византийской империи.

Стоит отметить, что, несмотря на то, что вышеуказанному периоду посвящено ряд работ, как отечественных, так и зарубежных историков, вопрос о монголо-византийских отношениях остается слабо изученным и заслуживает пристального внимания.

Анализ византийских письменных источников, в частности, «Хроники» Георгия Акрополита, свидетельствует о затруднительном положении ромеев во II пол. XIII в.[1] По мнению ряда исследователей, в том числе, французского исследователя Ш. Диля[2] и советского историка-медиевиста С.Д. Сказкина[3], ко времени создания Улуса Джучи и государства Хулагуидов Византийская империя уже пережила свой расцвет и, восстановленная в 1261 г. Михаилом VIII Палеологом (1255–1282), уже не могла играть такой роли в Европе и Азии, как в прежние века. «Зажатая» между могущественными державами – Ордой, государством Хулагуидов и мамлюкским султанатом в Египте, Византийская империя была вынуждена лавировать между ними[4].

Британский историк Д. Харрис отмечает, что византийский правитель Михаил VIII всячески старался поддерживать хорошие отношения с обоими монгольскими государствами, о чем говорит, тот факт, что обеих своих дочерей император выдал замуж за монгольских правителей[5]. Также армянский хронист XIII века Вардан упоминает о представителях византийского духовенства, которые в июле 1264 г. прибыли к Хулагу, чтобы благословить его[6].

Однако, анализ доступных письменных источников свидетельствует и о том, что политика Михаила VIII не всегда была целесообразной. Так, в сочинении арабского автора Эльмуфаддаля, содержится информация, что в том же 1264 г. в угоду Хулагу византийский правитель задержал послов мамлюкского султана Египта и Сирии Аз-Захир Бейбарса I (1260–1277), которые направлялись с грамотами и дарами к

---

[1] Георгий Акрополит Хроника («История») // Древняя Русь в свете зарубежных источников / под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой и А.В. Подосинова. Том II: Византийские источники. Сост. М.В. Бибиков. М., 2010. С.313.

[2] *Диль Ш.* История Византийской империи / пер с фр. А.Н. Рогинской. М., 1948. С. 129-130.

[3] *Сказкин С.Д.* История Византии в 3-х тт. Т. 3. М., 1967. С. 72.

[4] *Почекаев Р.Ю.* Указ.соч. С. 30 -31.

[5] *Харрис Д.* Византия: История исчезнувшей империи. М., 2017. С. 304.

[6] Из истории Вардана // История монголов по армянским источникам. Выпуск 1 / Сост. и пер. К.П. Патканов. СПб., 1873. С.16-17.

Берке[1]. Данное посольство упоминается и в других письменных источниках, в частности, в летописи Бейбарса[2], сочинении Ибнабдеззахыра[3], летописях Шафи, сына Али[4] и Ибнельфората[5].

Согласно анализу сведений из «Истории» Георгия Пахимера, в этом же году императором Михаилом VIII был также арестован и прибывший в Византию бывший вассал Джучиева Улуса и заменённый ставленником Хулагу, свергнутый сельджукский султан Изз ад-Дин Кей-Кавус II[6].

Сопоставление арабских и древнерусских источников свидетельствует о том, что вышеупомянутые инциденты спровоцировали правителя Джучиева Улуса к объявлению о всеобщей мобилизации и началу похода на Константинополь. В Софийской первой летописи старшего извода содержатся данные о проведении мобилизации в ордынское войско русского населения: «А полкомъ посланымъ бывшимъ поплените крестьяны, и бе же тогда велика нужа и от поганых, и гоняхуть люди, веляхуть со совою воиньствовати»[7]. Аналогическая информация содержится и в «Книге Степенной царского родословия»: «Паки же диявол, не хотя видети христианства в тишине и наостри безбожных Татар нудити християн, да воинствуют с ними. И того ради придоша от них послы на Русь с царевым повелением»[8].

---

[1] Изъ сочиненія Эльмуфаддаля // Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды в 2 тт. Т.1. Извлечения из сочинений арабских / В.Г. Тизенгаузен, А.А. Ромаскевич, С.Л. Волин. СПб., 1941. С. 189–190.

[2] Из летописи Рукнеддина Бейбарса // Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды в 2 тт. Т. 1. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1941. С.99-100.

[3] Из сочинения Ибнабдеззахыра // Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды в 2 тт. Т. 1. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1941. С. 62.

[4] Из летописи Шафи, сына Али // Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды в 2 тт. Т. 1. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1941. С. 125–126.

[5] Из летописи Ибнельфората // Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды в 2 тт. Т. 1. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1941. С. 357.

[6] Георгий Пахимер. История о Михаиле и Андронике Палеологах в 13 кн. Том 1. Царствование Михаила Палеолога (1255-1282) // Византийские историки, переведенные с греческого при Санкт-Петербургской духовной академии / под ред. В.Н. Карпова. СПб., 1862. С. 210.

[7] Софийская первая летопись старшего извода // ПСРЛ. Том 6. Выпуск 1. М., 2000. С.337.

[8] Книга Степенная царского родословия. Часть 1 // ПСРЛ. Том 21. 1-я половина. СПб., 1908. С.291–292.

Согласно сведениям арабских источников, в 1265 г. внучатый племянник и полководец Берке Ногай вторгся в Византию, разграбил окрестности Константинополя и едва не захватил Михаила VIII[1]. Анализ летописных известий также свидетельствует о том, что результатом военной акции стало освобождение заложников, подписание мирного договора и получение откупа в виде ежегодной дани ордынскому правителю[2]. Однако, как отмечал, в свое время, немецкий историк Б. Шпулер, отношения между Ордой и Византией на долгое время остались напряженными[3].

Таким образом, на основе вышесказанного, можно сделать следующие выводы: во-первых, в рассматриваемый период Берке и Хулагу остро нуждались в дополнительных средствах, ресурсах и, в первую очередь, в политических и военных союзниках – Мамлюкском султанате и Византийской империи. Во-вторых, к 60-м гг. XIII в. Византийская империя уже пережила свой расцвет и не могла играть такой роли в Европе и Азии, как в прежние века, однако, географическая расположенность и политическая обстановка на Востоке создавали благоприятные условия для установления дипломатических контактов с правителями более сильных держав – государства Хулагуидов и Джучиева Улуса. И в-третьих, роль и место Византийской империи в политических и военных конфликтах Монгольской империи, в первую очередь, ордынского правителя Берке и ильхана Хулагу, нельзя определить однозначно, так как, политика Михаила VIII, основанная на традиционной позиции в отношении своих соседей, имела двойственный характер и не всегда была тактически верной.

---

[1] Изъ сочиненія Эльмуфаддаля // Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды в 2 тт. Т. 1. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1941. С. 190-192; Из летописи Ибнкесира // Там же. С. 275.

[2] Из летописи Эддзехеби // Там же. С.203.

[3] *Шпулер Б.* Золотая Орда. Монголы на Руси.1223-1502 / Пер. с нем. С.Ю. Чупрова. М., 2017. С.55.

ИСТОРИЯ МЫСЛИ И ШКОЛЫ В ВИЗАНТИИ

К ВОПРОСУ О ДОГМАТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ОРИГЕНА

А.Д. Стржалковская (Белгород)

В статье рассматриваются основные произведения Оригена. Классифицируются по группам на библейские, догматические, апологетические, послания, беседы и т.д. Среди догматических произведения рассмотрены ранние и самые значимые.

Ключевые слова: Ориген, труды, произведения, догматика, источники.

Ориген, по свидетельству многих историков, был необычайно плодовитым автором. Многие его произведения возникли без его участия, а иногда против его воли, когда слушатели записывали его устные лекции.[1] Он был одним из первых людей по учености[2] соединивший в себе знания философии и учения христианской Церкви.

Все сохранившиеся труды Оригена классифицируются на библейские, догматические, апологетические, послания, беседы и т.д. Поначалу стоит провести краткий обзор основных его трудов. И первое, на чем следует остановиться – это его библейские труды. Они наиболее многочисленны, их можно поделить на критические, экзегетические и увещевательные.

Библейские тексты, известные во времена Оригена, находились в разрозненном состоянии, среди них не было четкой и структурированной системы. Что именно сделал Ориген в области текстологии Писания: он собрал, сравнил и проанализировал имеющиеся на тот момент тексты Библии. Так как тогда все книги переписывались вручную, в рукописях Библий к III в. накопилось немало разночтений и выяснилось различие между Септуагинтой и еврейским текстом. Все это требовало кропотливой текстологической работы. Имеено эту колоссальную работу провел Ориген, и в результате у него получилась работа «Экзаплы», или «шестиполосная» Библия». В первой полосе был переписан еврейский текст, затем шла его транскрипция греческими буквами, а за ней – столбцы тетрапл. Впоследствии он добавил к Экзаплам еще 3 анонимных греческих перевода, которые нашел в Иерихоне в огромном глиняном кувшине. В окончательном виде труд

---

[1] *Шафф Ф.* История Христианской Церкви. СПб.: Библия для всех, 2010. Т. 2. С. 523.

[2] Там же. Т. 2. С. 519.

включал 9 столбцов. Ориген первым разделил текст Ветхий Завет на стихи и создал первый критический аппарат, введя условные обозначения.[1]

Ориген изъяснил почти все Священное Писание в трех видах или формах: схолиях, гомилиях, комментариях.[2] Схолии – это краткие заметки на трудные места в Свящ. Писания. Сохранились лишь небольшие фрагменты на греческом языке и в переводе Руфина. Гомилии – представляют собой богослужебные проповеди с истолкованием Свящ. Писания в назидательном духе. Комментарии – научное истолкование Священного Писания. Толкование в комментариях Ориген вел так подробно, что в некоторых из них не успел пойти дальше первых глав. Изъяснения – преимущественно аллегорические. Содержат также филологический анализ, исторические, археологические и пр. справки. От комментариев сохранились лишь некоторые фрагменты. Комментарии на Песнь Песней сохранились в латинской версии Иеронима.

Следующая группа это – апологетические и полемические труды. И самым главным здесь является «Против Цельса». Апологетическое сочинение в восьми книгах, направленное против сочинения языческого философа Цельса «Истинное слово», написанного около 150 или 178 г. Здесь были собраны все возражения против христианства, которые могли сделать язычники во второй половине II в. Сочинение Цельса отдельно не сохранилось, но Ориген в своем опровержении приводит последовательно почти весь текст Цельса. Опровержение нападок Цельса на христианство, в восьми книгах, написанное в конце жизни Оригена, около 248 г., сохранилось полностью в оригинале; это одно из наиболее зрелых и ценных произведений Оригена и древней апологетической литературы в целом. В этом произведении в духе церковного Предания Ориген полемизирует с язычеством.

Среди практических работ Оригена можно упомянуть трактат «О молитве» с изложением молитвы Господней. Вероятно, написано по просьбе Амвросия и его супруги Татьяны после переселения Оригена в Кесарию, после 231 г. Также это «Увещание к мученичеству» в период гонений Максимиана (285-305 гг.). Как видно из названия, это призыв к мученичеству и восхищение им. Ориген обращается к Амвросию и Протоктету, томившимся в тюрьме, с целью поддержать их мужество и утешить.[3]

---

[1] *Мень А.В.* Библиологический словарь в 3 т. М.: Фонд им. А. Меня, 2002. http://krotov.info/spravki/1_history_bio/03_bio/origen.html

[2] Творения Оригена. – http://mstud.org/name/o/origen/works.htm

[3] Творения Оригена. – http://mstud.org/name/o/origen/works.htm

Из посланий Оригена, которых Евсевий насчитывает более восьмисот, у нас есть, помимо нескольких отрывков, его ответ Юлию Африкану о подлинности истории Сусанны и письмо к Григорию Тавматургу.

К трудам Оригена обычно также относят Philocalia, или сборник отрывков из его произведений по разным экзегетическим проблемам в двадцати семи главах, составленный Григорием Назианзином и Василием Великим.

Описать все множество произведений Оригена – не наша первостепенная задача. Для нас интерес представляют его догматические труды. Эти произведения сделали личность Оригена спорной и неоднозначной. Но не все, а лишь некоторые его догматические произведения вызвали огромное количество споров и недоумений.

Из догматических произведений Оригена мы имеем его юношеское произведение De Principiis («Принципы») о принципах христианского учения. Оно написано в Александрии и стало основной причиной возражений против его богословия. Это была попытка создать полную догматическую систему, но труд изобилует платоническими и гностическими заблуждениями; некоторые из них Ориген сохранил и в зрелые годы. Труд делится на четыре книги; в первой говорится о Боге, о Христе и о Святом Духе; во второй – о творении и воплощении, воскресении и суде; в третьей – о свободе, на которой Ориген решительно настаивает и которую защищает, в противовес гностикам; в четвертой – о Священном Писании, его богодухновенности и авторитетности и о его толковании; завершается труд провозглашением учения о Троице.

Ещё одно догматическое творение это – «Строматы» (Оригена), написанные в подражание труду Климента Александрийского с таким же названием, по-видимому, имели доктринальный и экзегетический характер; от них до нас дошло только два или три отрывка.

«О воскресении» – сохранились лишь фрагменты. В нем Ориген размышлял на тему о единении воскресшего тела с земным лишь по форме и отрицал одинаковость по самой материи.[1]

«Диалог с Гераклитом» представляет собой стенографическую запись диспута Оригена с Гераклитом на тему о Троице. В этом трактате Ориген излагает учение о Святой Троице настолько двусмысленно, что в IV веке во времена арианских споров на него ссылались как еретики, так и православные.[2]

---

[1] Творения Оригена. – http://mstud.org/name/o/origen/works.htm.

[2] Там же. – http://mstud.org/name/o/origen/works.htm.

И наконец произведение Оригена «О началах» – одно из самых интересных произведений. Именно в нем содержатся его своеобразные воззрения, которые навлекли на этого учителя церковное осуждение, которые в этом произведении выражены наиболее ярко[1]. Эта работа вызвала огромное множество споров, заблуждений и осуждений. Произведение посвящено систематическому изложению христианского вероучения. В нем каждая мысль Оригена получает свое место, связь, относительное значение, и смысл его суждений по разным вопросам вероучения здесь проявляются особенно отчетливо.[2]

Наследие Оригена оказало огромное влияние на всю святоотеческую мысль. Его библейскими трудами пользовались даже те, кто не разделял полностью его взглядов. У него был ряд выдающихся последователей, таких как Дионисий Великий и Григорий Нисский.[3]

TO THE QUESTION OF ORIGIN'S DOGMATIC WORKS

A.D. Strzhalkovskaya

The article briefly examines the main works of Origen. Classified by group of biblical, dogmatic, apologetic, messages, conversations, etc. Among the dogmatic works are considered the early and most significant.

Key words: Origen, works, works, dogmatics, sources.

ПИСЬМА ЛИБАНИЯ: КРУГ АДРЕСАТОВ

С.В. Бабаян (Белгород)

В статье приводится анализ писем Либания, указан круг его адресатов, выявлена основная тематика его переписки. Также рассматриваются особенности взаимоотношений Либания с Фемистием, Юлианом. Кроме этого, описана социальная и культурная обстановка в империи в IV веке.

Ключевые слова: письма Либания, Юлиан, Фемистий, Модест, язычество, история.

---

[1] Творения Оригена, учителя александрийского. Казань: Изд-во Казанской духовной академии, 1899. С.1.

[2] Там же. С. 1.

[3] *Мень А.В.* Библиологический словарь в 3 т. М.: Фонд им. А. Меня, 2002. http://krotov.info/spravki/1_history_bio/03_bio/origen.html

Либаний (314–393гг.) – известный учитель ораторского искусства. Основную информацию о его личности мы узнаем из его «Автобиографии»[1].

У Либания было большое количество последователей, друзей, и он с гордостью пишет об этом. В их число входили и знаменитые литераторы, и императоры, и его ученики – будущие политические и церковные деятели, ораторы, к которым он относился с особым трепетом и вниманием. Однако Либаний упоминает и о завистниках, противниках, врагах, которые не допускали утверждение нового ритора в своем городе и «мало ценят его заслуги и благодеяния».

Особый интерес вызывают многочисленные сохранившиеся письма Либания (более 1500). Эти письма относятся к эпистолярному жанру, который имел отличительные черты. «Почерк» и стиль Либания невозможно сравнить с другими ораторами, так как он выделялся своей простотой, стройностью, но, в то же время, эмоциональностью и сочувствием.

Адресаты Либания довольно обширны. Он вел переписку и с императорами, и с префектами, с другими риторами, писателями и частными лицами. Как пишет сам Либаний, образцом для него являлся знаменитый оратор и политик Древнего мира – Демосфен (384–322 гг. до н.э.).

Как отмечает окружение Либания, да и он сам, переписка с ним – это большое искусство и честь, ведь эта возможность была отнюдь не у каждого известного деятеля той эпохи.

Не менее интересным представляется тот факт, что из писем мы можем узнать не только о взаимоотношениях Либания с конкретным человеком, а еще и о состоянии политической, экономической и духовной жизни общества. Сферы интересов ритора были обширны и многогранны, что подтверждают его размышления и советы, указанные в письмах ближайшему окружению.

Обратимся к подробному рассмотрению адресатов Либания. Так, в письме 18 ритор обращается к некоему Анатолию, префекту претория Иллирии. Как известно Поздняя Римская империи делилась на четыре преторианские префектуры. Одна из них и была Иллирия, центром которой являлся Сирмий, а позже Фессалоника. Деятельность префекта можно отнести к первой половине IV в. В письмах к Анатолию автор отмечает разные стили общения, присущие людям, в частности, объясняет причины преобладания своих хвалебных речей, гово-

---

[1] Либаний. Моя жизнь, или О моей судьбе // Поздняя греческая проза / Пер. М.Е. Грабарь-Пассек. М., 1961. С. 581-604.

ря о «привычке любви к людям»[1]. Подтверждением этому служит и письмо 498, в котором Либаний отмечает, что причин порицать Анатолия нет: «ты жаждешь обвинений, а поступаешь достойно похвал»[2].

Следующим адресатом является Домиций Модест – оратор, политик и консул Римской империи. Начал деятельность адвокатом, также занимался судом. Будучи в Антиохии, состоял в близком общении с Либанием, а после переезда продолжил общение в виде переписки. Ему посвящены письма 44, 47 и 1489. Они раскрывают проблему борьбы римлян с персами. Из письма 44 видно трепетное отношение к Модесту: «Теперь же я еще больше считаю их (персов) своими врагами за то, что и тебе они чинят неприятности и лишают меня надолго твоего любезнейшего мне общества»[3]. Из последующих писем мы можем узнать о ходе военных действий с персами, а также имя царя персов – Сапор (Шапур II).

Одним из соперников Либания в профессиональной среде был Фемистий (ок. 317-393 гг.) – оратор и философ, государственный деятель и преподаватель Поздней античности. Фемистий получил достойное образование; своего учителя философии и риторики он вспоминает как благородного человека, который смог направить его ум на изучение и постижение возвышенных и серьёзных предметов. Фемистий был крупнейшим преподавателем высшего образования в Константинополе, с которым регулярно переписывался Либаний[4] (письма 371, 408, 1061, 1111, 1491). Они встретились около 350 г. в Константинополе. Двух ораторов многое объединяет, однако большое количество факторов способствовало прекращению их отношений к 365 г. (окончание переписки). Причину таких разносторонних и неоднозначных отношений стоит искать во взглядах и принципах каждого. В частности, Фемистий находился на службе при дворе, оказывал почтение губернаторам и упрекал Либания за отказ от принятия подобных решений. Фемистий с уважением относился к греческой философии, он восхищался Аристотелем, его практическими и политическими взглядами. Фемистий умел лавировать, и в отличие от Либания, был «гибким атеистом», при этом работая при дворе христианских императоров. Он был защитником религиозной толерантности. В своих письмах к Либанию он неоднократно указывал на «недостатки» его характера.

---

[1] Мир поздней античности. Документы и материалы. Выпуск 3: Письма Либания в русских переводах. Белгород, 2015. С. 6.

[2] Там же. С. 24.

[3] Там же. С. 9.

[4] *Вальденберг В.Е.* История византийской политической литературы в связи с историей философских течений и законодательства. СПб., 2008. С. 77.

Еще одним интересным фактом взаимоотношений двух личностей является их отношение к ученикам. Так, Либаний не понимал стремления его студентов переезжать в Константинополь. Однако причина в том, что Фемистий мог обучать и философии, и поэзии, и астрономии, т.е., его деятельность была более конкурентоспособна, в отличие от Либания, который увлекался риторикой. Она уже была недостаточна для многих людей, которые нуждались в новых навыках. Именно данный фактор стал одним из решающих в дальнейшей судьбе Либания: осознание несостоятельности собственной школы и сомнения в потребностях окружающих.

Письма 385, 801, 1466 отправлены Ямвлиху Младшему. Это внук Сопатра Апамейского – античный философ-неоплатоник. Из переписки видно, что Ямвлих II отправляется в путешествие ввиду новых возможностей в политической карьере. Либаний же говорит об опасении, что странствующий философ не захочет вновь обрести дом и вернуться на родину. Анализ переписки позволяет указать направления странствий Ямвлиха: Египет, Греция, Константинополь. Либаний не доволен выбором Ямвлиха, ведь его любовь к Музам и уединенный образ жизни не позволяли вести частую переписку, о чем и тревожится оратор в письме 1466.

Среди адресатов нельзя не отметить и Аммиана Марцеллина (330 – ок. 396/400гг.) – знаменитого историка. Кроме этого, он участвовал в войнах с персами, события которых отчасти были отражены в его сочинении «Деяния» («История»). Либаний в письме 983 отмечает выдающиеся способности Аммиана, указывает на его труд, а также называет его ритором, достойным похвалы.

Безусловно, большая часть писем посвящена императору Юлиану – последнему языческому императору Рима. Известного ритора и Юлиана объединяли религиозные и идеологические взгляды. Сам Либаний не раз восхищался деятельностью и правлением Юлиана и обращался к нему в письмах. Однако их взаимоотношения обострялись внутренней политической и социальной политикой в империи. Так, в письмах 525, 712,722, 1125 Либаний восхищается красотой слов Юлиана, часто использует похвалу его деятельности, однако позволяет себе и оценивать деятельность государственных служащих, давать советы императору и даже спорить с ним. Каждый ответ на свои письма воспринимает как одобрение его творчества. Однако низкопоклонство несвойственно Либанию. Подтверждением является фраза: «Человека я любил, но императору не льстил» (XVIII)[1]. Самого же Юлиана он

[1] *Шестаков С.* Приложение I. Юлиан в письмах Либания // Речи Либания. Т. I. Казань, 1914. С. 445–468.

особенно хвалил за то, что тот умел выслушивать порицания и «был настолько доблестным, что стремился победить, но, побежденный, не испытывал ненависти к победителю».[1]

Таким образом, мы видим, что взаимоотношения между Юлианом и Либанием были противоречивыми. Ритор уважал и ценил Юлиана как человека, выделял такие качества как доблесть, честь, умение слушать, стремление к победе. Однако Либаний мог вступать в спор со своим оппонентом, что ярко прослеживается в его письмах. Их отношения были отчасти равными, построенными на единых взглядах и стремлениях. Изучив письма Либания, выявив круг его адресатов, можно сделать вывод, что, во-первых, оратор обладал любознательностью, широким кругозором и имел обширные знания, которые умело применял в переписке, во-вторых, для собеседников общение с Либанием являлось важной потребностью: к нему обращались за советами, у него учились, с ним вступали в споры. В–третьих, его сочинения являются еще и источником по социокультурной и политической жизни общества. Характер взаимоотношений с адресатами зависел от его собственных взглядов и убеждений. С одними он мог быть молчалив, а с другими – напротив, многословен. Либаний писал открыто, просто, чисто, искренне, как мыслил и видел, легко и оживленно, порой эмоционально.

LIBANIUS' LETTERS: CIRCLE OF ADDRESSEES

S.V. Babayan

The article provides an analysis of the letters of Libanius, indicates the circle of its addressees, reveals the main subject of his correspondence. Also discusses the features of the relationship Libanius with Themistius, Julian. In addition, the social and cultural situation in the empire in the IV century is described.

Keywords: letters Libanius, Julian, Themistius, Modest, paganism, history.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О КРАСОТЕ ЧЕЛОВЕКА В ПИСЬМАХ ЮЛИАНА ОТСТУПНИКА И ЛИБАНИЯ

К.П. Фурманова (Белгород)

На примере писем Юлиана и Либания в статье поднимается проблема адаптации традиционно римских идеалов красоты в повседневной жизни позднеримского общества. Автор обращает внимание на то, что император Юлиан пытается возродить давно забытые идеалы Рима посредством реформ и

[1] История греческой литературы. Т. 3. М., 1960. С. 301.

личного примера. В связи с этим в обществе возникают различия в восприятии красоты человека.

Ключевые слова: Юлиан, Либаний, римляне, красота, эстетика, образ жизни, повседневность, быт, язычество, христианство, культура.

Реконструкция «образа» эпох прошлого – активно разрабатываемое направление во многих современных исторических трудах. Особый интерес представляет вопрос формирования идеалов в пространстве того или иного этнического сознания. Каждая эпоха рождала свои представления о прекрасном, но содержание этого понятия всегда было разным. Сегодня ученые проводят прямую параллель между психоэмоциональными процессами и социокультурной средой, в которой живет человек, утверждая, что вся совокупность восприятий, представлений возникает под действием непосредственных условий его жизни[1].

В частности, процесс синтеза различных культур, с которым неизбежно сталкивается любая общность, привносил неоднозначные трансформации в ее жизнь. С одной стороны, это взаимообогащение, с другой – утрата традиций, собственной «формы», в которой ранее развивался социум.

История имперского Рима указывает на множество кризисов в общественной жизни римлян, связанных именно с кросс-культурной коммуникацией. IV век известен исторической науке как последний век жизни западной части империи, и появления нового государства Византии, а также как век трансформации и постепенного угасания античной цивилизации и наступления новой эпохи. Экономические, военные, административные и религиозные реформы, предпринятые Диоклетианом и Константином, продлили жизнеспособность империи еще на сотню лет. Новые порядки обеспечили относительную стабильность, расцвет культуры, экономики и идейно–политической жизни общества. Но хрупкость и недолговечность созданной системы чувствовалась повсеместно. Кровавая и нескончаемая узурпация власти, неспокойная обстановка на рубежах, и не менее неустойчивая, в самой империи, – все это препятствовало определению этого периода, как века процветающего[2].

Определенную роль играет этническая и культурная разнородность населения Рима; его заполонили выходцы с Востока, варвары,

---

[1] *Маловичко С.И.* Локальная история и историческое краеведение с точки зрения источниковедения историографии: статья. [Электронный ресурс]. URL: http://www.newlocalhistory.com/node/464.

[2] *Уколова В.И.* Поздний Рим: пять портретов / Под ред. Л.П. Маринович. М., 1992. 161 с.

принесшие сюда свои культы, мировосприятие и образ жизни. Одной из основных ценностей в среде знати становится стремление к роскоши. Для римлянина теперь социально значимо продемонстрировать важность собственной персоны и своих возможностей посредством внешнего вида. Усвоение греко-восточных обычаев способствовало развитию гигиены: принятие ванн, пышные банные процедуры, различные ароматные притирания, чистка зубов, бритье, и в целом, удаление волос с тела. В сравнении с республиканскими идеалами красоты облик римлянина имперского периода кардинально меняется; он усложняется. В повседневном туалете богатой особы появляется несметное количество средств для придания коже белизны и свежести; практикуется смена цвета волос. Изменяется и форма одежды; она становится роскошнее и разнообразнее. На окраинах империи даже штаны, считавшиеся ранее отличительно варварским одеянием, теперь не чужды римлянину. Скромность, простота во внешности уже не актуальна. Это обнаруживается при изучении писем современников – императора Юлиана и ритора Либания.

Очень показателен в этом смысле случай, когда знать и управленческая верхушка Антиохии не восприняла всерьез Юлиана, прибывшего в город в 361 г. в ходе сирийского похода, и причиной чему явилась незамысловатость образа жизни императора. Отметим, что письма императора являют собой один из редких случаев, когда автор не скупился на выражение собственных эмоций. В «Брадоненавистнике» Юлиан обвиняет антиохийцев в том, что они «даже в старости соперничают со своими сыновьями и дочерьми в роскошности своего образа жизни, и в предельном женоподобии и изнеженности, старательно делают свои подбородки гладкими, являя свою мужественность на темени» (339a); здесь же он добавляет: «если ты желаешь узнать то, что обычно скрывают, то моя грудь косматa, заросла волосами так же, как грудь льва, царствующего, подобно мне, среди зверей; я никогда не делал ни ее, ни какую иную часть своего тела гладкой…» (339b – 339c).

Как указывает Т.В. Попова, Юлиан был одним из немногих императоров, бросивших вызов инерции текущих событий и старавшихся повернуть вспять ход истории[1]. Своими непритязательными жизненными устоями Юлиан сам пытался явить пример обществу, где пышное времяпрепровождение и созерцание роскоши до неприличия переходили границы, где сама система других целей и интересов не оставляла (мысли о делах государства уходили на задний план, вперед вы-

[1] *Попова Т.В.* Письма императора Юлиана // Античная эпистолография. М., 1967. С. 226–259.

двигалось собственное преуспеяние и комфорт). В одном из своих сатирических посланий он пишет: «Ты всегда спишь ночами один, и ничто не может смягчить дикости и свирепости твоего характера, но величайшее из зол состоит в том, что ты избираешь этот образ жизни и вводишь общий запрет на удовольствия… Ты должен быть благодарен тем, кто от доброго сердца убеждал тебя анапестами гладко выбрить свои щеки и затем, начав с себя, во–первых, показать смехолюбивой публике все виды прекрасных представлений, показать ей мимов, танцоров, бесстыдных женщин, мальчиков, которые в своей красоте состязаются с женщинами, и мужчин, имеющих гладкими не только щеки, но и все тело, так, что встречающие их могут подумать, что они глаже женщин» (345c). Возможно, Юлиан в послании жителям Антиохии и приукрашивает, кичась своими грязными руками, длинными ногтями и бородой, «подобной козлам» (339a), кишащей паразитами (338b – 338d), однако многие современники указывают на враждебное отношение императора к роскоши и помпезности, вплоть до игнорирования норм гигиены и опрятности. Примечательно и то, что на парижской статуе[1] Юлиан изображен не в порфирных одеяниях, не гладковыбритым и со сложной конструкцией прически, как это характерно изображению Константина на арке[2], а во вкусе, типичном для древнеримской традиции времен Августа: тога, волосы, просто ниспадающие на лоб, борода. Очевидно, он следовал моде предшествующего времени, и это отразил в его портрете скульптор.

Наставник и друг Юлиана, Либаний – уроженец Антиохии, крупного культурного, торгового и ремесленного центра греческого Востока, который задолго до распада империи потерял интерес к римской традиции, истории, литературе, языку. Его письма дошли до нас в многочисленных экземплярах, и помимо того, что они стали важным источником по изучению римской истории, политической, идеологической, культурной жизни, как всей империи, так и восточной его части, но также они являются информативными в плане исследования мировосприятия интеллектуальной прослойки общества[3]. И, как представителю антиохийской элиты, Либанию собственно римский дух был чужд. Он поклонник классической эстетики: часто в его письмах можно встретить сравнение красоты какого-либо из знакомых с пре-

---

[1] Рим и классический Запад // Иллюстрированная история мира в 10 томах. Том 3М., 1999. С. 135.

[2] Римский скульптурный портрет / Н.Н. Бритова, Н.М. Лосева. М., 1975. С. 85–94.

[3] Памятники позднего античного ораторского и эпистолярного искусства. II–V века. М., 1964. 236 с.

красными героями греческой мифологии; например, в письме к Никоклу он сравнивает правителя с прекрасным Эантом (1351).

Становятся понятными и письма Либания, где он часто отождествляет скромность, бедность с добропорядочностью: «…тот божественный и ненавидимый персами муж, в награду за добровольную бедность, дал тебе важнейший пост после императора, а Юлиану дело, нуждающееся в справедливости Радаманта» (1429а, Модесту, префекту Константинополя); «Я являюсь участником в общем благополучии под управлением наилучшего государя, но в частной жизни ничем не возвышаюсь над соседями: ни пышных построек не предпринимаю, ни земли в большом количестве не покупаю, не провожает меня толпа жезлоносцев, что бьют и пугают встречных…» (707, Антипатру). Аналогичные примеры можно увидеть в целом ряде писем (показательны: 33, Юлиану; 842, Оптату; 969, Адельфию, консуляру Галатии).

Либаний также не видел далекого будущего в новых формах общественного устройства, разделяя в этом идейные начала императора.

Таким образом, в римском обществе пытались укорениться два противоположных образа: уже привычный греко–восточный, характеризующийся тяготением ко всему утонченному, необычному, изощренному, и идеал грубого воина, чья мораль отвергает расточительство, ведущее к нищете. Но первое воспринималось как наглая кичливость богатством. А римские добродетели сохранялись не в виде реальных общественных ценностей, воплощенных в людях, действительно ими обладающих, а как предмет стилизации и желания казаться таковым, как набор требующих внешнего соответствия актуальных представлений. Либаний указывает на это в одном из своих писем: «Чего ты желаешь, то получаешь: похвалы, рукоплескания, поклонения многих. Кто ни скажет о Клематии, только и слышно: «божественный правитель, бедность пренебрежение богатством» (335, Клематию).

Подобные расхождения в представлениях порождали стремление найти альтернативу идеальным и реальным явлениям. Отметим, и то, что как бы Юлиан ни старался реставрировать нравственные и эстетические идеалы языческого Рима, пришедшее христианство уже довольно глубоко пустило корни в сознании людей, и Юлиан это понимал. Потому, отчасти, возврат к простой, не обремененной излишествами жизни, был созвучен с эстетикой схоластиков, предстающей как некий совершенно не соприкасающийся с повседневной реальностью мир, транслирующей красоту умозрительную.

Во фрагменте письма к жрецу император излагает явно христианские доктрины частной жизни духовенства, полагая, что именно благодаря такому поведению христиане добились популярности в народе.

IDEAS ABOUT THE BEAUTY OF MAN IN THE LETTERS OF JULIAN THE APOSTATE AND LIBANIUS

K.P. Furmanova

On the example of the letters of Julian and Libanius, the article raises the problem of the adaptation of the traditionally Roman ideals of beauty in the daily life of late Roman society. The author points out that Emperor Julian is trying to revive the long-forgotten ideals of republican Rome through reforms and a personal example. In this regard, in society there are differences in the perception of human beauty.

Key words: Julian, Libanius, Romans, beauty, aesthetics, lifestyle, everyday life, paganism, Christianity, culture.

ПРОЦЕСС ХРИСТИАНИЗАЦИИ ГОРОДА АФИН В IV–VI ВЕКАХ

Б.С. Арисланов (Белгород)

В работе рассматривается общая ситуация в связи с христианизцией города Афин применительно к истории школы неоплатонизма.

Ключевые слова, Афины, христианизация, школа.

В настоящее время изучение Поздней античности является актуальным. Объектом изучения стал древние Афины – город в Аттике, названный в честь богини войны и мудрости Афины, а именно мы попробуем рассмотреть процесс постепенного перерождения Афин из столицы античной философии и оплота языческой веры в одну из главных святынь христианства.

Падение язычества как общепризнанного государственного культа началось с середины IV века, в период царствования римского императора Констанция II (337–361 гг.), который был строгим приверженцем христианской религии. Он 1 декабря 353 г. и 18 февраля 356 г. издает ряд эдиктов, в которых повелевает закрыть все храмы язычников, а принесение жертв запрещает, устанавливая в наказание смертную казнь.[1]

Переходным периодом, который должен быть при переходе от одного официального верования к другому, стало вероотступничество императора Юлиана (361–363 гг.). В 361 г. он поднял оружие и высту-

---

[1] *Lasaulx, Ernst Von*. Untergang des Hellenismus. München: Literarisch-Artistische Anstalt, 1854. S. 55.

пил против императора Констанция, опираясь на мощь исконно эллинских городов Коринфа, Спарты и Афин. Проникнутый философией неоплатонизма, которую он изучал сначала в Никомедии (352–354 гг.), а потом в главном городе эллинизма и оплоте античного образования-Афинах с 355 г., Юлиан был убежденным язычником и хотел вернуть былое величие этой веры. Аммиан Марцеллин так пишет о действиях императора: «Хотя Юлиан с раннего детства был склонен к почитанию богов и, по мере того, как он мужал, в нем становилась все сильнее эта потребность, из-за разных опасений он отправлял относящиеся к богопочитанию культы по возможности в глубочайшей тайне. Когда же исчезли всякие препятствия, и он видел, что настало время, когда он может свободно осуществлять свои желания, он раскрыл тайну своего сердца и издал ясные и определенные указы, разрешавшие открыть храмы, приносить жертвы и восстановить культы богов».[1]

Но Юлиан не смог правильно провести возрождение языческих верований, попытавшись искусственно раздуть пламя веры во множество богов, и после падения хранителя этого огня, костер быстро погас. И уже его преемники императоры Иовиан (363–364 гг.), Валентиниан I (364–375 гг.), Валент (364–378 гг.) вернули христианству прежний узаконенный вид и все привилегии, действуя в рамках закона, установленного еще Константином о веротерпимости в отношении религий.

Новая волна борьбы против язычников, уже более сокрушающая, обрушилась со вступлением на престол Феодосия I в 379 г. Он стал последним императором единой Римской империи, Великим для христиан и наводящий ужас для всех остальных. Он с одинаковым рвением преследовал и неправоверных христиан, и верных исконным греческим верованиям язычников. Ни единый из императоров, предшествовавших Феодосию, не выступал еще с такой решительностью поборником христианства.

Древняя столица империи – Рим и столица эллинизма – Афины в IV в. были еще твердыми оплотами языческой культуры и божественного культа. Эти убеждения разделяла аристократия из городского сената, и поэтому для императоров религиозный вопрос был еще и политическим, так как предполагал борьбу с городской знатью.

Эдикты Феодосия носили радикальный характер и предполагали жесткие методы для осуществления планов императора. Их положения запрещали все общественные религиозные отправления богам во всех уголках империи как на Западе, так и на Востоке. Святые для язычников места были подвергнуты разрушению, например, Алексан-

[1] Amm. Marc. XXII. 5.

дрийский Серапеум. Из Афин по приказу императора были вывезены статуя слона из храма Ареса и водружена у византийских «золотых ворот»[1].

На защиту языческих святынь выступил Либаний: «Ты же послушайся моего совета, и теперь в особенности… Многим, конечно, покажется, что я пускаюсь в нечто очень рискованное, намереваясь вести с тобой беседу в защиту храмов и того убеждения, что не следует их подвергать той участи, какой они теперь подвергаются, но, мне кажется, те, кто этого боятся, жестоко ошибаются в твоем характере»[2]. Многие произведения искусства были демонтированы и по приказы императора доставлены в Константинополь: Самосскую Геру Лисиппа, Минерву Линда, Книдскую Афродиту Праксителя и Олимпийского Зевса Фидия[3].

Город Сократа в меньшей степени пострадал от последствий эдикта Феодосия I, как и остальные города Греции. Ни один из больших храмов не был затронут вандализмом людей, исполняющих волю императора. Также император не тронул Платоновскую школу, которая была одним из главных оплотов языческой культуры.

Афины были одним из последних оплотов в уже почти проигранной борьбе с учением апостола Павла, и представляли собой на тот момент тесную связь античной религии, которую проповедовала философская школа, и местных городских верований жителей города. Но попытка Юлиана восстановить древний культ элевсинских таинств провалилась.

В защиту язычества выступал с прошениями к Валентиниану II проконсул Веттий Агорий Протекстат, который был ярким представителем так называемого языческого возрождения. В своих письмах к императору он просил пойти на уступки по отношению к язычникам, когда Валентиниан запретил отправления культов: «Он запретил, с одобрения самых благоразумных людей между язычниками, предаваться бесчинствам ночных жертвоприношений, но он немедленно удовлетворил просьбу ахейского проконсула Претекстата, объяснявшего ему, что лишить греков неоценимого наслаждения элевсинскими таинствами было бы то же, что отнять у них житейские радости и утешения. Только одна философия может похвастаться (и, может быть, с ее стороны это было бы не более как хвастовство), что ее благодетель-

---

[1] Codinus. De Sign., 47.

[2] Либаний. К императору Феодосию в защиту храмов (Or. XXX).

[3] *Грегоровиус Ф.* История города Афин в Средние века. М., 2009. С. 32.

ная рука способна с корнем вырвать из человеческого ума тайные и пагубные принципы фанатизма».[1]

Из эпизода о взятии Афин готами в 396 г. интересен случай[2], который произошел во время наступления и стал легендарным. Согласно легенде, король вестготов Аларих во время осады города перед его стенами увидел закованного в латы героя Ахилла и проходившую с отрядом дозорных Афину Промахос. Он был до ужаса поражен этим видением и сразу заключил договор с Афинами, и вступил в город не как триумфатор и сокрушитель во главе большого войска, а скорее, как дипломат с мирными целями[3].

Это можно сравнить с описанной Зосимом легендой, попавшую в работу лангобардского историка Павла Диакона, о святом Павле или Петре, который явился наводящему ужас Аттиле, когда он собирался покорить Рим: «Говорят, что когда после ухода понтифика приближённые спросили Аттилу, почему он вопреки своему обыкновению оказал такое уважение римскому папе и готов был повиноваться почти всему, что бы тот ни приказал, король ответил, что почтил отнюдь не того, кто приходил, но совсем другого мужа, который, как он видел, стоял рядом с тем в одежде священника и обладал более величественной внешностью и почтенными сединами; обнажив меч, он пригрозил Аттиле жуткой смертью, если тот не исполнит всего, о чём он просил»[4]. Здесь мы видим полную аналогию с легендой, родившейся при осаде Аларихом Афин.

На основе этого можно сделать вывод, что заступниками Афин по-прежнему оставались древние герои и божества, следовательно, город был еще довольно глубоко языческим, в отличие от уже христианизированного Рима, духовными покровителями которого были христианские святые.

В начале V в., а именно, в 402 г., уже после отступления Алариха, когда постепенно жизнь в городе начала возвращаться в прежнее течение, столицу эллинизма посетил представитель Александрийской школы неоплатонизма Синезий Киренский. Он был глубоко разочарован плачевным состоянием, в которое пришел город после всех произошедших событий. Из писем к Евпотию мы узнаем, что увидел перед своими глазами Синезий: «О, будь проклят тот злополучный корабль, который привез меня сюда! Ведь в Афинах теперь не осталось

---

[1] *Гиббон Э.* Закат и падение Римской империи. Том 3. Гл. XXV. СПб.: Наука, 1999. С. 60.

[2] Vita Prisci, 67.

[3] Zos. Lib. V, 6.

[4] Paul. Diac. Hist. XIV.

ничего заслуживающего почитания, кроме славных названий! После жертвоприношения от закланной жертвы не остается ничего, кроме кожи – знака некогда существовавшего животного. Так теперь и в Афинах: после того, как философия была изгнана из этих мест, путешественнику остается только удивляться Академии, Ликею, ну и, конечно, той Пестрой Стое, от которой философия Хрисиппа получила свое название»[1].

Он хотел посетить философскую школу и проникнуться учением неоплатоников, которыми она была прославлена. Но нашел здесь только множество торговцев: «Я могу купить тебе в Афинах, что тебе только угодно; а вот умнее я здесь стал разве что на величину одной ладони, а, пожалуй, даже на один палец... Ничего в Афинах нет, кроме прежней славы их имени»[2]. Но, скорее всего, слова Синезия Киренского были преувеличением, и город не мог прийти в упадок в столь короткие сроки, учитывая то, что Аларих не подверг его разрушениям, как мы заметили из источников, указанных ранее. Платоновская школа тоже существовала и активно вела свою борьбу против христианского вероучения вплоть до своего закрытия Юстинианом в VI веке. И когда в город прибыл Синезий, школа находилась в достаточно хорошем состоянии, схолархом в то время был Плутарх Афинский, который имел довольно знатное происхождение и мог влиять на дела самого города.

Продолжается опустошение языческих святынь и вывоз произведений искусства. В середине V в. из города пропала Фидиева статуя парфенонской Афины из храма, посвященного ей же, статуя была сделана по одной версии из золота и слоновой кости, а по другой из бронзы [Marini Vita Procli, 30].

Афина-Паллада – богиня, которая представляет собой образ воительницы, она с молчанием и холодным взглядом смотрит на протекающую жизнь людей, периодически вмешиваясь и вставая на сторону одного или другого человека. Теперь же эта воительница уступает место христианской Владычице небес – Богоматери, которая вобрала в себя образ двух начал: божественного и человеческого.

Уже к VI веку поклонение языческим божествам было окончательно подавлено благодаря обширному императорскому законодательству. Последней насильственной мерой стало принятие Юстинианом ряда эдиктов, в которых объявлялось о гонениях на язычников.

---

[1] Синезий Киренский. Письмо 135 к Евоптию // Памятники позднего античного ораторского и эпистолярного искусства II–V века. М.: Наука, 1964. С. 171.

[2] Синезий Киренский. Письмо 136 к брату // Там же.

Древняя религия почти исчезла из греческих городов, ее можно было найти лишь в неоплатонических сектах, члены которых скитались по непроходимым гористым местностям, а также частично духом эллинизма были проникнуты и несколько поколений местного населения, исповедовавших христианство. Их христианское мировоззрение переплелось с колоритом античного вероисповедования и наполнилось греческой мифологией.[1]

Еще одной из особенностей политики Юстиниана по отношению к Афинам стало разрушение множества языческих святынь. Древности снимали и увозили в Константинополь, например, колонны и мраморные плиты для постройки собора св. Софии. Можно сказать, что главная святыня христианства в Константинополе состоит из фрагментов, поглощенных насильственными мерами святынь языческих.

Но также нужно учитывать, что многие языческие храмы обязаны своим сохранением именно христианству, или тому, что были обращены для нужд христианской церкви. Афинским христианам было особенно лестно овладеть самой главной языческой святыней древнего города – Парфеноном. Как уже известно, оттуда сначала удалили всех олимпийских божеств, а потом переоборудовали в храм. А то, в каком виде эти здания дошли до наших дней, может сказать, что христиане с осторожностью отнеслись к процессу переделки их в церкви.

После затмения античности, запечатанного закрытием Юстинианом философских школ, Афины стали забытыми. Политическое и культурное господство Афин в Восточном Средиземноморье исчезло с исчезновением классической цивилизации и перешло к другим городским центрам по мере появления новых обществ в этом районе. И уже в конце VI в. Афины, согласно некоторым исследованиям, считались захолустным городом, который в малой степени играл роль в жизни империи.

Согласно версии, которую высказывает в своем труде Энтони Калделис, Афины были таким же провинциальным городом, как и другие города империи. И конечно, они не могли занимать такой роли, как столица Византии, Константинополь. Соответственно, количество источников по истории города Афин совсем невелико. Нам известно, что к этому времени Афины стали религиозным центром византийского мира и привлекали тысячи христианских паломников из многих уголков империи, а объектом паломничества стал Парфенон, превратившийся в церковь.[2]

---

[1] *Грегоровиус Ф.* История города Афин в Средние века. С. 53.

[2] *Калделлис Э.* Византийская республика: народ и власть в Новом Риме. СПб.: Дмитрий Буланин, 2016. С. 72.

Таким образом, можно рассмотреть, как происходил процесс христианизации города Афин. Против язычников уже с начала ранневизантийского периода велась активная политическая борьба, которую вела правящая императорская власть. Выражалось это в законодательной политике, направленной сначала на разрешение проповедования христианской религии, а затем на запрещение языческих культов. Этот процесс проходил плавно для того, чтобы не вызвать беспорядки и бунт местного населения, которое было убежденными язычниками.

Но такие меры принесли свои плоды, и уже в VI в. в городе были ликвидированы последние оплоты язычества, и власть провозгласила главенство официальной религии – христианства. Так закончился процесс христианизации Афин, длившийся с зарождения христианства в первые века и до VI века включительно.

THE PROCESS OF CHRISTIANIZATION OF THE CITY OF ATHENS IN IV-VI CENTURIES

B.S. Arislanov

The article provides information about the process of Christianization of the city. We tried to gradually consider the process of formation of Christianity in the city. We touched upon important factors that influenced the transformation of the pagan city into a Christian one. And the example of the city showed how the Christian Church conquered the pagan Empire from the inside.

Keywords: history, Athens, aristocracy, Christians, power.

ОТНОШЕНИЕ СИНЕЗИЯ К ИЗБРАНИЮ ЕГО ЕПИСКОПОМ ПТОЛЕМАИДЫ НА ОСНОВЕ ПИСЕМ К БРАТУ ЕВОПТИЮ

А.А. Гречухина (Белгород)

В статье рассматривается отношение Синезия к епископству, противоречивость его внутреннего мира, сложность выбора. Данное письмо было написано с целью того, чтобы его прочитал не только брат, но и патриарх Феофил. Но, несмотря на серьезные расхождения мировоззрения Синезия с ортодоксальным христианством, он все же становится епископом.

Ключевые слова: Синейзий, письма, епископ, культура, религия, Евоптий.

Изучая биографию Синезия, нельзя не обратить внимания на событие, которое заключалось в том, что жителями и церковным клиром Птолемаиды, города в Киренаике, Синезий был избран епископом, вероятно, еще до своего крещения в 409 г.

Избрание поставило Синезия в сложную ситуацию. О том, каково было его отношение к этому избранию, говорит письмо 105, адресованное его брату Евоптию. В нем Синезий описывает свои чувства после избрания его епископом жителями Птолемаиды, но также он рассчитывает на то, чтобы его прочли и патриарх Феофил, и схоластики, помогавшие патриарху управлять александрийской церковью. Это письмо было доставлено в Александрию Павлом и Дионисием, двумя депутатами, избранными жителями Пентаполя ходатайствовать перед патриархом об утверждении избрания Синезия.[1]

Узнав о возможном избрании епископом, Синезий растерялся, и даже отказывался, отмечая, что он не собирается отказываться от супружеской жизни. «Бог, закон и священная рука Феофила дали мне жену. Поэтому я свидетельствую перед всеми, что я не хочу жить раздельно со своей женой и не буду жить с ней тайно, словно прелюбодей, так как первое нисколько не благочестиво, а второе – незаконно. Напротив, я желаю и молюсь о том, чтобы у меня один за другим родились многочисленные и прекрасные дети» [PG T. 66. Col. 1481C].[2]

Также Синезий расходился во взглядах с христианской церковью в вопросах о рождении души, конца света и воскресения. Убеждения, внесенные в его душу наукой, не могут быть уничтожены, что он верит в предсуществование души, утверждает вечность мира, не согласен с главным догматом христианства – учением о воскресении мертвых. Понимая с самого начала, что отказ от должности невозможен, Синезию было важно показать, что он только с крайней неохотой принимает епископство, что он не хочет расставаться со своими старыми философскими убеждениями, общеизвестными, изложенными в его собственных сочинениях, которыми он гордился и которые распространял. Он сам писал своему другу Олимпию: «Если я откажусь от епископства, мне нужно будет вместе отказаться и от отечества, если я не хочу быть самым проклятым и бесчестным из всех, живя неразлучно с людьми, меня ненавидящими» [PG, t. 66, col. 1465.].

Также в письме брату содержится интересные рассуждения о высоте епископского сана, о недостойности Синезия для этого сана, о трудностях быть на высоте при исполнении епископских обязанностей

[1] *Gardner, Alice.* Synesius of Cyrene, Philosopher and Bishop. London: Society for promoting Christian knowledge; New York, E. & J.B. Young & co., 1886, P. 91–96.

[2] Избранные письма. Синезий Киренский // Вестник ПСТГУ III: Филология. 2012. Вып. 4 (30). С. 105–121.

и в светских делах, и в честном признании Синезием всех этих своих особенностей и даже слабостей.[1]

При этом он утверждает, что «может быть общего между простым народом и философией? Божественная истина должна оставаться сокрытой; народ же имеет нужду в другом» [PG T. 66. Col. 1481C][2], причем под народом подразумеваются именно мнения христиан. Синезий убежден, что занятия науками и созерцательная жизнь доступны только избранным.

В письме также уточняются условия, при которых Синезий согласен принять епископство: «Итак, если обязанности моего епископства дозволят это, я могу быть допущен к этому служению, так чтобы, философствуя дома и занимаясь сказками вне его, ничему не учась и даже не переучиваясь, я смог бы остаться при своих убеждениях» [PG T. 66. Col. 1481C.].[3]

Данное письмо нам интересно тем, что формулировки, которую дает Синезий, расходятся с ортодоксальным христианством. И, несмотря на это, патриарх Феофил делает Синезия епископом. Феофил видел в Синезии человека, который при своих личных качествах и авторитете мог послужить к возвышению александрийской церкви и усилению его партии, Феофил был заинтересован в привлечении на свою сторону такого знатного, образованного, влиятельного, известного человека, каким был Синезий. И он удачно осуществил свои планы. Синезий был вызван в Александрию, прожил там семь месяцев и вернулся епископом Птолемаиды. Феофил убедил философа, что «философия может быть соединена со священством», и сделал ему уступку в вопросе о браке, так как в начале V в. безбрачие еще не было совершенно обязательном для епископа.[4]

Парадоксально, но Синезий во многом отвергает христианскую догматику, и естественным выводом из этого должен быть прямой и категорический отказ от звания христианского епископа. Но Синезий неожиданно заявляет: «Если сделается известным то, чего я не хочу скрывать, если тот, кому дана на это власть, присоединит меня к числу епископов, то я уступлю необходимости и буду смотреть на это, как на божье повеление» [PG, t. 66, col. 1488]. «Если Он (Бог) считает меня

---

[1] *Bregman J.* Synesios of Cyrene: philosopher-bishop. Berkeley – Los Angeles – London, 1982.

[2] Синезий Киренский. Избранные письма // Вестник ПСТГУ III: Филология. 2012. Вып. 4 (30). С. 105–121.

[3] Синезий Киренский. Письмо 105 // Синезий Киренский. Полное собрание творений / Пер. Т.Г. Сидаша. Том II: Письма. СПб., 2014. С. 163–168.

[4] *Левченко М.В.* Пентаполь по письмам Синезия // Византийский временник. 1956. Т. 9. С. 3–44.

достойным этого служения, то мне должно прежде всего любить божественную истину, а не прокрадываться к епископству с помощью лжи, которая Ему противна» [PG T. 66. Col. 1481C].

Будучи епископом, Синезий не порвал ни со своими старыми друзьями, ни со своим старым образом мышления. Если кажется, что в его интеллектуальной и духовной жизни нарушена преемственность, то не в том, что сам человек радикально изменился, а в том, что он был вынужден направить свою энергию тела и души по новым каналам. Но, несмотря на то, что Синезий преклонялся перед личностью Христа, будучи потрясен этой, в те времена еще новой идеей богочеловечества, расстаться с языческим прошлым было вовсе не так легко, что и показывает его письмо брату.

ATTITUDE SYNESIUS TO HIS ELECTION AS BISHOP OF PTOLEMAIS ON THE BASIS OF LETTERS TO BROTHER

A.A. Grechukhina

The article deals with the relationship of Synesius to the bishopric, the inconsistency of its inner world, the complexity of the choice. This letter was written in order to be read not only by the brother, but also by Patriarch Theophilus. But, in spite of the serious divergence of the worldview of Synesius with orthodox Christianity, he still becomes a bishop.

Key words: Synesius, letters, bishop, culture, religion, Europty.

ДВЕ АСКЛЕПИГЕНИИ И АФИНСКАЯ ШКОЛА V – НАЧ. VI ВВ.

А.М. Болгова (Белгород)

В работе дается краткий биографический очерк двух представительниц семей философов-неоплатоников, на примере которых характеризуются брачные практики, принятые в кругах позднеантичных философов.

Ключевые слова, Асклепигения, философия, школа, Афины.

Асклепигения I (Ἀσκληπιγένεια; род. ок. 400/410 – 485 гг.) (PLRE II 159) была афинским философом и мистиком, дочерью Плутарха из Афин[1]. Она училась и преподавала вместе со своим братом Гиерием в школе неоплатонической философии в Афинах во главе с ее отцом.

---

[1] *Болгова А.М.* Плутарх Афинский и Афинская школа (ок. 390–432 гг.) // Иресиона. Вып. V. К 30-летию кафедры всеобщей истории НИУ «БелГУ». Белгород, 2016. С. 26–39.

Как и другие неоплатоники того времени, она в основном изучала Платона и Аристотеля, но также и философию своего отца. Она жила в историческом контексте беспорядков из-за конфликта между неоплатонической метафизикой, которой учили в академии Плутарха, и христианством, которое в то время приобретало популярность в интеллектуальных кругах.

Философия Плутарха помогала объединить учения Аристотеля и Платона и, таким образом, объединила противоположные языческие идеи теургии и мистики (магии), которые он узнал от своего отца Нестория, а затем передал это знание Асклепигении. Как одна из наиболее известных афинских студенток, Асклепигения, очевидно, представляет особый случай в истории философии и школы. Марин пишет, что после смерти ее отца Плутарха она унаследовала его школу (на самом деле схолархом стал Сириан), а также и способ преподавания студентам (Vit. Procl. 28). Видимо, ее роль была важна: прежде всего, как роль связующего звена от Плутарха через Прокла к Гегию. Не занимая официальной должности схоларха, она, видимо, выступала в роли духовного авторитета Афинской школы V в., которая существовала в значительной мере как «семейное дело» Плутарха и его наследников.

Будучи признанным философом в школе Афин, Асклепигения вела занятия для Прокла[1], который стал ее самым известным учеником. Она обучила его не только философии Аристотеля и Платона, но и включила в свой курс учения, которые ее отец передавал ей вплоть до его смерти, в области теургии и языческой мистики.

Будучи экспертом в теургии, Асклепигения преподавала согласно метафизическому подходу. Она верила, что существует пять сфер реальности: Единое, Природа, Материя, Душа и Интеллект. Как и ее отец, она считала, что каждая душа удерживает божественную часть внутри себя, и что союз с Единым в сочетании с магией, языческой мыслью о божествах и медитацией может привести к истинному счастью для человека, как способ, которым они могли бы контролировать свою судьбу.

Ее обучение Прокла теургии помогло ему, поскольку он на этой основе продолжал развивать свои собственные идеи. Он также предположительно смог практиковать теургию таким образом, чтобы вылечить дочь своего друга, используя божественное вмешательство одного из богов.

Асклепигения продолжала преподавать в Академии и после того, как Прокл стал схолархом и продолжил совершенствовать свои

[1] *Болгова А.М., Болгов Н.Н.* Школа Прокла Диадоха и Афины V в. // Власть и общество: проблемы взаимоотношений. Воронеж, 2016. С. 269–274.

теургические мысли и практики. Ее самые известные достижения имели место в искусстве и практике ритуалов в халдейской мистике теургии, а также исключительной мысли в философии Платона. Она передала многие учения Платона и Аристотеля нескольким ученикам. Ее благоговение к философии, а также качества проницательного преподавателя только добавляют веса к ценности и важности ее роли в мире позднеантичной философии неоплатонизма.

Асклепигения стала матерью Архиада 1 – известного афинского сенатора и мецената. Прокл, как сообщает Марин, был особенно близок с Архиадом как внуком Плутарха, так как близость с семьей основателя школы имела решающее значение для успеха схоларха в городе.

Предполагают, что она умерла в 485 г., одновременно с Проклом.

Вторая афинянка, изучавшая неоплатонизм – внучка первой Асклепигении – Асклепигения II. Это была дочь Архиада и Плутархи, жена Феагена.

Однажды Асклепигению II постигла неведомая болезнь и, когда всякая надежда на излечение была утрачена, ее отец, невероятно переживающий о здоровье своей единственной дочери, обратился к Проклу с просьбой помолиться за нее богу. Асклепий услышал мольбу, и девушка немедленно выздоровела.

В повествовании Марина этот эпизод занимает центральное место, так как ему придается провиденциальное значение: девушка, чудесно спасенная Асклепием, затем вышла замуж за архонта Феагена и родила будущего схоларха Академии Гегия (Damasc., Vita Isid. (Philos. Hist.), fr. 63B Athanassiadi). Если бы она умерла, то прервалась бы «златая цепь» платонической преемственности. С другой стороны, бабушка спасенной девушки, также Асклепигения I, – на манер Диотимы из «Пира» Платона, открывшая Сократу «знание» Эрота, – посвятила Прокла в некие древние таинства, которые она, в свою очередь, узнала от своего отца и «духовного деда» Прокла – Плутарха, который еще ранее унаследовал это знание от своего отца Нестория.

Имя Асклепигения указывает на тесную связь этой семьи с культом Асклепия (ведь даже их дом располагался, как мы знаем, в нескольких метрах от святилища бога), и довольно примечательно, что Плутарх решил передать это знание не сыну, а дочери.

Возможно, как замечает по этому поводу Джон Диллон[1], этот выбор был обусловлен тем обстоятельством, что сын Плутарха Гиерий

---

[1] *Dillon J.M.* The Religion of the Last Hellenes // Rites et croyances dans les religions du monde romain: huit exposés suivis de discussions. Genève: Fondation Hardt, 2007. P. 123, n. 16.

(Hierius), также философ и ученик Прокла, не был для этого подходящей фигурой.

Как бы там ни было, своим действием Прокл не только отплатил добром за добро, но и показал, что он был хорошим учеником.

TWO ASCLEPIGENIAS AND ATHENS SCHOOL AT 5 – EARLY 6 CENT. AD

A.M. Bolgova

The paper gives a brief biographical sketch of two representatives of the families of Neo-Platonist philosophers, by the example of which the marriage practices adopted in the circles of late antique philosophers are characterized.

Keywords, Asclepigenia, philosophy, school, Athens.

ДОМ ПРОКЛА – АУДИТОРИЯ АФИНСКОЙ ШКОЛЫ

А.Г. Ахтырцева (Белгород)

В статье говорится о важности изучения археологических памятников, связанных с Афинской школой неоплатонизма. Автор рассматривает важнейшие археологические комплексы, найденные в Афинах, которые позволяют систематизировать и дополнить знания об афинском неоплатонизме. Также упоминается о том, как рассматриваемые археологические памятники позволяют судить о религиозных практиках, имеющих место в Афинской академии.

Ключевые слова: неоплатонизм, Афинская академия, Прокл, археология.

Прокл Диадох, известный как глава неоплатонической школы в Афинах, считается одним из наиболее ярких представителей Афинской академии. При нем неоплатонизм, как и сама академия, достигли своего последнего наивысшего расцвета. Прокл обладал большим авторитетом не только в стенах школы, но и за ее пределами, оказывая огромное влияние на жизнь города. Многие исследователи говорят о том, что дом, в котором жил философ, был, если так можно сказать, большим помощником для него. Е. Афонасин утверждает, что жилище философа было чрезвычайно благоприятным для Прокла, ведь до этого в нем также проживали его названный «отец» и предшественник Сириан Александрийский и Плутарх, которого сам Прокл считал своим «праотцем». Биографические данные о Прокле и его доме подтверждаются также археологическими находками. Если использовать эту информацию вместе, можно представить наиболее полную и разверну-

тую картину жизни Афинской школы неоплатонизма при Прокле Диадохе. [1]

Марин, описывая местность, где находился дом Прокла, писал, что дом мог быть замечен с акрополя, и отмечал также, что хозяин дома, по-видимому, выбирал окружающие религиозные сооружения как некие ориентиры для постройки. «Дом был соседом святилища Асклепия и храма Диониса, что возле театра, на виду и во всяческой близости к акрополю самой Афины»[2] – так Марин подчеркнул особые отношения Прокла с божествами.

Похожий на описание Марина обширный комплекс зданий, расположенный на южном склоне Акрополя между Одеоном Герода Аттика и Театром Диониса, был действительно обнаружен и раскопан в 1955 г. Археологи назвали группу домов IV–V вв., построенных на склонах ареопага в Афинах, скорее всего, домами учителей, использовавшимися в целях обучения. Эти четыре дома отличались большими размерами по отношению к среднему афинскому дому, и были очень насыщены скульптурой. Эти постройки делятся учеными на два комплекса: один из них – это здание, расположенное на южном склоне Акрополя, и теперь лежащее под улицей Дионисия Ареопагита, известное как Дом Chi, или «дом Прокла». Второй представляет собой дома B и C на склоне ареопага с видом на афинскую Агору[3].

Обратимся к исследованию «дома Прокла». Исследователи утверждают, что здание в его окончательной форме было построено приблизительно в конце IV – начале V вв. Но раскопана была только его северная часть, так как остальное на данный момент находится под современными постройками. А. Франц писала: «Это был необычный дом по афинским стандартам. В большой комнате открывалась широкая апсида (6.60 м в ширину, 4,40 м в глубину), нижняя часть стены апсиды была покрыта плитами мраморной облицовки. Над облицовкой толщина стенки уменьшается, и здесь семь ниш подходят для скульптуры (как в домах ареопага). Полы в обеих частях комнаты были покрыты мозаикой сложных геометрических узоров, апсида подчеркивается тем, что ее пол положен на более высоком уровне. На наружной поверхности восточной стены апсиды был небольшой храм Кибелы, который был определен по статуэтке богини в нише стены. В качестве

---

[1] См.: *Afonasin E., Afonasina A.* The Houses of Philosophical Schools in Athens // ΣΧΟΛΗ. Vol. 8. 1. 2014. P.10.

[2] См.: Марин. Прокл, или о счастье // Диоген Лаэртский. О знаменитых философах. М., 1979. С. 10.

[3] См. *Edwards M.J.* Neoplatonic Saints. The Lives of Plotinus and Proclus by their Students. Liverpool, 2000. P. 46–47.

стола для гостей была установлена статусная база с погребальным рельефом на переднем плане, она служила для приношений. Обе части скульптуры были вновь использованы в этих положениях...»[1]

Дом Прокла был обозначен учеными также как «дом Chi». Это здание было приравнено исследователями к дому, принадлежавшему Плутарху и его последователям, и ближайшим соратникам. Этот дом полностью соответствует описанию Марина и подходит под тип зданий, которые в античности использовались для сбора аудитории и размещения лекции, так как в этом доме (и найденных рядом с ним других постройках) домашние помещения соседствуют с большим залом, в котором, скорее всего, преподавали и читали лекции. Иначе такие здания назывались философскими школами[2]. Важно также отметить, что данное здание использовалось на протяжении V в., но было оставлено в VI в.

Находки художественных произведений и надписи, которые были произведены в доме Прокла, иллюстрируют как религиозные, так и интеллектуальные интересы людей, проживавших в доме. Была найдена святыня Кибелы, всевозможные религиозные объекты, например, жертвенный нож в шее поросенка, различные предметы быта – лампы, вазы и прочее. Также возле здания и внутри его были обнаружены различные статуи божеств. Кроме того, интересной находкой считается портрет, условно обозначенный как «философ», а также надпись со словами σουίης и βίοτον[3].

Согласно Агафию Схоластику (Миринейскому), последний глава Академии Дамаский смог вдохнуть в школу новую жизнь и собрать в Афинах лучших философов-неоплатоников. Но из дома Прокла философы уже были изгнаны родственниками Плутарха, которые были его законными наследниками. Поэтому Дамаский ищет новое место для своей школы[4]. Исследователи утверждают, что он мог создать новую школу в строительном комплексе, найденном на северном склоне ареопага. Он, должно быть, функционировал долгое время как жилые помещения, учебно-исследовательский центр и как место поклонения

---

[1] См.: *Frantz A., Tompson H., Travlos J.* The Athenian Agora. Results of Excavations conducted by the Americal School of Classical Studies at Athens. Vol. XXIV: Late Antiquity, A.D. 267–700. Princeton, N. J., 1988. P. 43.

[2] См.: *Edwards M.J.* Neoplatonic Saints. The Lives of Plotinus and Proclus by their Students. Liverpool, 2000. P. 57.

[3] См.: *Caruso A.* Akademia. Archeologia di una scuola filosofica ad Atene da Platone a Proclo (387a.C. – 485 d.C.). Athens: Scuola archeologica italiana di Atene, 2013. P. 167.

[4] См.: Агафий Миринейский. О царствовании Юстиниана. М.; Л.: Изд-во АН, 1953. С. 67–68.

божествам[1]. Достаточно большой центральный зал являлся общей чертой всех домов района ареопага, а также Дома Прокла ясно показывает, что здания служили, однозначно, для общественных целей. В залах и нефах располагались места для образовательных или же религиозных собраний. Помещения, окружающие центральный зал, могли быть использованы как в качестве аудитории для семинара, кабинета так и для частного жилища. В целом, исследователи сходятся в том, что данные здания использовались, скорее всего, для частного образовательного учреждения – Афинской школы[2].

Что случилось с этими зданиями после 529 г., когда Академия была закрыта, на данный момент неизвестно. Возможно, и позднее здание продолжало использоваться как школа, поскольку в VII в. все еще можно было учиться философии в Афинах[3].

Необходимо также обратить внимание на религиозную составляющую Афинской академии при Прокле Диадохе. Об этой стороне жизни школы нам рассказывают археологические находки. Чтобы изучить их, необходимо вернуться к находке захоронения годовалого поросенка. Исследователи считают, что это очень важное открытие. Если обратиться к внешней составляющей жертвоприношения, то необходимо отметить, что жертвенный нож был оставлен в горле животного, рядом с которым было расставлено семь ламп и вазы. В письменных источниках не упоминается ни одного случая принесения в жертву богам живого существа, однако Марин же говорит о том, что Прокл часто вызывал видения Гекаты. Поэтому найденный в «доме Прокла» жертвенный поросенок говорит о том, что эти жертвоприношения могли быть частью религиозной практики, отправляемой в Афинской школе. Вообще, ученые по-разному интерпретируют данную находку. Некоторые считают, что она была связана с закладкой строительства здания, другие говорят о том, что это жертвоприношение могло быть совершено по случаю важного события: спасения или возвращения домой после долгого отсутствия[4]. Но некоторые исследователи говорят о том, что данное жертвоприношение могло быть связано с частью

---

[1] См.: *Afonasin E., Afonasina A.* The Houses of Philosophical Schools in Athens // ΣΧΟΛΗ. Vol. 8. 1. 2014. P. 15.

[2] *Karivieri A.* The House of Proclus on the Southern Slope of the Acropolis. A Contribution // Post-Herulian Athens. Aspects of Live and Culture in Athens, A. D. 267–529. Helsinki, 1994. P. 135-136.

[3] См.: *Frantz A., Tompson H., Travlos J*. The Athenian Agora. Results of Excavations conducted by the Americal School of Classical Studies at Athens. Vol. XXIV: Late Antiquity, A.D. 267–700. Princeton, N. J., 1988. P. 45.

[4] См.: *Afonasin E., Afonasina A.* The Houses of Philosophical Schools in Athens // ΣΧΟΛΗ. Vol. 8. 1. 2014. P. 20.

обряда, посвященного Матери Богов, выполняемого, возможно, тайно, поскольку в доме найден соответствующий храм, и, по словам Марина, неоплатоники поклонялись Матери богов в ее различных ипостасях[1]. Кровь животного также могла быть достойным жертвоприношением для Лунной богини или Гекаты, некоторые ученые считают, что поросенок мог приноситься в жертву и божествам подземного мира. Марин упоминает и другие жертвы, практиковавшиеся в неоплатонической школе. Он всегда подчеркивает особые отношения Прокла с богами, особенно Асклепием и женскими божествами плодородия от Луны до Гекаты и Кибелы[2]. Е.В. Афонасин считает, что данные ритуалы могут говорить о сложности обряда встречи даже самой Афины[3].

Таким образом, необходимо подчеркнуть, что понятие «дом Прокла» является важнейшим для изучения функционирования Афинской школы неоплатонизма как с точки зрения внутренних процессов, происходивших в Академии в период ее расцвета, так и с точки зрения внешнего аспекта, который, благодаря археологии позволяет раскрыть все теоретические знания наиболее полно. Здание, известное нам как «дом Прокла» – это наиболее важный из ныне существующих источников материальной культуры, позволяющий судить как о внешней, так и внутренней жизни Афинской Академии до начала VI в.

HOUSE OF PROCLUS – ATHENS SCHOOL' AUDIENCE

A.G. Akhtyrtseva

The article talks about the importance of studying archaeological sites related to the Athenian school of Neo-Platonism. The author examines the most important archaeological complexes found in Athens, which allow to systematize and supplement knowledge about Athenian Neo-Platonism. It also mentions how the archaeological sites in question allow us to judge the religious practices that take place in the Athenian Academy.

Key words: Neoplatonism, Academy of Athens, Proclus, archeology.

---

1 См.: Марин. Прокл, или о счастье. С. 7.

2 См.: *Afonasin E., Afonasina A.* The Houses of Philosophical Schools in Athens // ΣΧΟΛΗ. Vol. 8. 1. 2014. P. 21.

3 См.: *Афонасин Е.В., Афонасина А.С.* Неоплатонический Асклепий // ΣΧΟΛΗ. Vol. 10. 1. 2016. С. 183.

ПРОФЕССОРА ПРАВА В РАННЕЙ ВИЗАНТИИ

Ю.П. Киселёва (Белгород)

В работе предпринята попытка характеристики преподавателей права в Ранней Византии как социокультурной микрогруппы.

Ключевые слова: право, школа, Византия.

На протяжении всей истории Византии уровень юридической культуры в ней был достаточно высок. С самого начала существования Византийского государства императоры уделяли в законодательстве значительное внимание проблемам обучения и, в частности, обучения в юридических школах.

Имеющиеся данные законодательных и некоторых других источников свидетельствуют о том, что во многих городах Византии – в Афинах, Александрии, Антиохии, Никомидии, Кизике, Анкире, Пергаме, Кесарии, Эфесе и др. – имелись философские, риторические, грамматические школы. Уже в III в. существовала известная юридическая школа в Бейруте. В IV–V вв. эта школа считалась одним из самых прославленных центров юридического образования в Византии[1].

Предполагается, что с работой этого учреждения связана преподавательская и научная деятельность таких юристов, как Гая, Ульпиана, Папиниана, Сцеволы, Трифонина и др. Преподавание носило устный характер и заключалось, в основном, в изложении и переводе на более доступный язык положений законодательства в виде комментариев, парафраз и др.

Преподаватели самостоятельно составляли учебные пособия. Сохранились многие сборники IV в., например, «Об исках», «О сроках» и др. Наиболее распространенными были труды Гая, например, до нашего времени дошло 9 вариантов, представляющих составленные в частном порядке редакции или изложения, созданных им Институций. Существовали многочисленные учебные пособия, как составленные известными юристами периода классического римского права, так и их последователями.

Начиная с IV в., многие юристы при создании справочника по законодательству или учебного пособия достаточно часто использовали метод компиляции и сводили воедино мнения признанных знатоков права со своим собственным. В целом получались достаточно самостоятельные произведения.

---

[1] *Удальцова З.В., Аверинцев С.С. и др.* Культура Византии: IV – первая половина VII века. М.: Наука, 1984. С. 359–360.

Преподаватели юридических школ совмещали научную деятельность и законотворческую работу, а ведущие профессора таких школ и специалисты в области права участвовали в работе специальных комиссий, которые занимались кодификацией и подготовкой новых императорских актов. В высшей школе работали такие профессора права, как Домнин, Кирилл, Патрикий, Демосфен, Евдоксий, Евксен, Ямвлих, Леонтий и Аноним (старший)[1].

Все это было вызвано тем, что в силу высокого уровня развития торговли и коммерции, а также благодаря процветанию городов и наличию в государстве развитого бюрократического аппарата, деятельность профессиональных правоведов превращалась в один из важнейших факторов дальнейшего процветания и развития государства[2]. Поэтому в Византии было создано большое количество юридических источников, в которых использовались труды римских юристов, однако они подверглись изменениям, которые отвечали требованиям того времени.

Одним из известнейших юристов Византии является Трибониан, который играл значительную роль в систематизации римского права. В 527 г. он возглавил работу комиссий по составлению «Corpus juris Civilis». Затем в 530 г. была назначена новая комиссия из 16 человек под руководством того же Трибониана, которая осуществила грандиозную компиляцию отрывков из трудов римских юристов примерно пяти предыдущих столетий, опубликованную в декабре 533 г. под названием «Дигест» (от латинского digesta – «собранное»), или «Пандект» (от греческого pandectas – «все вмещающее»). Одновременно Юстиниан поставил перед комиссией задачу выделить самые общие принципы римского права – в целях как учебных, так и идейно-политических, результатом чего стали «Институции».

Еще одним видным юристом, который принимал участие в законодательной деятельности, был Патрикий. Его деятельность была направлена на истолкование и комментирование императорских конституций, и во многом его работы сумели повлиять на развитие византийского права. Однако точки зрения Патрикия часто вызывали дискуссии и не всегда принимались законодателями. Также известно около 30 его высказываний, которые охватывают разнообразные проблемы византийского гражданского права. По мнению ученого, специально изучавшего педагогическую деятельность Патрикия, слава юриста была оправданна. Патрикия чтил и юрист-профессор Константинопольского университета Фалелей и позднее юрист VI–VII вв. Феодор Гермупольский.

---

[1] Там же. С. 360.

[2] *Курбатов Г.Л.* История Византии: Историография. Л., 1976. С. 77.

Соображения Патрикия по поводу разбираемых конституций отличаются большей глубиной и близостью к жизненной практике, чем те, которые высказывал его младший современник Фалелей[1].

О работах других бейрутских юристов, согласно сохранившимся источникам, известно значительно меньше. Так, Домнин, Демосфен и Евдоксий, как и Патрикий, большое внимание уделяли комментированию императорских конституций.

В 739–741 гг. при императоре Льве Исавре и его соправителе Константина Копрониме, был издан краткий свод византийского законодательства «Эклога», который представлял собой сокращённую выборку-компиляцию из кодификации императора Юстиниана «Corpus juris civilis», а также последующих актов византийских императоров. Целью данного документа являлось сделать законодательство более доступным для граждан[2]. Затем при Василии I в 878 и 886 гг. были созданы и обнародованы сборники норм византийского гражданского, уголовного, судебного и церковного права, которые получили название «Прохирон» и «Эпанагога». Позднее были составлены «Василики», византийский законодательный свод, который состоял из 60 книг, работа над которым была начата в правление императора Василия I и закончена при его сыне Льве Философе, данный свод включал в себя светское и церковное законодательство[3]. К сожалению, имена составителей – профессоров права – здесь нам неизвестны.

Таким образом, в Византии в целом происходит интенсивное развитие права, и главной задачей византийских правоведов в данном процессе становится изучение правовых традиций и законодательства Римской империи в поздний период ее существования, что было вызвано высокой долей преемственности между византийской и римской правовыми системами. Несомненно, роль византийских юристов носила важный характер, потому что именно благодаря деятельности интеллектуалов Византия усваивала римское правовое наследие: создавались различные законодательные справочники, учебные пособия, сборники (например «Прохирон» и «Эпанагога»), юридические сочинения, также были созданы различные законодательные своды такие как «Дигесты», «Институции», «Эклога», «Василики». Именно поэтому византийское право составило одну из сильных сторон византийской культуры.

---

[1] *Simon D.* Aus dem Kodexunterricht des Thalelaios // ZSSRA. 1970. 87. S. 393 f.

[2] Эклога. Византийский законодательный свод VIII века / Вступ. статья, перевод и комментарий Е. Э. Липшиц. М., 1965. С.18.

[3] *Липшиц Е.Э.* Несколько замечаний о Василиках как источнике // Византийский временник. 1958. Т. 14. С. 76-78.

ПОЛИТИКА ЮСТИНИАНА I В ОТНОШЕНИИ ШКОЛ ПРАВА

О.С. Тюнина (Белгород)

В статье рассматриваются основные преобразования Юстиниана Великого в области юридического образования. Также отмечаются изменения, произошедшие в научной сфере деятельности юристов. Рассматриваются основные правовые школы Византийской империи.

Ключевые слова: Византийская империя, Бейрут, Константинополь, Юстиниан I, юридическое образование.

Особое место в византийском обществе занимало юридическое образование, центром которого служили правовые школы империи. Численность такого рода учебных заведений до правления императора Юстиниана I (527–565) была достаточно велика. В их число входили такие школы, как Константинопольская, Римская, Бейрутская, Александрийская и другие[1]. Первоначально изучение правовых основ в учебных заведениях продолжалось четыре года. Базовым учебным материалом для них являлись тексты юристов классической эпохи, в число которых входили такие выдающиеся личности, как Гай, Ульпан, Папиниан и Павел. Соответственно, на лекционных занятиях деятельность профессора была направлена на комментирование текстов, сравнение параллельных отрывков, разъяснение противоречий и приведение в виде иллюстраций различных случаев из судебной практики[2].

Из-за отсутствия какой-либо единой учебной программы, обучение в юридических школах представлялось достаточно вариативным, что было обусловлено свободой выбора преподавателя при отборе учебного материала. То есть, как правило, профессор сам решал, какие работы юристов следует более подробно рассмотреть. Данное явление, в свою очередь, создавало в сфере правового образования крайне неблагоприятную ситуацию. В школах многое оставалось без внимания или оказывалось устаревшим и бесполезным, при этом в большинстве случаев уголовное право и уголовное судопроизводство и вовсе были неизученными.

Первые попытки регулирования деятельности правовых школ были реализованы еще при Юлиане Отступнике (330–363). В 362 г., согласно конституции императора, школы были подвержены изменениям, касающимся порядка назначения преподавательского состава. В

---

[1] *Диль Ш.* Юстиниан и Византийская цивилизация в VI веке: пер. с фр. СПб.: Тип. Альтшулера, 1908. С. 271-272.

[2] *Липшиц Е.Э.* Право и суд в Византии в IV–VIII вв. Л.: Наука, 1976. С. 21–22.

соответствии с законом Юлиана на городские курии возлагалась обязанность назначать профессоров права с их последующим утверждением императором [C.Th. XIII.3.5], при этом сама образовательная программа учебных заведений оставалась прежней. Лишь во время правления Юстиниана Великого сфера правового образования была кардинально модернизирована.

В первой половине VI в. в связи с ростом значимости христианской церкви на территории всей Византийской империи, был закрыт ряд «центров языческих знаний». Так, в 529 г. запрещалось преподавать в Афинах, а уже в 533 г. были закрыты остальные правовые школы, за исключением некоторых, в число которых входили правовые школы Бейрута и Константинополя. Рассмотрим каждую из школ отдельно.

Бейрутская правовая школа была основана не позднее III в. и располагалась на территории города Бейрута, входившего в сферу управления презида Финикии, находившего на восточном побережье Средиземного моря. Уникальность рассматриваемого учебного заведения заключалась в его римском характере, что было обусловлено сохранением в школе латинского языка, наличием строгого характера обучения, а также обладанием черт сходства в применении логических понятий и терминологии у византийских и классических римских юристов и преподавателей, что, безусловно, способствовало самоидентификации юристов по профессии, верноподданности и продвижению выпускников как в церковной, так и в государственной иерархии[1]. В отношении религиозной направленности Бейрутская школа, несмотря на рост значимости христианской церкви в Византийской империи, не обладала единой верой, тем самым она представляла собой центр культурной ассимиляции всех народов, подвластных Восточной Римской империи[2].

Уже к V в. правовая школа достигла наивысшего уровня развития, а ее окончание высоко ценилось на всей территории империи. Об этом может свидетельствовать сохранившиеся до наших дней работы ритора Либания, в письме которого говорится следующее: «Я готов дивиться, как сам-то не окажусь среди тех кто спешит в Берут, ибо дети, мужи, старики спешат туда по суше, морю и воздуху по причине того, как мне кажется, что бытует мнение, будто плох тот адвокат, который не приплывает оттуда» [Libanii. Opera. XI. 1203].

---

[1] *Болгов Н.Н., Болгова А.М.* Позднеантичный Берит в Финикии и его юридическая школа // Государство и общество: взаимодействие и противостояние. Воронеж, 2013. С. 307.

[2] *Кривушин И.В., Кривушина Е.С.* Византийская школа. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2002. С. 38.

С V в. центром юридического образования также стал и Константинополь. Расположенный в столице Византийской империи Константинопольский «университет» являлся цитаделью юридической науки. Он был основан при Феодесии II (408–450) еще в 425 г. и первоначально располагался у площади Филадельфион[1]. Его главная цель, как и в школе права Бейрута, заключалась в подготовке чиновников и государственных служащих. На самих стенах «университета» имелась подпись, включающая следующее содержание: «Вот место, посвященное законам, для всех здесь льет богатый неиссякаемый источник права Авзония. Для молодежи же, собирающейся здесь, он представляет все свое течение»[2]. Высшая правовая школа Константинополя являлась определенным центром латиноязычной, то есть, западной культуры. В ее стенах, наряду с языком, сохранялись традиционные идеи Рима. Следует отметить, что, помимо юриспруденции, в «университете» изучали теологию и медицину.

Обе представленные школы обладали тесной связью с государством, а преподаватели, в свою очередь, имели некоторую зависимость и от муниципальных властей. Уделяя особое внимание изучению школ, А. Джоунз писал: «В то время не имелось университетов в средневековом или в современном значении этого слова, но в Риме, Константинополе, Афинах и Бейруте имелись группы профессоров, которые нанимались и оплачивались государством и муниципиями; они обладали репутацией выдающихся специалистов в обучении грамматике и риторике»[3]. За свой труд профессора получали плату (honorarium) от студентов и определенное жалование от государства. Число преподавателей было крайне невелико. Например, в Константинополе до восхождения на престол Юстиниана имелось лишь два профессора, а во время правления величайшего императора их число увеличилось до четырех[4].

В период правления Юстиниана Великого был принят ряд документов, регулирующих порядок обучения праву[5]. В число нормативно-правовых актов такого рода входила конституция «Omnem». Она предлагала программу преподавания права в школах на каждом

---

[1] *Иванов С.А.* В поисках Константинополя. М., 2011. С. 234.

[2] *Липшиц Е. Э.* Юридические школы и развитие правовой науки // Культура Византии. IV – первая пол. VII в. М., 1984. С. 361.

[3] *Jones A.H.M.* The Decline of the Ancient World. L. – N.Y., 1994. P. 349.

[4] *Удальцова З. В.* Законодательные реформы Юстиниана // Византийский временник. М: Наука, 1965. Т. 26. С. 24.

[5] *Комлева Ю.Е.* Проблема континуитета в византийской и поствизантийской истории: Тез. докл. XIII Межд. науч. Сюзюмовских чтений. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2010. С. 53–54.

курсе обучения. Сама продолжительность обучения была увеличена с четырех до пяти лет, при этом каждому курсу было предоставлено новое наименование. Основным материалом для данных учебных заведений, в соответствии с документом, выступал «Corpus juris civilis». Интересным представляется тот факт, что в данной конституции отдельно упоминается Бейрутская школа права, которую автор называет «кормилицей законов». Также в тексте «Omnem» содержатся способы наказания за нарушения прописанных (установленных) правил. Так, за преподавание «поддельной науки» на нарушителя возлагался штраф в размере десяти фунтов золота и обязанность покинуть учебное заведение, в котором он обучал. Соблюдения данного нормативно-правового акта, согласно тексту, возлагалось на префекта города [Const. Omnem, § 7–8].

Благодаря этим реформам образование стало приближенным к нуждам юридической практики[1]. Одна из первостепенных целей создания Свода Юстиниана заключалась в создании общего правового источника для изучения его в правовых школах, «дабы неискусная душа студента, выпестованная простыми примерами, достигла более высокой мудрости знания» [Const. Deo auct., 11].

На достаточно важную роль рассматриваемой школы права в развитие правовой системы Византийской империи также может указывать и тот факт, что в состав комиссии, созданной по конституции императора Юстиниана от 15 декабря 530 г. и направленной на составление Дигест, входило два профессора из Бейрута – Дорофей и Анатолий. Также в состав комиссии, государственный чиновник по имени Константин, 11 адвокатов, которые принадлежали к высшей администрации империи и 2 профессора из Константинополя[2].

Помимо изменений в системе правового образования в школах, корректировалась научная сфера деятельности юристов. Юстинианом были запрещены какое-либо комментирование и интерпретирование текстов свода. Были позволены лишь его точные переводы без сокращений и искажений. Новые условия были обусловлены тем фактом, что различные точки зрения исследователей по одному вопросу, их противоречивые истолкования в итоге сумели привести право в «беспорядок» [Const. Deo auct., 12]. Такие меры, несомненно, создавали крайне узкие рамки для юристов-исследователей. На деле данные ограничения выполнялись лишь частично, так как после создания Corpus juris civilis именно в правовой школе Бейрута велась интенсивная

---

[1] *Удальцова З. В.* Там же. С. 26.

[2] *Iolowicz H.F.* Historical Introduction to the Study of Roman Law. Cambridge, 1939. P. 490.

работа по переводу свода законов на греческий язык с некоторым комментированием текста законов[1].

Таким образом, в период правления Юстиниана I были заложены основы для становления и развития правового образования в Византийской империи. Была утверждена единая система преподавания в школах права, но при этом она во много ограничила научную деятельность юридических школ. И, несмотря на проведенные Юстинианом Великим преобразования, в правовых школах продолжали сохраняться античные традиции.

THE POLITICIAN JUSTINIAN I CONCERNING SCHOOLS OF THE RIGHT

O.S. Tunina

In article the main transformations of Justinian in the field of legal education are considered. Also the changes which have happened in a scientific field of activity of lawyers are noted. The main legal schools of the Byzantine empire are considered.

Keywords: Byzantine empire, Beirut, Constantinople, Justinian I, education.

РАННЕВИЗАНТИЙСКАЯ ГАЗА В СОЧИНЕНИЯХ ПРОКОПИЯ И ХОРИКИЯ

А.А. Чаплыгина (Белгород)

В статье рассматривается анализ архитектурных памятников Газы VI в, а также даётся представление о местных праздниках и традициях на основе сочинений двух представителей Газской риторической школы – Прокопия и Хорикия. Также в статье представлены особенности слияния античной и христианской традиций, отраженных в искусстве и культурном наследии города.

Ключевые слова: Газа, Прокопий, Хорикий, искусство, культура Ранней Византии.

Газа является очень древним городом, расположенным в южной части Палестины на пересечении торговых путей. Благодаря выгодному географическому положению Газа подверглась культурному влиянию множества народов. Разнообразные этнические воздействия имели последствия в красочной смеси культов и различных богов, размещенных в пантеоне Газы. Анализ духовной и материальной составля-

---

[1] *Острогорский Г. А.* История Византийского государства / Пер. с нем.: М.В. Грацианский; ред.: П.В. Кузенков. М.: Сибирская Благозвонница, 2011. С. 120.

ющих данного города представляет огромный интерес для изучения культуры Византии в целом.

Газа представлена как типичный ранневизантийский «мегаполис», устроенный по римскому образцу: улицы с колоннами с севера на юг, амфитеатр и две христианские базилики[1]. «Газа – великолепный и восхитительный город, жители его очень почтенны и отличаются щедростью…» – сообщал паломник из Пьяченцы[2]. Более подробная информация о городе содержится в сочинениях двух газских риторов – Прокопия и Хорикия.

Прокопий Газский – один из ярчайших представителей христианской риторической школы в Газе, богослов и экзегет. Ценные сведения о родном городе представлены в таких его работах, как этопея о морской торговле, экфрасис картины «Федра и Ипполит», декламации о весне и о розе.

Огромный интерес вызывает подробное описание приводимого в действие водой Газского орология: эти часы были украшены металлическими фигурами на тему двенадцати подвигов Геракла – на каждый из двенадцати часов дневного времени. Но в своей работе Прокопий большее внимание уделяет смысловой части оформления часов, не упомянув при этом их механическое устройство. Пользуясь описанием Прокопия и другими источниками, немецкий ученый Г. Дильс произвел реконструкцию «геракловых» водяных часов и описал их в своей монографии «О замечательных часах в Газе, описанных Прокопием».

Часы располагались на рыночной площади Газы в глубине помещения, обрамлённого колоннадами, имеющие мраморные барельефы, с укрепленными на колоннах копьями для защиты от порчи или кражи. Дневное и ночное время ежечасно отмечалось посредством автоматического открывания мраморных дверец, находившихся в зале и расположенных в два ряда по 12 дверец в каждом[3]. Эти часы не только показывали время, но и оповещали о нём округу с помощью боя. На коньке крыши часов была укреплена голова Горгоны, вращавшей глазами при каждом бое часов. Механизм боя был связан с фигу-

---

[1] *Duval N.* Essai sur la signification des vignettes topographiques // Madaba map centenary 1897–1997: travelling through the Byzantine Umayyad period. Proceedings of the international conference held in Amman, 7–9 April 1997 / ed. M. Piccirillo, E. Alliata. Jerusalem, 1999. P. 134–146.

[2] *Болгова А.М.* Хорикий из Газы: античная риторика как форма для византийской школы // Научные ведомости БелГУ. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. № 1(96). Вып. 11. Белгород, 2011. С. 48.

[3] *Diels H.* Uber die von Prokop beschriebe Kunstuhr von Gaza. Berlin, 1917. P. 21.

рой Геракла: палицей, которую античный герой держал в правой руке, он ударял по медному гонгу, который на весу держал в левой руке.

Работа часов представляет собой целое увлекательное зрелище. К тому же, не каждый город в VI веке мог «похвастаться» наличием городских часов, поэтому орологий был настоящей достопримечательностью Газы и гордостью его жителей, что и обуславливает интерес Прокопия к данному объекту.

Ученик Прокопия Газского Хорикий – известный ранневизантийский оратор, наследник кафедры риторики в Газе. Хорикий с большим энтузиазмом говорит о своей стране и ее жителях: хвалит мягкость и манеры газийцев, их праздники, любовь к жизни. На протяжении всей своей жизни Хорикий любил Газу и наслаждался жизнью там, характеризуя её как город, «который, по общему признанию, не мог соперничать лишь с красотой, богатством и пышностью Антиохии, Тира и Кесарии, но не уступал им достоинствами своих горожан» (Chor. VIII. 13).

Христианское вероисповедание Хорикия нашло отражение в целом ряде текстов: его сочинения помогают раскрыть аспекты культурной жизни города. Хорикий вошел в историю литературы как создатель экфрасиса в виде описания церквей Газы VI в. В экфрасисе, посвященном церкви св. Сергия в Газе, он впервые описал цикл росписей из жизни Иисуса Христа. Они были расположены на сводах храма и состояли из 23 рядов картин, воспроизводивших евангельскую историю Христа («Благовещение», «Рождество», «Благовестие пастухов», «Брак в Кане» и др.).

Ритор не только зафиксировал сведения об событии, но и обратился к собственному восприятию картины, акцентируя внимание на тонкостях изображения героев, при этом не исключая мельчайших деталей: отсутствие бледности в лице Марии, свойственной роженицам, – знак божественного происхождения младенца, позы пастухов, лицезревших ангела, безразличие на мордах овец и чуткость собаки, уловившей присутствие «постороннего». Впоследствии приемы, выработанные Хорикием, станут образцом для последующих экфрасисов, а также послужат важным источником для изучения истории архитектуры и искусства в целом.

Описание церкви св. Стефана составляет почти треть второго панегирика в честь епископа Маркиана Газского и может дать ответ о конструкции церкви. Этот храм представляет собой базилику, фланкированную с каждой стороны галереями (Chor. II.46–48). Восточная сторона оканчивалась апсидой.

Роскошная облицовка покрывала стену апсиды, в центре которой в мраморе было прорезано окно. Хорикий говорит, что участок вокруг окна был отделан иным сортом мрамора. «Другая сторона», со слов ав-

тора, была расписана изображениями Иоанна Крестителя слева от зрителя, справа были изображения того, «кто держит храм». По мнению учёных Ф. Абеля и С. Манго, последним персонажем мог являться св. Стефан как покровитель храма. Сразу после описания Хорикием апсиды следует пассаж о деревянном куполе (Chor. II. 41, 43–45). В своем комментарии к этому месту Абель утверждает, что Хорикий описывает полукупол на восточной аспиде, который был украшен деревянной конструкцией с клиньями, соединяющимися вдоль навершия[1].

Помимо описательных работ в области архитектуры, Хорикий предоставляет исследователям значительный пласт информации о традициях и обычаях жителей Газы. В предварительных речах № 9 и 24 (Chor. Orat. 9 (XVI); 24 (XXXIX)) ритор даёт представление о Розалиях – празднике чествования памяти умерших с присущими ему обрядами и пением. Хорикий повествует историю возникновения данного фестиваля и связывает его с культом Афродиты[2].

На основе этого можно выделить интересное явление: несмотря на постепенную христианизацию Газы, в её традициях сохраняются языческие элементы, которые, в данном случае, заметны в Празднике Роз.

Таким образом, сочинения Прокопия и Хорикия являются ценным источником для исторической науки и искусствоведения. Они помогают реконструировать ряд мест несохранившихся архитектурных памятников, а также создать представление о местных традициях и праздниках, что является одним из важнейших компонентов для целостного восприятия жизни газийцев и незаменимым элементом в системе культурного наследия Византии.

EARLY BYZANTINE GAZA IN THE WRITINGS OF PROCOPIUS AND CHORICIUS

A.A. Chaplygina

The article discusses the analysis of architectural monuments of Gaza VI, and also gives an idea of local festivals and traditions based on the works of two representatives of the Gaza rhetorical school, Procopius and Choricius. The article also presents the features of the fusion of antique and Christian traditions, reflected in the art and cultural heritage of the city.

Keywords: Gaza, Procopius, Choricius, art, culture of early Byzantium.

---

[1] *Abel F.* Gaza au VIe siecle d’apres le rheteur Chorikios // Revue Biblique. 40. 1931. P. 17.

[2] *Болгова А.М.* Античная риторика в Византии VI в.: предварительные речи (Вступления) Хорикия // Научные ведомости БелГУ. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. № 8(179). Вып. 30. Белгород, 2014. С. 46.

МЕСТО МИФА В ЛИТЕРАТУРНОМ НАСЛЕДИИ ХОРИКИЯ ГАЗСКОГО

М.Ю. Лопатина (Белгород)

В статье рассматривается вопрос об употреблении мифов в литературных произведениях Хорикия в Газе в VI в. Оратор подчеркивает полезные функции классической литературы, особенно педагогические. Его цель – обеспечение выживания греческой мифологии и литературы, а также сохранение актуальности традиционной пайдеи, адаптированной для христианского сообщества.

Ключевые слова: Газа Палестинская, Поздняя античность, Хорикий Газский, миф, литература, пайдея.

Чтобы определить степень влияния классического наследия в городской среде Газы в V–VI вв. мы должны взглянуть на литературу в целом и место мифа в ней.

Попробуем обратиться к литературным произведениям Хорикия Газского. Интересно отметить, что, когда Хорикий рассказывает о мифотворчестве, он часто дает общее представление в области «литературы» (*avant la lettre*) и выдвигает своеобразный взгляд на ее характер и функции[1]. Прекрасным примером является его диалексис – мимесис, в котором можно проследить попытки определения взаимосвязи между литературным искусством и реальностью: «Конечно, вы видели Дионисийские хоры. Я предполагаю, что в этом контексте вы когда-нибудь наблюдали, что танцор очаровывает сцену мужскими ролями, когда он танцует Фессалийца [Ахилл], или амазонского мальчика [Ипполит], или какого-то другого человека. В другом случае, я уверен, вы видели прекрасное представление любви танцовщицей желанной дочери Бриса [Брисеида] и Федры. Танцор пытается убедить аудиторию, что он на самом деле является тем, кого представляет. Гомер также «танцует» в своих эпических поэмах. Разве вы не видите, что поэт кажется тем, кем он хочет быть? Будьте уверены, что он захватывает мое воображение! Играет ли он роль молодого человека из Этолии [Диомед], старика с Пилоса [Нестор] или любого из ахейцев вообще, или тех, с кем греки были в состоянии войны; кажется, я вижу человека, которого поэт должен представлять. Возможно, Музы вдохновили Гомера делать то, что он делает. Или, может быть, Музы – это миф, и дар поэта получен от природы. В любом случае, я восхищаюсь его способностями и хотел бы иметь подобный дар» [Chor., Op. XXI, 1–2].

---

[1] См.: *Stenger J.R.* Spätantike Konzeptionen von Literatur. Winter Verlag, 2015. P. 9-26.

Ассоциируя театральный мимесис с эпической поэзией и своим собственным ораторским искусством, Хорикий в эпитафии Прокопию утверждает, что эти искусства, создавая яркие перфомансы и образы, заставляют зрителей принимать фантазию за реальность [Chor., Op. VIII, 11]. Здесь оратор также подчеркивает традиционное соперничество между риторикой и поэзией. Несмотря на то, что они представляют вымышленный мир, в реальности аудитория вынуждена держать дистанцию между двумя сферами[1]. Художественный вымысел или то, что Хорикий называет *plasma*, миметическое сходство с реальными вещами или событиями, создает иллюзию на наших глазах, так что граница между фантазией и реальностью становится размытой или исчезает вовсе [Chor., Opp. III, 20; XX, 1; XXXV, 3; XLII, 2… *theoria* on *plasma*]. Далее, в этом диалексисе, он утверждает, что ораторское искусство превосходит изобразительное: художник обязан передавать то, что он видит так как оно есть, ритор же способен скрыть неприятную реальность и заменить ее более приятным вымыслом [Chor., Op. XXI, 5]. В отличие от изобразительного искусства литература не ограничивается стремлением к истинной природе; напротив, она реализует свой полный потенциал, когда оставляет фактическую реальность, чтобы создать яркий пейзаж, который противоречит реальному [Chor., Op. XXIX, 90].

Таким образом, вымысел возникает как самостоятельная сфера, которая по своей природе отделена от реального мира. Вот почему Хорикий часто использует термин «фантазия» для воображения чего-то нереального и почему он неоднократно раскрывает обманчивый характер мифов [Chor., Opp. III, 53; IV, 23; VI, 15; XXI, 2; XXVI, 46]. Образ художественного вымысла в реальности существует исключительно в уме поэта и аудитории[2]. Поэтому Хорикий стремится подчеркнуть в Апологии мимов, что вымысел не может нанести никакого вреда аудитории [Chor., Op. XXXII, 75–78]. Он опровергает общее мнение, что мимы, театральные игры и мифы соблазняют аудиторию к постыдному поведению и разлагают нравы, особенно у молодого поколения. Например, в декламации «Спартанец» оратор упоминает аналогичный случай, связанный с изобразительным искусством [Chor.,

---

[1] *Webb R.* Rhetorical and Theatrical Fictions in Chorikios of Gaza // Greek Literature in Late antiquity. Dynamism, Didacticism, Classicism / Ed. by S.F. Johnson. Aldershot, 2006. P. 107–124.

[2] *Stenger J.R.* Chorikios und die Ekphrasis der Stephanoskirche von Gaza. Bildung und Christentum im städtischen Kontext // Jahrbuch für Antike und Christentum. 2010. Vol. 53. P. 88–89.

Op. XXIX, 81]. Он постулирует своего рода автономию литературы как отдельной области, которая служит целью развлечения[1].

В то же время, Хорикий утверждает, что литература может оказать значительное влияние на аудиторию. Например, когда он говорит об епископе Маркиане, то приписывает литературным произведениям способность вызывать радостное настроение и бодрость [Chor., Op. I, 6]; в другом месте он говорит, что литературное искусство действует как лекарство для души [Chor., Op. I, 7–9]. Таким образом, литература влияет на людей позитивным образом. На первый взгляд, прямое противоречие скрывается в следующих наблюдениях: как может вымышленное действие повлиять на реальную жизнь? Чтобы выразить это в позитивном ключе, можно предположить, что Хорикий стремился оправдать место мифа в литературе, так как, преуменьшая потенциально опасное влияние, он, тем самым, подчеркивает их полезность, чтобы обеспечить им прочное место в жизни человека. Несмотря на то, что литературные произведения способны искажать реальность и, тем самым, обманывать публику, они все же оказывают творческую силу и благотворное влияние на психическое состояние, обеспечивая радость и утешение.

Такое наблюдение относится к социальной функции литературы и ораторскому искусству в целом. Мы можем заметить напряжение, когда смотрим на позицию Хорикия по отношению к поэзии, прозе и ораторской речи. Отрывок из эпитафии Прокопию в особенности освещает данный аргумент: «Наверное, слушая о человеке с таким количеством достижений, возможно, складывается такое впечатление: «Этот человек, я имею в виду умершего, кажется, никогда не касался священных книг. Сколько у него было свободного времени, чтобы развить столько различных добродетелей? Конечно, если кто-то не знал Прокопия, он мог рассуждать так; он обладал многими добродетелями [Писание] и, не беря во внимание одежду, был во всех отношениях похож на священника. И действительно, он был хорошо обучен в отношении учения благочестия, а также тех аргументов, которые пытаются им противоречить; [и он знал их оба], как тщательно изучить первое, и как успешно критиковать последнее. Тем не менее, знание божественной тематики было не просто поверхностным. Ибо он не продвигал это знание, обучая и призывая других, но он доказывал свои знания своими собственными делами. Поскольку он облегчил бедствия многих людей, сиротство стало не столь важным для многих сирот, и

[1] *Malineau V.* L'apport de l'Apologie de mimes de Chorikios de Gaza àla connaissance du théâtre du Vie siècle // Gaza dans l'Antiquité Tardive. Archeologie, rhetorique et histoire / ed. C. Saliou. Salerno: Helios, 2005. P. 167.

вдовство оказалось терпимым для многих вдов. Он не проиграл борьбу с каким-либо непристойным желанием. Напротив, он убедил многих людей с неподобающим поведением стать целомудренными» [Chor., Op. VIII, 21–22].

Тут же Хорикий признает, что среди его сограждан возникают серьезные опасения относительно классической литературы и ее последствий для человеческой души; здесь, в частности, получил известность религиозный аспект[1]. Точно так же он спешит заверить свою аудиторию тем, что языческая литература делает им услугу, которая может быть полезной в христианской среде. Подобно Прокопию, епископ Маркиан совмещает свое религиозное призвание с литературной эрудицией, хотя и не оставляет сомнений в том, что традиционные мифы отнесены к сфере безопасных развлечений. Хорикий хвалит, что Маркиан, хорошо разбираясь в классической поэзии, выбирал из нее только то, что полезно и смеялся над мифами, рассматривая их как, прежде всего, забавные [Chor., Op. 1, 6].

В других случаях Хорикий подчеркивает эстетические и развлекательные качества текстов с целью обоснования их важной роли [Chor., Opp. VIII, 8–9; XXXII, 102]. Доставляя удовольствие читателю, тексты облегчают преподавание уроков, жизненно важных для человеческой жизни, упаковывая важные послания в красивое обличье похвалы как отличительный атрибут литературы. Таким образом, нам нужен критерий для оценки того, что может быть пагубным в литературных текстах и должно быть отвергнуто, а с другой стороны, что принять и культивировать в христианской среде. Ролевые модели, такие как епископ Маркиан и Прокопий, проложили путь к выполнению этой задачи с большим успехом.

Основной вопрос, который вырисовывается из отрывка о Прокопии, заключается в следующем: является ли классика эталоном хорошей жизни или нежелательным элементом для христианского сообщества. Например, *C. Greco* считает, что Хорикий сохраняет престиж классической литературы, прежде всего, из-за ее эстетической ценности. Несогласие с данной точкой зрения выразил профессор древнегреческого языка Университета Глазго *Jan R. Stenger*[2]. Критика в адрес

---

[1] См.: *Ashkenazi Y.* Sophists and Priests in Late Antique Gaza According to Choricius the Rhetor // Christian Gaza in Late Antiquity / Ed. by B. Bitton-Ashkelony, A. Kofsky. Brill: Leiden, 2004. P. 195–208.

[2] См.: *Greco C.* Akarpa devndra. Retorica, eredità culturale e descrizioni di gardini in Coricio di Gaza // Medioevo Greco. 2007. №.7. P. 97–117; *Stenger J.R.* Choricius' Unease about Myths or How to Stand Up for the Classics in Gaza //

традиционной эрудиции, которая не хотела давать Гомеру и ему подобному место, которое они занимали веками, по всей видимости, имела место, поскольку Хорикий вынужден был защищать перед общиной занятие светской литературой на похоронах своего учителя[1]. Мы можем вспомнить, что Маркиан, принадлежавший к элите Газы и хорошо разбиравшийся в классическом наследии, сражался против монахов Иоанна и Варсануфия по поводу того, должен ли в будущем риторический навык священника иметь приоритет над другими качествами[2]. Учитывая, что монахи часто вмешивались в дела городской жизни и давали советы гражданам Газы как религиозные авторитеты[3], разумно предположить, что некоторые жители города разделяли их презрение к классическому образованию.

Однако, сам оратор, похоже, уклоняется от определенного ответа на вопрос, следует ли охватывать классику в целом. Скорее, он остается преднамеренно в расплывчатом и двусмысленном состоянии, стремясь сбалансировать свои проблемы с превозношением полезности классиков. Но все же наследие классической пайдеи словно соскакивает с каждой страницы его творчества. Нельзя не заметить, что его речи изобилуют цитатами и аллюзиями на выдающихся поэтов, философов и историков прошлого. Мы признаем классическую систему отсылок, установленную такими авторитетами, как Гомер, Геродот и Демосфен. В противоположность этому, христианство получает лишь небольшое внимание, и когда Хорикий ссылается на христианские институты или здания, он использует термины, завещанные классическим образованием. Разумеется, эта практика не может нам ничего рассказать о личной вере ритора, потому что приверженность к аттической модели лингвистического дискурса не позволяет сделать явных отсылок к христианской религии. Тем не менее, это показывает, что Хорикий сознательно выбирает классическую риторику как способ дискурса, подходящий для его предмета обсуждения. Поскольку его выступления проходят публично и посвящены зачастую официальным событиям, это имеет более широкие последствия: между строками Хо-

---

L'Ecole de Gaza: espace littéraire et identité culturelle dans l' Antiquité tardive / Ed. E. Amato. Peeters: Leuven – Paris – Bristol, CT, 2017. P. 1–18.

[1] *Sivan H.* Palestine in Late Antiquity. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 346–347.

[2] *Hevelone-Harper J.L.* Disciples of the Desert: Monks, Laity, and Spiritual Authority in Sixth-Century Gaza. London, 2005. P. 115–116.

[3] См.: *Tiersch C.* Zwischen Hellenismus und Christentum – Transformationsprozesse der Stadt Gaza vom 4.-6. Jahrhundert n. Chr. // Jahrbuch zu Kultur und Geschichte des ersten Jahrtausends n. Chr. 2008. Vol. 5. S. 73–75; *Sivan H.* Op. cit. P. 344–345.

рикий стремится сохранить актуальность традиционной пайдеи под видом христианства для своих сограждан.

Итак, как мы можем осмыслить сомнения Хорикия о мифах? Во-первых, его речи свидетельствуют об интересной попытке определить то, что мы называем литературой, и установить место мифотворчества в этой области. Оратор выступает с концепцией литературной неоднозначности в отношении вопроса о референциальности (возможности адекватным образом отображать и воспроизводить действительность). По его словам, мифы и, в целом, литературные тексты отдалены от реального мира, но обладают способностью глубоко влиять на аудиторию. Их функция непрерывно колеблется между игривыми развлечениями или даже обманом и нравственным обучением. Поэтому крайне важно разумно использовать произведения и рассказы, унаследованные от греческой традиции. Хорикий представляет себя как человека, который проявляет высочайшую проницательность в выборе литературных сюжетов.

Во-вторых, эта кажущаяся двусмысленность заложена в обмене мифами, который совершался не только в Школе, но и среди широкой общественности Газы в V–VI вв. Традиционные формы эрудированного дискурса и мифологические темы продолжали занимать центральное место в общественной жизни города, о чем свидетельствуют яркие *Описания* произведений искусства Прокопием и Иоанном Газскими. Языческое мировоззрение, которому они, казалось, способствовали, и связанная с ним безнравственность по-прежнему привлекали критику. Поскольку общественность была серьезно озабочена классической традицией, Хорикий, как представитель пайдеи, был вынужден защищать место языческой литературы в этой среде. Его задача заключалась в ослаблении напряженности между греческим наследием и христианской верой.

В-третьих, Хорикий разработал многообещающий подход к успокоению критиков. На первый взгляд, он сводит к минимуму или даже отрицает референциальность литературы и ограничивает ее областью вымысла, чтобы упредить протест против ее пагубного влияния. Зачастую оратор присоединяется к аудитории в своих оговорках о традиционных мифах и дистанцирует себя от рассказов Геродота и других. Эта стратегия создает впечатление, что рассказы, включенные в литературу, являются декоративными, риторическими украшениями, которыми можно наслаждаться без особого риска. В то же время, Хорикий далеко не отказывается от классической традиции; он даже утверждает, что это ключевая роль в формировании личности. Несмотря на оторванность от реальной жизни, литературные произведения имеют силу влиять на состояние ума и создавать безупречный ха-

рактер. Конечной целью этого согласованного подхода является обеспечение выживания греческой мифологии и литературы как краеугольного камня в учебной программе при трансформации общества.

THE PLACE OF MYTH IN THE LITERARY HERITAGE OF CHORICIUS OF GAZA

M. Yu. Lopatina

The article examines the use of myths in the literary works of Choricius in Gaza in the VI century. The Speaker emphasized the useful functions of classical literature, especially the educational ones. His goal is to ensure the survival of Greek mythology and literature, as well as to preservation of the relevance of traditional paideia adapted for the Christian community.

Keywords: The Gaza, late antiquity, Choricius of Gaza, myth, literature, paideia.

ПЕРСОНАЛИИ

АКОП ЖОРАЕВИЧ АРУТЮНЯН – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ПОГРАНИЧНЫХ ПРОСТРАНСТВ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ КОНТАКТОВ

(к 60-летию со дня рождения)

В тематике научного направления НИУ «БелГУ» «Классическая и византийская традиция» важное место занимает исследование пограничных пространств и территорий, история межкультурных и межцивилизационных контактов.

Одной из первых докторских диссертаций, защищенных в рамках этого направления, стала работа А.Ж. Арутюняна, ведущего антиковеда Республики Армения, который также активно работает на научном пространстве России, а в 2015–2016 гг. являлся стажером кафедры всеобщей истории НИУ «БелГУ», завершив на ней работу над докторской диссертацией.

В 2018 году Акоп Арутюнян отмечает 60-летний юбилей. Основные вехи его жизненного пути и научной биографии типичны для его поколения.

Акоп Жораевич Арутюнян родился 21 мая 1958 г. в г. Ленинакане (ныне Гюмри) Армянской ССР. Там же окончил среднюю школу с математическим уклоном и начал планировать поступление в университет. В 1975–1976 гг. начал трудовую биографию с работы на производстве (Ленинаканский текстильный комбинат). В 1976–1978 гг.

проходил срочную службу в рядах СА, танковые войска, в гг. Гори и Батуми (Грузинская ССР). В 1978–1979 гг. продолжил работу на Ленинаканском текстильном комбинате.

С 1979 по 1984 гг. обучался на историческом факультете Ереванского государственного университета. Специализировался на древней истории Армении и античной истории, к которой обнаружил глубокий интерес и творческие способности.

С 1984 по 1987 гг. А.Ж. Арутюнян проходил обучение в очной аспирантуре по кафедре всеобщей истории ЕГУ под научным руководством академика АН Армянской ССР Гагика Хореновича Саркисяна (1926–1998), директора Института востоковедения АН АрмССР. Традиции ленинградской школы востоковедения и антиковедения, питомцем которой был Г.Х. Саркисян, ученик И.М. Дьяконова и К.М. Колобовой (научный руководитель М.Е. Сергеенко), глубокий интерес к месту и роли древней Армении в истории Древнего Востока и античного мира, в полной мере были восприняты молодым ученым.

По окончании аспирантуры А.Ж. Арутюнян с 1988 по 1993 гг. приступил к работе в качестве младшего научного сотрудника лаборатории Исторической географии и картографии Армении исторического факультета ЕГУ. В начале этого периода им была завершена работа над кандидатской диссертацией, обнаружившая его научный интерес к связям Армении с античным миром и к эпохе Поздней античности.

В 1989 г. А.Ж. Арутюнян успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Восточная политика Римской империи в период домината и Армения (IV в. н.э.)» в Институте Востоковедения АН Армянской ССР (г. Ереван).

С 1993 г. А.Ж. Арутюнян перешел в штат преподавателей родной кафедры, которая ныне носит название кафедры Всемирной истории исторического факультета Ереванского государственного университета, где и трудится по сей день. С 2004 г. – доцент кафедры.

В течение четвертьвековой преподавательской деятельности А.Ж. Арутюнян читал и читает академические курсы: История древнего Востока, История Древней Греции и Рима, Всеобщая история, Античное и средневековое источниковедение, Арабские и арамейские княжества в Сирии и Месопотамии, История цивилизации, История колонизации (с древнейших времен до наших дней).

Кроме исторического факультета ЕГУ в различные годы он преподавал по совместительству на следующих факультетах: международном, востоковедения (у иранистов и арабистов), романо-германском, армянской филологии, географическом и др.

Круг научных интересов ученого включает проблемы исторической географии и картографии древней и раннесредневековой Арме-

нии, Восточного Средиземноморья и Малой Азии; военную историю древней Армении в связи с историей античного мира (Римской империи) и Ранней Византии.

А.Ж. Арутюнян впервые в армянской историографии определил географическую ориентацию «Древнеармянской географии» («Ашхарацуйц»), основываясь на трудах, в первую очередь, российских специалистов по исторической географии. С другой стороны, этот важный памятник был актуализирован для российского антиковедения, востоковедения, византологии. Юбиляром опубликовано полтора десятка статей по «Ашхарацуйц»-у, изучено описание стран от Пиренейского полуострова и Британии до Китая. В процессе исследования автор уделил особое внимание изучению обеих Сарматий (Европейской и Азиатской) как колыбели истории древних славян, особенно восточных.

Также юбиляром были по-новому рассмотрены сведения Страбона, Птолемея и Плиния Старшего по исторической географии царства Великой Армении; огромный пласт древнеармянской исторической литературы (Агатангелос, Егише, Фавстос Бюзанд, Мовсес Хоренаци, Себеос и др.) был вписан в российское источниковедение античной и ранневизантийской истории.

В научной деятельности и мировоззрении А.Ж. Арутюняна огромную роль сыграли Г.Х. Саркисян, С.Т. Еремян, В.А. Дилоян, Э.Д. Фролов, Г.А. Кошеленко, С.Ю. Сапрыкин, А.В. Подосинов и др. В течение последней четверти века Акоп Жораевич прочно вошел в число ученых, работающих на русском языке, в пространстве отечественного антиковедения, регулярно и систематически публикуясь в ведущих научных журналах РФ.

Закономерным итогом на данном этапе научной работы А.Ж. Арутюняна стало завершение им работы над докторской диссертацией на кафедре всеобщей истории Белгородского государственного национального исследовательского университета.

16 июня 2016 г. А.Ж. Арутюнян успешно защитил в НИУ «БелГУ» диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.03 – всеобщая история. Тема: «Древняя Армения между Восточным Средиземноморьем и Ираном (II в. до н.э. – III в.). Динамика межгосударственных границ и административно-территориального деления». Официальными оппонентами выступили ведущие антиковеды РФ проф. Е.А. Молев (Нижний Новгород), проф. А.П. Беликов (Ставрополь), проф. В.И. Кащеев (Саратов); ведущая организация – ЮФУ (Ростов-на-Дону). Диплом доктора исторических наук был нострифицирован ВАК Республики Армения 22.03.2017 г.

Данная работа стала не просто плодом многолетнего труда, но и открыла ряд новых путей и горизонтов в отечественном антиковедении. Так, впервые была представлена геополитическая роль Армении в системе древних цивилизаций как территории между культурами Средиземноморья и Ирана; впервые была прослежена общая динамика внешних границ Армении со времен эллинизма до позднеримского времени; изучена языковая и культурная ситуация и степень эллинизации Армении; уточнены элементы эллинизма в Армении; проанализирована вся картографическая традиция относительно Древней Армении на различных языках (греческий, латинский, древнеармянский и др.), исследована динамика внутренних административных и региональных границ исторических областей Древней Армении.

Защита данной диссертации намечает контуры дальнейшего исследования исторической географии в рамках античности (А.В. Подосинов, В.Г. Зубарев), а также Научного направления НИУ «БелГУ», связанного с изучением пограничных зон, регионов и микрорегионов, этно-конфессиональных и этнокультурных контактов.

Научная деятельность А.Ж. Арутюняна получила широкое общественное признание. Он является действительным членом редакционной коллегии ВАКовского научного журнала «Научные ведомости БелГУ. Серия История, политология», научных журналов «Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма», (Севастополь-Тюмень-Нижневартовск), «Уральское востоковедение. Международный альманах» (Екатеринбур), «Русский язык в Армении» (Ереван; ВАК РА); «Проблемы современной русистики» (Ереван). А.Ж. Арутюнян – член ученого совета исторического факультета ЕГУ.

А.Ж. Арутюнян является автором более 160 научных публикаций. Среди наиболее важных из них – монография «Армения, государства Восточного Средиземноморья и Иран (189 г. до н.э. – 298 г. н.э.)». Ростов-на-Дону: изд. ЮФУ, 2015; статьи, опубликованные в Армении, России, Беларуси, Украине, Казахстане, Австрии, Ливане. В 2018 г. выходит из печати обобщающая монография о столице Армении римского времени – Тигранакерте.

В 2013 г. А.Ж. Арутюнян был награжден Памятной медалью ЕГУ.

С НИУ «БелГУ» А.Ж. Арутюняна связывают тесные научные и дружеские отношения. Помимо того, что он стал вторым доктором наук, подготовленным кафедрой всеобщей истории БелГУ, Акоп Жораевич является соруководителем (со стороны Армении) Летней школы белгородских студентов и аспирантов по истории и археологии Армении. В 2015, 2017 и 2018 гг. состоялись уже три такие школы. А.Ж. Арутюнян входит в редколлегию «Научных ведомостей БелГУ», регулярно публи-

кует статьи в Белгороде, организует публикации наших ученых и о них в Армении, дает отзывы на диссертации и авторефераты, представленные к защите в НИУ «БелГУ», а также рецензии.

Поздравляя Акопа Жораевича со славным юбилеем, коллектив научного направления «Классическая и византийская традиция» НИУ «БелГУ», кафедры всеобщей истории, журнала «Научные ведомости БелГУ», диссертационного совета Д 212.015.11 желают ему новых научных успехов, крепкого здоровья и продолжения всестороннего сотрудничества в его лице со всей исторической наукой братской Армении.

Н.Н. Болгов, М.Л. Рябцева (Белгород)

ГЕО ВИДЕНГРЕН: ЖИЗНЬ И ТРУДЫ

К.А. Беседина (Белгород)

Гео Виденгрен (Geo Widengren) родился 24 апреля 1907 г. в Стокгольме, † 28 января 1996 г. там же. Он был шведским востоковедом и религиозным ученым, который посвятил себя, прежде всего, изучению древних ближневосточных и иранских религий, но также занимался исследованиями по иудаизму, исламу и религиозной феноменологии, историк религий, с особым упором на древний Ближний Восток и Иран.

Жизнь. Родился в Стокгольме, Швеция, где провел свое детство и юность. После того, как он исполнил свою военную службу (1925–27), он поступил в Военную академию Карлберг (1927), где занимал должность прапорщика в резерве шведской армии (1928). Он присоединился к шведскому контингенту финской армии в так называемой «зимней войне» с СССР в 1939-40 гг.

Виденгрен учился сначала в Стокгольме под руководством Тора Андре (1885-1947), известного шведского историка религий и специалиста по ранним исламским исследованиям, который был профессором Стокгольмского университета в период с 1927 по 1933 гг. Когда Андре ушел из Уппсалы, Виденгрен последовал за ним, а в 1936 г. защитил докторскую диссертацию «Аккадские и еврейские псалмы плача как религиозные документы» на факультете теологии в Уппсале, опубликованную в 1937 г.

В 1936 г. он был назначен преподавателем в Университет Упсалы, где он работал до 1940 г. на кафедре истории и психологии религии на факультете теологии. В 1940 г. он был назначен профессором

истории религий на том же факультете, когда ему было всего 33 года. Он занимал этот пост, «Calsenius professoriate», учрежденный в 1754 г., до своего выхода на пенсию в 1973 г. Он был деканом факультета теологии в Университете Уппсалы (1944–45, 1950–51 и 1964–71) и вице-президентом, а затем президентом Международной ассоциации истории религий (IAHR) между 1950–60 и 1960–70 гг. соответственно. Он помог создать международный журнал IAHR, Numen, впервые вышедший в 1954 г. и все еще выпускающийся Ассоциацией.

Виденгрен был председателем организационного комитета Международного коллоквиума по апокалипсизму в 1979 г., который стал важной вехой в изучении апокалипсизма в Средиземноморском мире и на Ближнем Востоке в античности.

Он был награжден многими степенями honoris causa университетов Амстердама и Страсбурга (1961); Кардифф, Уэльс (1965); Росток (1969); и Уппсала (1973).

Виденгрен имел репутацию овладения большинством языков Ближнего Востока, а также древних языков Ирана. Он изучал ассириологию в Копенгагене с О.Э. Равном (1881-1952) и семитские языки под руководством С.С. Ниберга в Уппсале, который также преподавал ему иранские языки, в первую очередь, среди них важны авестийский и пехлеви. Кроме того, он хорошо разбирался в греческом, латинском и армянском языках.

Преподавал до выхода на пенсию в 1973 г. в качестве профессора религиозной истории в Университете Упсалы.

С 1950 по 1960 гг. он был вице-президентом, затем до 1970 г. президентом Международной ассоциации истории религии (IAHR).

Труды. Работы Виденгрена были филологически точны и сконцентрированы в области иранских религий, используя все иранские диалекты и другие языки из окружающих Иран стран, такие как санскрит, аккадский, арабский или сирийский. Тем не менее, он утверждал, что только филология не делает ученого историком религии: религии следует рассматривать и оценивать как таковые. Поэтому он всегда решительно отвергал различные эволюционистские теории в религиозных исследованиях: по его мнению, религия начинается сама с себя и не может быть получена из чего-то чуждого ей, безличностных сил дорелигиозного характера (маны, тотем), но также и не от магии, которая должна рассматриваться как нечто, существенно отличающееся от религии. Для Виденгрена священное существо не было безличным существом, а принадлежало к божественной сфере.

Его исследования имеют первостепенное значение для понимания богопоклонения в различных религиях. Он представлял Высшего

Бога как творца, небесного Господа, подателя плодородия и судьбы, злой и возвышенной роковой силы.

Виденгрен имеет особое значение для археологии, поскольку его язык и интерпретация имеют исторический фон.

Виденгрен представлял собой смешение феноменологического наблюдения и исторического вывода.

Сочинения Виденгрена включают около 300 наименований и охватывают самые разные предметы не только в области истории религий, но и в лингвистике и политической истории. Его обширные знания языков и культур Ближнего Востока и Ирана позволили ему провести всесторонние исследования религий в этой области и в этом отношении также в сравнительной религии. Можно выделить несколько тем исследований, которыми он особенно интересовался, и здесь они рассматриваются более подробно.

Виденгрен посвятил много энергии сравнительному изучению религий и проблемам, которые он поднял, особенно феноменологии религии, которая была в моде в первой половине XX в. Несмотря на колебания, высказанные самим Виденгреном о возможности того, чтобы один автор написал глобальную феноменологию, его основная сравнительная работа «Религия» с 1945 г., впоследствии переписанная и расширенная в 1953 г. и переведенная на немецкий язык под названием «*Religionsphänomenologie*», по-прежнему остается одной из наиболее полезных общих методов религиозных явлений. Основываясь на богатом материале из широкого разнообразия культур, но с определенным упором на Ближний Восток, он объединил сравнительный метод с ясной исторической перспективой, которая привела к лучшему пониманию изученных религиозных феноменов. «Священное царство» было любимой темой не только для Виденгрена, но и для «Упсальской школы», в которой он был самым выдающимся представителем. Он исследовал, главным образом, израильские и древние ближневосточные традиции, но также затронул вопрос об иранском царстве в статьях и главах его книг об иранских религиях.

Еще одна тема, связанная с именем Виденгрена, – это феномен «высоких богов». Он тщательно исследовал идею бога в древнем Иране, освещающую «высокий божественный» характер не только Ахура Мазды, но и Митры, Ваю и Зурвана. Он мог бы показать, что иранские убеждения резко контрастировали с мнениями коренных народов Африки. Эта типологическая согласованность позволила сделать вывод о том, что высшие боги Африки не были результатом миссионерских влияний, но представляли древнюю унаследованную традицию.

В первые десятилетия XX в. истоки гностицизма обсуждались очень много. «Школа Религиозных меньшинств» с Вильгельмом Бус-

сетом (1865–1920) и Ричардом Рейтценштейном (1861–1931) утверждали о сильном иранском компоненте в гностических движениях Поздней античности. Виденгрен присоединился к этим ученым, подчеркнув дохристианское происхождение гностицизма, а также его индоиранский фон.

Виденгрен был очень обеспокоен вопросом о влиянии Ирана на западные религии древности. Он пришел к выводу, что иранская религия оказала решающее влияние на ранний иудаизм и христианство, а также на гностицизм и митраизм. Его аргументы были разработаны с умением и из первых рук знанием всех соответствующих текстов (1965, 1966, 1980). Последующая концепция, рассматривающая эту проблему, была более осторожной, но не отрицала иранского влияния (например, Hultgård; Grenet). Следствием этого был его интерес к апокалипсизму, тема, с которой он занялся своими последними публикациями (Widengren, Hultgård, Philonenko, 1995). Он с пылом поддерживал древнее происхождение иранской апокалиптической традиции и ее повсеместное влияние на соответствующие еврейские и христианские традиции. В своих аргументах о приоритете Ирана он подчеркнул консервативный характер пехлевийской литературы, в частности, ее зависимость от авестийской традиции, а также роль, характерную для зурванического варианта иранской религии.

Виденгрен также взял на себя задачу написания общего обзора иранских религий Die Religionen Irans, который был опубликован в 1965 г. Эта работа отличается историческим подходом и широкой перспективой, включая главы о религии северных иранских племен (скифы и осетины), а также восточные народы (а именно согдийцы). Однако некоторые основные аспекты подхода Виденгрена к предмету и способ использования его исходных материалов подвергались критике (Shaked). Он также написал один из лучших обзоров израильской религии (1969). Текстологически ориентированные исследования Виденгрена также привели к созданию антологии Iranische Geisteswelt (1961) с переводами преимущественно пехлевийских текстов. Это была очень популярная публикация, поскольку до этого времени неспециалисты должны были полагаться только на переводы Запада в Священные книги Востока с 1880-х и 1890-х гг.

Образ Виденгрена как историка религий характеризуется тщательным филологическим и историческим подходом, который он принял к изучению религий, и впечатляющими знаниями, которые он проявлял в культурах древнего Ближнего Востока.

Основные сочинения:

"Israelite-Jewish Religion," in *Historia Religionum: Handbook for the History of Religions* I, Leiden, 1969, pp. 225–317.

"Leitende Ideen und Quellen der iranischen Apokalyptik," in D. Hellholm, ed., *Apocalypticism in the Mediterranean World and the Near East: Proceedings of the International Colloquium on Apocalypticism*, Tübingen, 1983; 2nd ed. 1989, pp. 77–162.

"Reflections on the Origins of the Mithraic Mysteries," in *Perennitas: Studi in honore di Angelo Brelich*, Rome, 1980.

"Stand und Aufgaben der iranischen Religionsgeschichte I: Iranische Religionsgeschichte," *Numen* 1, 1954, pp. 17-83; "Stand und Aufgaben der iranischen Religionsgeschichte II: Geschichte der iranischen Religionen und ihre Nachwirkung," *Numen* 2, 1955a, pp. 47–134.

"The Mithraic Mysteries in the Greco-Roman World, with Special Regard to their Iranian Background," in *La Persia e il mondo Greco-Romano*, Accademia Nazionale dei Lincei 76, Rome, 1966, pp. 433–55.

"The Sacral Kingship of Iran," in *La Regalità Sacra,* supplement to *Numen* 4, Leiden, 1959, pp. 242–57.

Der Feudalismus im alten Iran, Arbeitsgemeinschaft für Forschung des Landes Nordrhein-Westfalen 40, Köln-Opladen, 1969, pp. 1–175.

Der Feudalismus im alten Iran. Männerbund, Gefolgswesen, Feudalismus in der iranischen Gesellschaft im Hinblick auf die indogermanischen Verhältnisse. Westdeutscher Verlag, Köln/Opladen 1969

Die Mandäer. In: Handbuch der Orientalistik, I, VIII 2, Brill, Leiden 1961, S. 83–101

Die Religionen Irans, Stuttgart, 1965; Fr. tr. L. Jospin, *Les religions de l'Iran*, Paris, 1968.

Die Religionen Irans. Kohlhammer, Stuttgart 1965

Hochgottglaube im alten Iran. Eine religionsphänomenologische Untersuchung. Uppsala 1938

Iranische Geisteswelt von den Anfängen bis zum Islam. Holle, Baden-Baden 1961.

Iranische-semitische Kulturbegegnung in parthischer Zeit, Arbeitsgemeinschaft für Forschung des Landes Nordrhein-Westfalen70, Köln-Opladen, 1960, pp. 1–162.

King and Saviour II. Mesopotamian Elements in Manichaeism. Studies in Manichaean, Mandaean, and Syrian-gnostic religion. Uppsala 1946

King and Saviour III. The Ascension of the Apostle and the Heavenly Book. Uppsala 1950

Mani und der Manichäismus, Stuttgart, 1961; tr. C. Kessier, *Mani and Manichaeism*, New York, 1965.

Muhammad. The Apostle of God and his Ascension. Uppsala 1955

Religionens värld, Stockholm, 1945; 2nd ed., 1953; German revised tr. 1969.

Religionsphänomenologie. De Gruyter, Berlin 1969

Sakrales Königtum im Alten Testament und im Judentum. Kohlhammer Verlag, Stuttgart 1955

The Accadian and Hebrew Psalms of Lamentation as Religious Documents: A Comparative Study, Stockholm, 1937.

The Gnostic Attitude. University of California, Santa Barbara 1973

The Great Vohu Manah and the apostle of God: Studies in Iranian and Manichaean Religion. Uppsala 1945.

The King and the Tree of Life in Ancient Near Eastern Religion, Uppsala, 1951.

Tradition and Literature in early Judaism and in the early Church. Brill, Leiden 1963.

<u>ПЕРЕВОДЫ</u>

ПРОКОПИЙ ГАЗСКИЙ.
Энкомий славному стратегу[1] Азиатику (Op. X = Or. I)

Н.Н. Болгов (Белгород)

Тема речи – славный стратег Азиатик. Однако, она признается, что не намерена раскрывать (все) мелочи – иначе мы рискуем не рассмотреть все пункты. Но (речь), насколько это возможно, будет соперничать с необъятностью его дел.

Когда дело касается людей, заслуживших то, чему мужи намереваются воздать похвалу, иногда даже если эти дела едва ли очень благородны, это становится предлогом для публичного выступления перед народом и предоставления трибуны оратору.

И даже если всё, что было достигнуто (героем речи) – ничтожно, эти дела спасены этой речью; они (ораторы) на все стороны своим словом раздувают (даже) отсутствие дел, наполняя пустоту искусством похвалы.

С другой стороны, в случае этого человека, наполненного множеством качеств, одно больше другого, столь же величественное (и благородное), они дают много поводов для (этой) речи: и если каждый из них кажется самым важным по отношению к нашему предмету, то факт обладания ими всеми в равной мере способствует его несоизмеримому величию.

Кто же тогда, оратор из Пеании[2], или Гомер, танцующий в ритме стихов[3], который изливает свой энтузиазм в проэмии, мог бы сказать […], обратившись к последствиям (его дел), превышающих (…), желая призвать все девять Муз?

Менее смело, хотя и парадоксально, утверждать, что […] (речь) боится величия настоящих дел.

На самом деле, те, кто хвалит новые вещи, должны опасаться, что […]

---

[1] В оригинале – «стратилат».

[2] Аллюзии на Демосфена, происходившего из аттического дема Пеании. Та же парифраза используется в Procop. Ep. 161, 12.

[3] *Hadjittofi, Fotini.* Homer Is A Dancer: The Poet in Choricius // L'école de Gaza: Espace littéraire et identité culturelle dans l'antiquité tardive. Leuven – Paris – Bristol: Peeters, 2017. P. 151–162.

ПРОКОПИЙ ГАЗСКИЙ. Письма (Ep. 4-6)

М.М. Синица (Белгород)

4. Герману[1]. Как добрые мужи печалятся, когда, поддерживающие свое знакомство, удаляются от знакомых, ныне, на деле познав, рассказываю другим. Ведь и прежде мне было известно, что ты в словесные науки пошел. Если же удивляешься откуда, – я учителей имел, которые узнав, восхищались. Как же и я, вступив в связь, узнавал, благодарность обещал судьбе, снова же ее браня, если таковой великий предмет вкушая кончиком пальца как говорят, затем от удовольствия удален буду. И не столько радовался в настоящем, сколько надеждам будущего печалился. Я полагал ведь, что, конечно, скоро ты уйдешь, нас оставив. Это же и произошло, и привело к страданию, и я нуждаюсь в предмете, ты же любишь спор в более великом, чтобы соединить нас любовью и далеко находясь. Ведь ко мне старанием и мои надежды превосходящий ты победил. Но если бы некое из божеств, милостивое нам, появилось бы и тебя быстро к нам в то же место перенесло бы!

5. Иоанну[2]. Если бы были письменные обвинения о пренебрежении друзьями, и кто-то меня бы привел к суду, то есть, из обвинителей, что я неумеренно совершил несправедливость, ни в ком друга не делая, не иначе бы полагал, что одержу победу, чем тебя доставляя себе свидетелем, кого ныне знаю как явного обвинителя. Таким образом, мне против надежд случилось со стороны тебя, если краткий некий предмет сомневаться во мне тебя настроил. Я ведь знаю и не друзей, часто буквами бросавшихся, когда бы притвориться хотели; и друзей молчащих, когда памятью об ушедших довольные, к другим обращаются. Итак, и не в писании доброжелательство, и не в молчании упреки, когда убеждение не упрочивает оба. Итак, не пропусти это и обдумай, если ничто мне не дает забвение, если я провожу и через все речи восхищение, как будто памятью украшаюсь, если «Иоанн» говоря всегда «сладкий» речи прилагал. Это обдумав, возлюби молчащего

[1] Согласно точке зрения Э. Амато, это бывший ученик Прокопия, покинувший родину, чтобы продолжить учебу в другом городе, см.: Rose di Gaza Gli scritti retorico-sofistici e le Epistole di Procopio di Gaza / A cura di E. Amato. Alessandria: Edizioni dell'Orso, 2010. P. 442.

[2] Данное письмо – ответ Прокопия на обвинения Иоанна в молчании; по мнению исследователей, он также был адресатом писем 22, 56, 126, 149, 156(?) и 158. Он был ритором в суде с поэтическими и философскими интересами, практиковавшим в Александрии и Кесарии. Э. Амато идентифицирует его с Иоанном Газским: Rose di Gaza Gli scritti retorico-sofistici e le Epistole di Procopio di Gaza / A cura di E. Amato. Alessandria, 2010. P. 442.

больше, чем другого звучащего, даже если и Додоны у него медь на языке содержится. Но, как полагаю, что, не используя это оправдание, ты молчишь, если же нет – противоположное провозгласим.

6. Брату Захарии[1]. Относительно этого же наилучшего человека желая тебе рассказать, я боялся, не напрасно ли обеспокоить думал бы, делая речи для знающих. Ты знаешь ведь, что он установил, как целую жизнь посвятивший Богу, всему человеческому делается ненавистником, имеет же себе свыше надежду и поэтому обвиняет желающих творить несправедливость, и на страдания способен. Знаешь же и этого человека – братом его называть стыжусь – который считает, что единственная добродетель – исполнять всяческое зло, пренебрегая братом столь большое время так голодом угнетенным, не намереваясь доставить поддержку из дома, что должно явиться со стороны благомысленного мужа, если и к этому призвали обстоятельства. Ныне же не это есть упрек, почему приличествующим самым здравомыслящим людям пренебрег, но потому, что и не подобающего ставши любителем, отнял это, и бранил его сильно, и даже часто простирал удары. И свои убеждения законом считая, равно природу порицал, так как больше ничего для порочности не выискал. Отсюда зло, которое он сделал до этого, не зло, а скорее прелюдия к будущим злодеяниям. Ведь свою мать старухой уже ставшей: когда она от воспитания детей надеялась получать плоды, как женщина, и по причине возраста, и по причине рода даже не у родственников почтением пользующаяся, – ее часто плохо называл, а часто же и руку поднимал на родительницу – О, Зевс, – ни природы, ни времени, ни старости несчастной, ни матери человеколюбивого имени не стыдящийся; но уже насильно опрокинув, к земле бросил, и ногой попирал, кричащую, каковое естественно, и ребенка зовущую. И что бы ведь могла сказать мать, после родовых мучений и воспитания, и прекрасных таких надежд, таковые от ребенка перенесшая злодеяния? В конце концов же и из дома ее выгнал, нуждающуюся, нагую, лишенную необходимого, одно равно даровав – от совместного житья ее освободил. И ныне он роскошествует за счет этих злодеяний, а старая женщина, которая первая среди нас по благородству, имеет надежду на выживание в ручном труде. Отличному же брату ее страдание и другим стало несчастьем – и,

---

[1] Захария, брат Прокопия Газского, был ритором и адвокатом в Восточной префектуре претория (Zacharias 1 // PLRE II. P. 1193–1194), и, по мнению Э. Амато, газский ритор обращается к нему, дабы он оценил представляемое дело с юридической точки зрения, см.: Rose di Gaza Gli scritti retorico-sofistici e le Epistole di Procopio di Gaza / A cura di E. Amato. Alessandria, 2010. P. 443. Судя по всему, речь идет о местной знатной семье, с которой поддерживал связи Прокопий.

нуждаясь в собственном пропитании, принимал ее, усиливавшую его нужду, однако же он необходимый долг выплачивал природе. И ныне живут друг с другом единственное имея утешение, что не больше претерпевали, чем мать же, как конечно женщина и так много страдавшая, единственную жизнь имеет – вспомнить относительно самой себя несчастий и проливать слезы в память, и грудь показывать Справедливости, рассказывая, как страдала. Таковое, итак, в разум беря и не думай, что мы что-то прибавили к истине, но главами только показали его испорченность, что в письме надлежит, – оцени ты рвение к злодеяниям вышеупомянутого, и рода такового, какого от тебя Бог требует и дружбы закон и надежда угнетенных.

ХОРИКИЙ.
Энкомий дуксу Аратию и архонту Стефану (Or. III) [1]

Н.Н. Болгов (Белгород)

Введение – диалексис: 1-7

I. Вводные замечания, 1-5

II. Качества хороших вождей, 6-9

[1] Ферстер и Рихштиг, полагаясь на Кирстена, предположили, что настоящая речь была написана до 535-536 гг. Chor., p. 48, 2: ср. *Graux C.* Laudationem Aratii Stephanique // Rev. de Philol. 1. 1877. P. 55–57, 212. Кирстен, следуя Граусу, предполагает, что речь была написана перед Laudatio Summi, или до 535 г., так как Хорикий описывает нынешнюю речь как «первый ораторский показ, восхваляющий важных вождей (таких как Аратий и Стефан)». Chor., p. 48, 4: см. *Kirsten,* Quest. Chor., p. 19–19, 23. По-видимому, Хорикий представил эту речь в присутствии обоих, Аратия и Стефана, за некоторое время до 535/536 г. и после того, как Аратий занял пост дукса Палестины I (528/29). Ср. Chor. p. 48, 4–5. Представление речи, возможно, состоялось в Кесарии. Можно сказать, что этот вывод связан с многочисленными ссылками, которые делает Хорикий на город Кесарию. Также см. Chor. p. 62, 20–27: 64, 21–22. Ссылки на Газу можно объяснить, как выражение благодарности Хорикия за вклад Стефана в его родной город. Ср. Chor. p. 62, 25–63, 21. Дата 534/535 г. также кажется разумной, потому что к этому времени Хорикий уже был назначен выдающимся ритором, и он объясняет, почему его пригласили в Кесарию, чтобы представить свое ораторское выступление, восхваляющее провинциальных вождей. Речь посвящена обоим лидерам, и она чередует восхваления достижений каждого из них. Кажется, однако, что главным героем в этом отношении является Стефан, что приводит к предположению о том, что речь, возможно, была дана в связи с выдвижением Стефана на проконсульство в 534/535 г. Это предположение также помогает уточнить датировку речи. Cf. Chor. p. 49, 19; cf. *Stein,* Bas-Empire, p. 463. О биографии Аратия и Стефана см. *Litsas,* p. 71–80.

III. Буйство против Кесарии самаритян и евреев; поражение повстанцев от Аратия и Стефана, 10–19

IV. Завоевание крепости золотых приисков, 20–27

V. Очистка дорог от нападений сарацин, 28–29

VI. Суждения о достижениях [Аратия], 30–32

VII. Прекращение активности сарацин в Египте, 33–34

VIII. Очистка дорог от грабителей в районе Кесарии, 35–37

IX. Великий пожар в Кесарии, 39–42

X. Голод в Кесарии, 43

XI. Ремонт акведука в Кесарии, 44–49

XII. Все города, особенно Газа, почитают Стефана за его вклад в них, 50–54

XIII. Газа особенно благодарна Стефану за его различные благодеяния городу, 55–56

XIV. Император награждает Стефана за его заслуги, 57–59

XV. Вклад Стефана в церковь св, Стефана в Газе и фестиваль, 60–65

XVI. Инцидент в Иотабе, 66–78

XVII. Заключительные замечания и финальная похвала обоим вождям, 79–84

(Этот dialexis объясняет теперь причину той смелости, чтобы впервые похвалить вождей в ораторском выступлении)

1. Есть рассказ о Дорионе, флейтисте, и о том, что, когда Александр, который приносил жертвы богам, приказал ему сопровождать жертвоприношения флейтой, флейтист ответил: «Царь македонян, этот порядок не очень подходит для флейт, потому что мое искусство – играть на флейте для людей»[1].

2. [Как] Дорион боялся играть на флейте для богов, так и я [боюсь] хвалить вас, в отношении которых сам Аполлон был бы в недоумении, должен ли он пророчествовать, что [Аратий и Стефан] – боги или люди. Однако древняя поговорка довела меня к этой степени смелости [для сравнения людей с богами].

3. Говорят, что у хора [эскорта] Диониса, вакханок, изначально не было ничего, кроме [тех] вещей, которые обычно имеют женщины, но после взятия ими тирсов [вакхических жезлов] и овладения богом, вакханки, как говорят, тогда стали настолько процветающими, что нимфы превратили воды для них, и даже источники текли не своими

[1] Atheneus.10, 435B; cf. Chor. p. 48, Ind. Auct., No. 6.

обычными [водами], но каким-то образом Дионис превратил воду в молоко и мед для своих женщин-спутниц[1].

4. Неужели мы, возможно, преуспели в чем-то похожем на вакханок, и поэтому мои песни должны быть очищены, а также должны стать сладкими и «пригодными для питья»?[2] Ибо добродетель – хороший сюжет для тех, кто воздает хвалу, и что-то будет услышано с удовольствием теми, кто думает правильно.

5. Я поздравляю даже частного гражданина, когда вижу, что он обладает этой добродетелью, но я искренне счастлив, когда бы я заметил, что его уважают те, «кому были доверены, и кто так много вещей сделал предметом своей заботы»,[3] ибо [добродетель] – есть общая прибыль, в одно и то же время для них самих, а также для тех, кем они управляют.

6. И, насколько я знаю, если бы я занимался искусством Зевксиса [живописью], и мое искусство было бы сочетанием цветов, то я бы нарисовал двух женщин, одна из которых именовалась бы Virtus (Добродетель), а другая Auctoritas (Власть). Я изобразил бы их обеих посередине [картины], удерживая каждого из этих двух людей за руку и объединяя их [Аратия и Стефана] вместе с обеими из женщин [Добродетель и Власть] в вечном примирении[4].

7. Но Зевксис ли будет делать такую работу, или даже кто-то еще, кто рисует вещи, похожие на Зевксиса; однако, поскольку я знаю, как говорить, а не рисовать, то я посвящаю вам обоим образ из моего собственного искусства [риторики].

Речь

В речи признается тот факт, что те, кого она пытается восхвалять, не нуждаются в каких-либо украшениях, привносимых извне; и она пытается продемонстрировать намерение говорящего воздать благодетелям столько, сколько [его] способности [позволят][5].

1. Другие, избранные прежде, чтобы править, должны быть моим предметом в речи, чтобы тренировать себя с помощью восхвалений и практиковаться в таких речах, и я заостряю свой язык [так, чтобы он

---

[1] Cf. Eur. Bacch., 708-14; Plat. Ion, 534A; cf. *Boissonade*, p. 127, n. 3.

[2] «Пьяными» от слова potima (Chor., p. 49, 1), в метафорическом смысле, что на самом деле приятно, хорошо воспринято аудиторией. Ср. *Boissonade*, p. 127, ns. 3, 4.

[3] Cf. Hom. Il., 2, 25. Аллюзия относится к лидерам Палестины, Аратию и Стефану, и их добродетельному руководству.

[4] См. также Chor. p. 69, 1–7.

[5] По-видимому, Хорикий представляет свою речь в качестве благодарности Аратию и Стефану, лидерам провинции.

был] равным [говорящему о] вас; и может не случиться со мной так, как если бы смелый атлет, который еще не был найден достойным силы на Истмийских играх, отправился на Олимпиаду. Тем не менее, этот самый момент дает вам более великолепную хвалебную речь, потому что превосходство ваших действий может даже подстрекнуть меня к тому, чтобы осмелиться дать [мой] первый ораторский показ [для вас].

2. Таким образом, некоторые люди раньше издевались над Природой за леность и называли ее бесплодной, потому что производство добродетельных людей постепенно уменьшалось вместе с добродетелью; но в настоящее время превосходная природа защищает себя одной парой мужей и позволяет [в настоящее время] конкурировать со временем перед вами [Аратием и Стефаном][1].

3. За то, что вы высоко цените свою родину, вы не искалечены низостью семьи и не украшены добродетелью ваших родителей, вы не краснеете из-за разврата брата ваших братьев и не гордитесь ими, потому что вам хватает хорошей репутации на вашем собственном счету[2].

4. Таким образом, многие люди, пытаясь восхвалять других, которые испытывают недостаток в великих делах, обычно возвращаются к отцам и матерям, а иногда к дедушкам и бабушкам, [и] пытаются собрать что-то от каждого, чтобы украсить тех, кого [они восхваляют], и с их [другими] достижениями пытаются составить похвалу тем, кто [имеет недостаток в собственных делах]. Но у вас есть такое большое количество добродетелей, которые, даже если бы раздавали некоторые из них другим, которые находились у власти и нуждались в добрых делах, и давали каждому из них столько, сколько хватило бы для хвалебной речи, то осталось бы и для вас [достаточно] дел, достаточных для всего энкомия.

5. Разумеется, очевидно, что вожди повсюду на земле, которые правят подданными с усердием, стремятся стать такими, как импера-

---

[1] Parresiazesthai (Chor. p. 50, 10): позволить себе говорить, говорить публично. Ср. in Chor. p. 52, 14 то же слово в его отрицательном смысле означает: смелость. Похоже, что истинное значение фразы здесь: «соответствовать, конкурировать», в попытке Хорикия сравнить двух лидеров настоящего времени с великими людьми прошлого. Cf. Chor. p. 56, 8–10. О parpesia см.: *Peterson E.* Zur bedentugs geschichte von parresia // Festschrift Reinhold-Seeberg. Leipzig, 1929.

[2] К сожалению, Хорикий не дает четкой информации о происхождении этих двух людей. Этот отрывок, по-видимому, относится, главным образом, к Стефану, намекающему на его местное палестинское происхождение и его известную семью и родственников в Кесарии.

тор[1]; но самое яркое сходство с образом императора замечено в вас. Но ради того, кто был назначен скипетром [императором], панегиристу типа Logios Hermes[2] пришлось бы снова предстать перед людьми. [Вместо этого] я кратко представляю ваши достижения.

6. Теперь, приступив к этой части [моей речи], я объясню символы правления и покажу свою цель в целом. С какими намерениями это однажды возникло? На основании каких добродетелей некто может претендовать на право править другими? Какую пользу я получу, уступив ему? Я попытаюсь кратко описать все это и показать их вам через ваш характер[3].

7. Таким образом, вы обладаете явным авторитетом, мягким характером и высоким духом [который является] слугой разума; и тот факт, что вы презираете собственность, помогает как хорошо жить, так и организовывать жизнь упорядоченным образом.

8. Тем не менее, кажется естественным, что мягкость и дух противоречат друг другу, так что даже Сократ, я думаю, был явно озадачен тем, где он мог бы найти характер, который: в одно и то же время, мягкий и великодушный, потому что естественно трудно одному совпасть с другим. Но в вашем случае оба они растворяют свою ссору и примиряют [свои различия].

9. Каковы доказательства этих фактов? Их много, великолепных и ярких, и согласно старой поговорке, общей для вас обоих, поскольку, как говорится, «между друзьями все вещи встречаются вместе»[4].

---

[1] Лакуна в главной рукописи прерывает текст, который заполняется чтением из других рукописей и который следует за этим переводом. Cf. Chor. p. 50, 24; app. crit., n. 24. Этот отрывок, по-видимому, отражает стремление Юстиниана спроецировать императора как подобие Бога, а государственных чиновников – как подобие императора. Cf. *Zakynthos D.* Byzatine Historia (325-1081). Athens, 1972. P. 79. Хорикий особенно подчеркивает достоинства praotes и thymos (Chor. p. 51, 12). Cf. *Robert L.* Praotes as a virtue in Magistrates in Late Antiquity // Hellenica. 13. 1965. P. 223-224.

[2] По-видимому, Демосфен, которого Хорикий очень уважал и неоднократно представлял в качестве образца истинного ритора. Ср. Chor. p. 127, 6; 179, 1. Об использовании выражений древних авторов, ср. Chor. p. 51, Ind. Auct., № 1.

[3] Интересно отметить, что Хорикий не отвечает на эти риторические вопросы. Кажется, что часть текста здесь была потеряна. По-видимому, вопросы были заданы только для акцентов, и, таким образом, Хорикий вместо того, чтобы отвечать на них, исходит из другого материала.

[4] В высказывании говорится, что достижения, описанные Хорикием, совершались обоими этими людьми в то время, когда они служили вместе в Палестине. О происхождении высказывания см.: Chor. p. 51, Ind. Auct., n. 18. Такое же выражение также используется Энеем из Газы, Epist. 6, ed. R. Hercher, Epist. Graeci, p. 24.

10. В последнее время произошло движение нечестивых людей, разграбивших тех, кто живет в Кесарии, и боровшихся против божественного учения двух правителей, возникших от одного [правителя] на небесах и распоряжавшегося от другого на земле[1]. Затем, после того как этот проклятый и скандальный союз возник, Верховный епископ обеспокоился о том, что он должен быть наказан[2]. Это было также причиной беспокойства для бывших вождей, и это не было проигнорировано предводителем [всех] рас (императором)[3].

11. Война, конечно, не была приятной вещью для императора, потому что она была организована против его подданных, но, с другой стороны, она [война] была удовольствием для союза нечестивых, не потому, что она давала им надежду на победу, так как я думаю, что они были достаточно трезвомыслящими, чтобы не рассчитывать на победу, но потому, что это давало возможность им говорить в заносчивых тонах[4].

---

[1] Этот отрывок, вероятно, относится к восстанию самаритян в 528/9 г. против христианского населения области Кесарии. Слово oyssebon (Chor., p. 51, 19) просто ссылается на отказ от христианских доктрин и причастия самаритянами и евреями. Фраза «божественное учение двух императоров» (Chor., p. 51, 20–21), по-видимому, относится к идее о том, что христианство и империя установлены Богом и, таким образом, представляет собой оправдание попытки Юстиниана защитить христианское население от неверных. Эти мысли кажутся попытками Хорикия оправдать безжалостное преследование самаритян и евреев губернатором Стефаном и Аратием, особенно после 529 г. Cf. *Montgomery J.A.* The Samaritans: The Earliest Jewish Sect. New York, 1970. P. 116–117, esp. p. 114, n. 112, где имеется полная ссылка на различные источники, которые упоминают этот инцидент.

[2] Кажется, что выражение «Верховный епископ» (Chor., p. 51, 24) относится к митрополиту Кесарийскому, который, по-видимому, сыграл важную роль в борьбе против самаритян, поскольку она носила религиозный характер. Ср. также Chor. p. 78, 6; Laud. Summi, Comm., n. 30; cf. *Montgomery,* The Samaritans, p. 114–116.

[3] Аллюзия на прежних лидеров, по-видимому, относится к предшественнику Стефана Прокопию, который также преследовал самаритян и евреев во время правления Анастасия (491-518). Cf. Procop. Caes., De Aedif., выше, n. 1. Фраза «вождь всех народов» (Chor., p. 51, 25), по-видимому, относится к императору Юстиниану и его личной оппозиции к самаритянам и евреям. Ср. CIC, 1, 5, ed. Kruger. Berlin, 1877. P. 12–14. Ср. другое использование слова archegenes в Chor. p. 10, 14.

[4] Очевидно, Юстиниан не хотел, чтобы эта война была не только причиной того, чтобы он видел это как гражданский беспорядок, но также потому, что он был занят войнами против внешнего врага. Фраза «нечестивый альянс» (Chor., p. 52, 2), по-видимому, относится к сотрудничеству самаритян с сарацинами, возможно, сарацинами Аламундара, союзниками Персии. См. *Bury,* LRE. 1923, p. 373, 377. Эта фраза также представляется свидетельством того, что война носила религиозный характер. См. *Montgomery,* The Samaritans, p. 114.

12. Императору нужна такая возможность для войны, чтобы [он мог предотвратить] наше разрушение[1], и он воевал [против них], конечно, ради нас самих, в то время как все остальные подчинялись его простым распоряжениям.

13. Как тогда вы учили тех, кто был настолько обманут в вопросах правильного мышления? Вы знали, что фаланги гоплитов, легкие войска, и множество конницы, и сила рук, и вообще характер войны может победить тела, но не ум; вместо этого [война] приводит [ум] к мысли в предвзятом образе и делает его [разум] более спорным. И в то же время, вера в то, что они вступали в драку, давала им смелость как подарок, созданный безумием.

14. Точно так же, когда рабы кочевников-скифов некогда восставали против них, до тех пор, пока шла война с оружием, они продолжали сопротивляться, ибо равенство их снаряжения заставляло тех, кто прежде были слугами, забывать о своей жизни; но когда они [скифские господа] взяли плети, по чьему-то предложению, то они предстали как хозяева и быстро напомнили им об [их] рабстве[2].

15. О, насколько велика филантропия императора и насколько велика ваша роль в этом. Ибо ему (императору) было необходимо назначить законом метод исцеления нечестия[3], но для вас [было необходимо] «посыпать успокаивающие лекарства»[4].

16. Поскольку, следовательно, практикующие медики [обычно] часто посещают больного человека, принося первые приятные и нежные средства, а затем более суровые, так что, если так получится, что они потерпят неудачу с более мягкими средствами, они могут ис-

---

[1] Toiautais ... (Chor., p. 52, 5). Для текста, который опущен в лакуне рукописи, перевод следует за предложением редактора: aitiais. Cf. Chor. p. 52, app. crit., n. 5.

[2] Cf. Her. Hist., 4, 3-5. Хорикий использует эту историю, чтобы подчеркнуть тот факт, что беспорядки самаритян не должны быть связаны с деятельностью противника. Они были подданными императора и восстали против своего правителя. Cf. CJC, 1, 5, ed. Kruger. Berlin, 1877. P. 12.

[3] Хорикий ссылается на многочисленные указы, которые Юстиниан издавал, чтобы урегулировать различные проблемы, касающиеся самаритян и евреев, и их отношение к христианскому населению. Cf. *Montgomery,* The Samaritans, p. 114, 118–119.

[4] Фраза из Hom. Il., 10, 830. Кажется, что Хорикий пытается подчеркнуть тот факт, что Стефан и Аратий сыграли примирительную роль, умиротворяя еврейское и христианское население в районе Палестины I. Однако из непрерывных волнений еврейского населения видно, что меры, принятые византийскими властями Кесарии, особенно губернатором Стефаном, в первую очередь, касались насилия и терроризма. Cf. *Montgomery,* The Samaritans, p. 117–119; Chor. p. 53, 1–12.

пользовать болезненные в полной мере; даже если они не хотят идти на эту крайность по [необходимости], но были вынуждены силой болезни; таким же образом [вы сами], вооруженные двойной подготовкой, с мягкими словами и армией, которая была собрана [и], поставив вооруженные силы где-то близко, чтобы не вводить путаницу между ними, продвинулась в вашей попытке для достижения вашей цели, возможно, без войны, но [в то же время] имея эту [армию] в качестве залога безопасности. [Ибо], конечно, много раз слово, сказанное в подходящее время, может успешно выполнить то же самое, что сила делает сильным.

17. Что же тогда делали эти люди, вся армия, все отчаянные, все вооруженные [когда], как говорит поэт, «сам вид железа привлекает людей?»[1] В результате простого совета они поняли, что необходимо[2].

18. Тем не менее, вы не отомстили им [военной] силой, но вы ослабили свой гнев мягкостью ваших манер; и вы приучили их проявлять умеренность двумя способами, будучи подозрительными к лени и хорошо склонные к мягкости.

19. Поэтому, рассматривая со стороны вещи, которые делались в их манере, можно было бы предположить, что в этих достижениях проявилась только мягкость; но, учитывая глубокую мысль, мы увидим также величие мужественного духа. Ибо, если человек совершил какую-то вещь незаслуженно и неожиданно, будучи слабым, чтобы одержать вторую победу, он может защитить себя даже до смерти против тех, кто нападает на него, даже если, будучи недостойным, он получит самое суровое наказание [смерть]. Но если другой человек осознает свою силу, всякий раз, когда он захочет одолеть своих врагов, такой человек не счел бы достойным оставить этот вопрос полностью в своем гневе, особенно когда он даже не направлен против чужаков.

20. Соответственно, наш великий полководец справедливо пошел на варваров с очень скучным горьким учением об умеренности[3].

---

[1] Hom. Od., 16, 294. Весь п. 17 (Chor., p. 53, 12-14), скрывается за риторический эффект. Там нет глагола, и все его значение очень расплывчато. Хорикий, возможно, пытается подчеркнуть сильное сопротивление, которое самаритяне оказывали против византийских властей области. Cf. *Montgomery,* The Samaritans, p. 114-115.

[2] Эта фраза также расплывчата. Возможно, она намекает на примирительную роль Стефана и окончательное подчинение самаритян и евреев при византийской власти.

[3] Фраза «великий полководец», по-видимому, относится к Аратию. Это также может быть связано со словом epaideysas предыдущего события (Chor., p. 52, 8), что показывает, что, согласно Хорикию, Аратий вместе с губернатором Стефаном играл важную роль в конфликте с самаритянами и евреями.

Была некая крепость, основным доходом которой было золото, и было сложнее осадить ее со всех сторон, чем [осадить] стены Сард, как говорит одна из историй галикарнасца[1]: для этого литературная фикция была сделана [символом] чего-то трудного для ведения войны[2]; – женщина, по его словам, родила льва, и когда зверя несли вокруг цитадели, цитадель была обречена быть непобедимой, но эта часть мастерства [или настоящая крепость] была результатом умения, а не мифического творения писателя.

21. Поскольку эту крепость невозможно было победить, осада была предметом небольшой озабоченности у жителей, потому что у них было множество провизии и источник пресной воды внутри [крепости], способствующий их преимуществу; таким образом, было возможно, чтобы те, кто [внутри] жили великолепно пропорционально их запасам, в то время как для тех, кто находился [вовне], осаждая крепость, было невыгодно терпеть стеснения и трудиться в течение всей осады.

22. Ночи, которые вызывали такие заботы для вас, и подобные мысли, мешали вам каждый день. И осмотрев однажды всю местность вокруг [крепости], вы обнаружили отверстие, из которого выходил перелив воды изнутри. И ваши лица показали, что вы нашли то, о чем вы долго думали; и после того, как вы отработали это в своем уме, как еще одно великое [упражнение, вы ждали ночи, чтобы прийти] – так как план не мог действовать при дневном свете; и во время первого сна, когда, кажется, есть величайшее чувство чувств, вы доверяете свое тело водам [открытия], даже не беря с собой своих сослуживцев, кроме двух;[3] и, внезапно подойдя к сонному стражу за воротами, вы быстро убили его, чтобы он не стал информатором [вашей] смелости, не осознавая этого; и пока его жена плакала и причитала, и пыталась объявить, что случилось, вы стояли там спрятанные, и поэтому те, кого она собрала против вас своими криками, были призваны, чтобы помочь вам.

23. И некоторые враги, как будто рев произошел в их сне, были потревожены в постели; но страх не ударил других, достаточно разумных, поскольку они только что пробовали спать, и враждебное нападение было неожиданным [и]; неся факелы для себя, они не замечали,

---

[1] Геродота. Трудно определить название и расположение этой крепости. Кроме того, неясно, были ли шахты золота в крепости или просто провинциальный склад имперских sacrae largitiones, которые были заняты разрозненными племенами сарацин. *Jones,* LRE, 1: 427–29; ср. р. 838–839; ср. *Bury,* LRE l. 1889. P. 307-309, особенно р. 308, n. 1.

[2] Следующая история взята из Her. Hist., 1, 84, 2.

[3] Chor. P. 55, 3. Описание этого события дано Хорикием очень драматичным тоном, по-видимому, следуя стилю подобных описаний Фукидида. Cf. *Tomadakis,* Syllabos, p. 142-145.

как они снабжали вас светом; и, следовательно, второй солдат всегда шел по незнанию первого, падая на ваш меч.

24. И когда многие из ваших соплеменников вылились через открытые вами ворота, крепость впервые развеяла миф о непобедимости; и, конечно же, было дано одно приобретение врагам: [факт], что они узнали из опыта, что ничто не непобедимо доблестью.

25. Итак, с этого момента мечи проносились сквозь всех, и некоторые из врагов, падающие на других, были первыми, кого постигла справедливая кара; и другие, которые думали, что они получили преимущество в течение времени, потраченного на предыдущие убийства, также были наказаны с точки зрения бедствий, так что все они подверглись такому же наказанию.

26. Разумеется, если бы полководцы, многочисленные и умелые в военном искусстве, которые много раз пытались завоевать крепость, не поняли и заявили, что это невозможно, тогда зависть могла бы обвинить крепость в слабости и с таким [обвинением] лишить вас небольшой суммы вашей славы. Но теперь, поскольку многие испытывают соблазн [завоевать ее], но никто ничего не сделал, те, кто потерпел неудачу перед вашим достижением, стали свидетелями масштабов вашей победы. Искренняя стратегия пришла вам в голову, привлекая столь великий поступок, что это звучало невероятно, прежде чем это было сделано, и как только было задумано, это было предпринято, и когда она стала попыткой, она не подвела.

27. Таким образом, в этот момент я вынужден нарушить правило [моего] искусства. Ибо оно убеждает, что автор похвалы [должен] обычно сравнивать того, кого он хвалит, с похожими людьми, которые жили в прошлом. Мы слышали и изучали много войн, но мы никогда не знали людей, которые когда-либо одержали победу таким образом. Поэтому я приступлю к чему-то еще вашему, так как я не могу сравнить что-либо еще с этим [вашим].

28. Маршрут, который был непроходим не из-за множества лесов – как дорога из провинции одриссийцев по пути к пэонийцам, которую Ситалк выровнял[1], но был более прочен, чем толстые, густые леса из-за нападений сарацин, диких, на которых можно смотреть и очень трудно защищаться – этот маршрут, который вы легко очистили, с более чем двадцатью солдатами, устранив угрозы [в одиночку] тех, кто беспокоил дороги[2].

---

[1] Cf. Thuc. Hist. 2, 98, 1.

[2] Кажется, что сарацины, которые беспокоили дороги в районе Кесарии, были сарацинами Аламундара и были связаны с восстанием самаритян в этом районе. Сарацины Аламундара были тогда союзниками Персии. Похоже, что

29. Я сам счел бы эту победу вашу гораздо более достойной чести, чем те, которые совершены были вами с оружием, а также огнем и железом. Ибо, когда я что-то делаю многими руками, все делят между собой славу достижений, в то время как некоторые свергают других, хотя, как говорит трагедия, полководец, кажется, завоевывает славу[1]. Но когда враг склоняется к всеобщей славе, у победы есть один хозяин и наследник: тот, кто вызвал страх[2].

30. Конечно, триумфы, полученные борьбой и столкновением рук, и орудий битвы, обычно отталкивают побежденных, много предлогов для соболезнования; так как побежденные могут обвинить предательство Фортуны и слабость места, а также тот факт, что противник внезапно упал на них, и, конечно же, хитрость и трюки, и бесчисленные другие подобные [оправдания] могут быть, так что побежденные могут бесстыдно оправдывать свое собственное утешение[3]. Но тот факт, что они не смогли устоять перед испытанием атаки, не предполагает таких средств отступления.

31. Ну, пусть кто-нибудь представит здесь [в качестве примера] любую войну, которую он пожелает; и я готов принять сравнение; за любую войну, которую он может представить на испытание, он выйдет на второе место.

32. Вы можете упомянуть мне войну против Трои; и для вас я не пройду мимо Гомера; [ибо] с одной стороны, разумно, что, поскольку он был поэтом, он преувеличивал [эту войну]; и с другой стороны [даже] с его поэзией, кажется, он входит во вторую[4]. Ибо то продолжалось десять непрерывных лет и захватило [только] один город через хитрость – если вы слышали о деревянном коне, вы понимаете, что такое хитрость – таким вот образом, с таким же ужасающим [против-

---

они прятались в районе Кесарии при помощи самаритян и атаковали путешественников. Cf. Malalas, p. 445; cf. Chor. p. 52, 1–5; cf. *Bury*, LRE 1. 1923. P. 373; *Amantos*, Historia Byzantinou Kratous, p. 183, esp. n.2.

[1] Cf. Eur. Andr. 696.

[2] Это выражение, по-видимому, иллюстрирует метод действий Аратия против его врага.

[3] Chor. p. 57, 7. Буквально: показать свое бесстыдное поведение. Фраза, по-видимому, иллюстрирует реакцию самаритян и сарацин против Аратия и византийских властей после своего поражения.

[4] По-видимому, Хорикий пытается подчеркнуть: в том, что касается истории, он не зависит от Гомера, который просто поэт, а от Фукидида, который, как историк, также относится к Троянской войне. Ср. Thuc. Hist., 1, 10, 3. Грубое сравнение Троянской войны с действиями Аратия против сарацин и самаритян можно объяснить только в рамках понимания и обработки истории Хорикием.

ником] лучше обманывать, тем более что нынешняя война более благородна, чем даже та, которую Муза хотя бы похвалила[1].

33. Но упоминание о сарацинах, которые были захвачены [нашим] полководцем, напомнило мне о Египте, который тот же человек, который управляет Палестиной [сейчас] для нас, научил молчать[2]. Ибо их группа сбилась с пути имперского порядка и совершила несправедливость по отношению к соседним городам, не отвергая ничего неприемлемого в умеренной манере и не стыдясь перед старейшинами, не жалея молодого возраста и не ограничивая пределы природы как препятствие для наглости.

34. Разумеется, эти вещи вызвали у вас много гнева, но этот гнев не вызвал, разумеется, повода спровоцировать вас на бездумность. Для того, чтобы собрать достаточную армию, вы смягчили отсутствие самоконтроля у них, что было совершенно без оправдания. Ибо это был не Эрос, который создал распущенность, так что может показаться некоторым оправданием страсти, которая порабощает ум, но вместо этого чрезмерная смелость, делающая вульгарные оскорбления[3].

35. И пусть эта часть нашей речи прекратится здесь. Второе ваше дело было объявлено из города Кесарии и его соседей. По дорогам между городами, которые были небезопасными из-за засад преступников, и даже у вооруженного человека не было бы смелости их использовать, теперь даже ребенок может путешествовать без какой-либо опасности[4]; даже если, когда солнце уже сядет, а путешественник,

---

[1] Эта фраза ссылается на Троянскую войну, которую Гомер восхваляет в своих эпических поэмах.

[2] Неясно, в каком качестве Аратий действовал в Египте. Мы не знаем, служил ли он там в какой-либо военной сфере, особенно после реорганизации Юстинианом Египта. Согласно Э. Штайну, Аратий, дукс Палестины, выступил в 534 г. против арабских племен Египта. Ср. *Stein*, Bas-Empire, p. 300, n. 1. Кажется, что сарацинские племена, которые жили в Египте как подданные византийского императора, нападали на различные города или поселения в Палестине. Аратий, по-видимому, направил на них свои усилия, чтобы очистить сферу своей ответственности от этих нападений, которые, как описывает Хорикий, были очень жестокими. Cf. Chor. p. 57, 23–25.

[3] Этот отрывок кажется намеком охарактеризовать поведение и действия сарацин Египта.

[4] Энея Газский также упоминает о проблеме безопасности на дорогах Палестины. Он говорит о человеке, который стал жертвой грабежа, по-видимому, со стороны сарацин, и описывает грабителей как «самых хищных из варваров, которые притворяются, что они наши друзья». Этот инцидент был сообщен военному командующему района, который выразил свое сожаление о

идущий из одного города в другой и несущий с собой золото, засыпает где-то посередине, его золото останется нетронутым, хотя он будет один и спит по ночам, потому что желание прибыли уступило место страху[1].

36. Какое-то время, когда дороги были закрыты из-за действий разбойников, из городов исчезли приятные и полезные [обычаи] взаимоотношений; так как путникам приятно исследовать соседний город, и приятно, когда они удовлетворены желанием вернуться в свой собственный город [в безопасности]. Разумеется, выгодный и прибыльный характер [такой поездки] не ускользнет даже от самого неактивного [человека], который оставался дома годами.

37. Взаимоотношения городов друг с другом любезно дают им больший опыт в делах и более искусную практику и [способность] легко получить все, что им нужно. С одной стороны, каждый город имеет [определенные] владения, но, в то же время, легко получает [иные вещи] из других городов, как будто природа надумала намеренно, что обмен необходимыми вещами между собой может стать причиной дружбы между городами[2].

38. И я не могу продолжать молчать о том, что было сделано вами в Кесарии, и что было особенно уместно для вас.

39. Был вечер, и рынок был полностью заполнен, так как еще не было времени для естественного отдыха, когда внезапно возник шум, который люди обычно привыкли создавать; некоторые люди бежали в одном направлении, некоторые в другом с криками «огонь», и «каждый смотрел вокруг, чтобы избежать полного разрушения»[3]. В то время столица столкнулась с очень большой опасностью.

40. Таким образом, хотя все было смущено, как в пожаре или в ночном бою, в ту же ночь вы не отдыхали и не следовали словам Гомера, который называет Сон общим хозяином всех; но перед вами был факел, и вы обошли все, проверяя все и прислушиваясь ко всем, чтобы никто не возбуждал людей в замешательстве и не таил каких-либо

жертве и ненависть к разбойникам, хотя ничего не было сделано для исправления ситуации. Ср. Epist. 24, ed. R. Hercher, Epist. Graeci, p. 30.

[1] Неясно, может ли эта конкретная деятельность быть связана с действиями Аратия против сарацин, которые атаковали другие районы Палестины. Cf. Chor. p. 56, 15–27; выше, n. 30. Фраза «второй акт» (Chor., p. 58, 9), по-видимому, служит признаком того, что этот конкретный инцидент был связан с деятельностью Стефана. Первое из их общих достижений, описанных Хорикием, было их действием против самаритян. Ср. Chor. p. 51, 19–52, 5.

[2] Эней Газский выражает подобные мысли в своем вышеупомянутом письме.

[3] Cf. Hom. Il., 14, 507; 16, 283.

скрытых искр. Вы считаете, что вам не следует отдыхать, так как огонь не допускает прекращения; потому что, когда что-то потребляется и дается огню, оно распространяется на следующее. Ночь закончилась, и когда беспорядки были блестяще прекращены, все собрались мирно, чтобы посмотреть[1], [что случилось].

41. Пусть кто-то, кто искусен, пишет о бедствиях [которые происходят] от беспорядков, о небрежности законов и злых ассоциаций [людей]. Чем больше он критикует беспорядки, тем больше слава для того, кто их рассеял. Поскольку группировки, сражающиеся друг с другом, более сговорчивы, чем враги, особенно когда они пытаются носить оружие, поскольку их разнузданность приводит их к неразборчивому конфликту; в конце концов, конфликт членов одного и того же дома друг с другом в любом случае ужасен и трудно излечим[2].

42. Поэтому, если кто-то подумал, что он подавил предыдущую агитацию, то если она снова выросла аналогичным образом, он знал, что нужно [делать] что-то подобное тому, что делалось раньше; [это] так же, как если бы пламя исходило из скрытого корня, и кто-то гасит обволакивающий огонь сверху, но оставляет пламя в ловушке внутри, и оно распухает снизу. Еще одна вспышка бунта и еще одна попытка

---

[1] Похоже, что главным героем этого инцидента является Стефан. Chor. p. 59, 6-8. В этом отрывке Хорикий подчеркнул опасность беспорядков и других насильственных действий населения. Из описания Хорикия ясно, что главной заботой губернатора было удостовериться, что никто не возбуждал людей насильственными действиями и беспорядками. Ср. Chor. p. 59, 19–20. Следующие параграфы (Chor. 59, 25–60, 13) описывают катастрофы, которые могли вызвать беспорядки. Понятно, что пожар был результатом поджога и был связан с политическими и социальными волнениями. Конкретные ссылки Хорикия на «фракции, сражающиеся друг с другом» (Chor., p. 60, 2–3), вероятно, указывают на то, что либо была какая-то политическая деятельность в Кесарии, организованная цирковыми фракциями, либо просто он ссылался на беспорядки, устроенные самаритянами. Cf. Chor. p. 62, 23. О топографии Кесарии см.: *Levine L.* Roman Caesarea: Archaeological-Topographical Study. Jerusalem, 1975; *Ringel J.* Cesaree de Palestine: Etude historique et archaeologique. Paris, 1975; *Avi-Yonah M.* (ed.). Encyclopedia of Archaeological Excavations in the Holy Land. Jerusalem, 1975. О фракционном насилии в VI веке см.: *Cameron*, Porphyrius the Charioteer, p. 232–239.

[2] Этот отрывок, вероятно, ссылается на восстание Ника в Константинополе или подобные насильственные действия цирковых фракций в Палестине, как можно предположить из вышеупомянутого инцидента с пожаром в Кесарии. Также намеки могут ссылаться на беспорядки самаритян, которые Аратий и Стефан неоднократно пытались рассеять.

разжечь беспорядки были бы признаком того, что бунт не был отрезан от своих корней[1].

43. Люди из Кесарии имеют [возможность] говорить о третьем акте вашей филантропии. Когда голод недавно угрожал [жителям], и такой большой страх висел над ними, потому что это был такой большой город, который принимает правительство и привык жить в роскоши, вы доказали, что столица богата пшеницей, и условия пришли к противоположной оценке, так что бывшие богатые стали бедными по сравнению с изобилием пшеницы[2].

44. Также я представлю вам еще одно доброе дело из того же города, уравновесив уже упомянутое. Приблизительно в 50 стадиях к востоку от города встречается поток некоторых источников с прозрачной и чистой водой. С этого места путь акведука был построен так, чтобы он мог принести дары родников в город, к фонтанам, которые были сделаны, чтобы получить воду [из родников][3].

45. Такие конструкции обычно требуют особого внимания. Таким образом, когда была допущена халатность, канал больше не был полностью беспрепятственным для вод, но во многих местах подача воды дрогнула и была намного медленнее, чем обычно; поэтому, с этого момента, поскольку некоторые фонтаны из водоснабжения не ис-

[1] Опять же, параллель пожара с беспорядками, похоже, является намеком, направленным на то, чтобы подчеркнуть, что пожар в Кесарии был результатом политической деятельности.

[2] Других сведений о голоде в Кесарии нет. Видимо, главным героем в снабжении города продовольствием был Стефан. О поставках пшеницы в города на Востоке, см.: *Jones,* LRE, 1: 695–696.

[3] Система водоснабжения древней Кесарии была изучена несколькими исследователями, которые проводили раскопки в этой области. Было два отличных водовода, которые доставляли воду в город; ср. последняя публикация по этому вопросу, которая включает в себя предыдущую библиографию: *Olami Y., Peleg Y.* The Water Supply System of Caesarea Maritima // IEJ. 27. 1977. P. 127–137. Хорикий ясно указывает на акведук высокого уровня, который питается источниками Шуми и саббаринскими источниками. Оба они расположены к востоку от Кесарии, а два канала акведука расположены на небольшом расстоянии к западу от источников Шуми, примерно в девяти километрах к востоку от Кесарии. Это расстояние, по-видимому, такое же, что и у Хорикия в его сообщении: 50 стадий. Cf. Chor. p. 60, 24–25. Земляные работы не упоминаются в тексте Хорикия и его свидетельствах. Cf. *Olanli, Peleg,* The Water Supply System, p. 127–128. Также cf. *Neger A.* The High Level Aqueduct at Caesarea // IEJ. 14. 1964. P. 137–149. Подробное топографическое исследование области ср. *Conder C.R., Kitchener H.H.* The Survey of Western Palestine. London, 1882, 2. P. 18–23. Ныне археологические участки акведуков сохранились к северу от города (личные наблюдения, август 2013 г.).

пользовались, необходимо было взять воду у некоторых других, что давало меньше воды, чем необходимо; и из-за этого случилось так, что даже взрослые, которые приходили за водой, толкали друг друга, по этой причине вызывая многочисленные обострения.

46. Конечно, женщины, старики и некоторые дети вернулись с пустыми сосудами, и лишь большая битва дала некоторым из них наполовину заполненные кувшины, в то время как многие дети плакали после того, как их сосуды были разбиты[1].

47. Затем нехватка воды увеличила желание [ее], [и] это желание сделало дефицит еще большим, и поскольку оба они нарастали по отношению друг к другу, плохая ситуация стала невыносимой во всех отношениях.

48. Если бы в то время кто-то писал стихи, то, вероятно, назвал бы город Кесарию «очень жаждущим городом»; но я бы скорее назвал ее Аргосом – потому что поэты называют этот город – с естественной нехваткой воды, находящейся в пользовании жителей[2]. Однако для жителей Кесарии источники текли перед постыдностью [происходившего] пренебрежения и, следовательно, приводили их к более горькому унынию. Ибо восхитительные вещи не так сильно огорчают, когда их убирают из поля зрения, так как когда они видны, люди не могут наслаждаться ими.

49. Итак, кто тот, кто закончил это бедствие? Кто открыл свободный путь к водам и расчистил старые завалы с умелыми ремесленниками?[3] Кто тот, кто добавил еще больше фонтанов, потому что по-

---

[1] Драматическое и яркое описание борьбы за воду указывает на то, что сам Хорикий был знаком с подобными сценами в Газе или в других местах. *Downey*, Gaza, p. 60–62.

[2] Cf. Hom. Il., 4, 171.

[3] По-видимому, ремонт этого сложного акведука требовал тщательного исполнения и умелых техников. Олами и Пелег датируют акведук годами периода Ирода (I в.), в то время как большая часть ремонтных работ и строительство некоторых новых участков были завершены во время правления Адриана (117-138 гг.). Другая стадия ремонта датируется в соответствии с надписями в 385/6 г. Cf. *Olanli, Peleg,* The Water Supply System, p. 136. Кроме того, землекопам было трудно провести ремонт в той секции, где структура акведука пересекает болотистую местность между Кармельским хребтом и Куркарским хребтом, расположенным в 9,7 км от Кесарии. *Olanli, Peleg,* The Water Supply System, p. 128, № 9–11 на их карте. Это место находится к западу от источников Шуми, и это, по-видимому, соответствует фразе Хорикия относительно местоположения точного участка акведука, который отремонтировал Стефан. Слово synantosi (Chor., p. 60, 25), по-видимому, относится к тому месту, где встречаются два участка акведука и который, по-видимому, составляет примерно 50 стадий от Кесарии. *Olanli, Peleg,* The Water Supply System, p. 128,

ток воды стал больше по величине, чем раньше? Те, у кого есть опыт [событий], знают [кто он][1].

50. Этого может быть достаточно для окончательной похвалы, показывая, что вы несете ответственность за эти вклады в их жизни. И действительно, нет средств, соответствующих этим [вкладам] для тех, кто пожелает похвалить вас, когда вы снова подражаете хорошему врачу.

51. Ибо эта профессия приказывает ему [врачу] обеспечить, чтобы болезнь не появлялась, и когда [болезнь] присутствует, ее вылечить; и вы положили конец ожидаемому голоду, из которого многие болезни обычно возникают, потому что болезнь, добавленная к желанию, плохо устраивает тех, у кого меньше [пищи][2]; поэтому вы были взволнованы и снабжали средствами, необходимыми для исцеления [и вы], радовались вместе с теми, кто был освобожден [от болезни].

52. Поэтому я представляю, что вижу города, движущиеся по кругу, и каждый из них просит меня говорить от его имени, потому что он должен вам больше благодарности, чем другие: один город, указывающий мне детей и женщин, которые были освобождены от хищнических злоупотреблений, [указывает, что] его собственные граждане учат чтить божественность, другой [в том, что его] граждане

№ 9-10 на карте. Описание дефицита воды в фонтанах Кесарии иллюстрирует то, что водная система несла достаточное количество воды, но уровень воды в акведуке привел к уменьшению потока фонтанов. По-видимому, это сокращение было связано с плохим обслуживанием и изменением уровня мягкого грунта. Ср. Chor. p. 61, 3–8. Согласно археологическим сообщениям, обширный ремонт, датируемый «от византийского времени» и состоял в основном из установки больших труб, которые уменьшили пропускную способность этого участка акведука, но преодолели проблему низкого расхода. Этот метод требовал умелых техников, и он был рекомендован как лучшее решение с пор Витрувия. Cf. *Olanli, Peleg,* The Water Supply System, p. 132. Текст Хорикия дает четкие свидетельства того, что эта особая пара вышеупомянутого акведука была той, которую сделал губернатор Стефан. Тот факт, что эта работа перечислена последней в сообщении Хорикия, а также яркое описание проблемы воды среди жителей Кесарии, говорит о том, что это событие было более или менее современным для представления речи Хорикия Аратию и Стефану. Таким образом, кажется, что ремонт акведука был завершен в течение 530–534 гг.

[1] Хорикий не отвечает на многочисленные вопросы; его последняя фраза, однако, указывает, что речь идет о Стефане, который служил городу в течение нескольких лет. На самом деле, вместо прямого ответа на его вопросы, Хорикий отвечает следующими пп. 50–65 (Chor., p. 62, 6–65, 18), в попытке проиллюстрировать, что продвижение Стефана к проконсульству было результатом его многочисленных достижений. Cf. Chor. p. 63, 22–23.

[2] Cf. Chor. p. 60, 14–21.

были освобождены от притеснения врагами, а иные – в которых были подавлены различные мятежные группировки.

53. И каким-то образом я вижу в своем воображении другие города так; но я представляю, что я вижу, как наш город улыбается, если, хотя он присутствует там, другой [город] намерен захватить место победителя, и они не считают, из какого источника они получили избавление. «Ибо, если бы я не воспитывал его, – говорил она (мать-община), – как можно было бы спастись?[1]

54. Таким образом, я бы проголосовал за город, говорящий справедливо; наряду с тем фактом, что она (община-полис) является матерью, она также ставит перед вами доказательства о ваших величайших достижениях от ее имени. И что она скажет? «Прежде всего, две вещи охраняют города: божественная милость и неприступные стены, из этих двух [вещей] одна произошла от вас, а другая через вас[2]. И теперь я стал бесстрашным относительно обоих этих потребностей, поскольку церковь приносит благодать бога в мою пользу, а стена полностью защищает меня.

55. «Надежда на будущее», – сказала она далее так же любезно. Область, которая носит то же имя, что и император, получит свою крышу;[3] и театр [который] построен в летний сезон, получит свою не-

---

[1] В фразе Хорикия ten hemeteran polin (Chor., Стр. 62, 25) означает «Газа». В отрывке ясно сказано, что Хорикий упоминает Стефана, потому что у персоармянина Аратия нет никаких родовых отношений с Палестиной. Предыдущий отрывок (Chor., p. 62, 19-23), по-видимому, относится, главным образом, к Кесарии, родному городу Стефана и где Хорикий, возможно, представил этот ораторский показ, вероятно, по случаю продвижения Стефана до проконсульства и присутствия дукса Аратия. Затем Хорикий находит возможность рассказать о своем родном городе Газа, где Стефан получил свое образование, что ясно указано в тексте словом ethrepsamen (Chor., p. 63, 1). Ср. также p. 114, 3.

[2] Хорикий ссылается на помощь, которую Стефан предоставил для завершения этих двух проектов в Газе. Епископ Маркиан контролировал местный ремонт городской стены. Cf. Chor. p. 4, 11–19; 32, 5–13. Ср. также аналогичный пример, проиллюстрированный в надписи из Иерусалима в Авигале: A Building Inscription of Jerusalem // IEJ. 27. P. 149–150. Фраза «через вас» (Chor., 63, 7), которая относится к ремонту стены Газы, указывает на поддержку Стефаном заявления Маркиана о возврате государственных средств и завершении проекта стены. Фраза «от вас» (Chor., 63, 6), которая ссылается на строительство церкви св. Стефана в Газе, указывает на то, что Стефан либо передал большую сумму денег для церкви из своего кармана, либо взял на себя с епископом Маркианом основное бремя сбора средств. Ср. Chor. p. 10, 13–16.

[3] По-видимому, в Газе было построено общественное здание, которое было возведено в первые годы правления Юстиниана и получило его имя,

завершенную часть для меня [города Газа], и я открою для жителей другую баню в зимний сезон, и я отведу воду для тех, кто купается, пьет и особенно подходит для хорошего здоровья тел[1].

56. Город сказал бы это; но я восхищаюсь вашими достижениями, и выбрал бы [как мою тему] приоритет выполненных работ и, конечно же, тот факт, что вы придавали первостепенное значение стене; и после того, как вы сделали город неприступным таким образом, тогда вы позаботились о его внутреннем благоустройстве, чтобы не украсить город для врагов.

57. Император слышал обо всем, чего вы добились от людей, которые, конечно же, не могут лгать. Ибо делегация императора состояла из трех епископов, и делегаты были посланы самым могущественным среди всех епископов.

58. Как тогда император относился к делегации? Было ли очевидно, что он обрадовался и вообще не задавался вопросом, если бы ему сказали такие вещи? Ибо он знал о вас больше, чем эти [вещи][2].

59. Разве он не знал каждый из ваших талантов? Разве вы не выполняли для него величайшие поручения? Разве вы не использовали такой большой ум в различных [административных] вопросах? Вот почему кто-то сказал, что Персей должен быть как-то одинаковой природы [как вы], и таким образом был назван крылатым в мифе?[3] Разве вы не всегда путаете слух, даже не предоставляя ему возможность объявить вас, где бы вы ни были на земле?[4]

60. Эта роскошная церковь [св. Стефана] в [нашем] городе [Газа], великолепно построенная, с одной стороны, заботой епископа

возможно, Юстинианейон; Прокопий Кесарийский, однако, не ссылается на работу, которую император заказал в Газе. Proc. De Aedif., 5, 7–9.

[1] Неясно, является ли эта баня тем же самым сооружением, за строительство которого Хорикий восхваляет епископа Маркиана. Ср. Chor. p. 128, 2–5.

[2] Видимо, делегация епископов посетила Юстиниана и представила отчет о Стефане и его достижениях. Возможно, эта делегация посетила императора и предложила Стефану продвижение к проконсульству наряду с другими административными изменениями в Палестине. Фраза «самый могущественный среди всех епископов» (Chor., p. 63, 25) указывает, что делегаты были отобраны и одобрены Патриархом Иерусалимским. Ср. *Verdickt M.* Les proconsulats d'Asie et d'Achaie aux IVe – Ve siecles // Recherches de Philologie et de Linguis tique. Louvain, 1968. P. 170-171.

[3] Сравнение Стефана с Персеем, возможно, намекает на того, кто пытался дать такое сравнение в своей работе.

[4] Пассаж переведен свободно, особенно слово choran (Chor., p. 64, 7). Кажется, что этот отрывок связан с предыдущей мыслью, которая относится к быстроте действий Стефана и его эффективности как администратора.

[Маркиана], но, с другой стороны, вашей ревностной щедростью, показывает, что это не странно, что такие люди [как вы] оказали такое великое служение и честь для Бога.

61. Что касается церкви, то почему я должен подробно говорить о ее простоте, или ее красоте, или великолепии ее мраморных плит, или о разнообразии ее картин, или о том, что она расположена в лучшей части города [Газы], или тот факт, что она простирается на значительную длину с ее карнизом и делает город видимым издалека, в то время как он привлекает проходящих мимо? Зачем мне подробно говорить об этих вещах? Разве я, возможно, не описал их все раньше, когда епископ [Маркиан] был объектом моей речи?[1]

62. Однако, оценивая, с одобрением, я хочу обратить внимание аудитории на следующее [событие]: когда церковь была закончена, вы организовали праздник, достойный трудов; на этот фестиваль вы пригласили всех граждан, которые занимают должности, а также граждан и соседей и тех [чиновников], которыми гордится сам город Кесария[2].

63. Предлагая им гостеприимство и провозглашая тост за дружбу, вы проявили всю очаровательную вежливость и не подражали удрученному и мрачному Эпаминонду. Ибо сказано, что когда фиванцы устраивали популярный фестиваль и проводили день, согласно обычаю, в хорошем настроении и веселье, и кто-то спросил, почему он один не участвовал в удовольствии и о том, о чем он думал в то время, он ответил, что был обеспокоен общественными делами[3]. Это замечание доказывает, что фиванцы [Эпаминонда] не знали совета, данного сыну Гиппоника, согласно которому некрасиво быть серьезным в присутствии глупости[4].

64. Хотя вы избегали угрюмости Эпаминонда, вы не подражали рабской бесцеремонности Александра, который, схватив лиру на каком-то пире, пел вместе с музыкой, чтобы даже его отец издевался над ним, если он не откажется играть на лире.

65. И [вы] рассматривая неподходящее благочестие первого, а также исключительную роскошь последнего, смешивали некоторую грациозность с благочестием, поскольку оба соответствовали случаю; вы сделали это, так как, с одной стороны, священный характер празд-

---

[1] Экфрасис церкви св. Стефана является основным предметом Второго энкомия епископу Маркиану. Ср. Laud. Marc. II, Comm. п. 1.

[2] По-видимому, Стефан руководил гражданскими сановниками во время празднеств освящения церкви св. Стефана, которые подробно описывает Хорикий. Ср. Chor. p. 43, 22-47, 4.

[3] История из Plut. Pelop., 3, 3 ed. C. Lindskog, K. Ziegler. Leipzig, 1914. T. 2. P. 315.

[4] Cf. Isocr. Demon., 31 ed. F. Blass. Leipzig, 1889. T. 1. P. 204–206.

ника требовал благочестия, а его великолепие требовало чего-то радостного[1].

66. Более того, именно это благочестие строит церкви, и это [такое же благочестие], которое наказывает тех, кто их уничтожает; и это письмо является трофеем [нашего] полководца [Аратия][2].

67. Ибо вы можете подумать о следующем: есть остров, его имя – Иотаба, и его целью является получение грузов из Индии, налог на который является большой выплатой. Нечестивое племя обитает на этом острове и живет в крепости, которая ни с какой стороны не может быть захвачена захватчиками[3].

67а.[4] Эти [люди] напали на остров, на котором была основана церковь, где враждебно все разграбили. Там, в соответствии с обычаем, Матерь Божия, Богородица, была удостоена чести; нечестивые злобно уничтожили эту церковь, запалив огнем и, захватив налоги с товаров, получили прибыль от дохода императора[5].

68. Тогда, учитывая, что эта несправедливость против церкви стала бы для вас отправной точкой божественного союза, который вы создали, воюя против базы, откуда действовали проклятые; и после того, как вы встретили шпионов оттуда и узнали о секретах тех, кто их

---

[1] Этот отрывок ссылается на вклад Стефана в успех фестиваля. Хорикий умело использует рассказ об Эпаминонде, видимо, чтобы оправдать введение в фестиваль, например, презентацию мимов и театральные представления. Словарь, который Хорикий использует в этом отрывке, например, слова asteiosynen (Chor., p. 65, 1, 15) и komois (Chor., p. 65, 5), также могут указывать на характер фестиваля. Cf. *Meyer,* Gaza, p. 126–27; cf. *Abel,* Gaza au VIe Siecle, 40: 29–31.

[2] Пункт 66 (Chor., p. 65, 19–21) служит переходом Хорикия, чтобы вернуться к достижениям Аратия. Строительство церквей, как это делал Стефан в Газе, и защита их от неверных, как это сделал Аратий на острове Иотабе, – это, в выражении Хорикия, является характерным сходством обоих людей.

[3] Похоже, что жители острова Иотаба были связаны с Персией и создавали вечные проблемы для византийской торговли, особенно в период первой персидской войны (529–532). Деятельность Аратия в Иотабе может быть понята в рамках усилий Юстиниана, чтобы освободить византийскую торговлю от персидской зависимости и установить прямую связь с Индией через Красное море. Ср. Proc. B. Pers., 1, 19, 3. Об острове Иотабе см. *Abel F.M.* L'Ile de Jotabe // R. Bibl. 47. 1938. P. 520–524. Cf. *Diehl,* Justinien, p. 390.

[4] В своем издании Foerster и Richtsteig перечисляют два абзаца с тем же номером 67, по-видимому, это ошибка, и поэтому перевод следует в той же нумерации. Ср. Chor. p. 65, 21; 66, 1.

[5] Кажется, что нападение жителей на византийскую гавань острова Иотаба произошло во время Персидской войны и, по-видимому, после утверждения персов, как можно догадаться из текста следующего отрывка. Ср. Chor. p. 66, 8–18.

послал [и] от тех, кто ожидал передать ваши секреты тем [в крепости], вы сами пошли в качестве посланника для врага.

69. Таким образом, тот факт, что они сначала отправили шпионов, свидетельствует о том, что отправители были раздражены и слышали о ваших безупречных поступках, и долгое время спали и дрожали относительно вашей кампании против них.

70. Из того, что они слышали о вас, они ожидали увидеть человека больше, чем те, кто получил высокую оценку в книгах: но они нашли полководца, который превзошел даже эти ожидания.

71. Как только вы поставили лестницы на стены и осмотрели свои войска, вы пришли в лагерь и сказали, что пришло время для всех, чтобы испытать рвение и силу каждого. Произнеся эту короткую речь, вы наполнили всех своих солдат военным рвением, и благородная конкуренция сразу же возникла среди всех, [чтобы видеть], кто первым взбирается на стены.

72. И кто-то, видя, что они мчатся, не думал, что они продвигаются навстречу битве и опасности, но казалось, что проводится состязание, и они спешат за призом. Таким образом, несколько слов достаточны для того, чтобы солдаты были обращены к храбрости хорошими людьми.

73. Таким образом, они говорили, что лестница не могла противостоять силе восходящих солдат. И это [событие] было, по-видимому, не оскорбительным отношением со стороны Фортуны – ведь не вы бы завоевали это место, а какое-то согласие и провидение божественного, которое готовило для вас много поводов для славы.

74. И когда стрелы были расстреляны теми, кто стоял на стене, закрепив стрелы с проскальзывающими узлами с одного из концов и выкинув другие концы веревок на стену, туда, где выше, вы предоставили им новые [стрелы] для стрельбы.

75. Пока эти люди занимались таким оружием, другие подносили огонь к воротам, заботясь о том, чтобы ветер дул к нему [огню] [или: по направлению огня]. И в то время как огонь усиливался ветром и отгонял тех, кто пытался его погасить вместе с непрерывными выстрелами [которые были выпущены] теми, кто поднялся на стену, и которые были так же эффективны, как и огонь; и отрезая более тяжелыми залпами тех, кто был принесен в жертву за этот [долг, т.е. охрану ворот], то когда огонь помог открыть вам ворота, вы распределяли жителей для смерти и рабства и уступили место, чтобы доверять достойным людям, [которым было] предписано взимать деньги для императора[1].

---

[1] Драматическое описание битвы и фраза Хорикия иллюстрируют влияние Фукидида. Cf. Chor. P. 55, 2–24.

76. И эти события были переданы историей в будущее. После осмотра этого места, напоминавшего о победителе этих событий, любому, кто шел оттуда, следовало рассказать соседям: «Эта крепость была местом обитания отвратительных людей, которых смог захватить лишь один человек, хотя многие пытались»[1].

77. Это событие особенно достойно восхищения среди ваших дел; так как пока люди с военной подготовкой потерпели неудачу и были потеряны во второй попытке, вы могли с избытком смелости иметь представление об захвате этого наиболее уверенного в себе места.

78. Ибо тот, кто берет в руки те же самые дела после того, кто терпит неудачу, более восхитителен своим желанием, чем тот человек, который первым пытается совершить великие дела, даже если неудача является одинаковым результатом для обоих. Но если кто-то также привносит к делу ум, то он сможет получить добродетель вне зависти.

79. Я действительно знал некоторых, кто до их прихода к власти и для того, чтобы получить эту добродетельность, выставлял образец и давал тем, кого он удовлетворяет, вкус хорошей надежды; однако, после того, как они получают то, о чем они мечтают, они представляют свою истинную природу и проводят свое время власти в погоне за богатством. Но для вас обоих все предыдущие достижения были достойны характера вашей нынешней должности, а дела этого полководца достойны еще большего ранга[2].

80. Это парадокс: поскольку [обычно] злонамеренность сопровождает живущих как следствие соперничества, особенно когда есть равные добродетели и равные состояния, и аналогичная преданность императору и аналогичная милость и честь [вам обоим] от императора; [все же] вы оба являетесь единственными, кто [может] измерить это утверждение: у кого есть те, кто писал о древних войнах, описанных для нас, как достигших такого полного единства друг с другом и [обладая] бесхитростной и безопасной дружбой?

81. Говорят, что Эвагор Саламинский и афинянин Конон были единомышленниками и друзьями; и вы [оба] превосходите их столько же в достижениях, сколько и в вашей [взаимной] любви к друг другу.

---

[1] Тот факт, что Хорикий представляет эту фразу в качестве цитаты, указывает на то, что она уже стала легендой среди людей в этом районе. Cf. Chor. p. 67, 22–24; *Abel*, L'ile de Jotabe, 47: 524. Cf. *Gregory*, Vox Populi, p. 209–212, 223–224.

[2] Фраза «для вас обоих» (Chor., p. 68, 15) указывает, что в своих заключительных отрывках Хорикий обращается с воззванием к обоим своим героям, в то время как последний пункт дает особую похвалу Аратию.

82. Поскольку я вспоминал Эвагора и Конона, я также вспомнил Зевса, этот шедевр афинян. И [статуи] обоих из них [Эвагора и Конона], сделанные из бронзы, стояли у бога [Зевса].

83. Также в данном случае один из лучших художников должен имитировать эту модель и [образ] императора посреди вас обоих. Я бы сам почтил вас такой эпиграммой: «Города [воздают] этим вождям по обе стороны императора, за их смелость и справедливость»[1].

84. Моя речь была написана без использования лести, но я почитаю вас такими словами, какими я могу. Может случиться так, что вы получите бразды правления и, возможно, мои речи также будут всегда возрастать вместе с вашей удачей.

ХОРИКИЙ.
Энкомий полководцу Сумму (Or. IV) [2]

Н.Н. Болгов (Белгород)

I. Введение – диалексис: 1-2

II. Сумм достойно получил дважды одну и ту же должность, 3–4

III. Деятельность Сумма в Антиохии во время великого землетрясения, 5–10

IV. Сумм становится командующим в Палестине; его деятельность против повстанцев, 11–15

V. Сумм примиряет вождей союзных племен, 16–19

---

[1] Cf. Chor. p. 109, 3-8.

[2] Полное название: «Импровизированный энкомий славнейшему полководцу Сумму». Foerster и Richsteig, следующие за Кирстеном, датировали речь между 535/36 и 540 гг. Chor. p. 69. 14. Ср. *Kirsten,* Quest. Chor., P. 16–19. Основываясь на своем обсуждении Прокопия Кесарийского, Кирстен излагает военные события Палестины в этот период и делает вывод о том, что Хорикий дал нынешнюю речь до уничтожения Антиохии Хосроем (540). Ср. Proc. B. Pers., 2, 8. Cf. *Boissonade,* p. 25, n. 1. Поэтому представляется, что датировка серединой тридцатых годов (536/37) более разумна. Нет достаточной информации из других источников о Сумме и его военной деятельности. Прокопий Кесарийский ссылается на него в качестве регионального командующего византийскими войсками в Палестине и говорит, что он был отправлен посланником Юстиниана для ведения переговоров с персами (535–537?). Proc. B. Pers., 2, 10, 9-11. Хорикий именует Сумма стратилатом (Chor. p. 69, 14), что, по-видимому, используется в качестве греческого технического термина, чтобы передать по-гречески титул военного магистра. Cf. Malalas, p. 429; *Bury,* LRE. 1889. 1:377, n. l; cf. *Jones,* LRE, p. 609–610, 655–656. Подробное изучение предмета см.: *Durliat J.* Magister Militum – στρατηλάτης dans l'Empire byzantin (VIe – VIIe siecles) // BZ. 72. 1979. 306-320.

VI. Сумм успешно атакует враждебных кочевников, 20

VII. Сумм побеждает врагов союзных кочевников Египта, 21–22

VIII. Сумм смог гарантировать мир на территории Палестины, 23

IX. Сумм успешно распределяет налогообложение между арабами, 24–28

X. Похвала человеколюбию и характеру Сумма, 29–30

XI. Отступление о брате Сумма, 33–34

XII. Эпилог: характер и мораль Сумма, 35–40

XIII. Заключение, 41.

В любом случае речь эта, конечно, короткая, и, если вы сравните ее с полководцем [которого она хвалит], она покажется еще короче. Разумеется, это не лишает нас свободы говорить, потому что она ободряется доброй волей тех, кто ее поощряет[1].

1. Это может показаться неуместным и даже дерзким, если, когда я, который должен использовать более смелый язык, как те, кто смеет хвалить важного вождя, я прихожу к тебе, представляя энкомий, сделанный на более скромном языке и в сжатые сроки. Тем не менее, даже если бы я медленно развивал этот энкомий, я все равно был бы ошеломлен величием твоих достижений; таким образом, я решил не игнорировать недостаток затраченного времени и стремился сделать добродетель из самой используемой скорости.

2. Поэт, который уже очень удачно отдал дань Музам, также очаровал театр поэзией сирен, нарисовав некоторые из твоих качеств в стихотворном метре[2]. Но это не является причиной моей дилеммы о материале моей хвалебной речи. Поскольку так много кораблей плывут в великом море со всех сторон, и нет страха, что некоторые из них могут непреднамеренно столкнуться друг с другом, так и величие твоих достижений дает достаточно материала для всех поклонников.

3. Первичным признаком твоих [военных] способностей является тот факт, что ты был выбран дважды на одну и ту же должность[3].

[1] Должностные лица Газы или власти провинции Палестина I, возможно, попросили Хорикия представить эту импровизацию по случаю прибытия Сумма в этот район. Ср. другой случай, в котором Хорикий упоминает участие Сумма на празднике Брумалий Юстиниана, Chor. p. 178, 16–20.

[2] Нет никакой другой информации об этих стихах, описывающих характер и поступки Сумма. Возможно, поэт, которого Хорикий описывает как успешного, был палестинцем, который писал стихи в своей попытке восхвалять Сумма. Cf. *Cameron A.* Wandering Poets: A Literary Movement in Byzantine Egypt // Historia. 14. 1965. 470–509, esp. 497–507.

[3] Согласно Хорикию, Сумм получил должность магистра милитум Палестины I во второй раз за его выдающиеся качества в качестве лидера, Chor.

Ибо кто не способен на такое умение, либо тратит свой срок службы, завися от других, либо будет пользоваться только одним сроком исполнения должности, и его недостаток таланта станет очевидным благодаря его способностям. Однако, твой второй срок стал доказательством того, что ты успешно завершил первый; и длина твоего нынешнего срока является самой подходящей наградой для предыдущей. Потому что ты не смог бы стать настолько талантливым человеком, если бы не был так хорошо образован в детстве [в грамматической школе] и в юности [в высшем образовании].

4. Но почему я должен говорить о твоем раннем возрасте, так как речь не позволяет включить и половину достижений твоего нынешнего возраста? Поэтому я перейду непосредственно к ним [настоящим делам].

5. Было время, когда город Антиохия, который в то время назывался городом Антиоха, был сотрясен и сровнен с землей землетрясением[1]. Катастрофа не пощадила ни милого Аполлона (олицетворение Антиохии)[2]; и не пожалела красоты божества, которого любили [в пригороде Дафне][3], и не краснела перед Зефиром, который всегда спокойно дует вокруг рощи, и не проявила милосердия к птицам, которые сидят на деревьях, сладко и приятно поют; однако по этому конкретному случаю они, вероятно, пели в печальном тоне, если действительно, птицы одарены свойством предчувствия.

6. Город и роща находились в таком состоянии [после землетрясения]. Если в то время Аполлон все еще был хозяином в Дельфах, и кто-то спросил бы у бога, как освободить разрушенный город, он бы ответил, что для этого нужны только два целителя: хороший импера-

---

p. 70, 13. Судя по периоду времени, который Сумм провел в Палестине, его срок пребывания в должности командующего продолжался не менее двух лет каждый раз в период с 529 до 538/540 г. Cf. *Kirsten,* Quest. Chor., p. 18–19. Об этой должности и продолжительности ее исполнения см.: *Boak A.E.R.* The Master of the Offices in the Later Roman and Byzantine Empires // University of Michigan Studies: Humanistic Series. 14. 1924. P. 148-151. Cf. *Jones,* LRE, p. 380–381, esp. n. 35.

[1] Подробный отчет о землетрясении (528 г.) см.: Malalas, p. 402–414; cf. *Downey G.* Ancient Antioch. Princeton, 1963. P. 255-263; cf. *Boissonade*, p. 26, n. 12.

[2] Chor. p. 71, 1–2. Фраза несколько расплывчата, но, вероятно, относится к самой Антиохии, потому что именно этот город Аполлон предпочитал больше всего.

[3] «Любовница бога» (Chor., p. 71, 2). Аллюзия относится к любовнице Аполлона Дафне и, следовательно, к знаменитому пригороду города, который носил то же имя, что и нимфа Дафна. Cf. *Boissonade,* p. 27, n. 1; Chor. p. 114, 8–9.

тор и полководец со сходными чувствами; первый – чтобы восстановить руины, а второй – служить бедным людям[1].

7. Аполлон Пифийский предсказал бы так, если бы, конечно, он все мог предсказать. Император оказал щедрую помощь городу, чтобы он полностью восстановился после землетрясения. Он также восстановил рощу в ее прежней красоте, ни в коем случае не позволяя земле похоронить настоящую Дафну, как она когда-то сделала с девушкой с тем же именем.

8. Таковы были действия самого императора. Полководец всегда был активен на пике бедствия, предлагая возможную помощь всем: средства жизни нуждающимся, надлежащую помощь потерпевшим, потерявшимся, ибо исчезнувших тел было много, о них – что больше он мог это сделать? – он много плакал.

9. Итак, в то время ты пытался расширить все возможные поставки пищи нуждающимся. Именно в это время ты был полон всеохватывающего стремления помочь, и ты отказался от атрибутов своего ранга, чтобы отличить должность от достижений, потому что, когда ты помогал другим, ты предпочитал появляться без твоих официальных знаков отличия, а не [проявлять себя] без милосердия и показывать свое тело, а не свою душу без украшения. Вот почему такая нехватка свободы стала для тебя богатством добродетелей.

10. Смотри! И снова те же чувства проявляются на твоем лице, окружая и разделяя скорбь с людьми Антиохии, для того чтобы вспомнить о бедствии в настоящем описании, ты по-прежнему разделяешь их горе. И, конечно же, это единственная печальная точка твоей щедрости, которая причиняет тебе боль, потому что, когда ты вспоминаешь свою службу, память о бедствии возвращается[2]. Итак, я сокращу свою хвалу, чтобы не усиливать печаль.

11. После этого все эти дела были сообщены императору, который принял их к рассмотрению, а затем он также назначил провинцию Палестину под твое управление, в дополнение к твоим обязанностям в твоей собственной провинции, для которой ты проявил такую выдаю-

---

[1] Малала подробно описывает щедрую помощь, оказанную Юстинианом городу; он, однако, не упомянул о Сумме. Хорикий также не указывает, в какой мере Сумм помогал жителям Антиохии. Фраза της αξιας το σχήμα (Chor., p. 72, 2), может сказать, что у Сумма уже был очень высокий ранг. Cf. *Boissonade*, p. 28, n. 2.

[2] Тот факт, что Хорикий подчеркивает реакцию Сумма на память о землетрясении, может указывать на то, что речь была произнесена через сравнительно короткое время после события. Этот отрывок может быть косвенным свидетельством для более раннего датирования речи, возможно, в середине 530-х годов.

щуюся компетентность[1]. И ты с благодарностью принял эту награду не из-за желания власти, а потому, что ты нашел возможность для служения в этой провинции.

12. Это назначение стало началом твоего вовлечения в Палестину и первого разбора [ее дел]. С тех пор смутьяны были вынуждены молчать, но эти люди были беспокойными и любителями опасности, и ненавидели мир[2]. И ты создал определенную свободу для городов вместо нестерпимого рабства. Эта свобода теперь ценится нашими зарубежными соседями и распространяется (также и) на их соседей, а также затронула остальные города; кроме того, она дошла и до нас через молву; и с твоим присутствием она приняла слегка обходной путь, распространяясь даже на наших врагов.

13. Так управляя делами палестинцев, ты тогда передал власть своим преемникам[3]. И с твоим примером в качестве проводника, поскольку они следовали по твоим шагам, они безупречно управляли своими подданными. Однако они оказались неспособными подражать тебе во всех отношениях, поскольку твои достижения были результатом большей самоотверженности. Затем они также отклонились от твоего пути и руководили делами своих подданных без сплоченности.

14. Поэтому я считаю, что Фортуна была благоприятна для тебя в установлении других правителей над теми же подданными. Ибо, если после тебя не придут никакие другие люди, чтобы занять ту же должность, было бы непонятно, достаточна ли твоя компетенция, чтобы контролировать своих врагов и заставить их оставаться мирными. Но теперь этот факт может служить дополнительным доказательством (этого).

---

[1] Неясно, в каком качестве Сумм служил в Антиохии. Возможно, он служил на какой-то военной должности еще до того, как был назначен в Палестину.

[2] Хорикий, по-видимому, ссылается на самаритян и их восстание против византийского правления и христианского населения в 529 г. Центром их деятельности был Неаполь в Самарии, но, судя по намекам Хорикия, беспорядки распространились по всей провинции до Газы. Ср. Chor. p. 72, 21–26. По словам Бьюри, Сумм прибыл в Палестину осенью 529 г., а вскоре после большой резни мятежники были уничтожены. *Bury*, LRE. 2. 1923. 364; ср. Chor. p. 72, 21–26; ср. *Browning*, Justinian, p. 92.

[3] Если судить по этому отрывку, кажется, что в то время, когда Сумм принимал на себя обязанности посланника императора, был еще один командующий Палестины. По-видимому, его второй срок в качестве командующего Палестины последовал за прекращением его миссии в Аравии и Страте. Ср. Chor. p. 69, 14; *Kirsten.* Quest. Chor., p. 18.

15. Неудивительно, что впоследствии они проявили такие добродетели, потому что им некому было бы подражать, если бы они отвечали за те же дела перед тобой. Но тот факт, что они правили впоследствии, показал, что они не смогли сравняться с тобой ни в каком отношении. Очевидно, что ты, безусловно, превзошел их во всех делах, так как ты значительно превзошел всех своих предшественников; между тем, ты поднялся выше любого сравнения с теми, кто взял на себя ту же должность после тебя.

16. И я должен, конечно, вспомнить о достижении, ставшем легендой среди людей: руководство наших [союзных] племен когда-то находилось в плохом состоянии, в особенности потому, что между двумя вождями был бесконечный конфликт и споры[1]. Распри между друзьями всегда тяжелы и трудно излечимы.

17. В то время как их отношения были публично нарушены, и все придерживались того опасения, что это может быть нескончаемым конфликтом, поскольку, хотя многие уже пытались их умиротворить, у них было только рвение проявить свои усилия – реальность показала, что везде, где присутствовал Сумм, ничто не оставалось без разрешения[2]. Ибо после того, как ты объяснил ситуацию обоим [вождям] и горько отругал их, потому что они вооружились для ночного боя, ты настоятельно призвал к конкретному соглашению[3].

18. Используя Геродота в качестве судьи, я считаю, что это примирение является самым ценным трофеем из всех; ибо Геродот сказал, что «мир тише войны, поэтому война мягче, чем бунт»[4]. Похоже, что Гомер также поддерживает ту же идею; хотя он писал о войне

---

[1] Хорикий, по-видимому, ссылается на вождей сарацинских племен, которые были союзниками Византии. Ср. Proc. B. Pers., 1, 17, 45–48. Неясно, являются ли эти два вождя теми, кого описал Прокопий Кесарийский; Ср. Proc. B. Pers., 1, 17, 46; ср. *Amantos,* Historia tou Byzantinou Kratous, p. 183; *Bury,* LRE. 2. 1923. P. 91–92.

[2] Этот отрывок, похоже, отражает горькие переживания народа Газы от конфликтов между различными этническими группами Палестины, таких как самаритяне и сарацинские племена, а также усилия местных властей по умиротворению их и прекращению их деятельности. Ср. Laud. Arat. et Steph., Comm. ns. 17, 21, 38, esp. 41.

[3] Ωσπερ εν νυχτομάχια (Chor. p. 74, 8). Интересно, что эта фраза, которая исходит от Геродота, используется Хорикием; ср. Her. Hist., 2,74. Она также используется в том же стилистическом выражении Энея из Газы, что указывает на концентрацию Газской школы на Геродоте. Ср. Aeneas of Gaza, Epist. Graeci, ed. R. Hercher, p. 24.

[4] Cf. Her., Hist., 8, 3.

между троянцами и ахейцами, он фактически не подчеркивал сущности войны, но просил Музу петь о гневе Ахилла.

19. Тем не менее, можно найти еще одну причину восхищения твоими делами: в твоих достижениях нет стрел и доспехов, копий и военной силы[1]. Ибо, если это умиротворение, которое произошло в результате твоих усилий, было бы достигнуто с помощью множества щитов и при помощи толстого литья стрел и рядов кавалерии и всех масс лагеря, тогда этот результат [был бы] ничтожен, и любые разногласия угрожали бы миру. Ибо то, что (достигается) без доброй воли и убеждения, есть гнилое и ошибочное, и исчезает после расцвета в короткое время.

20. Еще одно достижение последовало вслед тому, что уже упоминалось. Некое племя чужих кочевников, нападая на наших людей и (словно) похищая их имущество, собирало трофеи на скалистом холме, чтобы держать их в безопасности[2]. Это особенность несправедливости: поскольку, как только безопасное место занято, существует тенденция узаконить кражу похищенных предметов. Таким образом, хотя они укрепились в своей крепости, если бы другой полководец был вождем (нашей) армии, это нападение на них никогда бы не было предпринято. И в этот критический момент ты проявил такое славное влияние, что сделал свое одиночество абсолютным успехом этого достижения.

21. Река Нил также приносит тебя в мои мысли и, поэтически говоря, «ее эхо звучит в обоих ушах»[3]. Ибо, если бы реки могли говорить в наше время, например, когда Скамандр когда-то в эпосе или даже сам Нил, то согласно тому человеку, который раньше пел тебе похвалы, они закричали бы, плача, мне, что я должен правильно оценить твои достижения в отношении этой реки[4].

22. Ибо некоторые враги атаковали какое-то [союзное нам] племя Египта, привыкшее жить в палатках[5]. Как только ты заметил этот инцидент, ты разозлился и двинулся (на них), полный гнева, и

---

[1] Хорикий, по-видимому, выражая те же чувства о пользе или силе, здесь, как и в других местах, подчеркивает тот факт, что Сумм добился умиротворения вождей союзных племен без войны и оружия. Ср. подобное выражение и намек на мир в Chor. p. 178, 16-20; cf. Laud. Arat. et Steph., Comm. ns. 21, 23, 31.

[2] Это событие, похоже, является иллюстрацией конфликтов между различными племенами кочевников-сарацин, некоторые из которых были союзниками с персами, а другие с византийцами. Прокопий Кесарийский назвал их мастерами в разграблении, но не в штурме городов. Ср. Proc. B. Pers., 2, 19, 12–14.

[3] Cf. Hom. Il., 10, 535.

[4] Cf. Chor. p. 70, 6–9; cf. supra, n. 3.

[5] Chor. p. 75, 18. Видимо, Хорикий ссылается на скитских (Scenite) арабов Египта. Ср. *Boissonade*, p. 31, n. 5.

многие враги стали твоими пленниками, а многие из наших людей, благодаря твоим способностям, избежали вышеупомянутой катастрофы [рабства].

23. Города признательны тебе не только за их освобождение от войн, но и за те радости, которые ты им предоставил в мирное время[1]. Потому что невозможно получить полный мир под угрозой войны. И если страх входит в разум, то даже если кто-то хочет развлечь себя иллюзиями, он упорствует, стоная и проецируя ужасные образы, такие, как старость, не проявляющая милосердия, оскорбленные девушки, смолоду проданные в рабство, или жена, силой уведенная со своего брачного пира[2]. Итак, проецируя эти вещи на душу, он [страх] мешает и запугивает людей, и приносит им несчастье. Это похоже на то удовольствие, которое лесбиянки получили от праздника, который проводился, когда угроза войны со стороны Афин [висела] над островом.

24. Давайте теперь сменим тему. Но где мое отступление о Ниле оставило нас? Я думаю, в Палестине, куда я хочу вернуться, чтобы отправиться оттуда в Аравию. Почему я должен следовать этим маршрутом?

25. Оттуда происходит один мой ученик, и ты можешь вспомнить юношу, которого ты с радостью рекомендовал мне, и чей отец очень хорошо известен. Он рассказал мне о том, как ты распределял налоги между своими подданными, что напомнило мне истории об Аристиде, сыне Лисимаха, который также установил единообразие среди жителей [Эгейских] островов, – добродетельная практика, которую он инициировал среди эллинов, и от которой он также получил свое имя[3].

26. И поэтому ты определил подходящую норму для каждого из арабов, как если бы ты каким-то образом договорился с Фортуной этих жителей, послушав ее родственников, которым она предложила богатство, и кого она сделала бедными, и [как она распределила товары]

---

[1] Похоже, что этот отрывок относится к миру 532 г. между Византией и Персией. Ср. Proc. B. Pers., 1, 22, 17.

[2] Можно заметить, что этот отрывок похож на пассаж Прокопия Газского. Cf. Procopius of Gaza, Panegyricus to Anastasius, ed. J. Kempen, 14:11, 7–10; cf. Chor. P. 120, 5–7; 18-20.

[3] Хорикий ссылается на эпитет dikaioi, «праведный», из Аристида. Ср. Her. Hist., 8, 79; cp. Chor., n. 76. app. krit., n. 20 для получения дополнительной информации. Хорикий находит хороший пример, с помощью которого можно сравнить Сумма, и, ссылаясь на Аристида, он подчеркивает праведность и благотворные меры Сумма от имени арабов, а также имперской казны. Ср. *Boissonade*, p. 32, ns. 1, 3, 4, который цитирует все древние источники у Аристида.

еще одного [экономического] класса, который находился между обеими сторонами. Ибо, не жалея нуждающихся, ты совершил несправедливость за счет богатых, и не пренебрегая бедными от имени богатых, или принимая во внимание размер среднего класса, ты злоупотребил другими классами[1].

27. Можно было бы четко заметить, насколько выгодно справедливое распределение налогов, если оно будет учитывать то, что вызвано его злоупотреблением. То же самое относится к здоровью тела: болезнь доказывает, что для людей, которые им обладают, очень важно здоровье. Таким образом, после того, как вы избавились от злоупотребления налогами среди арабов, богатые туземцы не предложили вам взяточничества[2]. Хотя они с радостью ожидали этого, они, тем не менее, были разочарованы, потому что такая вещь была неэффективной; поскольку некоторые надежды не выполняются, когда ситуация явно невозможна[3].

28. Аттический ритор когда-то восхищался тем, что он установил по закону, что общественные функции должны соответствовать

---

[1] Миссия Сумма в Аравии в целях улучшения налоговой ситуации в этой области должна быть поставлена в рамках политики Юстиниана в отношении налогообложения и финансовых проблем. Новеллы часто ссылаются на разрозненные условия владения государством и землей в провинциях. Ср. *Vasiliev A*. History of Byzantine Empire, p. 157–162. Также: *Rouillard G.* L 'Administration civil de l'Egypte byzantin, 2d ed., 1928. P. 30. О налогообложении в целом с ценными библиографическими ссылками см.: *Jones*, LRE, p. 462–469.

[2] Местные помещики и магнаты на востоке, по-видимому, вели сопротивление имперским мерам по налогообложению. Ср. *Vasiliev*, History of the Byzantine Empire, p. 161.

[3] Этот отрывок в связи с фразой «[Сумм], который неуязвим для стрел из золота, не поддающийся проверке» (Chor., 178, 17-18), иллюстрирует, что, по-видимому, были некоторые сплетни о получении взятки Суммом. Браунинг, который, по-видимому, отрицательно относится к Сумму, предполагает, что он был вовлечен в различные скандалы с взяточничеством, о которых очень часто говорят новеллы Юстиниана. *Browning*, Justinian, p. 162. Возможно, Сумма обвинили в получении взятки, но если бы были убедительные доказательства, Хорикий молчал бы по этому поводу, несмотря на его готовность льстить могущественному командующему. Похоже, что такие обвинения были распространены против самых высоких чиновников во время правления Юстиниана. По-видимому, Сумм, также был обвинен после его деликатной миссии в Аравию и Страты, но Хорикий просто выражает свою убежденность в том, что этот командир не порицаем. См. Just. Brumalia, Comm., n. 30; cf. *Vasiliev*, History of Byzantine Empire, p. 159–161.

стоимости имущества каждого гражданина[1]; и хотя богатые обещали подкупить его гораздо большими деньгами, чтобы он не применял закон, он считал, что их вклад менее ценен по сравнению с правосудием. Если тогда он так восхищался этой добродетелью, тем больший успех может быть приписан тебе на земле арабов. Тот факт, что они даже не осмелились предложить тебе какую-либо взятку, является более значительным, чем если бы они сделали предложение и потерпели неудачу; победить атлета, с которым никто не смеет конкурировать, является превосходной победой.

29. Таким образом, твои славные дела, которые хорошо известны, заявляют о твоих достоинствах. Я также стал свидетелем другого твоего тайного благотворительного акта, благодаря которому ты освободил от нужды бедняков. Я, вероятно, смущаю тебя, пытаясь выявить то, что ты предпочел бы скрыть[2]; но этот момент побуждает меня скорее к возвышению добродетели, которую ты хочешь скрыть духом скромности.

30. В городе, где Верховный епископ традиционно имеет свое Око[3], ты потратил много денег и выступил в качестве арендодателя для бедных [фермеров][4]. Я считаю, что ты оказал (им) более позитивную помощь, обменяв деньги на поля, потому что польза от такого подарка остается постоянной для неимущих.

31. Уже планируя завершить мою похвалу, я хотел бы представить, что остальные твои достижения, по иронии судьбы, ухаживают

---

[1] Аттический оратор, по-видимому, Демосфен. Cf. *Boissonade*, p. 33, n. 1, который цитирует соответствующие ссылки.

[2] По-видимому, Сумм был страстным христианином и практиковал подаяние милостыни, и это подтверждает факт того, что Хорикий действительно не скрывает никаких специфических деталей. Однако он избегает упоминания о благотворительной деятельности Сумма.

[3] «Корифей иереев» (Chor. P. 78, 6), «верховный епископ». Эта фраза, по-видимому, относится к митрополиту Кесарийскому, высшему церковному авторитету в провинции Палестина I. Cf. Chor. p. 51, 24; cf. *Chrysos E.* He Ecclesiatike Politike tou Ioustinianou [Analekta Vlatadon, No. 3]. Thessaloniki, 1969, p. 105-107; cf. Laud. Arat. et Steph., Comm., ns. 15, 55.

[4] Tois penesi georgeis («ты действуешь как хозяин для бедных») (Chor., p. 78, 8). Foerster и Richsteig, следуя Boissonade, печатают в своем издании georgeis, а также ссылаются на версию georgois; которая дается в других рукописях (Chor. p. 78, app. crit., No. 8. Cf. Boissonade, p. 33, n. 6). Boissonade, наблюдая за филологическим строением пассажа, предпочитает версию «georgeis», которая фактически освещает тот факт, что Сумм купил землю как помещик. Таким образом, слово tois penesi может подразумевать бедных крестьян без земли, которых, по мнению Сумма, могут принимать в его поместьях как колонов. Cf. *Jones*, LRE, 2: 781, 800–803, 815, ср., Hist. Arc., 30, 18–20.

за речью, потому что это заканчивается манерой художника, которого попросили нарисовать картину с множеством фигур, но изобразил он лишь некоторые из них и создал впечатление, что таким образом он завершил картину. Я хотел бы также рассмотреть эти дела, но я буду иметь в виду, как я назвал свою речь[1]. Таким образом, я бы попросил прощения у них [деяний], и после добавления еще нескольких пунктов я откажусь от подиума.

32. Некоторые полководцы хорошо разбираются в искусстве войны и очень успешны в своем руководстве; однако, они как-то суровы и непреклонны во всех других отношениях. Но в твоем случае тебе удастся вести военные дела старательно, а также быть благосклонно настроенным к публичным празднествам[2]. Каким из твоих талантов нельзя любоваться? Неужели ты неустанно работаешь в общественных интересах? Разве ты не разделяешь день и ночь между действиями и мыслью, ночью планируя, что нужно сделать, и делать в течение дня то, что ты решил по ночам? Разве у тебя нет гибкого характера в отношении тех, кто советует правильные вещи? Следовательно, ты пытаешься иметь советником человека, полного благоразумия, человека, которого поэзия правдоподобно называла бы «сладким оратором арабов»[3].

33. Но, конечно, я понимаю, что некоторые из присутствующих сейчас задаются вопросом: когда Хорикий будет хвалить полководца? Конец речи (всегда) находится в поле зрения. Кажется, что он забыл (сказать) о брате, который присутствует, хотя даже если бы (он) отсутствовал, его следует упомянуть по многим причинам: он тоже стал таким великим слугой своих подданных; ибо справедливое правосудие обычно предшествует его действиям; и потому, что, хотя он часто был у власти, он никогда не давал причин для клеветы[4].

34. Некоторые из вас по праву могут шептать эти вещи друг другу. Мне, однако, было бы очень неуместно приводить в скором времени достоинства этого человека, которые сами образуют тело це-

---

[1] Эта фраза ссылается на название речи как на «импровизацию». Cf. Chor. p. 69, 12.

[2] По всей видимости, Сумм поддерживал и покровительствовал различным фестивалям в Газе, что ее граждане высоко ценили. Cf. Chor. p. 64, 17–22.

[3] Хорикий на самом деле перефразирует высказывание о Несторе из Пилоса. Cf. Hom. Il., 1, 248; 4, 293.

[4] У Сумма был брат Юлиан, которого Юстиниан послал посланником в Эфиопию. Ср. Proc. B. Pers., 2, 1, 10. Очевидно, Юлиан сопровождал Сумма в его поездке в Газу, и, возможно, он был знаком с народом и властями Газы. Cf. Chor. p. 178, 20–179, 2.

лой речи. Поэтому я могу передать его достижения в тишине, и вернуться к вам.

35. Ты только [обычно] окупаешь то, что необходимо для покрытия расходов. Ты единственный, кто не собирает добычу из военных операций; но ты распространяешь все это среди командиров, не сохраняя ничего для себя. Ибо ты определяешь как приз триумфа не золото, а славу победы[1]. Эта точка зрения всегда преобладала среди эллинов и вызывала непреодолимый страх среди персов, когда они нападали на эллинов.

36. Как только были проведены Олимпийские игры, некий перс, спрашивая, что делали эллины, получил информацию о том, что они проводят Олимпиаду. Он спросили их, какой приз (дается здесь) за победу. И как только он узнал, что победителей почитали вовсе не золотом, но оливковой ветвью, он громко вскричал и обратившись к сатрапу Великого Царя, сказал: «Мардоний, это несправедливо, что ты привел нас против таких людей, традиционный принцип которых состоит в том, чтобы состязаться не за деньги, а за добродетель»[2].

37. Поэтому, если бы твои таланты как полководца были бы ограничены Палестиной и не распространялись на другие районы земли, у тех, у кого есть причины не восхищаться тобой, могло бы возникнуть подозрение, что ты превзошел других полководцев из-за своего опыта в местных делах, а не из-за твоей компетентности, готовности и способности к лучшему управлению. Но поскольку ты показал себя одинаково успешным во всех вопросах, критика не может идти дальше[3].

38. И ты, конечно, не поступаешь так же, как спартанский Лисандр, который был простым человеком, оставаясь дома; но, когда у него была возможность общаться с ионийцами, он не шел ни по спартанскому пути, ни жил по традиционным обычаям. Позднее кто-то издевался над ним, очень саркастически говоря, что львы Спарты, когда они выходили из своего города, становились лисами[4].

39. Еще один спартанец, Павсаний, покинув свою страну, отказался от спартанской простоты ради персидской роскоши и сладостра-

---

[1] О подобных идеях см. Chor. p. 238, 4–6.

[2] Cf. Her. Hist., 8, 26, 1–9.

[3] По-видимому, этот отрывок отражает многочисленные критические замечания, которые современники направляли против Сумма за его различные действия. Ср. также Chor. p. 178, 15.

[4] Ср. *Boissonade*, p. 35, n. 5, который цитирует различные ссылки на эту фразу.

стия, и отказался от своей обычной одежды ради варварского платья, а его ранг полководца стал подражанием тирании.

40. Таковы рассказы о Лисандре и Павсании, государях спартанцев; некоторые из них достойны смеха, а некоторые достойны критики. Однако достоинства нашего полководца лежат вне порицания, а также насмешек.

41. Поскольку я вспоминал спартанцев, существуют старые традиции, согласно которым тот, кто совершил много дел, даже если он достиг чего-то значительного, получает короткую хвалебную речь; ибо, согласно традиции, для него естественно достигать великих дел. Поэтому я могу последовать спартанской традиции и заканчивать свою речь. Полководцу, который привык к свершению великих дел, не требуется долгое восхваление.

ХОРИКИЙ.
Эпитафия Марии[1] – матери Маркиана, епископа Газы, и Анастасия, епископа Элевтерополя (Or. VII)[2]

Н.Н. Болгов (Белгород)

I. Вступительные замечания о покойной и ее достоинствах, 1–4

II. Результатом ее добродетелей были хорошие и успешные дети, 5–12

III. Многие люди пришли почтить ее погребение, из-за ее добродетелей, 13–14

---

[1] О дате написания: *Kirsten,* Quest. Chor., p. 15–16. Предположение о том, что речь была написана в ранний период карьеры Хорикия (конец 510-х или начало 520-х гг.), может быть подтверждено внутренними доказательствами, особенно стилем и языком текста. Использование слов и выражений, подобных тем, которые используются в агиологических источниках, предполагают тот же подход, поскольку они не появляются в поздних версиях. Стилистически эта речь напыщенна. Техника «затемнения» смысла часто используется, и ею автор довольно сильно злоупотребляет, возможно, из-за попытки Хорикия показать, что он следует традиции и описывает некоторые вещи или события в темных выражениях. Он также использует многочисленные религиозные выражения, которые отражают социокультурный климат среды Марии. В этом конкретном случае, и вопреки его обычной практике, Хорикий ссылается на Новый Завет, он не использует многих древних авторов, но, главным образом, цитирует или ссылается на Платона.

[2] О епископстве Элевтерополя и его преемственности епископов: *Kirsten,* Quest. Chor., p. 15, n. 3; cf. *Boissonade*, p. 37, n. 1.

IV. Покойная обеспечила себе место вечного покоя за ее различную благотворительность, 15–23

V. Покойная была миролюбивой и завидной, 24–26

VI. Смерть покойной предполагает не печаль и скорбь, потому что она умерла счастливой и старой, 27–34

VII. Эпилог, 35

1. Большинство ораторов, привыкших к выступлениям с речами такого рода, обычно повторяют скорбные речи и думают, что их слушателям нравятся, когда они используют причитания[1], и ради аплодисментов скорбящих – слезы[2]. Но из-за нынешней покойной, которая всегда считала изложение характера своей жизни вторичной целью, ее преклонных лет, и тем фактом, что ее хоронят собственные дети, что есть желание [всех] родителей, я не склонен использовать этот стиль [речи].

2. Если действительно какая-то добродетель, которая украшает отдельного человека или иллюстрирует [его] удачу, отсутствовала у

---

[1] Об обычае описывать похороны: *Norman*, Libanius' Autobiography, p. 146–147. Обычай представления похоронной речи риторикой Газы был обычной практикой. Во многих случаях ораторы, стремясь оказать эмоциональное воздействие на свою аудиторию, делали неловкое представление, и над этим фактом Хорикий часто издевается. Ср. также Chor. p. 118, 15–20. Информация этого отрывка интересна для дальнейшего понимания традиций о смерти и трауре в Газе. Cf. *Alexiou*, The Ritual Lament in Greek Tradition, p. 19–23, 102, 104. Интересно также отметить, что здесь Хорикий использует слово ελεεινός, производное от слова έλεος (το), которое напоминает терминологию театра. Его смысл, однако, более или менее напоминает современный греческий смысл того же слова: жалкий, скорбный, потрепанный. Cf. *Demetrakos*, s.v. έλεος. Ср. также разговорное современное греческое слово ελέη (η) в смысле: «печальная песня» или просто «песня», и оно используется на острове Корфу и прилегающих островах; cf. *Loukatos D.* Apostole Eis Neson Othonous // Epeteris Tou Laographikou Archeiou. 21. 1964. P. 62; *Litsas F.* To Nesi Othonoi Kerkyras // Kerkyraika Nea. No. 882. Athens, July-August, 1965. P. 1–7.

[2] И здесь влияние театрального языка на формулировку пассажа очевидно. Ср. такие слова как: αδουσι, λόγους ελεεινούς, θεάτρου, κρότος. По-видимому, в Газе VI в. скорбящие могли нанять ритора или женщин, обученных разыгрывать скорбные сцены, чтобы вызвать печальную реакцию у публики. Cf. Chor. p. 128, 6–18, где он описывает скорбные обычаи Газы, и которые запрещает в своей юрисдикции епископ Маркиан. Ср. аналогичные обычаи в различных регионах Греции сегодня, особенно в провинции Мани; cf. *Alexiou*, Ritual Lament, p. 102–104; *Oikonomides D.* Ho Threnos Toy Nekrou En Helladi // Epeteris Kentrou Hellenikes Laographias. 18-19. 1965–1966. P. 11–40; cf. *Koukoules*, BBP, 4. P. 162–172.

нее [Марии], возможно, [речи] потребуется больше времени, чтобы компенсировать этот недостаток. Но после того, как она достигла вершины добродетели и удачи, она получила такие награды, которые, по словам поэтов, принадлежат праведникам; и, оставив детей своих детей (т.е. внуков), она подошла к надлежащему времени смерти, [смерти], которая освободила ее от огорчительного старческого слабоумия и, вероятно, от многих страданий. Ибо, даже если их заслуживают те, кто ими владеет, большие выгоды [обычно] приносят неприятности.

3. Таким образом, ничто страшное даже не приходило ей в голову, когда она болела; мысль о том, что она могла каким-то образом причинить кому-то боль, не мучила ее душу; и, будучи обеспокоена своей совестью, она часто просыпалась от сна, как обычно это делают дети. Но из-за ее [добрых] дел в ней была сладостная надежда, и [она служила ей] хорошим проводником к уходу, назначенному всем смертным. И она умерла в этом ожидании [которое было] полностью оправдано[1].

4. Действительно, каждая из ее заслуг заслуживает похвалы; особенно ее отсутствие желания похвалить. Она хотела не казаться, а быть добродетельной. Говорят, что, будучи еще девочкой и неопытной с мужчинами, она жила добродушно, разговаривая умеренно и нежным голосом и с опущенными глазами, краснея, прежде чем она заговаривала[2]. Таким образом, она знала совет Софокла, конечно, не узнав его из Софокла, а из своей собственной природы[3]: эта тишина правильна для всех женщин, особенно для девочек. И, выйдя замуж, она, естественно, была хорошей домохозяйкой, а также бережливой и

---

[1] Платоновское влияние ясно прослеживается в стиле этого отрывка. Cf. Chor. p. 100, app. crit., n. 9, и другие ссылки на Платона. Фраза οὐδε των υπνων (Chor. p. 100, 11) во множественном числе можно понимать, как выражение повседневной жизни или коллоквиализм; ср. современное греческое выражение: στους ὑπνους [του]. Тот факт, что существует множество версий в различных изданиях, усиливает этот момент; ср. особенно версия υπνων в единственном числе в ms. Ath. s. R. (Chor. p. 100, app. crit., 5. 11; cf. *Boissonade*, p. 38.

[2] В пассаже описываются достоинства, которыми должна обладать незамужняя девушка, и напоминает похожие описания, которые можно найти в источниках агиологии. Cf. v. Marthae ed. п. *Van De Ven*, La Vie ancienne de Saint Symeon Stylite le Jeune [Subsidia Hagiographica No. 32], 2 vols. Brussels, 1962, 1:12–13; Kyril. Skyth., v. Sabae, p. 67, 84.

[3] Этот отрывок может быть намеком на образование Марии. Видимо, у нее не было высшего образования, но она представлена как пример благочестивой женщины, которая мудра по милости Божьей. Характерно, что, хотя этот отрывок отражает христианские добродетели и влияние, Хорикий ссылается на языческих авторов вместо Писания или христианской учености.

воздержанной, которая ежедневно ухаживала за своим мужем, который был доволен теми услугами, которые демонстрируют женскую добродетель[1]. Таким образом, она, с одной стороны, превзошла тех женщин, которые имели опыт в таких вещах, к ее хвале, а, с другой стороны, тех, которые узнавали о ней, она подстрекала к желанию испытать такой опыт.

5. Какими могут быть награды за такие достижения? Многие добродетельные дети, которые отражают свою мать в себе. У нее было много сыновей и дочерей: всего восемь [детей][2]. Если я писал бы восхваление детей согласно правилам риторики, я должен был бы восхвалять их, начиная с их родителей. Точно так же я считаю, что было бы правильно восхвалять мать за ее детей.

6. И тот, кто следит за хорошим отношением детей к родителям, является более подлинным панегиристом, чем тот, кто украшает детей добродетелями своих родителей. Причиной добродетели детей часто являются их родители, которые обучают [их] наилучшим вещам посредством образования и воспитания. Разумеется, это не естественный порядок вещей, когда дети воспитывают своих родителей. И это не имеет отношения к нашему предмету, так сказать, к изучению каждого из ее детей[3]. Ибо будет видно, что, хотя ее дети мужского пола превосходят обычные дарования мужчин, ее [женское потомство] также превосходит обычных женщин[4].

7. Двое из сыновей, даже уже в раннем возрасте, а остальные – наравне с братьями, стали равными в отношении своих достижений: они также справедливо равны в том, что были награждены высшим рангом – священством; они были удостоены этого чина за свои предшествующие дела; и за их достижения после того, как они получили

---

[1] Пассаж искажен. Фраза επίβασα πασταδος (Chor., p. 101, 3) буквально означает: «Когда она достигла своего супружеского ложа». Фраза φειδωλόν αγαθήν (Chor., p. 101, 4) может быть либо «бережливой», либо качеством жены, способной хорошо управлять своим домом, или «благочестивой, милосердной», ссылаясь на обширную благотворительную деятельность Марии из-за ее хорошего управления. Sf. *Liddell-Scott,* s.v. φειδωλός.

[2] Cf. Chor. p. 101, 22; 102, 13–17; 107, 18–19.

[3] «Εξω του μέλους» (Chor. P, 101, 20): «вне гармонии, вне контекста». Хорикий использует эту фразу Пиндара, как говорится, как указывает слово φασιν. Ср. *Boissonade,* p.40, n.2.

[4] Преувеличение основано, по-видимому, на том, что у сыновей Марии была довольно успешная карьера. Однако, как он далее заявляет, ее дочери были просто домохозяйками; см. Chor. p. 102, 13–17; cf. *Boissonade,* p. 40, n. 3.

эту честь, поскольку нет большей [чести], чем этой [почетной должности], (и) они все еще сохраняют эту же должность[1].

8. Такова была одна пара сыновей; из другой же пары, один [сын] успешно практикует правосудие в высоком чине[2], в делах, которые, по мнению Платона, затруднительны[3]. Другой, обученный как ораторскому искусству, так и закону, знает, как путешествовать по праведному пути, хотя язык ведет к обоим вариантам альтернативам [неправильному и правильному].

9. Таким образом, следовательно, нужно сказать о детях мужского пола; потому что, когда их достижения говорят сами за себя, длинная речь является излишней и имеет тенденцию переводить добродетели в дурную славу, как если бы они не были [по-настоящему] достаточными, чтобы стать известными[4]. Что касается детей женского пола, то они выбрали ту же самую спокойную жизнь, которую вела их мать; или я должен точнее сказать, что все они подражали жизни их матери, за исключением того, что некоторые из них подражали ее [достоинствам] в городе, а другие посвятили себя этим занятиям вне города.

10. Вы можете восхищаться изобилием своего состояния, но я восхищаюсь тем фактом, что женщина, благословленная многочисленными [успешными] детьми, не впала в какое-либо тщеславие. Напротив, ни одна из упомянутых вещей действительно не удивительна, ни ее благополучие, в отношении к ее заслугам, ни сохранение ею умеренности в соответствующем ей успехе.

11. Но она, несомненно, не была раздута благодаря этой щедрости благословений, и она никогда не делала высокомерных заявлений, которое, как говорят, изрекла некогда некая «удачливая» старуха[5]. [Когда-то], когда проводились Олимпийские игры, – и существовала традиция, запрещающая женщинам присутствовать на Играх – некая старуха ворвалась на стадион; и когда судья Игр упрекнул ее, спросив:

---

[1] Хорикий снова находит повод выразить свою верность христианским властям и христианской церкви. Ср. Chor., n. 30, 6. Весь пассаж затемнен попыткой Хорикия выразить свою лесть.

[2] Смысл пассажа (Chor., p. 102, 6) не ясен. Сын Марии, вероятно, был местным магистратом или членом провинциального правительства.

[3] Cf. Plat. Rep., II, 364A.

[4] С этой риторической фразы Хорикий пытается изменить свой предмет, по-видимому, потому что все хорошо знали факты о сыновьях Марии; поэтому он просто выразил свою похвалу о сыновьях Марии в своем собственном выражении. Ср. Or. Nupt, in Proc., Comm., n. 27.

[5] φωνήν σοβαράν (Chor., p. 103, 1): «Печально известное, высокомерное заявление, как говорят». Эта фраза служит переходом к его отступлению, обычной практике риторики Хорикия. Ср. Chor. p. 116, 11.

«Женщина, почему ты поступаешь в нарушение закона?», – она очень пренебрежительно ответила: «Кто еще должен наслаждаться фестивалем, если не тот, кто привел своего ребенка в качестве спортсмена на Игры, и у него есть братья, выигравшие на Олимпиаде?»[1]

12. Конечно, Мария ничего не говорила в таком духе, но совершенно наоборот; и насколько ее добрые дела увеличивались[2], настолько ее гордость уменьшалась; и этот факт делал ее постоянно счастливой.

13. Все эти [добродетели] привлекали людей именитого ранга к ее погребению, некоторых из одного места, некоторых из другого[3]. Все эти [добродетели] заставили власти наших соседних [городов посетить ее погребение], все эти [добродетели] опустошили наш собственный город, (собравшийся) на место ее упокоения. Из стольких людей, которые собрались вместе с той же целью, они были не просто панегиристами ее поступков или слушателями посвященных ей хвалебных слов, но и каждый из них хотел иметь слушателя, чтобы он мог тоже рассказать о ее добродетелях[4].

14. По этой причине, хотя обычно для тех, кто намерен хвалить кого-то, чтобы подробно рассказать о своих деяниях, я имею противоположное намерение. Ибо, как только я понял, что у моего ума нет места для тех вещей, которые говорили о ней, я решил избегать тех людей, которые рассказывают эти истории, давая себе приятную иллюзию, что я не знаю ни о каком из ее свойств. Но было невозможно найти никого, кто молчал бы, а другие говорили то же самое.

15. Ну, тогда, где мы можем предположить, что такая душа должна теперь пребывать? Ясно, лишь в приятном месте, наполненном развлечениями и досугом; где возможно, там нежные ветры дуют, чистые источники и чистые струи текут, и одним словом – [где есть] каждое удовольствие, которое способствует восхитительности места. В остальном это прекрасное место отдыха, и оно не заселено злыми людьми.

---

[1] Ср. Ael. Var. Hist., X, 1. Рассказ Элиана служит здесь как экзальтация христианского смирения Марии в сравнении с высокомерием, которое проявила старая языческая женщина из истории. Ср. *Boissonade*, p. 41, n. 7.

[2] Chor. p. 103, 12. Фраза εχάλα το φρόνημα кажется, стоит здесь только для риторического эффекта. Cf. *Liddell-Scott,* s.v. χαλάω и сравнить с *Demetrakos,* s.v. χαλω. Cf. *Boissonade,* p. 41, n. 9.

[3] Chor. p. 103, 16. Отрывок относится к чиновникам, которые, по-видимому, посетили похороны Марии от имени ее могущественных сыновей. О значении слова τέλη см. *Liddell-Scott,* s.v. τέλος, sec. 3; cf. *Demetrakos*, s.v. τέλος, sec. 7; cf. *Meyer*, Gaza, p. 112.

[4] В отрывке отражены фразы, известные из агиологических источников.

16. Таким образом, она достигла святого места. Достоинства ее жизни направляют ее в путешествие и указывают на нее ее мужу и родителям, и ведут ее к благочестивому хору тех, кто покинул свои тела, чтобы они могли освободить их души.

17. И все они получат ее в очень дружеской манере в обмен на ее заботу о них, ее уважение к родителям, заботу о своих детях и ее щедрую благотворительность, благодаря которой она облегчила бедность нуждающихся[1].

18. Сколько человеческих дочерей, по-твоему, она вырастила и воспитала за свой счет, когда они созрели для брака?[2] Сколько юношей избежало сиротства, которых она воспитала? Сколько вдов хвалят ее благотворительные организации? Сколько писем было отправлено ею, одно письмо одному ребенку, другое – другому, и все [письма] были написаны с одной целью: чтобы ходатайства просителей были выполнены.

19. Кроме того, поскольку ее благотворительность была посвящена многим, если бы кто-то пожелал узнать о ее великом милосердии, он собрал бы всех тех, кто получил от нее выгоду в том же месте; и если он спросит их, какая из них принесла наибольшую пользу, каждый будет объявлять [пользу], данную ему; и поскольку каждый из них будет верить, что он получил больше всего, мера ее беспристрастности станет ясной, и это хорошо показало бы, [как она была честна] во всем.

20. Вспоминая ее письма, я хочу рассказать вам историю. Вы можете наблюдать в этой [истории] по-настоящему простую женщину, полную кротости и обхождения для всех без обид. Два человека ссорились о чем-то, и, как обычно, спор постепенно становился все более интенсивным и дошел до того, что потребовал судебного решения правительства. В этот момент Мария познакомила их обоих с сыном

---

[1] Chor., p. 104, 3–17. Судя по фразировке и идеям Pars. 15–17, можно определить эсхатологическую идеологию Хорикия. Par. 15 основан на Платоне; см. Plato, Phaedr., 229B-230B. Напротив, Par. 16 отражает как-то христианские идеи; ср. Math. 10, 28; John, Reveal., 14, 13. Par. 17, похоже, отражает различные греческие народные убеждения, поскольку они были разработаны через греко-христианскую традицию. Cf. *Koukoules*, BBP, 4: 148–176. Эти отрывки, похоже, отражают некоторые эсхатологические убеждения, которые они развивали в школе Газы. Ср. Gr. Lit. II^2, p. 1032-1033; *Wacht M.* Aeneas von Gaza als Apologet [Theophaneia, № 21]. Bonn, 1969, p. 59–62, 101–102, 131–137.

[2] Chor., p. 104, 17–18. Акцент на заботу Марии предоставить приданое для незамужних девушек указывает на важность приданого в районе Газы, чтобы обеспечить достойный брак. По-видимому, филантропическая деятельность касалась этого вопроса для оказания помощи девочкам-инвалидам.

через письма, обратившись с просьбой о поселении, прибегая к каждому из них. В такой степени ее характер был полезным, бесхитростным и невинным в причинении беспокойства[1].

21. Я убежден, что она, используя только свою врожденную доброжелательность, обеспечила заботу для тех, кто видел ее как видение во сне, что случилось, например, с человеком, у которого была должность главного судьи нашего города[2]. Неотложное дело потребовало очень быстрых действий, которые привели его к императору, и он начал поездку, как он планировал, путешествуя по горным районам с такой же быстротой, как и через легко проходимые области[3].

22. Где-то в середине пути его пах внезапно стал распухшим, и, когда наступила ночь, страдание не давало ему бодрствовать, он только спал достаточно долго, чтобы увидеть сон. И в видении была мать [Мария], спрашивающая о причине задержки. Он указал на боль, но пока она положила руку на нее и сотворила символ Божественной страсти [крест], и в ту же ночь он понял, что он был освобожден от болезни, и на следующий день он был реально избавлен от болезни[4].

23. Я полагаю, что добродетели ее поступков наделяют ее вышеупомянутой милостью и доказывают ее через опыт, хотя большинство людей без всякой причины думают, что [такие добродетели] являются безрезультатными[5].

---

[1] Рассказы Хорикия напоминают подобные случаи, которые можно найти в различных агиографических источниках, хотя его формулировки таковы, что они создают более сложный стиль. Такие слова, как χρηστών, ακάκων ήθος, πραγμάτων άπειρον также распространены в агиографической литературе того же периода в Палестине.

[2] Chor., p. 105, 20–21. Здесь Хорикий означает избранного главу магистрата города Газы, которым на тот конкретный период был один из сыновей Марии; ср. *Mayer*, Gaza, p. 63.

[3] О путешествиях из Палестины или Газы в Константинополь по морю или по суше, см.: *Downey,* Gaza, p. 36-38. Порфирий Газский, совершивший эту поездку, выбрал морской маршрут, описанный в его житии. Ср. Vit. Porphyr., p. 74–79.

[4] Chor., p. 105, 18-106, 7. Изложение этого чудесного лечения, очевидно, перекликается с агиографическими источниками. Ср. *Boissonade*, p. 44, n. 5.

[5] οι πολλοί (Chor, стр. 106, 10). Трудно понять, что означает эта фраза Хорикия. Возможно, он пытается сделать намек на псевдо-христиан и язычников, которые, по-видимому, не принимали христианские убеждения и чудеса, которые поддерживались только индивидуальными и часто смутными свидетельствами. Этот отрывок также, похоже, отражает агиологические источники и чувства народных масс Газы, которым, по-видимому, Хорикий хотел угодить. Возможно, он просто повторил здесь свой собственный стиль, одну из многих историй, рассказывающих простым людям о добродетелях Марии. Cf. Chor., p. 103, 25.

24. О, такие высоко оцененные и завидные похороны, на которых сыновья, дочери и потомки сопровождают [тело] к могиле![1] О, это такая смерть, которая не нуждается в слезах. Такой конец подходит для нее! На такой конец она много раз молилась, чтобы получить его, как до, так и во время ее болезни.

25. Ибо, когда самый старший из ее детей был тронут и пролил слезы, она сказала ему: «Дитя мое, я получила то, о чем я мечтала, поэтому самое приятное благословение для любой женщины, которая уходит, когда она все еще в здравом уме. Поэтому мать не должна оплакивать тот факт, что она больше не ребенок, но ребенок должен видеть свою мать, когда она умирает»[2].

26. Такие вещи она говорила незадолго до смерти, не имея ничего общего с другими старыми людьми, которые притворяются до такой степени, что хотят умереть, и утверждают, что они наслаждались жизнью; но когда кто-то из них, поддавшись болезни, понимает, что конец близок, тогда он быстро обновляет свое истинное отношение и считает, что время, которое люди получают жить, невелико, и пересматривает и сплачивает предметы роскоши жизни[3].

27. Вот почему Сократ, увидев своих друзей, которые присутствовали с ним, когда он собирался умереть, и заметил, что они проливают слезы, упрекал их в отсутствии духа и отпустил плачущих женщин, «чтобы такие вещи не могли обидеть [в этом случае]», – заявил он[4]. Таким образом, он считал, что плакать – это оскорбление.

---

[1] Chor., p. 106, 11. παίδων заменено на υιόν. Сравнивая это слово со следующими словами φυγατέρων и έκγονων можно заметить, что Хорикий использует его в том смысле, что обычные люди его использовали. Cf. современное греческое выражение έχει δύο παιδιά («детей было два мальчика») και ένα κοπίτσι του («и одна девочка»). Cf. *Demetrakos*, s.v. παις. См. также версию εγγονών («внучата») вместо εκγονών («отпрыски»), данное в Афинской рукописи. Cf. Chor. p. 106, app. crit., No. 12; *Boissonade*, p. 45, n. 8.

[2] Очевидно, Мария сказала эти слова своему старшему сыну Маркиану. Хорикий имел возможность процитировать ее слова прямо от него или, что более вероятно, он повторяет этот случай, поскольку он был изложен народом, так как последняя фраза отражает общую пословицу подобной формулировки. Фраза και κε ... παις (Chor., 106, 18-20), кажется, народная пословица, перефразируемая Хорикием по византийской литературной традиции. Ср. *Koukoules*, BBP, 4: 336-38,444-45; *Boissonade*, p. 46, n.1.

[3] Пассаж на самом деле является перефразированием общей пословицы. *Boissonade*, p. 46, n. 3.

[4] Эта фраза – прямая цитата из Plat. Phaedr. 1170. Хорикий часто перефразирует отрывки, которые он цитирует у древних авторов.

28. Для нас это подходит, преодолевая другие страсти души – похоть, жадность и гнев – также и для того, чтобы преодолеть оставшееся несчастье – горе. Каждую страсть следует избегать умеренностью, особенно горе, потому что удовольствие, деньги и гнев имеют определенное оправдание для тех, кто грешит [по отношению к ним] – первое дает удовольствие, деньги приносят прибыль, а гнев наказывает противников – но горе не предлагает ничего другого, кроме как ослабить одно огорчение.

29. Я считаю, что это справедливо из-за того, что, несмотря на то, что женская природа легко колеблется горем, твои прекрасные сестры терпят то, что произошло, со сдержанностью; если бы [это было не так] в этой [ситуации], Платон, казалось бы, солгал, когда он сказал, что жалобы не подходят не только для мужчин, но и для прекрасных женщин[1].

30. Некоторое уныние может прийти к вам, вспоминая, как она родила вас; как она понесла вас на своих руках, как она подняла вас до этого возраста; как ее радовали ваши почести вместе с вами; как она так заботилась, чтобы блюсти ваши интересы, что на протяжении всей ее болезни она скрывала опасность, и, когда вы узнали, что необходимо, чтобы асклепиады [медики] были благоразумны, чтобы она могла выжить, она ответила что ей лучше оставаться [как она была].

31. Эти вещи, поскольку они, естественно, вызвали тоску в вас, разжигают горе от этого стремления – за исключением тех вещей, которые заставляют вас восхищаться ее образом жизни. Из последнего можно получить определенное соболезнование, так как оно сохранит такую же любовь к вам и станет причиной большей пользы.

32. Ибо, если нужно как-то искать помощи в философии – и мы должны это делать, когда говорим о такой женщине, – то специалист в таких писаниях утверждает и убеждает [нас] в том, что души людей, которые живя благочестиво, когда они отбрасывают тело, могут совершать большие дела. Таким образом, вы можете теперь получить от нее большую выгоду.

33. Но на самом деле мы должны учитывать, что, даже если людям запрещено жить вечно, им остается еще одно благословение: конец жизни придет «на удачном пороге старости»[2].

34. Солон, когда он посетил Креза Лидийского, посчитал Телла Афинского самым счастливым человеком, поскольку он умер [будучи]

---

[1] Cf. Plat. Rep. 3, 3870. Cf. *Boissonade,* p. 46*,* n. 10. Этот отрывок кажется еще одной лестью, чтобы доставить удовольствие дочери Марии.

[2] Cf. Hom. Il. 23, 487. Аналогичные мысли высказывает Эней Газский. Ср. выше, n. 21. *Boissonade,* p. 48*,* n. 2.

отцом и счастливым дедушкой, но [Мария] ныне превзошла Телла, потому что у нее были дети ее внуков[1].

35. Трагедия разумно охарактеризовала бы кого-то как благословенного, который счастливо прошел ее последние дни; действительно, какой-то создатель стихов почтил бы ее могилу эпиграммой. Я бы попытался сделать то же самое, но без метра, потому что я не поэт. «Не проливайте слез, созерцая эту гробницу, вот старуха, которая не является причиной [достойных] слез. Она жила добродетельной жизнью и оставила детей своих детей, и потомков внуков тоже!»[2]

ИОАНН ЛИД. О МЕСЯЦАХ (DE MENSIBUS)
Книга III [О месяце][3]

М.М. Синица (Белгород)

1. Анахарсис Скиф сказал, что спор случился некогда у египтян и скифов о древности каждого из двух [народов], потому что равно каждый из двух возвышали Медведиц, удостаивая [их быть покровителями] общественных дел. Считалось же скифами, что они были старше, и потому, что под Большой Медведицей расположена [их] земля, согласно им, и что по природе, совершенно как от верхнего, у нас Море от Гиперборейского Океана начало берет – ведь, что оно было оканчивающимся двумя входами, всякому ясно: один из Испании, а другой же, как говорится, из Гиперборейского Океана; его и Кроновой пучиной хорографы называют, против мнения Птолемея[4]. Он ведь решает, что один и только [один] вход из Западного Океана есть, через Гадес <бывший>.

И что в целом скифы первенствовали по древности, поддержал бы кто-либо из-за текучей субстанции, которая несомненно первой из элементов была, откуда и парфяне, или персы, много думают о <своей> древности. Что скифы же они есть, все свидетельствуют, а Арриан показывает: ведь имя «парфянин» {Πάρθος}, согласно ему, «скиф» и

---

[1] Cf. Her. Hist. 1, 30.

[2] Желание Хорикия составить эпиграмму для гробницы Марии может отражать обычай народа Газы писать и высылать такие эпиграммы для их покойных, что также подтверждается многими надписями, которые находятся на кладбищах Газы. Ср. *Meyer*, Gaza, p. 139–151.

[3] Перевод с древнегреческого по изд.: Ioannes Lydus. On the Months (De Mensibus). / Tr. and ed. by *A. Bandy*. Lewiston: Edwin Mellen Press, 2013. Научно-справочный аппарат дан по этому же изданию с некоторыми добавлениями.

[4] Geographia. VIII.5.3.

«чужеземец» на скифском языке переводится. А относительно эллинской древности, первыми из всех людей после Девкалиона эллинами как аркадцев, так и сикионцев книги передают, как если бы первоначальных, первообразных и перворожденных. Отсюда и Пана {Πᾶνα} аркадцы чтили, то есть «эту Вселенную» {τόδε τό πᾶν}, полагая, что ничего нет вне воспринимаемого чувствами, потому и предлунными их миф представляет, не потому что кто-либо мог допустить, что люди <существовали> до <образования> луны, но потому, что говорят, что аркадцы и сикионцы появились до учреждения месяцев.

2. Древние вычисляли месяц согласно лунному курсу, отсюда и месяц {μήν}[1] называется от «мэнэ» {μήνης}[2], то есть луны {τῆς σελήνης} («селена» {σελήνη} же <говорится> от того, что всякий раз новый свет {σέλας... νέον} имела); месяц же есть время, за которое солнце будет доведено до конца, в коем от солнечного острия свет на луну переносясь и обходя по кругу, возвратился бы к тому месту, откуда начал движение; отсюда и от пересечения к пересечению неомении почитая, вычисляли, что год состоял из 354 дней, так что каждому месяцу присваивалось 29 с половиной дней.

3. Египтяне же говорили, что вычисляли год <состоящим> из четырех месяцев, отсюда, и что некоторые <люди> некогда жили тысячу лет, у них записывают. Гесиод же и Гекатей[3], Гелланик[4] и Акусилай[5], а также Эфор[6] и Николай[7] говорят, что долговечные [люди] и свыше тысячи <лет> проживали за время жизни, и не только те, чьи души к героическим относились, но и некоторые [смертные] люди, как Диоген[8] в «<Невероятном> за пределами Фулы» полагает. Аркадцы из трех месяцев, а сикионцы из шести, <но> латины из тринадцати год сосчитывали; у римлян же в старину изображалось, что десять месяцев год содержит, позднее же от царя Нумы и два других прибавлены: ради почитания умопостигаемого январь, а материального – февраль. Позже же Гай Кесарь из учения египтян[9] определил, чтобы и время [года] состояло из 365 с четвертью дней, и месяцы какие из тридцати состояли дней, а какие из тридцати одного, февраль же – из двадцати восьми – ведь древность двенадцать месяцев

---

[1] μήν – (др.-греч.) месяц как период времени.
[2] μήνη – (др.-греч.) луна, месяц как небесное тело.
[3] Fr. 365 *FHG* I, 30.
[4] Fr. 89 *FHG* I, 57.
[5] Fr. 15 *FHG* I, 102.
[6] Fr. 24 *FHG* I, 239.
[7] Fr. 97 *FHG* III, 427.
[8] Ср. Photius. Bibliotheca. Cod. 166.
[9] См. Index I s.v. Sosigenes.

солнечного года из тридцати дней [состоящими] всегда считала, а пять с четвертью дней в тринадцатом месяце накидывали. А год есть время, в которое бы солнце от равноденственного поворота [небесного экватора] начав [движение] от какого-либо знака, [дойдя по кругу до противоположной стороны], от противоположной стороны круга к этому же знаку отправляется.

4. Сохранялись же лунные месяцы после того, как было добавлено им два других Нумой, как мы сказали, до господства Гая Кесаря. Он же говорят, судьбой и мудростью отличаясь и астрономическим знанием других затмив, одиннадцать вставных дней к лунным месяцам добавил, этим солнечный год выведя.

5. Начало порождения – луна, так как луна близко вступала в каждую порожденную <сущность>, и каждая <сущность> этого [мира] явно же управляется ей, как Оракулы[1] говорят: «Нимфы источников, и все водные духи, и земные складки, <а также> и воздушные, и солнечные, [и] лунные, пришельцы [и] уже жильцы всей и небесной, и звездной материи, и [океанских] глубин».

Ведь так как изменяющееся тело[2] соразмерность своей тяжести вокруг Земли распространялось, необходимо было тому, что должно быть к ней близко, принимать участие в силе, почему бог, приладив лунную сферу, участвующую во всей силе действующих сфер, всему чувственному близкого наблюдателя элементов поставил. Отсюда и четырехголовой Гекату передает мистическая речь по причине четырех элементов: и огнедышащая голова коня очевидно, что к сфере огня возводится, а мычание быка – некое божественное мычание – к воздушной, острая и непостоянная же природа водяной змеи – к водной [сфере], а карающей и мстящей собаки – к земле, откуда и Кербером {Κέρβερον} ее, как если бы «плотоядной» {κρεωβόρον} поэты называют. Итак, так как луна сама четырьмя элементами управляет, древние естественно одновременно и тому, и другому светилам посвящали начало года[3].

6. Праздники посева, называемые у римлян «Сементива» {Σημεντῖβαι}, то есть, «удобные для посева», не получая в удел определенного дня, так как не благоприятно всякое время для начала посева, ведь или рано из-за обилия дождей, или поздно из-за [их] отсрочки становится, растягивались же на два дня, но не по порядку, а когда в середине находились семь: и в первый совершали жертвоприношения Деметре, каковая Земля, принимающей злаки; затем после седьмого

[1] Orac. Chald. 10; Oracula Sibyllina III, 168.

[2] Т.е., луна.

[3] Т.е., солнцу и луне.

дня – Коре, наблюдательнице плодов, потому что всякое семя на седьмой день прорастает, и не только семя, но из животных крылатые соблюдают условие семи дней в дополнение к трем[1] при воспроизводстве, исключая гусей и [им] подобных, [как] физики отмечают. Ведь на третий [день] начинается движение сердца, на седьмой – повсеместное кровообращение, на четырнадцатый – разделение по членам тела, на двадцать первый, когда разрывается скорлупа, – издавание звука.

7. Так как Деметра есть начало города, как если бы Земля, откуда и башненосной ее изображают. Говорится же – Кибела {Κυβέλη} от кубической {κυβικοῦ} формы Земли согласно геометрии по причине проходимости и неподвижности, даже если стоики сферической ее определяют.

8. У семян, брошенных в землю, была некая сила, которую солнце около нижнего полушария будучи, тащит по зимним тропикам. Кора – сила, держащая семена, Плутон – солнце под землей, говорится, что он похищает Кору, которую, спрятанную под Землей, ищет Деметра. Мифологизируют же, что похищение Коры <случилось> в Этне [на] Сицилии: ведь говорится, что там первое хлебное семя посажено.

9. Нума везде нечетное, но не четное число почитая, месяц тремя праздниками сформировал: ведь треножник свойствен Аполлону – и ведь есть образ монады. Поэтому и месячные праздники учредил <так>. Ведь есть три так называемых курса луны – резкий, средний и ослабевающий. Поэтому и Гекату Триодитой {Τριοδῖτιν}[2] как если бы Луной поэты называют, на три праздника месяц [Нума] разделил. Трехформенная ведь Луна, и каким образом – из изречения Оракула[3] должно узнать, говорит же он так: «И я есть многопризрачная дева, блуждающая по небу, быколицая, трехглавая, жестокая, [носящая] золотые стрелы Феба, бесчисленноискусная, [несущая] свет смертным, Илифия, [состоящая] из трех элементов, тройные знаки природы несущая». Более резко ведь, как Аристотель[4] говорит, делается путешествие при зимнем тропике, медленнее же при летнем. Равно же при равноденственном. Итак, первый праздник месяца есть называемые у римлян «Календы» {Καλένδαι}, у эллинов же – «Неомении», и «неа» {νέα} – первый [день] месяца у жителей Аттики, а «хенэ» {ἕνη} – последний. Календами же их древние называли по эллинскому значению,

---

[1] Подразумевается умножение 7*3=21 день, исходя из чего дальше дается информация о формировании тела птенца за этот период.

[2] Дословно – относящаяся к трем пересекающимся дорогам.

[3] Porphyrii de philosophia ex oraculis haurienda librorum Reliquiae (ed. G, Wolff. 151[3]); ср. oraculum у Eusebius. Praeparatio Evangelica IV.23.

[4] 377 A 24 (ed. I. Bekker).

от того, что зовет {καλεῖν} верховный жрец Сенат {βουλήν} в так называемую Калабрийскую базилику[1] и объявляет, следует ли на пятый день или по [фазе] рога луны совершать праздник Нон, от которого они середину месяца наблюдали. Так как ведь еще и ныне в месяцах лунные праздники сохраняются, – он обозначал Ноны на пятый день, согласно которым на тринадцатый [день] плюс несколько мер естествен есть приход [в точку] середины не солнечного, но лунного тела. Ведь число тринадцать состояло из первых двух квадратов – четырех и девяти, как четного, так и нечетного, имеющих стороны четную – материальную форму дуады, а нечетную – деятельную идею триады. Итак, это число, величайшее и совершеннейшее, сделано древними для наблюдения праздников. Ведь пятнадцатый [день] минус шесть мер есть середина месяца главным образом: ведь есть середина самого солнечного света. Откуда и признавали этот праздник [праздником] Зевса, каковой Солнце {Ἡλίου}, что через него и Луна {Σελήνην} освещается, согласимся. В солнечных месяцах они отмечают Ноны на седьмой день: ведь семь – число Солнца есть, как впереди сказано. Ясно ведь, что наименьший период луны из двадцати семи дней состоит и нескольких часов, а солнечного света – около тридцати, как и поворот в обратную сторону лунного тела– тринадцатый [день] есть, а середина солнечного, конечно, пятнадцатый. Итак, первый [праздник] – неомении. От них обычай у римлян сообщать о втором празднике, то есть, Нонах. Есть же в середине от неомений до Нон или четыре, или шесть [промежуточных дней], чем делается всего с самими неомениями или пять, или семь [дней до Нон]. Если кто, итак, посчитает девять дней от пятого дня, [включая] и его самого (это же прибавление у римлян Ноны {Νῶναι}[2] называется вместо «девять», столь много их есть ведь), – найдет из малого лунного [цикла] поворот обратно – середину, то есть, тринадцатый. Так и при седьмом дне с ним самим прибавляющий девять, найдет середину солнечного месяца, то есть, пятнадцатый. Всячески же несчастными Ноны считали, хоть от пятого дня, хоть от [фазы] рога луны – оставались никак не названными ни то, ни другое выражения, но после девяти дней наступала середина месяца, то есть, Иды {Εἰδούς}[3], или также по-другому – почитающиеся по причине наблюдения светил. Так как от эллинского же значения производится имя Календ, из него же взято и написание – еще ведь и ныне эллин-

[1] Ср. *Plotner S.B., Ashly T.* Topigraphical Dictionary of Ancient Rome, 142.
[2] Nonae.
[3] Idus.

скую каппу[1] у Календ {Καλένδας} пишут римляне. Должно знать, что Календы праздником Геры являлись, то есть, Луны: ведь физики, как нами сказано, говоря, что Зевс Солнце, Геру же Луной полагали и неомении ей, а Иды же, то есть, середину месяца – Зевсу, или скорее Солнцу относили, «пленилунион» {πληνιλούνιον}[2] Иды называя, как если бы полнолуние. А имя Ид {Εἰδῶν} у [светских] граждан находим введенным из-за наружности {εἴδους} Луны, а у жрецов – от некого способа жертвоприношения, который «идулис» {ἴδουλις, εἴδουλις}[3] было названо. Пятый или седьмой день после Календ Нонами провозглашали, потому что каждое из двух чисел наиболее свойственно светилам.

10. Так как несли стратеги на войнах Зевса и Солнца, и Луны, а также Гермеса и Ареса эмблемы: и Зевса же – орел, а Солнца лев, Луны же – бык, а Ареса – волк, Гермеса же змея {δράκοντα} – и ведь мог бы кто назвать жезлом глашатая знамя из-за змеи {δράκοντος}[4].

11. Так как Лабеон[5] говорит, что январь, февраль, и апрель и июнь, секстилий и сентябрь по двадцати девяти дней издревле получали, а март же и май, и квинтилий и октябрь – по тридцати одному, отсюда те, которые по двадцати девяти дней тянутся, на пятый день Ноны имеют, как лунные, а тридцати – на седьмой день, как солнечные; а что февраль намеренно туски уменьшали, так как праздникам подземных божеств со стороны священника Нумы является уступленным, и незаконно было равно небесным его почитать. Скорее же, что быть уменьшенным определенному для хтонических божеств, отсюда и из всех месяцев, содержащих нечетное число, только февраль неравный получает жребий. Число же это – материи, и поэтому двоичное число для праздника римляне устраняют: «секундум» {σεκοῦνδον}[6] его, как если бы «счастливое» по-отечески называют эвфемистически, как Эвменидами и Адрастейю, и Парок, <являющимися> согласно им не щадящих никого Мойр. От Нон же и до Ид включительно девять средних единиц наблюдают, так как наиболее близкое и свойственное число девять луне: оно ведь само себя рождает согласно Ксенократу. Не определена ведь совершенно прогрессия девятки и ассоциируется с множеством. Итак, неомении называли Календами, второе же число

[1] Буква K практически не употребляется в латинском языке, за исключением слова Kalendae.

[2] plenilunium.

[3] Idulis.

[4] Отсюда draconarii, знаменосцы.

[5] Ср. *Kahl W.* Philologus, Suppl. V. 730 sqq.

[6] secundum – (лат.) второе, также имеет значение «успех, удача».

месяца – за четыре или или шесть дней до Нон говорится, (пусть же будет образцом, как когда бы пятидневными были бы Ноны), третий же – за три дня до Нон, четвертый – за один день до Нон, для того чтобы оградиться от двойки, пятый – Нонами, шестой – за восемь дней до Ид, седьмой – за семь дней до Ид, восьмой – за шесть дней до Ид, девятый – за пять дней до Ид, десятый – за четыре дня до Ид, 11-й – за три дня до Ид, 12-й – за один день до Ид, 13-й – Иды; 14-й, если Ноны были пятидневными и, действительно, дней 30, за 18 дней до Календ наступающего месяца, если же пятидневные Ноны и, действительно, дней 31, – за 19 дней до Календ сходным образом. Если же Ноны были семидневными и, действительно, 31 день, – 15-й и за 17 дней до Календ сходным образом. В феврале же только 14-й за 16 дней до Календ марта и последовательно с уменьшением числа до Календ, а когда же биссектум {βίσεξτον}, – 25-й и 26-й «за шесть дней» до Календ марта называли, что и сказано. Имеют же семидневные Ноны март, май, июнь <и> октябрь, пятидневные же – остальные все. Угодно было же, однако, Кесарю и после солнечного формирования месяцев лунные праздники месяцу оставить. И это, <итак> о кажущейся неправильности пятидневных и семидневных Нон имеющихся у месяцев.

12. Так биссектум {βίσεξτον}[1] называется потому, что дважды за шесть дней до Календ марта считали римляне в продолжении четырехлетия, и в этом жизнеродное число наблюдали: оно же Афродиты, надзиратель римлян же Афродита.

13. Праздновались же у древних неомении в честь Геры, она же есть Селена, Ноны же по имени <Зевса>, Иды же снова по имени <Зевса>. Называли же неомениями первый день луны и проводили празднества <на> него и римляне, и эллины, но не пренебрегалось никак у евреев, как говорит Псалом: «Трубите в неомении в трубы!»[2]

14. «Что Мне множество жертв от вас? – Говорит Господь, – Я Есмь Переполнен всесожжениями баранов и не желаю жира ягнят и крови быков и козлов, если даже не приходите показаться Мне; кто ведь изыскивает это от ваших рук? Попирать двор Мой не придете. Если принесете самую тонкую пшеничную муку, тщетно: фимиам – мерзость Мне есть. Новолуния ваши и субботы, и избранный великий день Я не переношу: посты и отдых, и новолуния ваши, и праздники ваши Ненавидит Душа Моя: вы стали Мне отвратительны»[3].

15. Ничего же тяжелого в том, чтобы из сказанного древними вкраце рассказать, что, когда, следовательно, происходят неомении и

---

[1] bissextum.
[2] Septuaginta *Psalmus* 80(81):3.
[3] Septuaginta *Esaias* 1.11-14.

из-за чего у всех является почитаемым могущество неомений, если сказать по правде, наблюдаемое в природе вещей. И свидетель этого – Антигон, утверждающий, что муравьи в неомении отдыхают: невозможно, итак, чтобы муравей в неомении работал, как и Архелай говорит. И почтенно неомений, как мы сказали, имя, как причины возобновления всего чувственного: так как ведь в воспринимаемом чувством все в рост и упадок приходит, некой такой Демиургом устроена природа луны, содержащая все чувственное. И это ясно из природы вод и животных в них, а также и из соков в нас: ведь при увеличении луны все под ней растет. Затем при конъюнкции прекращает и в самом себе ограничивается. И ибис же, и длиннохвостая обезьяна-кекропс {κέκρωπα} поэтому египтянами удостаивались почитания: оба животных ведь луне симпатически были уподоблявшимися: ибис и своим обликом похож, будучи темным в конечных частях, белым же посередине, подобно тому как небесный месяц; когда ведь небо безлунное, даже ибисы не видят, а закрывают свои глаза и без пищи мужественно переносят, родственный элемент ожидая. Кекропс {κέκρωψ} же более явные имеет действия: когда ведь увеличивается свет луны, зрачок глаз ее расширяется, а когда уменьшается – окружность глаз сужается. Говорят же некоторые, <одним> из которых является и Деркил[1], что рождается в реке Гидаспе камень, называемый «лихнис» {λυχνίς}: он, при увеличении луны, звук мелодии издает. Но, действительно, и в реке Арарис Кельтики, а скорее же <Эсаре> Сибариса, рождается рыба («клупеа» {κλουπέαν} же ее зовут местные жители). Говорят, что она, при увеличении луны белеет, но снова чернеет, когда ее свет уменьшается. Рассказывает же это Каллисфен[2] Сибарит <в 13 книге «Галатик»>. Но и Архелай[3] говорит, что печень мышей имеет пятнадцать долей, которые не все вместе появляются, но каждая – на лунный день: приходя из небытия, прибавляются от неомений до полнолуния; снова же от полнолуния одна за другой каждый день уничтожаясь, все доли до неомений исчезают и снова от вышеупомянутых начинают появляться в согласии с периодом луны и числом ее дней – и они появляются и исчезают, и увеличиваются и уменьшаются. А этот историк говорит, что и яйца морского ежа это же испытывают.

---

[1] Fr. 11 *FHG* IV, 388.

[2] Те же самые слова о Каллисфене найдены у Pseudo-Plutarchus. De Fluviis Vl.3.

[3] Fr. 10 (ed. Westermann) Paradoxograplii Graeci I, 160.

16. Анаксимен[1], итак, решает, что круг луны в девятнадцать раз больше Земли, полный огня, как <такой же> у солнца; Ксенофан[2] же – что является пламенным облаком; стоики[3] – смесью огня и воздуха; Платон[4] – из множества огнеобразного; Анаксагор и Демокрит[5] – пылающим твердым телом, имеющим на себе равнины, и горы, и ущелья; Гераклит[6] – землей, подернутой туманом; Пифагор[7] – огнеобразным телом.

17. А о свете же в ней скажем, что Анаксимандр[8] решает, что она свой собственный свет имеет, более тусклый неким образом; а Антифон[9] говорит, что луна собственным светом светит, но закрываясь около нее при приближении солнца, он затмевается, что, очевидно, соответствует и относительно других звезд. Фалес[10] и его последователи признают у луны, что от солнца освещается; Гераклит же действительно говорит[11], что одно и то же претерпевают солнце и луна: сосудообразными ведь будучи по облику, по видимости, от испарений влаги освещаются, а солнце более яркое из-за явления, что в чистом воздухе <находится>. Речь же Эратосфена[12], что луна удалена от Земли на 10078 стадий, а солнце – на 80400. Луна ведь, занимая седьмой пояс, ближе других звезд расположена, отсюда говорят, что она даже не является сгустком несмешанного эфира подобно другим звездам, а смесью эфирообразной и воздухообразной субстанций. Ведь то, что у нее является черным, которое некоторые зовут «лицом» {πρόσωπόν}, ничто иное есть, чем перемешанный воздух. Он по природе черным будучи, до нее простирается. Это же не достойно быть рассмотренным.

18. Неомении у древних называются главой месяца. Десять же выводят обликов луны, из которых состоит тридцатидневный цикл, они же есть: конъюнкция, восход, форма месяца, рог, серп <и> полная, снова рог, снова серп, снова форма месяца, <и> снова <конъюнкция>.

---

[1] Не Анаксимен, но Анаксимандр согласно *Diels*. Doxographi Graeci 355[a] note.

[2] Doxographi Graeci 356[a] note 4; fr. 58 (ed. O. Heinze, 151).

[3] Doxographi Graeci 356[a] note 5.

[4] Ibid., note 6.

[5] Ibid., note 9.

[6] Ibid., note 13.

[7] Doxographi Graeci 357[a] note 14.

[8] Ibid., note 1.

[9] Ibid., note 4.

[10] Ibid., 358[a] note 5.

[11] Ibid., 359[a] note 6.

[12] Ibid., 362[a] note 3.

Другие же решают, что одиннадцать обликов: ведь после конъюнкции считают и рождение, когда на одну часть луна была бы удалена от солнца.

19. Поэтому Календы, как мы говорили, каковые – неомении, почитают римляне, после них же последовательно Ноны, и третьими по порядку Иды: трехформенная ведь власть Гекаты, или Селены: ведь что Аполлон в отношении солнца, то Геката в отношении луны.

20. Так, число триаконтады наиболее природным является. Ведь что в отношении монад триада, то в отношении декад триаконтада, потому что и цикл месяца состоит из четырех квадратов, последовательно от монады: 1, 4, 9, 16[1]. Отсюда недалеко от цели Гераклит «рождением» {γενεάν} месяц называет.

21. После Календ же мы находим, что время многими способами разделенным: на эон {αἴωνα}, на время {χρόνον} <и> на год {ἐνιαυτόν}. Эон же есть – некий неопределенный оборот небесных тел или самого всего небесного свода полный круговорот; время же – неопределенная протяженность из эона. Поэтому и Кронос {Κρόνος} – дитя Урана {Οὐρανοῦ} называется: ведь время {χρόνος} из движений неба {οὐρανοῦ} происходит. Так что период времени {καιρός} есть образец времени {χρόνου}, а не само время {χρόνος}.

22. Так, самый большой оборот отличается от полного периода тем, что оборот от одного и того же знака к такому же знаку по длине, ширине и глубине делается, а полный период совершается по замыканию границ. Ведь древние говорят, что три периода всех планет есть, самый длинный, самый короткий <и> средний.

23. И, <говорят>, самый длинный [период] Крона – 57 лет, Зевса же – 79, а Ареса, действительно 66, откуда такое количество тысяч мужей привел себе Цезарь, как <будучи> и в этих материях наиопытнейшим, и естественно и в гражданской, и в других войнах господствовал. Гелиоса же 120, из-за чего, очевидно, невозможно человеку на протяжении стольких лет жить. Афродиты же 82, и Селены – 108.

24. Так, при Диоклетиане вся военная сила римлян была 89734 человек, морские же силы, в пригодных местностях стоящие на якоре и на реках, и <на> море, – 45562. Так что в соответствии с этим числом великий Константин в Восточном царстве войско устроил, чтобы дополнительные столькие десятки тысяч войска прибавить Римскому государству. Так, Диоклетиан первым после Домициана господином и царем {δεσπότης καὶ βασιλεὺς} римлян назван, камнями вместо лавра голову и ноги камешками украсив[2], как говорит Евтропий[1]. До-

[1] Имеется в виду, что сумма квадратов равна 30: 1+4+9+16=30.

[2] Ср. De mag. I.4.

мициана господином {δεσπότην} называли, но не царем {βασιλέα} по причине его тирании[2].

25. Наиболее короткий же [период] Крона – <тридцать> [лет], Зевса – двенадцать [лет], Ареса – пятнадцать [лет], из-за чего и цикл так называемого «распределения» {ἐπινεμήσεως}[3] римляне по этому числу установили; Гелиоса – девятнадцать, Афродиты – восемь, Гермеса – двадцать, и Селены двадцать пять.

26. Средний же [период] Крона – сорок три с половиной [года], Зевса – <сорок пять с половиной> [лет], Ареса также сорок с половиной [лет], Гелиоса – шестьдесят девять с половиной [лет], Афродиты – сорок пять [лет], <и> Селены – шестьдесят шесть с половиной [лет].

27. И таковы наиболее длинный, и наиболее короткий, и средний периоды, полные обороты планет таким образом: Крон совершает оборот за 265 лет, Зевс – 425 [лет], Арес – 294 [года], Гелиос – 1461 [год], Афродита – 1151 [год], Гермес – 480 [лет], <и> Селена – 25.

28. Оборот Вселенной происходит же за один милион три тысячи двести семьдесят пять лет, и тогда конъюнкция всех звезд происходит в тридцатой степени Рака или первой Льва: и при Раке случилось бы наводнение, а при Льве пожар, но не всеобщий по стоикам[4], а совершенно частичный: вышеупомянутым ведь кажется, что все чувственное таковым привлекается состоянием и причину удостаивают дать этому. Ведь говорят же, что вселенная <в течение> неопределенного времени или пожарам светил в небе высушивается, или наводнениями вод затопляется и распадается от растекающейся влаги и уничтожается, и покрытия лишается. Необходимо поэтому к каждой из двух вещей приспосабливаться предусмотрительности и справедливости земледельца: когда огнем в глубине природы вызывать теплоту, когда же орошать водой сухость одинокой земли.

29. Так греки от 25 декабря начало года делали, или <зимний> тропик, а римляне же через восемь дней на первое января: греки наблюдали сам поворот, а римляне тень солнечных часов, когда сокращение начинается: ведь до восьмого [дня] не воспринимается уменьшение тени.

30. Так, из-за рождения двойственным стало движение небесных тел: если ведь простое было круговращение, его неподвижное небо делало бы, все содержа в себе и вращая, ничто бы от него не происходило. Что ведь от простого движения другое бы могло совершить-

---

[1] Breviarium Romanae Historiae. IX.26.

[2] О василевсе и тиране см. De mag. I.3.

[3] Имеются в виду индикты, см. III.35, 36.

[4] Doxographi Graeci 468a 8 sqq.

ся, кроме этого? А так как рождаются в противоположном направлении многие и различные [движения] [к] одному круговращению, все рождение в то же время происходит от них. Таким образом ведь Аристотель во второй [книге] «О рождении и гибели» говорит[1]: «Когда одно существует движение, не позволено, чтобы были оба, – рождение и гибель, – по причине того, что противоположными являются: ведь оно таким же самым образом и удерживаясь вечно то же расположено делать; так что, или рождение есть вечное, или гибель. Должно же, чтобы движения были многие и противоположные или по движению, или по беспорядочности: ведь от противоположного противоположные причины, поэтому не главное движение является причиной рождения и гибели, но то, которое по косвенному кругу: в нем ведь и постоянство содержится, и перемещение двух движений».

31. Так, неподвижное небо, целиком простым со стороны Вселенной вне всего, согласно Оракулу, сделано; все удерживая и вращая, все движет и уделяет себя всему, и наиболее быстрое есть из всех движений и, вечно таким же самым образом удерживается, и существование всему чувственному дает, никакого изменения и разнообразия не получив в удел.

32. Так как год как бога почитали, ясно, что от него царский город лидийцев. «Сардин» {Σάρδιν} ведь его и «Ксуарин» {Ξυάριν} Ксанф[2] называет, если же кто-то имя «Сардин» как числа посчитает, найдет сумму 365 единиц[3]: как и отсюда становится ясно, в честь солнца – так как столькими дней год собирает – город назван Сардис {Σάρδιν}[4]. А новый год еще и сейчас называть «новый сардин» {νέον... σάρδιν} массами согласовано: есть же те, которые говорят, что на древнем наречии лидийцев год называется «сардин».

33. Так как Пана {Πᾶνα} как природу всей Вселенной {τοῦ παντός} берут лидийцы – несколько рогатого от луны, с огненным взглядом от эфира, косматого телом от земли, а остальные части более низкой природы из-за невероятного разнообразия материи.

34. Что было два Пана, говорят. Некоторые же говорят, что Пан {Πᾶνα} от Крона и Реи рожден, вместо – из разума и влажной субстанции, как если бы бесконечность материи, что именно – Вселенная {τό πᾶν}.

---

[1] 336A, 26-30 (ed. I. Bekker).

[2] Fr. 14 addendum *FHG* IV, 629.

[3] Имеется в виду числовое обозначение греческих букв: σ=200, α=1, ρ=100, δ=4, ι=10, ν=50, – их сумма соответственно равна 200+1+100+4+10+50=365 дней.

[4] Σάρδεις, Σάρδιες, Σάρδις – Сарды.

35. Двенадцать месяцев существует у всех других народов, [но] по-разному называются. И у афинян ведь так: Элафеболион {Ἐλαφηβολιών}, Мунихион {Μουνυχιών}, Фаргелион {Θαργηλιών}, Скирофорион {Σκιροφοριών}, Гекатомбион {Ἑκατομβαιών}, Метагитнион {Μεταγειτνιων}, Боэдромион {Βοηδρομιών}, Пианопсион {Πυανοψιών}, Мемактерион {Μαιμακτηριών}, Посидеон {Ποσειδεών}, Гамелион {Γαμηλιών}, Анфестерион {Ἀνθεστηριών}; у эллинов[1] же так: Горгипиэй {Γοργιπιαῖος}[2], Гиперберетей {Ὑπερβερεταῖος}, Дий {Δῖος}, Апеллей {Ἀπελλαῖος}, Авдоней {Αὐδοναῖος}, Перитий {Περίτιος}, Дистр {Δύστρος}, Ксанфик {Ξανθικός}, Артемисий {Ἀρτεμισιος}, Дэсий {Δαίσιος}, Панем {Πάνεμιος}, Лой {Λῶος}. У евреев же так: Тхебри {Θεβρί}, Мархесубан {Μαρχεσουβάν}, Хаселеф {Χασελέθ}, Тебеф {Τεβέθ}, Сафат {Σαφάτ}, Адар {Ἀδάρ}, Нисан {Νισάν}, Иар {Ἰάρ}, Сибан {Σιβάν}, Фамус {Θαμοῦς}, Ааб {Ἀάβ}, Элул {Ἐλούλ}. А у египтян так: Тот {Θώθ}, Фаофи {Φαωφί}, Атур {Ἀθύρ}, Хойак {Χοιάκ}, Тиби {Τυβί}, Мехир {Μεχίρ}, Фаменоф {Φαμενώθ}, Фармуфи {Φαρμουθί}, Пахон {Παχών}, Паюни {Παϋνί}, Эпифи {Ἐπιφί}, Месори {Μεσωρί}. У римлян же так: Септембрий {Σεπτέμβριος}, Октобрий {Ὀκτώβριος}, Ноэмбрий {Νοέμβριος}, Декембрий {Δεκέμβριος}, Януарий {Ἰανουάριος}, Февруарий {Φεβρουάριος}, Мартий {Μάρτιος}, Априллий {Ἀπρίλλιος}, Маий {Μάϊος}, Иуний {Ἰούνιος}, Иулий {Ἰούλιος}, Август {Ἀύγουστος}. Итак, такие [имена] месяцев у народов имеются.

36. Вавилоняне и египтяне начало года определяли весенним тропиком, а именно как исходную точку беря равноденствие в Овне, по причине возрастания всей чувственной природы весной. Эллины же первую часть Рака, как кто-нибудь мог сказать бы, двадцать третий [день] июня месяца началом года объявляли. Но этими и другими всеми народами одно некое соблюдалось начало года, а римлянами – три: первый – жреческий, второй же – отеческий, а третий – циклический или гражданский. И первый в январе, когда солнце вступая в Козерога производило увеличение дня; отеческим у них же назывался первый [день] месяца марта, на который еще и ныне у римлян обычай приводить в движение вооруженные силы; а гражданский или скорее циклический – первый [день] месяца сентября, его эллины «распределение» {ἐπινέμησιν}, а они «индиктион» {ἰνδικτιῶνα}[3] называют. Ведь «индиктион» римляне показание годового цикла по-отечески называют. Ведь

[1] Нижеследующие названия скорее македонян, а не «эллинов».

[2] Правильнее – Горпиэй (Горпэй).

[3] indictio – (лат.) 15-летний податной период. Одна из основных датировочных систем в Ранней Византии.

когда древность имела цикл, называемый ими «люструм» {λοῦστρον}[1] то есть, пятилетка (очищение же было, и мистерия Матери на нее совершалась), решено затем в честь Ареса (отеческий же, как говорят, бог римлян) на пятнадцатилетие возобновить цикл: ведь полный оборот Ареса дважды наблюдается, малый – [через] пятнадцать [лет], а средний – семьдесят девять. А что от предков начало года в марте римляне получили, ясно и по так называемым у них «матронам» {ματρώνας}[2], то есть, знатнорожденным [замужним] женщинам, которые пировали с челядью, подобно тому как на Кронии так делать был обычай [всем], владеющим <рабами>: за счет своего почитания Ареса эти [женщины] прислуживали мужчинам из рабов из-за более сильной природы; [мужчины] же для предотвращения несчастья, как <если> почитание выводя Крону, своим рабам прислуживали, каковым образом переносили некое возмездие не по-настоящему, чтобы в рабство врагам не попасть.

37. «Распределением» {ἐπινέμησιν} же это греки по <таким> вещам называли. Ведь при вступлении в Весы солнце показывает приготовление плодов. В соответствии с этим же человеколюбиво древние налоги подданным распределяли, чтобы облагаемые налогом не казались нечестиво отягощенными. Естественно, итак, это «распределением» {ἐπινέμησιν}, как если бы «некое разделение податей», называли. Не было ведь ни жестким взимание налогов, ни чем-то фиксированным или скорее возрастающим мало-помалу, но в соответствии с возникающей необходимостью правителями делалось, <и> поэтому и «приказаниями» {ἐπιτάγματα} еще и нынче азиаты налоги называют; отсюда, так как в мире пребывали в течение длительного времени, и в будущем налоги прощались плательщикам, такие удивительные вещи сохранялись в городах: бани, имею в виду, и рынки, и водопроводы, – бесконечное счастье жителей провозглашающие.

ИОАНН ЛИД. О НЕБЕСНЫХ ЗНАМЕНИЯХ (DE OSTENSIS)
Введение

М.М. Синица (Белгород)

1. Ученые из евреев о предзнаменовании речь двояким образом разделяют, на приметы и знамения; и решают, что приметы с небесными телами соединены, а знамения же на земле как бы против приро-

---

[1] lustrum – (лат.) искупительная жертва, очистительное жертвоприношение, пятилетие, податной или финансовый период.

[2] matrona.

ды являются, каковое вышеупомянутое в называемом евреями «Исходе» сообщается об этом при Моисее: «и увидел, что терновник горит, а терновник же не сжигается» (Exod. 3, 2), – и опять: «бросил Моисей посох на землю и сделалась змея» (Exod. 4, 3), – и опять: «положил Моисей руку за пазуху, и стала рука как будто бы снег» (Exod. 4, 6), – потом опять: «и сказал Бог Моисею: «Возьми воды из реки на сушу, и станет она кровью» (Exod. 4, 9), – и потом продолжая: «И сказал Господь Моисею: если скажет Фараон вам слова: «Дайте примету или знамение», – возьми посох свой и кинь на землю, и станет змеей» (Exod. 7, 8. 9). И это не единственное, но еще знамение другое, более страшное, – всей египетской воды в кровь превращение (Exod. 7, 20), а также лягушек множество (Exod. 8, 9), и так называемых древоточцев {σκνῖπες} и слепней, кого они называют собакомухами {κυνομυία} (Exod. 8, 17. 18), и домашнего скота гибель (Exod. 9, 3. 6), и пыль, исполненная язв, нарывы и саранча, – это все знамениями было бы справедливо назвать. Приметы же из верхних слоев являются, каковые вышеупомянутые излагаются в этом сочинении: «и послал Господь град на всю землю Египетскую: был, в самом деле, град и огонь пламенеющий в граде» (Exod. 9, 23. 24), – и снова: «протянул Моисей руку свою к небу, и сделалась тьма, мрак и буря по всей земле Египетской» (Exod. 10, 22).

Такие, итак, у евреев о приметах слова. По ним, полагаю, и другие народы, которые называют знаменья Зевса {διοσημείας}, я бы узнал знаки: Зевсом ведь воздух согласно физикам называется, потому что зарождающий жизнь есть, так что знаменья Зевса – воздуха примета, совершенно как ясным {*досл.* благо Зевса εὔδιον} спокойный и тихий называют образ. Не следует, итак, из-за названий волнующихся к более простым соскакивать в учении: «дам», ведь говорят, «приметы на небе вверху и знамения на земле внизу: кровь и огонь, и дымный чад; Солнце превратится во тьму, а луна в кровь» (Joel. 3, 3. 4, Act. ap. II. 19, 20)...[1]

...что делать возвещающие. [Итак, мно]гие предположения и я ранее делал, и науки единс[твенные о н]их у древних написанные признавал. После того [же как опыт это]го их истинность показал: и произошедший [кометы ран]ее восход (конной же была названа вследствие обли[ка) и чере]з это символизировал находящихся во власти злого демона персов на[падение, д]о Оронта частей происходившее[2], как и самое быстрое отступление берущее (явив ведь, в самом деле, и сильнейшего василевса победу), – ими и будущее государственных

[1] Пробел в рукописи.

[2] 540 г.

дел, если [по ним] свидетельства записать об этом, выведено может быть; и перед своей памятью это полезным делом считаю, а вместе с тем и нелепым, и полным зависти полагаю, что такие большие труды древних времен в преданиях об этом отвержены и все время скрытыми остаются.

2. Гармодий же был, считаю, тем, кто об этом написать хотел, и откуда занятие об этом нача[лось, гово]рят, и откуда взялись отправные точки, и как к ним при[шли], что и самих, если позволено сказать, египтян превзошли. Их [ведь, очевидно, после] Зороастра множество, когда Петосирис по видам в роде распределил, многое согласно ему передаваться вынуждено; но не всем передается так, а только тем, согласно ему, какие же лучше [из них] и к догадкам более способны. Антигон же после вышеупомянутого разобрал и разделил предание, но из-за частоты [в науке о звездах знаков] отклонился к бесчисленной тягости [и неясности всяческой и]сполнено в сочинении изложенное. Ведь Аристотелю сказанное наиболее знакомо. Гелиодор же и Асклатион, и еще Одапс Фив[анец и Эгиец] Поллес, а также божественнейший перед ними Птолемей до сих пор не были в состоянии из всех дел неясность древности изгнать, однако, по крайней мере, сильно и это сделать старались. После того у нас же, среди италийцев, имею в виду, Тагес, служащий началом дела появился, так что, следуя его речам, воспользуемся более их образом мысли: ведь вышеупомянутое, в более древних наименованиях составленное, есть почти не постигаемо и не очень ясное. [Мы будем пользоваться и] остальными: и Тархонтом, предсказывающим по дыму сжигаемых жертв, и Тарквитом [священным, и Ка]питоном жрецом, так чтобы из каждым из них сказан[ного изящную] какую-нибудь сплести дела гармонию. Нужно, [итак], рассказать сперва, и кто Тагес такой, и кто остальн[ые, и каким образом] в буквах утверждено, господствуя в хра[мах, так]ое.

3. Тархон, таково его имя, б[ыл] мужем, предсказывающим по дыму сжигаемых жертв, как он в сочинении сообщил, одним из у Тиррена Лидийца научавшихся. И ведь, в самом деле, туск[ов буква]ми это обнаруживается в те времена, когда вышеупомянутые места Эвандр Аркадец еще не открыл. Был же некий иной букв облик, и совсем не распространенный у нас: действительно ведь, из тайного и необходимого ничего бы не осталось до настоящего времени скрытое. Говорит, итак, Тархон в сочинении, который именно Тагесом был, как некоторые догадываются, после того как там по некой диалогической беседе спрашивает, очевидно, Тархон, но отвечает Тагес как пребывающий всякий раз в святости, – как [случаем] предопределено ему, в некоторые времена возделывающему нечто удивительное, о каком никто и не слышал, чтобы в каком-либо времени возникало; исторгну-

то ведь <из> борозды дитя, только что рожденному подобное, но по зубам же и другим признакам в цветущем возрасте, ни в чем не нуждающемся. Было же, в самом деле, дитя Тагесом, который, очевидно, подземным Г[ермесом] является, как эллинами полагалось, как также где-то Прокл Диадох говорит. Это же иносказательно согласно жреческому скрыто закону, так как не открыто о более божественных вещах слово из-за непосвященных, но сейчас мифически, сейчас же отважно передается. Вместо того, чтобы говорить, что душа наисовершенная и из собственных энергий самодостаточно к материи идет, – плод новорожденный из борозды исторгается, говорится. Тархон же старший (а родился, конечно, младший, во времена, когда Эней вел войны), – дитя взяв и в священных местах оставив, считал его достойным что-то из [того], что запретно, изучать. Книгу из вопросов вопрошавшего о судьбе записал, в ней спрашивает Тархон на италийском так привычном языке, а отвечает же Тагес, в буквах и древних и не очень знакомых нам, по крайней мере, оставляя ответы. Но кроме, как мне было возможно, и из тусков и из других, которые это толковали: и из Капитона, говорю, и из Фонтея, и из Апулея, и из Виккелия, а также и из Лабеона, и из Фигула, и из Плиния Физика, – буду пытаться вам рассказывать.

4. Стремление же есть для нас – говорить как о солнечных так и лунных затмениях (так уменьшение светового падения вышеупомянутые называют), а также кометах и согласно им раздорах, как бороздах так и перемещениях звезд, как молниях так громах и громовых ударах, а также других воздушных предзнаменованиях, и наконец, конечно, о землетрясениях и пожарах, и из них предсказаниях, – не как физических причинах или что об этом говорят исследования (пусть ведь, в самом деле, философам это будет предоставлено), но если как и какие из этих подлинно небесных знамений {διοσημειῶν} будущего могут раньше научить исходу. Есть ведь из многоученейших историй взято, что и солнца во множестве и, соответственно этому, луны являлись, возникнув из преломления этого. Поэтому не над солнцем или луной, но из стороны так называемого антидиска {ἀντιδίσκωσιν} наблюдать условлено, или восходящих их, или заходящих. Василевсов же это могущественных друг против друга восстающих обозначает, как из нашествия Камбиза на египтян можно взять, или в перевороте при Нероне, согласно чему у иудеев пребывающий Веспасиан к римской власти вознесся, против чего на западе же Вителлий, и Гальба, и Отон с другой стороны восстали. Апулей же, о таковом пишущий, что под властью Клавдия Кесаря три солнца были видимы, говорит; подобно и

луны такие же при Гае Аннии и <Гнее> Домиции консулах. Чем прямо явлено как галлами, так и сарматами римлян опустошение: а...[1]

...ить.

Час[то же и огненная звезда щита, подражая обр]азу с востока н[а] запад, ис[кры высылая пробе]гает, парфян [наше]ствие про[рицая. И это из первообразных центров, вос[тока имею в виду и запада, мож]но взять; по крайней мере же с сев[ера] и ю[га еще нашествия варва]ров та[к нам не пред]вещались, н[о более насильственными порывами ветров. И если] с севера падающая звезда вылетает и борозды огня в воздухе создает, г[ромове]ржные, гово[рится, знамения, что скопл]ение воздуха и [северный ветер] более насильственный поднимают, из противоположной стороны стремясь южный ветер приводит. Ведь когда ду[нове]ния ветров из самых отдаленных частей неба поднимаются и воздух сперва ударяют, и ни одно тело, удар не отражает, естественно есть, что от звезд этих искры отделяются.

5. Подобным образом есть, что другие звезды обнаруживаются, когда на земле, когда же в море, за счет собственных энергий появляясь; ведь и на военные копья часто наблюдали садящихся, и на мачты кораблей, и в других же частях, некий гудящий свист производящих, и наподобие птиц с места на место перемещающихся, как бы для того, чтобы утопить его. Откуда в более сухие части корабля попадают, от которых естественным образом более скорое происходит воспламенение. Таковой же вид, или состояние, моря плавающие Еленой называют. Но и тогда также провидение проявляется: ведь две звезды немедленно поражают такое стремление, которых Кастор и Полидевк называют, они тотчас к бегству называемую <Еленой> гонят.

Из историй же также нелишне у нас о том рассказать, как в головах людей часто знамения {διοσημεῖα} рождались, как Аскания и Севрия Туллия царей, так и Константина, который великий этот устроил город. Ими всеми государства отсюда предсказывалось могущество, подлинно, не мирно и не спокойно, но бесчисленных гру[зом бед]ствий, и самими же упомянутыми, и теми, которые будут от них, [и] еще более сильными [же], чем упомянутые, из-за ко[торых более худшей] участью про[тив] ца[рств]ующих подд[анные] п[ользуются. Ас]каний ведь в А[льбе] маче[ху]... ...ил[2], она же преобра[зовалась относительно] троянского...[3] и назва[нием] же...[4] [...Т]улл таким образом войнами [город] напо[лнил, ч]то не[воз]можно было Нумой

[1] Пробел в рукописи.

[2] Пробел в рукописи.

[3] Пробел в рукописи.

[4] Пробел в рукописи.

ус[тр]оенным м[ир]ом римлянам насл[аждаться]. О Константине же говорить пространные речи не необходи[мо], так как [в кн]и[гах] воспоминаниями, касающимися его, уд[алось] овлад[еть вам].

6. Часто же и [и]скра малая, что из метеорит[ов па]д[ае]т, кажется на земле, затем от приращения [к ци]к[лу какому]-либо луны, подобием [видимым] закругления. Это, какое именно недавно появилось, и изменами неумеренными и явлениями предсказывает опасность.

И дождей же чудовищные предзнаменования {διοσημείας} в истории находим. При Ацелии Марке и Порции консулах молоко сперва, затем же кровь выпадала, говорят. И мясо необыкновенно вместо дождя в продолжение Волумния падало консульства и оставалось [т]ак: и ведь ни животное или крылатое, или нечто из одушевленного голодая не коснулось бы вышеуказанного тела. Текло же железо в Левкании вместо дождя, когда Красс против персов [двинулся в похо]д. Когда Марцелл же консула власть оканчивал, шерсть выпадала, говорят, около укрепления Капса, при Милоне: его убийство предвещалось, когда землей управлял. Падали же кирпичи часто обожженные и пыль, совершенно как при Зеноне у нас.

Оружия же и труб от неба происходящим различно считался звук, который именно, говорится, соотносился с кимвров набегом, а также, когда соплеменными вышеупомянутым несчастиями римлян приводили в замешательство.

Есть же соответственно этому полагаемо и когда неба воспламенение происходит, подобно тому как у нас шесть лет ранее Анастасия [кончины][1], когда такое солнца случилось затмение, что [в середине дня и наиболее неосвещен]ные из звезд показались, проносящиеся по воздуху подобно тем, которые в середине ночи па[дали]. Потом в следующую ночь огонь воспламенился, так что искрами воздух стал насыщен. Показан таким образом народ восставший правящему, а в Мисии же произведение военного похода, должного случиться от Виталиана руки[2]: сам же городов стены укреплявший в течение малого времени пришел к управлению государственными делами. И в самом деле, наконец, в степени самого позорного варваров сделанного набега предоставил царскую власть почти добровольно Анастасий, и злое же исполнилось все, каковое у знающих говорили тщательные исследования.

7. И ничего удивительного, если предвидят люди будущее, когда сама природа проявляет вещи. Как где-то и Анаксагор в семьдесят

[1] Т.е., 513 год.

[2] 514 г.

восьмую олимпиаду, что камень огромный из солнца выпадет, предсказал, каковое именно и исполнилось позже во Ф[ракии]; и до нынешнего времени есть камень, и от этого справедливо видом обожженным кажется. Такое же самое и в Абидосе и Кизике исполнилось, говорит Апулей: откуда еще и ныне камень есть у них огнеобразного цвета, железом запечатанный; передавалась ведь речь у кизикцев, что погибнуть от камня городу суждено. Гиппарх же шестьюстами ранее годами солнечное предвосхищал затмение. В природной истории же римлянин Плиний, что камень увидел, говорит, в Боконтии Италийской с неба упавший; так что много связи небесных предзнаменований {διοσημείαις} с земными, даже если от стоиков не полагается. Совершенно как восход небесных светил вод дождь обильный, от Козлят и Арктура же град такой совершается. О Собаки восходе же и не лишне можно бы сказать, что солнечным тревожимые жаром в бешенстве собаки, и это уничтожения их стало причиной, чтобы сами, кусая не убивали. Бурлить же имеет обыкновение и морей вода в некоторые ограниченные [периоды], люди же подлинно нервами или головой или самим ра[зумом б]олеют. Черные тополи ведь и вязы за [солнца поворотами пере]ме[нять лис]тву имеют обыкновение, (с. 8 Н.) называемые полей { *разновидность мяты*, γληχων} под самым солнца цветет поворотом. Солнцеворот {гелиотроп, ἡλιότροπος} же называемая трава [при сол]нечном поворачивается движении, поднимающемуся ему и опускающемуся соразмерно полагая облик. Относительно морских этих у[стриц, говорю], и сердцевиков {моллюск} и морских гребешков и других, никто не поспор[ит, что] увеличиваются и уменьшаются, соответственно лунным фазам, ка[к и] мышей печень, и многое другое, о чем в сочинении «О [ме]сяцах» нами рассмотрено. Кроме этого, то, что зажигания делаются, соответствует, если бы луна в недостатке от Марса была наблюдаема.

8. Как ведь само через себя земное показывающее, что случается в будущем, лишнее было бы говорить более пространно. Когда <ведь>, что потеют или плачут, бы казалось, статуи или изображения, или когда печь или очаг, со всех сторон зажаренный, заблистали бы, возмущения единоплеменные угрожали. Или если бы реки разливались из своего русла, неприятельский набег указывали. Что потение внутренностей скота нечто обозначает, никто не в неведении. Или и если бы загрязненную воду колодцы бы поднимали, против себя государство. Или и если бы коршун в театре, в котором собраны многие, бесцеремонно летал кругом, каковое на ристалище ипподрома совершаемое было нам видно в недавно прошедшем девятом индикте, во время проведения чего коршун оружие, называемое сагитта {*стрела*, σαγίτταν}, в клюве неся, над всем народом прокружив, на обелиск ее с

далеко разносящимся свистом положил. Народ же, ничего не медля, против себя же движимый, сам уничтожен, город же весь огнем разрушен, как и сама царская власть, если бы Бог не противодействовал, не далеко от опасностей приходя. Ведь об удодах и ночных воронах, и волках, и лисах, если бы в городах появлялись, найдено у древних после Поллета, и тех из них он обсуждал, более открыто излагая. Такое же, итак, относительно небесными знамениями {διοσημείαις} постановленного и Птолемеем, чему мы отваживаемся противоречить из многого малое выбирая. Надлежащее время начать объявленное, из солнечных произведений беря введение.

ЗАХАРИЯ РИТОР. ЦЕРКОВНАЯ ИСТОРИЯ III, 1

В.М. Кириллов (Белгород)

Первая глава этой книги рассказывает о событиях, которые произошли на соборе, [она] взята из Истории [человека] по имени Захария, который начал по-гречески писать Евпраксию следующим образом

Так как приятно тебе и желаемо тобой, христолюбивый Евпраксий, живущий в царском дворце и служащий царям, узнать, что случилось во время царствования Маркиана в святой Церкви Божией, и, в правильной последовательности, кто был кем: кто был епископом в Александрии, и Риме, и Константинополе, и Антиохии, и Иерусалиме с момента Собора в Халкидоне – Собора, который, очевидно, был созван по делу Евтихия, включившего [в своё учение] и расширившего ересь Нестория; [он] потряс весь мир; и добавил зло ко злу; и сопоставил две ереси, одну с другой; и наполнил мир разделением[1]; и привёл в смущение веру, данную апостолами и хорошо упорядоченную Церковью; и разорвал на десять тысяч клочков прекрасную Ризу Христа, сотканную из наилучшего во всём; поэтому мы, предавая анафеме те две ереси и каждого нечестивого учителя доктрины, искажённой и противной Церкви Божией и ортодоксальной вере трёх святых Соборов, которые искусно утвердили истинное учение, должны, с этой целью, использовать эту историю, за которую ты убедил нас взяться.

После смерти святого Кирилла Александрийского, который повёл борьбу со многими искажёнными учениями и обличил их, Диоскор получил престол в качестве его преемника; и он был миролюбивым

[1] Имеется в виду долгое противостояние между монофизитами и сторонниками ортодоксального учения.

человеком, но также борцом[1], несмотря на то, что он не имел таких же проворства и смелости как Кирилл.

В то время Феодорит и Ива, которые вместе с Флавианом Константинопольским и Евсевием были смещены вторым Собором в Эфесе, сошедшемся там по делу Евтихия и Флавиана – Феодорит Кирский, потому что он написал двенадцать осуждений на Главы Кирилла против Нестория; и Ива из Эдессы, потому что он написал письмо Марию Нисибийскому[2], поносящее Кирилла – оба одинаково поддерживали учение Феодора[3] и Диодора[4]. И Феодорит пошёл ко Льву Римскому и проинформировал его о всех этих делах; и, с даром, который ослепляет душевные очи, он снискал лучшее для него. После чего Лев составил то письмо, которое называлось Томос, и которое, очевидно, было написано Флавиану против евтихианизма. Но Лев, также, написал царю Маркиану и его жене Пульхерии, и горячо хвалил Феодорита перед ними. Этот Маркиан покровительствовал учению Нестория и был хорошо расположен к нему; и поэтому он послал Иоанна Трибуна вернуть Нестория из его места изгнания в Оазисе, и, также, вернуть Дорофея – епископа, который был с ним. В то время, как он давал ответ, он [сказал, что] ставит в ничто[5] святую Деву, Θεοτόκος, и сказал: «Что есть Мария? Почему она действительно должна быть названа Θεοτόκος?» И праведный суд Бога быстро настиг его (как было прежде с Арием, который хулил Сына Божия). Таким образом, он упал со своего мула, и язык этого Нестория замолчал, и его рот был съеден червями, и он умер на дороге. И его сподвижник Дорофей тоже умер. И царь, услышав об этом, сильно опечалился, и он размышлял о том, что произошло, и он пребывал в сомнении, [не зная,] что ему делать.

Тем не менее, письменные указания царя Маркиана были доставлены Иоанном Трибуном к Диоскору и Ювеналию, призывая их встретиться на Соборе, и Иоанн также поставил их в известность, что случилось с Несторием и Дорофеем.

И, когда епископы со всех мест, кто был вызван, были готовы собраться в Никее, Провидение не позволило им это сделать, ибо царь издал новый указ, где говорилось, что сбор должен быть осуществлён в Халкидоне, так что Никея не могла быть местом встречи протестующих.

---

[1] Ближайшим по смыслу здесь можно привести слово αγωνιστές, которое будет обозначать борца против ересей и лжеучений за христианские догматы.

[2] Под этим именем в сочинении обозначается Марий Перс.

[3] Т.е., Феодора Мопсуэтийского.

[4] Т.е., Диодора из Тарса.

[5] Слово в оригинальном тексте испорчено (Hamilton and Brooks).

Тогда несториане настоятельно призвали и попросили царя, чтобы Феодорит был назначен руководителем Собора, и чтобы в соответствии с его словами решалось там каждое дело. И, когда они собрались в Халкидоне, Феодорит смело вошёл и жил там как уважаемый епископ; он, кто незадолго до этого был изгнан от священства посредством их стараний. И Диоскор с епископами были раздосадованы и взволнованы надменной наглостью, которую явил этот человек, но они не могли положить этому конец из-за царской власти, хоть они и видели, что каноны были презираемы им, а также Ивой, с помощью римских легатов Льва, которые способствовали и содействовали им.

И когда Диоскор на Соборе провозгласил учение о вере, и с ним Ювеналий, и Талассий Каппадокийский, и Анатолий, и Амфилохий Сидский, и Евсевий Анкирский, и Евстафий Беритский, тогда, словно чудом, Евсевий Дорилейский также согласился с ним; ибо они увидели, что несторианская доктрина двух природ была подтверждена и установлена там благодаря сотрудничеству Иоанна Германикийского, который яростно спорил в ходе дискуссий со стороной, представители которой сказали: «Для нас правильно признавать Христа после его воплощения как одну Природу из двух, соответственно вере остальных Отцов, и не вводить какие-либо новшества или добавлять что-либо к вере».

Иоанн Германикийский и остальные несториане во главе с Феодоритом добились отстранения Диоскора[1] по той причине, что он сказал: «Для нас правильно – верить, что Христос воплотился *от* двух природ; и мы не должны признавать две природы после союза подобно Несторию».

И тогда Анатолий, епископ столичного города, выкрикнул слова следующего содержания: «Не из-за веры смещён Диоскор, но он низложен из-за отказа держаться одного вероисповедания с моим господином епископом Львом».

И, после протестов многих участников Собора и после того, как сказанное было записано в Деяниях этого Собора, епископы, наконец, должны были определить Господа нашего Иисуса Христа как состоящего из двух природ. И они похвалили Томос Льва, и они назвали ортодоксальное определение, которое гласит: «Есть два Лица и две Природы, с их свойствами и их действиями». И далее они были вынуждены подписаться под обязательством; те самые священники, которые не так давно, во дни блаженного Феодосия, были собраны на Втором Совете в Эфесе, долго выкрикивали: «Если кто-либо должен сказать "Два

[1] Диоскор был лишён права голоса.

естества в двух" – пусть поднимется силенциарий![1]» И, когда они передали это Диоскору через Иоанна, главного силенциария, и попросили его дать на это согласие и подписать, и обещали поддержать его престол, он мужественно ответил: «Скорее Диоскор увидит отрезанной свою собственную руку и падающую на бумагу кровь, чем сделает такое». После чего он был отправлен в изгнание в Гангру, потому что несториане огласили, что его убеждения были такими же, как у Евтихия. И, я думаю, правильно, опуская многие его изречения, и другое, что он написал Домну Антиохийскому и Собору в Халкидоне, свидетельствующее о вере человека, что его вера была похожа на веру Афанасия, и Кирилла, и других докторов; и, я думаю, правильно, (как уже сказал,) сделать письменную выдержку из того, что он писал из места своего изгнания Секундию в следующих словах: «Опуская многие неотложные вопросы, я объявляю, что не человек должен говорить, что святая плоть, которую Господь наш взял от Девы Марии через Действие Святого Духа и путём, который Он Сам знает, была отличной от нашей и чуждой нашим телам. И, действительно, поскольку это так, те, кто утверждает, что Христос не воплотился для нас, лгут на Павла. Ибо он сказал: «Не от Ангелов Он выбрал (природу), но из семени Дома Авраамова»; и, как, Писание учит нас, этим семенам Мария была не чужда. И снова: «Верно, что во всём Он должен быть подобным Его братьям»; и что слова «во всём» делают невозможным отсутствие никакой части нашей природы: поскольку нервы, и волосы, и кости, и вены, и живот, и сердце, и почки, и печень, и лёгкие, короче говоря, всё то, что принадлежит нашей природе – плоть, которая родилась от Марии, была согласна с душой нашего Искупителя, той разумной и умной душой без человеческого семени, наслаждением и сосуществованием в мире.

Ибо, если, как думают еретики, это не так, как Он назвался «нашим братом»[2], используя отличное от нашего тело? И как, опять же, верно, что Он сказал Своему Отцу: «Я объявлю Твоё имя моим братьям»? Давайте же не будем отвергать, не станем презирать тех, кто мыслит таким образом. Ибо Он походил на нас, был для нас и с нами не в воображении, не в простом лишь подобии, в соответствии с ересью манихеев, а в фактической реальности, от Марии, Θεοτόκος. Он пришёл к нам снова, чтобы успокоить неутешных и восстановить сосуд, который был разбит. И, действительно, Он признан как Иммаңуил; ибо Он стал бедняком для нас, согласно изречению Павла, «что

---

[1] В этом месте текст оригинала испорчен, вероятен следующий перевод: «Надвое того человека, кто скажет о двух природах!» (Hamilton and Brooks)

[2] Мф 25, 40.

мы через Его унижение можем обогатиться»[1]. Он стал по устроению подобен нам, чтобы мы, по Его любящей милости, могли быть подобны Ему. Он стал человеком, но, также, Он не уничтожил то качество своей природы, что Он – Сын Божий, чтобы мы, по благодати, могли становиться сынами Бога. Я так думаю и так верю, и, если кто-либо не думает таким же образом – он чужд вере апостолов». И, хотя этот апостольский человек был сведущ в таком исповедании от начала его жизни, всё же он был свергнут и послан в изгнание, потому что он не стал поклоняться образу с двумя лицами, который был установлен Львом и Собором в Халкидоне; и потому что он отказался говорить с Феодоритом и Ивой, которые были лишены должностей из-за их богохульства[2]. Но история гласит, что однажды он увидел Феодорита, сидящего на престоле Совета и выступающего оттуда, а не стоя внизу, создавая его защиту как полагается любому, кто был канонически отторгнут от священства; тогда он сам поднялся с трона и сел на мостовую, говоря: «Я не буду сидеть со злыми и с тщеславными я не пойду». После чего сторонники Феодорита закричали: «Он сам сверг себя». И другие епископы выкрикивали: «Наша вера погибает. Если Феодорит, который придерживается мнений Нестория, будет принят – мы отвергнем Кирилла». И тогда Василий, епископ Троянопольский сказал: «Мы сами свергли Феодорита». Кроме того, они говорят, что Амфилохия, чтобы он поставил свою подпись, бил по голове дьякон Аэций. Именно этот Аэций отправился к Феодориту ночью и сделал полную рукопись его Символа веры о двух Природах; и, когда это было принято епископами, и они согласились с ним, тогда Феодорит нагло высмеял их, говоря: «Смотрите, как я склонил их к влиянию доктрины Нестория, и они обрадовались этому!»

Но Евстафий Беритский, когда он подписывал документ, написал быстрой рукой: «Я подписал это под принуждением и не согласившись с этим». И он сильно плакал, как и другие, кто огласил согласие принудительно и подвергся лицемерному исповеданию веры, которое было сделано; потому что главные сенаторы пребывали раз за разом в дискуссиях и тщательно смотрели за процессом Собора. Кроме того, напоследок, царь пришёл туда со своей женой Пульхерией и произнёс публичное послание в церкви мученицы Евфимии в следующих словах: «С самого начала, когда мы были избраны Богом и считались достойными царствовать, среди всех забот об общественном благе нет дела, куда мы можем быть вовлечены, дававшего нам препятствия, но мы сделали нашим выбором соблюдать истинную веру хри-

---

[1] 2 Кор, 8, 9.

[2] Вероятно, здесь речь идёт об Эфесском соборе.

стиан и с чистотой приучать умы мужей к этому; все новшества лживых учений и проповедей, не согласных с хорошо доказанной доктриной Отцов, будут убираться от нас. Поэтому мы созвали этот святой Собор, чтобы он мог очистить тьму и убрать прочь порочные мысли: так, чтобы учение веры, которая есть в нашем Господе Иисусе Христе могло быть установлено в ясном разуме», и так далее, с тем же содержанием». Когда царь закончил своё публичное обращение, епископы восхвалили его и Сенат, а также письмо Льва, подтверждая с почтением к нему, что оно согласно с верой Апостола Петра.

ГЕСИХИЙ МИЛЕТСКИЙ.
ИСТОРИЯ. ПРОИСХОЖДЕНИЕ КОНСТАНТИНОПОЛЯ

М.М. Синица (Белгород)

Hesychius ‘Illustrius’ 14 v. inl. историк начала-середины VI в.[1]

На него всегда ссылаются как Гесихия ὁ Ἰλλούστριος. Это значит, что он был vir inlustris, но отсутствие ссылок на какой-либо действительный пост или даже его карьеру, предполагает, что титул был лишь почетным (номинальным).

Уроженец Милета; родился в царствование императора Анастасия; сын Гесихия 13 и Философии; отец Иоанна (*PLRE* III); автор Истории, начинающейся перед Троянской войной и окончивающейся со смертью Анастасия; он позднее написал вторую работу о временах Юстина и Юстиниана (часть которой, известная как Πάτρια Κωνσταντινουπόλεως, сохранилась; ср. *Christ-Schmid-Stählin* VII 2.2, p. 1039); также автор книги биографий личностей, знаменитых в литературе (Ὀνοματολόγος ἢ πίναξ τῶν ἐν παιδείᾳ ὀνομαστῶν); Phot. *Bibl.* 69, Suid. H 611. Его литературная работа в правление Юстиниана упоминается также в Const. Porph. *de them.* 12. См. далее P-W VIII 1322-7. Его книга биографий была включена в сокращенной версии в словарь Суды[2].

Фотий Мириобиблион, cod. 69

69. [Гесихий Милетский]

Прочитана мной историческая книжка, которая – мировая история в кратком изложении. Писатель Гесихий Иллюстрий, милетец по

[1] Hesychius ‘Illustrius’ 14 // The Prosopography of the later Roman Empire / by J.R. Martindale. Volume II. A.D. 395–527. Cambridge University Press, 1980. P. 555.

[2] См. также: *Синица М.М.* Творчество Гесихия Милетского в контексте ранневизантийских антикварных штудий // Каразінські читання (історичні науки). Харків, 2017. С. 59–60.

отечеству, дитя же Гесихия и Философии, и название его книги «Вместе с римской историей также и всяческая» является.

Начинается, итак, от Бела, ассирийского царя, царствования, доходит же до кончины Анастасия, который был римским императором.

Он же по стилю краток и красноречив. И цветущим, и ясным слогом же пользовался, и композиция речи им с разумом гармонично составлена; правильным построением речи наиболее радует, если же где и употребляет обороты, ясностью и выразительностью речи в обороте услаждает читателя, нисколько не менее же, если не более ясно дело, чем если, не используя оборот, предоставив. Обещает же и об истине заботиться.

Разделяет же предмет своих усилий на шесть частей, из которых первая часть охватывает события до Троянской войны, вторая же – от взятия Илиона до основания Рима, третья же – от основания Рима до тех пор, пока римлянами консулов не было установлено господство, уничтожившими царскую власть в шестьдесят восьмую Олимпиаду; четвертая же, в которой именно римлянами предводительствовали консулы, или от шестьдесят восьмой олимпиады до сто восемьдесят второй олимпиады, когда и выбрала таковая власть Юлия Кесаря, ставшего единоличным правителем. Пятая же охватывает время от монархии Юлия Кесаря до тех пор, когда Византий в великой славе силы вознесся, в двести семьдесят седьмую олимпиаду учрежденный. Шестая же, в которой Константинополь был счастлив иметь царем Константина и до кончины Анастасия, кого сам писатель прославляет, не знаю почему, что ласковостью и кротостью от многих отличался; его кончина совпадала с одиннадцатым индиктом, когда Магн был единственным консулом. Охват времени – 1190 лет. В них и заключается повествование.

Прочитана мной и другая его книга, в которой содержится и Юстином совершенное, и как, когда Анастасий умер, он был императором провозглашен. Затем и Юстиниана после Юстина публичное провозглашение видим, и другие дела до тех лет из его царствования.

А в будущем писатель сдержан, смертью сына Иоанна в душе смертельно пораженный и стремление к писательству утративший.

Суда, Η 611

Гесихий {Ἡσύχιος} милетец, сын Гесихия, адвоката, и Философии, рожденный при василевсе Анастасии, написал «Ономатолог» или «Список имен для обучения», эпитомой которого является эта книга, а также историческую хронику, которую он разделил на шесть промежутков (таким образом ведь называется каждая книжка), в них вносятся, соответственно временам, деяния римских василевсов и, соответ-

ственно народу, династии правивших тиранов и в продолжении времени от основания Византия до царствования Анастасия, кого прозвали Дикор [«двузрачковый»].

В «Списке имен для обучения» же блистательных церковных учителей ни одного не упоминает, каковое из этого предположение возможно, что он сам не был христианином, но эллинским безумием [тщеславием] был исполнен. И пусть молчит молча {ἡσυχῇ ἡσύχως}[1].

Происхождение Константинополя по Гесихию Иллюстрию[2]

1. Когда, триста шестьдесят два года от монархии Августа Кесаря более старшему Риму прошло, и его общественные дела уже к концу подошли, – Константин, сын Констанция, захватив скипетры, воздвиг новый Рим, назначив равный первому принять титул. Ведь с концом [первого Рима] уже и тиранами и василевсами часто занимавшегося и как аристократическим, так и демократическим способами управлявшегося, на предлежащий [город] <случилось> перенестись величию.

2. Должно же сказать нам, каким образом от начала произошел (город), и под чьей властью основана колония, на основе древних поэтов и прозаиков предмет рассматривая.

3 (1). Говорят, что аргивяне первые [были], когда Пифия обратилась таким образом:

«Счастливые, они тот священный город будут основывать,
построенный на узкой полоске фракийского морского берега против устья Понта,
там два щенка влажное хватают море,
там рыба и олень в этом месте пасутся».

Утверждались жилища в этой местности, в которой Кидарос и Барбисес речки себе проход делают, первая от северных, а вторая от западных [сторон] протекая и против алтаря нимфы, называемой Семестра, с морем смешиваясь.

4 (2). Итак, когда к определенной судьбой <земле они> прибыли и жертвоприношениями местных божеств умилостивили, ворон жертвоприношение похитив, [через] некую краткую часть [времени] на другое переложил место; оно название Боспор имеет от пастуха быков, указавшего птичий полет, от него же и Буколия эта местность названа.

---

[1] Обыгрывается имя писателя – Гесихий – «молчаливый», «молчащий».

[2] По: Πάτρια Κωνσταντινοπόλεως κατά Ἡσύχιον Ἰλλούστριον // Scriptores Originum Constantinopolitanarum / rec. Th. Preger. Fasciculus Prior. Lipsiae in Aedibus B.G. Teubneri, MCMI (1901). P. 1–18.

5 (3). Другие же рассказывают, что мегарцы, низводящие род от Ниса, вход в это место сделали, под предводительством Византа, что от него же название городу дано, мифологически рассказывают. Иные же некого ребенка, рожденного от туземной нимфы Семестры в Византа переделывают.

6 (4). Итак, они различные использовали рассказы, мы же для тех изображаем, кто к правдоподобной истории обратиться желают, предпочитая поставить начало от дочери Инаха Ио. От Инаха ведь, аргивского василевса родилась дочь Ио. А эту деву охранял Аргос, кого многоглазым называют. Когда же Зевс, влюбленный в деву, убеждает Гермеса коварно убить Аргоса, она же, освобожденная от девственности Зевсом, в корову превращается.

7 (5). Гера же, рассерженная на сделанное, слепня на телицу насылает и через всю как сушу, так и море ее гонит.

8 (6). После того, как она прибыла к стране фракийцев, имя же месту оставила Боспор, а сама же к так называемому Рогу {Κέρας} пришла, – против [которого] и Кидарос и Барбисес смешиваются и жителям предсказывают будущее, – против алтаря Семестры родила деву, называемую Рогатой {Κερόεσσαν}, от нее и Рог место назвалось. А иные скорее положению местности имя прилагают. Они же из-за изобилия плодов называют рог козы Амалтеи.

9 (7). Итак Рогатая, у нимфы Семестры питаемая и необыкновенной наружностью отличающаяся, множество фракийских дев превзошла и соединившись с морским Посейдоном, родила так называемого Византа, имя которого взято от вскормившей его около Фракии нимфы Визии, чью воду и до настоящего времени граждане черпают.

10 (8). Итак, в расцвете возраста юноша двинулся вперед и у фракийцев остановился в горах страшно к зверям и варварам устремляясь; посольство от начальствующих местностью принял и союзником им быть и другом склонился.

11 (9). Так, действительно, и Мелия, василевс фракийцев, его на звериное состязание призвал, и от него славу Визант приобрел себе, священнодействием подчиненного быка умилостивляя отцовского демона при смешении вышеназванных рек, – орел разом явившись, сердце похитил жертвы и на оконечность Боспорского берега <удаленную от взоров положил> напротив так называемого Хрисополя, который Хрис, – ребенок, произошедший от Хрисеиды и Агамемнона, избегший козней Клитемнестры после умерщвления отца и к поиску Ифигении понуждаемый, – памятником своей собственной могилы для местных жителей с именем таким оставил, предупреждая, что там конец его жизни.

12 (10). Итак, Визант на оконечности Боспорского моря обозначил город. При помощи Посейдона же и Аполлона, как говорят, построил стены, и всякого замысла лучше выдумал.

13 (11). Ведь в них семь башен, чтобы и отвечали, и проводили друг к другу, соединил. Если когда-нибудь ведь труба или звук некий другой к башням приходил, от одной к другой из них эхо передавалось, и к концу поставленной проводили.

14 (12). Но, в самом деле, и другое нечто, что записали, к этому найдя, не оставим без внимания: ведь что Геракл, называемый «башенным» {πύργον}, внутри стены ушам врагов уделял таинства, говорят.

15 (13). А после верхушки стены и священные участки {τά τεμένη} богов он оканчивал. Реи против места храмов называемого Василики также и статуя возведена, которая именно и как Случай {Τυχαίον} гражданами почиталось. Посейдона же теменос у моря возводил, – там сейчас мученика Мены жилище устроено; Гекаты же на нынешнем месте ипподрома; а Диоскуров, как Кастора, говорю, так и Полидевка, – при алтаре Семестры и смешении рек, у которого и освобождение от страданий людям происходило.

16 (14). Вблизи же так называемого Стратегия и Эанта и Ахиллеса алтари воздвигнуты: там и горячие источники именуются Ахиллесовыми. А Амфиараю герою в так называемых Сикках {Συκαῖς} жилище построил, а они прозвище от смоквоносных {συκοφόρων} деревьев приняли. А немного выше храма Посейдона и в честь Афродиты называется теменос, а также Артемиды перед Фракийской горой.

17 (15). А после того, как он это основал в своем городе, должен же был в будущем отогнать окрестных варваров, особенно Айма, который был фракийским тираном и против этого города Византа пошел, и самого героя к битве призывая и все разрушить желая. Он же, не дожидаясь набега варваров, состязался один на один и ниспроверг Айма по его прозвищу гриве.

18 (16). Итак, Визант после вышесказанной победы во Фракию врагов прогнал; Одрис, василевс скифов, переправился через Истр и через сами стены города пройдя, внутреннюю часть осадил. Против него жена Византа, удивительная Фидалия, ничуть не устрашенная множеством врагов, но пользуясь женскими руками, состязалась, вымышляя помощь в войне с варварами от змей.

19 (17). Так ведь по городу змей, в некой местности собирающихся, подстерегала; разом врагам показывая правосудие, стрелами или дротиками посылала животных и причиняя многочисленный вред, таким образом спасла город. Отсюда, итак, древний миф склоняется,

что не нужно пойманных по городу змей умерщвлять, каковые их благодетелями стали.

20 (18). Немного времени после муж по имени Стромб и сам из Кероэссы происходящий, войну принес Византу, многие военные силы приведя. Поднялись, итак, все скифские роды, стеклись же и правители Эллады: и родосцев не презренная сила, и соседнего Халкидона топарх Диней, ранее из мегарцев происходящих колонистов девятнадцать лет поставлявший автархии Византа.

21 (19). Халкидоном же названа местность, как некоторые говорят – от реки Халкидона; как другие же – от ребенка прорицателя Калханта, родившегося после Троянской войны; а как иные – от эвбейского города Халкиды, когда апойкии туда были отправлены: и их подлинно слепцами прозвали, просмотревших Византий.

22 (20). Итак, как с множеством кораблей Диней пришел союзником Византу, не имея возможности причалить к городу – так как недавно василевс их Византбыл смещен и народ весь в борьбе находился – к так называемому Анаплу прибыл, где расположившись Гестией место назвал.

23 (21). Однако же немного после, переправившись в город и варваров прогнав, он стал вторым начальствовать над народом византийцев. Очевидно, в эти времена весьма многие виды змей пришли в город, чтобы его жителей погубить. Их, действительно, истребили благодаря принесению называемых аистами птиц, и говорят, что Посейдон им содействовал.

24 (22). Немного после же, полагая, что и птицы враждебные им и причину смерти приносят: так как и пойманных ими змей в водные цистерны бросали, и даже на граждан на больших дорогах тайно нападали, – в ужасе жизни проводили.

25 (23). Муж же некий из Тианы по имени Аполлоний из гладкого камня трех аистов соорудил, лицом друг против друга смотрящих, они и до этих же времен остаются, не позволяя приходить к городу роду аистов.

26 (24). Когда при вышесказанном Диней стратег был смещен, Лев аристократию византийцев принял, при котором именно Филипп, македонский царь, сыном Аминты являвшийся, приведя многие силы, осадил город, приблизившись к стенам как с помощью рвов, так и всяческих военных механизмов.

27 (25). И очевидно легко бы уничтожил его, занимая, когда безлунная ночь и необыкновенный дождь низвергался, если бы некая помощь для них не произошла от божественного, поднявшего по городу собак к лаю и огненные облака в северные части приведшего. Из-за этого именно простые жители, пробудившись и горячо на врагов

ополчившись, город уже под власть Филиппа переходящий, спасли, разрушенные башни восстанавливая камнями, лежащими около могил и снова делая зубцы стенам: благодаря этому «Могильной» {Τυμβοσύνην} стену назвали, факелоносной Гекаты воздвигнув статую. И к морскому сражению обратившись, снова македонцев славно победили. И когда таким образом война прекратилась, Филипп уступил византийцам.

28 (26). После того, как и Лев жизнь переменил, Харес, афинский стратег с сорока кораблями на помощь византийцам приходя в войне против подчиненных Филиппа, занял берег Пропонтиды, она же лежит между Хрисополем и Халкидоном, и причалив в вышеупомянутом месте, пытался вести войну.

29 (27). Там очевидно сопровождающую его жену, болезнью пораженную отбрасывая, в могилу поместил, соорудив ей алтарь и составную колонну, на которой молодая корова видна, составленная из гладкого камня. Так образом, ведь она в большей степени называлась прозвищем, которое через начертанные стихи сохраняется до наших времен.

30 (28). Есть же стихи таковые:

Инаховой не есть я коровы образ и не от меня
называется обращенная вперед Боспорская пучина.
Ее ведь гнал тяжкий гнев Геры прежде
к Фаросу; а я же есть мертвая Кекропис.
Супругой была же Хареса; плывущая, когда он плыл
Этим же противоборствуя Филипповым челнокам.
Коровка имя же было у меня тогда; а ныне Хареса
жена – я радуюсь обоим материкам.

31 (29). Когда же Харес отплыл в Афины, Протомах власть стратега перенял, который вернувшихся фракийцев поработив, солдатам в так называемом городе Милии, медные трофеи возложил.

32 (30). Когда же умер и он, муж Тимесий вскормленных среди аргосцев по ранее названному Эвксинским Понту в так называемой Эфесиате (туда некогда эфессцы апойкию отправили и убежденные основать город затем к оракулу Византия внимательно прислушались:

Там два щенка влажное хватают море,
там рыба и олень в этом месте пасутся)

располагать напротив города начавший и обманувшихся в надеждах поселял вместе с византийцами: и стратег, назначенный всем народом, равно весь город к более хорошему и полезному перестроил: и законы о них, и ежедневные соглашения положив, и нравы установив и гражданские, и дневные, через которые и образованным, и человеколюбивым гражданам показался.

33 (31). И многочисленные храмы богов он возвел, а также бывшие прежде украсил: ведь у оконечности Понтийского моря лежащий храм, который Ясон некогда двенадцати богам посвятил, разрушенный восстановил и около так называемой гавани Фрикса жилище Артемиды обновил.

34 (32). При нем же Калиад из стратегов Византия также наилучшим образом как чужеземные, так и междуусобные войны проводивший, знаменитую статую Византа около так называемой Василики выставил и написал так:

Сильного Византа и прелестной Фидалии
В одной [статуе] украшая, поставил Калиад.

35 (33). Но такие случались времена, что и аристократически, и демократически управлялись византийцы, а еще же и тиранически по причине раздоров. А как к господству консулов власть римлян во всем могуществе перешла, поработила же и эллинские народы, естественно, и византийцы подчиненными оказались.

36 (34). А после того как через некоторые времена, когда Север стал царствовать над Римом, они тиранически управляющего Нигера утром особо почтя, отваживались на надежду к рукам автократора прийти, устраняя от него гражданские суды; а когда венчик стены был разрушен перинфийцами, им было приказано служить так называемым гераклеотам.

37 (35). А затем, когда уменьшился гнев Севера, к лучшему украшению приходили у них самые большие бани около алтаря Конного Зевса {Δίος Ἱππίου} или же Гераклейской священной рощей называеющейся (говорят, что там Диомед, подчиняющий лошадей, Зевксиппом это место назвал {Ζεύξιππον}), роскошно воздвигнувшего; поэтому на близлежащей местности конных скачек, посвященной Зевсу, фигурами юношей {κούροις} и подмостками, а также портиками изукрасившего (там и ныне углы являют признаки эфоров через расположенные на медных обелисках шары), к ним же и военные приношения посвятив.

38 (36). Итак, пока еще был жив Север и его сын Антонин, город Антонина назывался; после того же как к божественным василевсов причислили, снова Византием был назван.

39 (37). Когда же Константин римскую власть принял, и сам Константинополь был прославлен, охотно поддерживая, чтобы название изменилось превосходным честолюбием автократора, изображая красоту своего почитателя, так как он далеко перенес стены с так называемых Троянских входов, которые ранее не снаружи агоры по прозвищу царя лежали; и банями, и святыми домами являя большую славу, и права все даря в подражание более старшему Риму, как и на

называемом Стратегий форуме – там раньше командующие городом мужи принимали должность – на каменной стеле написал.

40 (38). И своей собственной матери Елены воздвиг статую на колонне, и место назвал Августейон. И с последовавшими за ним из великого Рима синклитиками соревновался в чести домами, которые устроил из собственных денег.

41 (39). При этом же [Константине, принявшем власть], и борозда вод была проложена в городе; установил же он и две апсиды у названного форума, а также и знаменитую порфировую колонну, на которой мы видим поставленного Константина, справедливостью солнца просиявшего гражданам. При них же возобновил и дома синклитского совета, Сенатом их назвав, в них возвел статую и Додонского Зевса, и два строения Паллады, и двор василевса.

42 (40). Все же согласно вышесказанному образу наполнил Константин и постановил праздник обновления, на одиннадцатый день мая на двадцать пятом году своего царствования совершив и конные скачки наблюдая. Таким образом, его стела является с привычной честью в дни праздников рождения царствующим и народу. Так действительно Константинополь к таковой вот высоте вознесся от принятия царственности до наших времен.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО ИСТОРИИ

ДЖИЛЛИАН БРЭДШОУ. «МАЯК В АЛЕКСАНДРИИ»

М.А. Руднева (Белгород)

Джиллиан Брэдшоу – американская писательница, родилась 14 мая 1956 г. в Фоллс-Черч, штат Вирджиния, в настоящее время живет в Великобритании. Она получила филологическое образование в университете штата Мичиган, также изучала английскую литературу в Ньюнхем-колледж в Кембриджском университете. Несколько раз становилась лауреатом литературных премий. Автор работает преимущественно в жанрах исторической фантастики, детской литературы, научной фантастики. Действия многих произведений Д. Брэдшоу разворачиваются в Древнем Риме и Византии.

Роман «Маяк в Александрии» («The Beacon at Alexandria») был впервые опубликован в 1986 г. В нём идёт речь идёт о благородной девице из Эфеса, отправляющейся в Александрию, чтобы стать врачом. Действие происходит во время правления императора Валента (имп. 28 марта 364 – 9 августа 378 гг.). На русский язык книга не переведена, существует перевод на немецкий язык[1].

Композиционно книга делится на три части: Эфес, Александрия, Фракия. События излагаются от имени главной героини – Харис. Повествование начинается в Эфесе IV века. Главной героине на момент начала романа 15 лет. С детства она мечтает стать врачом, но такая участь не приветствовалось для дочери высокопоставленного чиновника. Отец главной героини Феодор Эфесский является одним из самых влиятельных горожан в Эфесе. Его главным увлечением являются скачки. Семья живет в огромном доме, который построил ещё её прадед, бывший владельцем большой виллы на Востоке и нажившем своё состояние во время гражданской войны. В эфесском доме было пять дворов, два из них с колоннадами, три с фонтанами; почти сто комнат, стены выложены плиткой и окрашены, была в доме и отопительная система – гипокауст[2], деревья в садах создавали тень и охлаждали дом летом; была отдельная баня и собственная пекарня. Фонтаны украшали голубая плитка и цветная мозаика.

---

[1] *Bradshaw G.* Der Leuchtturm von Alexandria. Düsseldorf; Wien; New York: EGON Verl., 1988. 559 S.

[2] *Bradshaw G.* Op. cit. S. 11.

Интересно переплетение традиций, встречающееся в описании домашнего быта. Семья исповедует христианство. Вместе с тем, мы узнаём, что тело мертвой птицы может вызвать подозрения в занятиях магией, которые являются поводом для серьёзного обвинения. Наряду с иконами, в доме есть книги языческих авторов, в том числе, Гиппократа. Сын господина учит латынь, чтобы претендовать на высокий пост. Герои романа цитируют Гомера, Еврипида и других античных авторов.

Особое место отведено описанию патриархального рабства, когда рабы являются составной частью семьи. Феодор считает своё рабовладельческое хозяйство не крупным по меркам Запада, у него около двухсот рабов, многие из которых работают на его землях на хоре и никогда не были в его городском доме[1]. Очень тонко улавливается психологическое равновесие между домашними рабами и господами. Хозяева дома привыкают к рабам, воспринимают их непосредственно. Неравноправие рабов тоже проиллюстрировано в книге. Отца главной героини подозревали в заговоре против императора Валента, в качестве доказательства хозяину дома предъявили найденную при обыске пурпурную ткань, которую мог носить только император. Когда же выяснилось, что ткань была предназначена для украшения колесницы – участницы бегов в императорскую честь, высшие сановники, не имея возможности предать пыткам чиновника высокого ранга, выместили гнев на его рабах. Они предали их мукам, ссылаясь на необходимость продолжить следствие. Расследованием дела по заговору руководил жестокий и властный Фестин, который после оправдания Феодора решил жениться на его дочери. Отец дал согласие, желая заручиться поддержкой могущественного покровителя. Тогда Харис, войдя в сговор с братом Торионом и рабыней Майей, решается бежать в Александрию, чтобы осуществить свою мечту и стать врачом. Профессия врача считалась уделом рабов, недостойным занятием женщины из порядочной семьи, поэтому ей пришлось притворяться евнухом, переодевшись в мужские одежды.

Прибыв в Александрию, Харис узнала, что Мусейона больше нет, он был уничтожен во время конфликта 270-х гг. между сторонниками и противниками Рима, когда в 273 г. войска императора Аврелиана взяли город, разрушив царский квартал Брухейон. Оставшаяся часть свитков Александрийской библиотеки хранилась в Серапеуме в египетском квартале Ракотис. Благодаря рекомендательным письмам, добытым заблаговременно, Харис получила возможность слушать лекции при храме. После долгих перипетий и лишений героине уда-

[1] *Bradshaw G.* Op. cit. S. 45.

лось найти себе учителя – еврея по имени Филон. Это был хороший наставник, который следовал скорее методике Гиппократа, предпочитая опираться на симптомы болезни и исходить из практики, а не теории медицины, как, например, Гален. Как сам метко выразился Филон, – «Гиппократ знал меньше Галена, но он понимал больше». В Александрии еврейский врач занимался частной медицинской практикой. В целом, Александрийская школа врачевания также имела в основе практический подход. Здесь врач по имени Адамантис, несмотря на подозрительное отношение со стороны властей, осмеливался изучать анатомию людей, расчленяя трупы. Харис провела несколько лет в обучении медицине, основное время посвящая уходу за больными.

Этот период в Александрии связан с развитием арианских споров. В процессе повествования автор сводит героиню с архиепископом Афанасием, являвшимся одним из наиболее влиятельных представителей Церкви, выступавших против арианской ереси. Афанасий показан очень проницательным человеком, который смог разгадать «секрет» Харис, однако, сохранил его в тайне. Несколько раз девушке приходилось лечить Афанасия, бывшего к этому времени в пожилом возрасте и не отличавшегося крепким здоровьем. Она являлась личным врачом архиепископа вплоть до его смерти, после которой противоборствующая партия возобладала на некоторое время, которого хватило, чтобы Харис попала под суд за посещение сторонников Афанасия в тюрьме.

После этих событий она покидает Александрию и отправляется во Фракию, где работала в больнице крепости Новиодун на границе с варварскими племенами готов. Там Харис успешно исполняла свои врачебные обязанности и боролась против невежества и суеверий, процветавших не только среди населения, но и среди медиков. Её успех вызвал зависть менее успешного врача Ксанфа, который обвинил её в колдовстве. Благодаря связям, помощи брата и возлюбленного по имени Атанарих, героине удалось избежать обвинения. Однако, мстительный Ксанф напал на неё, и, обороняясь Харис пришлось его убить.

Достаточно красноречивым является сцена с описанием корабля работорговцев, торгующих готскими детьми во Фракии. Родители были вынуждены продавать детей во время военных действий[1]. Выкупив двоих детей, Харис узнала о том, что алчные римляне удерживают силой готских беженцев, спасавшихся от гуннов на землях римлян. Римляне морили готов голодом, обирали и вынуждали продаваться в рабство. Пока Харис пыталась остановить эти зверства, в регионе вспыхнула война, готские войска оттеснили римлян и разграбили мно-

[1] *Bradshaw G.* Op. cit. S. 387.

гие города, в том числе, и Адрианополь. В процессе развития сюжета Харис попадает в лагерь к вождю вестготов Фритигерну. Автором подробно описан быт и устройство готских походных лагерей и городов. Хотя она находилась в плену и думала о побеге, Харис заботилась о раненых и больных, ей удалось предотвратить эпидемии, наладив санитарные условия. Попытки друзей выкупить её из плена обернулись неудачей. Готы терпели поражения от римлян и гуннов, в их селениях и военных лагерях начался голод. Атанарих проник в лагерь готов, под видом раненного солдата пробрался в госпиталь и организовал побег Харис. По возвращению они узнали, что император Валент был убит в битве с готами при Адрианополе (378 г.), а на престол должен взойти Феодосий. Повествование заканчивается тем, что Харис и Атанарих стали жить вместе.

К безусловным плюсам романа следует отнести внимание к особенностям быта и жизни римлян и готов, описанных с исторической точностью. Кроме того, в романе представлена широкая панорама территориального могущества и культурного своеобразия римских провинций.

К недостаткам же следует отнести чрезмерную затянутость повествования: автор обращается больше к внутренним переживаниям героев, а не к событийной линии; диалоги построены на большом количестве общефилософских рассуждений.

В целом, роман может быть интересен широкому кругу читателей, интересующихся позднеантичной историей.

ИОАНН XXIII В РОМАНЕ А. ПАРАДИСИСА «ХРОНИКА ЖИЗНИ БАЛТАЗАРА КОССЫ»

В.М. Кириллов (Белгород)

Можно выделить два типа сочинений на историческую тему: научные и художественные. Первые отличаются точностью, но читать их, как правило, скучно. Вторые, наоборот, легки и увлекательны для восприятия, однако изобилуют фактологическими ошибками. Парадисис сделал попытку совместить оба направления и представить читателю их симбиоз. Нужно отметить, ему это удалось. По крайней мере, знакомиться с его произведением будет и легко, и интересно, и познавательно.

В качестве сюжета Парадисис выбрал историю итальянского флибустьера Балтазара Коссы, который, волею судеб, прошёл в своей жизни путь от простого разбойника до главы Римской церкви.

Косса родился в Неаполитанском королевстве, в богатой семье правителя острова Прочида. Он поступил в Болонью на юридический факультет, проучился там несколько лет, после чего понял, что такая жизнь не для него. Тогда Балтазар основывает пиратскую шайку, с которой начинает бороздить Средиземное море в поисках сокровищ, при этом грабя как мавров, так и христиан. Во время сильного шторма, который грозил оборвать жизнь Коссы, он дал обет, что, если останется жив, станет священником. С этого момента начинается его духовная карьера, завершившаяся титулом Папы.

Личные качества Балтазара вроде целеустремлённости, ума, настойчивости и хитрости, помноженные на тугой кошелёк, делали его продвижение вверх максимально быстрым, и в 1402 г. он покупает себе сан кардинала. Через пять лет он начинает понимать, что Великий западный раскол может принести ему личную выгоду, и присоединяется к группе из нескольких кардиналов, избравших Александра V, третьего единовременного Папу в Европе. Косса быстро стал его приближённым, а после смерти Папы в 1409 г. занял его место.

Ещё через пять лет он даёт согласие на созыв собора в Констанце, принимает активное участие в суде над Гусом. Но когда собор потребовал отречения сразу всех пап – понтифик бежал в крепость Фрайбург к тирольскому графу Фридриху. Император, бывший на стороне собора, прошёл по Тиролю войной, после чего граф решил выдать подсудимого. Папу обвинили во множестве моральных преступлений, лишили сана и отправили в заключение. Честно отсидев положенное, Балтазар получил от Папы Мартина V епископский сан, в котором и пребывал до смерти.

Кроме самой биографии Коссы, сопровождающейся лирическими вставками, Парадисис рисует потрясающую картину образа жизни и нравов Римской церкви времён Великого раскола. Слова автора имеют под собой доказательную почву, опираясь на мемуары секретаря нескольких пап Дитриха фон Нима, письма императора Сигизмунда, документы соборов и множество других исторических источников, что позволяет читателю с новой стороны взглянуть на историю Средневековья и открыть для себя множество новых интересных фактов.

ХРОНИКА

НАУЧНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ «КЛАССИЧЕСКАЯ И ВИЗАНТИЙСКАЯ ТРАДИЦИЯ» В 2017 Г.

Н.Н. Болгов, С.А. Ткаченко, Е.С. Балацюк, К.А. Беседина (Белгород)

Рейтинг НИРС 2017 г. студентов научного направления КВТ

1	**ЛОПАТИНА М.Ю.**	М2	Н.Н. Болгов	**216**
2	**КИРИЛЛОВ В.М.**	4	Н.Н. Болгов	**184**
3	**РОДИНА Е.О.**	4	Н.Н. Болгов	**110**
4	**Бабаян С.В.**	М1	Н.Н. Болгов	**101**
5	**Балацюк Е.С.**	3	Н.Н. Болгов	**89**
6	**Бузанаков Ю.В.**	М1	Н.Н. Болгов	**84**
7	**Кривко Н.О.**	М1	Н.Н. Болгов	**70**
8	**Жукова Н.В.**	3	Н.Н. Болгов	**60**
9	**Ахтырцева А.Г.**	3	Н.Н. Болгов	**48**
10	**Рамбаусик Д.В.**	4	Н.Н. Болгов	**46**

Научные публикации аспирантов и студентов 2017 г.

Е.В. Гущин

1. Битва при Тагине в западной кампании Юстиниана // Классическая и византийская традиция. 2017. Белгород, 2017. С. 311–316.
2. Идеология реставрации Византийской империи VI в. // Научные ведомости БелГУ. Серия История. Политология. №22(271). 2017. Выпуск 44. С. 46–51 (совм. С В.Н. Ирхиным).

О.В. Головина

1. Германцы в Ранней Византии. Автореф. канд. дисс. Белгород. 2017. 26 с.

А.В. Кобзева

1. Город Антиохия в «Хронографии» Иоанна Малалы // Научные ведомости БелГУ. Серия История. Политология. № 1(250), вып. 41. 2017. С. 44–59 (совм.).
2. Особенности освещения древней истории у Иоанна Малалы // Научные ведомости БелГУ. Серия История. Политология. № 8(257), вып. 42. 2017. С. 37–44 (совм.).

3. «Хронография» Иоанна Малалы в контексте антикварианизма и медиевализации исторического сознания в Ранней Византии. Автореф. канд. дисс. Белгород, 2017. 28 с.

Ю.Ю. Чуева

1. Святая Олимпиада Диаконисса: жизнь без тщеславия // ПИФК. 2017. № 1. С. 70–74. ВАК

2. Эдесия – мать александрийского неоплатонизма // Научные ведомости БелГУ. Серия История. Политология. № 8(257), вып. 42. 2017. С. 29–32.

3. Знатные женщины Ранней Византии в контексте вертикальной социальной мобильности. Автореф. канд. дисс. Белгород, 2017. 28 с.

А.В. Курбанов

1. *Kurbanov A., Spiridonova L., Goncharko O.* The Dialogue Xenedemos, or Voices, by Theodore Prodromos A Critical Edition, with English Translation // Scrinium. 13. Brill, 2017. P. 227–275.

Д.Е. Богданов

1. «Генералиссимусы Западной Римской империи» в труде Дж. М. О’Флинна // Научные ведомости БелГУ. Серия История. Политология. № 1(250). Вып. 41. Белгород, 2017. С. 27–30.

2. Борьба западного и восточного дворов Римской империи в конце IV века // Научные ведомости БелГУ. Серия История. Политология. № 22 (271). Вып. 44. Белгород, 2017. С. 41–45.

3. К вопросу об «опекунах» сыновей Феодосия Великого // Традиционная культура народов мира: история, интерпретация, восприятие. Белгород, 2017. С. 30-31.

4. Сохранение элементов тетрархии на рубеже IV–V вв. // Классическая и византийская традиция. 2017. Белгород, 2017. С. 163-166.

Я.В. Манохин

1. Монофизитство в ранневизантийской Газе (451–536 гг.) // Научные ведомости БелГУ. Серия История. Политология. № 8(257), вып. 42. 2017. С. 34–37.

2. Монашество Газы в антихалкидонском движении (451-536 гг.) // Белгородский диалог-2017. Белгород, 2017. С. 99–104.

3. Прокопий Газский и Николай Мефонский. Проблема авторства фрагментов «Опровержения начал теологии Прокла» // Нравственные ценности и будущее человечества: материалы ежегодных Митрофановских церковно-исторических чтений (г. Борисоглебск, 7 декабря 2017 г.). Вып. II. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2017. С. 42–46.

4. Распространение христианства в Газе: от апостола Филимона до епископа Порфирия (I–IV вв.) // Классическая и византийская традиция. 2017. Белгород, 2017. С. 133–137.

М.М. Синица

1. Город Антиохия в «Хронографии» Иоанна Малалы // Научные ведомости БелГУ. Серия История. Политология. № 1(250), вып. 41. 2017. С. 38–45.

2. Особенности освещения древней истории у Иоанна Малалы // Научные ведомости БелГУ. Серия История. Политология. № 8(257), вып. 42. 2017. С. 29–32.

3. Творчество Гесихия Милетского в контексте ранневизантийских антикварных штудий // Каразінські читання (історичні науки). Харків, 2017. С. 59–60.

4. Февраль в трактате Иоанна Лида «О месяцах» // Научные ведомости БелГУ. Серия История. Политология. № 15(264), вып. 43. 2017. С. 47–53.

5. Модель саморепрезентации в ранневизантийской автобиографии (на примере Иоанна Лида (De mag. III. 25–30) // Нравственные ценности и будущее человечества: материалы ежегодных Митрофановских церковно-исторических чтений (г. Борисоглебск, 7 декабря 2017 г.). Вып. II. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2017. С. 46–58.

6. I летняя школа по византологии в Белгороде // Эргастирий: сборник материалов Всероссийской летней школы по византиноведению (г. Белгород, август 2017) / отв. ред. Н.Н. Болгов. Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2017. С. 4–5.

7. Иоанн Лид и Гесихий Милетский: специфика формирования антикварных интересов в Ранней Византии // Эргастирий: сборник материалов Всероссийской летней школы по византиноведению (г. Белгород, август 2017) / отв. ред. Н.Н. Болгов. Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2017. С. 76–94.

8. Иоанн Малала. Хронография. Книга I. Перевод // Эргастирий: сборник материалов Всероссийской летней школы по византиноведению (г. Белгород, август 2017) / отв. ред. Н.Н. Болгов. Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2017. С. 132–142.

9. Круг образованного чиновника в Ранней Византии: социальные связи Иоанна Лида // Классическая и византийская традиция. 2017. Белгород, 2017. С. 278–292.

10. Качества для успешной карьеры чиновника в Ранней Византии на примере автобиографии Иоанна Лида (De mag. III. 25-30) // Классическая и византийская традиция. 2017. Белгород, 2017. С. 292–305.

11. Кодекс Феодосия о профессорах // Классическая и византийская традиция. 2017. Белгород, 2017. С. 398–414.

12. Выдающиеся писатели, историки, философы, грамматики и врачи конца V – VI вв. из «Ономатологов» Гесихия Милетского // Классическая и византийская традиция. 2017. Белгород, 2017. С. 414–420.

13. Прокопий Газский. Письма (Ep. 2, 3) // Классическая и византийская традиция. 2017. Белгород, 2017. С. 420–421.

14. I всероссийская летняя школа по византологии в БелГУ // Классическая и византийская традиция. 2017. Белгород, 2017. С. 481–483.

Ю.В. Шелудченко

1. Христианская церковь ранневизантийского Скифополя // Научные ведомости БелГУ. Серия История. Политология. № 8(257), вып. 42. 2017. С. 46–50.

2. Кирилл Скифопольский, его происхождение и образование // Классическая и византийская традиция. 2017. Белгород, 2017. С. 320–329.

М.В. Дорохов

1. Культура и социальная структура исавров в ранней Византии // Традиционная культура народов мира: история, интерпретация, восприятие. Белгород, 2017. С. 52–54.

2. Проблемы оценки исавров в византийской традиции V – начала VI вв. // Каразінські читання (історичні науки). Харків, 2017. С. 55–56.

3. Шестилетняя война или конец исаврийского влияния в конце V в. // Белгородский диалог-2017. Белгород, 2017. С. 87–90.

4. Культура исавров в середине V в. // Классическая и византийская традиция. 2017. Белгород, 2017. С. 201–206.

А.А. Гречухина

1. Гимны Синезия Киренского и развитие философской мысли // Каразінські читання (історичні науки). Харків, 2017. С. 53–54.

2. Трактат «Дион» и культурный идеал Синезия // Классическая и византийская традиция. 2017. Белгород, 2017. С. 172–176.

Е.Е. Богомаз

1. Письма Прокопия Газского // Научные ведомости БелГУ. Серия История. Политология. № 8(257), вып. 42. 2017. С. 46-48.

В.Н. Гордиенко

1. Религиозные особенности самаритян в позднеантичную эпоху // Традиционная культура народов мира: история, интерпретация, восприятие. Белгород, 2017. С. 41–43.

М.А. Руднева

1. Евреи в этнической структуре ранневизантийской Александрии Египетской // Традиционная культура народов мира: история, интерпретация, восприятие. Белгород, 2017. С. 169–172.

2. Особенности социально-экономического развития ранневизантийской Александрии Египетской // Белгородский диалог-2017. Белгород, 2017. С. 111–115.

3. Реакция языческого сообщества Александрии на меры по христианизации: разрушение Серапеума // Молодёжь – науке. 2017. Материа-

лы молодёжных научно-практических конференций Псковского государственного университета по итогам научно-исследовательской работы в 2016/2017 уч. г. Т. I. Часть II. Псков: Псковский государственный университет, 2017. С. 131–133.

4. Разрушение александрийского Серапеума // Эргастирий: сборник материалов Всероссийской летней школы по византиноведению (г. Белгород, август 2017) / отв. ред. Н.Н. Болгов. Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2017. С. 95–103.

5. Страна граната, гор и Арарата // Классическая и византийская традиция. 2017. Белгород, 2017. С. 479–481.

6. Антихалкидонские волнения в Александрии // Вестник СНО. Вып. XXI. Белгород, 2017. С. 86–88.

Н.Е. Третьякова

1. Волюбилис римско-византийского времени: специфика материальной культуры // Белгородский диалог-2017. Белгород, 2017. С. 115–118.

2. Роль папы римского в управлении Африканским (Карфагенском) экзархатом // Эргастирий: сборник материалов Всероссийской летней школы по византиноведению (г. Белгород, август 2017) / отв. ред. Н.Н. Болгов. Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2017. С. 104–108.

3. Византийская Бизацена // Классическая и византийская традиция. 2017. Белгород, 2017. С. 349–353.

4. Страна граната, гор и Арарата // Классическая и византийская традиция. 2017. Белгород, 2017. С. 479–481.

5. К вопросу изучения проблем ранневизантийской истории Африки в трудах отечественных и зарубежных исследователей // Вестник СНО. Вып. XXI. Белгород, 2017. С. 88–92.

Ф.А. Суслов

1. Проблема изучения парабаланов в современной зарубежной историографии // Классическая и византийская традиция. 2017. Белгород, 2017. С. 241–244.

М.Ю. Лопатина

1. *Borisovskaya I.V., Lopatina M.Yu.* Sportliche Wettkampfe und Wagenrennen im spatantiken Gaza // Experientia est optima magistra (опыт – лучший учитель): сборник научных статей по результатам Международной научно-практической конференции / Под ред. Е.А. Огнева, И.В. Борисовской. Вып. V. Белгород: ИПЦ «ПОЛИТЕРРА», 2016. С. 12–15.

2. *Borisovskaya I.V., Lopatina M.Yu.* Theater im spatantiken Gasa: Lage und Bauweise // Experientia est optima magistra (опыт – лучший учитель): сборник научных статей по результатам Международной научно-практической конференции / Под ред. Е.А. Огнева, И.В. Борисовской. Вып. V. Белгород: ИПЦ «ПОЛИТЕРРА», 2016. С.15–18.

3. Порфирий Газский и городское планирование христианизированной Газы // Традиционная культура народов мира: история, интерпретация, восприятие. Белгород, 2017. С. 127–129.

4. Производство и экспорт газского вина (по данным ранневизантийской керамики) // Каразінські читання (історичні науки). Харків, 2017. С. 56–57.

5. К истории изучения Газы Палестинской в ранневизантийский период // Белгородский диалог-2017. Белгород, 2017. С. 94–99.

6. Мир поздней античности. Документы и материалы. Вып. 9 / Современная зарубежная историография истории Поздней античности и Ранней Византии (1990-2015 гг.). Белгород, 2017. 104 с.

7. Письма Энея Газского // Научные ведомости БелГУ. Серия История. Политология. № 15(264), вып. 43. 2017. С. 39–46.

8. Представления о городской среде Газы в риторической традиции Хорикия Газского // Молодёжь – науке. 2017. Материалы молодёжных научно-практических конференций Псковского государственного университета по итогам научно-исследовательской работы в 2016/2017 уч. г. Т. I. Часть II. Псков: Псковский государственный университет, 2017. С. 136–138.

9. *Nikolai N. Bolgov, Anna M. Bolgova, Marina L. Ryabtseva, Marina Yu. Lopatina, Elena A. Semicheva.* An Investigation on an Early Byzantine Higher School in Russian Historiography // Journal of History Culture and Art Research, 6(4). 2017. P. 268-276.

10. I летняя школа по византологии в Белгороде // Эргастирий: сборник материалов Всероссийской летней школы по византиноведению (г. Белгород, август 2017) / отв. ред. Н.Н. Болгов. Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2017. С. 4-5.

11. Античная традиция в письменном наследии христианского ритора Хорикия Газского // Эргастирий: сборник материалов Всероссийской летней школы по византиноведению (г. Белгород, август 2017) / отв. ред. Н.Н. Болгов. Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2017. С. 109–118.

12. Петр Иберийский и Ювеналий Иерусалимский как воплощение монашеского разлома в ранневизантийской Газе // Герои и антигерои в мировой истории: сборник материалов по итогам Всероссийской конференции 9 июня 2017 г. / отв. ред. Т. М. Гавристова; Яросл. гос. ун-т им. П. Г. Демидова. Ярославль: Филигрань, 2017. С. 205–210.

13. Дорожная сеть в ранневизантийской Газе // Европа в Средние века и Новое время: Общество. Власть. Культура: материалы Всероссийской, с международным участием, научной конференции молодых ученых, посвященной 70-летию кафедры истории России Удмуртского государственного университета. Ижевск, 6–7 декабря 2016 г. Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2017. С. 120–125.

14. «Экфрасис образов» Прокопия Газского и использование мифологических тем в искусстве ранневизантийской Палестины // Классическая

и византийская традиция. 2017: сборник материалов XI научной конференции / отв. ред. Н.Н. Болгов. Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2017. С. 252–268.

15. Ранневизантийская поэзия в творчестве Иоанна Газского // Классическая и византийская традиция. 2017: сборник материалов XI научной конференции / отв. ред. Н.Н. Болгов. Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2017. С. 268–273.

16. Прокопий Газский. Письма (EP.2,3) // Классическая и византийская традиция. 2017: сборник материалов XI научной конференции / отв. ред. Н.Н. Болгов. Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2017. С. 420–421.

17. XI научная конференция «Классическая и византийская традиция» // Классическая и византийская традиция. 2017: сборник материалов XI научной конференции / отв. ред. Н.Н. Болгов. Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2017. С. 3–4.

18. Новые книги Е.А. и Н.В. Молевых // Классическая и византийская традиция. 2017: сборник материалов XI научной конференции / отв. ред. Н.Н. Болгов. Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2017. С. 451–453.

19. Научное направление «Классическая и византийская традиция» в 2016 г. // Классическая и византийская традиция. 2017: сборник материалов XI научной конференции / отв. ред. Н.Н. Болгов. Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2017. С. 463–476.

20. I всероссийская летняя школа по византологии в БелГУ // Классическая и византийская традиция. 2017: сборник материалов XI научной конференции / отв. ред. Н.Н. Болгов. Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2017. С. 481–483.

21. Античный элемент в формировании ранневизантийского города на примере Газы Палестинской // Вестник СНО. Вып. XXI. Белгород, 2017. С. 82–86.

Ю.В. Бузанаков

1. Эпоха раннего железного века на территории Прохоровского района Белгородской области // Молодёжь – науке. 2017. Материалы молодёжных научно-практических конференций Псковского государственного университета по итогам научно-исследовательской работы в 2016/2017 уч. г. Т. I. Часть I. Псков: Псковский государственный университет, 2017. С. 34–37.

2. Религиозная жизнь в Антиохии в ранневизантийское время // Молодёжь – науке. 2017. Материалы молодёжных научно-практических конференций Псковского государственного университета по итогам научно-исследовательской работы в 2016/2017 уч. г. Т. I. Часть II. Псков: Псковский государственный университет, 2017. С. 127–131.

3. Антиохия в годы правления Юлиана Отступника // Классическая и византийская традиция. 2017. Белгород, 2017. С. 145–150.

4. История археологического изучения современного Прохоровского района // Живая память – 2017. Белгород, 2017. С. 7–11.

5. Срубная культура на территории Прохоровского района // Прохоровка о прошлом для будущего. Прохоровка, 2017. С. 51–57.

6. Катаклизмы в Антиохии Великой в ранневизантийское время. Влияние на жизнь города // Личность в социуме, государстве, истории. Воронеж, 2017. С. 214–218.

Н.А. Богомаз

1. Китейская экспедиция 2017 г. // Классическая и византийская традиция. 2017. Белгород, 2017. С. 476–479.

2. Урбикий – препозит семи императоров // Эргастирий: сборник материалов Всероссийской летней школы по византиноведению (г. Белгород, август 2017) / отв. ред. Н.Н. Болгов. Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2017. С. 69–75.

О.В. Бузанакова

1. Этноконфессиональный состав населения Кесарии Палестинской в ранневизантийский период // Каразінські читання (історичні науки). Харків, 2017. С. 52–53.

2. Кесария Палестинская в позднеримское и ранневизантийское время в отечественной и зарубежной историографии // Белгородский диалог-2017. С. 83–87.

3. К вопросу о еврейской общине Кесарии Палестинской в римское время // Молодёжь – науке. 2017. Материалы молодёжных научно-практических конференций Псковского государственного университета по итогам научно-исследовательской работы в 2016/2017 уч. г. Т. I. Часть II. Псков: Псковский государственный университет, 2017. С. 121–123.

С.В. Бабаян

1. Особенности мозаичного искусства Северного Причерноморья // Традиционная культура народов мира: история, интерпретация, восприятие. Белгород, 2017. С. 6–8.

2. Мозаика Малой Азии: Пергам // Белгородский диалог-2017. Белгород, 2017. С. 74–76.

3. Мозаичное искусство Туниса (Северная Африка) // Молодёжь – науке. 2017. Материалы молодёжных научно-практических конференций Псковского государственного университета по итогам научно-исследовательской работы в 2016/2017 уч. г. Т. I. Часть II. Псков: Псковский государственный университет, 2017. С. 144–147.

4. Либаний и Юлиан: характер взаимоотношений // Классическая и византийская традиция. 2017. Белгород, 2017. С. 150–154.

5. Страна граната, гор и Арарата // Классическая и византийская традиция. 2017. Белгород, 2017. С. 479–481.

6. Мозаичное искусство Северной Африки: Тунис // Вестник СНО. Вып. XXI. Белгород, 2017. С. 74–77.

Н.О. Кривко

1. Душа в её тождестве и различии с телом: от античного к византийскому пониманию // Молодёжь – науке. 2017. Материалы молодёжных научно-практических конференций Псковского государственного университета по итогам научно-исследовательской работы в 2016/2017 уч. г. Т. I. Часть II. Псков: Псковский государственный университет, 2017. С. 124–127.

2. Иоанн Филопон и Стефан Александрийский: деятельность и сравнительная характеристика // Классическая и византийская традиция. 2017. Белгород, 2017. С. 362–365.

3. Страна граната, гор и Арарата // Классическая и византийская традиция. 2017. Белгород, 2017. С. 479–481.

С.В. Плужник

1. Иудеи по данным археологических источников первых веков н.э. // Белгородский диалог-2017. Белгород, 2017. С. 104–106.

В.М. Кириллов

1. Образ Тимофея Элура в «Церковной истории» Захарии Митиленского // Белгородский диалог-2017. Белгород, 2017. С. 91–94.

2. Школьное историческое образование в России в начале XX века // Белгородский диалог-2017. Белгород, 2017. С. 314–317.

3. Этапы формирования денежных систем Новгорода и Пскова и их особенности // Карамзинские чтения. Белгород, 2017. С. 14–18.

4. Особенности чеканки медной монеты антиохийским монетным двором при Маврикии Тиберии // Молодёжь – науке. 2017. Материалы молодёжных научно-практических конференций Псковского государственного университета по итогам научно-исследовательской работы в 2016/2017 уч. г. Т. I. Часть II. Псков: Псковский государственный университет, 2017. С. 141–144.

5. Восприятие Византии VI века варварскими историками на примере «Истории франков» Григория Турского и оценка его сведений в современной отечественной историографии // Нравственные ценности и будущее человечества: материалы ежегодных Митрофановских церковно-исторических чтений (г. Борисоглебск, 7 декабря 2017 г.). Вып. II. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2017. С. 58–64.

6. Сведения нецерковного характера в III-IV книгах «Церковной истории» Захарии Митиленского // Эргастирий: сборник материалов Всероссийской летней школы по византиноведению (г. Белгород, август 2017) / отв. ред. Н.Н. Болгов. Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2017. С. 119–125.

7. Сведения нецерковного характера в «Церковной истории» Захарии Митиленского // Классическая и византийская традиция. 2017. Белгород, 2017. С. 244–250.

8. Магистраты и топография Галлии V–VI вв. по данным «Истории франков» Григория Турского // Классическая и византийская традиция. 2017. Белгород, 2017. С. 340–345.

9. Хроника Псевдо-Захарии, IX-X, XII // Классическая и византийская традиция. 2017. Белгород, 2017. С. 445–449.

10. Джорджетт Хейер и её роман «Вильгельм Завоеватель» // Классическая и византийская традиция. 2017. Белгород, 2017. С. 454–456.

11. Изображение морской фауны на монетах греческих центров Южной Италии и Сицилии кон. VI–V вв. до н.э. // Вестник СНО. Вып. XXI. Белгород, 2017. С. 79–82.

Е.О. Родина

1. Зарождение и ранние формы христианского паломничества // Эргастирий: сборник материалов Всероссийской летней школы по византиноведению (г. Белгород, август 2017) / отв. ред. Н.Н. Болгов. Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2017. С. 126–131.

2. Особенности ранневизантийского паломничества в Святую Землю (по Паломнику из Пьяченцы) // Классическая и византийская традиция. 2017. Белгород, 2017. С. 168–172.

В.О. Бавтрукович

1. История Палестины в трудах деятелей Императорского Палестинского Православного общества // Белгородский диалог-2017. Белгород, 2017. С. 76-78.

2. Античное и христианское в сочинениях Прокопия Газского // Классическая и византийская традиция. 2017. Белгород, 2017. С. 250–252.

В.П. Кушниров

1. Территориально-административные изменения в истории Иерусалимской православной церкви и их влияние на её иерархическую значимость // Классическая и византийская традиция. 2017. Белгород, 2017. С. 176–181.

Д.В. Рамбаусик

1. Еврейская община в ранневизантийской Кесарии Палестинской во II в. н.э. // Традиционная культура народов мира: история, интерпретация, восприятие. Белгород, 2017. С. 166-167.

2. Религиозная и повседневная жизнь еврейской общины Кесарии Палестинской в I-II вв. н.э. // Белгородский диалог-2017. Белгород, 2017. С. 107-110.

3. Отображение галилейского еврейства в арамейском Таргуме // Классическая и византийская традиция. 2017. Белгород, 2017. С. 384-389.

Т.А. Нестеренко

1. Император Ираклий в поэзии Георгия Писиды // Классическая и византийская традиция. 2017. Белгород, 2017. С. 365–369.

А.С. Кушнир

1. Литературное творчество императора Юлиана II // Белгородский диалог-2017. Белгород, 2017. С. 50–53.

2. Юлиан Отступник в Афинах // Классическая и византийская традиция. 2017. Белгород, 2017. С. 143–145.

А.О. Кротов

1. Фульгенций Мифограф: вклад в мировую культуру // Традиционная культура народов мира: история, интерпретация, восприятие. Белгород, 2017. С. 111-113.

2. Фульгенций Мифограф в контексте медиевализации позднеантичной культуры // Белгородский диалог-2017. Белгород, 2017. С. 119–122.

3. Аратор в контексте латинской литературы Раннего Средневековья // Классическая и византийская традиция. 2017. Белгород, 2017. С. 316–320.

А.Н. Гринева

1. Пасхальная хроника VII в. // Классическая и византийская традиция. 2017. Белгород, 2017. С. 369–371.

Ю.А. Терлецкая

1. Феодор Присциан – латинский врач в Константинополе нач. V в. // Классическая и византийская традиция. 2017. Белгород, 2017. С. 166–168.

В.А. Сподина

1. К истории природных катаклизмов VI в. в Палестине // Молодёжь – науке. 2017. Т. I. Часть II. Псков: Псковский государственный университет, 2017. С. 138–141.

А.Г. Ахтырцева

1. Теургия как религиозная практика Афинской школы неоплатонизма // Белгородский диалог – 2017. Белгород, 2017. С. 11–15.

2. Афинская школа неоплатонизма в V веке // Классическая и византийская традиция. 2017. Белгород, 2017. С. 181–186.

Е.С. Балацюк

1. Отечественный опыт изучения дионисийских сюжетов в вазописи Северного Причерноморья // Карамзинские чтения. Белгород, 2017. С. 57–60.

2. Синкретизм образов Диониса и Эрота в росписях аттических ваз Боспора // Каразинские чтения. Харьков, 2017. С. 37–38.

3. Отражение стихийных бедствий и катастроф Ранней Византии в «Хронике» Марцеллина Комита // Классическая и византийская традиция. 2017. Белгород, 2017. С. 274–278.

Н.В. Жукова

1. Эллинистические города Заиорданья от Александра Великого до IV в. // Белгородский диалог-2017. Белгород, 2017. С. 46–50.

2. Эллинистические города Декаполиса в письменной традиции // Классическая и византийская традиция. 2017. Белгород, 2017. С. 37–40.

Т.Н. Журавлева

1. Византийский клуб в Белгороде // Классическая и византийская традиция. 2017. Белгород, 2017. С. 483–487.

М.В. Мишенина

1. Финансовая основа муниципального управления в эпоху Ранней Византии // Классическая и византийская традиция. 2017. Белгород, 2017. С. 196–201.

К.А. Радченко

1. К проблеме подлинности «Тайной истории» Прокопия Кесарийского // Молодёжь – науке. 2017. Материалы молодёжных научно-практических конференций Псковского государственного университета по итогам научно-исследовательской работы в 2016/2017 учебном году. Т. I. Часть II. Псков: Псковский государственный университет, 2017. С. 152–154.

2. Прокопий Кесарийский в зарубежной историографии // Классическая и византийская традиция. 2017. С. 305–309.

М.Г. Сапожникова

1. «Конкурсы невест» в Византии // Классическая и византийская традиция. 2017. Белгород, 2017. С. 379–384.

2. Византийский клуб в Белгороде // Классическая и византийская традиция. 2017. Белгород, 2017. С. 483–487.

С.А. Ткаченко

1. Коптская церковь под властью арабов // Классическая и византийская традиция. 2017. Белгород, 2017. С. 389–392.

В.Ю. Скирченко

1. Период новых дворцов Крита: причина отсутствия дворцовых укреплений // Классическая и византийская традиция. 2017. Белгород, 2017. С. 5–8.

Доклады на научных конференциях 2017 г.

Художественная литература по истории

Бабаян С.В., Плужник С.В., Балацюк Е.С., Богданов Д.Е., Кириллов В.М., Дорохов М.И., Бузанаков Ю.В., Лопатина М.Ю., Руднева М.А.

Молодежь – науке (Псков)

Бузанаков Ю.В., Бузанакова О.В., Кривко Н.О., Руднева М.А., Родина Е.О., Лопатина М.Ю., Сподина В.А., Бабаян С.В., Кириллов В.М., Радченко К.А.

Археологический сезон

Кириллов В.М., Жукова Н.В.

Белгородский диалог

Кириллов В.М. – 2, Бабаян С.В. – 2, Ахтырцева А.Г., Балацюк Е.С., Бавтрукович В.О., Бузанаков Ю.В., Бузанакова О.В., Лопатина М.Ю., Манохин Я.В., Родина Е.О., Руднева М.А., Жукова Н.В., Кушнир А.С., Гречухина А.А., Гудов Д.С., Дорохов М.И., Кривко Н.О., Кушниров В.П., Плужник С.В., Рамбаусик Д.В., Третьякова Н.Е.

Каразинские чтения (Харьков, Украина)

Балацюк Е.С., Бузанакова О.В., Гречухина А.А., Дорохов М.И., Лопатина М.Ю., Синица М.М.

Мой мир – моя история

Ахтырцева А.Г., Бабаян С.В., Бузанаков Ю.В., Бузанакова О.В., Дорохов М.И., Кириллов В.М., Кривко Н.О., Кушниров В.П., Лопатина М.Ю., Рамбаусик Д.В., Родина Е.О., Руднева М.А., Ткаченко С.А.

Классическая и византийская традиция 2017

Скирченко В.Ю., Жукова Н.В., Лукашевич Е.А., Бабаян С.В., Кушнир А.С., Гречухина А.А., Суслов Ф.В., Пасишник Д.В., Балацюк Е.С., Синица М.М., Радченко К.А., Гущин Е.В., Шелудченко Ю.В., Кривко Н.О., Нестеренко Т.А., Гринева А.Н.. Сапожникова М.Г., Бузанаков Ю.В., Манохин Я.В., Мишенина М.В., Ахтырцева А.Г., Дорохов М.И., Минаев Е.С., Лопатина М.Ю., Бавтрукович В.О., Кушниров В.П., Плужник С.В., Третьякова Н.Е., Родина Е.О., Богданов Д.Е., Кротов А.О., Кириллов В.М., Рамбаусик Д.В., Ткаченко С.А., Журавлева Т.Н.

Митрофановские чтения (Борисоглебск)

Синица М.М., Кириллов В.М., Манохин Я.В.

Путешествие в античность

Третьякова Н.Е., Кривко Н.О.

Славные даты – 2017

Арисланов Б.С., Дорохов М.И., Кириллов В.М., Кушниров В.П., Лихошерстов В.А., Рамбаусик Д.В., Скирченко В.Ю., Ткаченко С.А., Бабаян С.В.

Ноябрьские чтения (Минск, Беларусь)

Радченко К.А.

Карамзинские чтения

Кириллов В.М., Сапожникова М.Г., Бабаян С.В., Ткаченко С.А., Присяч А.В.

АНТИЧНЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОТРЯДЫ БЕЛГУ в 2018 Г.

С.А. Ткаченко, Н.В. Жукова (Белгород)

10 июля 2018 г. группа студентов, магистрантов и аспирантов кафедры всеобщей истории, членов проблемной группы «Классическая и византийская традиция» вновь приехала на наше самое родное и любимое место у Черного моря – Китейское городище.

Это был 49-й год Китейской экспедиции, начиная с момента ее создания в 1970 г. В этом году обстоятельства сложились так, что начальник экспедиции Евгений Александрович Молев (ННГУ) не смог приехать, поэтому главной задачей сезона стала очистка раскопов, их частичная консервация и подготовка к новому сезону.

Как уже не раз бывало в истории экспедиции, этот сезон мог оказаться последним. Но не оказался. Лагерь был разбит на прежнем месте – рыбацкой базе.

Первые дни стояла очень жаркая и влажная погода. В таких непростых условиях началась расчистка 1-го и 2-го раскопов от сезонной растительности, оплывшего грунта. Выпавшие из кладок камни предстояло поднять на место и отреставрировать. Особенно сложной оказалась ситуация на раскопе 1, где основные работы велись в 2010–2011 гг. Часть крупных камней из кладки юго-западного фаса оборонительной стены остались ждать лучших времен.

Через несколько дней мы приступили к расчистке 4-го раскопа, где велись основные работы в 2016–2017 гг.[1], давшие замечательные

---

[1] О работах 2016 г. см.: *Молев Е.А.* Некоторые итоги раскопок города Китея в 2016 г. // Культурный слой: Сборник научных статей. Выпуск 5. Нижний Новгород: ННГУ, 2018. С. 91-162.

находки. Зимняя непогода и дожди несколько испортили вид наших последних квадратов, но порядок был полностью восстановлен.

И, наконец, мы заглянули на 3-й раскоп – северная оборонительная стена с воротами, куда давно уже не заглядывали китейцы, так как рядом расположился лагерь экспедиции Государственного Эрмитажа. Здесь удалось частично укрепить пришедшие в упадок участки стен предвратной башни и расчистить раскопы рубежа 80–90-х гг.

В целом сезон, несмотря на некоторую укороченность по срокам, прошел в полном соответствии с китейскими традициями. Работу в должный срок сменял отдых – праздники (день Сломанной лопаты и праздник Посейдона) и выходные в Керчи.

Сезон выполнил еще одну важную миссию – в наши ряды влились новые поколения студентов младших курсов, новые друзья из нашей летней школы византологии, а также старшеклассники – ученики членов экспедиции. На празднике Посейдона все новички, пройдя положенные испытания и обряды, были приняты в члены китейской общины. Сезон 2018 – не стал постскриптумом к долгой истории экспедиции.

Состав отряда: Болгов Н.Н., Руднева Мария, Третьякова Наталья, Синица Марина, Винник Екатерина, Гринёва Ангелина, Родина Екатерина, Кириллов Владимир, Жукова Нина, Мишенина Марина, Васильев Александр, Пономарева Наталья, Журавлева Татьяна, Ткаченко Сергей, Скирченко Вячеслав, Мирошниченко Евгений (Санкт-Петербург), Ермак Елена (Санкт-Петербург), Макарова Кристина, Московкин Николай, Пономарева Дарья.

***

В сезоне 2018 г. также состоялись работы двух отрядов в составе ВКАЭ (Белгородский отряд – Е.А. Семичева; отряд «Фратрия» – С.Н. Прокопенко). Как и в предыдущие годы, работы велись на традиционных объектах – Полянка и Золотое Восточное, соответственно.

В работе отрядов приняли участие студенты-практиканты 1 курса, старшекурсники, а также выпускники прошлых лет (Белгородский отряд ВКАЭ: М. Шевцов, А. Купина, Т. Метелева, С. Зыбарева, А. Зубков; «Фратрия»: Т. Стальниченко, К. Сергиенко, В. Жуковская, Д. Худышева).

В сезоне 2019 г. работы в Крыму обязательно будут продолжены.

II ВСЕРОССИЙСКАЯ ЛЕТНЯЯ ШКОЛА ПО ВИЗАНТОЛОГИИ В БЕЛГУ

А.Г. Ахтырцева, Е.С. Балацюк,
Н.В. Жукова (Белгород)

С 14 по 18 августа 2018 г. на базе ОЗК «Нежеголь» состоялась II всероссийская летняя школа по византологии.

В летней школе приняли участие аспиранты и студенты из Белгорода, Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Омска, Тулы. Специалисты-византологи провели научные мероприятия, семинары и мастер-классы, посвященные изучению письменных источников, археологических памятников, особенностям греческого языка византийского времени, трансформации позднеантичного мира в средневековый.

Модераторами выступили ведущие учёные исторического факультета МГУ М.В. Грацианский и П.В. Кузенков. В ходе семинарских занятий рассматриваются вопросы экономики, политического развития, церковно-исторической традиции регионов и народов Византии, а также освещение истории этого государства в медийном пространстве.

Летняя школа по византологии – второй в России проект после НИУ ВШЭ и первый, который приобрёл регулярность и периодичность.

Созданная на базе НИУ «БелГУ» в рамках научного направления «Классическая и византийская традиция» школа по византологии предназначена для молодых учёных, которых интересует актуальная проблематика истории и культуры Византии – тысячелетней христианской империи на стыке Запада и Востока, построенной на основе римского права и политической традиции, городского самоуправления, впитавшей основы греческой культуры и образования, которая является непосредственным цивилизационным предшественником Руси.

Как отметил ведущий научный сотрудник исторического факультета МГУ М.В. Грацианский, византиноведение существует как научная дисциплина только в Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге и в Белгороде.

– Школа византологов в НИУ «БелГУ» – прекрасный научный проект, благодаря которому молодые учёные изучают византийское наследие для того, чтобы выявить и подчеркнуть параллели с нашей современной жизнью. До сих пор у нас в разной форме существуют элементы византийской культуры. Это, в первую очередь, религия. Наша политическая система несет в себе очень многие византийские черты. Нельзя отрицать того факта, что Византия на всем протяжении её истории является для нас чрезвычайно важным и богатым

материалом, на основе которого мы делаем множество наблюдений и выводов, пригодных и полезных нам, – отметил учёный.

Участники летней школы находят политические или экономические параллели между Византией и Россией, делают выводы, предлагают свои интеллектуальные идеи. Посетивший второй раз школу византологов аспирант института истории Санкт-Петербургского государственного университета Евгений Мирошниченко определил её как своеобразную «академию Платона», где досуг помогает росту интеллекта и культуры, обмену мнениями, коммуникации. Евгений изучает позднеантичную и ранневизантийскую эпистолографию.

– Сейчас культура письма, можно сказать, заархивирована – этому способствуют социальные сети, смс сообщения. А между тем, письма помогают развивать мыслительную деятельность, умение вести диалог. В наше время мало кто умеет писать посты или тексты, в основном все делается интуитивно. В Византии же была развита целая культура написания писем: особенное начало, система обращений, специальные слова и формулы, зависящие от ситуации. Хорошо написанное письмо зачитывалось публике, критиковалось, а потом отправлялось на публикацию в качестве образца писем. Письмо было произведением искусства, – поделился своими наблюдениями молодой учёный.

Аспирант второго года обучения НИУ БелГУ Мария Руднева отметила, что роль летней школы в том, что она даёт возможность пообщаться со специалистами по византологии из различных городов.

– Всегда приятно увидеть своих коллег, узнать, чем они занимаются, открыть для себя что-то новое. Это служит огромной мотивацией для дальнейших исследований. И особенно приятно, что именно Белгородский госуниверситет является той площадкой, которая объединят ведущих специалистов-византологов со всей страны, – отметила Мария.

Представительница Уральского федерального университета (Екатеринбург), молодой преподаватель Наталья Жигалова уже не в первый раз посетила Беелгородский государственный университет – в 2016 г. ей довелось принимать участие во Всероссийской научной сессии византинистов. По ее мнению, такие мероприятия, как школа по византологии, ценны тем, что позволяют увидеть взаимосвязь между прошлым, настоящим и будущим, раскрывают совершенно новые горизонты, с которыми исследователи не сталкиваются в своей научной деятельности.

Роль византийской традиции сегодня трудно переоценить в поисках историко-культурной идентичности России и её места в мире. В

этом же направлении работает и «Византийский клуб», созданный в НИУ «БелГУ» в 2016 г. тем же коллективом участников.

По итогам летней школы запланирован выпуск сборника научных статей «Эргастирий» и Альманах «Византийского клуба».

III ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА В АРМЕНИИ (2018)

С.А. Ткаченко, А.А. Чаплыгина,
М.Г. Сапожникова (Белгород)

С 7 по 18 сентября 2018 г. семь человек – студенты и преподаватели Педагогического института НИУ «БелГУ», представлявшие научное направление «Классическая и византийская традиция», – стали участниками III историко-археологической школы в Республике Армения.

Белгородцы посетили главные музеи Армении: Национальную галерею, в которой можно найти предметы искусства античного мира, картины известных ренессансных и русских художников, передвижников, авангардистов; Исторический музей, рассказывающий обо всех этапах истории Армении – от древности до новейшего времени; дом-музей кинорежиссера и художника Сергея Параджанова; Цицернакаберд – Музей геноцида армян, Матенадаран – музей книжной культуры Армении, мемориал Мусалерской битвы 1918 г.

Для студентов-историков поездка стала уникальной возможностью получить представление о развитии и смене культур от бронзового века (Мецамор) и Древнего Востока (Эребуни) до античности (Гарни) и средневековья (Эчмиадзин, Звартноц, Гегард). Осмотр территории трех городищ (Мецамор, Арташат, Двин) помог создать представление о масштабах археологических раскопок в этой стране.

За шесть дней представители университета увидели большое количество памятников древней и средневековой Армении, которые поражают своей историей, величием и архитектурным стилем:

• Кечарис – монастырь XI в. в городе Цахкадзор. Состоит из четырех церквей, двух часовен, а также древнего кладбища с хачкарами (каменными надгробиями) XII–XIII вв. Памятник относится к традиционной армянской архитектуре.

• Храм в Гарни – древний эллинистический храм I в. н.э., который был разрушен в результате землетрясения и восстановлен в XX в. Возле храма сохранились остатки древней крепости, царского дворца и бани, а также открывается замечательный вид на «музыкальную» гору.

• Гегард – монастырский комплекс IV-XIII вв., который расположен в 40 км к юго-востоку от Еревана. Название монастырского комплекса происходит от копья Лонгина, которым пронзили тело Иисуса Христа на Кресте. Часть храмов выдолблены внутри скал.

• Севанаванк – монастырь IX в., расположенный на полуострове Севан, на котором открывается невероятный вид на одноименное озеро.

• Эребуни – город государства Урарту, который был построен в VIII в. до н.э. На данный момент сохранились мощные стены крепости и фундамент построек внутри города. При памятнике работает интересный музей, в котором хранятся предметы быта жителей города и множество базальтовых камней, покрытых клинописью.

• Эчмиадзинский собор – главный храм Армянской апостольской церкви, престол Верховного Патриарха Католикоса всех Армян.

• Звартноц – храм середины VII в., является ярчайшим примером раннесредневековой армянской архитектуры, содержит в своем стиле множество восточных черт. К сожалению, храм дошел до нас в виде руин, сохранив только нижний ярус.

• Мецамор – древнейшее городище, культурные слои которого датируются еще ранним бронзовым веком. На территории памятника находились крупные медеплавильни.

• Двин – древний город, который был столицей Армении с V по IX вв. Имеет богатую и интересную историю, которую омрачили притеснения завоевателей и частые землетрясения. Сохранились руины величественного Двинского собора.

• Хор Вирап – монастырь на месте столицы Армении римского времени Арташата с храмом VII в., название которого переводится как «глубокая темница», поскольку, согласно преданию, армянский царь Трдат III содержал здесь в заточении св. Григория Просветителя 13 лет. С вершины монастырского комплекса открывается прекрасный вид на Арарат.

Город Ереван подарил нам незабываемый Каскад, площадь поющих фонтанов, шедевры местной кухни, изобилие фруктов и цветов, а также тепло местных жителей.

Подводя итог, хотелось бы сказать, что студенты-историки получили на одной небольшой территории представление о развитии и смене культур от бронзового века (Мецамор) и Древнего Востока (Урарту – Эребуни) до античности (Гарни) и средневековья (Эчмиадзин, Звартноц, Гегард). Осмотр территории трех городищ (Мецамор, Арташат, Двин) помог создать представление о масштабах археологических раскопок в республике. Такой насыщенности памятников нет почти нигде в мире. Каждый из нас полюбил эту прекрасную

страну, которая захватила наши сердца своей чудесной природой, гостеприимством местного населения и богатой и интересной историей.

Состав группы: Ткаченко Сергей, Журавлева Татьяна, Сапожникова Мария, Чаплыгина Алиса, Лихошерстов Вячеслав, Петрикова Анна. Руководитель группы – Н.Н. Болгов.

БЕЛГОРОДЦЫ НА ОСТРОВЕ АФРОДИТЫ (I ЛЕТНЯЯ ШКОЛА НА КИПРЕ, 2018)

М.А. Руднева, С.В. Бабаян, Н.О. Кривко (Белгород)

Преподаватели, магистранты и аспиранты НИУ «БелГУ»[1] в период с 21 по 28 сентября 2018 г. прошли стажировку в рамках I летней историко-археологической школы в Республике Кипр.

Международная программа «Antiquity and the Middle Ages in the cultural and historical heritage of Cyprus» была организована Белгородским государственным национальным исследовательским университетом совместно с научно-координационным центром Гносис (Gnosis Scientific Coordination Centre), директор д-р Амалия Утамиши, и Фондом архивов Ларнаки Фавоса Ставридеса (Phivos Stavrides Fondation-Larnaca Archives), директор Йосиф Хаджикириакос. Российскую сторону школы представляли Николай Николаевич Болгов (д.и.н., проф., зав. кафедрой всеобщей истории НИУ «БелГУ») и координатор программы Елена Викторовна Литовченко (к.и.н., доц. кафедры всеобщей истории НИУ «БелГУ»).

Программа стажировки включала в себя лекции, дискуссии, посещения историко-археологических объектов. По результатам обучения участники получили соответствующие сертификаты.

Культурно-историческое наследие Кипра охватывает почти десять тысячелетий и предоставляет богатейший материал для исторических исследований. При посещении разноплановых памятников группу сопровождали профессиональные историки, специализирующиеся на изучаемом объекте.

Огромную роль в развитии данного вида сотрудничества играет православие, сближающее киприотов с русскими людьми.

В аэропорту Ларнаки гостей из России встретила Dr. Амалия Утамиши (директор научно-координационного центра Гносис), кото-

---

[1] При участии аспирантов Тульского госпедуниверситета им. Л.Н. Толстого.

рая выступала в качестве координатора реализации программы на протяжении всего пребывания российской группы на Кипре. Она поприветствовала участников группы и сопроводила к месту размещения.

Научная составляющая программы началась с вводной лекции Dr. Иосифа Хаджикириакоса (директор Фонда Фавоса Ставридеса – Ларнакских архивов). Иосиф обозначил основные периоды в развитии истории Кипра и их отражение в материальной культуре. В напутственном слове Иосиф выразил важную мысль, что предметы материального мира являются прежде всего продуктом человеческого мышления, в них, как в зеркале, отражается нематериальная культура их создателей.

Стажировка включила в себя посещение разноплановых памятников как в культурном, так и в хронологическом отношениях. Группу сопровождали профессиональные историки, специализирующиеся на изучаемом объекте.

Первые следы цивилизации на Кипре относятся к эпохе неолита. Участникам стажировки удалось посетить неолитическое поселение под названием Хирокития, достигшее своего расцвета в VII тыс. до н.э. Памятник характеризуется внушительными постройками. Главным свидетельством организованного труда человека является мощная стена, окружавшая поселение. Население проживало в круглых домах, в них же, под полом дома хоронили умерших, что символизировало неразрывную связь человека с обществом даже после смерти.

Кипр это одно из немногочисленных мест, где находятся прекрасно сохранившиеся археологические комплексы античного времени. Одним из крупнейших памятников является Курион – античный город-государство. Здесь сохранились многочисленные архитектурные ансамбли: общественные и частные постройки, стоя, агора, термы, дом гладиаторов, базилика и др. Наиболее выразительным строением является роскошный театр с видом на Средиземное море. За долгую историю своего существования он неоднократно подвергался разрушениям, в том числе в ходе крупнейшего землетрясения 365 г. Сегодня театр, вмещавший около трёх тысяч зрителей, реконструирован. Здесь ставят античные спектакли, современные постановки и концерты.

Недалеко от Куриона находился храм Аполлона Элатиса, куда приходили мужчины в надежде на покровительство античного бога, молились и приносили дары в виде статуэток животных. Рядом располагалась палестра, где юноши совершенствовали физическую форму.

Не менее масштабным является археологический комплекс города Пафос, а также его некрополь под названием Гробницы царей. Главной гордостью Пафоса являются прекрасно сохранившиеся мозаики, изображающие сюжеты древнегреческих мифов. Интересно, что

подобные мозаики вполне находили место даже после распространения христианства. Утратив сакральный смысл, они сохранили эстетическое значение. Также удалось посмотреть комплекс «Гробницы царей» Пафоса.

Материальная культура Кипра широко представлена в археологическом музее столицы Республики Кипр – Никосии. Здесь находятся богатые коллекции артефактов эпохи неолита, бронзового века, эллинистического и римского времени.

Огромную роль в государстве с момента принятия и по настоящее время играет православие. В ходе стажировки удалось посетить монастыри в Троодосе – Лампадистас, а также один из трёх крупнейших монастырей Кипра – Махерас. Настоятель этого монастыря особенно тепло встретил российскую группу. Он отметил ментальную близость наших народов. Участники стажировки получили памятные подарки и благословение архиерея.

С уникальным колоритом церковной архитектуры острова удалось познакомиться на примере храмов Ангелоктисти и святого Лазаря в Ларнаке.

Богатейшая коллекция церковной иконописи находится в музее Византийской иконы, основанном первым президентом Кипра – архиепископом Макариосом III.

Получить представление о народных ремёслах участники стажировки смогли в Центре прикладного искусства и Лефкаре – деревне мастеров.

Руководители группы выразили признательность представителям принимающей стороны за тёплый приём, высокий научный и организационный уровень стажировки.

Программа дала возможность в полной мере насладиться богатым и многогранным культурно-историческим наследием Кипра, а красота природы острова, солнечная погода, Средиземное море стали приятным дополнением, позволившим совершить путешествие в лучшее время года.

На заключительном заседании участники и организаторы программы поделились своими впечатлениями и обсудили перспективы сотрудничества. В качестве таковых предполагается активное участие историков-византинистов Кипра в заседаниях Белгородского отделения Византийского клуба, членство руководителей программы в международном центре исторических исследований проблем соседства и идентичности (International Academic Center of Neighborhood & Identity Studies), функционирующего на базе НИУ «БелГУ», участие представителей России и Кипра в научных мероприятиях разного уровня, организованных обеими сторонами, обмен научными публикациями.

Научное издание

КЛАССИЧЕСКАЯ И ВИЗАНТИЙСКАЯ ТРАДИЦИЯ. 2018

Сборник материалов XII научной конференции

Публикуется в авторской редакции
Оригинал-макет: В.С. Берегова
Выпускающий редактор: Л.П. Котенко

Оригинал-макет подписан 26.12.2018. Формат 60×90/16
Гарнитура Times New Roman. Усл. п. л. 29,5. Тираж 100 экз. Заказ 358.
Оригинал-макет подготовлен и тиражирован в ИД «Белгород» НИУ «БелГУ»
308015 г. Белгород, ул. Победы, 85. Тел.: 30-14-48